Пр. 2010

878058

В. Б.

Ю. Китицкій.

М. А. Протопоповъ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

М. А. Протопоповъ.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

I. В. Г. Бѣлинскій. — II. Левъ Толстой. — III. Н. В. Шелгуновъ.—IV. Всеволодъ Гаршинъ.—V. С. Т. Аксаковъ.—VI. А. М. Жемчужниковъ. — VII. Глѣбъ Успенскій. — VIII. Ѳ. М. Рѣшетниковъ. — IX. Н. Н. Златовратскій.—X. Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1896.

8Р
П 837

1.3

Научная библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

878058

Статьи, вошедшія въ составъ настоящаго тома, выбраны мною на основаніи чисто формальнаго признака: всѣ онѣ написаны о писателяхъ, уже заключившихъ свою литературную дѣятельность. Я печатаю эти статьи безъ всякихъ измѣненій—не потому чтобы былъ удовлетворенъ ими—я ими очень мало удовлетворенъ—а потому, что подвергать ихъ переработкѣ у меня нѣтъ ни времени, ни желанія. Кромѣ того, эта переработка могла бы относиться только къ внѣшнему изложенію,—къ упорядоченію языка, къ исключенію кое-какихъ полемическихъ мѣстъ, потерявшихъ свой raison d'être, къ смягченію общаго, быть можетъ, слишкомъ запальчиваго тона и т. п. Все это, конечно, дѣло второстепенное или даже третьестепенное. Духъ, направленіе, внутренній смыслъ моихъ работъ и послѣ самой коренной переработки остались бы тѣ же самые—а это все или почти все.

М. Протопоповъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.

I.

Введеніе.

«Чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ больше начинаешь любить собакъ». Не нужно быть завзятымъ пессимистомъ, чтобы усмотрѣть въ этомъ горько-шутливомъ изреченіи значительную долю правды. Поэтъ былъ, разумѣется, не правъ, когда говорилъ, что «кто жилъ и мыслилъ—тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей». Но съ другой стороны несомнѣнно, что и теперь, и прежде «жить» значитъ разочаровываться, а «мыслить» значитъ все яснѣе и яснѣе сознавать страшную многосложность жизни и, какъ результатъ этой многосложности, убійственную медлительность и затруднительность нашего развитія.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій, которое можетъ постичь человѣка,—это разочарованіе въ нравственныхъ свойствахъ тѣхъ людей, которыхъ онъ привыкъ уважать и любить за ихъ умственныя качества. «Можно быть честнымъ дѣятелемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ»—этотъ софизмъ можно доказывать самыми разнообразными аргументами (какъ это и бывало между прочимъ въ нашей журналистикѣ), но онъ навсегда останется только софизмомъ, т. е. ловкой фальсификаціей истины, дешевой ея имитаціей. Противъ него протестуетъ наше непосредственное нравственное чувство. Нѣтъ, кто не живетъ такъ, какъ самъ учитъ жить, для кого *слыть* важнѣе, чѣмъ *быть*, у кого слово расходится съ дѣломъ — тотъ не можетъ быть настоящимъ крупнымъ дѣятелемъ уже по одному тому, что его личность и его жизнь являются аргументомъ противъ его идей, противъ силы и жизненности его ученія. «Учителю, очистися самъ»—это элементарное соображеніе тысячи лѣтъ существуетъ и еще тысячи лѣтъ просуществуетъ, ни на волосъ не утративши своей

силы, потому что оно въ одно и то же время продуктъ и простого здраваго смысла, и естественнаго человѣческаго инстинкта. Каждое ученіе, имѣющее хотя бы только посредственное и отдаленное отношеніе къ нашему нравственному міру, непремѣнно ставитъ тотъ или другой *идеалъ*, а всякій идеалъ влечетъ за собою *обязанности*, между которыми простѣйшей, первѣйшей и очевиднѣйшей является обязанность служить этому идеалу.

Сферы человѣческой дѣятельности въ высшей степени разнообразны и, конечно, между ними нетрудно указать такія, къ которымъ было бы напрасно прилагать нравственные критеріи. Какое дѣло, напр., до человѣческой личности Эдиссона? Что общаго между нравственностью и электрическимъ фонаремъ? Или какимъ образомъ фонографъ можетъ вызвать съ нашей стороны извѣстныя надежды и нравственныя требованія по отношенію къ его изобрѣтателю? Тѣмъ не менѣе почитателямъ Эдиссона, конечно, было, напр., пріятно узнать, что онъ съ негодованіемъ отвергъ просьбу сѣверо-американскаго правительства — найти удобнѣйшій способъ смертной казни посредствомъ электричества. Законы органической жизни, раскрытые Дарвиномъ, относятся не къ этикѣ, а къ біологіи, и дарвинизмъ, какъ *любая чисто научная теорія*, лишенъ рѣшительно всякаго субъективнаго нравственнаго элемента, но все таки намъ пріятно было убѣдиться, что личныя нравственныя качества этой теоріи вполнѣ соотвѣтствуютъ его высокой умственной силѣ. Называйте какъ хотите это чувство или этотъ инстинктъ, — чувствомъ нравственной симметріи или инстинктомъ нравственной красоты, но фактъ тотъ, что это чувство живетъ въ насъ и только въ силу его насъ печалитъ и отвращаетъ безобразное соединеніе въ одномъ и томъ же человѣкѣ высокихъ достоинствъ ума съ дурными свойствами сердца. Но мы выбирали примѣры, такъ сказать, нейтральные, безразличные, такіе, въ которыхъ талантъ или геній человѣка слагался изъ спеціальныхъ, чисто умственныхъ, мозговыхъ способностей и силъ. Сколько бы мы ни собрали еще примѣровъ той же категоріи — они все таки будутъ представлять собою не болѣе какъ исключеніе, а общее правило состоитъ въ томъ, что духовная дѣятельность человѣка направляется къ воздѣйствію одновременно и на наши идеи и на наши чувства, на нашъ умъ и на нашу нравственность. Во всѣхъ этихъ безчисленныхъ случаяхъ фарисейскій принципъ «можно быть честнымъ дѣя-

телемъ, не будучи честнымъ человѣкомъ» подвергается самому безпощадному разоблаченію и осужденію. Кто повѣритъ рабовладѣльцу и работорговцу, декламирующему противъ рабства? Цѣломудріе—вещь прекрасная; но проповѣдь цѣломудрія, исходящая отъ человѣка, всласть «пожившаго», звучитъ ложью и ироніей. «Патріотъ», не находящій достаточно сильныхъ словъ для прославленія прекрасныхъ качествъ своего народа и въ то же время усиленно рекомендующій всякаго рода ежевыя рукавицы по отношенію къ этому самому народу—не можетъ возбуждать въ насъ ничего кромѣ негодованія и отвращенія. Человѣкъ, построившій свое благосостояніе ловкой эксплуатаціей чужого труда и въ то-же время возстающій противъ принциповъ капитализма, конечно, не привлечетъ къ себѣ умовъ и сердецъ, жаждущихъ справедливости. Проповѣдникъ, указывающій на бренность и ничтожность всѣхъ земныхъ благъ и въ то-же время напрягающій всѣ свои способности для достиженія именно этихъ будто бы презираемыхъ имъ благъ, только самыхъ наивныхъ людей увлечетъ своею проповѣдью. И не въ томъ главная сущность дѣла, что всѣ эти люди и дѣятели, противорѣча своими поступками своимъ словамъ, подрываютъ довѣріе къ своей личности, къ своей искренности и убѣжденности, а въ томъ, что они вредятъ своимъ ученіямъ, роняютъ достоинство тѣхъ идей, которыя они берутся защищать. Истина—сама себѣ цѣль, а они превращаютъ ее въ средство; идея, теорія, доктрина, преисполненная быть можетъ глубочайшаго смысла и огромнаго значенія, являются въ ихъ рукахъ только жалкими ширмами, подъ защитою которыхъ не дѣла дѣлаются, а дѣлишки обдѣлываются. Хороши идеи, если подъ ихъ флагомъ можно провозить какой угодно товаръ! Хороши идеалы, если на практикѣ ихъ назначеніе сводится къ тому, чтобы отводить наивнымъ людямъ глаза! Хороша истина, если ею можно торговать «распивочно и на выносъ»! Вотъ заключенія, къ которымъ рано или поздно приводитъ «честная» дѣятельность какого нибудь фарисея,—заключенія въ логическомъ смыслѣ совершенно невѣрныя, но въ нравственномъ отношеніи почти неизбѣжныя и во всякомъ случаѣ вполнѣ естественныя. По адептамъ судятъ объ ученіи, и разочарованіе въ личности дѣятеля ведетъ къ разочарованію въ его идеѣ. Это, конечно, не логика разума, но это логика жизни, и въ этой логикѣ есть свой серьезный смыслъ. Да, искренній и безкорыстный обскурантъ менѣе вреденъ, нежели просвѣщен-

ный тартюфъ, которому свѣтъ дорогъ не потому, что онъ свѣтъ, а потому, что, по времени и обстоятельствамъ,

съ либеральнаго
Направленія больше барышъ,
Нежели съ мѣста квартальнаго.

Писателямъ болѣе, чѣмъ кому либо, необходимо возможно полное согласованіе своихъ словъ съ своею жизнью. Для писателя, для человѣка, обладающаго безцѣнной привиллегіей обращаться сразу къ тысячамъ и къ десяткамъ тысячъ слушателей, и рискованно, и преступно выступать съ какими бы то ни было иными цѣлями, кромѣ цѣли передать добытыя имъ крупицы истины и добра. Сила писателя въ талантѣ, но сила таланта прежде всего въ искренности. Безъ компромиссовъ, безъ досадныхъ и унизительныхъ уступокъ не проживешь на этомъ свѣтѣ; но отсюда еще слишкомъ далеко до лицемѣрія, до отрицанія на практикѣ того, чему вѣришь и что исповѣдуешь въ теоріи. Почему читатели всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ интересуются даже мелкими и интимными подробностями жизни любимыхъ писателей? Конечно, не въ силу только одного праздпаго любопытства, а въ силу сознательнаго или инстинктивнаго желанія въ живомъ примѣрѣ ихъ жизни почерпнуть новое и сильнѣйшее доказательство жизненности и истинности ихъ ученія. И благо тому писателю, который можетъ безбоязненно предстать на этотъ послѣдній судъ, чьи труды были не дѣломъ карьеры, а дѣломъ жизни, чьи произведенія—не красивыя «словеса лукавствія», а выраженіе *убѣжденія*, т. е. не только вѣры, но и знанія—и не только знанія, но и вѣры. Пусть триста лѣтъ посмертной славы можно отдать за хорошее пищевареніе и пусть также «мертвые срама не имутъ». Но если живой будетъ предчувствовать, что его, хотя бы уже и мертваго, непремѣнно постигнетъ «срамъ» изобличенія; если писатель, въ тайникахъ своей совѣсти, будетъ сознавать что онъ заслуживаетъ не славы, а безславія—то это уже достаточное возмездіе, и наше чувство справедливости можетъ считать себя удовлетвореннымъ.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.

Судъ общественнаго мнѣнія, также какъ и судъ исторіи, также какъ и судъ совѣсти, не налагаютъ никакихъ формальныхъ каръ, но они страшнѣе суда уголовнаго для людей, не окончательно утратившихъ всякое нравственное чувство.

Къ своей теперешней задачѣ мы приступаемъ съ совершенно легкимъ сердцемъ. Мы своимъ разсказомъ не убьемъ въ читателѣ ни одного благороднаго вѣрованія; ни горечи, ни разочарованія не испытаетъ онъ, познакомившись съ нравственной личностью нашего знаменитаго критика. Наоборотъ: это одно изъ тѣхъ созерцаній, которыя освѣжаютъ душу и укрѣпляютъ вѣру,—вѣру въ человѣка и его достоинство. Безгрѣшенъ только Богъ, но и между людьми есть праведники, безъ которыхъ земля не стояла бы, и Бѣлинскій былъ однимъ изъ нихъ—это мы заявляемъ съ перваго же шага и безъ малѣйшихъ сомнѣній. Не литературныя симпатіи, не благодарныя и почтительныя чувства ученика къ учителю одушевляютъ насъ,—этого было бы мало—а именно гордость и радость за человѣческую природу, которая въ лучшихъ своихъ образцахъ представляется намъ почти на высотѣ идеала. Если намъ, какъ Гамлету, можетъ быть временами дѣйствительно «страшно за человѣка», тѣмъ должны быть дороже для насъ тѣ рѣдкіе случаи, когда за человѣка утѣшительно и радостно. Жизнь Бѣлинскаго полна увлеченій, ошибокъ, заблужденій и иногда даже паденій, но именно о людяхъ этого типа и сказано, что имъ многое простится, потому что они возлюбили много. Не отъ равнодушія къ истинѣ, а наоборотъ, отъ слишкомъ страстной и нетерпѣливой жажды ея проистекали эти ошибки. Ни чувствовать, ни мыслить вполовину Бѣлинскій не умѣлъ и не могъ. Его умъ былъ слишкомъ силенъ и дѣятеленъ для того, чтобы ограничиться пассивнымъ воспріятіемъ идей, представлявшихся ему истинными, безъ попытки самостоятельно развить и расширить эти идеи, а чувство слишкомъ искренно и пламенно, чтобы устрашиться какихъ бы то ни было логическихъ результатовъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша» (по прекрасному выраженію Некрасова), онъ шелъ всегда впередъ и вотъ почему одинъ невѣрный шагъ въ сторону отъ прямого пути заводилъ его въ глухія трущобы, куда за нимъ никто не осмѣливался слѣдовать. Съ проклятіями своему мнимому «невѣжеству», съ ожесточеніемъ противъ самого себя, онъ возвращался изъ этихъ трущобъ мысли, опять и опять принимался за свой трудъ піонера и кончилъ не унынiемъ, не отчая-

ніемъ, не паденіемъ, а тѣмъ, что овладѣлъ желаннымъ талисманомъ,—

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.

Такія исканія не напрасны, *такія* заблужденія не суть заблужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, они—тѣ искупительныя жертвоприношенія, которыхъ, по слову поэта, проситъ судьба, потому что «даромъ ничто не дается».

«Что есть истина»? Мы знаемъ глубочайшій отвѣтъ, который послѣдовалъ на этотъ ироническій вопросъ. Да, не въ какой нибудь отвлеченной формулѣ выражается истина, а въ живой человѣческой личности, въ ея стремленіи къ добру, въ ея любви къ себѣ подобнымъ, въ ея готовности грѣхи нашего незнанія, нашей ограниченности и нашего равнодушія искупить цѣною собственнаго страданія. Проходятъ эпохи и поколѣнія, мѣняются задачи, лозунги и знамена, падаютъ устарѣвшіе идеалы и выдвигаются новые — но въ этомъ процессѣ смѣны относительныхъ понятій и временныхъ задачъ есть нѣчто абсолютное и непреходящее. Умираютъ личности, но живетъ человѣчество; тускнѣютъ и выдыхаются идеи, но блещетъ вѣчнымъ свѣтомъ истина; падаютъ идеалы, но не исчезаетъ стремленіе къ идеальному. Какъ жизнь заключается въ процессѣ жизни, такъ истина заключается въ процессѣ ея раскрытія. Кто подвигаетъ людей на работу общую, кто своимъ примѣромъ, своею жизнью, своими идеями вызываетъ въ насъ дѣятельность ума и чувства—тотъ и есть достойный служитель истины, хотя бы прогрессирующая жизнь давно оставила за собою когда то живыя и широкія формы и пути его мысли.

Съ этой высшей и общей точки зрѣнія дѣятельность Бѣлинскаго, со всѣми ея уклоненіями, увлеченіями и переломами, стоитъ внѣ всякаго упрека. Но этого мало. Почти полвѣка прошло со времени смерти незабвеннаго писателя, но основная тема и основной тезисъ его литературно-критической дѣятельности до сихъ поръ сохранилъ свѣжесть самой животрепещущей современности. Фундаментальная идея воззрѣній Бѣлинскаго была формулирована имъ, напр., такимъ образомъ: «*никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою порокъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на*

вопросы времени или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній». Сказано, какъ отрублено. Это основное требованіе критики Бѣлинскаго выражено такъ категорически и формулировано такъ отчетливо, что рѣшительно не допускаетъ какихъ нибудь кривыхъ толкованій. Вся послѣдующая дѣятельность преемниковъ Бѣлинскаго, имена которыхъ и называть не нужно, была не инымъ чѣмъ, какъ развитіемъ этого принципа, въ примѣненіи, конечно, къ текущимъ литературнымъ явленіямъ. Само собой разумѣется, что значеніе этого принципа отнюдь не эстетическое и даже не чисто литературное, а строго и непосредственно общественное: приглашать поэзію не чуждаться «вопросовъ времени» значитъ, въ сущности, призывать къ этому само общество, а это въ свою очередь значитъ развивать въ немъ сознаніе солидарности, будить въ немъ тотъ духъ общественности, безъ котораго нѣтъ ни прогресса, ни настоящей умственной жизни. Эстетика, какъ метафизика искусства, была для Бѣлинскаго не себѣ самой довлѣющей цѣлью, а довольно хорошимъ, за неимѣніемъ лучшаго, средствомъ.

И такъ, вотъ о комъ мы хотимъ разсказать читателю: не о мертвомъ, а о живомъ и даже до сихъ поръ передовомъ человѣкѣ. Жизнь Бѣлинскаго столько же бѣдна внѣшними событіями, сколько богата внутреннимъ содержаніемъ. Руссо сказалъ про себя, что онъ явится на страшный судъ, держа въ рукахъ свои «Confessions». Бѣлинскій можетъ явиться на тотъ судъ, не выбирая между своими произведеніями, ни отъ чего не отрекаясь, ничего не скрывая и не утаивая. Онъ писалъ, какъ думалъ и жилъ, какъ писалъ. Въ этой полнѣйшей искренности не только его оправданіе, но и его нравственная заслуга, помимо его умственныхъ подвиговъ. Какъ писатель—онъ училъ насъ мыслить; какъ человѣкъ—онъ учитъ любить мысль и довѣрять ей. Бѣлинскій былъ натура *альтруистическая*—вотъ краткое резюме всей совокупности его нравственныхъ свойствъ.

II.

Дѣтство Бѣлинскаго.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ Свеаборгѣ, въ маѣ или въ февралѣ (это обстоятельство остается неразъясненнымъ) 1810 года. Какъ очень многіе изъ русскихъ писателей, онъ происходилъ изъ духовнаго сословія: дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда,—откуда и фамилія Бѣлынскій, передѣланная въ «Бѣлинскій» нашимъ критикомъ. «Въ жилахъ Бѣлинскаго, по замѣчанію Тургенева, текла безпримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы». Дѣдъ Бѣлинскаго — о. Никифоръ — былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, нисколько не отвѣчавшій обычному типу сельскаго священника того времени (какъ, впрочемъ, и нашего): онъ велъ уединенный и аскетическій образъ жизни, и память о немъ сохранялась въ семьѣ, какъ о праведникѣ. Совершенно въ другомъ родѣ, но не въ меньшей степени былъ замѣчателенъ и отецъ Бѣлинскаго—Григорій Никифоровичъ. Онъ кончилъ курсъ въ Петербургской медицинской академіи и служилъ лекаремъ во флотскомъ экипажѣ, во время стоянки котораго въ Финляндіи у него и родился первенецъ-сынъ Виссаріонъ. Въ 1816 году онъ перешелъ на службу въ родную Пензенскую губ., а именно въ Чембаръ на должность уѣзднаго врача. Чѣмъ была наша провинція въ первой четверти текущаго столѣтія—это намъ хорошо извѣстно хотя бы по разнообразной коллекціи гоголевскихъ типовъ. Въ Чембарѣ разыгралось нѣчто вродѣ «Горе отъ ума» въ миніатюрѣ: Григ. Ник. Бѣлинскій былъ обвиненъ въ безбожіи, въ «вольтерьянствѣ» и долженъ былъ порвать съ уѣзднымъ обществомъ всѣ связи,

кромѣ оффиціальныхъ. Его жена—мать нашего критика—насколько можно судить по слишкомъ скуднымъ даннымъ, сохранившимся о ней, напротивъ, была во всѣхъ отношеніяхъ какъ разъ подъ стать туземному обществу, и Григорій Никифоровичъ, лишенный поддержки и съ этой стороны, прибѣгъ къ исторически-освященному и всероссійскимъ опытомъ оправданному источнику утѣшенія: онъ запилъ. Казалось бы, абрютировавъ себя такимъ способомъ, онъ могъ сойтись на дружеской ногѣ съ забраковавшимъ его обществомъ, но сближенія не послѣдовало очевидно потому, что пьяный Бѣлинскій всетаки былъ гораздо умнѣе трезвыхъ Бобчинскихъ, Добчинскихъ, Коробочекъ и Собакевичей. Наоборотъ, отношенія еще болѣе обострились: потерявъ контроль надъ собой, Бѣлинскій-отецъ давалъ полную волю своему языку и амбиціозные Бобчинскіе дошли въ своемъ озлобленіи до того, что Бѣлинскій отказывался ѣздить по приглашеніямъ даже какъ докторъ, изъ опасенія быть убитымъ. Относя часть этихъ опасеній просто къ галлюцинаціямъ нервно-разстроеннаго человѣка, всетаки остается несомнѣнной крайняя враждебность чембарскаго общества по отношенію къ Бѣлинскому и полное одиночество послѣдняго.

Понятное дѣло, что семейная жизнь, сложившаяся изъ такихъ элементовъ, не могла похвалиться внутреннимъ миромъ. Тѣмъ не менѣе, изъ различныхъ данныхъ, собранныхъ г. Пыпинымъ въ его книгѣ о Бѣлинскомъ, нѣтъ никакой возможности заключить, что нравственная атмосфера, въ которой росъ будущій критикъ, была исключительно плоха. Мы склонны даже думать какъ разъ противоположное. Для того, кто имѣетъ хотя отдаленное литературное понятіе о строѣ нашей такъ называемой патріархальной семьи, представится въ высшей степени необычайной, напр., такая картина отношеній отца къ сыну, нарисованная близкимъ родственникомъ Бѣлинскихъ — Д. П. Ивановымъ: Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій «съ самой ранней поры даровитаго ребенка не могъ не отличать и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе». «По словамъ г. Иванова—прибавляетъ далѣе г. Пыпинъ—между ними была симпатія, благодѣтельно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ и дѣйствительно, заключаетъ г. Пыпинъ, Виссаріонъ, еще юноша, въ виду домашнихъ

несогласій, сталъ заявлять свой голосъ, высказывать отцу свои укоры и отецъ выслушивалъ ихъ, не негодовалъ, не оправдывался: очевидно, голосъ сына онъ принималъ съ уваженіемъ». Поставивши эти свои «дѣйствительно» и «очевидно», г. Пыпинъ тѣмъ не менѣе, къ искреннему нашему изумленію, называетъ домашнія отношенія Бѣлинскаго «тягостными», его «родной кровъ»—*непріютнымъ*. Но неужели не отрадна эта дружеская близость между сыномъ и отцомъ? И неужели эта близость—не цвѣтущій оазисъ въ мертвенной пустынѣ тѣхъ отношеній, понятій и взглядовъ, которые формулировались въ классическомъ изреченіи—«мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Если тутъ что «дѣйствительно» и «очевидно», такъ это то, что Бѣлинскій-отецъ былъ головою выше не только своего захолустнаго, но и вообще современнаго ему общества. Виссаріонъ Бѣлинскій имѣлъ рѣдкое счастіе найти въ своемъ отцѣ не зоологическую любовь только, но и вниманіе и пониманіе. Ничто такъ не развиваетъ и не возвышаетъ дѣтей—въ особенности даровитыхъ и самолюбивыхъ—какъ разумно-дружеская короткость съ ними, отношеніе къ нимъ, какъ къ равнымъ, безъ безпрестаннаго напоминанія о своемъ авторитетѣ, безъ злоупотребленія своими формальными правами. Бѣлинскій имѣлъ это исключительное счастіе, въ сравненіи съ которымъ мелкія домашнія стычки между родителями представляются совершенной бездѣлицей. Не были свѣтлыми, какъ къ отцу, но не были и мрачными, тяжелыми отношенія Виссаріона къ матери. Очевидцы говорятъ, что «мать была женщина добрая, но мало развитая, раздраженная и сварливая; ея образованіе ограничивалось посредственнымъ знаніемъ грамоты. Вся забота ея заключалась въ томъ, чтобы прилично одѣть и, особливо, сытно накормить дѣтей: когда Виссаріонъ жилъ въ Москвѣ, она еще снабжала его теплыми фуфайками и копченымп гусями, посылаемыми съ «*оказіей*». Что тутъ дурного или ненормальнаго, спросимъ мы. Мать давала, что могла: сытно кормила и тепло одѣвала своихъ дѣтей, не претендуя на нравственное и умственное руководительство не залѣзая въ душу и не насилуя совѣсти своего даровитаго сына. Дѣлалось ли это по небрежности или въ силу неяснаго сознанія, что такое руководительство—не ея ума дѣло, результатъ во всякомъ случаѣ былъ хорошъ: темные предразсудки матери остались безъ малѣйшаго вліянія на впечатлительнаго ребенка.

Сколько людей могли бы позавидовать условіямъ дѣтской жизни Бѣлинскаго *).

Счастье продолжало благопріятствовать Бѣлинскому и далѣе. Грамотѣ онъ выучился у вольнопрактиковавшей (тогда на этотъ счетъ было просто) учительницы, нѣкоей Ципровской, о личности которой свѣдѣній не имѣется, дальнѣйшее же обученіе началось для него въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, только что тогда открывшемся. «На первое время—разсказываетъ г. Пыпинъ—весь педагогическій штатъ заведенія состоялъ изъ одного смотрителя, который былъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ. Этотъ смотритель былъ человѣкъ добрый и кроткій». «Вскорѣ,—разсказываетъ Ивановъ, поступившій въ училище въ одно время съ Бѣлинскимъ,—прибавились новые учителя — одинъ для Закона Божія, соборный священникъ; другой для русскаго языка — сынъ другого соборнаго священника, исключенный изъ семинаріи. Этотъ послѣдній былъ страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика. Благородное негодованіе на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическія жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никифоровича». Надобно замѣтить, «что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому, что находилъ подобные поступки возмутительными. Преподаваніе въ училищѣ совершалось въ духѣ патріархальной простоты. Учителя не затруднялись оставлять учениковъ на произволъ судьбы, отправляясь домой для жертвоприношеній Бахусу, а ученики, въ лѣтнее время, иногда цѣлымъ училищемъ уходили купаться». Оставляя въ сторонѣ цвѣты восторженнаго краснорѣчія Иванова вродѣ «благороднаго негодованія на

*) Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда вотъ что: чрезвычайно обстоятельная и добросовѣстная біографія Бѣлинскаго, составленная г. Пыпинымъ, почти совершенно лишена критическаго элемента. Мы считаемъ нужнымъ указать на это, въ виду того, что эта біографія положена въ основу нашей работы. Всѣ фактическія свѣдѣнія, сообщенныя г. Пыпинымъ, мы считаемъ для себя почти обязательными; но выводы изъ этихъ свѣдѣній, тотъ свѣтъ, въ которомъ представлены факты, мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ находимъ невѣрными и отвергаемъ ихъ.

вандализмъ» со стороны одиннадцатилѣтняго пузыря, нельзя не увидѣть, что чембарское училище, благодаря «доброй и кроткой» личности смотрителя, было лучше другихъ училищъ, въ которыхъ «страстные любители наказаній» были не исключеніемъ, а правиломъ между учителями. Представители позднѣйшаго поколѣнія—Помяловскій, котораго высѣкли въ бурсѣ *четыреста* разъ, или Рѣшетниковъ, котораго только лѣнивый не билъ и не истязалъ,—могли бы развѣ только подивиться на Бѣлинскаго, даже вчужѣ не выносившаго тѣлесныхъ наказаній. Но мало того, что училище по крайней мѣрѣ не портило Бѣлинскаго въ нравственномъ отношеніи, оно положительно помогло его умственному развитію, сообщило ему нѣкоторыя положительныя знанія. Директоромъ училищъ Пензенской губерніи былъ въ то время извѣстный романистъ Лажечниковъ, который оставилъ слѣдующій любопытный разсказъ:

«Въ 1823 году,—разсказываетъ Лажечниковъ,—ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только что для него отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ-же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большей частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-

лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ-же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой надписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Разсказъ этотъ, немножко сантиментальный и, какъ водится во всѣхъ такихъ случаяхъ, не обошедшійся безъ преувеличеній («въ глазахъ разумъ не по лѣтамъ», «ястребокъ», принялъ награду какъ дань» и пр.), кажется намъ замѣчательнымъ и правдивымъ въ томъ отношеніи, что Лажечниковъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ симпатію къ мальчику-Бѣлинскому: талантъ почуялъ талантъ, словесникъ инстинктивно узналъ словесника. Дѣло въ томъ, что любовь къ литературѣ сказалась въ Бѣлинскомъ чрезвычайно рано, по его собственному свидѣтельству. «Еще будучи мальчикомъ, писалъ онъ впослѣдствіи по одному поводу, ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно и безъ всякаго разбору списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Державина и пр.; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу»; я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Рапсы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

Разсказъ Лажечникова важенъ для насъ еще въ другомъ отношеніи. Бѣлинскій обрисовывается въ этомъ разсказѣ мальчикомъ нисколько не робкимъ, не забитымъ, не пригнетеннымъ, а ужъ казалось-бы передъ кѣмъ и робѣть ученику уѣзднаго училища, какъ не передъ *самимъ* директоромъ! Ясно, что домашняя обстановка, отношенія къ родителямъ были совсѣмъ не такого свойства, чтобы развить въ ребенкѣ рабскія свойства—робость и затаенное озлобленіе.

Мы настаиваемъ на этомъ выводѣ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ настойчивѣе біографы Бѣлинскаго стараются убѣдить читателя въ противоположномъ. Въ видѣ послѣдняго аргумента г. Пыпинъ ссылается на самого Бѣлинскаго. Онъ говоритъ: «Бѣлинскій самъ впослѣдствіи говорилъ, что не вынесъ изъ своей семьи никакого привѣтнаго воспоминанія. Одинъ изъ его ближайшихъ друзей послѣдняго

Научная библиотека Уральского Госуниверситета г. Свердловск

времени разсказываетъ (вѣроятно, по воспоминаніямъ, слышаннымъ отъ самого Бѣлинскаго), что однажды, когда Бѣлинскому было лѣтъ десять или одинадцать, отецъ его, возвратившись съ попойки, сталъ безъ всякаго основанія бранить сына. Ребенокъ оправдывался; взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ всталъ пересозданнымъ: оскорбленіе и глубокая несправедливость запали ему въ душу».

Мы нисколько не сомнѣваемся въ возможности такого факта и допускаемъ его тѣмъ охотнѣе, что онъ, какъ говорится, вода на наше колесо. Именно потому этотъ случай и врѣзался Бѣлинскому въ память, что онъ былъ случай исключительный. Если-бы Помяловскаго или Рѣшетникова спросили: какое «оскорбленіе» или «глубокая несправедливость» особенно «запали въ душу» имъ изъ времени ихъ дѣтства и юности, они испытали-бы то затрудненіе, которое у французовъ называется embarras de richesse; какая, въ самомъ дѣлѣ, изъ *четырехсотъ* пороковъ Помяловскаго была для него особымъ «оскорбленіемъ» или какой изъ безчисленныхъ пинковъ, тычковъ и ударовъ, доставшихся Рѣшетникову, былъ «глубокою несправедливостью»? А главное, нравственное и умственное вліяніе отца на сына, вліяніе, на личность котораго въ данномъ случаѣ никто не отвергаетъ, достигается не пощечинами, а задушевными бесѣдами, любовнымъ раскрытіемъ своего внутренняго міра. О пощечинѣ сгоряча или спьяна мы имѣемъ отъ біографовъ подробный разсказъ, да еще съ риторико-трагическими прикрасами («мальчикъ всталъ пересозданнымъ»; но объ этихъ бесѣдахъ, объ этихъ урокахъ и разсказахъ мы не находимъ почти ни одного слова—точно ихъ и не бывало никогда. Въ заключеніе г. Пыпинъ приводитъ отрывокъ изъ позднѣйшаго письма Бѣлинскаго къ Боткину. Вотъ этотъ отрывокъ: «Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно...»

Безполезно, намъ кажется, и говорить, что это письмо ровно ничего не доказываетъ. Бѣлинскому было около тридцати лѣтъ, когда онъ писалъ это письмо; онъ давно уже на нѣсколько головъ переросъ всѣхъ своихъ родственниковъ и весьма естественно, что

онъ чувствовалъ къ нимъ нѣкоторую отчужденность, которая и выразилась въ этомъ письмѣ. Вѣдь рѣчь идетъ въ письмѣ не объ однихъ только родителяхъ, а также о братѣ и сестрѣ, на деспотизмъ которыхъ не могъ же жаловаться ихъ старшій братъ!

Итакъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что условія дѣтской жизни Бѣлинскаго не только не были исключительно тяжелы, а наоборотъ стояли выше обычнаго въ то время уровня воспитанія. Вмѣстѣ съ этимъ сами собой отпадаютъ и тѣ широкія заключенія, которыя сдѣлалъ г. Пыпинъ на основаніи анализа семейныхъ отношеній Бѣлинскаго. «*Здѣсь* былъ источникъ той сосредоточенности и того чувства человѣческаго достоинства, которыя отличали его еще мальчикомъ и *здѣсь-же* было начало его нервной раздражительности, того страстнаго негодованія противъ всякой несправедливости, которыя вспыхивали въ немъ даже по такимъ поводамъ, гдѣ другіе не находили бы никакой причины волноваться. *Отсюда* развивалась его странная боязнь людей, которая заставляла его робѣть и мѣшаться съ незнакомыми людьми, въ новомъ для него обществѣ». Какія, подумаешь, большія вещи таились «*здѣсь*»—въ маленькомъ Чембарѣ, и какіе огромные результаты произошли «*отсюда*»—изъ дѣтской и изъ уѣзднаго училища! Чембару отведена такая важная роль, что на долю всероссійской жизни почти ничего и не остается...

III.

Бѣлинскій въ гимназіи.

Лѣтомъ 1825 года Бѣлинскій поступилъ въ пензенскую гимназію. Ему шелъ уже шестнадцатый годъ — возрастъ, въ которомъ другіе поступаютъ не въ гимназію, а въ университетъ. Даровитый, начитанный, умственно-развитый юноша въ роли начинающаго гимназиста — такое положеніе было слишкомъ ненормально, чтобы могло продолжаться долго, и дѣйствительно, всего черезъ три съ половиною года послѣ своего поступленія, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ гимназіи за «нехожденіе въ классъ».

Здѣсь мы уже можемъ отмѣтить ту особенность духовной жизни Бѣлинскаго, которая составляетъ очень характерную его черту. Умственное развитіе Бѣлинскаго намного опережало его научное образованіе. Фактическія свѣдѣнія, которыми располагалъ Бѣлинскій, были не пропорціональны его идеямъ. Какъ всякій дѣятельный и сильный умъ, Бѣлинскій умѣлъ съ небольшими средствами достигать большихъ результатовъ, умѣлъ такъ хорошо и цѣлесообразно утилизировать отрывочные, почти случайно схваченные факты, что общіе выводы являлись какъ бы сами собой. Бѣлинскому достаточно было овладѣть хоть маленькою и побочною ниточкою, чтобы съ ея помощью добраться до самой сердцевины предмета. Это былъ умъ творческій, т. е. умъ по преимуществу дедуктивный. Онъ не изучалъ предметъ, а угадывалъ его. Онъ шелъ не отъ частнаго къ общему, не отъ подробностей къ ансамблю, не отъ частей къ цѣлому, а какъ-разъ противоположнымъ путемъ.

Дальше мы увидимъ этому новыя подтвержденія, а пока достаточно отмѣтить, что эта черта въ шестнадцатилѣтнемъ гимназистѣ выражалась такъ же ярко, какъ и впослѣдствіи въ тридцатилѣтнемъ

страстномъ гегеліанцѣ. Пензенская гимназія, по разсказу Лажечникова, бывшаго одно время ея директоромъ, какъ образовательное заведеніе, отличалась совершенно невозможнымъ характеромъ. Первая сцена, которую вновь пріѣхавшій директоръ (т. е. Лажечниковъ) встрѣтилъ въ гимназіи — было «погребеніе кота мышами», какъ объяснили ученики: они цѣлой толпой выносили на рукахъ изъ класса мертвецки пьянаго учителя русской словесности. Д. П. Ивановъ споритъ противъ Лажечникова, доказывая, что пензенская гимназія была не хуже другихъ русскихъ гимназій, и въ этомъ споръ объ стороны правы: пензенская гимназія, конечно, была ниже всякой критики и ни на волосъ не ниже установившагося типа гимназіи. Бѣлинскому однако, въ силу вѣроятно того, что на ловца и звѣрь бѣжитъ, даже среди преподавателей-«котовъ» удалось встрѣтить человѣка именно такого, какой ему былъ нуженъ въ этомъ фазисѣ его умственнаго состоянія. Это былъ учитель естественной исторіи, преподававшій въ то же время и словесность въ старшемъ классѣ, М. М. Поповъ — человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, далеко недюжинный. Онъ много пережилъ Бѣлинскаго и кончилъ свою карьеру «благополучнымъ россіяниномъ», въ крупномъ чинѣ, послѣ долгой службы, не имѣющей ничего общаго съ «народнымъ просвѣщеніемъ»; но это обстоятельство, конечно, мало изумитъ читателя, имѣющаго надлежащее представленіе о свойствахъ русской жизни вообще и той эпохи въ особенности. Во всякомъ случаѣ, въ описываемое время Поповъ былъ гораздо болѣе образованнымъ, но столь же пламеннымъ энтузіастомъ, какъ и Бѣлинскій, и между ними установилась самая прочная и—для Бѣлинскаго—въ высшей степени плодотворная связь, основанная на одинаковости умственныхъ стремленій. Поповъ оставилъ разсказъ объ этомъ времени, одинъ изъ лучшихъ разсказовъ для характеристики Бѣлинскаго по тому духу правды, искренности и простоты, который его отличаетъ. Видно, что этотъ тайный совѣтникъ горячо любилъ Бѣлинскаго и разумѣлъ нашего великаго писателя лучше и яснѣе, нежели многіе изъ такъ называемыхъ друзей Бѣлинскаго. Приведемъ характернѣйшія мѣста изъ его разсказа.

«Бѣлинскій, несмотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, кото-

рыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ — онъ первый ученикъ. Онъ бралъ у меня книги и журналы — пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орнитологіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго. А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до пасѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Все это было какъ разъ то, что требовалось Бѣлинскому. Эти бесѣды-лекціи, безсистемныя, безпорядочныя, но горячія и содержательныя приносили Бѣлинскому несравненно болѣе пользы, нежели самое исправное зазубриваніе, что какой нибудь ursus arctos принадлежитъ къ такому-то виду и такому-то семейству и пр., и пр. Типъ такъ называемыхъ «первыхъ учениковъ» нашихъ низшихъ,

среднихъ и высшихъ училищъ хорошо всѣмъ извѣстенъ. Это мальчики или юноши съ превосходною памятью и съ чрезвычайно пассивнымъ, лѣнивымъ умомъ, съ огромнымъ прилежаніемъ и безъ малѣйшихъ признаковъ живой любознательности. Они «на зубокъ» знаютъ по Востокову, что «грамматика есть руководство къ правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ» — и двухъ строкъ не напишутъ безъ ошибки; на полный баллъ съ плюсомъ разскажутъ объ ursus'ѣ и не съумѣютъ описать незнающему человѣку медвѣдя.

Бѣлинскій былъ юноша совсѣмъ другого закала. Поповъ съ большою проницательностью подмѣтилъ въ немъ эту черту умственной самостоятельности и самодѣятельности и такимъ образомъ характеризовалъ ее: «Бѣлинскій и въ то время не скоро подавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: «совершенно справедливо». Слишкомъ ясно, что даровитому юношѣ нечего было дѣлать въ гимназіи. Ни зубрить учебники, ни «погребать кота» Бѣлинскій былъ не въ состояніи и онъ совершенно логично пересталъ посѣщать гимназію, которая въ свою очередь тоже вполнѣ логично исключила его изъ своихъ нѣдръ «за нехожденіе въ классы».

Ивановъ говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее: «назвать Бѣлинскаго плохимъ ученикомъ было невозможно, подозрѣвать его въ лѣни и нерадѣніи было бы грѣхомъ: ни одна минута не пропадала у него даромъ: онъ или читалъ, или списывалъ что нибудь въ тетрадь, или бесѣдовалъ съ дѣльными людьми, или предавался въ одиночку размышленіямъ. Чѣмъ же объяснить охлажденіе его къ ученію и преждевременный, до окончанія курса, выходъ изъ гимназіи? Все это объясняется очень простою причиною: еще въ 1828 году Бѣлинскій задумалъ поступить въ университетъ».

Такія объясненія ровно ничего не объясняютъ. Неужели для юноши, «задумавшаго поступить въ университетъ», логично и естественно прежде всего забросить гимназическую науку? И неужели преуспѣвавшіе товарищи Бѣлинскаго по гимназіи преуспѣвали потому, что не мечтали объ университетѣ? Бѣлинскаго, конечно, манилъ университетъ, какъ нѣкоторый центръ серьезной умственной

дѣятельности, но его «нехожденіе въ классы» объясняется, во-первыхъ — свойствами гимназической науки, гимназической «учебы», во-вторыхъ — особенностями умственной организаціи Бѣлинскаго.

Пыпинъ прекрасно и совершенно справедливо поясняетъ отъ своего лица эту существеннѣйшую сторону дѣла. «Интересъ въ литературѣ — говоритъ г. Пыпинъ — т. е. интересъ къ поэтическому, изящному (мы сказали бы: поэтическому и философскому) былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощалъ всю его умственную энергію; уже съ этихъ поръ у него не было охоты къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, какъ осталось и до конца: онъ отдавался только тому, что затрогивало его идеальные интересы, возбуждало его энтузіазмъ. Оттого «нехожденіе въ классы» въ гимназіи, «нерадѣніе» въ университетѣ. Это вовсе не была лѣнь: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ въ томъ, что его занимало; впослѣдствіи онъ могъ работать до изнеможенія. Нѣтъ спора, что эта односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но такова была его натура: онъ искалъ живого содержанія, которое разрѣшало бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало бы его потребности изящнаго. Самыя стремленія его носили поэтическій складъ—оттого они и искали поэтическихъ образовъ и картинъ: отрасли знанія, не касавшіяся идеальныхъ вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его».

Ясно послѣ этого, что если бы Бѣлинскій и не «задумалъ поступить въ университетъ», онъ въ гимназіи все равно не удержался бы и благополучнаго окончанія курса въ ней не удостоился бы.

Изъ другихъ серьезныхъ эпизодовъ жизни Бѣлинскаго-гимназиста нужно остановиться на его отношеніяхъ въ кружку семинаристовъ, съ которыми онъ жилъ на одной квартирѣ, и на его возникшей любви къ театру.

«Совмѣстное житье съ семинаристами, говоритъ Ивановъ, было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную патріархальной простоты жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ тружениковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами, мы невольно учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой невозможна никакая борьба ни съ самимъ собою, ни съ жизнью. Не малую пользу при-

носили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самъ дѣятельное участіе; уже здѣсь изощрялась его діалектическая сила. Семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьныя произведенія пера его. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія, дѣлился впечатлѣніями,—особенными участниками этихъ бесѣдъ были двое изъ семинаристовъ, очень даровитые люди». Относительно любви къ театру тотъ же Ивановъ говоритъ: «самое лучшее, соединявшее всѣ вкусы удовольствіе доставлялъ театръ; страсть къ нему не была исключительной принадлежностью одного Бѣлинскаго; она въ равной степени овладѣвала всей учащейся молодежью». Бѣлинскій приберегалъ деньги на театръ, дѣлалъ займы ради той же цѣли,—прибавляетъ г. Пыпинъ—и вообще его любовь въ театру, не будучи его исключительной принадлежностью, была исключительна по своей силѣ и страстности. «Театръ! Любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е. всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? О, ступайте, ступайте въ театръ, живите и умрите въ немъ, если можете!» Вотъ какъ писалъ Бѣлинскій нѣсколько лѣтъ спустя въ своей знаменитой статьѣ «Литературныя мечтанія».

Такимъ образомъ, годы, проведенные Бѣлинскимъ въ пензенской гимназіи, были въ узко-практическомъ смыслѣ временемъ потеряннымъ, но по своему внутреннему значенію этотъ періодъ его жизни долженъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. Это былъ періодъ самой усиленной умственной работы, хотя и въ сторонѣ отъ патентованной науки и безъ всякой помощи съ ея стороны. Не школа, а жизнь формировала Бѣлинскаго; не учебники, а книги; не учителя, а живые люди способствовали его образованію и развитію. Бесѣды съ молодымъ даровитымъ учителемъ, споры и разговоры въ товарищескомъ кружкѣ семинаристовъ, чтеніе и наконецъ театръ—вотъ гдѣ была истинная школа Бѣлинскаго, выра-

ботывавшая въ немъ не только взгляды и идеи, но и сообщавшая ему положительныя знанія: развѣ знаніе русской литературы — не научное знаніе? Образъ будущаго «нецстоваго Виссаріона» уже ясно проглядываетъ въ скромной фигуркѣ провинціальнаго гимназиста: это «святое недовольство», эта независимость и смѣлость мысли, это отвращеніе и презрѣніе къ торнымъ, рутиннымъ путямъ и наконецъ эта неприспособленность къ жизни, неумѣніе ладить съ ея практическими сторонами и вопросами — все это, только еще въ большей степени, мы найдемъ и въ знаменитомъ критикѣ. У цѣльныхъ и чистыхъ натуръ, какова была натура Бѣлинскаго, могутъ быть крутые и тяжелые умственные переломы, но въ нравственномъ смыслѣ онѣ всегда остаются вѣрными себѣ.

IV.

Бѣлинскій въ университетѣ.

Въ концѣ лѣта 1829 года Бѣлинскій, выдержавъ нетрудный экзаменъ, поступилъ въ число студентовъ московскаго университета. Ему, по его словамъ, только «съ большимъ грѣхомъ удалось съѣхать» изъ своего родного городка, въ которомъ онъ жилъ, послѣ исключенія изъ гимназіи, на рукахъ у своихъ родителей. О своемъ поступленіи онъ извѣщалъ своихъ родныхъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: «съ живѣйшею радостью и нетерпѣніемъ спѣшу увѣдомить васъ, что принятъ въ число студентовъ императорскаго московскаго университета. Меня не столько радуетъ то, что я студентъ, сколько то, что симъ могу доставить вамъ удовольствіе. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать: я передъ вами оправдался. Тѣмъ болѣе меня радуетъ и восхищаетъ принятіе въ университетъ, что я онымъ обязанъ не покровительству и стараніямъ кого нибудь, но собственно самому себѣ. Хотя Лажечниковъ и просилъ обо мнѣ двухъ профессоровъ, но его просьба потому осталась недѣйствительна, что въ то время, когда я держалъ экзаменъ, вмѣсто ихъ другіе были назначены экзаменаторами».

Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій, къ полнотѣ своего благополучія, былъ принятъ въ число казенныхъ студентовъ, чѣмъ просто и легко разрѣшался мучительный вопросъ о матеріальныхъ средствахъ. Подъ впечатлѣніемъ этой удачи Бѣлинскому все представлялось въ розовомъ свѣтѣ. «Нумера наши, писалъ онъ домой, скорѣе сказать отлично хороши; полы крашеные, окна большія, чистота необыкновенная. Столы (въ столовой) всегда покрываются скатертями и для всякаго студента особенный приборъ. Въ отношеніи свободы у насъ очень хорошо. Покуда все хорошо». Не болѣе однако какъ черезъ

годъ послѣ этого письма Бѣлинскій писалъ о «казенномъ коштѣ» слѣдующее: «я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться къ кому нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить въ немъ».

Ни большія окна, ни крашеные полы, ни скатерти на столахъ не подкупали уже нашего студента и не могли смягчить суровость его отзыва. Въ чемъ же было дѣло?

Дѣло было въ томъ, что московскій университетъ того времени былъ ни чѣмъ инымъ, какъ гимназіей высшаго ранга. Если пензенскіе гимназисты занимались погребеніемъ котовъ, то нисколько не лучшими дѣлами занимались и тогдашніе студенты московскаго университета. Такъ, однажды, когда одинъ профессоръ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты, закутавшись въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщенной лампою, и какъ только профессоръ появился, запѣли заунывно: «се женихъ грядетъ въ полунощи». Въ другой разъ, на лекцію къ тому же профессору принесли воробья и во время лекціи выпустили: воробей принялся летать, а студенты, какъ будто въ негодованіи на нарушеніе порядка, принялись толпою ловить его. Не трудно понять, какія чувства питали къ такимъ профессорамъ умственно-развитые студенты и въ особенности Бѣлинскій, у котораго какъ разъ съ этимъ «женихомъ въ полунощи» произошла однажды въ аудиторіи курьезное столкновеніе. Профессоръ, въ разгарѣ объясненій, вдругъ обратился къ Бѣлинскому: «что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ будто на шилѣ, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?» «Вы остановились на словахъ, что я сижу на шилѣ», отвѣтилъ Бѣлинскій. Профессоръ не понялъ ѣдкой иронія и, снисходя къ наивности студента, продолжалъ объясненія. Одинъ изъ университетскихъ деканов на вопросъ — по какому руководству онъ будетъ читать, отвѣчалъ, что будетъ читать по Пленку—«умнѣе Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное руководство». Когда однажды при томъ же профессорѣ стали хвалить молодого преподавателя, только что возвратившагося изъ заграницы, онъ замѣтилъ: «ну, не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглу-

нѣетъ». Все это факты, но если бы это были не факты, а только анекдоты, то и въ такомъ случаѣ они имѣли бы для насъ значеніе: исторія можетъ преувеличивать, но не можетъ сочинять, и на забытыхъ мертвецовъ никому нѣтъ надобности клеветать.

Послѣ этого разочарованіе Бѣлинскаго въ университетѣ становится совершенно понятнымъ. Хороша была университетская наука, но не хуже были и университетскіе нравы, и университетскіе порядки и обычаи. Въ письмѣ къ родителямъ Бѣлинскій разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ своего личнаго университетскаго опыта: «какъ только я пріѣхалъ,—пишетъ Бѣлинскій,—то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ Перевощикову, который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ ректору и Щепкину. Когда ректоръ говорилъ со мною, то онъ (Перевощиковъ) безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: замѣтьте этого молодца: при первомъ случаѣ его надобно выгнать. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какого нибудь каналью, въ солдаты и наконецъ съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ»... Такія «пензенскія» условія университетской жизни привели къ соотвѣтственнымъ результатамъ, и съ Бѣлинскимъ повторилась прежняя исторія: онъ отшатнулся отъ офиціальной науки и снова обратился къ испытаннымъ источникамъ для утоленія жажды знанія. Между студентами составился кружокъ, о которомъ Бѣлинскій писалъ въ Чембаръ: «для разсѣянія отъ скуки я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе». Онъ близко сошелся съ П. Я. Петровымъ, впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета. «Мы—писалъ Бѣлинскій—часто бываемъ вмѣстѣ, судимъ о литературѣ, наукахъ и другихъ благодарныхъ предметахъ и всегда разстаемся съ новыми идеями. Вотъ дружба, которою я могу по справедливости хвалиться. Съ П. Я. Петровымъ я въ первое свиданіе не говорилъ ни слова, во второе поспорилъ, а въ третье подружился. Что это за человѣкъ! Какія познанія! Какія способности!»

Чтеніе и наконецъ театръ, на сценѣ котораго въ то время подвизались такіе артисты какъ Щепкинъ и Мочаловъ, восхищавшіе Бѣлинскаго до послѣдней степени восторга (Щепкинъ—«необыкновенный геній», Мочаловъ—«не человѣкъ, а дьяволъ»—вотъ какъ отзывался о нихъ Бѣлинскій), довершали содержаніе той духовной пищи, которою питался Бѣлинскій. Онъ «какъ на шилѣ» сидѣлъ въ аудиторіяхъ профессоровъ, въ обществѣ которыхъ, по ихъ собственному справедливому признанію, можно было только «поглупѣть», но умъ его работалъ неугомонно—и эта работа шла въ прокъ. Старый гимназическій учитель Бѣлинскаго—Поповъ, проѣздомъ черезъ Москву, видѣлся съ нимъ и вынесъ изъ этого свиданія наилучшее впечатлѣніе: «умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины. Такъ (въ Москвѣ) прочли мы только-что вышедшаго тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья въ Чудовомъ монастырѣ», на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей, чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безрѣменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стула, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «да это живые: я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!»... Въ немъ уже проявился критическій взглядъ...

Въ литературно-студенческомъ кружкѣ, о которомъ мы говорили выше, Бѣлинскій выступилъ какъ авторъ трагедіи чрезвычайно романтическаго характера. Какъ литературное произведеніе и при томъ въ родѣ, совершенно несвойственномъ таланту Бѣлинскаго, эта трагедія никакого значенія не имѣетъ. Но общественно-историческій смыслъ ея очень серьезенъ. Насколько можно судить о ней по сохранившемуся отрывку, она живо напоминаетъ собою юношескія драмы Лермонтова; та же горячность чувства при неумѣньи найти для его выраженія надлежащую форму, та же отвлеченность и благородство идеаловъ и—что всего важнѣе—тотъ же страстный протестъ противъ крѣпостного права—главнаго зла тогдашней жизни. Напомнимъ читателю, что драмы Бѣлинскаго и Лермонтова написаны за шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени, когда въ мнѣніи

однихъ крѣпостное право было чуть ли не божественнымъ установленіемъ, въ мнѣніи другихъ — исторически-сложившимся государственнымъ «устоемъ», въ мнѣніи третьихъ — едва ли устранимымъ зломъ и только во мнѣніи численно-ничтожнаго меньшинства, къ которому принадлежали Бѣлинскій и Лермонтовъ, крѣпостное право являлось въ его настоящемъ свѣтѣ. Двѣ-три тирады персонажей трагедіи дадутъ читателю ясное представленіе о характерѣ произведенія Бѣлинскаго. Вотъ, напр., разсказъ стараго слуги о положеніи крестьянъ послѣ смерти барина: «Какъ только онъ скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ. И била какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробы, обирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины. Да всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ, грѣшнымъ, у барыни». Герой трагедіи изливаетъ свои чувства въ слѣдующемъ монологѣ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище — свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?» Трагедія Бѣлинскаго во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ—это знаменитая книга Радищева, съ которой какъ разъ около этого времени (въ 1833 году) раздражительно полемизировалъ величайшій русскій поэтъ. Тѣмъ конечно трогательнѣе простодушная наивность Бѣлинскаго, мечтавшаго, что трагедія его не только безъ всякаго неудобства можетъ появиться въ печати, но и доставитъ ему «извѣстность и деньги», и именно «шесть тысячъ рублей». Почему

именно шесть, а не пять или не семь? Это осталось тайною глубокихъ разсчетовъ нашего великаго практика. Благоразумные люди, начиная съ Лажечникова и кончая чембарскими знакомыми, пророчили Бѣлинскому фіаско, но ихъ предостереженія, конечно, остались безъ послѣдствій: нужно было, чтобы сама дѣйствительность, неприкаемая и безжалостная, дала Бѣлинскому свой тяжеловѣсный урокъ. За этимъ дѣло не стало, и вотъ какъ Бѣлинскій разсказываетъ объ этомъ:

«Мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Каково это!.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Лестная сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился: все равно, вотъ девизъ мой»...

Это было еще не все. Трагедія была представлена въ цензуру Бѣлинскимъ въ 1831 году, а въ половинѣ 1832 года онъ былъ исключенъ изъ университета «за неспособность». Между этими двумя фактами есть ли причинная связь? Самъ Бѣлинскій говорилъ объ этомъ глухо: «я—писалъ онъ домашнимъ—не буду говорить вамъ о причинахъ моего исключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень не рѣдки...»

Г. Пыпинъ, несмотря на свою осторожность, говоритъ о дѣлѣ довольно рѣшительно: «окончательной причиной исключенія изъ университета, послужила, какъ говорятъ, его трагедія. Цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагопріятное мнѣніе, составленное объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Цензурная власть и ректоръ Двигубскій пригрозилъ студенту за дерзкія мысли. Хотя Бѣлинскій написалъ послѣ домой, что положеніе его улаживается, впечатлѣніе его «дерзости» вѣроятно сохранилось, и по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать, трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи его изъ университета».

На нашъ взглядъ не можетъ быть и сомнѣнія, что если трагедія Бѣлинскаго не была *поводомъ* къ его исключенію, то навѣрное была самою серьезною *причиною* его. Не знаемъ, существовала ли тогда «неблагонадежность» какъ терминъ, но конечно существовала какъ понятіе, и вотъ за эту-то неблагонадежность, замаскированную «неспособностью», Бѣлинскій и подвергся столь тяжкой карѣ. Впрочемъ Бѣлинскій и дѣйствительно былъ «не способенъ» къ самой главной наукѣ—наукѣ *жизни*, въ чичиковскомъ значеніи этого слова. Въ программу университетскихъ знаній эта наука не входила, но тѣмъ не менѣе стояла на первомъ планѣ. Немножко уступчивости, немножко сдержанности, немножко, говоря щедринскимъ выраженіемъ, «теплоты чувствъ» со стороны Бѣлинскаго—и все обошлось бы прекрасно. Онъ могъ писать трагедіи съ какими угодно тенденціями, но пугать и ошеломлять ими старичковъ, боявшихся не только какихъ нибудь новыхъ идей, но и новыхъ учебниковъ—это конечно было донкихотство. Но въ томъ-то и горе донкихотовъ, что они *не могутъ*, даже если бы и хотѣли, хоть на минуту и хоть немножко помолчалинствовать. Они «не способны» на это, какъ не способны ѣсть кирпичи и ходить внизъ головой. «Не ко двору» Бѣлинскій былъ въ своемъ уѣздномъ городишкѣ; «не ко двору» въ гимназіи, «не ко двору» въ университетѣ, да не ко двору и въ русской дѣйствительности, какъ увидимъ дальше: его настоящее мѣсто было въ храмѣ идеала, у подножія богини Истины и онъ бывалъ страненъ, нелѣпъ и смѣшонъ, выходя оттуда, въ своемъ молитвенномъ, благоговѣйно страстномъ настроеніи, на нашъ базаръ житейской суеты. Причина всѣхъ причинъ и всѣхъ поводовъ къ его исключенію лежала именно здѣсь, въ несоединимыхъ свойствахъ нашей жизни и его

нравственной природы. Человѣкъ совершенно посторонній Бѣлинскому въ житейскомъ смыслѣ, но близкій къ нему по нѣкоторымъ нравственнымъ свойствамъ,—князь Одоевскій—разсудилъ его дѣло такимъ образомъ: «У насъ Бѣлинскому учиться было негдѣ,—рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпыя преслѣдованія—неизвѣстно за что—развили въ немъ желчь, которая примѣшалась въ его своебытное философское развитіе и доводила его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ».

«*Неизвѣстно за что...*» Это сужденіе такого же идеалиста «не отъ міра сего». Напротивъ, очень понятно и очень извѣстно *за что:* за «неприспособленность», за несоотвѣтствіе условіямъ и характеру жизни. Быть гонимымъ и изгоняемымъ (а впослѣдствіи—прославляемымъ)—это судьба очень многихъ Бѣлинскихъ. Что касается *нашего* Бѣлинскаго, то пароксизмъ отчаянія, овладѣвшаго было имъ («я совершенно опустился: *все равно*, вотъ девизъ мой»); прошелъ скоро и онъ, ровно черезъ годъ послѣ исключенія изъ университета, писалъ своимъ родителямъ: «я нигдѣ и никогда не пропаду не смотря на всѣ гоненія жестокой судьбы; чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ—не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою, и хотя съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго, замѣчательнаго, за то не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго...»

V.

Начало литературной дѣятельности Бѣлинскаго.

Въ настоящей работѣ нашей, имѣющей не критическія, а біографическія цѣли, мы не можемъ останавливаться на разборѣ литературныхъ и общественныхъ воззрѣній Бѣлинскаго. Однако мы все-таки должны не только разсказать, но и характеризовать, и въ виду этого намъ приходится сдѣлать небольшую экскурсію въ сферу общихъ идей.

Исторія умственнаго развитія Бѣлинскаго раздѣляется на три рѣзко обозначенныхъ періода. Первый періодъ, литературнымъ выраженіемъ котораго явилась у Бѣлинскаго его трагедія, заключается въ «субъективно-нравственной» точкѣ зрѣнія, говоря выраженіемъ самого Бѣлинскаго, въ отвлеченной морализаціи, въ «прекраснодушной войнѣ съ дѣйствительностью» (опять его выраженіе). Основная идея его трагедіи была идея чисто моральная и, если тѣмъ не менѣе она имѣла общественный смыслъ, то это произошло не отъ намѣреній Бѣлинскаго, а отъ свойствъ, присущихъ самому явленію. Бѣлинскій морализировалъ, но тѣмъ самымъ являлся обличителемъ крѣпостного права, противорѣчившаго всякой морали. Мораль стараго завѣта, запрещавшая убивать, красть, лжесвидѣтельствовать, желать дома, скота, имущества ближняго своего, была въ большомъ противорѣчьи съ крѣпостною моралью, а основная заповѣдь новаго завѣта—любить ближняго какъ самого себя—была прямымъ и рѣзкимъ осужденіемъ этой, въ то время господствовавшей морали. Такимъ образомъ, отнюдь не выходя изъ роли морализатора, Бѣлинскій, вольно или невольно, явился протестантомъ

противъ дѣйствительности. Этимъ заключился первый фазисъ его развитія.

Очень много хорошихъ людей (а женщины—почти всѣ) навсегда остаются на этой почвѣ абстрактныхъ нравственныхъ идеаловъ и все различіе (иногда очень серьезное, но все-таки не основное, не принципіальное) между ними обусловливается тѣми отношеніями, въ которыя они поставляютъ свои идеалы къ дѣйствительности. Одни изъ нихъ вырабатываютъ возможную при данныхъ практическихъ условіяхъ программу личнаго поведенія; другіе истощаются въ призывахъ къ покаянію и къ самосовершенствованію; третьи караютъ порокъ въ лицѣ того или другого порочнаго индивида, типа, класса; четвертые, гдѣ нибудь въ укромномъ уголку, культивируютъ добродѣтель въ сообществѣ двухъ съ половиной единомышленниковъ; пятые прямо указываютъ на невозможность сближенія между ихъ идеаломъ и дѣйствительной жизнью и, опираясь на эту невозможность, отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ и отходятъ отъ нашей сутолоки и борьбы—съ сарказмомъ, или съ отчаяніемъ, или съ негодованіемъ, или съ проклятіемъ,—глядя по характеру и сообразно съ своимъ темпераментомъ.

Нетрудно видѣть, что эти тысячи различныхъ путей, различныхъ линій лежатъ всѣ, говоря языкомъ математики, въ одной и той-же плоскости. Человѣкъ долженъ идти вправо, человѣкъ долженъ идти влѣво, онъ долженъ жить съ людьми, онъ долженъ совершенствоваться въ уединеніи, человѣкъ хорошъ, человѣкъ дуренъ, онъ—рабъ, онъ—царь, онъ—червь, онъ—богъ,—все это совершенно различныя рѣчи, различныя программы, различные пути и средства; но основаніе, корень корней ихъ одинъ и тотъ-же: *человѣкъ*, личность, индивидуумъ, разсматриваемый не какъ часть великаго цѣлаго и не какъ продуктъ жизни, а какъ самостоятельный нравственный міръ, которому, для того, чтобы *мочь*, нужно только *захотѣть*. Все въ этихъ теоріяхъ отъ личности исходитъ и къ личности-же возвращается. Человѣкъ дуренъ—что дѣлать съ нимъ? *Убѣдить* его, чтобы онъ сталъ лучше, *зажечь* въ немъ вѣру, *укрѣпить* его волю, *возбудить* его энергію, потрясти его сердце, очистить его душу и т. д., и т. д.—вотъ однообразно-разнообразные отвѣты всѣхъ индивидуалистовъ-моралистовъ. Ну, а если *не хочется захотѣть*, какъ говорилъ Череванинъ Помяловскаго? Ну, а если я и радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ? Если

условія жизни, дѣйствующія въ томъ-же направленіи, какъ и мои страсти, постоянно берутъ верхъ надъ моими добрыми намѣреніями?

Обращаясь къ человѣку, говоря о человѣкѣ, имѣя въ виду человѣка, моралисты въ большинствѣ случаевъ именно человѣка-то и забываютъ, *живого* человѣка, т. е. существо не только съ волею, но и со страстями, не только съ разумомъ, но и съ предразсудками, со слабостями. Бѣлинскій-моралистъ могъ-бы съ утра до вечера и съ вечера до утра патетически восклицать: «Отецъ человѣковъ! твоя ли рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы!» и предполагаемые «тигры» и ухомъ бы не повели на эти изобличенія, потому что какіе же они въ самомъ дѣлѣ тигры? Они—попечительные «отцы»; они—«даровые полиціймейстеры»; они—люди по премуществу «благородные». Они сами о себѣ такъ думаютъ и, что гораздо важнѣе, о нихъ такъ думаетъ все общество, ихъ такъ называетъ государство и законъ. «Помилосердуйте, Виссаріонъ Григорьевичъ, могъ-бы отвѣтить Бѣлинскому какой-нибудь Собакевичъ, за что вы такъ обидно бранитесь? Правда, я отдалъ въ солдаты Неуважай-Корыто и посѣкъ недавно Елизавету-Воробья, но это для ихъ-же пользы: Неуважай спился, а на казенной службѣ его вытрезвятъ, а Воробей—ехиднѣйшая бабенка, которая только языкомъ умѣетъ работать. Не знаете вы нашихъ деревенскихъ дѣлъ, оттого такъ и горячитесь».

Старая и вѣчно новая исторія—эта холодная вода житейской логики и житейской прозы, умѣряющая пылъ всякихъ слишкомъ категорическихъ требованій, всякихъ слишкомъ односторонніхъ и отвлеченныхъ идеаловъ! Тѣмъ не менѣе Бѣлинскій, какъ и всякій моралистъ на его мѣстѣ, положить оружіе не могъ, признать себя неправымъ былъ не въ состояніи: пусть нѣтъ звѣрей, но наличность звѣрства все-таки не подлежитъ сомнѣнію; пусть никто не «пьетъ какъ воду» человѣческія слезы, но какъ-же отрицать, что эти слезы ручьями льются? Пусть нѣтъ виноватыхъ, но развѣ нѣтъ вины? Но съ другой стороны, какая-же это вина, въ которой никто не виноватъ? Для Бѣлинскаго, который по своей натурѣ былъ не холоднымъ аналитикомъ, а пламеннымъ борцомъ—эти вопросы имѣли особенно важное значеніе: у него ускользалъ врагъ, съ ко-

торымъ онъ долженъ былъ бороться и который ему былъ необходимъ, какъ объектъ для нападеній и изобличеній—любимѣйшей формы его пропаганды.

Вопросы эти заполнили собою всю умственную жизнь Бѣлинскаго и онъ далъ на нихъ, втеченіе своей литературной дѣятельности, два рѣзко между собою несходныхъ отвѣта, содержаніе которыхъ и составило сущность двухъ послѣднихъ, упомянутыхъ нами выше, фазисовъ его развитія. Бѣлинскій точнѣйшимъ образомъ продѣлалъ самолично весь тотъ умственный процессъ, чрезъ который, согласно гегелевскому ученію, должна пройти всякая идея: положеніе (тезисъ), отрицаніе (антитезисъ) и отрицаніе отрицанія (синтезисъ).

Въ міросозерцаніи Бѣлинскаго этотъ процессъ произошелъ въ такой формѣ: *первый фазисъ*—индивидуальная мораль и нравственный законъ въ смыслѣ верховнаго регулятора человѣческихъ дѣйствій и отношеній; *второй фазисъ*—отрицаніе всякой морали, какъ логическій результатъ преклоненія передъ дѣйствительностью и ея разумомъ; *третій* и окончательный *фазисъ*—возвращеніе къ морали въ смыслѣ идеала *общественной справедливости*, съ вытекающею отсюда обязанностью реформировать дѣйствительность въ духѣ этого идеала. Просимъ читателя никогда не упускать этого изъ виду и каждый разъ, когда зайдетъ рѣчь о Бѣлинскомъ, когда онъ услышитъ похвалы или порицанія ему—пусть онъ освѣдомится, о *какомъ* именно Бѣлинскомъ говорится въ данномъ случаѣ. Да, о *какомъ Бѣлинскомъ*, потому что, въ точномъ смыслѣ, мы имѣемъ не одного, а трехъ Бѣлинскихъ: Бѣлинскаго *двадцатыхъ годовъ*—отвлеченно-благороднаго проповѣдника общей человѣческой морали; Бѣлинскаго *тридцатыхъ годовъ*—проповѣдника не только необходимости, но и разумности *всего* существующаго, а стало быть и того, что противорѣчитъ всякой морали, раба и поклонника факта, защитника какихъ угодно безобразій, разъ они реализировались въ дѣйствительности; наконецъ Бѣлинскаго *сороковыхъ годовъ*—умственно и нравственно просвѣтленнаго могучаго дѣятеля, съ вѣрнымъ критеріемъ въ рукахъ, строго и отчетливо разъединяющаго истину отъ лжи, добро отъ зла, дѣятеля, дающаго свою поддержку и санкцію тому лишь, что не только необходимо, но и нравственно справедливо.

Фактически переходъ Бѣлинскаго отъ абстрактно-моральныхъ

воззрѣній къ преклоненію передъ «разумной» дѣйствительностью совершился постепенно и начало его нужно искать въ студенческихъ, необыкновенно замѣчательныхъ кружкахъ, организовавшихся въ университетѣ во время пребыванія тамъ Бѣлинскаго. Предоставимъ разсказать объ этихъ кружкахъ г. Пыпину, котораго изложеніе въ этомъ случаѣ не оставляетъ ничего желать.

«Два кружка, въ которыхъ собирались наиболѣе одушевленные юноши, образовались въ одно время; но при общемъ идеализмѣ совершенно расходились въ направленіяхъ. Одинъ кружокъ съ самаго начала увлекался общественными теоріями. Другой кружокъ, образовавшійся около Станкевича, первоначально воспитался прямо на философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина, и, увлекаемый заманчивою перспективою рѣшеній для глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, отдался исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами. Оба кружка знали другъ о другѣ, но между ними не было симпатіи: мало понимая другъ друга, одни считали своихъ противниковъ фантазерами, безплодными и безчувственными къ животрепещущимъ вопросамъ общества; тѣ, въ свою очередь, смотрѣли свысока на «политиковъ» и пренебрегали мелкимъ либерализмомъ. «Имъ не нравилось и наше почти исключительно политическое направленіе,—говоритъ современникъ, тогда враждебный кругу Станкевича,—намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондерами и французами, мы ихъ—сентименталистами и нѣмцами». Бѣлинскій, съ самаго начала увлекавшійся поэтическими и отвлеченно-моральными интересами, рано присоединился къ кругу Станкевича; онъ встрѣчалъ здѣсь тѣ же стремленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ личность Станкевича произвела на него то привлекательное дѣйствіе, вліяніе котораго уцѣлѣло въ Бѣлинскомъ на многіе годы, и которое Станкевичъ производилъ вообще на всѣхъ, съ кѣмъ онъ сближался».

Трудно да и безполезно, вообще говоря, судить о томъ, что было-бы, если-бы и т. д. Въ данномъ случаѣ однако съ большою долею увѣренности можно сказать, что и для самого Бѣлинскаго, и для насъ, его почитателей, и для всей нашей литературы оказался спасительнымъ тотъ фактъ, что слишкомъ горячій и ника-

кихъ компромиссовъ не переносившій Бѣлинскій очутился подъ примирительнымъ вліяніемъ кружка Станкевича.

Рано умершій Станкевичъ, къ памяти котораго Бѣлинскій и впослѣдствіи относился съ величайшимъ уваженіемъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ «прекраснодушныхъ» личностей, которыя живутъ не борьбою, а созерцаніемъ борьбы. Типъ этотъ давно извѣстенъ и великолѣпно обрисованъ и даже оцѣненъ почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ любимымъ ученикомъ Христа: «Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ: о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ» (Апокалипсисъ). Станкевичъ былъ именно такимъ человѣкомъ: не холоднымъ и не горячимъ, а тепловатымъ. человѣкомъ, около котораго было отрадно свѣтло и тепло крошечной горсточкѣ людей, пользовавшихся счастіемъ его дружбы, но отъ котораго собственно обществу не могло быть ни тепло, ни холодно. Какъ есть жрецы «красоты», для которыхъ гравюра, картина, статуэтка важнѣе всѣхъ живыхъ дѣлъ и живыхъ вопросовъ; какъ есть фанатики юридической правды, для которыхъ писанный законъ важнѣе законовъ внутренняго сознанія, точно такъ же есть и поклонники абстракта, готовые воскликнуть—«да восторжествуетъ истина и пусть погибаетъ міръ!» Станкевичъ принадлежалъ именно къ разряду такихъ любомудровъ для любомудрія. Мы не рѣшимся сказать, что ему было «вѣрить, не вѣрить — все равно, лишь бы доказано было умно». Нѣтъ, разумѣется вѣрить, т. е. обладать (въ субъективномъ смыслѣ) истиною для него было пріятнѣе, нежели не вѣрить, т. е. сомнѣваться и искать. Но это былъ для него не вопросъ жизни и смерти, какъ для Бѣлинскаго, а вопросъ нравственнаго комфорта и умственнаго спокойствія. Станкевичу было уютно и тепло въ его теплицѣ и ничто не тянуло его на широкій вольный свѣтъ, на шумную улицу. Нравственные, внутренніе импульсы были у того добрѣйшаго человѣка слишкомъ вялы, чтобы подвигнуть его на черный трудъ, на рискъ, на безпокойства и усилія, а внѣшнихъ побужденій у него, человѣка богатаго, не могло быть. Разумна или неразумна дѣйствительность, но собственно по отношенію къ Станкевичу она являлась не мачихой, какъ къ Бѣлинскому, а ласковой и любящей нянюшкой. Это обстоятельство не могло не дѣйствовать на Станкевича подкупающимъ образомъ, какъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ гуманенъ, искренен, чистъ. Стан-

кевича и Бѣлинскаго, ихъ нравственныя физіономіи и ихъ отношеніе къ міру и къ идеаламъ, можно бы въ образахъ представить такимъ образомъ: «дѣйствительность разумна или по крайней мѣрѣ не глупа» говоритъ Станкевичъ, аккуратно и спокойно укладывая въ бумажникъ толстыя пачки ассигнацій, только что полученныхъ съ оброчныхъ имѣній. «Дѣйствительность разумна, — отрицать это могутъ только пошляки — да здравствуетъ разумъ, да здравствуетъ дѣйствительность!»—«*неистово*» кричитъ Бѣлинскій изъ всѣхъ силъ своей больной груди, полуодѣтый, полуголодный, рискующій «каждый день умереть съ голоду», по его собственному неложному признанію. Есть разница между такими отношеніями къ дѣлу и есть разница между этими двумя людьми, изъ которыхъ одинъ философствовалъ, тайно потакая своимъ инстинктамъ, а другой философствовалъ явно во вредъ своимъ личнымъ интересамъ. Если — въ чемъ, впрочемъ, нельзя сомнѣваться — Станкевичъ имѣлъ на Бѣлинскаго нравственное и умственное вліяніе, то это вліяніе имѣло характеръ нѣкоторой политической фонтанели, очень полезной по времени, по мѣсту и по обстоятельствамъ.

Необходимо отмѣтить еще слѣдующее обстоятельство. Незадолго до исключенія Бѣлинскаго, въ университетѣ началъ читать лекціи Надеждинъ, еще ранѣе того заявившій себя журнальными критическими статьями подъ псевдонимомъ Никодима Аристарховича Надоумко. Бѣлинскій усердно посѣщалъ лекціи Надеждина, какъ прежде усердно читалъ его статьи—и многое изъ философскихъ и литературныхъ взглядовъ Надеждина произвело на Бѣлинскаго сильное впечатлѣніе и было усвоено и переработано имъ. При появленіи статьи Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія» — говоритъ г. Пыпинъ — первое впечатлѣніе многихъ товарищей Бѣлинскаго было, что она написана самимъ Надеждинымъ: они встрѣтили въ ней много мыслей, уже знакомыхъ имъ по статьямъ и лекціямъ этого профессора. Спросимъ теперь: кто такой и что такое былъ Надеждинъ? Это былъ человѣкъ сильнаго ума и большой эрудиціи, но въ нравственномъ отношеніи онъ принадлежалъ къ тѣмъ «учителямъ», о которыхъ давно сказано:

> Учить, какъ жить, я пять тысячъ беру;
> Но жить, какъ учу, десяти не возьму.

Этимъ достаточно сказано. Послѣ изгнанія изъ университета

положеніе Бѣлинскаго въ матеріальномъ отношеніи было ужасно и. въ поискахъ за работой, онъ въ эту пору лично познакомился съ Надеждинымъ, который не отказывалъ себѣ въ низкомъ удовольствіи третировать его свысока, но помогалъ ему доставленіемъ переводовъ какихъ-то пошлѣйшихъ Польдекоковскихъ романовъ. Ясно. что у Надеждина, не смотря на весь его умъ, не было и предчувствія о силахъ Бѣлинскаго и его будущемъ значеніи и онъ относился къ нему, какъ къ литературному чернорабочему. Какъ бы то ни было, идейное вліяніе Надеждина на Бѣлинскаго было очень значительно, даже до того, что г. Пыпинъ называетъ Бѣлинскаго «прямымъ продолжателемъ» Надеждина.

Таковъ былъ умственный запасъ Бѣлинскаго, когда (въ 1834 году) онъ серьезно выступилъ на литературную арену статьею «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ», напечатанною въ «Молвѣ». Дебютъ молодого критика былъ блистателенъ. Статья написана съ такою силою убѣжденія и съ такою страстностью пафоса, что производитъ впечатлѣніе даже теперь. Панаевъ (воспоминанія котораго о Бѣлинскомъ вообще являются однимъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ для ознакомленія съ личностью знаменитаго критика) разсказываетъ о впечатлѣніи, которое произвела на него эта статья, при ея появленіи: «начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву познакомиться съ авторомъ ея. Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня. Не оно-ли, подумалъ я, это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?»

Что же это была за статья? Мы должны, на сколько возможно, остановиться на ней, потому что въ статьѣ этой находятся тѣ основныя философскія положенія, которыя потомъ Бѣлинскій развивалъ до крайнихъ логическихъ предѣловъ, о чемъ впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ стыда и негодованія. Сущность этихъ положеній, на первый взглядъ очень невинная, формулируется Бѣлинскимъ такимъ образомъ:

«Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло

этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя: она живетъ безпрестанно, то есть безпрестанно творить, чтобы разрушать, и разрушаетъ, чтобы творить. Она воплощается въ блестящее солнце, въ великолѣпную планету, въ блудящую комету; она живетъ и дышетъ—и въ бурныхъ приливахъ и отливахъ морей, и въ свирѣпомъ ураганѣ пустынь, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ рыканіи льва, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія... Кружится колесо времени съ быстротою непостижимою, въ безбрежныхъ равнинахъ неба потухаютъ свѣтила, какъ истощившіеся волканы, и зажигаются новыя; на землѣ проходятъ роды и поколѣнія и замѣняются новыми, смерть истребляетъ жизнь, жизнь уничтожаетъ смерть, силы природы борются, враждуютъ и умиротворяются силами посредствующими, и гармонія царствуетъ въ этомъ вѣчномъ броженіи, въ этой борьбѣ начала и веществъ. Такъ — идея живетъ: мы ясно видимъ это нашими слабыми глазами. Она мудра, ибо все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи; за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою чистоту и свѣжесть воздуха, въ пустыняхъ песчаной Аравіи и Африки поселила верблюда и страуса, въ пустыняхъ ледяного Сѣвера поселила оленя. Вотъ ея мудрость, вотъ ея жизнь физическая: гдѣ же ея любовь? Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею своимъ умомъ и знаніемъ, да пріобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной, зиждущей любви! И такъ она не только мудра, но и любяща! Гордись, гордись человѣкъ своимъ высокимъ назначеніемъ, но не забывай, что божественная идея, тебя родившая, справедлива и правосудна, что она дала тебѣ умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, а жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ любви. И такъ вотъ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами твое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай

твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я* въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства!.. Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ?.. Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно приноситъ тебѣ пользу».

Стоитъ только немного вдуматься въ этотъ отрывокъ, характеризующій всю статью, чтобы замѣтить то переходное умственное состояніе, которое переживалъ его авторъ. Если абсолютная идея выражаетъ себя во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ, *то* всѣ безъ исключенія явленія имѣютъ совершенно одинаковое право на существованіе. Если можно поставить рядомъ рыканья льва и слезу младенца, то исчезаетъ всякое различіе между вещами не только въ смыслѣ физическаго бытія, но и въ смыслѣ нравственнаго достоинства. Если бы не было мрака — не существовало бы понятія свѣта; мракъ и свѣтъ — различныя формы одной и той же сущности, различныя проявленія одной и той же «одной, вѣчной идеи». Поэзія Пушкина, военныя поселенія, «святыя чудеса запада» и крѣпостное право,—все это только грани одной и той же великой призмы. Всѣ явленія жизни — только конкретныя выраженія абсолютной идеи. А такъ какъ эта идея абсолютно-разумна, то разумны всѣ ея эманаціи, т. е. вся дѣйствительность. И такъ, что дѣйствительно, то разумно, что существуетъ, то и полезно, и мудро, и нравственно, и справедливо.

Какъ видитъ читатель, намъ было достаточно немногихъ строкъ, чтобы отъ положенія Бѣлинскаго логически перейти къ знаменитому положенію Гегеля: до такой степени они близки между собою. Разумѣется, такой логическій и безстрашный мыслитель какъ Бѣлинскій очень скоро сдѣлалъ этотъ шагъ, но собственно въ разсматриваемой нами статьѣ онъ еще воздержался отъ него, потому что въ немъ не умеръ еще ветхій человѣкъ, Бѣлинскій-моралистъ. Такова мудрость этой идеи—говоритъ Бѣлинскій—гдѣ же ея любовь? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ совершенно въ духѣ своей трагедіи,—до повторенія даже въ мелочахъ, въ метафорахъ («ползи змѣею между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, пей кровь и слезы» и проч.). Индивидуально-нравственный идеалъ опять воздвигается передъ нами и на этотъ разъ совершенно некстати,

потому что пантеистическая любовь, распространяясь на все живущее и на все существующее, исключаетъ выборъ, дѣлаетъ не нужнымъ судъ, сглаживаетъ различіе между благомъ и зломъ, красотою и безобразіемъ: надо любить все, всѣхъ и за все. И такъ мудрость «идеи» найдена; любовь ея опредѣлена. Бѣлинскій забылъ только поставить вопросъ о третьемъ аттрибутѣ: гдѣ же ея справедливость? Бѣлинскій додумался и до этого вопроса—но только уже далеко впослѣдствіи.

VI.

Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Москвѣ.

Скажемъ еще разъ: съ внѣшне-біографической стороны жизнь Бѣлинскаго не представляетъ ни матеріала, ни интереса. Періодъ пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ можетъ быть изложенъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Началъ онъ свою литературную дѣятельность въ «Молвѣ», продолжалъ ее въ «Телескопѣ» Надеждина. Послѣ запрещенія «Телескопа» (за извѣстную статью Чаадаева) редактировалъ «Московскій Наблюдатель» и писалъ въ немъ (съ 1838 г.); бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи; болѣлъ и ѣздилъ для поправленія здоровья на Кавказъ; въ октябрѣ 1839 года уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ вслѣдствіе приглашенія сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вотъ главные внѣшне-біографическіе пункты московской жизни Бѣлинскаго, не представляющіе собою, какъ видитъ читатель, ровно ничего замѣчательнаго или поучительнаго. Жизнь Бѣлинскаго съ внѣшней стороны была обыкновеннымъ сѣрымъ существованіемъ русскаго литератора, у котораго рядомъ съ вопросами философіи, искусства, идеаловъ, идутъ вопросы о задѣльной платѣ, о безработицѣ, о кускѣ хлѣба.

Но умственная жизнь била широкимъ и могучимъ ключемъ, не смотря на узость рамокъ. Кружокъ, къ которому всѣ тѣснѣе и тѣснѣе примыкалъ Бѣлинскій и общепризнаннымъ главою котораго былъ Станкевичъ, все болѣе и болѣе углублялся въ вопросы духа, улучшался качественно и возросталъ количественно. Это былъ уже не студенческій кружокъ молодыхъ людей, собиравшихся для совмѣстнаго чтенія хорошихъ книжекъ и собственныхъ «пробъ пера»— это было общество замѣчательныхъ людей, связанныхъ солидар-

ностью воззрѣній и далеко опередившихъ свое общество. Въ составъ кружка, кромѣ Станкевича и Бѣлинскаго, входили такіе люди какъ Константинъ Аксаковъ, Бакунинъ, Боткинъ, Кудрявцевъ, Грановскій, Кетчеръ, Красовъ, Клюшниковъ, Строевъ, Катковъ, Ефремовъ. Никакихъ спеціальныхъ, предуставленныхъ цѣлей этотъ кружокъ не преслѣдовалъ; онъ былъ простымъ результатомъ естественнаго тяготѣнія другъ къ другу людей одинаковыхъ понятій и одинаковой степени умственнаго развитія. Нужно перенестись мыслью за шестьдесятъ лѣтъ назадъ, чтобы понять всю необходимость такого явленія какъ наши кружки тридцатыхъ годовъ. Умственные запросы начали пробуждаться въ обществѣ, но никакихъ путей и формъ для удовлетворенія этой потребности почти не существовало. Университеты находились въ жалкомъ положеніи; журналистики не существовало. Интеллигентный человѣкъ былъ одинокъ, слабъ, скоро падалъ духомъ, спивался... Такъ, было напр., съ Бѣлинскимъ-отцомъ, но такъ, къ счастью, не было ни съ Бѣлинскимъ-сыномъ, ни съ его друзьями, и въ этомъ дѣлѣ ихъ личнаго спасенія (а стало быть и огромной общественной выгоды) «кружокъ», единеніе, взаимная поддержка и взаимный контроль сыграли огромную роль. Бѣлинскій былъ несправедливъ, когда по распаденіи кружка, живя уже въ Петербургѣ, писалъ въ одномъ письмѣ: «я отъ души радъ, что нѣтъ уже этого кружка, въ которомъ много было прекраснаго, но мало прочнаго; въ которомъ нѣсколько человѣкъ взаимно дѣлали счастіе другъ друга и взаимно мучили другъ друга». Очевидно, это слишкомъ субъективная оцѣнка, подъ вліяніемъ боли еще незажившихъ ранъ. Но дѣло было не въ этихъ ранахъ, равно какъ и не въ «счастіи», доставляемомъ кружкомъ, а въ его умственно-развивательной и нравственно-презервативной роли.

«Бѣлинскій — говоритъ г. Пыпинъ—не занималъ въ кружкѣ перваго мѣста: онъ уступалъ однимъ въ силѣ теоретической мысли, другимъ—въ объемѣ свѣдѣній, но, конечно, превышалъ всѣхъ энергіей чувства, искренностью и полнотою убѣжденія, съ какими онъ въ каждомъ данномъ моментѣ отдавался своимъ идеямъ и которыя сдѣлали то, что именно онъ изъ цѣлаго кружка и явился въ литературѣ представителемъ его содержанія и исторической заслуги».

Все это справедливо, за исключеніемъ однако того замѣчанія, что энергія чувства и полнота убѣжденія сдѣлали Бѣлинскаго ли-

тературнымъ представителемъ кружка: не энергія, а огромный литературный талантъ доставили ему эту роль представителя и выразителя, талантъ, которымъ Бѣлинскій далеко превосходилъ всѣхъ безъ исключенія членовъ *московскаго* кружка. Энергія чувства и полнота убѣжденія—только элементы таланта, но далеко не вся его сущность. Членъ кружка, обозначаемый обыкновенно г. Пыпинымъ инпціалами, едва ли уступалъ Бѣлинскому въ энергіи убѣжденія, но онъ плохо владѣлъ литературной формой, которой Бѣлинскій наоборотъ обладалъ въ совершенствѣ. Можно знать превосходно исторію и теорію музыки, не будучи музыкантомъ, но не имѣя голоса, нельзя быть пѣвцомъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что если бы въ составѣ кружка не было Бѣлинскаго, кружокъ не получилъ бы и четвертой доли того общественно-историческаго значенія, какое за нимъ признается благодаря именно тому, что онъ имѣлъ въ лицѣ Бѣлинскаго высоко талантливаго популяризатора своихъ воззрѣній и теорій. Сколько бы ни защищалъ г. Пыпинъ Станкевича и какъ бы самъ Бѣлинскій ни превозносилъ своего друга, остается совершенно несомнѣннымъ, что Станкевичъ былъ не болѣе какъ «мужъ госпожи Тедеско», интимный другъ *нашего* друга, авторитетъ *нашего* авторитета. Вычеркните изъ біографіи Бѣлинскаго даже самое имя Станкевича и она только сократится на нѣсколько эпизодовъ, ни на волосъ не утративши своего значенія, но вычеркните изъ біографіи Станкевича имя Бѣлинскаго и она потеряетъ почти всякій raison d'être: «по какому случаю шумъ?» съ полнымъ правомъ спросимъ мы тогда. Кто такой господинъ Станкевичъ? Въ чемъ заключаются его общественныя заслуги? Да, мы согласны, что Бѣлинскій «не занималъ въ кружкѣ перваго мѣста», какъ не занималъ его и въ школѣ. Но какъ о чембарскомъ уѣздномъ училищѣ и его учителяхъ мы говорили потому только, что тамъ учился *не первый ученикъ* Бѣлинскій, такъ, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени такъ, мы разсуждаемъ теперь и о московскомъ кружкѣ потому главнымъ образомъ, что въ немъ былъ Бѣлинскій, не занимавшій въ немъ «перваго мѣста». Бѣлинскій не былъ бархатно-мягокъ, какъ Станкевичъ, не умѣлъ импонировать, какъ Бакунинъ, не бахвалился и не лѣзъ на рожонъ, какъ лѣзъ самый молодой — изъ молодыхъ да ранній—членъ кружка, а эти качества, сами по себѣ или безразличныя или прямо отрицательныя, зачастую сильнѣе всего со-

дѣйствуютъ полученію «перваго мѣста». Станкевичъ былъ всеобщимъ любимцемъ и конфидентомъ своихъ друзей, его роль была ролью нѣкотораго нравственнаго центра и цемента кружка. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что безъ него не было бы и кружка, но однако и безъ кружка мы имѣли бы тѣхъ же: критика Бѣлинскаго, профессоровъ Грановскаго и Кудрявцева и т. д.

Кромѣ Станкевича, Бѣлинскій очень близко сошелся съ В. Боткинымъ, котораго вліяніе на него было довольно значительно. Человѣкъ безспорно очень умный и начитанный, Боткинъ въ нравственномъ смыслѣ принадлежалъ къ числу тѣхъ «благороднѣйшихъ» людей, которые сіяютъ благородствомъ лишь до перваго серьезнаго испытанія и за которыхъ никогда нельзя поручиться, что они не кончатъ совершенно инымъ образомъ. Это люди съ воззрѣніями, но безъ убѣжденій. Они достаточно умны для того, чтобы самостоятельно составить для своего обихода отчетливый взглядъ на какое угодно сложное явленіе, но судьбою этого взгляда они дорожатъ немного болѣе, чѣмъ судьбою того мягкаго дивана, на которомъ они, философствуя, возлежатъ. Нѣтъ эгоистовъ хуже ихъ, и нѣтъ эпикурейства болѣе надменнаго и злостнаго, нежели ихъ самоуслаждающееся существованіе. Въ недавно опубликованныхъ (въ («Русскомъ Обозрѣніи») письмахъ Тургенева къ г. Фету есть слѣдующее замѣчательное мѣсто: «получилъ—пишетъ Тургеневъ—отъ этого франта (т. е. отъ Боткина) письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ ноябрѣ въ Петербургъ и что у него происходитъ бурчаніе въ животѣ». Тутъ полная характеристика Боткина. «Бурчаніе въ животѣ»—это для Боткина такой фактъ, о которомъ стоитъ подумать, который стоитъ записать и о которомъ стоитъ сообщить своему другу какъ о дѣлѣ большой важности. И это для Боткина логично. Кто ставитъ себя центромъ міра (какъ всякій послѣдовательный эгоистъ), тотъ не можетъ не придавать огромнаго значенія состоянію своего собственнаго центра.

Въ нашей характеристикѣ нѣтъ ни малѣйшей утрировки и мы могли бы, если бы имѣли достаточно мѣста обосновать ее документально. И вотъ такой то человѣкъ, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, пользовался интимною дружбою, довѣріемъ и уваженіемъ Бѣлинскаго и вліялъ на него! Мы вовсе нерасположены изображать Бѣлинскаго въ видѣ какого-то ротозѣя, который могъ глядѣть чужими глазами и думать чужимъ умомъ. Однако, самъ Бѣлинскій сказалъ:

«я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ; но этимъ не все оканчивалось, и при одномъ этомъ я ничего бы не пріобрѣлъ: жизнью моею, цѣною слезъ, воплей души, усвоилъ я себѣ эти мысли и онѣ вошли глубоко въ мое существо». Позволительно спросить: чѣмъ вызывались эти слезы, какая была причина этихъ воплей души? Эти слезы отнюдь не были радостными слезами неофита, впервые узрѣвшаго истину,—эти слезы были свидѣтельствомъ мученія благородной натуры и любвеобильнаго сердца, возставшихъ противъ насильственно къ нимъ прививаемыхъ ученій.

Чего стоило Бѣлинскому это насиліе, во имя мнимыхъ велѣній разума, надъ своею натурою и надъ своими интересами, видно изъ его слѣдующихъ словъ: «я мало принесъ жертвъ для мысли, или, лучше сказать, только одну принесъ для нея жертву—готовность лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ для нея». *Мало* жертвъ, *одну* жертву—это, мимоходомъ замѣтить, характеризуетъ постоянный, а не случайный взглядъ на самого себя Бѣлинскаго. Это было не то смиреніе, которое паче гордости, не гоголевское, напр., фарисейское смиреніе, это было выраженіе преклоненія передъ идеаломъ, въ сравненіи съ которымъ, конечно, всякій человѣкъ малъ и всякіе труды и жертвы недостаточны, это было, наконецъ выраженіе того горькаго сознанія ограниченности человѣческихъ силъ, которое давнымъ давно уже имѣло знаменитую формулу: «я знаю только то, что ничего не знаю». Но греческій мудрецъ говорилъ объ этомъ съ спокойнымъ объективизмомъ, а нашъ «великій самоучка» говорилъ то-же самое съ покаяннымъ чувствомъ самоосужденія. Но это—въ скобкахъ. И такъ, *одна* жертва, которая заключалась... въ чемъ? Въ отказѣ отъ «самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ»! Въ переводѣ на простой языкъ это значитъ вотъ что: единственная, *малая* жертва Бѣлинскаго состояла въ подавленіи своей совѣсти. «*Задушевныя* субъективныя чувства», о которыхъ говоритъ Бѣлинскій—это чувство сострадательности къ тому, что «несчастно, голодно и бѣдно, что ходитъ голову склоня», чувство справедливости, чувство, наконецъ, своего личнаго, безпрестанно разумною дѣйствительностью оскорбляемаго достоинства, словомъ всѣ чувства и истинкты альтруистическаго свойства, совокупность которыхъ и есть то, что мы называемъ совѣстью. Вотъ какою *малою* цѣною доставались Бѣлинскому его воззрѣнія, вотъ къ какимъ нравственнымъ результатамъ привело его слѣпое довѣріе

къ руководительству отвлеченной мысли, не согрѣтой лучемъ непосредственнаго человѣческаго чувства. Мы приведемъ изъ писемъ Бѣлинскаго, напечатанныхъ въ книгѣ г. Пыпина, два отрывка, въ которыхъ хорошо резюмируются его тогдашніе философскіе и политическіе взгляды. Вотъ документъ по первому пункту:

«Внѣ мысли все—призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгніетъ, но твое *я*—останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но *я* твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естество знанія суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, что такое человѣкъ, что такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа. Только въ ней (въ философіи) ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастія. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь. Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Еслибы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ».

Что тутъ сказать? Можно сказать, пожалуй, à la Собакевичъ,

что тѣло человѣческое «нѣтъ, не мечта»; можно сказать далѣе, что философія, награждающая философа такимъ «счастіемъ», при которомъ приходится «лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ»—философія чрезвычайно подозрительная, и «счастіе», даваемое ею, хуже всякаго несчастія; можно замѣтить еще, что конечно, «если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства», то Россія «сдѣлалась бы счастливѣйшею страною», это просто, какъ азбука, и вѣрно, какъ таблица умноженія. Но лучше все таки эти совершенно вѣрныя мысли предоставить въ собственность Манилова и Кифы Мокіевича. Многое еще можно было бы сказать по поводу приведеннаго отрывка, но для характеристики достаточно и сказаннаго. Обозвавши «пустыми головами» всѣхъ русскихъ людей, занимавшихся политикой, Бѣлинскій представляетъ, однако, свою политическую программу:

«Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно; но это оттого, что мы еще должны быть рабами, Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію! Въ понятіи нашего народа, свобода есть воля, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы впрочемъ у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція—и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на

царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. И такъ оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому».

Приведя эти письма, г. Пыпинъ весьма умѣстно напоминаетъ, что «это примирительное направленіе, это довольство русской дѣйствительностью высказалось именно тогда, когда эта дѣйствительность была къ Бѣлинскому всего суровѣе, потому что въ это время его матерьяльныя обстоятельства были ужасны». Хорошей иллюстраціей къ этому замѣчанію г. Пыпина можетъ служить одна сцена, разсказанная Панаевымъ въ его «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ». Бѣлинскій приготовилъ для «Отечественныхъ Записокъ» статью, которую и прочиталъ Панаеву, пріѣхавшему на то время въ Москву.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненный странной торжественности и напряженнаго пафоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе... Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически.

— «Удивительно! превосходно! повторялъ я во время чтенія и по окончаніи его;—но я вамъ замѣчу одно...

— «Я знаю что,—не договаривайте,—перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій, — меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать свои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали...

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи.

— «Да! это мои убѣжденія, продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе... Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки.. они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ,—вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

— «Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ... Мнѣ легче умереть съ голода — я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькой ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передо мною»...

Хотѣлось бы намъ, чтобы эта сцена также «врѣзалась въ память» и нашего читателя... Это было бы хорошо не только потому, что личность Бѣлинскаго получила бы вѣрное освѣщеніе, но также и потому, что всѣмъ и всегда полезно во-очію увидѣть, что дѣйствительно не единымъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, что идеальные интересы—не выдумка и не фраза, что «живъ Богъ нашъ и жива душа наша». Въ эпохи, когда равнодушіе къ истинѣ является основной характеристической чертой—это полезно въ особенности.

Строй идей, овладѣвшихъ Бѣлинскимъ въ этотъ періодъ его развитія, отразился на его литературной дѣятельности гораздо слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Этому способствовалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, изъ которыхъ мы укажемъ на два, по нашему мнѣнію, наиболѣе важныя. Внутренній огонь, сжигавшій Бѣлинскаго, та потребность высказаться, которая сопровождаетъ каждое дѣйствительное убѣжденіе, въ значительной степени удовлетворялась Бѣлинскимъ не путемъ литературной проповѣди, а посредствомъ интимной бесѣды и переписки съ своими друзьями — главнымъ образомъ съ Боткинымъ и Станкевичемъ. Письма Бѣлинскаго къ этимъ лицамъ достигали иногда размѣра цѣлыхъ статей, въ которыхъ Бѣлинскій давалъ полную волю и своей мысли, и своему языку *). Другое обстоятельство заключалось въ особенностяхъ тогдашней литературы. Бѣлинскій, какъ критикъ, былъ чрезвычайно счастливъ въ томъ отношеніи, что современная ему русская литература блистала богатствомъ первоклассныхъ художественныхъ талантовъ: Пушкинъ

*) Значительное количество этихъ писемъ собрано и напечатано г. Пыпинымъ въ его книгѣ о Бѣлинскомъ, которую мы вообще усердно рекомендуемъ *нашему* читателю, если онъ еще не знакомъ съ нею.

былъ въ полномъ развитіи силъ, только что сошелъ со сцены Грибоѣдовъ, выступили Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ, а вскорѣ за ними Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Гончаровъ, Достоевскій, не говоря уже о второстепенныхъ поэтахъ, какъ Полежаевъ, и второстепенныхъ беллетристахъ, какъ Панаевъ. Какое неистощимое поле для критики, какое богатство благодарнѣйшихъ темъ! Бѣлинскій разсматриваемаго нами періода, согласно общему духу своего тогдашняго міросозерцанія, держался въ критикѣ принциповъ чистой эстетики. Его девизъ былъ «искусство для искусства», его основнымъ требованіемъ было требованіе отъ художника объективности. Казалось бы—какихъ добрыхъ результатовъ можно было ожидать отъ критики, построенной на столь мертвенныхъ началахъ? И однако же дѣятельность Бѣлинскаго въ московскихъ журналахъ имѣла огромное значеніе. Не о томъ говоримъ мы, что статьи Бѣлинскаго, страстно-одушевленныя, патетическія, дѣйствовали на читателя, независимо отъ своего содержанія, самымъ тономъ своимъ, возбуждали дѣятельность мысли, зажигали сердца и умы—это подразумѣвается само собою. Мы утверждаемъ, что критика Бѣлинскаго того времени принесла огромную пользу по самому содержанію своихъ ученій, не смотря на ихъ ошибочность. Основная задача, стоявшая тогда въ литературѣ на очереди, состояла въ томъ, чтобы расчистить путь тому реалистическому направленію, которое, въ лицѣ Гоголя, дѣлало свои первые, неувѣренные шаги. Сущность и будущее общественное значеніе этого направленія предугадать въ то время было слишкомъ мудрено, но были и тогда люди, которые почувствовали «новое слово» въ столь, повидимому, безхитростныхъ бездѣлкахъ, какъ первыя повѣсти Гоголя—и впереди всѣхъ между этими людьми стоялъ Бѣлинскій. Какъ эстетикъ, онъ доказывалъ въ «Телескопѣ» (статья «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя»), что повѣсти Гоголя — эстетически прекрасны, художественны, что «Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной» и т. д. Это и было какъ разъ то, что требовалось. Надо было привлечь вниманіе и сочувствіе общества къ новому явленію—и это Бѣлинскій сдѣлалъ положительно своими критическими статьями; надо было далѣе оборонять литературнаго новатора (самъ по себѣ Гоголь былъ совершенно беззащитенъ) отъ злобныхъ нападокъ литературныхъ старовѣровъ и ихъ прихвостней — и это Бѣлинскій сдѣлалъ отрицательно, съ большимъ полемическимъ усердіемъ и съ большою ловкостью

осмѣивая литературныхъ противниковъ Гоголя. Бѣлинскій остался бы непонятымъ и неуслышаннымъ, если бы, опережая время, сталъ говорить о картинахъ русской жизни Гоголя не какъ о картинахъ, не какъ только и исключительно о художественныхъ произведеніяхъ, а по ихъ содержанію, по ихъ горькому внутреннему смыслу. Къ счастію, да, *къ счастью*, поклоннику разумности дѣйствительности слишкомъ мудрено было прозрѣть этотъ смыслъ въ фигурахъ Пирогова, Ивана Ивановича, Ивана Никифоровича, Пульхеріи Ивановны и т. д. Онъ толковалъ объ ихъ общечеловѣческомъ содержаніи, восхищался «народностью», оригинальностью, юморомъ Гоголя и *пока* этого было вполнѣ достаточно. Для того чтобы подойти къ вопросу: «чего смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» надо было прежде признать, что въ разумной дѣйствительности не все разумно—а это было у Бѣлинскаго еще впереди.

VII.

Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Петербургѣ.

Мы упоминали уже о томъ, что, по запрещеніи «Телескопа», Бѣлинскій взялся за редактированіе «Московскаго Наблюдателя»—захудалаго журнальца, издававшагося нѣкіимъ Степановымъ, человѣкомъ совершенно непричастнымъ литературѣ. Журналъ не пошелъ, денегъ на изданіе не было, и положеніе Бѣлинскаго было крайнее. Краевскій какъ разъ въ это время организовалъ редакцію для пріобрѣтенныхъ имъ отъ Свиньина «Отечественныхъ Записокъ», и Бѣлинскій обратился къ Панаеву, хорошо знавшему Краевскаго, съ просьбою сблизить его съ новымъ журналомъ. Разсказъ Панаева объ этомъ дышетъ такой правдой и такъ хорошо обрисовываетъ еще одну сторону Бѣлинскаго—его крайнюю непрактичность,—что мы не пожалѣемъ для него здѣсь мѣста. Вотъ этотъ разсказъ.

— «Нѣтъ,—сказалъ Бѣлинскій,—мнѣ, во что бы ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла и Москва опротивѣла мнѣ. Что, какъ вы думаете, можно будетъ какъ нибудь уломать жида-Краевскаго?

«Надобно сказать, что Бѣлинскій въ первые же дни нашего знакомства, сообщая мнѣ о погибели «Наблюдателя», объявилъ, что онъ не прочь былъ бы переѣхать въ Петербургъ и принять на себя критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я не скрылъ отъ него, какъ Краевскій отзывается объ немъ.

— «Онъ вполнѣ надѣется,—прибавилъ я,—что Межевичъ оживитъ его журналъ своей критикой, и я оставилъ ихъ въ самомъ пріятномъ и дружескомъ расположеніи.

«Бѣлинскій горько улыбнулся.

— «Ну, нечего сказать, хорошъ вашъ Краевскій!.. Да вѣдь этотъ Межевичъ—безталантнѣйшій смертный, совершенная тупица... Межевичъ ничего не можетъ сдѣлать, ему понадобится непремѣнно другой человѣкъ; а вы, между тѣмъ, напишите ему, что я не прочь... разумѣется, за хорошее вознагражденіе, напишите, что у меня есть статья о «Менцелѣ»—и расхвалите ее, разумѣется, какъ можно больше, и что эту статью я предназначаю для его журнала... Она еще не написана,—ну, да это все равно. Сблизьте меня какъ-нибудь съ нимъ, да обдѣлайте это дѣло половчѣе... Не говорите ему объ моей нищетѣ; онъ, пользуясь этимъ, еще пожалуй прижметъ меня».

Какая, подумаешь, необычайная «тонкость обращенія!» Сколько дипломатіи обнаруживаетъ этотъ критикъ Макіавелли и каково придется бѣдному редактору въ сношеніяхъ съ такимъ хитрѣйшимъ сотрудникомъ! Панаевъ сдѣлалъ свое дѣло, и какъ только Бѣлинскій вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Краевскимъ, всѣ его бѣлыми нитками сшитыя хитрости пошли прахомъ: онъ сейчасъ же забралъ у Краевскаго денегъ впередъ на уплату долговъ и на отъѣздъ изъ Москвы и *за одну тысячу руб. въ годъ* принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ». Вотъ это называется ловко обдѣлать выгодное дѣло! Андрей Краевскій не имѣлъ ни малѣйшей роли въ развитіи понятій и идей Бѣлинскаго, и мы на его личности останавливаться не намѣрены. Это былъ не мыслитель, а дѣлецъ; не литераторъ, а литературный антрепренеръ. Его отношенія къ Бѣлинскому совершенно походили на отношенія главноуправляющаго къ Пьеру Безухому въ романѣ «Война и миръ» Толстого: «главноуправляющій, весьма глупый и хитрый человѣкъ, совершенно понималъ умнаго и наивнаго графа и игралъ имъ какъ игрушкой». Бѣлинскій былъ наивенъ какъ дитя, и Краевскому не составило никакого труда превратить его въ клячу, въ щедринскаго «конягу» своего журнала, конягу, которому надо только приговаривать: «но, но, каторжный!» да изрѣдка подсыпать овсеца, чтобы онъ влегъ въ хомутъ изо всѣхъ своихъ силъ. Въ Краевскомъ была та хорошая черта, что въ глубинѣ души онъ зналъ свой шестокъ и, умѣренно и аккуратно гешефтмахерствуя, не лѣзъ на ньедесталъ, не претендовалъ на идейное руководительство, не стремился къ нравственному главенству. Совсѣмъ даже напротивъ: Бѣлинскій дебютировалъ въ его журналѣ

крайне рѣзкими статьями въ духѣ своего московскаго настроенія—и Краевскій похваливалъ ихъ. Въ Бѣлинскомъ произошелъ идейный переломъ и онъ началъ писать статьи совершенно въ противоположномъ направленіи—Краевскій и эти статьи одобрялъ. Съ точки зрѣнія Краевскаго онъ нисколько не противорѣчилъ себѣ: вѣдь и тѣ и другія статьи Бѣлинскаго представляли собою ходкій товаръ, а это только и нужно было антрепренеру. За Краевскимъ во всякомъ случаѣ, остается серьезная заслуга организатора журнала, въ которомъ могли высказаться Бѣлинскій и его друзья, и хотя послѣднее совершилось не только помимо воли, но и помимо сознанія организатора, тѣмъ не менѣе, не будь Краевскаго, не было бы журнала. Самая прекрасная дѣвушка не можетъ дать больше того, что сама имѣетъ, какъ говоритъ французская пословица, и неужели было бы лучше, если бы Краевскій употребилъ данные ему Богомъ таланты на организацію не журнала, а какого-нибудь увеселительнаго заведенія? Всякій свое получилъ: Краевскій – деньги, Бѣлинскій любовь и уваженіе цѣлаго ряда поколѣній. Желчныя обвиненія, направленныя Панаевымъ на Краевскаго главнымъ образомъ за Бѣлинскаго, рѣшительно не имѣютъ основанія.

Переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ состоялся въ октябрѣ 1839 года. Г. Пыпинъ хорошо оцѣниваетъ значеніе этого переѣзда для Бѣлинскаго. «Петербургъ—говоритъ г. Пыпинъ—прежде всего отрывалъ Бѣлинскаго отъ тѣснаго кружка, въ которомъ до тѣхъ поръ сосредоточивалась его жизнь, и внѣшняя и внутренняя, и который такъ способствовалъ развитію и укрѣпленію его крайне идеалистическаго настроенія. Эта жизнь въ кружкѣ уже исчерпывала себя къ концу пребыванія Бѣлинскаго въ Москвѣ; личные раздоры были признакомъ, что въ кружкѣ является что-то ненормальное, натянутое; нужно было освѣженіе отъ душнаго воздуха идеалистической экзальтаціи, выходъ въ простую дѣйствительную жизнь. Переселеніе въ Петербургъ было кризисомъ. Онъ былъ мучителенъ для Бѣлинскаго, потому что надо было отказаться отъ давней привычки, становившейся второю природою, отказаться отъ постоянныхъ личныхъ связей, гдѣ, кромѣ пищи идеализму, Бѣлинскій находилъ себѣ и искреннее сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался. Въ Петербургѣ его окружали новые люди; онъ встрѣчалъ и отъ нихъ много искренняго расположенія, но для дружбы съ ними не было у него тѣхъ «историческихъ основаній», которыя онъ считалъ

необходимыми и которыя дѣйствительно для нея необходимы. Нужно было время, чтобы онъ освоился съ новой обстановкой».

Это справедливо. Но болѣе важное указаніе г. Пыпина на сущность переворота, вскорѣ происшедшаго во взглядахъ Бѣлинскаго, требуетъ и серьезной поправки. Г. Пыпинъ говоритъ: «Основная черта этой внутренней жизни заключается именно въ томъ, что для Бѣлинскаго все больше и больше разъясняется фантастическое преувеличеніе его прежней точки зрѣнія и раскрывается иной взглядъ на вещи, который, наконецъ, и становится его господствующимъ воззрѣніемъ. Весь этотъ переломъ произошелъ втеченіе перваго же года его пребыванія въ Петербургѣ, и произошелъ въ немъ самостоятельнымъ развитіемъ: постороннія вліянія, которыя дѣйствовали до извѣстной степени, были только поводомъ, а главной причиной перелома было его собственное развитіе, встрѣча съ непосредственной дѣйствительностью, которой до того времени онъ не видѣлъ за философскими фантасмагоріями московскаго кружка. На него подѣйствовали не столько теоретическія возраженія, сколько сама жизнь, и, разъ ее увидѣвъ, разъ надъ нею задумавшись, онъ самъ передѣлалъ всю систему своихъ понятій»... Это говорится о тридцатилѣтнемъ человѣкѣ сильнаго ума и огромнаго литературнаго таланта... «*Разъ увидѣвъ жизнь*—но развѣ до тѣхъ поръ Бѣлинскій на лунѣ, а не на землѣ жилъ? «*Разъ надъ нею задумавшись*»—но неужели философствованія Бѣлинскаго происходили въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ, а не на почвѣ реальной дѣйствительности? Мученія Бѣлинскаго именно въ томъ и заключались, что несмотря на требованія своей примирительной философіи, онъ не могъ примириться съ дѣйствительностью, потому что видѣлъ ее, мыслилъ о ней, хотя бы уже просто въ качествѣ литературнаго критика, постоянно анализирующаго явленія литературы, т. е. изображенія дѣйствительности. Далѣе, почему бы это Бѣлинскій, живя въ Москвѣ, никакъ не могъ разсмотрѣть дѣйствительности, а какъ переѣхалъ въ Петербургъ, тотчасъ ее и разсмотрѣлъ? Между московской и петербургской дѣйствительностью, не только въ философскомъ, но и въ болѣе узкомъ смыслѣ, разницы нѣтъ никакой, и если Бѣлинскій находилъ для своего оптимизма достаточныя основанія въ Москвѣ, то онъ могъ бы удовлетворяться ими и переѣхавши въ Петербургъ.

Не потому Бѣлинскій эмансипировался отъ «философскихъ фан-

тасмагоріи» кружка, что физически разлучился съ нимъ, а потому, и только потому, что къ этому привелъ его процессъ его развитія. Съ полной увѣренностью утверждаемъ мы, что если бы Бѣлинскій остался въ Москвѣ и въ составъ кружка вошли бы еще нѣсколько новыхъ Станкевичей и Боткиныхъ — результатъ былъ бы тотъ же самый. Бѣлинскій пережилъ эту фазу развитія, переросъ кружковую философію—вотъ вся исторія его умственнаго переворота, происшедшаго единственно и исключительно въ силу внутреннихъ мотивовъ и процессовъ. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя развиваются болѣзненно и трудно, но непрерывно, резвиваются (вспомнимъ напр. Салтыкова) даже тогда, когда начинаютъ падать силы физическаго организма. Вспомнимъ еще разъ слова Бѣлинскаго, что ему, ради своей философіи, приходилось «жертвовать самыми задушевными субъективными чувствами своими». Для людей отвлеченной и пассивной благожелательности, какимъ былъ Станкевичъ, или для людей индифферентныхъ, какъ Боткинъ, такой разладъ съ самимъ собою, такой диссонансъ между мыслью и непосредственнымъ чувствомъ былъ не чувствителенъ и даже не замѣтенъ. Великое преимущество Бѣлинскаго надъ всѣми его друзьями состояло (помимо литературнаго таланта) именно въ активности его совѣсти, въ томъ, что онъ жаждалъ не только истины, но и справедливости. Будучи *человѣкомъ*, онъ не могъ быть только «головастикомъ». Состояніе кризиса, въ которомъ находился Бѣлинскій, прекрасно выражено имъ въ одномъ изъ его писемъ. «Мнѣ— писалъ Бѣлинскій — теперь ни до кого нѣтъ дѣла, я никого не люблю, ни въ комъ не принимаю участія, — потому что для меня настало такое время, когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензіи на всякую жизнь, на всякое счастіе... Но я не могу и спиться... Мнѣ остается одно: или сдѣлаться дѣйствительнымъ, или до тѣхъ поръ, пока жизнь не погаснетъ въ тѣлѣ, пѣть вотъ эту пѣсенку—

Я увялъ и увялъ
Навсегда, навсегда,
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!»

Вотъ какъ заговорилъ человѣкъ, который еще такъ недавно толковалъ о «мирѣ», «гармоніи» и «счастіи», добытыхъ имъ путемъ

отвлеченной мысли. Столь упорно и долго подавляемыя «задушевныя субъективныя чувства» взяли, наконецъ, верхъ надъ діалектическими построеніями—и въ этомъ состояла *нравственная* сторона овладѣвшаго Бѣлинскимъ кризиса.

Идейное содержаніе новаго направленія Бѣлинскаго опредѣлить еще легче. Строго говоря, формулу этого направленія Бѣлинскій могъ бы почерпнуть изъ той же гегелевской философіи, которую онъ исповѣдывалъ и которую—какъ оно и было на самомъ дѣлѣ—можно было истолковывать до того различно, что «гегеліанцы» — послѣдователи одного и того же учителя—стояли на различныхъ сторонахъ и относились другъ къ другу съ рѣзкительною враждебностью. «Что дѣйствительно, то разумно»—вотъ какъ резюмировались московскія воззрѣнія Бѣлинскаго. «Что разумно, то дѣйствительно» — вотъ та формула, которая съ достаточной полнотой могла бы выразить воззрѣнія Бѣлинскаго петербургскаго періода. «Что *разумно*» — т. е. все, что допускается мыслью, всѣ формы жизни, всѣ идеалы и общественныя построенія, мыслимыя нашимъ разумомъ, суть *дѣйствительны*—не въ смыслѣ реальностей, а въ смыслѣ возможностей. Очевидно, что въ *этихъ* рамкахъ нѣтъ ни малѣйшаго стѣсненія для «задушевныхъ субъективныхъ чувствъ», нѣтъ никакихъ поводовъ къ разладу между разумомъ и любовью. Напротивъ, въ послѣднемъ своемъ выраженіи и развитіи, эта формула — «что разумно, то дѣйствительно» — превращается логически въ слѣдующую: «что нравственно и справедливо, то разумно, что разумно, то дѣйствительно». Читатель, надѣемся, безъ труда сообразитъ, что такая формула не къ квіетизму ведетъ, а призываетъ къ дѣятельности, открываетъ горизонты и перспективы почти безконечныя. Бѣлинскій, напр., съ первыхъ же шаговъ въ новомъ направленіи рѣшилъ, что онъ «совсѣмъ не авторъ для *немногихъ*», какимъ онъ хотѣлъ быть прежде, что онъ долженъ писать не для друзей, а для публики.

Переворотъ произошелъ въ Бѣлинскомъ, конечно, не вдругъ, а мало по малу, какъ процессъ органическій, а не механическій. Въ письмахъ, приведенныхъ въ книгѣ г. Пыпина, можно почти шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе этого процесса. Вотъ, напр., что онъ писалъ изъ Петербурга Боткину:

«Да, по прежнему брезгаю французами... но идея общества обхватила меня крѣпче—и пока въ душѣ останется хотя искорка,

а въ рукахъ держится перо, — я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь—душа возмущается, чувства оскорбляются. Что мнѣ за дѣло до кружка—во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ уже нашъ кружокъ и разсыпался, и еще больше разсыплется, а куда преклонить голову, гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «О. З.». Я литераторъ — говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть, чтобы расейская публика лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліянію финскихъ болотъ и гнусной плоскости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь вполнѣ успѣть въ этомъ...»

По поводу этого отрывка сдѣлаемъ мимоходомъ одно замѣчаніе, касающееся всей вообще переписки Бѣлинскаго. Письма Бѣлинскаго — замѣчательныя литературныя произведенія, болѣе замѣчательныя, нежели его печатныя статьи. Непринужденный тонъ этихъ писемъ, неожиданные переходы отъ горькаго сарказма къ веселой шуткѣ, мѣткіе эпитеты, прелестныя сравненія, иногда лучше всякихъ общихъ опредѣленій представляющія предметъ—все это даетъ истинную мѣрку того, какъ могъ бы писать Бѣлинскій при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Заслуга г. Пыпина, разыскавшаго и напечатавшаго эти письма—заслуга можно сказать незабвенная. Въ другомъ письмѣ, написанномъ около того же времени, Бѣлинскій жалуется на овладѣвшую имъ апатію—вѣрнѣйшій признакъ и неизбѣжный спутникъ всякихъ серьезныхъ переломовъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ — но тутъ же намекаетъ и на возможность исцѣленія: «Мнѣ—пишетъ онъ—остается одно: объективный интересъ моей литературной дѣятельности. Только тутъ я самъ уважаю себя... потому что вижу въ себѣ безконечную любовь и готовность на всѣ жертвы, только тутъ я и страдаю, и радуюсь не о себѣ и не за себя, только тутъ моя дѣятельность торжествуетъ надъ лѣнью и апатіею. И потому я больше горжусь, больше счастливъ какою-нибудь удачною выходкою противъ Булгарина, Греча и подобныхъ..., нежели дѣльною критическою статьею... Видно и въ самомъ дѣлѣ я нуженъ судьбѣ, какъ орудіе (хоть такое, какъ помело, лопата или

заступъ), а потому долженъ отказаться отъ всякаго счастія, потому что судьба жестока къ своимъ орудіямъ—велитъ имъ быть довольными и счастливыми тѣмъ, что они орудія, а больше ничѣмъ, и употребляетъ, пока не изломаются, а тамъ бросаетъ. Такъ и я: въ жизни... помучусь, поколочусь..., а тамъ... погружусь въ міровую субстанцію и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди!..»

Прошло еще немного времени и Бѣлинскій дѣлаетъ новый шагъ въ томъ же направленіи: «Съ французами я помирился совершенно: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико. Они не понимаютъ абсолютнаго и конкретнаго, но живутъ и дѣйствуютъ въ ихъ сферѣ. Любовь моя къ родному, къ русскому, стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство. Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло».

Еще нѣсколько мѣсяцевъ усиленной внутренней работы, перемежавшейся припадками настоящаго отчаянія—и «неистовый Виссаріонъ» начинаетъ неистовствовать съ прежнею силою, но уже совершенно на другой мотивъ.

Какъ бы то ни было, соглашеніе произошло — и «Отечественныя Записки» (редакторъ которыхъ благоразумно и тактично оставилъ въ своемъ вѣдѣніи только административную и экономическую часть дѣла) сдѣлались центромъ и органомъ всего передового, талантливаго и живого въ нашей тогдашней литературѣ. Идея личности и ея правъ, не въ духѣ отвлеченно-моральнаго гуманизма, а въ смыслѣ задачи простого общественнаго благоустройства, въ смыслѣ требованія, вытекающаго изъ самой природы всякаго общежитія—эта плодотворная идея всецѣло овладѣла Бѣлинскимъ. Онъ развивалъ эту идею на почвѣ эстетическихъ вопросовъ и въ формѣ анализа чисто литературныхъ явленій и то же самое дѣлали его сотрудники-друзья въ другихъ сферахъ мысли и науки. Благодаря этому, журналъ достигъ рѣдкаго единства направленія и благодаря единству пріобрѣлъ огромное умственное вліяніе на общество. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину *послѣ* перелома Бѣлинскій съ прелестной шутливостью, но и съ замѣчательной ясностью и глубиною опредѣляетъ все содержаніе своего новаго міросозерцанія. «Ты, пишетъ онъ Боткину, я знаю—будешь надо мною смѣяться... (это, въ скобкахъ сказать, хорошо характеризуетъ Боткина); но

смѣйся, какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра! Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься, падай—чортъ съ тобою—таковскій и былъ сукинъ-сынъ... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ (Гегель)—кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, — я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все,—и конца не будетъ». Отъ этой шутливости вѣетъ бодростью, и Бѣлинскій чувствовалъ себя въ это время такъ, повидимому, хорошо и мирно, что даже объ извѣстныхъ русскихъ обще-литераторскихъ огорченіяхъ сообщаетъ съ добродушнымъ юморомъ: «въ «О. З.» напечатана моя вторая статья о Петрѣ Великомъ; въ рукописи это точно о Петрѣ Великомъ и, не хвалясь скажу, статейка умная, живая; но въ печати — это рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи».

Такое мирное настроеніе Бѣлинскій, однако, сохранялъ только для пріятелей. Въ журналѣ онъ велъ упорную борьбу съ противниками своихъ мнѣній, которые въ это время (1841) успѣли обзавестись еще новымъ органомъ—«Москвитяниномъ», издававшимся подъ редакторствомъ Погодина и Шевырева. Полемика была вообще одною изъ любимыхъ стихій Бѣлинскаго, а въ данномъ случаѣ онъ тѣмъ охотнѣе бросился въ борьбу, что Погодинъ и Шевыревъ были всетаки болѣе приличные противники, нежели Булгаринъ и Гречъ, и что московскій журналъ явился выразителемъ тѣхъ самыхъ тенденцій, которыя только что отвергнулъ Бѣлинскій, но тенденцій, доведенныхъ до уродливой исключительности. Идеаль-

ный, общефилософскій элементъ былъ изгнанъ изъ этихъ тенденцій и онѣ сводились къ превознесенію не дѣйствительности вообще (какъ это было у Бѣлинскаго), а дѣйствительности національной. Казалось бы, оно довольно безобидно: всякъ куликъ свое болото хвалитъ, какъ говоритъ пословица. Но дѣло, конечно, не могло остановиться на платоническомъ національномъ бахвальствѣ, а развилось въ цѣлое ученіе, которое тогда называли славянофильскимъ, но которое вѣрнѣе было бы назвать просто руссопетскимъ. Полемика эта продолжалась, однако, недолго, въ виду солидности тѣхъ аргументовъ, которые «москвитяне» выдвинули противъ Бѣлинскаго послѣ первой же его статьи объ нихъ. «Смотрите, чтобы не было вамъ какой бѣды...» писалъ впопыхахъ Боткинъ въ редакцію «Отеч. Зап.» и сообщалъ факты, которые дѣйствительно пахли «бѣдою». Позднѣе, въ 1842 году, при появленіи первой части «Мертвыхъ душъ», Бѣлинскій, въ лицѣ Константина Аксакова, своего бывшаго пріятеля и единомышленника, далъ славянофиламъ генеральную битву, которая, впрочемъ, была только эпизодомъ общей борьбы, загорѣвшейся тогда между «западниками» и славянофилами и въ сущности продолжающейся до сихъ поръ.

Русскій человѣкъ въ большинствѣ своихъ слабостей (безпечности, безпорядочности, нерегулярности), какъ и въ большинствѣ своихъ достоинствъ (альтруистичности, сердечной нѣжности и мягкости, скромности), Бѣлинскій въ формальномъ смыслѣ по-русски и работалъ: полосами и запоями. Дни и недѣли проходили въ письменныхъ и устныхъ бесѣдахъ съ пріятелями, въ игрѣ въ преферансъ и т. д. — «глядь, ужъ 15-е число на дворѣ, Краевскій рычитъ, у меня въ головѣ ни полмысли, не знаю, какъ начну, что скажу, беру перо и статья будетъ готова—какъ, я самъ не знаю, но будетъ готова».

Это признаніе характеризируетъ нѣчто гораздо большее, нежели простые пріемы работы. Дѣло въ томъ, что сила таланта Бѣлинскаго заключалась не столько въ доказательности его доводовъ, сколько въ убѣдительности его тона, того постояннаго одушевленія, съ какимъ онъ говорилъ о предметѣ. Сердце автора давало вѣсть сердцу читателя. А для этого не требовалось ни строгой обдуманности общаго плана работы, ни соразмѣрности частей, ни особой чистоты языка, а требовалось, чтобы авторъ въ каждую минуту и на каждой строкѣ былъ самимъ собою, не насиловалъ ни своего ума, ни своей

совѣсти—условіе страшно трудное и невыгодное для всѣхъ—кромѣ такихъ людей, какъ Бѣлинскій. Бѣлинскому не надо было заметать никакихъ своихъ слѣдовъ, не надо было прятать никакихъ своихъ хвостовъ: онъ *сердился* на свои прошлыя ошибки, но не *стыдился* ихъ—и по праву, потому что вѣдь, и ошибаясь, онъ оставался все тѣмъ же алчущимъ и жаждущимъ правды человѣкомъ, какимъ былъ по натурѣ. И вотъ почему его статьи - импровизаціи сплошь да рядомъ выходили удачнѣе, убѣдительнѣе, *дѣйствительнѣе*, нежели его болѣе обдуманныя работы. Для его впечатлительной натуры достаточно было небольшого внѣшняго побужденія, чтобы душа его «встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ», и разъ начавши работу, возбуждаемый ея процессомъ, онъ не только быстро справлялся съ нею, но, благодаря ей, подготовлялъ незамѣтно для самого себя и новыя темы, и новыя идеи, и новые доводы для будущаго. Развивая свои идеи, онъ развивался самъ. Счастливая способность, свойственная всѣмъ очень даровитымъ людямъ, ассоціировать и обобщать, постоянно раздвигала его умственные горизонты. Онъ могъ сказать объ идеяхъ то, что сказалъ Пушкинъ о рифмахъ: «двѣ придутъ сами, третью приведутъ». А внѣшніе, нужные ему импульсы заключались въ самомъ его положеніи, какъ литературнаго батрака. «Я—Прометей въ каррикатурѣ: «Отеч. Записки» — моя скала, Краевскій—мой коршунъ»—эта забавная шутка Бѣлинскаго, конечно, не выражала истиннаго положенія дѣла: коршунъ Прометея мучительствовалъ безсмысленно и безплодно; но коршунъ Бѣлинскаго, заботясь о своихъ интересахъ, работалъ на пользу общественную. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что безъ этого «коршуна», безъ его хозяйскихъ правъ надъ Бѣлинскимъ, не малая доля той нервной силы, которая вложена въ статьи Бѣлинскаго, была бы ухлопана на безчисленныя пульки въ преферансъ, о своемъ пристрастіи къ которому Бѣлинскій писалъ въ Москву: «страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ. Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть» *).

Въ концѣ 1843 года Бѣлинскій женился на москвичкѣ, сближе-

*) Вотъ какъ, напр., Кавелинъ разсказываетъ объ игрѣ Бѣлинскаго въ карты: «повѣритъ ли читатель, что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оплачивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетіи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ

ніе съ которой произошло лѣтомъ того года, въ одну изъ его поѣздокъ изъ Петербурга для свиданія съ московскими друзьями. «Важность этого событія для Бѣлинскаго, говоритъ г. Пыпинъ, должна быть ясна читателю изъ того, что мы знаемъ о нравственномъ настроеніи Бѣлинскаго за эти годы». Огромная важность этого событія для Бѣлинскаго вытекала не изъ какого-либо частнаго, временнаго, нравственнаго его настроенія, а изъ всѣхъ свойствъ его натуры и его характера. Для людей, подобныхъ Бѣлинскому, находящихся въ состояніи постояннаго возбужденія, радостнаго или горестнаго волненія даже по поводу ничтожнѣйшихъ мелочей — миръ и покой тихой семейной жизни былъ бы самой лучшей обстановкой въ смыслѣ, если такъ можно выразиться, нравственной гигіены. Бѣлинскому была нужна не Далила, а Пенелопа и притомъ такая, которая кромѣ хозяйственныхъ талантовъ и «волоокихъ» очей имѣла бы хоть смутное понятіе о значеніи своего Улисса и судила бы о немъ не по-камердинерски. Къ сожалѣнію, этотъ существенно-важный пунктъ біографіи Бѣлинскаго остается не разъясненнымъ. Госпожа Бѣлинская умерла только въ 1890-мъ году, переживъ своего мужа слишкомъ на сорокъ лѣтъ, и г. Пыпинъ по чувству понятной деликатности воздержался отъ опубликованія переписки Бѣлинскаго съ друзьями, касавшейся семейной жизни нашего критика. Г. Пыпинъ только глухо говоритъ, что «у домашняго очага началась для Бѣлинскаго новая жизнь, съ ея особыми интересами и тревогами»... Ясно, что въ «новой» жизни Бѣлинскій нашелъ только «особыя» тревоги, хотя и прежнихъ его тревогъ, нужныхъ и ненужныхъ, осмысленныхъ и неосмысленныхъ, было болѣе чѣмъ достаточно для такого «сосуда скудельнаго», какимъ былъ физическій организмъ Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1845 года Бѣлинскій, такъ много и плодотворно поработавшій для «От. Зап.», долженъ былъ оставить этотъ журналъ изъ за какихъ то несогласій съ его редакціей. Конечно, въ этихъ несогласіяхъ гораздо менѣе удивительнаго, нежели въ шестилѣтнемъ «согласіи» между такими антиподами, какъ Бѣлинскій и

въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и если ему везло, былъ доволенъ и веселъ... поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату».

Краевскій. На вопросы своихъ московскихъ друзей—какъ должны смотрѣть они на этотъ разрывъ,—Бѣлинскій писалъ: «отвѣчаю утвердительно: радоваться; дѣло идетъ не только о здоровьѣ, о жизни, но и умѣ моемъ. Вѣдь я тупѣю со дня на день. Памяти нѣтъ, въ головѣ хаосъ отъ русскихъ книгъ, а въ рукѣ всегда готовыя общія мѣста и казенная манера писать обо всемъ. Ты не знаешь этого положенія. А что я могу прожить и безъ «Отечественныхъ Записокъ», можетъ быть еще лучше, это, кажется, ясно. Въ головѣ у меня много дѣльныхъ предпріятій и затѣй, которыя при прочихъ занятіяхъ никогда бы не выполнились, и у меня есть теперь имя, а это много».

Само собою разумѣется, что Краевскій совершенно не догадывался о значеніи Бѣлинскаго, смотрѣлъ на него, какъ на литературнаго чернорабочаго и завалпвалъ его работой, которая была ниже Бѣлинскаго. Бѣлинскій былъ въ его глазахъ только чуть-чуть побольше, нежели ментраннажъ его типографіи — и, повторяемъ, нужно только удивляться долготерпѣнію Бѣлинскаго, шесть лѣтъ проработавшаго при такихъ условіяхъ. «Дѣльныя предпріятія и затѣи» Бѣлинскаго, конечно, не удались и не могли удасться по совершенной непригодности Бѣлинскаго къ практическимъ дѣламъ, но какъ разъ въ это время пушкинскій «Современникъ», совершенно упавшій подъ редакціей Плетнева, перешелъ въ руки Панаева и Некрасова,—друзей и почитателей Бѣлинскаго. Некрасовъ былъ практикомъ не хуже Краевскаго, но онъ былъ кромѣ того первокласснымъ писателемъ, и Бѣлинскій могъ бы работать въ журналѣ, не тревожась за редакціонную сторону дѣла. Но было поздно. Пѣсня Бѣлинскаго была почти спѣта.

Еще въ 1846 году московскіе друзья Бѣлинскаго, въ виду тяжелаго состоянія его здоровья, устроили ему поѣздку на югъ Россіи. Въ слѣдующемъ году они же нашли средства для отправленія его заграницу. Ни та, ни другая поѣздка не принесла здоровью Бѣлинскаго ни малѣйшей пользы, да нисколько не освѣжила его и въ нравственномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что никакія новыя впечатлѣнія не могли заглушить его старыхъ заботъ, въ числѣ которыхъ забота о «расейской литературѣ» стояла на первомъ планѣ. Живя въ Крыму, онъ не переставалъ мысленно воевать съ своими главными литературными врагами — славянофилами. Одинъ отрывокъ изъ его крымскихъ писемъ мы приведемъ—не только къ удовольствію, но и къ пользѣ читателя:

«Въѣхавши въ Крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени: такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то тѣмъ не менѣе хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но—увы!—въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада. Татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду брѣютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина—своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т. е. татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевыревъ и вся почтенная славянофильская братія».

Заграницей Бѣлинскій точно также думалъ только объ интересахъ родной литературы и роднаго общества. Здѣсь именно написалъ и послалъ онъ свое знаменитое письмо къ Гоголю по поводу книги послѣдняго «Переписка съ друзьями», письмо, которое мы не будемъ приводить въ извлеченіяхъ г. Пыпина, надѣясь, что оно извѣстно читателю цѣликомъ. Тургеневъ, бывшій путеводителемъ Бѣлинскаго въ Парижѣ, хорошо характеризовалъ это равнодушіе нашего «западника» къ культурнымъ чудесамъ Запада. «Онъ—разсказываетъ Тургеневъ о Бѣлинскомъ—изнывалъ заграницей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ въ Россію... Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ первый разъ увидалъ площадь Согласія и тотчасъ спросилъ меня: «Не правда ли? Вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?—И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Ну, и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста!» и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI-му; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а!—и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ «Тарасѣ Бульбѣ».

Возвратившись изъ заграницы въ Петербургъ — опять «на оный путь, журнальный путь»—Бѣлинскій взялся за работу съ особенной энергіей. Дѣло въ томъ, что изнурительная болѣзнь Бѣлинскаго (чахотка) и ему самому и его друзьямъ внушала самыя серьезныя сомнѣнія въ его работоспособности. «Дѣло прошлое, писалъ онъ потомъ, когда убѣдился въ неосновательности своихъ сомнѣній—а я и самъ ѣхалъ заграницу съ тяжелымъ и грустнымъ убѣжденіемъ, что поприще мое кончилось, что я сдѣлалъ все, что дано было мнѣ сдѣлать, что я выписался и... сталъ похожъ на выжатый и вымоченный въ чаѣ лимонъ. Каково мнѣ было такъ думать, можете посудить сами: тутъ дѣло шло не объ одномъ самолюбіи, но и о голодной смерти съ семействомъ. И надежда возвратилась мнѣ съ этою статьею».

Надежда была напрасна. Болѣзнь дѣлала свое разрушительное дѣло, а тутъ приспѣлъ 1848-й годъ... Бѣлинскій продолжалъ еще работать, но уже принужденъ былъ не писать, а диктовать свои статьи и рецензіи. Къ физическимъ страданіямъ присоединились тяжелыя нравственныя безпокойства, очень успѣшно помогавшія болѣзни. Свѣча догорала съ обоихъ концовъ. «Я»— разсказываетъ Панаевъ—разъ зашелъ къ нему утромъ, это было или въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ мая. На дворъ, подъ деревья, вынесли диванъ—и Бѣлинскаго вывели подышать чистымъ воздухомъ. Я засталъ его уже на дворѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, опустя голову и тяжело дыша. Увидѣвъ меня, онъ грустно покачалъ головою и протянулъ мнѣ руку, всю покрытую холоднымъ потомъ. Черезъ минуту онъ приподнялъ голову, взглянулъ на меня и сказалъ: «плохо мнѣ, плохо, Панаевъ!» Я началъ было нѣсколько словъ въ утѣшеніе, но онъ перебилъ меня: «Полноте говорить вздоръ». И снова молча и тяжело дыша опустилъ голову».

26 мая 1848 года Бѣлинскій умеръ.

VIII.

Заключеніе.

О личности Бѣлинскаго мы кончили, но объ его идеяхъ мы считаемъ небезполезнымъ сдѣлать два-три заключительныхъ замѣчанія.

Г. Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго говоритъ: «для нынѣшнихъ читателей иногда странной, почти невразумительной кажется та тягостная внутренняя борьба, которую мы старались изобразить и цѣною которой Бѣлинскій приходилъ къ своимъ выводамъ. Дѣло было, повидимому, такъ просто, и Бѣлинскій, казалось, былъ очень наивенъ, когда увлекался такъ далеко въ сторону отъ идей, принятыхъ имъ впослѣдствіи».

Панаевъ, имѣя въ виду московскій кружокъ Бѣлинскаго, писалъ: «сколько молодости, свѣжести силъ, усилій ума потрачено на разрѣшеніе вопросовъ, которые теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, кажутся смѣшными».

И такъ, поколѣнію, для котораго тридцать лѣтъ назадъ писалъ Панаевъ, вопросы, волновавшіе Бѣлинскаго, были «смѣшны». Читателю, для котораго пятнадцать лѣтъ назадъ писалъ г. Пыпинъ, Бѣлинскій долженъ былъ казаться «очень наивенъ». Бѣдный Бѣлинскій, смѣшной, наивный, устарѣлый, отсталый! Зачѣмъ потревожили мы его память? Если тридцать лѣтъ назадъ—онъ былъ смѣшенъ, пятнадцать лѣтъ назадъ наивенъ, то чѣмъ онъ долженъ казаться теперь и какой терминъ примѣнитъ къ нему современный читатель?

Это пусть будетъ какъ кому угодно; мы же съ своей стороны безъ дальнѣйшихъ околичностей скажемъ, что и читателю 60-хъ, 70-хъ, и читателю 80-хъ годовъ нужно очень высоко загнуть свою голову, чтобы заглянуть Бѣлинскому въ лицо. Не о дарованіяхъ Бѣлинскаго и не о нравственной личности его гово-

римъ мы—эти достоинства не зависятъ отъ времени—мы указываемъ именно на его будто бы устарѣлыя идеи. Возьмемъ для примѣра спеціальность Бѣлинскаго—литратурную критику. Критика шестидесятыхъ годовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, была не болѣе какъ талантливымъ развитіемъ тѣхъ литературныхъ требованій и принциповъ, которые были выработаны Бѣлинскимъ въ послѣднемъ, петербургскомъ періодѣ его дѣятельности. Современная критика, отвергая эти принципы, выдвигаетъ... что нибудь новое, свое, вы думаете? Нѣтъ, она возвращается только къ тѣмъ эстетическимъ принципамъ, которыми руководствовался Бѣлинскій въ московскій періодъ своего развитія и которые онъ рѣшительно осудилъ впослѣдствіи. То-же самое происходитъ и съ общественными идеями Бѣлинскаго. Бѣлинскій отсталъ? Мы искренно пожелали бы современнымъ передовымъ людямъ нашимъ въ такой же полнотѣ и съ такою же ясностью усвоить себѣ, напр., идею личности, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго. Бѣлинскій устарѣлъ? О, какъ обновились и очистились бы наши понятія, если бы мы твердо усвоили хотя ту мысль Бѣлинскаго, что «народность, исключающая изъ себя человѣчность», тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ нравственный приговоръ! Далеко ли мы уйдемъ современемъ—это неизвѣстно, но пока Бѣлинскій не есть только фактъ исторіи, а фактъ жизни. Исторія умственнаго развитія и умственныхъ переломовъ Бѣлинскаго не есть только исторія личности и даже не исторія поколѣнія, а выраженіе нашего общаго историческаго процесса, съ его акціями и реакціями, переходными моментами и промежутками апатіи.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Критики Толстого.

А судьи кто?
Грибоѣдовъ.

I.

Признаемся: не безъ нѣкотораго смущенія мы приступаемъ къ своей задачѣ. Не о той частной задачѣ мы говоримъ, которая выражена въ подзаглавіи настоящей статьи—*эта* задача никакихъ спеціальныхъ трудностей въ себѣ не заключаетъ. Пусть нѣкоторые изъ «критиковъ Толстого» люди большого ума и большого литературнаго таланта, такъ что спорить съ ними—еслибы пришлось спорить—нужно очень осмотрительно и тщательно. Пусть, далѣе, «критики Толстого» такъ многочисленны и такъ разнохарактерны, что останавливаться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности и характеризовать ихъ спеціальныя точки зрѣнія и ихъ критическіе пріемы было бы слишкомъ труднымъ и, главное, слишкомъ скучнымъ дѣломъ. Все это только полъ-бѣды. Относительно перваго затрудненія можно замѣтить, что волка бояться—въ лѣсъ не ходить: полемики (съ кѣмъ бы то ни было) остерегаться—статей не писать. Относительно второго—крайней многочисленности «критиковъ Толстого»—можно и даже должно распорядиться очень просто: умолчать о большинствѣ изъ нихъ. Журнальная статья—не библіографическій словарь, и между «критиками Толстого» для насъ важны только тѣ, которые даютъ хоть какой-нибудь матеріалъ для характеристики «великаго писателя русской земли». Съ этой точки зрѣнія для насъ интересна и важна напр. коротенькая и сухая замѣтка Константина Аксакова о Толстомъ, замѣтка старая, давно забытая, но касающаяся одной изъ существенныхъ сторонъ таланта Толстого, и нисколько не важна и не интересна напр., огромная и чрезвычайно

запальчивая статья г-жи Евгеніи Туръ о повѣсти «Казаки». Въ этой статьѣ г-жа Туръ съ необыкновенною горячностью доказываетъ, что герой повѣсти — Оленинъ — ужасный моветонъ, «индиферентъ, недоучка, лѣнтяй, коптитель неба, топтатель мостовой, маменькинъ сынокъ, барченокъ, пустой тщеславный щеголь, отчасти пьяница, отчасти повѣса, мотъ» (Сборникъ Зелинскаго II, 79). Все это можетъ быть и правда, но все это, очевидно, къ дѣлу не идетъ, и глубокій вопросъ о томъ — совсѣмъ или только «отчасти» пьяница Оленинъ до Льва Толстого и его идей нисколько не касается. Такихъ «критиковъ Толстого», какъ г-жа Туръ, очень много, они составляютъ большинство, и спокойно обойдя ихъ, какъ совершенно не интересный балластъ, мы тѣмъ самымъ значительно упрощаемъ эту свою задачу.

Насъ смущаютъ иного рода трудности. Мы всегда держались того принципа, что литературная критика есть ни что иное, какъ литературная публицистика. Не въ томъ задача критики, чтобы опредѣлить свойство и размѣры таланта какого-нибудь г. X., или прослѣдить развитіе творчества какого-нибудь г. Y., или очертить духовную физіономію какого-нибудъ г. Z.,—ея задача въ томъ, чтобы уловить, выразить и формулировать тѣ нравственные идеалы (и не одни только нравственные), которые въ данный моментъ создаются въ общественномъ сознаніи. Произведенія господъ иксовъ, игрековъ и зетовъ не болѣе какъ матеріалъ для критики, не болѣе какъ удобный поводъ для нея формулировать свои воззрѣнія на жизнь, на людей, на эпоху, на потребности времени. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти воззрѣнія не были только личными логическими построеніями, чтобы они дѣйствительно совпадали съ мнѣніями, надеждами и желаніями той части общества, которая въ текущую историческую минуту представляется наиболѣе дѣятельнымъ и активнымъ жизненнымъ элементомъ. Достигнуто это — все достигнуто, не достигнуто это—и работа критики идетъ прахомъ, хотя бы критикъ обнаружилъ въ своей дѣятельности и умъ, и талантъ, и познанія, какъ все это и было напр. съ Аполлономъ Григорьевымъ. Жизнь выше искусства—этимъ все сказано. Въ этомъ афоризмѣ, безспорномъ какъ та аксіома, что цѣлое больше своей части, заключается и критерій для литературной критики и программа для беллетристики, для искусства вообще. Какое намъ дѣло до нравственной и умственной личности г. Z.? Почему его личность должна интере-

совать насъ, въ то время какъ насъ нисколько не интересуютъ личности людей, взятыхъ на удачу изъ толпы? Но намъ очень большое дѣло до жизни и только въ этомъ смыслѣ, только какъ поставщикъ фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, только какъ наблюдатель и изобразитель жизни, беллетристъ и можетъ имѣть значеніе въ нашихъ глазахъ. Если онъ, какъ это дѣлаетъ напр. Гл. Успенскій, въ силахъ освѣтить собранные имъ житейскіе факты синтетическою мыслью—тѣмъ лучше. Въ противномъ случаѣ это сдѣлаетъ за художника критика, та публицистическая критика, которая живетъ настоящимъ и ближайшимъ будущимъ, которой мало дѣла до генетическихъ вопросовъ о писателѣ—это задача исторической критики, — еще меньше дѣла до вопросовъ объ особенностяхъ таланта писателя—это задача эстетической критики — и ужъ совсѣмъ никакого дѣла до вопросовъ личнаго, біографическаго свойства.

Кто онъ? Откуда появился
Сей замѣчательный уродъ?
Съ кѣмъ онъ знакомъ?
И съ кѣмъ водился?
И отъ кого ведетъ свой родъ?

Необыкновенной важности вопросы, поставленные въ этомъ шуточномъ стихотвореніи, могутъ озабочивать біографовъ, библіографовъ и всякаго рода литературныхъ гелертеровъ и буквоѣдовъ, для которыхъ и формулярный списокъ о службѣ—важный документъ для «критической» оцѣнки писателя, но только ихъ однихъ они и могутъ озабочивать.

Всѣ эти соображенія, которыя мы не разъ уже высказывали и не разъ еще будемъ высказывать по другимъ поводамъ, эта обычная наша точка зрѣнія, съ которой мы постоянно относились къ беллетристическимъ произведеніямъ—все это очень мало примѣнимо къ Толстому. Въ этомъ именно и заключается главнѣйшая трудность нашей задачи. Дѣло въ томъ, что Толстой поучителенъ и важенъ для насъ не какъ изобразитель жизни, не какъ показатель ея нуждъ и требованій, не какъ выразитель идеаловъ извѣстной общественной группы—ничѣмъ подобнымъ онъ и не былъ никогда; онъ поучителенъ какъ самостоятельный духовный міръ, интересенъ какъ нравственная личность, жаждущая, вѣчно стремящаяся, то неудовлетворенная почти до границъ отчаянія, то торжествующая и успо-

коенная чуть не до самообожанія. Глубокій психологъ—онъ въ то же время самъ, какъ нравственная личность, глубочайшая психологическая загадка, не только для насъ, людей постороннихъ, но и для самого себя. Что-то тревожное и мятущееся съ постоянною однако готовностью успокоиться хотя бы на факирскомъ созерцаніи своего собственнаго пупка, неудержимый, всеразлагающій скептицизмъ рядомъ съ неугомонною, неутомимою жаждою вѣры, умѣніе проникнуть въ сокровеннѣйшіе тайники человѣческаго духа, бокъ о бокъ съ удивительною безсвязностью, самой элементарной нелогичностью теоретическихъ воззрѣній и положеній, изумительное чутье жизни вмѣстѣ съ еще болѣе изумительнымъ неумѣньемъ и нехотѣньемъ дѣйствительно служить этой жизни—какъ распутать этотъ клубокъ, какъ истолковать этотъ глубокій и оригинальный, но исполненный коренныхъ противорѣчій духъ? Да, Левъ Толстой не господинъ Зетъ. Онъ приковываетъ ваше вниманіе къ своей личности даже тогда, когда повидимому (да и на самомъ дѣлѣ) совсѣмъ объ этомъ не думаетъ. Возьмите его крупнѣйшія произведенія — романы «Война и Миръ» и «Анна Каренина»: повидимому, какая безстрастная объективность, какое эпическое спокойствіе, какое хладнокровіе анализа! Тѣмъ не менѣе вы постоянно видите передъ собою проповѣдника, моралиста, учителя, который хотя самъ не негодуетъ, не плачетъ, не радуется, не скорбитъ, но васъ властно заставляетъ и негодовать, и радоваться, и плакать. И въ этомъ сказывается сила не только художественнаго таланта, но и сила убѣжденія, притомъ такого убѣжденія, которое идетъ въ разрѣзъ со всѣми нашими установившимися взглядами, со всѣми нашими умственными привычками. «Не прати противу рожна»—этотъ завѣтъ не для Толстого. Съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣднихъ своихъ произведеній Толстой шелъ своимъ—болѣе чѣмъ оригинальнымъ—исключительнымъ путемъ, нисколько не смущаясь своимъ относительнымъ одиночествомъ и не только не понижая тона, но все болѣе и болѣе повышая его. Если, порою, онъ сомнѣвался, утрачивалъ вѣру, падалъ духомъ, то все-жъ таки вслѣдствіе внутреннихъ душевныхъ процессовъ, происходившихъ въ немъ, и отнюдь не вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ воздѣйствій и вліяній. Болѣе самостоятельнаго и субъективнаго писателя, нежели Толстой, мы не знаемъ въ нашей литературѣ, не смотря на все кажущееся его безстрастіе и безпристрастіе. Онъ художникъ, но онъ въ то же время и мысли-

тель. Онъ не рабъ своего великаго таланта, какъ это мы зачастую видимъ у другихъ; наоборотъ, этотъ талантъ въ его рукахъ не болѣе какъ послушное оружіе, которымъ онъ владѣетъ съ полнымъ хладнокровіемъ и тѣмъ съ большею убійственностью. Художникъ-Толстой направляетъ наше чувство и нашу мысль именно туда, куда того требуетъ мыслитель-Толстой. Но и художникъ, и мыслитель сливаются въ одно общее органическое цѣлое, исчезаютъ въ *человѣческой личности* Толстого, можетъ быть нестройной, не вполнѣ гармоничной и соразмѣрной, но непремѣнно единой и цѣльной, какъ всякая сильная нравственная индивидуальность.

Толстой не только огромная литературная сила, но и огромное нравственное явленіе, и вотъ извольте примѣнить къ нему наши обычные пріемы критическаго анализа. Если хотите, это было бы очень не трудно, но въ такой же степени и безполезно. Прогрессистъ или ретроградъ Толстой? Полезна или вредна его литературная дѣятельность? Поставляемые и защищаемые имъ идеалы представляютъ ли собою «новое слово», которое освѣтитъ нашу жизнь или напротивъ, они — давно опротивѣвшая ветошь, безсильный и ненужный хламъ? На всѣ эти вопросы съ очень большою убѣдительностью, съ фактическими доказательствами въ рукахъ, можно отвѣчать и рѣшительно утвердительно, и рѣшительно отрицательно, но оба эти отвѣта—и утвердительный и отрицательный, одинаково минуютъ цѣль, одинаково не будутъ отвѣтами. Я прогрессистъ, смотрю и иду впередъ, приглашая къ тому же и другихъ, мой антагонистъ ретроградъ идетъ и зоветъ людей назадъ,—мы оба одинаково ясны и удобопонятны, но что сказать о человѣкѣ, который идетъ по пути, перпендикулярно пересѣкающему нашу общую дорогу? Прежде всего ясно, что ни мнѣ, ни моему антагонисту онъ не попутчикъ. Далѣе, ясно, что въ этомъ приговорѣ «онъ мнѣ не попутчикъ» въ данномъ случаѣ не заключается осужденія, потому что мы вѣдь и не коснулись самой сущности вопроса, вопроса о свойствахъ избраннаго этимъ человѣкомъ пути, объ его удобствахъ и неудобствахъ. Одна ли наша дорога ведетъ въ Римъ? Тѣ мысли и тѣ формы мысли, которыя удовлетворяютъ насъ,—единственно ли истинныя мысли и формы? И во всѣхъ ли случаяхъ справедливо правило—«кто не за насъ, тотъ противъ насъ?»

Приведемъ примѣръ, который не только дастъ иллюстрацію для нашей мысли, но и приблизитъ насъ къ нашей ближайшей темѣ.

Критикъ «Современника», разбирая журналъ «Ясная Поляна» Толстого, отнесся къ нему очень сурово. Надо думать, однако же, что эта суровость не произвела на Толстого ни малѣйшаго впечатлѣнія, какъ не можетъ на насъ произвести впечатлѣнія выговоръ или упрекъ, сдѣланный намъ на языкѣ, котораго мы не знаемъ и не понимаемъ. Критикъ говорилъ: «кромѣ общаго смысла всей статьи, изумляютъ въ ней многія отдѣльныя мѣста, напримѣръ:

Стр. 9. «Народъ не хочетъ учиться грамотѣ». Это напечатано на строкѣ 16-й.

Стр. 10. «Фактъ противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты существуетъ во всей Европѣ».

Стр. 11. «Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію, есть весьма серьезный споръ». Неужели? Неужели можетъ казаться не лишеннымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе основательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности—таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы» (Зелинскій, I, 155).

Это именно разговоръ француза, не знающаго по нѣмецки, съ нѣмцемъ, не разумѣющимъ по французски. Жестикуляція съ обѣихъ сторонъ очень сильная, но до настоящаго пониманія другъ друга имъ никогда не договориться. «На 16-й строкѣ напечатано: народъ не хочетъ учиться грамотѣ», говоритъ критикъ и не прибавляетъ къ этому ничего, не удостоиваетъ оспаривать это положеніе въ твердомъ убѣжденіи, что это было бы напраснымъ трудомъ. Можно ли, прилично ли въ самомъ дѣлѣ доказывать, что дважды-два не равняется тремъ? Но войдемъ однако и въ положеніе Толстого. Да, могъ бы сказать онъ «на строкѣ 16-й», я написалъ, что народъ не хочетъ учиться грамотѣ и если это абсурдъ, то не мой абсурдъ, а абсурдъ жизни, которую я только наблюдаю. Далѣе, на основаніи общихъ принциповъ моего міросозерцанія, я не вижу въ этомъ нежеланіи народа учиться ничего тревожнаго, ничего печальнаго: дастъ ли наука народу то счастье, которое единственно только и нужно ему и въ которомъ, съ своей стороны, я вижу конечную цѣль нашихъ усилій? Спрошенный такимъ образомъ, критикъ несомнѣнно отвѣтилъ бы:

Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего.

Свѣтъ, т. е. наука, которая только одна и въ силахъ дать народу его «долю», его «счастье». Ясно, что послѣ этого нашимъ собесѣдникамъ оставалось бы одно изъ двухъ: или совсѣмъ разговориться, или совсѣмъ замолчать. По отношенію къ Толстому критика шестидесятыхъ годовъ поступала по второму рецепту: она безнадежно махала на него рукою и прекращала съ нимъ и о немъ всякій разговоръ. Ироническое «неужели?» считалось совершенно достаточнымъ отвѣтомъ на всѣ его смѣлыя философскія новшества.

Тутъ, если хотите, есть о чемъ попечалиться, но не кого обвинять. Печально это недоразумѣніе между двумя крупнѣйшими и оригинальнѣйшими дѣятелями нашей литературы, одинаково искренно и сильно преданными благу народа, но корень этого недоразумѣнія таился не столько въ ихъ личностяхъ, въ складѣ ихъ ума, сколько въ духѣ самой той эпохи. Этотъ духъ—духъ крайняго раціонализма—нашелъ себѣ въ критикѣ «Современника» чрезвычайно яркаго представителя, тогда какъ Толстой съ самыхъ первыхъ шаговъ своей художественной дѣятельности заявилъ свое глубочайшее недовѣріе къ разуму, къ благотворности его исключительной власти надъ жизнью личности и общества. Разногласіе это было серьезно, но совсѣмъ не непримиримо, потому что во всякомъ случаѣ относилось только къ средствамъ, къ путямъ, а не къ конечнымъ идеаламъ и цѣлямъ. *Теперь* мы это ясно видимъ, но *тогда* дѣло стояло иначе. Весь смыслъ той эпохи заключался именно въ эмансипаціи разума отъ опутавшихъ и придавившихъ его разнаго рода авторитетовъ, въ этомъ заключалась ближайшая *цѣль* той эпохи и понятно, что писатель, явившійся съ протестомъ противъ господства разума и противъ лучшаго созданія этого разума—всей нашей цивилизаціи, долженъ былъ остаться такъ сказать не у дѣлъ. Уже въ то время Толстой былъ достаточно самостоятеленъ и смѣлъ, чтобы не увлечься могучимъ умственнымъ теченіемъ, захватившимъ въ то время самые сильные и передовые таланты и умы наши; но онъ не пріобрѣлъ еще себѣ достаточнаго авторитета, чтобы повліять на самое это теченіе.

Приведемъ еще примѣръ—изъ временъ гораздо болѣе близкихъ къ намъ.

Года два тому назадъ, г. Михайловскій, коснувшись дѣятельности Толстого, высказалъ ему нѣсколько жесткихъ упрековъ совершенно личнаго характера. Во первыхъ, пользуясь своей популярностью, Толстой въ тридорога продаетъ свои сочиненія—«подвергаетъ своихъ читателей, кажется, безпримѣрному налогу». Во вторыхъ, Толстой проповѣдуя скромность, смиреніе, блаженство неизвѣстности—въ то же время «самъ во всеуслышаніе говоритъ о себѣ и другихъ допускаетъ печатно бесѣдовать о томъ, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ, какъ думаетъ, какъ сапоги шьетъ и дрова рубитъ и т. д.». Въ третьихъ, Толстой обнаруживаетъ безтактность и отсутствіе живого чутья, нападая въ своей статьѣ «Женщинамъ» на женское образованіе. «Статья эта, направленная противъ высшаго женскаго образованія, явилась какъ разъ въ то время, когда высшее женское образованіе прекратилось. Публицистъ, обладающій живымъ чувствомъ, никогда не станетъ стучаться въ отворенную дверь и бить лежачаго. Да и дѣйствительно, помимо щекотливаго чувства собственнаго достоинства, какая цѣль, какой практическій смыслъ бить лежачаго? Зачѣмъ съ грохотомъ стучаться въ дверь, которая отворена? Только развѣ затѣмъ, чтобы грохотъ былъ услышанъ и чтобы труба славы гр. Толстого разнесла этотъ грохотъ, какъ эхо по всему міру. Незавидная это слава и можетъ быть нѣкоторые изъ лавровъ, украшающихъ чело графа, завяли при этомъ отъ стыда...» («Критическіе опыты Н. К. Михайловскаго» 136, 148).

Мы привели, для образчика, только три обвиненія противъ Толстого, поставленныя критикомъ, но ихъ было много; и всѣ въ томъ же духѣ и родѣ. Съ формальной, съ разсудочной, съ логической стороны противъ этихъ обвиненій совсѣмъ нечего сказать. Горячее негодованіе г. Михайловскаго совершенно законно и понятно, но бѣда критика въ томъ, что предъ его умственнымъ взоромъ стоитъ не Толстой, не его нравственная личность во всемъ ея ансамблѣ, а какая-то отвлеченная величина или какой-то невѣдомый господинъ Зетъ, о которомъ все можно подумать и все можно сказать. Толстой проповѣдуетъ презрѣніе къ деньгамъ и Толстой продаетъ (или продавалъ) въ тридорога свои сочиненія—это факты, но для Толстого, до *нашего* Толстого, какимъ мы его уважаемъ, любимъ

и знаемъ по двѣнадцати томамъ его сочиненій, эти факты совсѣмъ не касаются. Пусть теперь или впослѣдствіи біографы и библіографы разбираютъ, какая чепуха и путаница тутъ произошла, въ чемъ заключается внѣшнее объясненіе этого инцидента, но внутреннюю истину мы и теперь хорошо знаемъ. Неправдоподобно, невѣроятно, невозможно, чтобы «святой старикъ» (какъ называли нѣкогда Роберта Оуэна), вся жизнь котораго была однимъ непрерывнымъ служеніемъ духу, исканіемъ истины, унизился до вульгарнѣйшаго вымоганія отъ публики лишняго рубля. Величавый и чистый образъ писателя-проповѣдника, писателя-аскета, писателя-гуманиста, образъ немедленно возникающій передъ нами, какъ только мы развертываемъ его произведенія, слишкомъ не вяжется съ инкриминируемымъ фактомъ, фактомъ не просто, а прѣзренно-мелочнымъ. Бываютъ страшныя паденія и нѣтъ такого праведника, который бы не согрѣшилъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что нѣтъ такого человѣка, за котораго нельзя было бы поручиться, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не польстится на чужой носовой платокъ.

Далѣе, Толстой проповѣдуетъ скромность и—«самъ во всеуслышаніе говоритъ о себѣ и другихъ допускаетъ печатно бесѣдовать» о своей личности. Опять таки этотъ упрекъ былъ бы совершенно неотразимъ, если бы относился къ господину Зету, а не ко Льву Толстому. Слава—суета суетствій и неизвѣстность лучше извѣстности, но что же дѣлать человѣку, если эта слава, которой онъ не ищетъ, сама его находитъ? Колоссальный литературный талантъ—это такое шило, которое ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь и неужели приходится рекомендовать писателю, чтобы онъ «изъ скромности» положилъ свое талантливое перо? Но Толстой «во всеуслышаніе говоритъ о себѣ». Да, говоритъ, и онъ долженъ говорить, обязанъ говорить, не имѣетъ права не говорить о себѣ, потому именно, что онъ Толстой, а не господинъ Зетъ. Его идеи, которыя такъ волнуютъ насъ, его образы, которые такъ увлекаютъ и восхищаютъ насъ, его учительство, его исповѣдничество—все это является относительно его человѣческой личности не внѣшнимъ чѣмъ то, не случайнымъ придаткомъ или привѣскомъ къ ней,—а наоборотъ—все это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его нравственнымъ и умственнымъ «я». Не только для многочисленныхъ почитателей Толстого, но и для насъ, для людей, которые никогда не были и никогда не

будутъ его послѣдователями, важно и поучительно знать все, что имѣетъ отношеніе ко внутренней жизни этой въ высшей степени своеобразной натуры. Всѣ герои произведеній Толстого вмѣстѣ взятые не представляютъ для насъ такого интереса, какъ единичная личность ихъ творца. Но Толстой—«и другихъ допускаетъ печатно бесѣдовать о себѣ»—а какъ, смѣемъ спросить, онъ этого могъ бы не допустить? На чужой ротокъ не накинешь платокъ! Не брать ли Толстому съ каждаго изъ своихъ безчисленныхъ посѣтителей крѣпчайшаго, честнѣйшаго слова, что они никогда, никому, ни подъ какимъ видомъ не будутъ разсказывать о томъ, какъ напр. Толстой землю пашетъ или сапоги шьетъ или съ Сютаевымъ бесѣдуетъ? «Зачѣмъ же такъ секретно?» Хорошо «скромничать» намъ, писателямъ, «скромность» которыхъ и не подвергается никакимъ особеннымъ искушеніямъ, но трудно оставаться въ тѣни человѣку, озаренному яркимъ лучемъ европейской извѣстности. А что Толстой никогда не рекламировалъ, не муссировалъ, не выставлялъ себя—въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія. Если бы онъ такъ поступалъ—его имя не сходило бы со страницъ газетъ, падкихъ до анекдотовъ о всякаго рода знаменитостяхъ, будетъ ли это князь Бисмаркъ или Сарра Бернаръ, Толстой или Цукки.

Послѣднее и самое тяжкое обвиненіе: Толстой бьетъ лежачаго. Толстой обнаруживаетъ безтактность, нападая на высшее женское образованіе какъ разъ въ то время, когда высшее женское образованіе прекратилось. «Публицистъ, обладающій живымъ чувствомъ», никогда бы этого не сдѣлалъ.

Ничего не можетъ быть справедливѣе: публицистъ никогда бы этого не сдѣлалъ. Но такъ какъ Толстой не публицистъ, имѣющій въ виду текущую минуту и текущія обстоятельства, а моралистъ, для котораго на первомъ планѣ стоятъ вѣчныя потребности человѣческаго духа, высшіе интересы человѣческой нравственности, то... то очевидно, что г. Михайловскій напрасно потратилъ свой порохъ. «Толстой бьетъ лежачаго»—но развѣ высшее женское образованіе—«лежачій»? Въ эту минуту и на этомъ мѣстѣ—да. Но до минутъ и до отдѣльныхъ мѣстъ, отдѣльныхъ странъ Толстому нѣтъ и никогда не было дѣла. Его мораль—для всѣхъ людей и для всѣхъ эпохъ, ее можно принимать и не принимать, но нельзя отъ нея требовать, чтобы она приспосабливалась къ быстро измѣняющимся условіямъ и преходящимъ формамъ нашей обще-

ственности. Этимъ разрѣшается и вопросъ о «безтактности» Толстого. Нападая на все болѣе и болѣе отвоевывающее себѣ поле женское образованіе (вѣдь не только свѣту въ окошкѣ, что наши россійскіе женскіе курсы), Толстой не «лежачаго» билъ, а, по своему обыкновенію, именно пралъ противу рожна и старался перешибить обухъ плетью. «Онъ стучится въ отворенную дверь»—совершенно наоборотъ: для огромнаго большинства просвѣщенныхъ людей какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ *отворенною дверью* является именно признаніе за женщинами всѣхъ правъ на образованіе, на умственную дѣятельность. Онъ стучится затѣмъ, «чтобы грохотъ былъ услышанъ и чтобы труба славы разнесла этотъ грохотъ, какъ эхо по всему міру»—опять невѣрно: Толстой не могъ не знать, что его статья компрометируетъ его въ глазахъ очень многихъ изъ искреннихъ его почитателей и не только не прибавитъ ему «славы», но очень серьезно повредитъ его популярности—что и дѣйствительно случилось. По вопросу о женскомъ образованіи отъ Толстого отступился даже г. Оболенскій,—его, во всѣхъ другихъ случаяхъ, вѣрнѣйшій оруженосецъ...

Этихъ примѣровъ достаточно и другихъ обвиненій г. Михайловскаго противъ Толстого мы разбирать не станемъ, не желая чрезмѣрно повторяться. Въ чемъ же дѣло? Г. Михайловскій—безъ сомнѣнія—критикъ, обладающій значительною проницательностью. Откуда же вся эта масса «превратныхъ толкованій» относительно Толстого, длинный рядъ тяжелыхъ обвиненій, которыя по ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются не болѣе какъ простыми недоразумѣніями? Отвѣтъ одинъ: г. Михайловскій—нѣмецъ, не понимающій по-французски, Толстой—французъ, не знающій по-нѣмецки. Болѣе того—это люди двухъ различныхъ міровъ. Къ необычному нравственно-литературному явленію г. Михайловскій подходитъ съ обычной критической мѣркой; писателя, стоящаго внѣ всякихъ партій, судитъ съ партійной точки зрѣнія; философа-поэта, чуждающагося всякихъ общепринятыхъ теорій, разсматриваетъ именно подъ угломъ теоріи. Онъ расчленяетъ сложное и цѣльное явленіе и говоритъ: вотъ «десница» Толстого, а вотъ его «шуйца». Но расчленить не значитъ анализировать, а значитъ изуродовать живой организмъ. «Шуйца» Толстого—это не случайная бородавка, которую можно ляписомъ выжечь, это существенная принадлежность его и ампутировать ее совсѣмъ не желательно.

Она можетъ не нравиться намъ, но она необходима для полноты жизни организма, для стройности всѣхъ его отправленій, для цѣлесообразности всѣхъ его дѣйствій, между прочимъ и тѣхъ, которыя совершаются столь восхищающею насъ «десницею».

Въ этомъ именно и состоитъ трудность критическаго отношенія къ Толстому. «И за плюсъ слава, и за минусъ слава и плюсъ на минусъ не сокращаются, а въ противность всякой логикѣ и ариѳметикѣ выходятъ двѣ славы», возмущается г. Михайловскій и съ логической или ариѳметической точки зрѣнія онъ совершенно правъ: положительная единица плюсъ отрицательная единица дѣйствительно равняются не двумъ единицамъ, а нулю. Къ сожалѣнію, по отношенію къ Толстому совсѣмъ не годятся ни ариѳметическіе, ни анатомическіе, ни логическіе пріемы. Его нужно изучать и наблюдать, какъ физіологъ и психологъ изучаютъ живое тѣло и живую душу, во всей полнотѣ ихъ физическихъ и духовныхъ отправленій, во всей цѣлостности ихъ строенія и организаціи. Ставши на такую точку зрѣнія, просимъ читателя приготовиться выслушать отчаянный, повидимому, парадоксъ — мы убѣдимся быть можетъ, что величайшая логическая ошибка Толстого есть въ то же время и величайшая заслуга его передъ обществомъ. Гораздо подальше у насъ будетъ объ этомъ большой разговоръ, а пока обратимся къ ближайшей темѣ этой статьи.

II.

Едва-ли кому изъ нашихъ писателей столько посчастливилось на критику, какъ Толстому; едва-ли кому было преподано больше указаній и совѣтовъ со стороны критики, какъ Толстому, и въ то же время едва-ли кто меньше обращалъ вниманія на чьи бы то ни было и какіе бы то ни было совѣты, какъ тотъ же Толстой. Это естественно: воспользоваться этими совѣтами онъ не могъ. Какъ всякая сильная индивидуальность, онъ, даже при искреннемъ желаніи, былъ бы не въ силахъ пересоздать или хотя бы только видоизмѣнить себя, и его талантъ подчинялся только одному руководительству, — руководительству его собственнаго чувства и собственной мысли.

Между тѣмъ критика дѣлала свое дѣло и, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, дѣлала его прекрасно. Мы уже упоминали о

критическихъ замѣчаніяхъ Константина Аксакова, на которыхъ теперь и остановимся.

«Толстой — говоритъ Аксаковъ—строго относится ко внутреннему міру души, обращается съ собою безпощадно и твердо, и видишь, что онъ хочетъ одного—*правды*. Но анализъ графа Толстого часто подмѣчаетъ мелочи, которыя не стоятъ вниманія, которыя проносятся по душѣ, какъ легкое облако, безъ слѣда; замѣченныя, удержанныя анализомъ, онѣ получаютъ большее значеніе, нежели какое имѣютъ на самомъ дѣлѣ, и отъ этого становятся невѣрны. Анализъ въ этомъ случаѣ становится микроскопомъ. Микроскопическія явленія въ душѣ существуютъ, но если вы увеличите ихъ въ микроскопъ и такъ оставите, а все остальное останется въ своемъ естественномъ видѣ, то нарушится мѣра отношенія ихъ ко всему окружающему, и будучи вѣрно увеличены, они дѣлаются рѣшительно невѣрны, ибо имъ придали невѣрный объемъ, ибо нарушена общая мѣра жизни, ея взаимное отношеніе, а эта мѣра и составляетъ дѣйствительную правду. Передъ вами стаканъ чистой воды; вы увеличиваете ее въ микроскопъ: передъ вами море, наполненное инфузоріями, цѣлый особый міръ; но если вы усвоите себѣ это созерцаніе, то впадаете въ совершенную ошибку, и передъ вами исчезнетъ видъ настоящей воды, тотъ видъ, который имѣетъ всю дѣйствительность и всѣ права на нее и находится въ мірѣ со всѣмъ міромъ: т. е. стаканъ чистой воды. Итакъ, вотъ опасность анализа: онъ, увеличивая микроскопомъ, со всею вѣрностью, мелочи душевнаго міра, представляетъ ихъ потому самому въ ложномъ видѣ, ибо въ несоразмѣрной величинѣ; кромѣ того: ощущеніямъ минутнымъ, проходящимъ по душѣ, какъ дымъ, иногда вслѣдствіе того, что они-то именно совершенно несогласны съ характеромъ человѣка—можетъ придать онъ состоятельность, которой они не имѣютъ. Наконецъ, анализъ можетъ найти и то въ человѣкѣ, чего въ немъ вовсе нѣтъ, устремленный тревожно взоръ въ самого себя часто видитъ призраки и искажаетъ свою собственную душу. Надо меньше заниматься собою, обратиться къ Божьему міру, яркому и свѣтлому, думать о братьяхъ и любить ихъ,—и тогда, не теряя самосознанія, станешь и себя видѣть и чувствовать въ настоящей мѣрѣ и настоящемъ свѣтѣ. Вотъ опасность душевнаго анализа, и въ разсказахъ гр. Толстого, которые мы высоко цѣнимъ, есть многіе признаки этихъ свойствъ анализа». (Сборникъ Зелинскаго, I, 103).

Это было написано въ 1857 году, когда Толстой былъ извѣстенъ только какъ авторъ «Дѣтства и Отрочества», военныхъ разсказовъ и двухъ-трехъ небольшихъ повѣстей. Ничего умнѣе и тоньше этого изъ славянофильскаго лагеря не было затѣмъ высказано о Толстомъ. Хотя фактическій матеріалъ, которымъ располагалъ Аксаковъ, былъ очень не великъ, хотя Толстой въ то время едва началъ свою литературную карьеру, тѣмъ не менѣе славянофильскому критику удалось подмѣтить въ талантѣ Толстого такую черту, которая составляетъ не случайную, а постоянную и очень важную его особенность. Здѣсь, въ этой именно чертѣ, и заключается первая причина того крайняго индивидуализма, къ которому впослѣдствіи Толстой пришелъ уже съ теоретическими обоснованіями. Ходъ этого процесса понять не трудно. Толстой, какъ художникъ, съ удивительною ясностью подмѣчаетъ «микроскопическія явленія въ душѣ», «мелочи душевнаго міра»; онъ замѣчаетъ далѣе, что эти будничныя «мелочи» сопровождаютъ каждый сильный, необычный душевный порывъ, что человѣкъ, охваченный даже сильною страстью, чувствомъ иногда прямо героическимъ, въ то же время не освобождается ни отъ слабости тщеславія, ни отъ желанія рисоваться, ни отъ припадковъ самолюбія и т. д., не освобождается даже въ ту великую минуту, когда онъ совершаетъ поступокъ, вызванный этой страстью и равный этому чувству. Болѣе того, еще и еще углубляя анализъ, художникъ приходитъ къ заключенію, что сплошь да рядомъ въ основѣ очень крупныхъ дѣйствій и поступковъ лежатъ очень мелкія побужденія, которыя не сопровождаютъ только эти дѣйствія, не сосуществуютъ съ ними, а являются ихъ прямою причиною. Но однако изъ совокупности этихъ дѣйствій составляется то, что называется историческою дѣятельностью общества. Эти дѣйствія, источникъ которыхъ—ничтожныя сами по себѣ внутреннія побужденія—есть въ сущности сама жизнь, во всемъ разнообразіи ея явленій. Ясно, стало быть, что корень-корней всѣхъ явленій общественной, семейной, личной жизни заключается въ человѣческой личности, въ ея душевныхъ процессахъ и, далѣе, ясно, что вопросы историческаго прогресса сводятся въ концѣ концовъ къ вопросу о развитіи и совершенствованіи личности. Чѣмъ лучше человѣкъ, чѣмъ выше его нравственность, чѣмъ чище его побужденія, тѣмъ, конечно, лучше его дѣйствія и тѣмъ, слѣдовательно, успѣшнѣе общій прогрессъ, тѣмъ краше и чище жизнь вообще.

Какъ видите, это цѣлая теорія, не лишенная логической стройности и законченности. Придти къ ней можно различными путями, но намъ представляется несомнѣннымъ, что собственно Толстой пришелъ къ ней именно въ силу той особенности своего духовнаго прозрѣнія, на которую очень мѣтко указывалъ К. Аксаковъ. Микроскопъ—сильное, но и опасное орудіе, Аксаковъ, въ видѣ иллюстраціи, указываетъ на стаканъ чистой воды, который подъ микроскопомъ превращается въ море, населенное чудовищами, но можно привести примѣръ еще болѣе наглядный. Разсмотрите въ микроскопъ прелестное человѣческое лицо, восхищающее насъ тонкостью своихъ очертаній, блескомъ своей бѣлизны, яркостью своего румянца: какія грубыя трещины и борозды, наполненныя засохшею грязью, какія уродливыя неровности и шероховатости, какая аляповатость красокъ! Правы-ли были бы мы, если посовѣтывали обладателю или обладательницѣ этого лица пойти и поскорѣе какъ можно чище и старательнѣе умыться? Между тѣмъ, какъ потомъ увидимъ, Толстой постоянно такъ поступаетъ, и въ заботахъ о нашей чистотѣ даже изобрѣлъ особаго рода мыла, которыя съ настойчивостью и рекомендуетъ.

Переходимъ къ другимъ славянофильскимъ критикамъ, къ которымъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ отнести Аполлона Григорьева и г. Страхова, потому что — кто же можетъ указать черту, отдѣляющую славянофиловъ отъ этихъ «почвенниковъ?» *). Г. Страховъ выступаетъ съ необыкновенною помпою. Въ предисловіи къ своей книгѣ («Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ» Спб. 1885) онъ съ самоувѣренностью, которая вызывала бы негодованіе, если бы прежде всего не вызывала смѣха, торжественно заявляетъ: «Хотя мои статьи не достигаютъ идеала

*) Напомнимъ читателю еще разъ, что мы отнюдь не имѣемъ въ виду разсматривать взгляды *всѣхъ* критиковъ Толстого. Наша цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы характеризовать эти взгляды, а въ томъ, чтобы характеризовать Толстого и вотъ почему мы останавливаемся лишь на тѣхъ критикахъ и на тѣхъ статьяхъ этихъ критиковъ, и на тѣхъ мѣстахъ этихъ статей, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Толстому. Статьи, напр., Дудышкина, Дружинина, Писарева о Толстомъ сами по себѣ, какъ литературныя произведенія, очень недурны, но мы считаемъ себя въ правѣ обойти ихъ, потому что онѣ не даютъ почти никакого матеріала для характеристики Толстого, ни положительно, ни отрицательно.

критики, хотя въ нихъ больше господствуютъ мысли общія и отвлеченныя, однако же настоящій критическій элементъ въ нихъ также есть, и можетъ быть иные читатели одобрятъ меня за ясность и опредѣленность тѣхъ чертъ, на которыхъ я останавливаюсь. Содержаніе (статей) настолько важно въ моихъ глазахъ и я настолько доволенъ ихъ изложеніемъ, что съ большею смѣлостью рѣшаюсь предложить ихъ читателямъ въ отдѣльномъ изданіи» (II). Въ текстѣ книги, заканчивая свой разборъ романа «Война и миръ», г. Страховъ, хотя не хвалитъ прямо себя, какъ въ предисловіи, за то пренавязчиво напрашивается на похвалу: «если, говоритъ онъ, почитатели этого произведенія (романа «Война и миръ») найдутъ, что я способствовалъ истолкованію его внутренняго, глубокаго смысла, то это было бы для меня великою и очень желательною похвалою» (392). Требуя «похвалы», г. Страховъ требуетъ себѣ и «награды»: «я заслужилъ, заявляетъ онъ, важную награду: въ нѣкоторой мѣрѣ я понялъ душу этого произведенія, отразившееся въ немъ міросозерцаніе художника; я нашелъ тѣ точки зрѣнія, тѣ категоріи, съ которыхъ его слѣдуетъ судить, и мнѣ открылась связь его съ исторіею и ходомъ нашей литературы» (391).

Хотя, конечно, все это, достаточно-таки наглое, самохвальство г. Страхова не имѣетъ къ Толстому ни прямого, ни косвеннаго отношенія и характеризуетъ только умственный и нравственный уровень самого критика, но для г. Страхова приходится сдѣлать исключеніе. Мы не сказали бы о г. Страховѣ ни единаго слова, потому что въ его статьяхъ о Толстомъ нѣтъ ни единой мысли, заслуживающей хоть мимолетнаго вниманія. Но г. Страховъ претендуетъ на первое или по крайней мѣрѣ на второе (послѣ Аполлона Григорьева) мѣсто въ ряду критиковъ Толстого и эту претензію надо разсмотрѣть и разъ навсегда съ нею покончить. Дѣло это нетрудное. Вотъ резюме статей г. Страхова о романѣ «Война и миръ», резюме, предлагаемое самимъ ихъ авторомъ:

«Полная картина человѣческой жизни.

Полная картина тогдашней Россіи.

Полная картина того, что называется исторіею и борьбою народовъ.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастіе и величіе, свое горе и униженіе.

Вотъ что такое «Война и миръ» («Критическія статьи» 348).

Что это — критика или безсмысленный панегирикъ? Полная картина человѣческой жизни! Но вѣдь это значитъ, что художникъ сталъ выше художества. Цѣль всякаго разумнаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы изображать жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и вся совокупность всякаго рода художественныхъ произведеній не исчерпала и милліонной доли этой великой задачи своей и вдругъ — «полная картина» въ четырехъ небольшихъ томахъ! Одинъ изъ персонажей Шпильгагена, сравнивши жизнь съ океаномъ, прекрасно и справедливо замѣтилъ: «нельзя не подивиться смѣлости художниковъ, которые по локоть запускаютъ свои руки въ этотъ океанъ и вытаскиваютъ оттуда... ну, да именно только то, что удержится у нихъ между пальцами». Толстой очень глубоко запускаетъ свои руки въ житейскій океанъ, но нужно быть г. Страховымъ, чтобы допустить возможность вычерпать море ковшомъ или пригоршней.

«Полная картина тогдашней Россіи», но, напр., крѣпостное право было очень значительнымъ факторомъ «тогдашней Россіи» и однако въ «полной картинѣ» мы не находимъ его изображенія. Далѣе, духовенство, напр., играло въ «тогдашней Россіи» не послѣднюю роль и тѣмъ не менѣе мы и его не находимъ въ «полной картинѣ». Самый народъ изображался Толстымъ въ его романѣ не со стороны его быта, а со стороны его нравовъ — хороша «полная картина», нечего сказать! Далѣе,—«полная картина того, что называется исторіею и борьбою народовъ». Но развѣ наполеоновскія войны и, въ частности, война 12-го года представляютъ собою что-нибудь большее, нежели простой эпизодъ «исторіи», частный фактъ «борьбы народовъ»? А если такъ, то какимъ же образомъ изображеніе эпизода исторіи можетъ быть полною картиною исторіи? Наконецъ, «Война и миръ»—«полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастіе и величіе, свое горе и униженіе». Послѣ этого, что такое передъ Толстымъ самъ Шекспиръ? Мы знаемъ униженіе Лира, горе Отелло, нравственное величіе Корделіи и пр., знаемъ глубочайшія изображенія человѣческихъ страстей, — любви, ревности, честолюбія и властолюбія, оскорбленной гордости, мести, раскаянія, ненависти и т. д.—давно все это знаемъ, но никогда не думали, чтобы людскія страсти могли развиваться непремѣнно въ этихъ предѣлахъ и выражаться именно въ такихъ формахъ.

«Благодарю, не ожидалъ!» могъ бы сказать Толстой, прочтя панегирикъ г. Страхова. Рядъ безсмысліцъ, составляющихъ содержаніе резюме статей г. Страхова, даетъ надлежащее понятіе и о самыхъ статьяхъ, за которыя критикъ требуетъ себѣ «похвалы» и «награды». Мы нашли однако же въ нихъ одну здравую мысль, одно частное замѣчаніе, которое, въ видахъ безпристрастія, и представимъ читателю. «Въ чемъ, говоритъ г. Страховъ, заключается особенная, ярко выступающая черта таланта гр. Л. Н. Толстого? Въ необыкновенно тонкомъ и вѣрномъ изображеніи душевныхъ движеній. Гр. Л. Н. Толстого можно назвать по преимуществу *реалистомъ-психологомъ*. По прежнимъ своимъ произведеніямъ онъ давно извѣстенъ какъ изумительный мастеръ въ анализѣ всякаго рода душевныхъ перемѣнъ и состояній. Этотъ анализъ, разрабатываемый съ какимъ то пристрастіемъ, доходилъ до мелочности, до неправильной напряженности» (245). Все это весьма вѣрно, но все это, какъ, разумѣется, замѣтилъ читатель, не болѣе какъ повтореніе приведеннаго выше мнѣнія К. Аксакова. Такимъ образомъ въ статьяхъ г. Страхова, говоря извѣстнымъ выраженіемъ, есть и новое и хорошее, но новое въ нихъ—дурно, а хорошее—старо!

Съ умори тельнымъ высокомѣріемъ относясь ко всей нашей критикѣ, начиная съ Бѣлинскаго и кончая современниками, г. Страховъ только съ А. Григорьевымъ не чувствуетъ «себя въ силахъ тягаться въ критическомъ пониманіи» (312). Это напрасно: именно съ Аполлономъ Григорьевымъ г. Страховъ и могъ бы «тягаться» относительно критическаго опредѣленія Толстого. Согласно общимъ принципамъ своей критики, Григорьевъ указывалъ прежде всего на «органичность» Толстого, какъ литературнаго явленія. Но эту «органичность» онъ понималъ своеобразно, не въ смыслѣ полнаго равновѣсія духовныхъ силъ Толстого, цѣлостности его міросозерцанія, совершенной гармоніи его таланта и его ума, а въ смыслѣ литературно-генетическомъ, въ смыслѣ законосообразности дѣятельности Толстого въ ряду другихъ явленій нашей литературы. Устанавливая эту, въ сущности, чисто-историческую точку зрѣнія, Григорьевъ гораздо болѣе толкуетъ въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ, нежели о Толстомъ, о Пушкинѣ, въ которомъ критикъ усматриваетъ родоначальника всѣхъ значительныхъ явленій нашей художественной литературы,—въ томъ числѣ и Толстого. Это установленіе литературной преемственности всегда казалось Григорьеву

дѣломъ первостепенной важности, но для читателя, который и даромъ готовъ былъ повѣрить, что Толстой не съ неба свалился къ намъ, это обиліе доказательствъ того, что было очевидно и подразумѣвалось само собою, представляется совсѣмъ излишней роскошью. Отъ Пушкина или отъ Гоголя ведетъ свою родословную Толстой, въ близкомъ или далекомъ родствѣ состоитъ онъ съ Тургеневымъ, Писемскимъ, Достоевскимъ, Островскимъ — это, если угодно, вопросы не безъинтересные, и заняться ими можно, но лишь послѣ того, какъ рѣшенъ и обслѣдованъ вопросъ объ идейномъ и нравственномъ содержаніи его произведеній. Дистиллируя такимъ образомъ статью Григорьева, обходя въ ней все, касающееся собственно исторической стороны дѣла, мы въ конечномъ результатѣ получаемъ нѣсколько дѣйствительно цѣнныхъ критическихъ замѣчаній, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему:

«Анализъ Толстого дошелъ до глубочайшаго невѣрія во всѣ «приподнятыя» «необыденныя» чувства души человѣческой. Въ этомъ его высокое значеніе, въ этомъ же и его односторонность. Анализъ разбилъ готовые, сложившіеся, *отчасти* чужіе намъ идеалы, силы, страсти, энергіи. Въ русской жизни онъ, какъ и всѣ, (?) видитъ только отрицательный типъ простого и смирнаго человѣка и привязался къ нему всей душою. Но, во-первыхъ, не смотря на свою глубокую искренность, можетъ быть, именно вслѣдствіе задачи, поставленной въ искренности анализа, Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ «приподнятымъ» чувствамъ. Во-вторыхъ, этотъ анализъ, дошедшій до любви къ смирному типу, преимущественно по невѣрію въ блестящій и хищный типъ, въ концѣ концовъ, не опираясь на почву, дающую оба типа, ведетъ къ какому то пантеистическому отчаянію. Въ-третьихъ, наконецъ, этотъ анализъ обращается въ какой-то безсодержательный, въ анализъ анализа, своею безсодержательностью приводящій къ скептицизму и къ подрыву всякихъ душевныхъ чувствъ» (Зелинскій, II, 16).

Какъ видите, это опять все то же. Константинъ Аксаковъ сказалъ, Григорьевъ нѣсколько поразвилъ, а г. Страховъ того и другого повторилъ, за что и потребовалъ себѣ «награды» и «похвалы». И это все, т. е. все, сколько-нибудь цѣнное, что дала славянофильская критика о Толстомъ, не смотря на то, что считала его по преимуществу «своимъ» писателемъ, такъ что г. Страховъ прямо

называетъ Толстого славянофиломъ, хотя и не «въ строгомъ смыслѣ» (III). Если прибавить къ этому, что французская критика, въ лицѣ Вогюэ, называла Толстого нигилистомъ, то передъ читателемъ на первый разъ вырисовывается такой удивительно складный образъ: Толстой — это славянофилъ-нигилистъ, занимающійся анализомъ для анализа, какъ въ доброе старое время занимались искусствомъ для искусства.

III.

Либеральная критика, къ которой мы теперь обратимся, обнаруживаетъ по отношенію къ Толстому одну, очень замѣчательную особенность. «Мягкотѣлый» россійскій либералъ—большой поклонникъ авторитетовъ. Пока какое-нибудь литературное или жизненное явленіе только еще возникаетъ, только еще начинаетъ пробивать себѣ свою самостоятельную дорогу — нашъ либерализмъ относится къ нему — если только удостоитъ отнестись — полу-презрительно, полу-покровительственно, какъ бы говоря: «молодо-зелено; внѣ нашихъ доктринъ нѣтъ спасенія и всѣ твои, новоявленный новаторъ, эксцентричности приведутъ тебя въ конечномъ результатѣ подъ хранительную сѣнь нашихъ едино-спасительныхъ ученій. Ты ищешь истины, но такъ какъ истина давно уже у насъ въ карманѣ, то чѣмъ скорѣе ты къ намъ обратишься, тѣмъ лучше будетъ для тебя». Но вотъ, явленіе ростетъ и крѣпнетъ; эксцентрикъ-новаторъ по прежнему и слышать не хочетъ о расхожей карманной либеральной истинѣ и тѣмъ не менѣе пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе вліянія и значенія. Онъ становится въ свою очередь авторитетомъ и иной разъ такимъ, тяжесть котораго перевѣшиваетъ авторитетъ очень многихъ ходячихъ теорій. Тогда декораціи быстро измѣняются, россійскій либералъ теряетъ свой апломбъ, покровительственно-снисходительное трепаніе по плечу уступаетъ мѣсто вѣжливому и почтительному расшаркиванію и выдвигается впередъ незабвенная формула: «можно не соглашаться, но нельзя не сознаться».

Мы не фантазируемъ: буквально такая перемѣна фронта произошла въ нашей либеральной критикѣ по отношенію къ Толстому. Въ шестидесятыхъ годахъ г. Евг. Марковъ очень развязно амикошонствовалъ съ Толстымъ по поводу «Ясной Поляны» и препо-

давалъ ему краткіе начатки либеральнаго катехизиса; въ семидесятыхъ годахъ г. Станкевичъ (въ «Вѣстникѣ Европы») еще довольно самоувѣренно, но съ замѣтнымъ, однако же, пониженіемъ тона, осмѣнвалъ философію Левина; въ восьмидесятыхъ годахъ, г. Слонимскій (въ томъ же «Вѣстникѣ»), не смотря на полемическій характеръ своей статьи, отнесся къ Толстому съ уваженіемъ; наконецъ, въ самое послѣднее время критикъ «Недѣли» баронъ Дистерло—либералъ чистѣйшей крови—уже, ни сколько не стѣсняясь, разсыпаетъ въ своихъ критическихъ статьяхъ о Толстомъ эпитеты «геніальный», «великій», «знаменитый», «глубокомысленный». «Вонъ оно куда дѣло то пошло!» можемъ сказать мы словами гоголевскаго героя.

Мы остановимся только на двухъ критикахъ-либералахъ, хронологически первомъ и послѣднемъ, на гг. Марковѣ и Дистерло. Г. Марковъ посвятилъ Толстому двѣ обширныя статьи — одну по поводу журнала «Ясная Поляна», другую — по поводу повѣсти «Казаки». Первая статья относится къ 1862 году и уже по первому приступу ея автора можно судить, какъ узко и недостаточно понимались въ то время смѣлыя и блестящія идеи Толстого. Школа Толстого находилась въ Тульской губерніи и «оттого-то— заявляетъ г. Марковъ — болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ на учителѣ тульской гимназіи (каковымъ былъ въ то время г. Марковъ) лежитъ обязанность выступить для обсужденія вопросовъ, затронутыхъ «Ясной Поляной», и высказать о новомъ журналѣ и новой школѣ свое посильное мнѣніе» (Зелинскій, I, 161). Это удивительно! Является писатель съ самымъ широкимъ протестомъ противъ нашей всей цивилизаціи, противъ всего нашего прогресса, причемъ до очевидности ясно, что его нападенія на существующія системы образованія и воспитанія только первая страница, первый шаговъ этого общаго протеста,—и его принимаютъ за какого-то школьнаго реформатора, которому «учитель гимназіи» можетъ «болѣе чѣмъ кто-либо другой» преподать надлежащія наставленія. Широчайшій философскій вопросъ, съ огромнымъ теоретическимъ и практическимъ значеніемъ, сводится почти исключительно къ вопросу о школьныхъ методахъ, о значеніи грамотности и т. д. Въ этомъ основномъ недоразумѣніи, недопониманіи кроется причина дальнѣйшей изумительной путаницы. Какъ вполнѣ исправный «учитель гимназіи», стоящій на высотѣ своего поста,

Евгеній Марковъ преисполненъ либерально-просвѣщенныхъ воззрѣній вѣка и съ помощью ихъ въ пухъ и прахъ разноситъ всѣ еретическія новшества Толстого. Бѣда только вотъ въ чемъ: г. Марковъ приводитъ, какъ неотразимыя доказательства, именно тѣ самыя положенія, доказательствъ на которыя Толстой и требуетъ. Толстой говоритъ, напр., что нашъ прогрессъ—народу не на радость, что мы даемъ народу не то, чего онъ требуетъ, что наша хваленая наука палецъ о палецъ не ударила для улучшенія его положенія, что народъ не только не хуже, а гораздо лучше насъ и учить намъ его не приходится и пр., и пр. Противъ всего этого очень можно спорить, но ужъ если спорить, то спорить по существу, не сходя съ той широкой философской почвы, на которой стоитъ Толстой. А что дѣлаетъ нашъ «учитель гимназіи»? Не хуже любого ученика гимназіи онъ отбарабаниваетъ свой твердо вызубренный урокъ «изъ цивилизаціи» и воображаетъ, что дѣло дѣлаетъ. Онъ говоритъ: «по нашему мнѣнію, графъ Толстой чтитъ народъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ; онъ иногда до такой степени благоговѣетъ передъ нимъ, что признаетъ святость многихъ неосмысленныхъ явленій, если только они запечатлѣны народнымъ именемъ; на томъ же основаніи онъ часто отвергаетъ, какъ незаконное, все выросшее на другой почвѣ. Народъ дѣйствительно всегда мнѣ представляется чѣмъ-то очень свѣжимъ, сильнымъ и симпатичнымъ. Но я не хочу обманывать себя на счетъ этого чувства. Я понимаю, что смотрю на него только какъ на возможность многаго хорошаго, какъ на матеріалъ, изъ котораго надежда можетъ себѣ строить все, что угодно. Такой взглядъ необходимъ людямъ, чтобы поддерживать вѣру въ добро. Съ тѣмъ-же чувствомъ смотримъ мы на дѣтей; въ нихъ тоже всѣ возможности, всѣ задатки. Но, ставя вопросъ практически, надо признать, что сами въ себѣ высшіе классы все таки лучше и выше такъ называемаго народа. Чѣмъ болѣе будетъ отдаляться отъ теперешнихъ простонародныхъ воззрѣній высшій классъ, тѣмъ болѣе будетъ признаковъ общаго народнаго развитія. Я вѣрю въ оригинальную связь общественныхъ классовъ и думаю, что старая римская басня о ногахъ и желудкѣ не лишена справедливости» (Зелинскій, I, 166—169).

Прочитавши это, мы право чувствуемъ желаніе обратиться къ читателю, какъ Чичиковъ къ Манилову и «съ видомъ легкаго изумленія» замѣтить: «скажите, однакожъ, какія способности у этого

ребенка!» «О, вы еще его не знаете!» отвѣтитъ намъ читатель. Способности въ самомъ дѣлѣ замѣчательныя, главнымъ образомъ способность говорить о томъ, чего не спрашиваютъ, и умалчивать о томъ, въ чемъ собственно и заключается вся суть дѣла. Народъ свѣжъ и симпатиченъ, народъ—хорошій матеріалъ, народъ—ноги, прокармливающія желудокъ—все это прекрасно, но почему, однако, «ставя вопросъ практически, надо признать, что сами въ себѣ высшіе классы все-таки лучше народа?» Почему—«надо признать»? Вѣдь это именно тотъ тезисъ, который Толстой предлагаетъ ему доказать. «*Ставя вопросъ практически*»—ну, вотъ и потрудитесь поставить его, практически или теоретически,—это какъ вамъ угодно, но *поставьте*-же вопросъ, а не отвиливайте отъ него, аргументируйте ваши положенія, а не представляйте ихъ въ видѣ не подлежащихъ сомнѣнію аксіомъ. Въ томъ-то и дѣло, что эти аксіомы подвергнуты Толстымъ большому сомнѣнію.

Въ еще большей степени обнаруживается, во первыхъ, это уклоненіе отъ существа дѣла и во вторыхъ, полное непониманіе Толстого въ этюдѣ г. Маркова о повѣсти «Казаки». «Толстой человѣкъ XIX вѣка, т. е. реалистъ, человѣкъ русскій, а главное—большой художникъ. Его взгляды поэтому выразились въ реальныхъ и живыхъ образахъ. Явленія цивилизаціи, при настоящемъ его настроеніи, ему показались искусственными, беззаконными, глупыми и вредными. Отвѣтственность за эти взгляды пусть беретъ онъ на себя: какъ художникъ онъ имѣетъ право воспроизводить все, что считаетъ достойнымъ своего вдохновенія. Онъ здѣсь не педагогъ, не законодатель, чтобы мы имѣли право требовать у него отчета въ его воззрѣніяхъ; это все равно, что осудить Канову за нехристіанскій сюжетъ его статуи» (Зел., II, 210).

Такъ говоритъ г. Марковъ—и лучше сказать нельзя. Тутъ, какъ видите, отвиливанье отъ дѣла возводится даже въ нѣкоторый эстетическій принципъ. Толстой проповѣдуетъ въ образахъ и картинахъ о лживости нашей цивилизаціи, о счастіи общенія съ природой и людьми непосредственнаго чувства—пусть проповѣдуетъ на здоровье: «отвѣтственность за эти взгляды пусть беретъ онъ на себя», а истинны или ложны эти взгляды, это дѣло не наше. Но вѣдь образы и картины Толстого, восхищающіе г. Маркова, только средство для художника. Вѣдь эти образы, по намѣренію самого художника, должны выражать собою идею, въ которой слѣдова-

тельно и заключается главнѣйшій смыслъ повѣсти. Но Толстой «здѣсь не педагогъ, не законодатель»—правда. Такъ что же? Толстой «здѣсь»—моралистъ, проповѣдникъ, обличитель самыхъ глубочайшихъ глубинъ нашей культурной жизни и мы будто бы не имѣемъ права требовать отъ него отчета въ его воззрѣніяхъ? Конечно, эти воззрѣнія не обязательны для насъ, какъ обязательны воззрѣнія законодателя и (для учениковъ) педагога,—но неужели г. Марковъ понимаетъ только такую, такъ сказать, административную обязательность? А обязательность убѣжденія, обязательность логики, обязательность совѣсти, та внутренняя обязательность, которая побуждаетъ человѣка принять новую истину, хотя бы это, быть можетъ, было и невыгодно для него лично? Ничего этого г. Марковъ не понимаетъ. Страстная проповѣдь интересуетъ его лишь со стороны формы, со стороны изложенія. Проповѣдуй художникъ что угодно: высокую истину, низкую ложь—«онъ имѣетъ право воспроизводить все»,—но проповѣдуй красиво, «въ реальныхъ живыхъ образахъ»—больше ничего и не требуется. Мы полюбуемся на эти образы, какъ любуемся статуетками Кановы, да на томъ и покончимъ дѣло. Какъ жалка участь проповѣдниковъ—Толстыхъ передъ аудиторіей, состоящей изъ слушателей—Марковыхъ и какъ тутъ не вспомнить старыхъ горькихъ словъ: «гласъ въ пустынѣ вопіющаго»! Хуже чѣмъ въ пустынѣ: Бэдѣ-проповѣднику камни пустыни грянули въ отвѣтъ «аминь», а отъ господъ Марковыхъ, кромѣ эстетическихъ воздыханій и смакованій, художнику проповѣднику никогда ничего не дождаться.

А вотъ какъ г. Марковъ резюмируетъ содержаніе повѣсти Толстого. «Жизнь кабана и буйволицы показались графу Толстому отраднѣе и выше жизни какихъ-нибудь губернскихъ барышенъ. И онъ съ чистотою душевною, съ прямотою древнихъ германцевъ, плюетъ на вашихъ франтовъ и барышень и указываетъ намъ на Ерошку, говорящаго кабана, на Марьянку—красивую, молоденькую буйволицу съ горячими глазами. *Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо* у него просто на просто передѣлывается въ *скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо*; и этотъ зоологическій языкъ графъ Л. Толстой откровенно прибиваетъ надъ главнымъ входомъ своего романа, чтобы всѣ сразу видѣли—кто живетъ и какъ живетъ».

Съ такимъ критическимъ разумѣніемъ конечно благоразумнѣе

оставить въ сторонѣ всякія разсужденія о внутреннемъ содержаніи художественнаго произведенія. «Скотъ есмь»—пусть ужъ это г. Марковъ говоритъ, а Толстой своей повѣстью этого не сказалъ. «Я человѣкъ и ничто въ человѣкѣ не чуждо мнѣ—ни его божественная, ни его животная стихія» — вотъ смыслъ повѣсти Толстого, если ужъ пріурочивать этотъ смыслъ исключительно къ субъективному толкованію. Развѣ въ героѣ повѣсти — протестующемъ, мятущемся, стосковавшемся по простотѣ и правдѣ Олениннѣ, не голосъ божества слышится? И точно ли Ерошка — *только* кабанъ, а Марьянка—*только* буйволица? Но довольно о г. Марковѣ...

Время шло да шло, а Толстой росъ да росъ. Третировать его en canaille становилось все неудобнѣе и неудобнѣе, и мы рѣшительно недоумѣваемъ—какимъ образомъ либеральная критика вышла бы изъ своего затруднительнаго положенія по отношенію къ Толстому, если бы судьба не послала ей въ лицѣ г. Дистерло критика, точно нарочно созданнаго для того, чтобы блюсти аппарансы. Въ предисловіи къ своей книгѣ («Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ и моралистъ» 1887), г. Дистерло прямо заявляетъ: «въ своихъ очеркахъ я имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду — намѣтить основныя идеи въ творчествѣ нашего знаменитаго писателя». *Намѣтить идеи*—въ этомъ дѣйствительно заключается вся критическая программа г. Дистерло. Онъ не оспариваетъ Толстого и не торопится согласиться съ нимъ, онъ формулируетъ, комментируетъ, именно только *намѣчаетъ*. Въ текстѣ книги онъ повторяетъ заявленіе предисловія: «мы не имѣли въ виду разбирать самое *содержаніе* философскихъ произведеній гр. Толстого; мы хотѣли только охарактеризовать его какъ интересное явленіе русскаго духа» (22). Эту программу г. Дистерло выдержалъ до конца, и въ предѣлахъ этой узкой программы онъ исполнилъ свою задачу совершенно удовлетворительно. Онъ «намѣчаетъ» идеи Толстого тщательно, отчетливо и съ значительною проницательностью. Такъ, онъ совершенно справедливо указываетъ, что идеи Толстого — «протестъ противъ односторонняго направленія нашего вѣка» (13), что «душевная драма Левина выражаетъ идею незаконной власти разума надъ жизнью» (147), что Толстой какъ проповѣдникъ - моралистъ «органически связанъ съ обществомъ, переживаетъ тѣ же вопросы и настроенія, что и общество» (191), что Толстой — мыслитель нисколько не противорѣчитъ Толстому — художнику и «если гово-

рить теперь другимъ языкомъ, чѣмъ прежде, то думаетъ онъ все ту же давнишнюю, старую думу» (43), и пр., и пр. Такихъ очень мѣткихъ и очень полезныхъ указаній въ книгѣ г. Дистерло не мало, — но въ ней нѣтъ главнаго, нѣтъ критики Толстого. Прочтя Толстого, а вслѣдъ затѣмъ книгу г. Дистерло, читатель будетъ прекрасно оріентированъ среди разнообразныхъ произведеній нашего писателя, но конечный вопросъ — идти ли *за* Толстымъ или *отъ* Толстого, предоставляется его собственному разумѣнію, а г. Дистерло умываетъ руки. Онъ благоговѣетъ передъ Толстымъ, передъ его могучимъ талантомъ и пытливою мыслью, — и не дерзаетъ напасть на него. Но онъ и не рѣшается въ то же время прямо выступить на защиту его идей, какъ будто въ темномъ предчувствіи, что примирить эти идеи съ заповѣдями правовѣрнаго либерализма—дѣло болѣе чѣмъ нелегкое. Такимъ образомъ, прекрасная въ частностяхъ книга г. Дистерло въ общемъ отличается тѣмъ самымъ характеромъ, который выражается въ формулѣ—«можно не соглашаться, но нельзя не сознаться». Qui vivra — verra, а мы подождемъ, какъ бы сказалъ себѣ г. Дистерло, и благоразумно воздерживается отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій, какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ.

IV.

Если вѣрно, что Толстой является «протестомъ противъ односторонняго направленія нашего вѣка», какъ находитъ г. Дистерло, то, конечно, отношеніе къ Толстому тѣхъ литературныхъ фракцій, въ которыхъ «направленіе нашего вѣка» выразилось особенно рельефно, представляетъ наибольшій интересъ. Не можетъ быть и спора о томъ, что «направленіе вѣка» въ нашей литературѣ выразилось всего ярче въ тѣхъ писателяхъ, которыхъ Аполлонъ Григорьевъ называлъ довольно удачно «теоретиками», и каковы были отношенія «теоретиковъ» къ Толстому — это мы выше уже отчасти видѣли. Толстой можетъ похвалиться по отношенію къ «теоретикамъ» только однимъ успѣхомъ: онъ завоевалъ ихъ вниманіе. Но это и все. Передовое умственное теченіе шестидесятыхъ годовъ не уступило Толстому ни одной своей струйки, не поступилось для него ни однимъ даже изъ второстепенныхъ своихъ положеній и до сихъ поръ является самымъ серьезнымъ противникомъ

этическихъ и общественныхъ ученій Толстого. Но—*является противникомъ* — это уже, повторяемъ, большой успѣхъ для Толстого. Критикъ «Современника», умнѣйшій и убѣжденнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ «теоретиковъ», съ хладнокровнымъ презрѣніемъ отвѣчалъ короткимъ «неужели?» на всѣ протестантскіе филиппики Толстого. Добролюбовъ просто на просто его игнорировалъ. Писаревъ смотрѣлъ на него исключительно какъ на тонкаго аналитика-психолога, который, впрочемъ, даетъ подходящій матеріалъ для изобличенія «промаховъ незрѣлой мысли» разныхъ молодыхъ людей, не успѣвшихъ или не съумѣвшихъ превратиться въ «мыслящихъ реалистовъ». Позднѣйшая критика, въ лицѣ г. Михайловскаго, сдѣлала примирительную попытку, попытку отдѣлить въ Толстомъ то, что согласовалось съ основными принципами «теоретиковъ («десница» Толстого) отъ того, что съ этими принципами никакъ связать было нельзя («шуйца» Толстого), но попытка эта кончилась неудачей. Толстой не нашелъ нужнымъ ампутировать свою «шуйцу» и «десять лѣтъ спустя» г. Михайловскій принужденъ былъ написать: «шуйца Толстого, такъ непомѣрно вытянувшаяся въ послѣднее время, вызываетъ во мнѣ особенно горькія чувства» («Опыты», 150). Все осталось по прежнему, всѣ сохранили свои позиціи, только разладъ почувствовался глубже и сталъ сознаваться яснѣе.

Но неужели въ самомъ дѣлѣ примиреніе невозможно? Неужели нѣтъ такого общаго русла, въ которое могли бы свободно войти и дружно между собою слиться эти два самыя чистыя и самыя глубокія теченія нашей мысли? «Шуйца» Толстого! Но неужели однорукость, однобокость, односторонность — достоинство и истинная красота? Въ чемъ собственно состоятъ неискупимыя въ глазахъ «теоретиковъ» прегрѣшенія Толстого? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ у г. Скабичевскаго — именно потому, что въ ряду другихъ критиковъ-теоретиковъ онъ наименѣе самостоятеленъ и индивидуаленъ, наиболѣе послушенъ «теоріи». Въ книгѣ г. Скабичевскаго («Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель», 1887) представленъ противъ Толстого цѣлый рядъ обвиненій, которыя были бы серьезны, если бы были фактически вѣрны. Первое обвиненіе состоитъ въ томъ, что хотя Толстой, конечно, талантливый беллетристъ, но, къ сожалѣнію, очень ограниченный и очень невѣжественный человѣкъ. До созданія «Войны и мира», говоритъ г. Скабичевскій, гр. Толстой ограничивался одними наблю-

деніями конкретныхъ фактовъ жизни, дѣлая изъ нихъ тѣ художественныя обобщенія, которыя онъ и представилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. При этомъ міросозерцаніе его, основныя философскія убѣжденія оставались, такъ сказать, нетронутыми, въ той степени развитія, въ какой гр. Толстой оставилъ нѣкогда школьную скамью. Такъ, напримѣръ, его историческіе взгляды не шли дальше учебниковъ, въ которыхъ всѣ историческіе факты объясняются доброю и злою волею стоящихъ впереди историческихъ дѣятелей и вожаковъ. Задумавши писать историческій романъ, изображающій жизнь цѣлой эпохи и притомъ эпохи, сильной важными историческими событіями, гр. Толстой необходимо приступилъ къ изученію ея по различнымъ памятникамъ, мемуарамъ, біографіямъ и сочиненіямъ европейскихъ и русскихъ историковъ. Такое изученіе раздвинуло умственный горизонтъ гр. Толстого, открывши ему новыя области жизни и мысли, о которыхъ до того времени онъ имѣлъ самыя элементарныя, смутныя понятія. Въ головѣ его зародились новыя мысли и начался умственный процессъ, поглотившій всѣ его силы. Путемъ этого процесса гр. Толстой дошелъ до того, что снова открылъ Америку и изобрѣлъ порохъ и книгопечатаніе, иначе сказать, онъ додумался до такихъ историко-философскихъ истинъ, которыя давно уже были открыты до него, но онъ ихъ снова открылъ для самого себя, и вообразилъ при этомъ весьма естественно, и какъ это часто бываетъ, что истины эти должны быть новостью и для всего человѣчества» (75). Это было написано въ 1872 году. Прошло четырнадцать лѣтъ, авторитетъ Толстого — не только какъ художника, но и какъ мыслителя,—былъ признанъ и у насъ, и въ западной Европѣ, и въ Америкѣ, но передъ неумолимымъ г. Скабичевскимъ Толстому всетаки не удалось реабилитировать свои умственныя способности. Въ 1886 году г. Скабичевскій писалъ:

«Я сравниваю гр. Л. Толстого съ математикомъ, который вдругъ увлекся бы табличкою умноженія, и на томъ основаніи, что она заключаетъ въ себѣ рядъ математическихъ аксіомъ, самыхъ простыхъ, общедоступныхъ, вѣчныхъ, неоспоримыхъ и предшествовавшихъ съ испоконъ вѣковъ всѣмъ послѣдующимъ математическимъ открытіямъ, началъ бы отрицать и биномъ Ньютона, и логариѳмы, и дифференціальныя вычисленія, и предлагалъ бы во всѣхъ изслѣдованіяхъ ограничиваться одною табличкою умноженія,

потому что могутъ ли сравняться всѣ тѣ запутанныя хитроумныя формулы, которыми адепты науки исписываютъ цѣлые листы, съ такою ясною, простою, для всѣхъ равно доступною и незыблемо вѣчною истиною, какъ $2\times2=4$» (146).

Не знаемъ, что чувствуетъ читатель, пробѣгая эти строки г. Скабичевскаго, но лично намъ какъ-то странно и чудно и вмѣстѣ съ тѣмъ неловко и конфузно. Такое высокомѣрное отношеніе къ одному изъ оригинальнѣйшихъ талантовъ и умовъ нашей литературы слишкомъ мало идетъ къ г. Скабичевскому и намъ конфузно за критика тѣмъ болѣе, что онъ неправъ даже чисто въ фактическомъ отношеніи. «До созданія «Войны и мира» міросозерцаніе Толстого, основныя философскія убѣжденія оставались нетронутыми, въ той степени развитія, въ какой гр. Толстой оставилъ нѣкогда школьную скамью»,—откуда это взялъ г. Скабичевскій? «До созданія «Войны и мира» Толстой создалъ и защищалъ въ своемъ журналѣ такую теорію прогресса, которая не имѣла ничего общаго не только со школьными, но и съ внѣ-школьными ученіями. А развѣ теорія прогресса, въ чемъ бы она ни состояла, можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ какъ не философской и не исторической теоріей? Далѣе, если Толстой не высказываетъ ничего кромѣ трюизмовъ, если его идеи давно извѣстны, давно всѣми усвоены и представляютъ собою пройденную ступень — то откуда же и зачѣмъ это обиліе полемики противъ его ученій? Табличка умноженія гласитъ, что $2\times2=4$, но развѣ формула бинома (читатель проститъ намъ эту экскурсію въ область гимназической премудрости) — формула $(1+1)^2=4$ гласитъ не то же самое? «Но Толстой предлагаетъ ограничиваться одною табличкою умноженія»—это надо обсудить. Если бы явился такой математикъ, который свелъ бы всю математику, со всѣми ея дифференціалами и интегралами, къ таблицѣ умноженія и доказалъ, что этой таблицы достаточно рѣшительно для всѣхъ математическихъ манипуляцій, то, знаете ли, это былъ бы такой научный подвигъ, малѣйшаго подобія котораго не представляетъ вся исторія науки.

Если бы нашелся такой философъ, который подвелъ бы многообразныя явленія личной и общественной жизни подъ одинъ верховный и простѣйшій принципъ, то это была бы такая заслуга, которую и оцѣнить достаточно нельзя. Это ли хочетъ сказать о Толстомъ г. Скабичевскій? Нѣтъ, онъ хочетъ сказать, что Толстой

отрицаетъ биномъ Ньютона только потому, что таблица умноженія гораздо проще и понятнѣе. Но въ такомъ случаѣ мы недоумѣваемъ, чего же смотрятъ близкіе и друзья Толстого: его нужно отдать подъ опеку, на него нужно надѣть смирительную рубашку, его нужно просто на цѣпь посадить, потому что человѣку, сегодня отрицающему математику на основаніи таблицы умноженія, завтра остается только кусаться. Очевидно, однако же, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ Толстой не трюизмы проповѣдуетъ. Ляйель, помнится, сказалъ, что всякая новая идея переживаетъ три періода: сначала говорятъ—«это вздоръ», потомъ—«это возмутительно» и наконецъ—«это всѣмъ давно извѣстно». Г. Скабичевскій ухитрился по отношенію къ идеямъ Толстого выговорить все это однимъ духомъ: эти идеи — «вздоръ» и въ то же время — «давно всѣмъ извѣстны», онѣ — абсурдъ, онѣ же трюизмъ. Такого критико-полемическаго кунстштюка «не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ».

Теперь о мистицизмѣ. Г. Скабичевскій упрекаетъ Толстого въ «особеннаго рода мистицизмѣ» (81) и неоднократно возвращается къ этому упреку — такъ твердо увѣренъ онъ въ его справедливости. Мистицизмъ — понятіе очень опредѣленное. Какого такого «особеннаго рода» мистицизмъ Толстого? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ г. Скабичевскій не даетъ, но мы находимъ косвенный отвѣтъ въ слѣдующихъ его словахъ: «что же касается до повѣсти «Богъ правду любитъ, да не скоро скажетъ», то она представляетъ пересказъ каратаевской легенды о купцѣ, невинно сосланномъ въ каторгу и встрѣтившемся тамъ съ настоящимъ виновникомъ преступленія, за которое былъ сосланъ; легенда эта преисполнена дикаго фатализма и мистицизма» (85). Опять позволимъ себѣ не согласиться съ г. Скабичевскимъ. Идея повѣсти—чисто нравственная идея, допускающая какое угодно себѣ обсужденіе, но не заключающая въ себѣ ровно ничего мистическаго, идея, такъ сказать, вполнѣ земная. Это—та самая идея, которая выражена въ эпиграфѣ къ «Аннѣ Карениной»: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Логически развиваясь у Толстого, эта идея преобразовалась въ извѣстное ученіе о непротивленіи злу, ученіе, противъ котораго и за которое написано уже не мало одушевленныхъ страницъ, преисполненныхъ самой разнообразной аргументаціи и это послѣднее обстоятельство можетъ служить, между прочимъ, доказательствомъ, что ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, не мистическое, а чисто этическое. Гдѣ

мистика, тамъ нѣтъ мѣста доводамъ, а Толстой, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, стремится именно доказать, хотя и на свой ладъ, не вдохновить, а убѣдить, не увлечь, а научить и наставить.

Казалось бы къ писателю, высочайшій реализмъ котораго признается и г. Скабичевскимъ, слишкомъ мудрено приклеить ярлыкъ мистика. Для г. Скабичевскаго однако же этого затрудненія не существуетъ, благодаря той дуалистической точкѣ зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ Толстого. Какъ художникъ—Толстой реалистъ; какъ мыслитель—онъ мистикъ,—вотъ взглядъ г. Скабичевскаго. «Мыслитель говоритъ одно, а художникъ представляетъ вамъ совсѣмъ другое; мыслитель требуетъ, чтобы художникъ такъ вотъ и такъ иллюстрировалъ его идею, а художникъ беретъ да и мажетъ кистью передъ вами совершенно наперекоръ мыслителю. Но такъ какъ художникъ въ тысячу разъ и сильнѣе и правдивѣе мыслителя, то онъ его кладетъ въ лоскъ. Несчастный мыслитель низверженъ, затертъ, онъ тонетъ, задыхается въ разбушевавшихся стихіяхъ художественнаго творчества, изрѣдка онъ напоминаетъ вамъ о своей гибели, протягивая вамъ руки и испуская неистовые вопли» (91). Это вообще очень распространенное въ нашей публикѣ мнѣніе, но одинъ изъ лучшихъ критиковъ Толстого—Громека громко заявилъ о своемъ «равнодушіи къ этому безмысленному мнѣнію» и мы вполнѣ присоединяемся къ этому заявленію. Художественные и философскіе достоинства и недостатки Толстого тѣснѣйшимъ, органическимъ образомъ связаны между собою, обусловливаютъ другъ друга, какъ выпуклая сторона медали обусловливаетъ вогнутую. Въ чемъ г. Скабичевскій видитъ доказательство, что Толстой-художникъ «кладетъ въ лоскъ» Толстого-мыслителя? Главнымъ образомъ въ томъ, что персонажи Толстого, симпатичные ему какъ мыслителю, являются въ его художественномъ воспроизведеніи или людьми дряннымъ, какъ Оленинъ, или ничтожными, какъ Левинъ. «Приступивши къ Левину, говоритъ г. Скабичевскій, вы сразу проваливаетесь въ мутныя и бездонныя хляби россійской культурности. Передъ вами тотчасъ же раскрываются всѣ тѣ прекрасныя качества, которыя дѣлаютъ изъ россійскаго культурнаго человѣка жалкое ничтожество и никуда не годную тряпку: расплывчивость, рыхлость, неопредѣленность, шаткость, легковѣсная увлекаемость каждымъ минутнымъ вѣяніемъ и отсутствіе всякаго упорства въ

преслѣдуемой цѣли; разомъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ стремленій, взаимно исключающихъ другъ друга и пр.» (110). Это палка о двухъ концахъ. Когда мы подходимъ къ человѣку съ намѣреніемъ судить его, у насъ въ запасѣ только одинъ твердый и въ извѣстной мѣрѣ объективный критерій,—нравственный и умственный. Низокъ или благороденъ *вообще*, уменъ или глупъ *вообще*—это мы можемъ сказать о человѣкѣ съ увѣренностью, но, разумѣется, такія общія характеристики не исчерпываютъ его внутренняго содержанія и, обращаясь къ деталямъ, въ которыхъ зачастую и заключается все дѣло (такъ какъ въ большинствѣ люди ни благородны, ни низки, ни умны, ни глупы), мы принуждены руководствоваться субъективными понятіями о добрѣ и злѣ. Вотъ это-то и есть двухконечная палка. «Расплывчатость, рыхлость», говорите вы, — но намъ несравненно противнѣе «твердость», которой хоть колъ на головѣ теши. «Неопредѣленность, шаткость» — да, но окаменѣлая законнѣлость, непроницаемая броненосность души и ума намъ еще менѣе нравятся. Китъ Китычъ Брусковъ чрезвычайно опредѣленный и въ высшей степени устойчивый человѣкъ. «Легковѣсная увлекаемость каждымъ минутнымъ вѣяніемъ—да, но тяжеловѣсная неподвижность, не поддающаяся не только «вѣяніямъ», но и настоящимъ бурямъ, тоже вѣдь не представляетъ собою идеала красоты. «Отсутствіе всякаго упорства въ преслѣдуемой (въ преслѣдованіи?) цѣли»—это качество находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ достоинства самой цѣли. Нельзя упорнѣе напр. Чичикова преслѣдовать свою цѣль, но и для общества и для него самого было бы лучше, если бы онъ былъ не столь упоренъ. «Разомъ нѣсколько разнородныхъ стремленій» — да, но мы знаемъ нѣчто гораздо худшее и, къ сожалѣнію, гораздо чаще встрѣчающееся въ дѣйствительной жизни: это — полное отсутствіе всякихъ не личныхъ, не эгоистическихъ, не корыстныхъ стремленій. Г. Скабичевскій даже Вронскаго и Анну ставитъ гораздо выше Левина, на томъ основаніи, что хотя «они мѣднаго пятака не имѣютъ за душою, да хоть въ любви то мужественны, тверды и идутъ до конца, не оглядываясь по сторонамъ». Странное основаніе! Рѣшительно недоумѣваемъ, почему идти «не оглядываясь по сторонамъ» лучше и благороднѣе, нежели идти оглядываясь.

Какъ видите, всѣ обвиненія г. Скабичевскаго противъ Левина очень относительны и условны. Г. Скабичевскій не можетъ ска-

зать — «Левинъ глупъ» или «Левинъ безнравственъ»; онъ указываетъ лишь на расплывчатость, шаткость, отсутствіе упорства и т. д. и на этомъ то основаніи произноситъ приговоръ, что Левинъ «жалкое ничтожество»! Сильно, но слишкомъ неосторожно сказано. Если расплывчатость, шаткость и пр. дѣлаютъ изъ человѣка «жалкое ничтожество», то естественно заключить, что противоположныя свойства придаютъ человѣку величіе и достоинство. Нѣтъ ли среди персонажей Толстого такого «величественнаго», если ужъ не прямо великаго человѣка? Есть: именно — Долоховъ. Это разбойникъ, это звѣрь, это грязное и злое животное, но шаткости, расплывчатости, рыхлости, неопредѣленности въ немъ нѣтъ и тѣни. Ясно, что критерій г. Скабичевскаго никуда не годится. Мы говоримъ уже не о томъ, что всѣ инкриминаціи г. Скабичевскаго совсѣмъ не относятся до Левина, какъ его изобразилъ Толстой. Напр. хоть этотъ упрекъ — «разомъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ стремленій» просто фактически не вѣренъ: стремленіе у Левина одно — найдти истину, найдти отвѣтъ на поглощающій всѣ его силы основной вопросъ: «какъ жить?». Мы говоримъ пока только о томъ, что г. Скабичевскій смотритъ на Левина подъ извѣстнымъ угломъ, — подъ угломъ исповѣдуемой теоріи или своихъ субъективныхъ нравственныхъ понятій. Но такъ какъ этотъ «уголъ» не имѣетъ обязательной силы ни для Толстого, ни для всѣхъ другихъ, то понятно, что Левинъ, при всей своей неопредѣленности, шаткости, и пр. можетъ быть симпатиченъ въ глазахъ не одного Толстого. А если Левинъ симпатиченъ, то значитъ Толстой достигъ своей цѣли (предполагая вмѣстѣ съ г. Скабичевскимъ, что таковая была у него) цѣли — *сдѣлать* Левина симпатичнымъ. А если онъ достигъ своей цѣли, то значитъ между Толстымъ-художникомъ и Толстымъ-мыслителемъ нѣтъ ни малѣйшаго разлада: первый вѣрно сослужилъ свою службу второму.

Повторимъ еще разъ: съ точки зрѣнія общей морали, обязательной для всѣхъ насъ безъ исключенія, противъ Левина ровно ничего нельзя сказать. Г. Скабичевскій осуждаетъ его какъ «ничтожество» съ точки зрѣнія теоріи и въ этомъ то вся и бѣда. Хорошая и даже необходимая вещь теорія, но нужно умѣть ею пользоваться, нужно быть не рабомъ, а господиномъ ея. Не превращайте живую теорію въ окоченѣлую доктрину, заботьтесь не о неприкосновенности ея, а объ ея развитіи и при встрѣчѣ съ яр-

кимъ и оригинальнымъ явленіемъ не спѣшите кричать «лобъ» или «затылокъ». Не жизнь для теоріи, а для жизни теорія. Жизнь шире самой широкой теоріи и дѣло писателя, мыслителя, теоретика въ томъ именно и состоитъ, чтобы бережно поддерживать ту связь, которая должна существовать между теоріей и практической дѣйствительностью. Попугайствовать конечно легче. Но это легкое занятіе неблагодарно и кромѣ того опасно, потому что какъ разъ прослывешь за ту сороку Якова, которая затвердила одно про всякаго.

V.

Намъ остается разсмотрѣть послѣднюю группу «критиковъ Толстого», критиковъ раздѣляющихъ и защищающихъ его теоріи. Эта группа пока очень немногочисленна: къ ней принадлежатъ всего два критика — Громека и г. Оболенскій. Ученики одного и того же учителя, эти критики однако ни въ чемъ не походятъ другъ на друга, ни въ чемъ за исключеніемъ одной черты: они оба подходятъ къ Толстому и разсматриваютъ его an und für sich, не предъявляя ему никакихъ общихъ требованій, не прилагая теоретическихъ критеріевъ. Но въ то время какъ Громека дѣлаетъ, это просто по отсутствію, такъ сказать, становаго хребта въ своихъ воззрѣніяхъ, по отсутствію основного регулирующаго принципа, г. Оболенскій дѣлаетъ тоже вслѣдствіе нѣкотораго embarras de richesses: онъ прочелъ такую пропасть книгъ, ознакомился со столькими теоріями и лично такъ безоруженъ противъ любой изъ этихъ теорій, что въ концѣ концовъ рѣшительно не знаетъ чего ему собственно слѣдуетъ держаться. Онъ разсматриваетъ мораль Канта, мораль Нирваны и Шопенгауера, мораль позитивистовъ, утилитаристовъ (или *утилитаріалистовъ*, какъ выражается г Оболенскій), эволюціонистовъ и у него просто голова кругомъ идетъ. Въ этомъ состояніи онъ подходитъ къ морали Толстого, немедленно порабощается ею, подчиняется ей, но въ то же время не можетъ забыть и прежнихъ господъ своихъ—отъ Канта до Спенсера включительно. Начинаются большія хлопоты, большая суетня: огромныя фигуры Канта, Шопенгауера, Конта, Милля, Спенсера, Толстого стоятъ въ величавой неподвижности и въ ногахъ у нихъ мелькаетъ крошечная озабоченная фигурка нашего критика, изнемогающаго

въ безплодныхъ усиліяхъ соединить въ одну группу окружающихъ его гигантовъ. Одному онъ упрется обѣими руками въ нижнюю часть живота и изо всѣхъ силъ старается сдвинуть его съ мѣста, другого ущипнетъ за колѣно, третьяго чуть не съ плачемъ умоляетъ пододвинуться хоть на маленькій шажекъ (напр. Толстого по вопросу о женскомъ образованіи) — нѣтъ! Стоятъ себѣ гиганты по прежнему и г. Оболенскаго «совсѣмъ не примѣчаютъ». Тогда критикъ начинаетъ развивать свои собственные взгляды или защищать спеціально Толстого, причемъ, можно сказать, выходитъ изъ себя, опускается на дно морское, поднимается на облака, переворачиваетъ вверхъ дномъ все, все земное, истощаетъ, кажется, всѣ аргументы, экскурсируетъ во всѣ области знаній — и всетаки опять *нѣтъ!* Никакого результата! Никакого впечатлѣнія!

Зари багряны персты,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты.
Такъ громко, высоко, а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

Что прикажете дѣлать! Бываютъ такіе писатели: всѣ данныя, кажется, есть у нихъ на то, чтобы «глаголомъ жечь сердца людей» и трудолюбіе, и знанія, и умъ, и искренность убѣжденія, не хватаетъ только какой то маленькой штучки (не ее ли называютъ «искрой Божіей»?) и вмѣсто «жгучихъ глаголовъ» выходитъ какая то безсвязная канитель...

Совсѣмъ иное дѣло — Громека. Начиная читать его книгу («Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого» 1885), читатель въ первой же главѣ, на первыхъ же страницахъ встрѣчаетъ истинно свѣтлыя мысли о Толстомъ, мысли не только вѣрныя, но и оригинальныя. Такъ, объясняя относительный неуспѣхъ «Анны Карениной», Громека говоритъ: «Дѣло въ томъ, что основныя точки зрѣнія, духъ, направленіе художника оказались слишкомъ далеко отошедшими отъ воззрѣній и умственнаго склада большинства его читателей. Художникъ творилъ въ направленіи реакціонномъ господствующему. Онъ пошелъ дальше и вѣрнѣе и потому его созданіе не могло быть понятно вполнѣ, не могло не вызвать въ большинствѣ осужденія и несочувствія. Читающее общество и литература у насъ, какъ и на Западѣ, все еще питаются старой раціоналистическою почвой, а поэзія графа Толстого, его идеи и

задушевныя симпатіи всѣ вышли изъ источника совсѣмъ иного — изъ области непосредственнаго чувства. Раціоналистическая критика и поэтическій проповѣдникъ непосредственнаго начала, цѣльнаго воззрѣнія на людей, природу и Божество — не могли понять другъ друга: они какъ бы жили въ двухъ частяхъ свѣта и встрѣтиться не могли» (7). Немного далѣе, Громека дѣлаетъ дополнительное замѣчаніе, которое дѣйствительно необходимо: «Мы думаемъ, что сущность художественной дѣятельности гр. Л. Толстого есть проповѣдь враждебнаго раціонализму непосредственнаго воззрѣнія на жизнь. Но мы убѣждены, что если къ цѣльному направленію гр. Л. Толстого можно примѣнить опредѣленіе реакціоннаго, то лишь въ смыслѣ не регрессивной реакціи, а прогрессивнаго воздѣйствія хотя и старыхъ, но законныхъ и истинныхъ началъ» (8).

Все это прекрасно сказано. Къ сожалѣнію, все это именно только *сказано* и отнюдь не доказано. Читатель, найдя всѣ эти положенія на первыхъ страницахъ книги, спѣшитъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, въ увѣренности найдти тамъ и развитіе и доказательство голыхъ формулъ, предложенныхъ критикомъ. Ничего подобнаго онъ однако же къ своему удивленію и разочарованію не находитъ. Громека тщательнѣйшимъ образомъ, до мелочности подробно, анализируетъ романъ Толстого, но анализируетъ исключительно на психологической почвѣ. Что за люди Анна, Вронскій, Каренинъ, какія чувства волновали ихъ, какія отношенія существовали между ними, хороши ли были эти чувства, правильны ли были эти отношенія и т. д. — вотъ вопросы, занимающіе Громеку. Рѣшаетъ онъ ихъ почти всегда удачно; его характеристики очень мѣтки; его указанія на тѣ или другія художественныя красоты произведенія—вполнѣ правильны. Но что же раціонализмъ вѣка, что же проповѣдь непосредственнаго чувства, чѣмъ разрѣшается тяжба, начатая Толстымъ противъ господствующаго направленія? Громека все это обходитъ. Онъ, если такъ можно выразиться, погрузился въ Толстого, напитался до мозга костей его духомъ и для него *сказанное* о побѣдѣ Толстого есть уже *доказанное*. О какой тяжбѣ рѣчь? Для Громеки Толстой уже во всѣхъ инстанціяхъ выигралъ эту тяжбу, онъ не истецъ и не отвѣтчикъ, а побѣдитель, которому можно аплодировать, но котораго уже нѣтъ надобности судить. И вся книга Громеки — одинъ непрерывный аплодисментъ.

Все это — совсѣмъ напрасно и очень жалко. «Раціонализмъ вѣка» дешево себя не отдастъ и побѣду надъ нимъ праздновать раненько. Да и можно ли, нужно ли желать такой побѣды? То доброе, здоровое, истинное, что заключается въ проповѣди Толстого не можетъ ли войдти простымъ элементомъ въ «раціонализмъ вѣка»? Всѣ эти вопросы, рѣшеніемъ которыхъ долженъ былъ бы заняться Громека, такъ хорошо формулировавшій ихъ, составятъ предметъ послѣдующаго изложенія нашего.

«Искусство» Толстого.

VI.

Подводя итоги тому, что высказала критика о Толстомъ, какъ о художникѣ, можно, кажется, придти только къ двумъ безспорнымъ общимъ заключеніямъ: Толстой, во-первыхъ, необыкновенно тонкій психологъ, во-вторыхъ, необыкновенно яркій реалистъ. Очевидно однако же, что въ такомъ видѣ, т. е. въ видѣ голыхъ формулъ, эти заключенія говорятъ очень мало, характеризуютъ очень неопредѣленно. «Психологъ», но развѣ Достоевскій не психологъ? «Реалистъ», но развѣ тотъ же Достоевскій не реалистъ? И развѣ въ то же самое время легко указать писателей болѣе различныхъ между собою, какъ именно Толстой и Достоевскій?

Разумѣется, мы не будемъ распространяться относительно общей писательской манеры Толстого, даже придавая слову «манера» самое широкое значеніе. «Такъ было, а впрочемъ мнѣ какое дѣло» — вотъ какъ характеризовалъ когда-то Бѣлинскій главнѣйшую, основную (по его мнѣнію) черту творчества Шекспира, и въ этой формулѣ чистаго объективизма усматривалъ послѣднюю грань художественнаго творчества, до какой только можетъ возвыситься писатель. Въ эту область эстетико-схоластическихъ вопросовъ мы не послѣдуемъ. Мы считаемъ совершенно праздным дѣломъ разсуждать объ относительномъ значеніи въ искусствѣ субъективности и объективности и тому подобныхъ вопросовъ, по поводу которыхъ можно насказать множество если не мудрыхъ, то мудреныхъ словъ, врядъ-ли, однако же, кому-нибудь нужныхъ и на что-нибудь пригодныхъ. Шекспиръ и Гете — объективны до холодности, а Байронъ, Шиллеръ, Гюго субъективны до страст-

ности,—но развѣ они не одинаково поэты и не одинаково успѣшно «сердца волнуютъ, мучатъ, какъ своенравные чародѣи»? *Литературный темпераментъ* Толстого мы такимъ образомъ оставимъ безъ разсмотрѣнія и обратимся къ идейному содержанію его произведеній, сдѣлавши, впрочемъ, нѣсколько общихъ предварительныхъ замѣчаній, которыя понадобятся намъ впослѣдствіи.

Всѣ, безъ единаго исключенія, талантливые беллетристы въ большей или меньшей степени психологи и аналитики. Всѣ они, въ видѣ ли главной или побочной придаточной задачи, занимаются анализомъ и изображеніями внутренней жизни человѣка, рисуютъ намъ характеры, раскрываютъ передъ нами наши внутреннія побужденія, словомъ изслѣдуютъ во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ изгибахъ сердце человѣческое. Задача эта не выше литературы или вообще искусства, но разумѣется она гораздо выше какихъ бы то ни было индивидуальныхъ силъ, какого бы то ни было отдѣльнаго таланта или генія. Позволимъ себѣ принести одну хорошенькую сказочку, которую мы заимствуемъ у Толстого (IV, 483) и которая отлично иллюстрируетъ нашу очень, впрочемъ, нехитрую мысль. «Одинъ индійскій царь велѣлъ собрать слѣпыхъ и когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слѣпые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ ощупалъ ногу, другой—хвостъ, третій—рѣпицу (часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо), четвертый—брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, осьмой—хоботъ. Потомъ царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: слоны твои похожи на столбы; этотъ слѣпой щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники; этотъ слѣпой щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: они похожи на сучья; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: слоны похожи на кучу земли; тотъ, что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на бугоръ; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ, что они похожи на толстую веревку. И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться».

Такъ-то давно дѣла идутъ на свѣтѣ и, въ частности, въ художественной литературѣ. Слѣпые сказки спорили между собою, бу-

дучи одинаково правы или одинаково неправы. Одинаково правы и неправы и художники, показанія которыхъ относительно психической жизни человѣка сплошь да рядомъ такъ же несходны, а иногда и противорѣчивы между собою, какъ и показанія слѣпыхъ о слонахъ. Человѣкъ добръ, человѣкъ золъ, человѣкъ самоотверженъ, человѣкъ эгоистиченъ; человѣкъ—богъ, человѣкъ—звѣрь; человѣкъ—правда и искренность; человѣкъ—ложь и лицемѣріе: вотъ въ голомъ видѣ тѣ формулы, къ которымъ мы приходимъ, изучая произведенія того или другого писателя. Нѣтъ художника разностороннѣе и разнообразнѣе Шекспира, но что такое вся эта разносторонность передъ дивною и страшною сложностью дѣйствительной жизни реальнаго человѣка? Человѣкъ фатально судитъ о другихъ по себѣ, на основаніи своего личнаго опыта, на основаніи того, что онъ успѣлъ «нащупать» въ самомъ себѣ и въ окружающей средѣ. Вотъ почему, всякая художественная «психологія» имѣетъ, такъ сказать, два конца: она истинна, потому что основывается на конкретныхъ фактахъ, и она ошибочна, потому что основывается на частныхъ фактахъ. Ноги слона похожи на бревна и уши его похожи на платки, но самъ слонъ не похожъ ни на бревно, ни на платокъ. «Онъ предвидитъ двѣ-три, десять случайностей, а ихъ милліоны», говоритъ Толстой о полководцахъ, но то же самое мы можемъ сказать и о художникахъ-психологахъ и въ томъ числѣ, разумѣется, и о самомъ Толстомъ. Пусть они изображаютъ не индивидуальные характеры, не капризныя случайности, а типы, т. е. видовыя и родовыя обобщенія различныхъ психологическихъ свойствъ; пусть, далѣе, ихъ образы и картины не простыя фотографіи, а отвлеченія, сдѣланныя на основаніи цѣлаго ряда однородныхъ фактовъ. Все это несомнѣнно, но все это говоритъ лишь въ пользу всей литературы или—еще шире—всего искусства, во всей совокупности силъ лучшихъ его представителей, но ничего не говоритъ въ пользу каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Что такое, напримѣръ, русскій интеллигентный человѣкъ въ изображеніи нашихъ лучшихъ художниковъ? Это истинный «слонъ» нашей сказки. Плутъ русскій человѣкъ, говоритъ Гоголь; красиво-безсердеченъ и мрачно-демониченъ интеллигентный русскій человѣкъ, говоритъ Лермонтовъ; рефлексія заѣла нашего интеллигента, утверждаетъ Тургеневъ; лѣнь, отсутствіе всякой инициативы, нравственная недисциплинированность—вотъ что губитъ насъ, заявляетъ г. Гончаровъ; жестокость

въ сладострастіи и сладострастіе въ жестокости, не обломовщина, а свидригайловщина—вотъ основная черта нашей интеллигенціи, на сотни манеровъ доказываетъ Достоевскій; цинизмъ и всяческое свинство—вотъ что такое интеллигентный русскій человѣкъ, утверждаетъ Писемскій; рыцарь безъ страха и упрека—вотъ истинный «герой нашего времени», утверждала цѣлая школа беллетристовъ семидесятыхъ годовъ, замѣчательная если не по качеству, то по количеству своихъ голосовъ. Разумѣется, наши резюме слишкомъ рѣзки и поставлены ребромъ, но они всетаки приблизительно вѣрно указываютъ главнѣйшія направленія мысли всѣхъ названныхъ писателей. Скажите, развѣ это не «слѣпцы» нашей басни? Субъективно—они всѣ совершенно правы; объективно—они всѣ неправы, хотя и неодинаково, какъ неодинаково были неправы и слѣпцы: слонъ всетаки болѣе похожъ на бугоръ или на кучу земли, нежели на платокъ или на веревку.

Все это мы говоримъ отнюдь не въ упрекъ нашимъ художникамъ-психологамъ, а лишь въ доказательство фатальной неполноты, ограниченности и односторонности ихъ психологическаго матеріала. Никакой бѣды въ этой неполнотѣ мы не видимъ: что не замѣчено однимъ, наблюдено другимъ, недосказанное третьимъ договорено четвертымъ и т. д. Необходимо только никогда не забывать объ этой неполнотѣ и остерегаться строить широкіе и общіе выводы на бѣдномъ и узкомъ фундаментѣ своихъ личныхъ наблюденій, симпатій и антипатій. У слона есть что то, похожее на платокъ—это мы собственными руками ощупали—но поостережемся утверждать, что слонъ похожъ на платокъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь наши товарищи, толкующіе о бревнѣ, о стѣнѣ, о бугрѣ и пр., ничуть не менѣе насъ добросовѣстны—это во-первыхъ, и поставлены были въ условія, нисколько не худшія нашихъ—это во-вторыхъ. Намъ, читателямъ и критикамъ, наблюдающимъ со стороны, дѣло представляется яснымъ. Возьмите произведенія любого изъ первостепенныхъ нашихъ беллетристовъ и вы немедленно, съ перваго десятка страницъ, почувствуете въ нихъ то дыханіе жизни, которое лучше всего свидѣтельствуетъ о правдѣ изображенія. Какъ все это живо, какъ все это жизненно, какъ все это глубоко, какъ все это вѣрно! Съ кѣмъ вы бесѣдуете, кого вы читаете, тому на эту минуту и вѣрите. И не только на эту одну минуту: послѣ, анализируя прочтенное, вы опять убѣждаетесь, что художникъ правъ, что такіе

типы и характеры свойственны нашей жизни, но... но ковшемъ моря не вычерпать никому. Все это не жизнь, а только кусочекъ жизни; эти «герои» не герои времени и не представители общества (такихъ представителей и не можетъ быть), а лишь герои такого-то романа и такого-то романиста. Кто хочетъ имѣть вѣрное понятіе о нашей жизни, тотъ долженъ изучать нашу литературу во всей совокупности ея лучшихъ произведеній.

Очевидно, всѣ эти замѣчанія наши вполнѣ примѣнимы и къ «реализму» художественныхъ произведеній. Самый этотъ реализмъ не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію ни у одного изъ крупныхъ нашихъ художниковъ, но его значеніе и цѣнность вполнѣ относительна. Художникъ остается реалистомъ лишь до тѣхъ поръ, пока описываетъ намъ то, что знаетъ, что испыталъ, что видѣлъ, что «нащупалъ». Его знанія могутъ быть значительны, его опытъ очень широкъ, но если онъ *только* на этомъ основаніи построитъ свое міросозерцаніе—ему не избѣжать крупныхъ и даже роковыхъ ошибокъ, которыя Богъ-вѣсть къ какимъ результатамъ могутъ его привести. Вотъ все, что мы предварительно хотѣли сказать.

VII.

Толстой явился въ литературу съ совершенно сложившимися воззрѣніями. Какъ извѣстно, онъ дебютировалъ повѣстью «Дѣтство», когда ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, но въ этой юношеской повѣсти находятся уже всѣ тѣ мотивы, развитіе которыхъ послужило содержаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ произведеній Толстого. Эта повѣсть, въ связи съ повѣстями «Отрочество» и «Юность», даетъ первый матеріалъ для объясненія и художественной и философской дѣятельности Толстого, а также и для объясненія его собственной личности.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій. Вернутся-ли когда нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ го-

рячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилетѣлъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?» (I, 60).

Страстное чувство, проникающее собою весь этотъ лирическій отрывокъ, замѣчательно по своей искренности и силѣ. Тѣмъ сильнѣйшее недоумѣніе возбуждаетъ оно собою. Какъ! Блестяще-даровитый двадцатитрехлѣтній юноша *), передъ которымъ жизнь развертываетъ самыя радужныя перспективы, у котораго впереди и широкая дѣятельность, и извѣстность, и «божество, и вдохновеніе, и жизнь, и слезы, и любовь»—этотъ юноша, точно семидесятилѣтній старикъ, обращается мыслью не къ будущему, а къ прошедшему! Едва отвѣдавъ отъ древа познанія добра и зла (что такое казалось-бы, двадцать три года?), едва начавши жить сознательною жизнью, онъ уже вздыхаетъ о безсознательности, о томъ времени, когда еще не возникало и вопроса о добрѣ и злѣ! «Невинная веселость и безпредѣльная потребность любви»—эти качества, въ полной мѣрѣ присущія и каждому благополучному теленку, кажутся ему выше и лучше, нежели тѣ радости постепеннаго умственнаго просвѣтлѣнія, которыя доставляетъ намъ пробудившаяся, бодрая и смѣлая критическая мысль. «Сила вѣры»—это прекрасно, но хуже-ли ея сила убѣжденія? «Свѣжесть, беззаботность»—но неужели это не телячьи качества? И неужели заботливость несовмѣстима со свѣжестью чувства и мысли и неужели та же заботливость о другихъ и о самомъ себѣ не болѣе приличествуетъ разумному существу, какимъ сотворенъ человѣкъ, нежели ребяческая «беззаботность»? Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда, но вѣдь завидывать ей можно только для красоты слога, для поэтическаго образа. «Странно, говоритъ Толстой дальше, отчего, когда я былъ ребенкомъ, я старался быть похожимъ на большого, а съ тѣхъ поръ какъ пересталъ быть имъ, часто желалъ

*) Мы безъ малѣйшаго колебанія придаемъ повѣстямъ Толстого автобіографическое значеніе, не въ смыслѣ, разумѣется, изложенія внѣшнихъ фактовъ жизни, до которыхъ намъ мало дѣла, а въ смыслѣ исторіи духовнаго развитія личности автора.

быть похожимъ на него». Конечно, странно. Но остановившись въ недоумѣніи (правда, единственный разъ) передъ странностью своихъ стремленій и идеаловъ, Толстой оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ и причинъ этой «странности» такъ и не уяснилъ себѣ.

Въ полномъ согласіи съ этими «странными» стремленіями находятся и тѣ впечатлѣнія, тѣ воспоминанія своего дѣтства, которыя Толстой передаетъ намъ. Два чистѣйшихъ лучезарнѣйшихъ воспоминанія сохранилъ Толстой въ своей душѣ, воспоминанія, передъ которыми блѣднѣетъ даже образъ его матери, о которой онъ, однако же, говоритъ не иначе, какъ съ глубочайшею нѣжностью. Кто же оставилъ такой неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ впечатлительнаго юноши? Юродивый странникъ Гриша и крѣпостная нянька Наталья Савишна.

«Много воды, говоритъ Толстой, утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе, но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!» (I, 46).

Разумѣется, опять-таки «странно». Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что необыкновенный образъ юродиваго, въ рубищѣ, въ веригахъ и т. п., произвелъ сильное впечатлѣніе на ребенка-барченка, но удивительно, что взрослый человѣкъ видитъ въ немъ идеалъ христіанина. Что больше всего прельщаетъ Толстого въ Гришѣ? Онъ «не повѣрялъ разсудкомъ» словъ молитвы — вотъ въ чемъ его величіе. Если такъ, то «великимъ христіаниномъ» быть очень не трудно: стоитъ только быть невѣждою.

Мы гораздо лучшаго мнѣнія о христіанствѣ и смѣемъ думать, что апостолъ Павелъ, бывшій однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ въ то же время и великимъ дѣятелемъ христіанства, истинно «великимъ христіаниномъ», которымъ онъ, какъ говоритъ исторія, сдѣлался именно послѣ того, какъ «повѣрилъ разсудкомъ» истины Христова ученія.

Наталья Савишна — другое свѣтлое воспоминаніе Толстого— особа не менѣе замѣчательная. Когда она была еще дворовой дѣвкой Наташкой, ее взяли въ няни къ новорожденной барышнѣ. «На этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ пряжками бойкаго, молодого офиціанта Фоки плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась идти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за неблагодарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью, въ наказанье, на скотный дворъ, въ степную деревню. Черезъ шесть мѣсяцевъ однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена во дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и просила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово. Съ тѣхъ поръ Наташка сдѣлалась Натальей Савишной и надѣла чепецъ: весь запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню свою» (I, 48). Такова Наталья Савишна. Что же особенно плѣнило въ ней Толстого? То, что «вся жизнь ея была чистая, безкорыстная любовь и самоотверженіе», что она «исполнила законъ Евангелія» (132).

На этотъ счетъ могутъ существовать другія мнѣнія. Такъ, у Некрасова, напр., въ повѣсти «Про холопа примѣрнаго—Якова вѣрнаго» дается такая характеристика *людямъ* типа Натальи Савишны:

Люди холопскаго званія—
Сущіе *псы* иногда:
Чѣмъ тяжелѣй наказанія,
Тѣмъ имъ милѣй господа.
Яковъ такимъ объявился изъ младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать.

Какъ видите, между Натальей Савишной и Яковомъ нѣтъ рѣшительно никакого различія, но какая разница во взглядахъ на нихъ ихъ творцовъ! Авторитетъ Толстого великъ, но вѣдь и мнѣніе Некрасова чего нибудь да стоитъ. Смѣемъ думать, что и на

этотъ разъ Толстой не къ мѣсту пристроилъ свои симпатіи и до такой степени не къ мѣсту, что мы лишь съ большимъ трудомъ воздерживаемся отъ горькихъ и обидныхъ словъ, которыя такъ и просятся съ пера. Это самооплеваніе онъ называетъ самоотверженіемъ! Это возмутительнѣйшее убійство духа въ человѣкѣ, это самоубійственное отреченіе отъ послѣдней тѣни человѣческаго достоинства, все это, изволите ли видѣть, высокій нравственный подвигъ, чистотѣ котораго не надивишься! Естественнѣйшее чувство, которое и Богъ благословляетъ и люди осудить не смѣютъ, это только «дурь», которая «нашла» и которую, изъ преданности къ господамъ, очень хорошо и достойно въ себѣ подавить! Можетъ ли дальше идти извращеніе человѣческихъ понятій и человѣческихъ инстинктовъ? Некрасовскій Яковъ не вытерпѣлъ и хотя безсмысленно, но лакейски, но варварски, но японски, но всетаки свелъ счеты и доказалъ, что онъ по крайней мѣрѣ не до конца «песъ». Наталья Савишна—«сдержала свое слово»—это-то въ ней и восхитительно, это-то и значитъ, по мнѣнію Толстого, «исполнить законъ Евангелія». Она «перенесла на барышню свою весь свой запасъ любви»—это очень пріятно для барышни, ну, а Фока-то? Что если кромѣ напудреной головы и чулокъ съ пряжками у него было и любящее сердце, и искреннее чувство къ Наташкѣ, чувство, которое онъ не могъ «переносить» по барскому приказу на другихъ, какъ переносятъ мебель изъ одной комнаты въ другую? Очень сомнительно, чтобы «самоотверженіе» любимой дѣвушки возбудило въ немъ чувство въ кроткомъ духѣ евангельскаго ученія.

Но будемъ справедливы къ Толстому. Не на него, а за него намъ такъ досадно и больно. «Странныя» стремленія и симпатіи его обусловливались во-первыхъ, особенностями его духовной организаціи, которыя сами по себѣ были превосходны, во-вторыхъ, условіями окружающей среды. Способность къ анализу — способность драгоцѣнная, но изощренная до послѣднихъ предѣловъ, она сослужила Толстому плохую службу. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Едва начавши мыслить, Толстой, благодаря своимъ прирожденнымъ «микроскопамъ» вмѣсто глазъ, сразу очутился въ фантастическомъ мірѣ довольно безобразныхъ призраковъ. И въ другихъ, и въ самомъ себѣ онъ открывалъ на каждомъ шагу бездну неискренности и всяческаго «притворства» и доходилъ въ этомъ направленіи просто до галлюцинацій. «Склонность моя, говоритъ Толстой, къ

отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ...» (212). Это не было простою, безобидною «игрою ума», почуявшаго свою силу — въ этомъ-то и бѣда: такъ же ухищренно, такъ же не просто Толстой относился и къ другимъ — и вездѣ усматривалъ ложь и притворство. Его анализъ, какъ ѣдкая кислота, разлагалъ самыя естественныя чувства, самыя простыя отношенія и въ результатѣ, въ осадкѣ получалась какая-то противная муть. Экзаменуется напр. Толстой въ университетѣ — и тотчасъ же заподозриваетъ экаменаторовъ въ притворствѣ: «профессора продолжали почти шепотомъ говорить между собой, какъ будто никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Я былъ тогда твердо убѣжденъ, что всѣхъ трехъ профессоровъ чрезвычайно занималъ вопросъ о томъ, выдержу ли я экзаменъ, но что они такъ только, для важности, притворились, что это имъ совершенно все равно. Когда профессоръ въ очкахъ равнодушно обратился ко мнѣ, приглашая отвѣчать на вопросъ, то, взглянувъ ему въ глаза, мнѣ немножко совѣстно было за него, что онъ такъ лицемѣрилъ передо мной» (275). На другомъ экзаменѣ—опять то же: профессоръ «смотрѣлъ въ залу, по сторонамъ и повсюду, но только не на меня. Все это притворство показалось ему однако недостаточнымъ, онъ открылъ книгу и притворился, что читаетъ ее» (281). Сестру свою и родственницу нашъ юный аналитикъ тоже заподозриваетъ въ притворствѣ: «то, что Любочка каждый день на ночь крестила папа, то, что она и Катенька плакали въ часовнѣ, то, что Катенька вздыхала и закатывала глаза, играя на фортепьяно, все это казалось мнѣ чрезвычайнымъ притворствомъ и я спрашивалъ себя: когда онѣ выучились притворяться такъ, какъ большія?» (368). Отправляется онъ кутить къ пріятелю-студенту, но и во время кутежа только и занимается наблюденіями и самонаблюденіями съ обычными результатами: «многіе сняли сюртуки (особенно тѣ, у которыхъ были тонкія и совершенно свѣжія рубашки); я сдѣлалъ то же и понялъ, *что началось*. Я выпилъ уже цѣлый стаканъ жжонки, въ вискахъ у меня

стучало, кругомъ меня все кричало и смѣялось, но всетаки не только не казалось весело, но я даже былъ увѣренъ, что и мнѣ, и всѣмъ было скучно, и что я и всѣ только почему-то считали необходимымъ притворяться, что имъ очень весело. Въ продолженіи всего этого вечера я безпрестанно чувствовалъ, что я очень глупо дѣлаю, притворяясь будто бы мнѣ очень весело и безпрестанно чувствовалъ, что и другіе очень глупо дѣлаютъ, притворяясь въ томъ же» (414). Кромѣ неискренности, Толстой постоянно подмѣчаетъ въ себѣ и въ другихъ «низкое» тщеславіе. «Тщеславіе, говоритъ онъ, есть чувство самое несообразное съ истинною горестью и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его» (126). Однажды нашъ юноша исповѣдывался, но забылъ покаяться въ какомъ-то прегрѣшеніи и поѣхалъ на другой день къ исповѣднику снять эту тяжесть съ своей души. Возвращаясь, онъ вступаетъ въ такой разговоръ съ извощикомъ:

— Знаешь, зачѣмъ я былъ въ монастырѣ?

— Наше дѣло какое? Куда сѣдокъ скажетъ, туда и веземъ,—отвѣчалъ извощикъ.

— Нѣтъ, всетаки, какъ ты думаешь?—продолжалъ я допрашивать.

— Да вѣрно хоронить кого ѣздили, мѣсто покупать,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ; а знаешь зачѣмъ я ѣздилъ?

— Не могу знать, баринъ,—повторилъ онъ.

Голосъ извощика показался мнѣ такимъ добрымъ, что я рѣшился въ назиданіе его разсказать ему причину моей поѣздки и даже чувство, которое я испытывалъ...

— Хочешь я тебѣ разскажу? вотъ видишь ли...

И я разсказалъ ему все и описалъ всѣ свои прекрасныя чувства. Я даже теперь краснѣю при этомъ воспоминаніи» (I. 265).

Этихъ фактовъ достаточно. Теперь понятно, надѣемся, почему мы сказали выше, что намъ не на Толстого, а за Толстого досадно. Вѣдь это мученикъ своей собственной проницательности! Вѣдь это — тотъ сказочный богатырь, который не могъ справиться съ своей собственной силой и вязъ по колѣни тамъ, гдѣ обыкновенные люди ходили совершенно свободно!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Грозный опытъ разогналъ!
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Если слишкомъ раннее ознакомленіе съ бѣдностью и несовершенствами человѣческой природы можетъ довести человѣка до того, что онъ — какъ говорится дальше въ томъ же стихотвореніи — находитъ «угрюмою могилою міръ печальный», то каково человѣку, который, благодаря несчастному устройству своихъ духовныхъ очей, видитъ эти несовершенства въ преувеличенныхъ размѣрахъ? Пустѣйшій полуребяческій разговоръ, полудѣтская экспансивность, въ сущности премилая, прегранюзная, заставляетъ взрослаго человѣка болѣзненно «краснѣть» при одномъ воспоминаніи объ этомъ эпизодѣ. А эта старческая подозрительность къ людямъ, это недовѣріе къ ихъ искренности, доходящее до чистаго маньячества, это неугомонное стремленіе проникнуть непремѣнно за кулисы души, чтобы насладиться зрѣлищемъ царствующаго тамъ хаоса? Это уже не анализъ, это какое-то самоистязаніе, которое было бы смѣшно, если бы не было такъ серьезно, даже до ужаса. Въ годы юности тяжело даже дѣйствительно узнать «сердца людей», каковы они на самомъ дѣлѣ есть, но узнать изнанку и только изнанку этихъ «сердецъ», да еще обезображенную нашей собственной мнительностью — это конечно въ тысячу разъ тяжелѣе.

Очень понятно послѣ этого, что юноша, котораго еле пробудившееся сознаніе уже успѣло въ конецъ измучить и въ конецъ разочаровать, долженъ былъ съ грустнымъ умиленіемъ вспоминать о томъ времени, когда «невольная веселость» не нарушалась никакими сомнѣніями и «безпредѣльная потребность любви» находила себѣ полное удовлетвореніе въ окружающихъ людяхъ, недостатковъ и пороковъ которыхъ дѣтскіе глаза не умѣли еще видѣть. Понятно послѣ этого и то, почему юродивый Гриша и Наталья Савишна остались въ памяти нашего юноши, какъ какія то свѣтлыя видѣнія не отъ міра сего. Съ его обычной точки, они дѣйствительно были не отъ *міра сего,* не отъ того міра неискренности и тщеславія, который былъ его міромъ, стихіей: Гриша, конечно, былъ сама искренность, а тщеславія у Натальи Савишны не было и въ поминѣ. И тотъ, и другая, конечно, не «притворялись», не рисовались, ничѣмъ не кичились и даже совершенно наоборотъ: они довели свое смиреніе до полнаго отреченія отъ собственной личности. Этого послѣдняго грѣха нашъ тонкій аналитикъ даже и не замѣтилъ. Этотъ, по нашему, грѣхъ былъ въ его глазахъ добродѣтелью, потому что былъ прямою противоположностью тѣмъ свой-

ствамъ, которыя онъ привыкъ съ негодованіемъ или съ отвращеніемъ подмѣчать въ окружающихъ.

Понятенъ и естественъ наконецъ и послѣдній результатъ, къ которому долженъ былъ придти и на самомъ дѣлѣ пришелъ нашъ юноша: это рѣшительное недовѣріе къ уму, къ значенію и роли умственнаго развитія въ дѣлѣ человѣческаго счастія. «Жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности — умъ человѣка! восклицаетъ Толстой. Слабый умъ мой не могъ проникнуть непроницаемаго, а въ непосильномъ трудѣ терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя, для счастія моей жизни, я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать» (212). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается менѣе рѣшительно, но, пожалуй, еще болѣе многозначительно, такъ какъ говоритъ прямо отъ своего писательскаго лица: «часто теперь я спрашиваю себя: когда я былъ лучше и правѣе: тогда ли, когда вѣрилъ во всемогущество ума человѣческаго, или теперь, когда сомнѣваюсь въ силѣ и значеніи ума человѣческаго? И не могу себѣ дать положительнаго отвѣта» (268). Ничего не можетъ быть логичнѣе. Зачѣмъ мнѣ умъ, если кромѣ мучительныхъ сомнѣній онъ ничего не даетъ? Зачѣмъ я буду хлопотать о своемъ умственномъ развитіи, если каждый шагъ по этому пути удаляетъ меня отъ того состоянія душевной чистоты и невинности, въ которомъ я чувствовалъ себя столь безмятежно-счастливымъ? Мы живемъ не затѣмъ, чтобы пріобрѣтать понятія и идеи, а, на оборотъ, пріобрѣтаемъ новыя понятія затѣмъ, чтобы лучше и разумнѣе жить и если результатъ получается прямо противоположный тому, котораго мы добивались, то, конечно, мы вправѣ пренебречь орудіемъ, оказавшимся негоднымъ. Все это неотразимо логично, *если* вѣрна первая посылка, та, что умственное развитіе ведетъ къ потерѣ убѣжденій или вѣрованій *необходимыхъ* для человѣческаго счастія. Для Толстого вѣрность этой посылки не подлежала сомнѣнію: объ этой вѣрности свидѣтельствовали ему и непосредственное чувство, и самый тщательный анализъ. Другой совсѣмъ вопросъ—насколько онъ имѣлъ право обобщать свой выводъ и личную свою бѣду возводить на степень бѣды общечеловѣческой.

Что же касается условій среды, окружавшей Толстого, то она, по его собственному изображенію была такова, что могла только усилить въ немъ его подозрительность къ людямъ, его невѣріе въ ихъ внутреннюю правду. На этотъ счетъ мы находимъ изумитель-

ныя признанія у Толстого. Весь человѣческій родъ онъ, будучи юношей, раздѣлялъ на два разряда—на людей comme il faut и на comme il ne faut pas и только первыхъ «считалъ достойными имѣть со мною равныя отношенія» (373). И это была не фраза. Великосвѣтское комильфотство стало каменною стѣною между извѣрившимся юношею и его товарищами-студентами, т. е. какъ разъ тѣмъ самымъ кругомъ, въ которомъ онъ могъ бы освѣжить и упрочить свою полупотерянную вѣру въ людей. «Счастье было такъ возможно, такъ близко», нравственное обновленіе было такъ легко, но привитыя средой понятія испортили все дѣло. «Я, разсказываетъ Толстой, колебался съ одной стороны между уваженіемъ къ нимъ (къ товарищамъ-студентамъ), къ которому располагали меня ихъ знанія, простота, честность и поэзія молодости и удальство, съ другой стороны между отталкивающею меня ихъ непорядочною внѣшностью. Не смотря на все желаніе, мнѣ было въ то время буквально невозможно сойтись съ ними. Главной причиной невозможности сближенія были мое двадцатирублевое сукно на сюртукѣ, дрожки и голландская рубашка» (437).

Опять-таки все понятно, все стройно, все логично: если даровитому юношѣ нравилось жить въ средѣ, прививавшей *такія* понятія о человѣческомъ достоинствѣ, то какъ ему было не жалѣть и не вспоминать о своемъ дѣтствѣ, когда онъ могъ любить, не анализируя, наблюдать людей, не презирая ихъ!

VIII.

Толстой былъ слишкомъ даровитъ и умственно-самостоятеленъ, чтобы «привитыя» фальшивыя понятія могли долго господствовать надъ нимъ. Обаяніе комильфотности, голландскаго бѣлья и двадцатирублеваго сукна потеряло надъ нимъ всю свою силу и реакція не замедлила произойти. Онъ разорвалъ связывавшія его путы, отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и отправился искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Этотъ уголокъ онъ нашелъ на Кавказѣ, среди людей, въ жизни которыхъ не было, повидимому, уже ровно никакой условности. Это — исторія очень не новая. Пушкинскій Алеко бѣжалъ отъ нашей цивилизаціи и мотивы его бѣгства чуть не буквально тѣ же самые, что и у Толстого:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ, да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненья,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ?

Знаменитая повѣсть Толстого «Казаки», на которой мы должны теперь остановиться, написана какъ разъ на эту самую тему.

Посмотримъ сначала на Алеко, на его побужденія и мотивы. Жители городовъ — «не дышатъ утренней прохладой, ни вешнимъ запахомъ луговъ», — это справедливо но, очевидно, не особенно важно. Такой причины вполнѣ достаточно, чтобы переѣхать на дачу или въ деревню, но слишкомъ недостаточно, чтобы произнести приговоръ надъ городомъ и его цивилизаціей. Дальнѣйшіе резоны гораздо серьезнѣе: люди цивилизаціи стыдятся любви, гонятъ мысли, раболѣпствуютъ и денегъ ищутъ. Все это въ извѣстной мѣрѣ справедливо, но не будемъ все-таки торопиться съ своими заключеніями. Дѣло въ томъ, что у другого великаго русскаго писателя, а именно у Льва Толстого, мы находимъ такія данныя, которыя чрезвычайно ограничиваютъ значеніе пушкинскихъ изобличеній. Взять хоть бы тотъ студенческій кружокъ, сближенію съ которымъ Толстого помѣшали требованія свѣтской комильфотности. «Любви стыдятся» — но члены этого кружка не только любви, но и всякаго прожиганія жизни не стыдились, но дѣлали это съ тою «поэзіею молодости и удальства», которая совсѣмъ было очаровала Толстого. «Мысли гонятъ»—но они не только не гонятъ, но въ безконечныхъ спорахъ между собою привлекаютъ, вырабатываютъ мысли и мыслебоязнью совсѣмъ не страдаютъ. «Раболѣпствуютъ и денегъ ищутъ», но, однако, по разсказу Толстого, нашъ великолѣпный комильфотный юноша нисколько не ослѣплялъ своимъ блескомъ этихъ мовежанровъ, а что касается до денегъ, то вотъ напр. какой эпизодъ разсказываетъ Толстой: «Зухинъ спросилъ у кого есть четвертакъ,

чтобы еще послать за водкой. Я предложилъ было своихъ денегъ, но Зухинъ, какъ будто не слыхавъ меня, обратился къ Оперову и Оперовъ, доставъ бисерный кошелекъ, далъ ему требуемую монету» (I, 435).

У того же Льва Толстого мы находимъ въ повѣсти «Казаки» другую группу фактовъ, противоположнаго характера, но приводящихъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Оказывается, что на лонѣ дикой природы, въ средѣ непосредственныхъ людей безъ малѣйшаго труда можно найти всѣ тѣ черты, которыя Пушкинскій Алеко считаетъ исключительной принадлежностью людей города и вообще цивилизаціи. Правда, они не *стыдятся любви*, потому что слишкомъ ужъ «непосредственно» смотрятъ на нее, до того непосредственно, что какъ то невольно пожелаешь имъ хоть капельку стыдливости. А то вѣдь вотъ какъ напр. говоритъ казакъ Ерошка Оленину (толстовскому Алеко) о чувствѣ послѣдняго къ красавицѣ-казачкѣ: «а что дѣвка? будетъ наша, коли захотимъ: денегъ дай больше и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право!» (II, 430). Право не знаемъ, можно ли восхищаться столь упрощенными отношеніями и столь безъискусственными взглядами. Далѣе, *мысли гонятъ*, это о герояхъ повѣсти Толстого даже очень можно сказать. Разумѣется, мысли ежедневнаго обихода, которыми исключительно живетъ большинство членовъ станицы, не подвергаются никакому гоненію, потому что конечно слишкомъ странно было бы преслѣдовать «мысль», напр., о томъ, что сегодня надо чихиря выпить, а завтра пораньше встать и на охоту за кабанами идти и т. д. Но казаки Толстого—*раскольники* и мы хотѣли бы посмотрѣть, какъ отнеслись бы старики «уставщики», а вслѣдъ за ними и все населеніе станицы къ тому проявившемуся между ними вольнодумцу, который осмѣлился утверждать, что съ православными можно ѣсть и пить изъ одной посуды, что двоеперстіе ничѣмъ не лучше и не святѣе троеперстія и т. п. Мы хотѣли бы вообще знать — въ какихъ общественныхъ сферахъ, цивилизованныхъ и не цивилизованныхъ, можно найти болѣе изувѣрства, нетерпимости, рабства мысли передъ буквою, нежели въ средѣ нашихъ раскольниковъ старой формаціи? Далѣе—*торгуютъ волею своей*—и даже пребойко торгуютъ, по свидѣтельству самого Толстого, торгуютъ и оптомъ, и въ розницу. «Казакъ, говоритъ Толстой, менѣе ненавидитъ джигита-горца, который убилъ его брата, чѣмъ солдата, который стоитъ у него, чтобы защищать его

станицу, но который закурилъ табакомъ его хату. Онъ уважаетъ врага-горца, но презираетъ чужого для него и угнетателя солдата» (II, 299). *Меньше ненавидитъ и уважаетъ*—и, однако, казакъ бьетъ горца и охотится за нимъ, какъ за кабаномъ. *Ненавидитъ и презираетъ*—и, однако, казакъ живетъ съ ненавидимымъ и презираемымъ солдатомъ. Это торговля оптомъ. А вотъ примѣръ торговли въ розницу: «Лукашка, самый неукротимый казакъ станицы, убилъ абрека и хоть съ недовольнымъ ворчаніемъ, но безпрекословно уступилъ своему начальнику—уряднику лучшую часть своей военной добычи, — ружье убитаго абрека» (II, 329). Какой еще «торговли волей» нужно? Наконецъ—*денегъ просятъ*. Объ этомъ и говорить нечего. Героя повѣсти Оленина, т. е. собственно его карманъ, теребятъ со всѣхъ сторонъ, щиплютъ рѣшительно всѣ. Хозяинъ—хорунжій, пользуясь «простотой» Оленина, набавляетъ плату за квартиру, Лукашка отдариваетъ его за коня грошевой вещью. Ерошка только и дѣлаетъ, что угощается у него на даровщинку или выпрашиваетъ у него подарковъ. Болѣе того. Эти витязи непосредственности *денегъ просятъ* иногда въ такой формѣ, которая сдѣлаетъ честь хоть самому Лондону—въ формѣ, напримѣръ, утонченнаго шантажа. Приведемъ маленькую сценку—очень ужъ она характерна. Влюбленный въ Марьяну Олениннъ отправился ночью къ ея хатѣ и стучитъ слегка въ окошко: «Вдругъ рѣзкій визгливый мужской голосъ поразилъ его.

— Славно!—сказалъ невысокій казаченокъ въ бѣлой папахѣ, близко подходя со двора къ Оленину,—я видѣлъ, славно!

Олениннъ узналъ Назарку и молчалъ, не зная, что дѣлать и говорить.

— Славно! Вотъ я въ станичное пойду, докажу и отцу скажу. Вишь хорунжиха какая! Ей одного мало!

— Чего ты отъ меня хочешь, что тебѣ надо,—выговорилъ Олениннъ.

— Ничего, я только въ станичномъ скажу.

Назарка говорилъ очень громко, видимо нарочно.

— Вишь ловкій *юнкеръ* какой!

Олениннъ дрожалъ и блѣднѣлъ.

— Поди сюда, сюда!

Онъ сильно ухватилъ его за руку и отвелъ его къ своей хатѣ.

— Вѣдь ничего не было, она меня не пустила, и я ничего!.. Она честная!..

— Ну тамъ, разбирать...—сказалъ Назарка.

— Да я все равно тебѣ дамъ... Вотъ постой!..

Назарка замолчалъ. Олениннъ вбѣжалъ въ свою хату, и вынесъ казаку десять рублей.

— Вѣдь ничего не было, да все равно, я виноватъ; вотъ я и даю. Только ради Бога, чтобы никто не зналъ! Да ничего не было...

— Счастливо оставаться, — смѣясь сказалъ Назарка, и вышелъ» (II, 443—444).

«Непосредственный» Назарка очевидно сдѣлаетъ честь любому столичному клубу червонныхъ валетовъ. Его шантажъ блеститъ вполнѣ цивилизованными пріемами. Назарка ловко подстерегаетъ и подсматриваетъ, кстати возвышаетъ голосъ, грозитъ начальствомъ и отцомъ, а получивши деньги—смѣется и говоритъ своей жертвѣ «счастливо оставаться».

Tout comme chez nous. Чего же еще не достаетъ казацкой станицѣ изъ благъ городской цивилизаціи? Измѣнъ волненья? Предразсужденій приговоръ? Толпы безумное гоненіе? Нечего и доказывать, что все это въ избыткѣ имѣется у дѣтей природы какъ и у насъ, горожанъ, на Кавказѣ, какъ и въ Петербургѣ.

Любопытно и необходимо, однако, посмотрѣть на тѣ основанія, которыя собственно Толстой (или — что для насъ одно и то же — герой его Оленинъ) представляетъ намъ для объясненія своего бѣгства изъ цивилизованнаго общества. Эти основанія изложены Олениным въ одномъ письмѣ, которое онъ никому не послалъ «потому, что никто не понялъ того, что онъ хотѣлъ сказать» и въ искренности котораго мы поэтому не можемъ сомнѣваться. Письмо это слишкомъ длинно, чтобы его приводить цѣликомъ, но наиболѣе характерныя мѣста обойти невозможно.

«Мнѣ пишутъ изъ Россіи письма соболѣзнованія; боятся, что я погибну, зарывшись въ этой глуши. Говорятъ про меня: онъ загрубѣетъ, отъ всего отстанетъ, станетъ пить и еще, чего добраго, женится на казачкѣ. Какъ страшно! Въ самомъ дѣлѣ не погубить бы мнѣ себя, тогда какъ на мою долю могло бы выпасть великое счастье стать мужемъ графини Б., камергеромъ или дворянскимъ предводителемъ. Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье, и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безъискусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйдти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи! Какъ только представятся мнѣ, вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви, эти гостиныя, эти женщины, съ припомаженными волосами, надъ подсунутыми чужими буклями, эти неестественно шевелящіяся губки, эти спрятанные и изуродован-

ные слабые члены и этотъ лепетъ гостиныхъ, обязанный быть разговоромъ и не имѣющій никакихъ правъ на это,—мнѣ становится невыносимо гадко. Представляются мнѣ эти тупыя лица, эти богатыя невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: «ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста»; эти усаживанія и пересаживанія, это наглое сводничаніе паръ и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила — кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ и, наконецъ, эта вѣчная скука въ крови переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію (и все сознательно, съ убѣжденіемъ въ необходимости). Поймите одно или повѣрьте одному. Надо видѣть и понять, что такое правда и красота и въ прахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастья и за меня, и за себя. Счастье — это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней». (II, 446).

Этимъ мы ограничимся, хотя дальше въ письмѣ есть много мѣстъ, въ такой же степени характерныхъ. Какъ видите, Алеко Пушкина и Оленинъ Толстого въ различной формѣ выражаютъ одну и ту же основную мысль: оба они ищутъ въ жизни безъискусственности, простоты, правды, «первобытной красоты». Мы уже говорили о томъ, что если бы Оленинъ повнимательнѣе приглядѣлся къ жизни своего райскаго уголка, онъ нашелъ бы въ немъ всѣ тѣ элементы, которые внушили ему такое отвращеніе къ цивилизаціи. Но по отношенію собственно къ Толстому или къ Оленину существуетъ одно обстоятельство, которое до послѣднихъ предѣловъ съуживаетъ значеніе ихъ филиппикъ. Алеко говорилъ о *городахъ*, — но о комъ говоритъ Толстой, кому онъ противопоставляетъ своихъ казаковъ, надъ кѣмъ онъ торжествуетъ побѣду? «Тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я»—кто эти таинственные *вы?* Отвѣтъ ясенъ: рѣчь идетъ о томъ свѣтскомъ обществѣ, въ которомъ до тѣхъ поръ вращался Оленинъ, о герояхъ голландскаго бѣлья, о рыцаряхъ комильфотности. Сбросивши съ себя иго понятій этой среды и почувствовавши себя отъ того серьезно облегченнымъ, Толстой по очень естественной иллюзіи вообразилъ, что это иго — въ самомъ дѣлѣ большая тяжесть, не личное только несчастіе для того или другого человѣка, а серьезное *общественное* зло, противъ котораго необходимо страстно протестовать и бороться.

Собственно противъ протеста и борьбы ничего сказать нельзя: понятія и предразсудки того или другого общественнаго слоя могутъ быть и предметомъ художественнаго изображенія, и предметомъ публицистическаго изобличенія, и предметомъ сатиры. Но,

однако, что сказали бы мы, напр., объ Островскомъ, который, измучившись дичью и глушью своего «темнаго царства», бѣжалъ бы къ какимъ-нибудь туркменамъ и сталъ писать имъ восторженные панегирики на томъ основаніи, что ихъ жизнь правдивѣе и чище жизни замоскворѣцкаго купечества и какой-нибудь Абдулка гораздо нравственнѣе Китъ Китыча? «Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи!»—это и Островскій имѣлъ бы право воскликнуть по адресу своихъ героевъ. Но Островскій стоялъ слишкомъ выше своихъ героевъ, чтобъ относиться къ нимъ съ страстною запальчивостью, тогда какъ объ Оленинѣ, въ этомъ періодѣ его развитія, этого никакъ сказать нельзя. Островскій никогда не жилъ понятіями той среды, которую онъ изображалъ и относился къ ней вполнѣ объективно, безъ злобы и безъ задора. Но Оленинъ слишкомъ еще недавно эмансипировался, слишкомъ еще свѣжа боль нанесенныхъ ему ранъ, слишкомъ еще памятна ему лживость покинутой среды—и онъ не въ силахъ сохранить хладнокровіе. Онъ не судитъ, а полемизируетъ и въ жару полемики совершаетъ цѣлый рядъ несправедливостей.

Первая несправедливость состоитъ въ томъ, что онъ, очевидно, идеализируетъ и бытъ, и нравы своихъ новыхъ сожителей. Онъ дѣлаетъ это совершенно искренно, искренно любуется своими казаками и казачками, но для насъ очевидно, что они кажутся ему такъ хороши главнымъ образомъ потому, что въ нравственномъ смыслѣ являются совершенными антиподами до омерзенія опротивѣвшихъ ему жрецовъ комильфотности. Все это объяснимо, психологически-естественно, но въ то же время, конечно, нисколько не логично. Если А. дуренъ, а В. ни въ чемъ на него не походитъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что В. очень хорошъ. Мы видѣли уже, что ни Ярошка, ни Лукашка, ни Назарка, никакъ не могутъ быть названы рыцарями безъ страха и упрека, но что такое сама Марьянка, въ которой Оленинъ видитъ «величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца»? Все ея достоинство въ томъ и состоитъ, что она не похожа на свѣтскихъ женщинъ: волосы ея не «припомажены», члены ея не «изуродованы» и не «спрятаны», ея губы «шевелятся» вполнѣ естественно и т. д. Въ лучшемъ случаѣ Марьянку можно отнести къ тому типу «величавой славянки», который такъ хорошо характеризованъ Некрасовымъ:

Есть женщины въ русскихъ селеніяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеніяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,
Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ!
Посмотритъ—рублемъ подаритъ!»

Все это очень красиво, но какимъ образомъ величайшій психологъ нашъ не разсмотрѣлъ за этою красивою внѣшностью внутренняго содержанія очень спорной и относительной цѣнности? Некрасовъ съумѣлъ отнестись къ своей героинѣ гораздо трезвѣе:

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить!
Не жалокъ ей нищій убогій —
Вольно-жъ безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать!

Смѣемъ думать, что «изъ рукъ Творца» можетъ выйти созданіе гораздо болѣе совершенное. Напомнимъ Толстому, какъ отнесся Христосъ къ заботливой хозяйкѣ Марѳѣ, которая «о многомъ пеклась», но въ числѣ этого «многаго» не было заботы о самомъ главномъ. А если бы мы имѣли возможность подробно проанализировать характеръ Марьянки Толстого, мы убѣдились бы, что, сопоставляя ее съ героиней Некрасова, дѣлаемъ ей совершенно незаслуженную честь.

Вторая несправедливость Толстого гораздо серьезнѣе. Онъ — просимъ простить за сравненіе—какъ крыловская мышь, полагаетъ, что «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ». Въ общественныхъ сферахъ, внушающихъ ему такое страстное негодованіе, онъ видитъ совершенно естественный продуктъ цивилизаціи и даже послѣднее слово ея. Сила этого негодованія пропорціональна значенію, которое онъ придаетъ этимъ сферамъ и даже впослѣдствіи, когда вполнѣ созрѣвшая мысль поставила его на такую умственную высоту, съ которой онъ могъ вполнѣ объективно отнестись къ изображаемымъ имъ явленіямъ, онъ всетаки на первый планъ выдвигалъ именно эту, знакомую ему жизнь, именно эти несимпатичныя, но родствен-

ныя ему сферы: такъ было и въ романѣ «Война и миръ», такъ было и въ романѣ «Анна Каренина». Но иллюзія сдѣлала свое дѣло. Если представители цивилизаціи и образованности ниже, хуже, слабѣе полудикарей—то чего стоитъ сама цивилизація? Недовѣріе къ человѣческому уму было выработано Толстымъ еще гораздо раньше и это недовѣріе послужило основой и для недовѣрія къ цивилизаціи вообще. Цивилизація и культура—дѣло ума, а чего стоитъ самъ умъ? Цивилизація и культура выработали «правила—кому руку, кому кивокъ, кому разговоръ», на ихъ вершинѣ стоятъ люди, которые «живутъ во лжи»—чего же послѣ этого стоитъ эта культура? Счастье тамъ, гдѣ ея нѣтъ; правда тамъ, гдѣ люди руководствуются не сочиненными правилами, а своими неизвращенными инстинктами, не смутными выкладками безсильнаго ума, а здоровыми чувствами, естественными, какъ сама природа. Стройно, логично, послѣдовательно! Бѣда вся въ томъ, что сильнѣе кошки звѣри есть.

IX.

Психологическій анализъ личности («Дѣтство, Отрочество, Юность») и психологическій анализъ общества («Казаки») привелъ, какъ мы видѣли, Толстого къ параллельнымъ результатамъ: изъ перваго онъ вынесъ недовѣріе къ уму, какъ къ «жалкой пружинѣ моральной дѣятельности», изъ второго — недовѣріе къ культурѣ, какъ къ произведенію этой «жалкой пружины». Соотвѣтственный результатъ получился и тогда, когда Толстой обратился къ психологическому анализу народностей въ своемъ историческомъ романѣ «Война и миръ» *).

*) Читатель вѣроятно замѣтилъ уже, что мы останавливаемся далеко не на всѣхъ произведеніяхъ Толстого. Пользуемся случаемъ, чтобы объяснить здѣсь планъ нашей работы. «Дѣтство и Отрочество» (личность), «Казаки» (общество), «Война и миръ» (націи), «Анна Каренина» (опять общество), «Смерть Ивана Ильича» (опять личность)—эти произведенія представляютъ собою, такъ сказать, главные этапы таланта Толстого. Всѣ остальныя его произведенія, за исключеніемъ произведеній самой послѣдней эпохи — сказокъ, драмы «Власть тьмы» и публицистическихъ статей—такъ или иначе примыкаютъ къ этимъ основнымъ, краеугольнымъ камнямъ его творчества. Замѣтимъ также, что анализъ романа «Анна Каренина» мы откладываемъ

Иного результата получиться и не могло въ виду того, что къ явленіямъ народной, массовой психологіи Толстой подошелъ не только съ своими обычными пріемами, выработанными имъ въ сферѣ индивидуальной психологіи, но и съ готовою уже мѣркою добра и зла, истины и лжи, тою самою мѣркою, которою онъ пользовался и ранѣе, тою мѣркою, благодаря которой Гриша, Наталья Савишна, Ерошка и Марьянка и проч., очутились на вершинѣ доступнаго для людей нравственнаго совершенства.

Въ романѣ безъ труда можно различить два главныхъ теченія, двѣ темы, развивающіяся параллельно и совершенно тождественныя между собою по проникающей ихъ основной тенденціи. Мы въ немъ находимъ, во-первыхъ, картину развитія огромнаго историческаго событія, картину народной войны, которая, болѣе чѣмъ какая-либо другая война, является настоящимъ «судомъ Божіимъ». Рядомъ съ этимъ, мы, во-вторыхъ, находимъ картину развитія личности, захваченной самымъ вихремъ совершавшихся грандіозныхъ событій и подъ ихъ вліяніемъ почти совершенно перестроившей свой внутренній міръ, свои понятія и свои идеалы. Обѣ эти темы тѣсно связаны между собою, взаимно дополняя и объясняя другъ друга, но въ видахъ формальнаго удобства мы ихъ разсмотримъ каждую въ отдѣльности. Въ концѣ концовъ заключенія, къ которымъ онѣ приводятъ, совершенно сливаются между собою, потому что, въ сущности, это одни и тѣ же заключенія.

Взглядъ Толстого на историческія движенія вообще и, въ частности, на войну двѣнадцатаго года, опредѣляется всего лучше двумя его афоризмами, которые онъ высказалъ мимоходомъ, но которые, по нашему мнѣнію, говорятъ больше и лучше, нежели всѣ его довольно невразумительныя историческія разсужденія, механически приклеенныя къ роману въ видѣ эпилога. Афоризмъ первый: «Въ историческихъ событіяхъ очевиднѣе всего запрещеніе вкушенія плода древа познанія. Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ

до послѣдующей статьи, въ которой будемъ говорить о философіи Толстого. Центръ тяжести этого романа заключается въ личности Левина, въ его общественныхъ и философскихъ воззрѣніяхъ, которыя есть воззрѣнія самого Толстого. Левинъ—это возмужавшій Иртеньевъ (герой «Дѣтства»), это успокоенный и просвѣтленный Оленинъ (герой «Казаковъ»)—это самъ Толстой, долгимъ искусомъ и долгими муками приготовившійся къ проповѣди.

событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью» (VIII, 19). Афоризмъ второй: «Если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни» (Ib., 333).

По существу мыслей, заключающихся въ этихъ афоризмахъ, мы говорить теперь не будемъ, такъ какъ эти мысли относятся уже къ философскимъ взглядамъ Толстого. Для насъ важно отмѣтить теперь только то, что Толстой группируетъ и освѣщаетъ факты въ своемъ романѣ совершенно въ духѣ этихъ афоризмовъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, его художественный талантъ является простымъ исполнителемъ его намѣреній, простымъ иллюстраторомъ его теоретическихъ воззрѣній. Какъ же освѣщены факты?

Естественно останавливаясь прежде всего на вождяхъ вступившихъ въ борьбу народовъ, Толстой даетъ характеристики Наполеона и Кутузова, характеристики, которыя однако же характеризуютъ не столько этихъ историческихъ дѣятелей, сколько вкусы и нравственныя симпатіи самого Толстого. Субъективнѣе и даже прямо несправедливѣе этихъ характеристикъ трудно и придумать что-нибудь. Вотъ, напримѣръ, какую антитезу предлагаетъ намъ Толстой: «Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать—Наполеонъ — это *ничтожнѣйшее орудіе исторіи*, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства, Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга; онъ grand. Кутузовъ же, который ни разу, ни однимъ дѣйствіемъ, ни словомъ не измѣняя себя, являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и *сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія*, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ то неопредѣленнымъ и жалкимъ. Такова судьба не великихъ людей, не grand-homme, *которыхъ не признаетъ русскій умъ*, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, *подчиняютъ ей свою личную волю*. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за *презрѣніе высшихъ законовъ*. Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи» (VIII, 255—256).

Намъ, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть здѣсь ни малѣйшаго дѣла ни до Наполеона, ни до Кутузова: насъ интересуетъ исключительно взглядъ на нихъ Толстого. «Наполеонъ — ничтожнѣйшее орудіе исторіи»; «Кутузовъ подчинялъ волѣ Провидѣнія свою личную волю». *Поэтому*, первый ничто иное, какъ раздутый историками мыльный пузырь, второй—въ полномъ смыслѣ слова великій человѣкъ. Но развѣ Толстой сказалъ о Наполеонѣ не то же самое, что онъ сказалъ о Кутузовѣ? Быть «*орудіемъ* исторіи» значитъ исполнять не свою, а высшую волю, и, наоборотъ, «подчинять волѣ Провидѣнія свою личную волю», значитъ быть не самостоятельнымъ дѣятелемъ, не инціаторомъ, не творцомъ событій, а именно только и исключительно «орудіемъ». Но если и Наполеонъ, и Кутузовъ одинаково «творили волю пославшаго», то почему же Толстой одного развѣнчиваетъ, а другого увѣнчиваетъ? Далѣе, если, какъ гласитъ первый аѳоризмъ, «только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды», и человѣкъ «поражается безплодностью», пытаясь понять историческое событіе, то какимъ же образомъ Кутузовъ произвелъ столь великія дѣла, нисколько не чураясь пониманія? Вѣдь онъ болѣе чѣмъ понялъ, онъ «созналъ въ настоящемъ будущее значеніе событія» и даже еще того болѣе—онъ «прозрѣлъ высшіе законы». Наполеонъ — доказываетъ Толстой — ровно ничего не понималъ; Кутузовъ видѣлъ то, чего никто кромѣ него не замѣчалъ. Прекрасно, но вѣдь съ вашей же собственной точки зрѣнія приходится заключить отсюда, что Наполеонъ то именно и есть подлинный, настоящій великій историческій дѣятель.

Читатель понимаетъ, конечно, что мы не за Наполеона, а за логику и за справедливость заступаемся. Причина этой явной нелогичности и несправедливости Толстого для насъ совершенно очевидна. «*Не признаетъ русскій умъ*» великихъ людей въ европейскомъ и главнымъ образомъ во французскомъ вкусѣ, а Толстой въ высшей степени русскій умъ. «Простая, скромная и *потому* истинно-величественная фигура эта» — вотъ какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ о Кутузовѣ. «Для насъ, говоритъ онъ еще, съ данной намъ Христомъ мѣрой хорошаго и дурного, нѣтъ неизмѣримаго. И нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды» (Ib., 232). Тутъ нельзя не сказать вмѣстѣ съ Аполлономъ Григорьевымъ, что «Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ «приподнятымъ» чувствамъ». Простота — свойство прекрасное,

но неужели она критерій величія? А страсть, а энтузіазмъ, а увлеченіе примѣромъ, даже блестящей фразой? Наполеонъ зналъ, кому говорилъ о сорока вѣкахъ, смотрящихъ съ пирамидъ, и неужели люди, воспламененные этимъ яркимъ образомъ до героическаго самоотверженія, до полнаго забвенія всякой личной опасности, неужели они не проявили никакого величія? Содержаніе «величія»—всегда въ общихъ чертахъ одно и то же, но его формы могутъ разнообразиться почти безконечно. Напомнимъ Толстому его собственную великолѣпную картину битвы подъ Аустерлицемъ. «Когда разбитыя русскія войска бросились бѣжать, князь Андрей Болконскій бросился къ знамени. «Ребята, впередъ!» крикнулъ онъ дѣтски-пронзительно. «Вотъ оно», думалъ князь Андрей, схвативъ древко знамени и съ наслажденіемъ слыша свистъ пуль, очевидно направленныхъ именно противъ него. Нѣсколько солдатъ упало. «Ура!» закричалъ князь Андрей, едва удерживая въ рукахъ тяжелое знамя» и т. д. Былъ ли тутъ «просто» князь Андрей Болконскій? Разумѣется, нѣтъ. Это чисто французская, щеголяющая, рисующаяся, красивая храбрость, но неужели въ ней нѣтъ величія, нѣтъ «добра и правды» потому только, что ея форма дѣйствительно антипатична русскому вкусу?

Съ этимъ страннымъ критеріемъ «простоты» Толстой никогда не разстается. Въ этомъ причина его любви къ Кутузову и его нелюбви къ Наполеону, любви и нелюбви, выражающихся иногда истинно въ курьезныхъ формахъ. Подъ Бородинымъ, напр., «общее выраженіе лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное вниманіе и напряженіе, едва превозмогавшее усталость слабаго и стараго тѣла», тогда какъ Наполеонъ «сидѣлъ на складномъ стулѣ желтый, тяжелый, опухлый, съ мутными глазами, краснымъ носомъ и охриплымъ голосомъ». Это мелочь, но, право, характерная мелочь. Вѣдь легко можетъ быть, что и у Кутузова въ нелегкій бородинскій день и глаза были мутны, и голосъ охриплый, и цвѣтъ лица невполнѣ хорошъ и мало ли что еще, но реалистъ Толстой боится отмѣтить хоть маленькой комической черточкой своего любимца, за то Наполеона при всякомъ случаѣ съ какимъ-то даже наивнымъ злорадствомъ вышучиваетъ. Напомнимъ читателю, напр., сцену ожиданія Наполеономъ депутаціи «бояръ» отъ полоненной Москвы. Толстой является въ этомъ случаѣ просто сатирикомъ. Наполеонъ—актеръ, позеръ, и этого для Толстого достаточно: На-

полеонъ ничтожество. Въ то же время Кутузовъ—«простая, скромная и *потому* (такъ и напечатано: и *потому*)—истинно величественная фигура» (VIII, 259).

Остается только руками развести. Бѣда была бы невелика, если бы Толстой казнилъ одного Наполеона за отсутствіе простоты и скромности, но вѣдь тою же самою мѣркою Толстой мѣряетъ и народы, съ помощью того же критерія онъ оцѣниваетъ и національные характеры. Русскіе вообще «просты», французы вообще непросты, нескромны, самоувѣренны, самонадѣянны—благо русскому народу и горе французамъ! «И благо тому народу, который, не какъ французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который, въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью» (Ib. 170) *). Сравненіе Толстого очень красиво и образно, но исторія потеряла бы даже ту тѣнь научности, которой она обладаетъ, если бы въ ней получили господство или даже только права гражданства такія воззрѣнія и такіе критеріи. Война 12-го года была вопросомъ о быть или не быть Россіи; война 13-го года была вопросомъ о быть или не быть Наполеону, давно уже утомившему свою страну и надоѣвшему ей, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ абрютированныхъ солдатъ и офицеровъ. Война 12-го года была война народная; война 13-го года—чисто династическая. Французы очень дурно отрекомендовали бы свои умственныя способности, если бы,

*) Хотя мы отказались характеризовать разнообразныя свойства и особенности таланта Толстого, предоставляя эту работу критикамъ-эстетикамъ, но въ виду того, что style c'est l'homme, обращаемъ вниманіе читателя на языкъ Толстого, языкъ, образчикомъ котораго можетъ служить приведенная цитата. «И благо тому народу... а благо тому народу» — ни одинъ исправный гимназистъ не выразится такъ неуклюже. Въ то же время мало писателей, которые бы писали такимъ сильнымъ, яркимъ, *красивымъ* языкомъ, какъ Толстой. Да, style c'est l'homme! Внѣшняя путаница и неправильность и внутренняя сила и оригинальность — это не объ одномъ языкѣ Толстого можно сказать.

ради прекрасныхъ глазъ Наполеона, отъ котораго имъ ждать было нечего, возстали противъ бурбонской идеи, съ которой къ нимъ шла Европа. Ни одинъ просвѣщенный французъ не могъ опасаться, что эта идея возродится въ прежнемъ своемъ видѣ и духѣ, и Людовикъ XVIII будетъ управлять по традиціямъ Людовика XIV. Высота подъема народнаго духа всегда пропорціональна силѣ мотивовъ, вызвавшихъ этотъ подъемъ. Если ужъ Толстому понадобились историческія параллели, онъ поступилъ бы гораздо справедливѣе, сравнивши войну двѣнадцатаго года съ борьбою противу коалиціи не наполеоновской Франціи, а Франціи конца предшествовавшаго столѣтія. Съ другой стороны, онъ могъ бы сравнить войну тринадцатаго года, хотя бы, напр., съ тою войною, которая происходила пятьдесятъ семь лѣтъ спустя (1870) и которая тоже закончилась тѣмъ, что одинъ изъ противниковъ, хоть можетъ быть и не граціозно, но помнится, довольно учтиво передалъ шпагу эфесомъ впередъ.

Всѣ такія соображенія Толстой устраняетъ. Онъ съ начала и до конца остается на чисто психологической почвѣ и главнымъ факторомъ въ воображаемой имъ грандіозной борьбѣ является «духъ народа», или, въ частности, «духъ войска». Что такое духъ войска? По мнѣнію Толстого, это все. «Духъ войска, т. е. большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасностямъ всѣхъ людей, составляющихъ войско, *совершенно независимо* отъ того, дерутся ли люди подъ командой геніевъ или не геніевъ, въ трехъ или двухъ линіяхъ, дубинами или ружьями, стрѣляющими 30 разъ въ минуту. Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, *всегда* поставятъ себя и въ наивыгоднѣйшія условія для драки» (VIII, 172). Здѣсь Толстой договариваетъ (и вполнѣ логично) послѣднее слово своей историко-психологической теоріи, и здѣсь, очевидно, мы переходимъ ту черту, за которой уже исчезаетъ возможность серьезнаго разбора и спора. Духъ войска «совершенно зависитъ» отъ довѣрія войска къ дарованіямъ своего предводителя! Духъ войска «совершенно не зависитъ» отъ сознанія войскомъ своей подготовленности или неподготовленности къ борьбѣ! Духъ войска «всегда» создастъ «наивыгоднѣйшія условія для драки», т. е. накормитъ голодныхъ солдатъ, научитъ неумѣлыхъ и сдѣлаетъ дубину болѣе страшнымъ оружіемъ, нежели скорострѣльное ружье! Культурный элементъ не играетъ, по мнѣнію Толстого, никакой роли въ національной борьбѣ:

все зависитъ отъ «большаго или меньшаго желанія драться». Побѣдитъ «всегда» тотъ, кто смѣлѣй и самоотверженнѣй, на чьей сторонѣ не физическая сила, а сила духа, сила нравственная. Какъ истый спеціалистъ, увлекшись *одною* стороною дѣла, *однимъ* элементомъ сложнаго явленія, Толстой придаетъ этому элементу совершенно незаслуженное значеніе.

Безъ сомнѣнія, «для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій», какъ говоритъ Толстой въ другомъ мѣстѣ. Но изъ этого слѣдуетъ, во-первыхъ, именно то, что сложное явленіе нельзя пріурочивать къ *одной* причинѣ; во-вторыхъ, этотъ афоризмъ справедливъ безусловно только въ примѣненіи къ индивидуальному, а не къ коллективному уму. Значеніе науки, какъ общей сокровищницы человѣческаго ума, въ томъ именно и состоитъ, чтобы помочь этой неизбѣжной, фатальной односторонности всякаго индивидуальнаго ума, ея цѣль въ томъ именно и заключается, чтобы охватить совокупность производящихъ причинъ. Въ томъ же заключается и цѣль науки-исторіи. Говорить о несовершенствѣ этой науки можно и должно, но нельзя отрицать ея выводы только на томъ основаніи, что они не включаютъ пока всѣхъ историческихъ факторовъ, и еще менѣе позволительно отрицать ихъ во имя какого нибудь «своимъ умомъ» добытаго вывода. «Слонъ» исторіи (читатель помнитъ нашу басню) слишкомъ сложенъ и великъ, чтобы на основаніи имѣющихся у насъ теперь показаній историковъ, мы могли вполнѣ представить въ воображеніи его фигуру, — и въ этомъ научное несовершенство исторіи — но изъ этого слѣдуетъ, что эти показанія нужно пріумножать, прикапливать, а никакъ не то, что ихъ нужно всѣ цѣликомъ отвергнуть. Вся историко-психологическая теорія Толстого не болѣе какъ одно изъ такихъ показаній и она, какъ кирпичъ въ кирпичномъ строеніи, займетъ свое мѣсто и сыграетъ свою роль въ ряду другихъ историческихъ воззрѣній, но однако же люди будутъ жить не въ этомъ кирпичѣ, а во всемъ строеніи.

Переходя къ другой темѣ романа, къ тѣмъ его персонажамъ, въ которыхъ идея романа нашла себѣ наиболѣе полное выраженіе, мы, не желая слишкомъ повторяться, постараемся быть очень краткими. Можно ли не повторяться критикѣ, если повторяется самъ

художникъ? Дѣло въ томъ, что Пьеръ Безуховъ и Платонъ Каратаевъ, т. е. лица, которыя играютъ въ романѣ главную, идейную роль—наши старые знакомые. Пьеръ—это, конечно, тотъ же Олениинъ, демократъ по натурѣ и аристократъ по рожденію и по воспитанію, а Каратаевъ представляетъ собою нѣкоторый синтезъ Натальи Савишны, юродиваго Гриши, казака Ерошки, дѣвки Марьянки. Пьеръ—человѣкъ мятущійся, какъ и Оленинъ, не удовлетворяющійся ни готовыми условіями жизни, ни готовыми формулами мысли, и подобно тому, какъ русскіе побѣдили французовъ благодаря силѣ своего духа и не смотря на бѣдность своей культуры, точно также и тонко-развитый Пьеръ подчиняется вліянію невѣжественнаго Каратаева и въ общеніи съ нимъ находитъ свое просвѣтленіе, свое успокоеніе. Это — почти буквальное (въ идейномъ смыслѣ) повтореніе исторіи Оленина. Пьеръ, разсказываетъ Толстой, «долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ успокоенія, согласія съ самимъ собою, того, что такъ поразило его въ солдатахъ въ Бородинскомъ сраженіи,—онъ искалъ этого въ филантропіи, въ массонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что онъ понялъ въ Каратаевѣ» (VIII, 135). И такъ—ужасъ смерти, лишенія и вліяніе Каратаева—вотъ три факта, благодаря которымъ совершилось перерожденіе Пьера. «Ужасъ смерти» (когда Пьера привели французы вмѣстѣ съ другими плѣнными для казни) подготовилъ душу Пьера къ возрожденію тѣмъ, что совершенно, такъ сказать, опустошилъ ее. «Съ той минуты, какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершенное людьми, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что

міръ завалился въ его глазахъ и остались однѣ безсмысленныя развалины» (VIII, 60). «Лишенія», которыя Пьеръ переносилъ въ плѣну, навели его на гораздо болѣе утѣшительныя и успокоительныя мысли, даже ужъ слишкомъ утѣшительныя. «Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей и что *все несчастіе происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка;* но теперь, въ эти послѣднія три недѣли похода, онъ узналъ еще новую утѣшительную истину — онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ бы несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что *въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно также страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь,* засыпая на голой, сырой землѣ» (Ib. 214—215). Конечно, однѣхъ этихъ мыслей достаточно для того, чтобы совершенно успокоиться: если всѣ люди приблизительно одинаково счастливы или несчастливы; если счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ условій жизни человѣка, а находится «въ немъ самомъ»; если, наконецъ, все несчастіе происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка, то конечно жизнь получаетъ совершенно иное освѣщеніе и обязанность дѣятельности на пользу другихъ, обязанность помощи всѣмъ «труждающимся и обремененнымъ» перестаетъ быть обязанностью. Такъ именно и было съ Пьеромъ. «То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, *цѣли жизни,* теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастіе» (Ib. 286). Все это весьма послѣдовательно, но, надо думать, не абсолютно справедливо: самъ же Пьеръ, своимъ примѣромъ, своею личною дальнѣйшею жизнью подрываетъ въ насъ вѣру въ эти успокоительныя воззрѣнія. Такъ, освободившись изъ плѣна, «Пьеръ почувствовалъ всю тяжесть физическихъ лишеній и напряженій, испытанныхъ въ

плѣну, только тогда, когда эти напряженія и лишенія кончились» (284). «Ахъ, какъ хорошо! Какъ славно! говорилъ онъ себѣ, когда ему подвигали чисто накрытый столъ съ душистымъ бульономъ, или когда онъ на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены и французовъ нѣтъ больше» (286). Все это весьма естественно. Но если *это* естественно, значитъ неестественно *то*, невѣрны тѣ мысли Пьера о счастіи и о долгѣ человѣка, на которыхъ онъ надѣялся успокоиться. «Душистый бульонъ оказывается лучше лошадинаго мяса; отсутствіе нелюбимой жены и французовъ, т. е. неблагопріятныхъ *внѣшнихъ* условій жизни, оказывается большой радостью; «мягкая и чистая постель» пріятнѣе, нежели голая, сырая земля. Все это Пьеръ самымъ непосредственнымъ образомъ ощущаетъ, не испытывая никакого страданія отъ избытка удобствъ, избытка, отъ котораго по его прежнему мнѣнію «происходитъ все несчастіе». «Вона натура то какъ того...», скажемъ мы, какъ гоголевскій Степанъ Иванычъ Утѣшительный. Человѣкъ только что успокоился на убѣжденіи, что «граница страданій» и «граница свободы» очень близки, что розовый листокъ, завернувшійся въ постелѣ богача, причиняетъ ему такія же страданія, какъ сырая земля вмѣсто ложа — бѣдняку, только что было успокоился, а натура-то, собственные бока, собственныя ощущенія немедленно и доказали ему, что его успокоительныя мысли — вздоръ. Мы уже знакомы съ этой манерой (именно манерой, а не методой) мыслить Толстого. Онъ беретъ какой нибудь *одинъ* элементъ явленія, да къ этому элементу и пріурочиваетъ, подгоняетъ весь смыслъ и все содержаніе явленія. «Счастье человѣка въ немъ самомъ» — это справедливо: *между прочимъ* въ немъ самомъ. «Счастье человѣка только въ немъ самомъ» — это уже совершенно несправедливо: счастье человѣка находится въ тѣснѣйшей зависимости и отъ тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ живетъ человѣкъ. Но что много говорить? Если, какъ говоритъ Толстой устами Пьера, счастье заключается въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, то вѣдь въ этомъ опредѣленіи имплиситнымъ образомъ заключается и рѣшеніе вопроса. «Въ удовлетвореніи естественныхъ потребностей» и, *слѣдовательно*, чѣмъ шире возможность этого удовлетворенія, чѣмъ разнообразнѣе для него пути и средства, чѣмъ вѣрнѣе ведутъ они къ цѣли, тѣмъ полнѣе и всестороннѣе счастье человѣка.

Потребность есть — потребность естественная, но она лучше удовлетворяется «душистымъ бульономъ», нежели лошадинымъ мясомъ. А если *лучше*, то «радостное сознаніе свободы», которое ощутилъ Пьеръ, освободившись отъ всякихъ жизненныхъ цѣлей — сознаніе совершенно фальшивое и «радоваться тутъ нечему». Если есть «лучше» и «хуже», если въ человѣческомъ счастіи, также какъ и въ несчастіи, есть не только оттѣнки, но и степени, то изъ этого обстоятельства сами собою возникаютъ и наши цѣли, и наши обязанности, цѣли и обязанности, состоящія въ томъ, чтобы перестраивать условія къ лучшему, а не къ худшему. Кажется, это ясно. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, по обыкновенію, Толстой же даетъ самъ наилучшее оружіе для борьбы съ нимъ. Пьеру, какъ показываютъ факты, не удалось наполнить свою жизнь этимъ «радостнымъ сознаніемъ свободы», не удалось отдѣлаться отъ цѣлей: въ эпилогѣ мы видимъ его хлопочущимъ объ устройствѣ въ Петербургѣ общества, которое, по его мысли, должно преслѣдовать совершенно опредѣленныя цѣли. Внѣ дѣятельности онъ не остался, на факирскомъ созерцаніи собственнаго пупка (какъ мы выразились въ первой своей статьѣ о Толстомъ) не успокоился, а слѣдовательно, не зачѣмъ было и огородъ городить на счетъ блаженства свободы ничегонедѣланія.

Что касается Каратаева, то его личность, точнѣе идея, выраженная его личностью, вопреки манерѣ Толстого ставить точки надъ і, подернута какой-то дымкой, говоря откровенно, довольно двусмысленной. Каратаевъ—«олицетвореніе всего русскаго, добраго, *круглаго*»; Каратаевъ—«*круглое* и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды». Круглое олицетвореніе всего круглаго—такія тавтологическія характеристики конечно мало говорятъ уму и сердцу. Далѣе предлагаются такія данныя: «Каратаевъ любилъ слушать сказки, но больше всего онъ любилъ слушать разсказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь и въ особенности съ человѣкомъ, не съ извѣстнымъ какимъ нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. *Онъ любилъ свою шавку, лю-*

билъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ» (70). Далѣе — «слова и дѣйствія его выливались изъ него такъ же равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка» (71). Вотъ все существенное, что сказано Толстымъ о Каратаевѣ, и мы затрудняемся опредѣлить этотъ «круглый» характеръ. Это пантеистическое любованіе жизнью, отличающее Каратаева, едва ли составляетъ типическую черту «всего русскаго». Наталья Савишна, которая по непосредственности своихъ чувствъ—родная духовная сестра Каратаева — отличалась не только опредѣленностью, но даже узкостью и исключительностью своихъ симпатій. Все значеніе Каратаева сводится, намъ кажется, къ его непосредственности, къ тому, что «его слова и дѣйствія выливались изъ него, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка». Къ обсужденію этого свойства мы еще возвратимся ниже.

X.

Протестъ противъ культурной жизни и недовольство культурнымъ обществомъ, выраженные въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ», усиленные въ «Казакахъ», еще болѣе усиленные въ романахъ «Война и миръ» и «Анна Каренина»—этотъ протестъ и это недовольство завершились, наконецъ, мрачной и тяжелой сатирою, дальше которой отрицанію, кажется, уже нельзя идти. Мы говоримъ о повѣсти «Смерть Ивана Ильича». Это не только сатира, это *злорадная* сатира и въ этомъ особенность этого удивительнаго художественнаго произведенія. Толстой спокоенъ и даже веселъ въ этой повѣсти; запальчивости Оленинскихъ изобличеній тутъ нѣтъ и слѣда. Хладнокровная, самообладающая иронія — вотъ основной тонъ повѣсти. Для Толстого страшная судьба Ивана Ильича—дѣло совершенно постороннее. Онъ не проливаетъ надъ нимъ никакихъ слезъ, ни зримыхъ, ни незримыхъ, ему не жаль своего героя даже просто по человѣчеству и онъ какъ бы говоритъ: «что же? это въ порядкѣ вещей, въ *вашемъ* порядкѣ *вашихъ* вещей. Жизнь прекрасна и смерть не страшна—но не для васъ, а для насъ съ Герасимомъ (кухонный мужикъ Ивана Ильича). Вы изуродовали свою жизнь, вы вынули изъ нея всякое здоровое содержаніе, вы

загромоздили ее, какъ чердакъ, старой мебелью, хламомъ разныхъ надуманныхъ и не нужныхъ условностей, вы задушили въ себѣ все истинно-человѣческое и пробавляетесь весь вѣкъ свой фикціями — на то полная ваша воля! Но чему же удивляться и о чемъ скорбѣть если, при наступленіи смертнаго разсчета, подводя итоги *такой* жизни, вы получаете въ результатѣ нуль — и это еще въ самомъ лучшемъ случаѣ! Собакѣ—собачья смерть, а намъ съ Герасимомъ тутъ нѣтъ печали. Мы съ Герасимомъ знаемъ, что знаемъ, и какъ не боялись жизни, точно такъ же не испугаемся и смерти».

Вотъ тонъ и вотъ смыслъ повѣсти Толстого. Благо Герасиму и пусть живетъ все здоровое человѣчество, не расшатанное и не разслабленное культурою, но каково все это слышать намъ, Иванамъ Ильичамъ, намъ, людямъ, не только пріобщившимся къ культурѣ, но и до такой степени сжившимся съ нею, что возвратъ на лоно природы и безыскусственности для насъ уже совершенно невозможенъ? Великъ Герасимъ, прекрасенъ Герасимъ — но онъ слишкомъ самъ по себѣ, а мы слишкомъ сами по себѣ и если бѣда наша поправима, то ужъ намъ придется устроиваться какъ нибудь собственными средствами, не ожидая помощи отъ Герасима и герасимовскихъ идеаловъ. Герасимъ облегчилъ тяжкую долгую агонію Ивана Ильича, но вѣдь передъ нами стоитъ вопросъ не о смерти, а о жизни, не о томъ, какъ умереть, а о томъ, какъ прожить.

Однако же, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, какъ говоритъ пословица. Толстой съумѣлъ произвести на насъ, культурныхъ людей, огромное впечатлѣніе своею повѣстью, но едва ли онъ кого нибудь убѣдилъ ею. Не говоря уже о томъ, что повѣсть написана не для Герасимовъ, которые ровно ничего въ ней не поймутъ, а для насъ, и самымъ фактомъ своего появленія свидѣтельствуетъ, что даже въ понятіи автора ея мы ужъ не вовсе «отпѣтые» люди; не говоря объ этомъ, посмотримъ поближе на Ивана Ильича и провѣримъ его права на роль нашего представителя. Не только великій, но и опытный художникъ, Толстой подошелъ къ своей задачѣ очень умно и тактично: его Иванъ Ильичъ, *повидимому*,—въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ толпы, золотой середины, человѣкъ вполнѣ средній и, стало быть, имѣющій преимущественныя права на представительство, на типичность. Иванъ Ильичъ былъ «чело-

вѣкомъ способнымъ, весело-добродушнымъ и общительнымъ, но строго исполняющимъ то, что онъ считалъ своимъ долгомъ; долгомъ же своимъ онъ считалъ все то, что считалось таковымъ наивысше поставленными людьми» (XII, 487). Что жъ? Таково, пожалуй, большинство культурныхъ людей. Далѣе: «Главное у Ивана Ильича была служба. Въ служебномъ мірѣ сосредоточился для него весь интересъ жизни. И интересъ этотъ поглощалъ его. Такъ что, вообще, жизнь Ивана Ильича продолжала идти такъ, какъ онъ считалъ, что она должна была идти: пріятно и прилично» (496). «Радости служебныя были радости самолюбія, радости общественныя были радости тщеславія; но настоящія радости Ивана Ильича были радости игры въ винтъ» (505). Опять-таки — что жъ? И тутъ много правды, правды обидной и горькой, правды, которая попадаетъ нашей мѣщанской пошлости не въ бровь, а въ глазъ, но кто же осмѣлится претендовать на Толстого за эту правду? На то онъ и великій художникъ, чтобы изобличать и тѣмъ самымъ исправлять насъ. Тутъ вся его полная воля, а намъ остается только слушать его, да поучаться.

Но когда художникъ начинаетъ возводить на насъ небылицы, когда въ своемъ предубѣжденіи противъ насъ онъ лишаетъ насъ даже такихъ свойствъ, безъ которыхъ человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ, тогда позвольте вмѣшаться въ разговоръ и намъ и вступиться за свое человѣческое достоинство. Мы — что дѣлать — пошловатые и пустоватые люди, но мы *люди* однако же, а вашъ Иванъ Ильичъ не человѣкъ, а какой-то деревянный чурбанъ. Онъ не только обезличенъ, онъ обездушенъ Толстымъ и въ этомъ уже нѣтъ ни житейской, ни художественной правды. Если у насъ нѣтъ высокихъ идеаловъ и живемъ мы «день да ночь — сутки прочь», коптя небо и поигрывая въ винтъ, то все-таки у насъ есть по крайней мѣрѣ хоть личныя привязанности, которыя даютъ нашей жизни и свѣтъ и тепло, и которыя гораздо дороже для насъ, нежели радости большого шлема. Никакой заслуги, разумѣется, нѣтъ въ этихъ привязанностяхъ, но все же онѣ доказываютъ, что не высохло, не окоченѣло наше сердце и что мы не винтеры и не служаки только, но и отцы, мужья, сыновья, братья. Иванъ Ильичъ, *толстовскій* Иванъ Ильичъ, лишенъ даже этихъ элементарнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ. У него нѣтъ ни семьи, хотя онъ мужъ и отецъ, ни друзей, хотя есть единомышленники и со-

служивцы; у него въ мірѣ только начальники, подчиненные да партнеры. Мы уже не говоримъ, что у него нѣтъ отечества, а есть только палата, въ которой онъ благополучно засѣдаетъ. Иванъ Ильичъ не только ни во что не вѣритъ, но и никого не любитъ. Естественно, что и онъ въ свою очередь никѣмъ не любимъ, и вотъ этого-то нравственно-опустошеннаго человѣка Толстой выдаетъ за нашего представителя и въ его лицѣ неумолимо казнитъ насъ.

Эта казнь совершается съ хладнокровною безжалостностью. Когда товарищи Ивана Ильича узнали о его смерти, то «первая мысль каждаго изъ господъ, собравшихся въ кабинетѣ, была о томъ, какое значеніе можетъ имѣть эта смерть на перемѣщенія или повышенія самихъ членовъ или ихъ знакомыхъ» (476). «Близкіе же знакомые, такъ называемые друзья Ивана Ильича, при этомъ подумали невольно о томъ, что теперь имъ надобно исполнить очень скучныя обязанности приличія и поѣхать на панихиду и къ вдовѣ съ визитомъ соболѣзнованія» (477). Когда Иванъ Ильичъ былъ еще въ началѣ своей болѣзни «отношеніе Прасковьи Ѳедоровны было такое къ болѣзни мужа, что въ болѣзни этой виноватъ Иванъ Ильичъ и вся болѣзнь эта есть новая непріятность, которую онъ дѣлаетъ женѣ» (513). Въ разгарѣ болѣзни, жена ради приличія однажды соболѣзнующе поцѣловала его и—«онъ ненавидѣлъ ее всѣми силами души въ то время, какъ она цѣловала его и дѣлалъ усилія, чтобъ не оттолкнуть ее» (520). На стр. 534 онъ опять «всѣми силами души ненавидитъ ее». Когда жена съ дочерью и женихомъ дочери однажды навѣстили его, то «когда они вышли, Ивану Ильичу показалось, что ему легче: лжи не было, она ушла съ ними, но боль осталась» (538). И т. д., и т. д. Мы могли бы привести еще сколько угодно примѣровъ, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы понять положеніе Ивана Ильича: «онъ плакалъ о безпомощности своей, о своемъ ужасномъ одиночествѣ, о жестокости людей» (539). «Ему хотѣлось, чтобъ его приласкали, поцѣловали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей» (529). Но пожалѣлъ его одинъ безхитростный Герасимъ.

Несчастіе Ивана Ильича ужасно, но согласитесь, читатель, однако же, что намъ съ вами до него такъ же мало дѣла, какъ и Толстому и что урокомъ и предостерегающимъ примѣромъ оно

служить для насъ не можетъ. Иванъ Ильичъ—нравственный уродъ, а мы люди обыкновенной наружности. Мы уступили Толстому многое. Мы—Богъ съ нимъ—допускаемъ, что у насъ, окультуренныхъ людей, нѣтъ крѣпкихъ убѣжденій, нѣтъ идеаловъ, нѣтъ религіи, т. е. вѣры въ высшую нравственную правду, что все это исключительное достояніе Герасима, нетронутаго культурою и Льва Николаевича Толстого, проклявшаго культуру. Но мы не можемъ допустить, что у насъ нѣтъ простѣйшихъ человѣческихъ чувствъ. Нѣтъ, это неправда, что мы никого не любимъ и что насъ никто не любитъ; нѣтъ, мы не одиноки; нѣтъ, наши друзья увидятъ въ нашей смерти нѣчто большее, нежели открытіе вакансіи; наша семья не ложь и не обманъ принесетъ къ нашему смертному изголовью и мы не съ ненавистью ее встрѣтимъ. Умирая, мы будемъ сознавать, что не «мѣсто» очищаемъ для другихъ, а оставляемъ нѣкоторую пустоту послѣ себя, если ужъ не на общественной аренѣ, то хоть въ нѣдрахъ собственной семьи и въ кругу своихъ друзей. Намъ нечего будетъ искать у Герасима, мы не обратимся къ нему за состраданіемъ, какъ за милостыней. Не Герасиму насъ судить, не Герасиму насъ понимать и не Герасиму насъ жалѣть.

Толстой очевидно увлекся, перестарался, пересолилъ. Онъ напрягъ всѣ силы своего огромнаго таланта, чтобы въ лицѣ Ивана Ильича нанести послѣдній ударъ нашимъ культурнымъ нравамъ и понятіямъ, всему складу нашей жизни, но, говоря его же словами о Наполеонѣ, «страшный размахъ руки палъ волшебно-безсильно». Не потому Иванъ Ильичъ такъ несчастенъ, его жизнь такъ уродлива и его смерть такъ спротлива, что онъ человѣкъ культурный, а единственно потому, что онъ человѣкъ не только пустой, но и дурной, никого не любившій кромѣ самого себя. «Но вѣдь именно культура его и сдѣлала такимъ» — это не такъ и въ этомъ случаѣ мы сошлемся на свидѣтельство самого же Толстого. Въ романѣ «Анна Каренина» есть лицо, которое по воспитанію, по положенію, по воззрѣніямъ и, наконецъ, по характеру дѣятельности—родной братъ Ивана Ильича: это—Карениннъ, мужъ героини романа. Карениннъ несчастливъ не менѣе Ивана Ильича, но его несчастіе представлено авторомъ не въ трагическомъ, а въ комическомъ освѣщеніи и впечатлѣніе получается совершенно иное. Карениннъ несчастливъ потому, что глупо распорядился съ своею судьбою, связавши ее съ судьбою своей жены, личность которой

совершенно съ нимъ не гармонировала. Онъ жертва личной ошибки, личной неудачи, тогда какъ, по мысли автора, Иванъ Ильичъ жертва общихъ условій жизни. Каренинъ самъ за себя отвѣчаетъ, тогда какъ за Ивана Ильича авторъ дѣлаетъ насъ отвѣтственными. Все это доказываетъ только то, что Толстой все болѣе и болѣе утверждался въ своихъ воззрѣніяхъ и становился все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ обобщеніяхъ: въ семидесятыхъ годахъ (время появленія «Анны Карениной») онъ казнилъ Каренина просто какъ личность или—самое большее—какъ представителя извѣстной общественной *группы*, въ восьмидесятыхъ годахъ (время появленія «Смерти Ивана Ильича») онъ того же Каренина, «сердцемъ хладнаго скопца», казнитъ уже какъ представителя культурнаго *общества*. Смѣлость обобщенія совершенно напрасная. Скажемъ опять, что сильнѣе кошки звѣри есть и смѣемъ увѣрить Толстого, что судьбою щедринскихъ Ѳеденекъ «очень никто не озабоченъ». Они не дѣти, а пасынки или пріемыши цивилизаціи.

XI.

«Искусство» Толстого, работа его художественнаго таланта, подготовляла почву для его «философіи», для его ученій о личности и обществѣ. Резюмируемъ тѣ принципы, къ которымъ привела Толстого эта работа и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтимъ тотъ путь, которымъ онъ неуклонно и послѣдовательно шелъ въ теченіи всей своей художественной дѣятельности. Мы это уже все видѣли на отдѣльныхъ произведеніяхъ Толстого и теперь намъ остается только суммировать частные итоги, полученные нами прежде.

Толстой началъ съ самонаблюденія, съ самоанализированія, подчиняясь въ этомъ случаѣ исключительно врожденной потребности своего духа, естественному, стихійному свойству своего ума. Этимъ путемъ онъ пришелъ къ двумъ выводамъ, которые и послужили фундаментомъ для его дальнѣйшихъ построеній. Роясь въ своей душѣ, подглядывая и подсматривая за малѣйшими проявленіями своей душевной дѣятельности, разглядывая въ «микроскопъ» (читатель помнитъ удачную метафору К. Аксакова) мельчайшіе изгибы своего сердца, Толстой пришелъ къ убѣжденію, что въ немъ мало или и вовсе нѣтъ искренности, въ смыслѣ полноты, цѣльности и

непосредственности ощущеній. «Нѣтъ во мнѣ»—отсюда чрезвычайно соблазнительно заключить, что этой искренности нѣтъ и въ другихъ, и Толстой сдѣлалъ это заключеніе, сохранилъ его до послѣднихъ дней и довелъ до крайняго предѣла. Аполлона Григорьева удивляло и смѣшило то обстоятельство, что въ одной изъ старыхъ повѣстей своихъ Толстой говоритъ о воробьѣ, что «онъ *притворился*, будто клюнулъ». Если бы Григорьевъ дожилъ до «Войны и мира», онъ нашелъ бы тамъ еще болѣе яркій брилліантъ той же самой грани: сѣкутъ солдата и сѣкутъ больно: «двое солдатъ держали его, а двое взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый *неестественно* кричалъ. И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но *притворный* крикъ» (V, 278). Тургеневскій Пигасовъ, какъ извѣстно, былъ большимъ скептикомъ относительно искренности женщинъ вообще и провинціальныхъ барышень въ особенности, но и ему удалось, по его словамъ, вызвать у одной такой барышни неподдѣльный, естественный крикъ, когда онъ ударилъ ее сзади осиновымъ коломъ. Толстой скептичнѣе Пигасова, онъ не повѣрилъ бы искренности даже этого крика, и съ этимъ ужъ дѣлать нечего: это черта болѣзненная, черта не столько психологическая, сколько психіатрическая. Но это чисто личная черта привела, однако-жъ, Толстого къ общему заключенію о неискренности людей вообще.

Второй общій выводъ, къ которому пришелъ Толстой, состоялъ въ томъ, что человѣческій умъ есть «жалкая пружина моральной дѣятельности» и, какъ и первый выводъ, былъ точно также плодомъ чисто личной иллюзіи. Наблюдая со стороны, вовсе не трудно замѣтить, что психологическій анализъ, усиленная наклонность къ нему, совсѣмъ не то же, что дѣятельность ума, наклонность къ умственной работѣ. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и очень плохо разбираться въ душевныхъ ощущеніяхъ и, наоборотъ, можно совсѣмъ не блистать широтою и многосторонностью умственнаго развитія и въ то же время съ величайшею отчетливостью подмѣчать такія душевныя мелочи, которыя совсѣмъ незамѣтны для обыкновеннаго зрѣнія. Въ умственномъ отношеніи, со стороны широты, разнообразія и богатства идей, Достоевскій, напр., едва-ли доставалъ хоть только до колѣнъ Гёте; въ то же время и сомнѣнія быть не можетъ, что внутренній и главнымъ образомъ закулисный міръ человѣка Достоевскій зналъ лучше и изображалъ подробнѣе и ярче,

нежели Гёте. А если бы мы отъ литературныхъ примѣровъ обратились къ примѣрамъ людей науки, то нашли бы тамъ еще болѣе яркія подтвержденія нашей мысли. Между тѣмъ, Толстой за всѣ крайности и за всѣ грѣхи своего психологическаго анализа сдѣлалъ отвѣтственнымъ исключительно *умъ*, которому, такимъ образомъ, пришлось терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье. А чѣмъ виноватъ бѣдный умъ, если ему предлагаютъ вѣчно одну и ту же пищу, задаютъ одну и ту же работу? «Сердце ставитъ вопросы, а умъ долженъ рѣшать ихъ», какъ сказалъ Огюстъ Контъ, и умъ Толстого дѣлалъ исправно свое дѣло и нисколько не виноватъ въ томъ, что самое то дѣло его очень сбилось на бездѣлье. Обладатель его не видѣлъ за деревьями лѣса, ставилъ, въ силу потребности своей духовной природы, на первый планъ свои и чужія душевныя движенія и движеньица, устремлялъ все свое вниманіе на изслѣдованіе этихъ движеній; если это занятіе привело только къ недовольству, къ нравственному ослабленію и раздвоенію, то виноватъ въ этомъ не умъ, роль котораго пассивна, который дѣлаетъ лишь то, что ему велятъ дѣлать, рѣшаетъ лишь то, что ему предлагаютъ рѣшать, а виноватъ тотъ, кто избралъ это занятіе, виновато то «сердце», контовскій le cœur, которое ставило уму такіе вопросы. Бритвой можно побриться, можно ею хлѣба отрѣзать, перо починить, мозоль срѣзать, но если вы только и будете дѣлать, что бриться, разъ по десяти въ день, вы непремѣнно порѣжетесь, но чѣмъ же виновата будетъ бритва? Все это просто какъ азбука, но Толстой поддался иллюзіи и потерялъ довѣріе къ своей «бритвѣ», потому что перерапилъ ею всѣ части своего лица и измучилъ себя безпрестаннымъ намыливаніемъ своихъ щекъ. Читатель понимаетъ, конечно, нашу метафору.

Дальше оставалось только обобщать тѣ выводы, къ которымъ привело самонаблюденіе. Если во мнѣ нѣтъ искренности, если я безпрестанно ловлю себя на мелочахъ, подмѣчаю въ себѣ чувства недостойныя или прямо рѣзкія, то вѣдь не могу же я не сознавать, что я все же не хуже другихъ, а слѣдовательно и другіе страдаютъ тѣми же недостатками и слабостями, которые я вижу въ себѣ. Наблюденіе окружающихъ людей, окружающей среды совершенно подтверждало такое обобщеніе. Съ другой стороны, если мой умъ, который не хуже другихъ, ничего не далъ мнѣ, кромѣ мученій, то напрасно и кому бы то ни было возлагать на него надежды и

пользоваться его услугами. То есть—возвращаемся къ нашей случайной, но удобной метафорѣ,—если я, въ чрезмѣрномъ усердіи о чистотѣ своего лица, брѣясь помпнутно, перерѣзалъ и обезобразилъ его, то и другимъ брѣющимся людямъ нужно отсовѣтывать пользоваться бритвою. А дальше совершенно логично слѣдуютъ окончательные выводы,—одинъ отрицательный, другой положительный. Если бритва, орудіе безполезное и даже вредное (взгляните только на мою физіономію!), то нѣтъ вреднѣе людей, нежели цирульники, и нѣтъ учрежденій болѣе пагубныхъ, чѣмъ парикмахерскія заведенія. Или—раскрывая метафору — нѣтъ людей несчастнѣе, нежели люди съ развитымъ, остро отточеннымъ умомъ, и нѣтъ ничего вреднѣе тѣхъ лицъ и учрежденій, которыхъ спеціальность состоитъ въ томъ, чтобы развивать и просвѣщать людей. Долой культуру! Это—выводъ отрицательный. А положительный выводъ, положительный идеалъ, составляющій только другую сторону отрицательнаго вывода, состоитъ въ томъ, что истинно счастливы только люди, предоставляющіе расти своей бородѣ какъ угодно и незнакомые съ употребленіемъ бритвы: ихъ физіономіи цѣлы, не порѣзаны, не изуродованы, и кто хочетъ спокойствія и счастія, тотъ долженъ подражать имъ. Благо волосатымъ и бородатымъ! Благо людямъ, расчесывающимся пятерней! Благо людямъ, не слыхавшимъ о гребенкѣ и бритвѣ!

Какъ бы читатель ни уважалъ Толстого, онъ долженъ простить намъ шутливый тонъ нашего резюме, потому что въ этомъ случаѣ—это самый естественный тонъ. Если бы вы увидѣли ребенка, который, пробуя свою силу, усплпвался бы сдвинуть съ мѣста александровскую колонну, вы, конечно, отнеслись бы къ его затѣѣ не съ негодованіемъ и не съ опасеніемъ, а съ добродушной улыбкой. А Толстой поставилъ себя именно въ положеніе такого ребенка. Какъ бы ни былъ великъ его талантъ и широко его міроразумѣніе, но стать лицомъ къ лицу и вступить въ борьбу съ тѣмъ, что создано дружными усплями сотенъ и тысячъ прежде жившихъ Толстыхъ, что поддерживалось и поддерживается милліонами обыкновенныхъ рабочихъ, въ чемъ человѣчество видѣло и видитъ свой высшій успѣхъ и лучшую заслугу — это предпріятіе болѣе смѣлое, нежели разсудительное. Такъ стоитъ дѣло въ принципѣ, но не такъ оно стоитъ въ подробностяхъ, въ практическихъ примѣненіяхъ.

Отрицаніе Толстого нашей цивилизаціи какъ *отрицаніе* есть

именно усиліе ребенка свалить громадную гранитную колонну; но отрицаніе Толстого какъ *критика* нашей цивилизаціи имѣетъ всѣ права на самое серьезное къ себѣ отношеніе. Задаваясь цѣлями уничтоженія, онъ на самомъ дѣлѣ служитъ цѣлямъ обновленія, усиливаясь быть рѣшительнымъ отрицателемъ формъ нашей жизни, онъ является въ сущности реформаторомъ ихъ, и вотъ почему о Толстомъ въ одно и то же время можно говорить и какъ о талантливомъ, любопытномъ, курьезномъ эксцентрикѣ мысли и какъ о новаторѣ, подходящемъ къ намъ съ дѣйствительно новымъ словомъ. Нельзя не улыбнуться, когда, какъ лучезарный идеалъ, ставятъ передъ нами въ назиданіе и поученіе какого-нибудь Ерошку или Каратаева.

Но нельзя не задуматься, когда по поводу этихъ Ерошекъ писатель напоминаетъ намъ, что у Ерошки есть *согласіе съ самимъ собою*, что у Каратаева «слова и дѣйствія выливались такъ же равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка». Нельзя не задуматься, потому что, углубляясь въ себя, допрашивая свою собственную совѣсть, мы этого согласія съ самимъ собою не обрѣтаемъ въ себѣ. Мы не можемъ и не хотимъ отказаться отъ своего развитаго сознанія, въ которомъ и наша сила и наша радость, но мы не можемъ и не признать, что безъ внутренней гармоніи, безъ согласія съ собою, безъ соотвѣтствія своихъ чувствъ и инстинктовъ съ своими идейными требованіями — совершенно недостижима полнота истиннаго счастія. Мы не хотимъ быть Ерошками и не пойдемъ учиться къ Каратаеву, но въ этихъ людяхъ природы есть нѣчто, что мы хотѣли бы имѣть и что стоитъ узнать. Нельзя-ли быть добрымъ и простымъ, не переставая быть умнымъ? Нельзя-ли дать просторъ и свободу своимъ чувствамъ, — не отказываясь отъ контроля сознанія? Нельзя-ли быть искреннимъ — не въ своихъ только инстинктахъ, но и въ своихъ убѣжденіяхъ? Нельзя-ли подойти къ природѣ, не удаляясь въ то же время отъ Бога? Съ кротостью голубя нельзя-ли соединить мудрость змія, какъ училъ Христосъ? Нельзя, говоритъ Толстой. Вотъ этотъ его отвѣтъ мы и попробуемъ обсудить въ слѣдующей статьѣ.

Философія Толстого.

XII.

Шопенгауеръ сказалъ, что человѣкъ есть единственное существо, которое удивляется на свое собственное существованіе. Да, когда человѣкъ достигаетъ той высоты сознанія и самосознанія, на которой неизбѣжно встрѣчаешься съ вопросами о причинѣ, о цѣли, о смыслѣ жизни, онъ поражается удивленіемъ и это «удивленіе» только все болѣе и болѣе ростетъ по мѣрѣ расширенія пониманія. Но кто же достигаетъ этой высоты? Тысячелѣтія живетъ человѣчество на землѣ, неисчислимые ряды поколѣній скрылись въ «завистливой дали» вѣковъ, каждое изъ этихъ поколѣній, казалось бы, должно было оставить хоть какой-нибудь слѣдъ за собою, хоть какой нибудь результатъ своихъ трудовъ и усилій, а между тѣмъ какъ невелики наши богатства, какъ незавидно наше историческое наслѣдство! Мы говоримъ объ идейномъ наслѣдіи и намъ хочется спросить: какъ жили эти прошлыя безчисленныя поколѣнія? Вѣдь если правда—а это несомнѣнно правда—что не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ, то не вправѣ ли мы сказать, что человѣчество существовало и существуетъ, но *жили и живутъ*, какъ подобаетъ людямъ, только немногіе, живутъ не желудкомъ только, не шкурою, не мускулами, но и духомъ, творческою мыслью, пытливымъ сомнѣніемъ? Чѣмъ дальше станемъ мы отступать въ прошлое, тѣмъ меньше и меньше найдемъ слѣдовъ умственной работы, а что касается собственно насъ, то поэтъ можно сказать только еще вчера сказалъ о своемъ поколѣніи:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

Въ томъ-то и дѣло, что не просто «человѣкъ», какъ зоологическое существо, а непремѣнно умственно-развитой человѣкъ можетъ «удивляться на свое собственное существованіе». Для массы людей ровно ничего нѣтъ удивительнаго ни въ процессѣ жизни вообще, ни въ условіяхъ ихъ собственнаго существованія, ни въ

окружающей природѣ, ни въ самомъ космосѣ. Я существую, солнце свѣтитъ, птица летаетъ, рыба плаваетъ, дерево ростетъ.

Тотъ охаетъ, другой смѣется,
Одинъ хохочетъ, плачь другой.
И такъ на свѣтѣ все ведется!

«И такъ на свѣтѣ все ведется». Для чего такъ ведется и почему такъ, а не иначе ведется? Не ставьте этого вопроса толпѣ—она даже не уразумѣетъ его, не повѣритъ въ самое право ваше задаваться такими вопросами. Фактъ существуетъ потому, что существуетъ. Одинъ хохочетъ, рыба плаваетъ, другой плачетъ, птица летаетъ,—въ глазахъ рабовъ факта все это явленія одной и той же категоріи и ровно ничего удивительнаго, подлежащаго критикѣ и практическому воздѣйствію въ этихъ явленіяхъ нѣтъ.

Человѣческая мысль застоялась бы и русло нашей жизни засорилось бы, если бы это преклоненіе передъ фактомъ, это существованіе по установившимся образцамъ, по рутинѣ, было всеобщимъ удѣломъ. Къ счастію, всегда были и будутъ умственно безстрашные люди, для которыхъ только одинъ авторитетъ — истина, и одинъ критерій—свое собственное убѣжденіе, свободно составленное по разуму и по совѣсти. И конечно, они правы въ своей смѣлости. Если каждый фактъ имѣетъ оправданіе въ своемъ существованіи, то вѣдь и критика этихъ людей, ихъ сомнѣніе, ихъ скептицизмъ—тоже конкретные факты и въ этомъ своемъ качествѣ имѣютъ совершенно одинаковыя права на наше признаніе и вниманіе, какъ и всякое другое явленіе жизни. Это очень старый, но непоколебимый аргументъ.

Но, разумѣется, и на критику есть критика и всякій скептицизмъ подлежитъ въ свою очередь разсмотрѣнію. Прекрасна эта способность подходить ко всякому явленію съ анализомъ, съ вопросомъ, но всетаки это только одна сторона дѣла. «Удивляться» на свое собственное существованіе можно съ очень различныхъ точекъ зрѣнія и цѣнность этого удивленія будетъ находиться въ строгой зависимости отъ избранной точки зрѣнія. «Я рабъ, я царь, я червь, я богъ»—все это очень «удивительно» и въ отдѣльности и въ совокупности, точно также какъ вѣрно и въ фактическомъ смыслѣ.

«Я рабъ»—потому что бренно и слабо мое тѣло, постоянно нуждающееся въ охранѣ и защитѣ; «я царь», потому что несмотря

на свою физическую слабость я съумѣлъ вооружить и оградить себя такъ, что сдѣлался сильнѣе всего живого на землѣ; «я червь», потому что мое существованіе во времени и мое мѣсто въ пространствѣ — существованіе и мѣсто червя, столь же конечнаго и ограниченнаго, какъ и человѣкъ; наконецъ, «я богъ»—потому что я мыслю, я сознаю себя и природу, я возношусь духомъ къ безконечному. Все это, повторяемъ, совершенно вѣрно, но очевидно, что на этой канвѣ можно вышивать какіе угодно узоры, этими путями, исходящими изъ одного и того же пункта, можно придти къ совершенно различнымъ результатамъ. Возвратимся къ нашимъ метафорамъ. «Я червь»—конечно, червь! такъ стоитъ-ли трудиться, стремиться, волноваться, стоитъ-ли вообще жить? И вотъ вамъ почва для апатіи или для отчаянія. «Я рабъ» — рабъ своей несовершенной организаціи, какъ физической, такъ и нравственной и всегда пребуду этимъ жалкимъ рабомъ, потому что выше головы не прыгнешь, отъ самого себя не уйдешь, и пусть добряки восхищаются какимъ-то прогрессомъ, а мы знаемъ, что знаемъ: совершенное и абсолютное недоступно для человѣка вовѣки. И вотъ вамъ почва для самаго угрюмаго пессимизма, отъ котораго только шагъ или къ самому грубому эпикурейству или опять-таки къ апатіи и отчаянію. Далѣе, «я царь», потому что какъ бы тамъ ни было, а прогрессъ культуры очевиденъ и не видно ему ни конца, ни края: меня, безсильнаго, боится тигръ и слушается слонъ, я плаваю лучше рыбъ, я двигаюсь быстрѣй оленя, я буду летать лучше птицъ, я «умомъ громамъ повелѣваю». И вотъ вамъ почва для самаго жизнерадостнаго оптимизма. Наконецъ, «я богъ», или по крайней мѣрѣ, говоря словами того же поэта, «отраженье божества», потому что предназначенъ для безконечной жизни, для безсмертія. И вотъ передъ нами раскрывается входъ въ широкую область вѣры. Всѣ эти мотивы и въ ихъ чистомъ видѣ и въ различныхъ комбинаціяхъ между собою мы находимъ и въ философіи, и въ поэзіи, и въ системахъ чистой этики и всѣ они поочередно были испытаны и изслѣдованы Толстымъ, частью непосредственно, частью въ лицѣ его персонажей и главнымъ образомъ Левина.

XIII.

Для лучшаго уразумѣнія какой-нибудь нравственной или философской системы часто бываетъ полезно ознакомиться съ личностью ея автора. Въ данномъ случаѣ, это тѣмъ легче, что личность Левина нарисована Толстымъ съ обычнымъ его мастерствомъ и кромѣ того съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ. На первый взглядъ—Левинъ совершенно заурядный человѣкъ. Въ немъ нѣтъ ничего ярко блестящаго, выдающагося и онъ сливается съ однообразно сѣрыми рядами толпы. Онъ совершенно лишенъ того показного ума, который прежде всего привлекаетъ наше вниманіе. Говорить онъ не любитъ, спорить не умѣетъ. При глубокомъ сознаніи своего достоинства или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого сознанія онъ совсѣмъ не знаетъ того самолюбія, которое заставляетъ людей мелкихъ отрицать даже очевидность. Для него важно не переспорить, не побѣдить, а убѣдить или убѣдиться. Логикъ онъ плохой, діалектикъ никуда не годный, но сердце его горитъ жаждою истины и онъ не отказывается отъ словесныхъ состязаній, причемъ неизмѣнно терпитъ пораженія. Ограниченный и добродушный жуиръ Облонскій очень успѣшно диспутируетъ съ нимъ, а о представителяхъ высшей интеллигенціи какъ Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, нечего и говорить: «этакъ нельзя разсуждать», наставительно говорятъ они Левину и съ величайшей легкостью разбиваютъ всѣ его неловкіе, неумѣлые доводы, причемъ однако же *никогда* не убѣждаютъ его. Всѣ ихъ золотыя рѣчи идутъ совершенно мимо цѣли, нисколько не вліяютъ на Левина. «Левинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ, что онъ разбитъ со всѣхъ сторонъ, но онъ чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что то, что онъ хотѣлъ сказать, было не понято его братомъ (Кознышевымъ). Онъ не зналъ только, почему это было не понято: потому-ли, что братъ не хотѣлъ или потому, что не могъ его понять» (X, 20).

Левину суждено постоянно испытывать это несчастіе умственнаго одиночества. Слушая другихъ, онъ почти всегда недоумѣваетъ; высказываясь самъ, онъ заставляетъ недоумѣвать другихъ, возбуждая въ нихъ подъ конецъ чувство, близкое къ состраданію. И дѣйствительно, нельзя его не пожалѣть, хотя въ то же время съ извѣстной точки зрѣнія нельзя не позавидовать ему. Умственное одиночество Левина не отъ умственнаго его превосходства надъ

другими, а отъ его умственной оригинальности, доходящей до эксцентричности. Онъ до такой степени мало зараженъ самомнѣніемъ, столь невысокаго понятія о силахъ своего собственнаго ума, что согласенъ учиться у кого угодно и всѣхъ выслушиваетъ равно внимательно: ученый профессоръ, свѣтская дама, безграмотный мужикъ, крѣпостникъ-помѣщикъ, священникъ, ключница Агафья Михайловна и проч. и проч.—всѣ они находятъ въ Левинѣ не наблюдателя только, а именно покорнаго ученика, который готовъ воспріять свѣтъ, откуда бы онъ ни шелъ. Не его вина, если всѣ эти попытки оказываются напрасными, если въ результатѣ ихъ получается только обоюдное недоумѣніе, а у Левина кромѣ того и осадокъ горечи на душѣ, какой-то безпредметной досады не то на себя, не то на людей. Левинъ готовъ учиться и готовъ слушаться, но учиться тому, что дѣйствительно ему нужно, и слушаться только того, кто въ силахъ внести успокоеніе и миръ въ его разстроенный, мятущійся духъ. Для этого скромнаго, недовѣрчиваго къ себѣ человѣка ничего не значатъ и ничего не говорятъ обязательные для всѣхъ насъ авторитеты. Авторитетъ науки, авторитетъ историческаго факта, авторитетъ общепринятаго мнѣнія, авторитетъ логическихъ доводовъ, авторитетъ умственной силы, — все это для него мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій, все это «не то», потому что все это не затрогиваетъ его совѣсти, не даетъ того, «безъ чего жить нельзя», говоря его собственнымъ выраженіемъ.

Эта умственная самостоятельность при кажущейся безпомощности и эта нравственная самобытность при кажущейся готовности подчиниться любому вліянію, разумѣется, прекрасны, говоря безотносительно. Но какъ Калхасъ находилъ, что «слишкомъ много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ», такъ и мы позволимъ себѣ замѣтить, что тутъ «слишкомъ много *я*, слишкомъ много *я*». Чѣмъ то аристократически-эгоистическимъ отдаетъ отъ этой неугомонной заботы о *себѣ*, о *своемъ* умиротвореніи и просвѣтленіи. Но Левинъ человѣкъ прямодушный и не боится поставить точку надъ і, не боится «сознаться въ недостаткѣ, который онъ зналъ за собой, *въ равнодушіи къ общему благу*» (X, 20). Смѣлость похвальная, но недостатокъ (не слишкомъ ли это маленькое слово для такой большой вещи?) остается недостаткомъ. Дѣло въ томъ, что Левинъ, какъ это ни кажется страннымъ, не знаетъ жизни, а знаетъ только нѣкоторыя и притомъ не главныя ея стороны. Его несчастіе въ

томъ, что онъ, можно сказать, обремененъ счастіемъ. Если бы лермонтовскій демонъ пообѣщалъ ему, какъ Тамарѣ, «дать все, все земное», онъ могъ бы отвѣтить: не трудись, пожалуйста, я имѣю все, что ты можешь дать и даже больше того. А человѣческая натура капризна и человѣкъ, какъ извѣстно, цѣнитъ только то, что имъ самолично пріобрѣтено, и дорожитъ только тѣмъ, что взято имъ съ бою. Если у человѣка есть все, чего другіе люди добиваются, и если это «все» далеко не даетъ ему полнаго счастья, то не въ правѣ ли онъ заключить, что люди бьются по-пусту? Если «общее благо» есть благо всѣхъ и каждаго и если это послѣднее благо есть сумма тѣхъ выгодъ и удобствъ, которыми я давно владѣю и и которыя мнѣ давно прискучили — то стоитъ ли хлопотать ради этого пресловутаго «общаго блага»? Люди не замѣчаютъ, что они трудятся и борются ради иллюзій, не замѣчаютъ единственно потому, что они еще не обладаютъ, а только стремятся, только ищутъ обладанія. Что касается меня, я имѣю въ своемъ распоряженіи все, чего добиваются люди и знаю и по личному опыту, что это «все счастья не даетъ. Я равнодушенъ къ своему личному благу, я имѣю потому право быть равнодушнымъ и къ «общему благу».

Вотъ психологическое и логическое объясненіе равнодушія Левина. Но, какъ читатель понимаетъ, отсюда еще очень далеко до нравственнаго оправданія. Хорошо пообѣдавшій человѣкъ равнодушенъ къ обѣденнымъ остаткамъ и даже къ новому изысканному обѣду и физіологія можетъ прекрасно объяснить это его равнодушіе, но, однако, что сказали бы мы объ этомъ гастрономѣ, если бы онъ, поковыряя въ зубахъ, сталъ увѣрять голодныхъ людей, что всѣ супы и паштеты на свѣтѣ не болѣе какъ «иллюзія»? Вѣроятно мы нашли бы для него очень энергичныя выраженія, и никто не посмѣлъ бы упрекнуть насъ въ грубости или въ нетерпимости. Левинъ, впрочемъ, предусмотрительно запасся оправданіями. Дѣло въ томъ, что «чѣмъ больше онъ узналъ брата, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что и Сергѣй Ивановичъ и многіе другіе дѣятели для общаго блага — не сердцемъ были приведены къ этой любви къ общему благу, но умомъ разсудили, что заниматься этимъ хорошо и только потому занимались этимъ. Въ этомъ предположеніи утвердило Левина еще и то замѣчаніе, что братъ его нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ, чѣмъ о шахматной партіи» (X, 8).

Прочитавши это, такъ называемое, оправданіе, мы готовы спросить — серьезно говоритъ Левинъ или только невесело и неостроумно шутитъ? Допустимъ, что «многіе дѣятели», не вслѣдствіе велѣній сердца, а вслѣдствіе требованій ума работаютъ ради общаго блага: развѣ этимъ рѣшается вопросъ о важности, законности, разумности этого «общаго блага», какъ общественнаго идеала? А вѣдь вопросъ въ этомъ только и заключается. «Не сердцемъ были приведены, но умомъ разсудили»—такъ что же? Это доказываетъ только то, что у нихъ нечувствительное, неотзывчивое сердце и хорошій здоровый, развитой умъ, который и вывелъ ихъ на надлежащую дорогу. Вернемся къ нашему сравненію. Я плотно пообѣдалъ и не понимаю страданій голода; сердце ровно ничего не говоритъ мнѣ за голодающихъ, я не испытываю къ нимъ никакого чувства, мнѣ ихъ не жаль нисколько, но я однако «умомъ разсудилъ» и изъ физіологіи узналъ, что человѣку необходима пища, что недостатокъ ея грозитъ людямъ истощеніемъ и медленною смертью и я, въ силу этого, не могу относиться ни равнодушно, ни иронически къ требованію голодными пищи для себя. Отъ этого стыда и позора меня удержитъ по крайней мѣрѣ мое *знаніе*, если ужъ у меня, по пушкинскому выраженію, «сердце косматое», если ужъ я неспособенъ къ столь элементарному и естественному чувству, какъ простое состраданіе. Что же касается до того, что Кознышевъ «нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ, чѣмъ о шахматной игрѣ», то это опять таки ничего не говоритъ противъ самаго принципа общаго блага, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что этому принципу, какъ и всякому другому, можно служить хорошо и можно служить дурно. Кознышевъ служитъ дурно, но это не дѣлаетъ чести только лично ему, а не принципу, который никакъ нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за всѣ слабости и грѣхи исповѣдающихъ его людишекъ и людей.

Левину нечего желать для себя, а къ желаніямъ и стремленіямъ другихъ, къ «общему благу» онъ равнодушенъ: что остается дѣлать ему? Чѣмъ, какимъ содержаніемъ, какой работой наполнить ему свою, столь повидимому счастливую, но въ сущности пустую, безцѣльную жизнь? Бѣднякъ хлопочетъ о пріобрѣтеніи достатка; больной лечится; незнающій—учится; влюбленный добивается взаимности; карьеристъ дѣлаетъ свою карьеру; общественный дѣятель работаетъ на пользу общую. Всѣ эти пути для Левина заказаны.

Онъ богатъ, здоровъ и ученъ, онъ счастливый семьянинъ, онъ не нуждается ни въ какой карьерѣ, а работать на общую пользу онъ и радъ бы, да никакъ не можетъ, во-первыхъ, рѣшить, гдѣ нужно ее искать, а во-вторыхъ, не можетъ понять, зачѣмъ ему, именно ему, Константину Левину, эта общая польза? Если бы это недоумѣніе или недоразумѣніе осталось именно на уровнѣ простого недоумѣнія—и толковать было-бы не о чемъ: мало-ли чего люди не понимаютъ и на всякое чиханье не наздравствуешься. Но Левинъ возводитъ свое недоумѣніе какъ-бы въ нѣкоторый принципъ, на почвѣ этого недоумѣнія строитъ свои общественные взгляды. Мы сгруппируемъ въ одну цитату, въ одну «глубоко-прочувствованную рѣчь» наиболѣе характерныя мѣста изъ его спора съ Кознышевымъ, причемъ безцвѣтныя реплики послѣдняго оставимъ совсѣмъ въ сторонѣ. Убѣдительно просимъ читателя серьезно вникнуть въ дѣло.

«Левинъ разгорячился и высказалъ невольно главную причину своего равнодушія къ общему дѣлу. Можетъ быть все это хорошо, сказалъ онъ; но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школъ, куда я своихъ дѣтей не буду посылать, куда и крестьяне не хотятъ посылать дѣтей, и я еще не твердо вѣрю, что нужно ихъ посылать? Я думаю, что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастье. Теперь, въ земскихъ учрежденіяхъ я, какъ дворянинъ, не вижу ничего, что бы содѣйствовало моему благосостоянію. Дороги не лучше, и не могутъ быть лучше; лошади мои везутъ меня и по дурнымъ. Доктора и пункта мнѣ не нужно. Мировой судья мнѣ не нуженъ,—я никогда не обращаюсь къ нему и не обращусь. Школы мнѣ не только не нужны, но даже вредны. Для меня земскія учрежденія—просто повинность платить восемнадцать копѣекъ съ десятины, ѣздить въ городъ, ночевать съ клопами и слушать всякій вздоръ и гадость,—а личный интересъ меня не побуждаетъ. Освобожденіе крестьянъ было другое дѣло. Тутъ былъ личный интересъ. Хотѣлось сбросить съ себя это ярмо, которое давило насъ, всѣхъ хорошихъ людей. Я только хочу сказать, что тѣ права, которыя меня... мой интересъ затрагиваютъ, я буду всегда защищать всѣми силами. Я понимаю военную повинность, которая затрагиваетъ судьбу моихъ дѣтей, братьевъ и меня самого; я готовъ обсуждать то, что меня касается, по судить, куда распредѣлить сорокъ тысячъ земскихъ денегъ, или Алешу-дурачка судить,—я не понимаю и не могу. Я не буду судиться. Я никогда не зарѣжу, и мнѣ этого не нужно» (X, 16).

Не правы-ли мы были, пародируя Калхаса? Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ мѣстоименіе *я* употреблено въ разныхъ падежахъ около *тридцати* разъ по нашему счету. Не въ томъ однако-же дѣло, а въ томъ, что эти безпрестанныя я, меня, мнѣ, не простая,

случайная форма, а вѣрнѣйшее выраженіе того эгоцентрическаго взгляда, которымъ проникнутъ Левинъ. Не съ непріятнымъ эготизмомъ встрѣчаемся мы тутъ, а съ самымъ крайнимъ эгоизмомъ и индивидуализмомъ. «Можетъ быть все это хорошо, но мнѣ то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи» этого хорошаго, если *я* въ немъ не нуждаюсь, если *мнѣ* оно ни къ чему, если *мною* все уже и безъ того добыто? Вотъ формула Левина. «Я думаю, говоритъ онъ, что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастье», и конечно это аксіома. Но неужели личное счастье есть непремѣнно личная выгода, личное удобство, личный барышъ? Неужели помощь ближнему, забота о чужихъ интересахъ вредитъ личному счастью? Вѣдь даже язычество съумѣло возвыситься до пониманія прекраснаго принципа—«я человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ»,—такъ неужели-же мы, христіане, послѣдователи ученія о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, о самоотверженіи, какъ о долгѣ, о помощи другимъ, какъ о высшемъ и лучшемъ счастьи—неужели мы не въ состояніи понять этого? Левинъ точно не въ состояніи. Даже отмѣна крѣпостного права радуетъ его не за другихъ, не за народъ, а за себя, за рабовладѣльца, радуетъ не потому, что милліоны такихъ-же, какъ и онъ, людей получили наконецъ возможность жить по человѣчески, пріобрѣли тѣ элементарныя права, безъ которыхъ нельзя жить, какъ безъ воздуха,—реформа радуетъ его потому, что сняла съ *его* плечъ «ярмо», ярмо, «которое давило насъ, хорошихъ людей». Хорошіе люди! Чѣмъ-же они хороши? Тѣмъ, конечно, что чувствовали нѣкоторую нравственную неловкость отъ своего права располагать людьми, какъ вещами, нѣкоторый стыдъ за свои неправыя преимущества. Ну, а если-бы не чувствовали? Тогда, значитъ, никакого «ярма» не было-бы и въ уничтоженіи крѣпостного права, съ точки зрѣнія Левина, не предстояло-бы, очевидно, ни малѣйшей надобности...

Возмутительная безнравственность рѣчей Левина равняется только ихъ логической несостоятельности. Эта шкурная, чисто волчья, звѣриная мораль была-бы страшна, если-бы не была прежде всего смѣшна, если-бы грубѣйшимъ образомъ не противорѣчила и исторіи, и жизни, и кореннымъ свойствамъ человѣческой природы. Какъ дѣлалась и дѣлается исторія и кѣмъ именно дѣлается? Именно тѣми людьми, которые больше и полнѣе другихъ проникнуты идеей общаго блага. О чемъ, о своемъ личномъ или объ

общемъ благѣ, хлопочетъ законодатель, когда, возбуждая противъ себя иногда цѣлую бурю явнаго и скрытаго недовольства, проводитъ въ жизнь справедливую реформу? Какія побужденія заставляютъ мученика науки мерзнуть у полюса, жариться у экватора, рисковать своею жизнью и въ чумныхъ и холодныхъ баракахъ, морить себя голодомъ, прививать себѣ разные яды? А эти безчисленные новаторы—религіозные, соціальные; научные и всякіе другіе—личный-ли интересъ подвигалъ ихъ на дѣло, шкурные-ли мотивы сообщали имъ это величественное безстрашіе, съ которымъ они «несли крестъ свой» вплоть до инквизиціоннаго костра? Можетъ-ли быть все это неизвѣстно Левину? Не можетъ, конечно, и все онъ это знаетъ не хуже насъ, но онъ видитъ и не вѣритъ, слышитъ и не хочетъ уразумѣть. Все это люди этого сорта дѣлаютъ потому, что «умомъ разсудили», а «не сердцемъ были приведены», по мнѣнію Левина. Не клевещите на человѣческую природу, не клевещите на себя, отвѣтимъ мы. Вы, по собственному вашему признанію, чувствовали на себѣ «ярмо» крѣпостного права, т. е. чувствовали свою неправоту: это и есть голосъ совѣсти, голосъ въ человѣкѣ того божественнаго начала, которое ставитъ насъ выше волка, знающаго только себя, да свою волчицу, да своихъ волчатъ. Мы не говоримъ Левину: не судите по себѣ. Нѣтъ, мы именно попросили бы его *по себѣ судить* и спросить себя, какія душевныя силы заставляютъ его помогать мужикамъ-сосѣдямъ и деньгами и совѣтами, ломать голову надъ писаніемъ труднаго сочиненія о положеніи русскаго рабочаго, сносить рѣзкія и несправедливыя выходки больного, живо интересоваться теченіемъ дѣла въ Россіи и заграницей и т. д. и т. д. «Свое собственное личное удовольствіе», отвѣтитъ намъ Левинъ и мы безпрекословно согласимся съ нимъ. Но пусть же онъ будетъ послѣдователенъ и въ свою очередь, на основаніи собственнаго внутренняго свидѣтельства, согласится съ нами, что «личное удовольствіе» можно находить не въ личныхъ заботахъ, что насъ могутъ радовать чужія радости и печалить чужія печали, что жить для другихъ значитъ, или по крайней мѣрѣ можетъ значить, жить для себя. И тѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ онъ ближе къ Богу, тѣмъ онъ болѣе достоинъ, по прекрасному выраженію поэта, «святѣйшаго изъ званій—человѣкъ!», чѣмъ крѣпче и полнѣе онъ съумѣлъ отождествить общіе интересы съ своими собственными. Это азбука морали, но это-же и вѣнецъ философіи. А

въ практическомъ, въ житейскомъ смыслѣ, право, не стоитъ много допытываться, умомъ-ли разсудилъ или сердцемъ постигъ человѣкъ идею солидарности человѣческихъ интересовъ: если онъ дѣйствуетъ въ духѣ этой идеи, мы удовлетворены, мы больше ничего не требуемъ, предоставляя разбираться въ интимныхъ мотивахъ дѣятельности этого человѣка психологамъ, моралистамъ, поэтамъ, біографамъ...

Добрый человѣкъ (Левинъ—человѣкъ несомнѣнно добрый), пришедшій головнымъ путемъ къ такимъ истинно-жестокимъ выводамъ, долженъ почувствовать себя очень дурно. Левинъ не фразеръ; его недоумѣніе искренно, его воззрѣнія не «бравады субъективности» (выраженіе Бѣлинскаго о Катковѣ), не выраженіе суетнаго желанія пооригинальничать—это изліяніе человѣка съ сердцемъ любвеобильнымъ и умомъ смѣлымъ и неподкупнымъ, но человѣка, потерявшагося въ пустынѣ одиночества, утратившаго сознаніе своей кровной связи съ людьми, съ обществомъ, съ народомъ. «Зачѣмъ вы мнѣ? Зачѣмъ я вамъ?» этими двумя вопросами, обращенными къ намъ, можно резюмировать всю сущность скептическихъ рѣчей Левина. Не находя отвѣта на эти вопросы, такого отвѣта, противъ котораго уму и разсудку совсѣмъ было бы нечего возразить, Левинъ въ то же время не можетъ успокоиться ни на эпикурействѣ—онъ выше его — ни превратиться въ мизантропа — человѣконенавистника,—онъ слишкомъ добръ и любящъ для этого, — ни погрузиться въ безропотный и безотвѣтный фатализмъ,—онъ слишкомъ привыкъ къ анализу. Повторяется старая исторія, встаютъ старые, грозные вопросы:

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Мы приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ разговора Левина съ Облонскимъ, отрывокъ, въ которомъ новое настроеніе Левина выразилось съ особенною рельефностью.

«Я не перестаю думать о смерти, — сказалъ Левинъ. Правда,

что умирать пора. И что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: я мыслью своею и работой ужасно дорожу, но въ сущности ты подумай объ этомъ: вѣдь весь этотъ міръ нашъ — это маленькая плѣсень, которая наросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что-нибудь великое—мысли, дѣла! Все это песчинки.

— Да это, братъ, старо, какъ міръ!

— Старо, но знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ-то все дѣлается ничтожно. Когда поймешь, что не нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то такъ все ничтожно! И я считаю очень важною свою мысль, а она оказывается также ничтожною. Такъ и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой, чтобы только не думать о смерти». (X, 216).

Для людей здоровыхъ, прозаическихъ, такъ сказать земныхъ— для насъ съ вами, читатель, — всѣ эти аллегоріи, всѣ эти высокія грусти и превыспреннія сѣтованія не имѣютъ ровно никакой цѣнности. А конечно, Левинъ правъ. Конечно — «суета суетъ и всяческая суета!» Конечно,

Когда-нибудь настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со всѣмъ, что въ немъ находится понынѣ—
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя...
И сами мы вещественны какъ сны,
Изъ насъ самихъ родятся сновидѣнья,
И наша жизнь лишь сномъ окружена.

Все это истинная правда, но какое намъ дѣло до этой истинной правды? Для людей отжившихъ, для тѣхъ, у кого впереди можетъ быть только одна цѣль и одна надежда—умереть съ достоинствомъ, безъ жалобъ, безъ нытья, эта идея о тлѣнности всего земного быть можетъ утѣшительна, потому что на людяхъ и смерть красна. Но вѣдь предъ нами еще вопросъ о жизни, а не вопросъ о смерти. «Великій шаръ земной исчезнетъ, слѣда не оставляя»— это дѣло земного шара, а наше дѣло и наша задача состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно толковѣе, честнѣе, чище, счастливѣе прожить тѣ 10—20—30 лѣтъ, которыя предстоятъ намъ. А для этого намъ нужны руководящіе принципы, а не похоронные гимны;

нужны знанія, а не вздохи; идеи, а не поэтическія фантазіи. Если идея, какъ бы ни была красива или даже грандіозна ея внѣшность, не можетъ имѣть ровно никакого жизненнаго примѣненія, мы съ совершенно спокойнымъ духомъ можемъ сдать ее въ архивъ или поставить подъ стекло, какъ красивую игрушку. Положимъ, мы живемъ не только для настоящаго, для себя, но для будущаго, для другихъ, будетъ ли этимъ «другимъ» все человѣчество, или—поменьше— родное общество, или—еще поменьше — родная семья и если бы мы *знали*, что вскорѣ послѣ насъ «великій шаръ земной исчезнетъ безъ слѣда» вмѣстѣ съ нашими, еще не истлѣвшими тѣлами и съ нашими, еще не позабытыми, дѣлами — у насъ, нѣтъ сомнѣнія, опустились бы руки и пропала бы энергія. Но вѣдь мы *знаемъ* нѣчто совершенно иное.

Упорно работая мыслью въ этомъ безнадежномъ направленіи, Левинъ сталъ въ такое противорѣчіе съ требованіями своей прекрасной нравственной организаціи, борьба жизненныхъ инстинктовъ съ буддійскими мыслями о нирванѣ до того, наконецъ, обострилась, что тотъ или иной исходъ изъ невыносимаго состоянія сдѣлался совершенно необходимъ. «Онъ былъ не свой человѣкъ, говоритъ о немъ Толстой, и пережилъ ужасныя минуты». «Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь — жить нельзя. А знать я этого не могу, слѣдовательно нельзя жить» говорилъ себѣ Левинъ.

«Въ безконечномъ времени, въ безконечности матеріи, въ безконечномъ пространствѣ выдѣляется пузырекъ — организмъ и пузырекъ этотъ подержится и лопнетъ, и пузырекъ этотъ—я.

Это была мучительная неправда, но это былъ единственный, послѣдній результатъ вѣковыхъ трудовъ мысли человѣческой въ этомъ направленіи.

Но это не только была неправда, это была жестокая насмѣшка какой-то злой силы, злой, противной и такой, которой нельзя было подчиняться. Надо было избавиться отъ этой силы. И избавленіе было въ рукахъ каждаго. Надо было прекратить эту зависимость отъ зла. И было одно средство—смерть.

И счастливый семьянинъ, здоровый человѣкъ, Левинъ былъ нѣсколько разъ такъ близокъ къ самоубійству, что спряталъ шнурокъ, чтобы не повѣситься на немъ, и боялся ходить съ ружьемъ, чтобы не застрѣлиться» (XI, 358).

Необходимо замѣтить, что сложный и глубокій процессъ, про-

исходившій въ душѣ Левина, изображенъ Толстымъ довольно блѣдно и во всякомъ случаѣ неполно, недостаточно. Очень мало интересныя, любовныя, ревнивыя терзанія Анны Карениной изображены несравненно тщательнѣе. Всякому, конечно, свои слезы солоны и съ индивидуально-нравственной точки зрѣнія нельзя безъ участія отнестись къ страданіямъ Анны, силу и искренность которыхъ она доказала своимъ трагическимъ концомъ. Но отъ сострадательнаго участія до сочувствія—дистанція огромнаго размѣра. Анна шумливая и гнѣвливая, но тѣмъ не менѣе безпрекословная потому, что безсознательная *жертва*, тогда какъ тихій и кроткій Левинъ, думающій свою думу безъ шуму—*борецъ*. Анна Каренина мечется изъ стороны въ сторону, колотится головой объ стѣны, тогда какъ Левинъ, хотя и съ тоскою, со смертнымъ страхомъ въ душѣ, ищетъ выхода изъ лабиринта, въ который онъ попалъ. Анна для посторонняго человѣка—это больной, пораженный антоновымъ огнемъ; Левинъ—это больной, въ недугѣ котораго есть симптомы, заставляющіе опасаться приближенія эпидеміи. Судьбой Анны мы интересуемся просто по человѣчеству: судьбой Левина мы интересуемся какъ своимъ собственнымъ дѣломъ, интересуемся по чувству самосохраненія, за себя, за своихъ близкихъ, за свое общество.

Еще разъ: что такое Левинъ? Это совѣстливый, гуманный, кроткій, любвеобильный человѣкъ, исповѣдующій и проповѣдующій самыя безсовѣстныя, безчеловѣчныя, жестокія, звѣрски-ненавистническія воззрѣнія. «Человѣкъ человѣку — волкъ» — вотъ коренной принципъ этого человѣка, который, однако же, гораздо болѣе походитъ на ягненка, нежели на волка. По своимъ идеямъ, онъ готовъ сожрать весь міръ, а по своимъ чувствамъ онъ готовъ отдать съ себя послѣднюю рубашку. Прямодушный и искренній, онъ не боится никакихъ выводовъ, никакихъ «послѣднихъ словъ» науки (т. е. того, что ему кажется наукой), не хочетъ знать никакихъ компромиссовъ и безъ всякихъ колебаній сдергиваетъ покрывало, скрывающее таинственную «Истину». Но вмѣсто богини, которую онъ надѣялся увидѣть, вмѣсто идеальной, неземной красоты, онъ своими помутившимися глазами усмотрѣлъ какое-то чудовище, какого-то Ваала, съ страшными, окровавленными устами и съ мертвыми, безчувственными очами. И для этого-то жить, этому-то служить, передъ этимъ преклоняться?!

Вотъ основной мотивъ страшнаго душевнаго состоянія Левина

въ этомъ фазисѣ его развитія, мотивъ, около котораго сплетаются и группируются другіе, менѣе важные психическіе мотивы, общій характеръ которыхъ однако таковъ, что только все усиливаетъ и усиливаетъ господствующій тонъ. Тутъ и боязнь смерти, мысль о которой неотступно ползетъ въ голову, не та старческая боязнь, которая представляетъ собою болѣе физіологическое, нежели психологическое явленіе, какъ простая агонія, а боязнь *безсмысленности смерти* фатально-неизбѣжной и мучительной уже однимъ ея ожиданіемъ и въ то же время фатально-ненужной: вѣдь если жизнь, т. е. одна сторона медали, безсмысленна и ненужна, то столь же безсмысленна и ненужна и смерть — другая сторона той же самой медали. Тутъ, далѣе, и вынужденная «праздность ума», о которой говоритъ поэтъ, потому что нельзя же назвать умственною дѣятельностью переворачиванье на разныя манеры той мысли, что все на свѣтѣ семъ превратно, все на свѣтѣ коловратно, мысли столь же питательной для ума, сколько древесныя опилки питательны для желудка. Тутъ наконецъ и чрезмѣрный досугъ человѣка, которому не нужно зарабатывать свою жизнь, котораго не отвлекаютъ отъ его «неподвижной идеи» заботы о завтрашнемъ днѣ, о дѣлахъ, которыя нельзя отложить. Вѣдь и некрасовская героиня

Извелась бы, неутѣшная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спѣшная,
Надо десять дѣлъ кончать.

Никакой такой трудовой страды у Левина не было, и онъ могъ тиранить и распинать себя на всей своей полной волѣ. Катастрофа была близка и вѣроятна, но... «свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ».

XIV.

Сберегая мѣсто, мы не будемъ приводить здѣсь тотъ эпизодъ, который представляетъ собою поворотный пунктъ въ душевномъ настроеніи Левина. Сущность этого эпизода состоитъ въ томъ, что Левинъ, случайно разговорившись съ своимъ работникомъ, услыхалъ отъ него такую сентенцію: «люди разные, одинъ человѣкъ только для нужды живетъ, хоть бы Митюха, только брюхо набп-

ваетъ, а Ѳоканычъ правдивый старикъ. Онъ для души своей живетъ, Бога помнитъ». Левинъ былъ потрясенъ: «при словахъ» мужика о томъ, что Ѳоканычъ живетъ для души, по правдѣ, по Божью, неясныя, но значительныя мысли толпою какъ будто вырвались откуда-то изъ-заперти и всѣ, стремясь къ одной цѣли, закружились въ его головѣ, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ» (XI, 367).

Было бы не только банально, но и не справедливо иронизировать надъ тѣмъ, что мыслящій, умный, образованный человѣкъ получилъ «просіяніе своего ума» отъ безграмотнаго мужика. Слишкомъ понятно, что немудреныя слова рабочаго о Ѳоканычѣ были не причиною переворота, а только поводомъ къ нему, тою послѣднею крошечною каплею, которая переполнила давно уже наполненный сосудъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность душевнаго переворота Левина? За отвѣтомъ мы попросимъ читателя обратиться на первый разъ къ одному изъ нашихъ писателей, ничего общаго не имѣющаго съ Толстымъ—къ Достоевскому. Въ романѣ «Братья Карамазовы» читатель не забылъ конечно фигуру лакея Смердякова, который, глубоко проникнувшись нравственной теоріей Ивана Карамазова, доходитъ до страшнаго преступленія, до отцеубійства. Теорія эта состоитъ въ томъ, что никакого обязательнаго нравственнаго закона не существуетъ, что вопросъ жизни есть вопросъ только исключительно личнаго благополучія, и что, слѣдовательно,—такъ резюмировалась эта теорія Достоевскимъ—«*все дозволено*». Переходя отъ словъ къ дѣлу, отъ теоріи къ практикѣ, Смердяковъ, какъ человѣкъ не искушенный въ рефлексіи, долго не колебался и «*дозволилъ*» себѣ страшное преступленіе, дозволилъ, и... тотчасъ же, свидѣтельствомъ внутренняго своего сознанія, страшными муками внезапно пробудившейся совѣсти, уразумѣлъ, что *не* все дозволено, что есть въ человѣкѣ судья, который знаетъ и рѣшаетъ, что хорошо и что дурно и имѣетъ власть награждать за первое, давая намъ миръ души и право на самоуваженіе, и карать за второе, налагая на насъ каинскую печать внутренняго отверженія и разлада съ собой. Для Смердякова возврата не было, кровь вопіяла къ небу, и для него оставалось только одно средство уйти отъ нестерпимой нравственной казни—физически уничтожить себя, что онъ и не замедлилъ сдѣлать.

Въ силу особенностей своего мрачно-злобнаго и мелочно-мсти-

тельнаго дарованія, Достоевскій, для большаго уничиженія этой теоріи, сдѣлалъ ея творцомъ—маніака, а послѣдователемъ—глупаго, хотя и хитренькаго, лакея, самая фамилія котораго должна была указывать на смердящую душу ея несчастнаго обладателя. Но мы утверждаемъ, что въ психическомъ смыслѣ состояніе чистаго, симпатичнаго Левина, до его бесѣды съ работникомъ, было какъ разъ тѣмъ самымъ состояніемъ умственнаго и нравственнаго омраченія, въ которомъ находился и презрѣнный Смердяковъ *передъ* совершеніемъ его преступленія. Левинъ, какъ и Смердяковъ, глубоко проникся этой мыслью, что «все дозволено» и если ничего не сдѣлалъ въ духѣ этой теоріи, то потому, во-первыхъ, что еще не развязался окончательно съ критическими сомнѣніями, которыя безпрестанно у него возникали и которыхъ у Смердякова, по его умственной неразвитости, не было совсѣмъ, и потому, во-вторыхъ, что для него, человѣка съ тонкой и нѣжной нравственной организаціей, несравненно легче было совершить злодѣяніе надъ собой, нежели надъ другимъ. Но если бы Левинъ покончилъ съ собой, какъ покончилъ Смердяковъ—оба эти самоубійства имѣли бы одинъ и тотъ же источникъ—возмутившуюся совѣсть и были бы возмездіемъ за одно и то же преступленіе противъ нравственнаго закона, преступленіе, совершенное Левинымъ мыслью, а Смердяковымъ—кровавымъ дѣломъ.

Обратимся къ другому русскому писателю, занимающему въ нашей литературѣ столь же опредѣленную и своеобразную позицію, какъ и Толстой и Достоевскій—къ Тургеневу. Базаровъ, герой романа «Отцы и дѣти», всѣ мнѣнія и дѣйствія человѣческія сводитъ исключительно къ ощущеніямъ. «Почему я отрицаю? Почему ты любишь яблоки? Почему я люблю химію? Все въ силу ощущенія. Мой мозгъ такъ устроенъ, что мнѣ пріятно отрицать—и баста! Дальше этого люди никогда не проникнутъ». Что же, спрашиваетъ молодой Кирсановъ и честность ощущеніе? «Еще бы!» отвѣчаетъ Базаровъ и когда Кирсановъ печально протягиваетъ—«Евгеній!»—Базаровъ съ неумолимой логичностью прибавляетъ: «не нравится? Нѣтъ, братъ, если рѣшился все коспть, валяй и себя по ногамъ».

Ничего общаго между Смердяковымъ (или, если угодно, Иваномъ Карамазовымъ), Базаровымъ и Левинымъ въ нравственномъ отношеніи нѣтъ. Но развѣ ихъ теоріи не родственны между собою?

Болѣе того, развѣ это не одна и та же теорія, выраженная въ различныхъ формулахъ? «Все дозволено» Смердякова, «честность—ощущеніе» Базарова, «законно и разумно только личное благо» Левина—все это даже не варіаціи на одну и ту же тему, это простые перенѣвы, простыя повторенія основной темы. Если критеріемъ явленій служатъ наши ощущенія, то Базаровъ правъ, занимаясь химіей, къ которой его влечетъ, какъ онъ былъ бы правъ, если бы по сердечному влеченію занялся разбиваніемъ обозовъ на большихъ дорогахъ; точно также правъ и Смердяковъ, когда его «повлекло» къ чужимъ деньгамъ и онъ убилъ ради нихъ человѣка, въ такой же точно степени правъ и Левинъ, когда говоритъ объ общемъ благѣ: «мнѣ не кажется важнымъ, не забираетъ меня, что-жъ ты хочешь?». «Мнѣ нравится, мнѣ не нравится»—тутъ и этика, тутъ и философія, тутъ и наука, тутъ и религія этихъ людей, изъ которыхъ одинъ—матеріалистъ, другой—идеалистъ, съ хорошею примѣсью скептицизма и гамлетовской рефлексіи, третій хотя и ходитъ въ сюртучкѣ, разсуждаетъ о политикѣ и играетъ на гитарѣ, но въ сущности тотъ же непосредственный мужикъ Митюха, который «только брюхо себѣ набиваетъ». Люди различныхъ общественныхъ слоевъ, различнаго темперамента и нравственнаго склада, различнаго, какъ по степени, такъ и по содержанію, образованія, различныхъ умственныхъ теченій и даже различныхъ поколѣній, тѣмъ не менѣе встрѣчаются на одной и той же интеллектуальной и нравственной почвѣ и съ полнымъ правомъ могутъ подать другъ другу руки, какъ вполнѣ между собою солидарные единомышленники! Не замѣчательно-ли это, въ самомъ дѣлѣ? И не имѣли-ли мы права говорить о недугѣ Левина не какъ о его личномъ, случайномъ несчастіи, а какъ о показателѣ общей эпидеміи?

Читатель понимаетъ, что когда я говорилъ, что Базаровъ, Смердяковъ и Левинъ *правы*, я просто хотѣлъ сказать, что они *логичны*, т. е. правы съ усвоенной ими основной точки зрѣнія. Но много-ли правды въ самой этой точкѣ—это совершенно другой вопросъ, къ которому мы теперь и подходимъ. Базарова приходится оставить въ покоѣ: онъ неуязвимъ, его позиція совершенно неприступна. Это одинъ изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, для которыхъ личное счастье и общее благо—одно и то же. Благодаря изумительной стройности, цѣльности и пропорціональности своей умственной и нравственной организаціи, онъ можетъ вполнѣ безбоязненно отда-

ваться своимъ вкусамъ, своимъ «ощущеніямъ», въ полной увѣренности, что никакого зла отъ этого не произойдетъ. Его влечетъ къ химіи: не ясно-ли, что съ какимъ-бы эгоистическимъ самоуслажденіемъ онъ ни предавался этому своему влеченію—мы, общество, будемъ отъ этого въ чистыхъ барышахъ. Въ силу этого Базаровъ и живетъ припѣваючи, безъ всякихъ угрызеній и жилъ бы такъ до сихъ поръ, если-бы Тургеневу не заблагоразсудилось уморить его. Но Левинъ и Смердяковъ несутъ кару; одинъ изъ нихъ повѣсился, другой пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься. За что же эта кара? За то, что они не поняли себя, за то, что они поругали въ себѣ человѣка; за то, что они, люди, вообразили себя звѣрями. Оставимъ въ сторонѣ Смердякова: темный, беззащитный, неразвитой умъ этого бѣдняка не могъ бороться съ встрѣтившейся ему *теоріей*, тѣмъ болѣе, что она отвѣчала его инстинктамъ, его жизненному идеалу: открыть въ столицѣ собственную кухмистерскую, готовить въ ней кушанье «спеціально» и, какъ Митюха, «набивать себѣ брюхо». Но Левинъ? Человѣкъ живетъ для *личнаго* счастья и въ правѣ хлопотать только объ удовлетвореніи *своихъ* потребностей—эти тенета, въ которыхъ билась мысль Левина, очевидно, распутываются какъ нельзя проще. Кто же, какой злой духъ, увѣрилъ васъ, бѣдный Константинъ Дмитріевичъ, что личное счастье есть эгоистическое матеріальное счастіе, что потребности человѣка—непремѣнно шкурныя, грубо-чувственныя потребности? Голодъ—ощущеніе вполнѣ реальное и потребность удовлетворить его—потребность какъ нельзя болѣе законная и естественная. Но голодъ души, протестъ неудовлетворенной совѣсти—это развѣ не реальное ощущеніе и потребность менѣе настоятельная, чѣмъ и любая изъ физическихъ потребностей? Левинъ ищетъ разрѣшенія своихъ сомнѣній и у Шопенгауера, и у Конта, и у Спенсера, и у Гартмана, но мы, право, сомнѣваемся,—знакомъ-ли онъ съ нашей художественной литературой? Ни одна европейская литература не отличается такимъ любовнымъ, высоко-человѣчнымъ характеромъ, какъ наша русская литература (и не одна только художественная)—въ этомъ ея лучшая гордость и высшая заслуга. Никто столько не занимался прекраснымъ дѣломъ реабилитированія человѣка и его человѣческаго достоинства, какъ именно русскіе писатели, никто съ такою яркостью и убѣдительностью не показывалъ, что въ самомъ, повидимому, падшемъ, «униженномъ и

оскорбленномъ» человѣкѣ все-таки, не смотря на деморализирующій гнетъ жизни, сохраняется и любовь къ добру, и чутье справедливости, и жажда полезной дѣятельности и всѣ лучшія человѣческія свойства. Это признанная заслуга нашей литературы и если бы Левинъ вдумался—чѣмъ призывать на помощь Шопенгауера и другихъ варяговъ—только въ ея картины и въ ея проповѣдь, онъ и безъ Ѳоканыча убѣдился бы, что въ человѣкѣ есть душа, есть совѣсть, есть Богъ. А русская литература и въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, служила только вѣрнымъ отраженіемъ жизни русскаго общества. Много недостатковъ у нашего общества, но его великое достоинство именно въ томъ, что оно мало заражено язвою индивидуализма, именно въ томъ, что принципъ «человѣкъ человѣку—волкъ» чрезвычайно туго прививается въ немъ, не смотря на всѣ благопріятствующія этому условія. Русскій человѣкъ (культурный и не культурный) по преимуществу *душевный* человѣкъ и вотъ именно въ немъ-то Левинъ и не могъ разыскать души, хоть и обращался за помощью въ этомъ дѣлѣ и къ англичанину Спенсеру, и къ французу Конту, и къ нѣмцу Шопенгауеру.

Далѣе, если бы Левинъ обратился къ нашей лирикѣ, которая, какъ выраженіе субъективнаго настроенія поэта, представляетъ чрезвычайно важное средство для уразумѣнія общественной психологіи, онъ опять-таки убѣдился бы, что угрызеніе совѣсти, покаянное самобичеваніе составляетъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ нашей поэзіи. Одинъ поэтъ говоритъ съ горечью:

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
И чѣмъ жилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей.

Другой поэтъ кротко жалуется:

Нѣтъ предѣла стремленію жадному...
Нѣтъ исхода труду безуспѣшному...
Нѣтъ конца и пути безотрадному...
Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

Третій приноситъ свое покаяніе со всею силою чувства, дошедшаго до границъ отчаянія:

Я пою тебѣ пѣснь покаянія.
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія

Всѣ позорныя пятна мои!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей!

Четвертый, наконецъ, прямо указываетъ на совѣсть, терзающую его какъ *палачъ:*

О, больно, больно мнѣ! Скорбитъ душа моя!
Казнитъ меня палачъ неумолимый—совѣсть!
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда, погибшей жизни повѣсть!

Мы брали эти примѣры истинно на удачу, на память, но даже они доказываютъ, что стремленіе къ общему благу, къ самопожертвованію ради этого блага и укоры себѣ за свое безсиліе и безволіе, нашли въ нашей поэзіи (а слѣдовательно и въ жизни, и въ обществѣ) яркое себѣ выраженіе. Это ли не проявленіе силы и чуткости нашего внутренняго самосознанія, нашей совѣсти? И тѣмъ не менѣе Левинъ никакъ не можетъ дознаться: что такое общее благо? Гдѣ моя совѣсть? Гдѣ ваша совѣсть? Чѣмъ люди живы? Онъ обшарилъ всю Европу и заглянулъ даже въ Индію и въ Китай, разыскивая потерянныя рукавицы и только дома, благодаря Ѳоканычу замѣтилъ, что рукавицы все время были у него за поясомъ.

Пора однако посмотрѣть поближе на тѣ «значительныя мысли», которыя «толпою какъ будто вырвались откуда то изъ заперти и, всѣ стремясь къ одной цѣли, закружились въ головѣ Левина, ослѣпляя его своимъ свѣтомъ». Это Толстой говоритъ; это онъ называетъ «значительными» мысли своего героя. Правъ ли онъ—это пусть разсудитъ читатель, которому мы представимъ сейчасъ подлинные документы, разумѣется, сопровождая ихъ нашими комментаріями.

Значительная мысль № 1: «Ѳедоръ говоритъ, что Кирпловъ дворникъ живетъ для брюха. Это понятно и разумно. Мы всѣ, какъ разумныя существа, не можемъ иначе жить какъ для брюха. И вдругъ тотъ же Ѳедоръ говоритъ, что для брюха жить дурно, а надо жить для правды, для Бога, и я съ намека понимаю его! Я со всѣми людьми имѣю только одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ—оно внѣ

его и не имѣетъ никакихъ причинъ и не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Если добро имѣетъ причину, оно уже не добро, если оно имѣетъ послѣдствіе—награду, оно тоже не добро. Стало быть добро внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій». Если читатель понимаетъ эту мысль Левина, то мы ему завидуемъ, потому что сами лишены этого удовольствія. Мы не понимаемъ, во первыхъ, почему добро, *какъ понятіе,* находится «внѣ разума» и внѣ его контроля? Во-вторыхъ, не понимаемъ, почему добро, *какъ явленіе,* ставится «внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій?» Понятіе добра не абсолютно, его содержаніе можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ многихъ факторовъ и между прочимъ находится въ зависимости именно отъ *разума,* отъ степени умственнаго развитія субъекта. Ѳедоръ человѣкъ добрый и Левинъ человѣкъ добрый. Но Ѳедоръ «учитъ» свою жену возжами, полѣномъ и кулакомъ, находя, конечно, что это очень хорошо, тогда какъ Левинъ учить такими средствами свою Кити не согласится: откуда эта разница? Не отъ разницы ли умственнаго развитія высокообразованнаго Левина и безграмотнаго Ѳедора? Далѣе, добро какъ явленіе, какъ фактъ, какъ выраженіе личной или коллективной воли, нельзя и мыслить иначе, какъ именно въ ряду другихъ явленій, въ «цѣпи причинъ и слѣдствій». Левинъ ухаживалъ за своимъ больнымъ братомъ, помогалъ ему, облегчалъ его страданія: все это безспорно дѣло доброе. Но развѣ это доброе дѣло не имѣло причины — въ чувствѣ любви Левина къ своему брату? И развѣ это доброе дѣло не имѣло послѣдствій— для больного — въ видѣ облегченія отъ страданій, для самого Левина — въ видѣ нравственнаго самоудовлетворенія? Да, мы не только не имѣемъ удовольствія понимать философію Левина, но рѣшаемся думать, что и самъ философъ не въ состояніи ее понять.

Значительная мысль № 2-й: «Откуда я взялъ это знаніе? Разумомъ что-ли дошелъ я до того, что надо любить ближняго и не душить его? Мнѣ сказали это въ дѣтствѣ, и я радостно повѣрилъ, потому что мнѣ сказали то, что было у меня въ душѣ. А кто открылъ это? Не разумъ. Разумъ открылъ борьбу за существованіе и законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній. Это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно» (XI, 372). Это, по крайней мѣрѣ, удобопонятно. Однако, позвольте: не сами ли вы говорили прежде, что Кознышевъ и ему подобные «не серд-

цемъ постигли, а умомъ поняли» необходимость и обязанность работать на пользу общую? Не значитъ ли это, что умъ, какъ умъ, и разумъ, какъ разумъ, совсѣмъ не неизбѣжно, не фатально приводятъ человѣка къ убѣжденію въ необходимости «душить всѣхъ» и что если есть люди, думающіе подобно Левину, то виноватъ въ этомъ не умъ вообще и не разумъ вообще, а лишь *ихъ* умъ, зашедшій за *ихъ* разумъ? Не для водевильнаго каламбура употребили мы это послѣднее выраженіе, а затѣмъ, чтобы назвать вещь достойнымъ ея именемъ. Да, только въ томъ состояніи хроническаго умопомраченія, въ которомъ находится Левинъ, можно серьезно утверждать, что разумъ возводитъ на степень мірового «закона» душегубство и людоѣдство. Бѣдный разумъ, бѣдная наука и трижды бѣдная дарвиновская теорія! Кто только не призываетъ всуе ваши имена и какихъ только глупостей не говорится отъ вашего будто бы лица! И опять-таки скажемъ, что если бы Левинъ, не ходя далеко, ознакомился поближе съ нашей публицистикой, съ русской соціологической литературой, онъ убѣдился бы, что зоологическая теорія и соціологическій законъ—два дѣла совершенно разныя. Именно въ нашей литературѣ раздавались особенно-энергическіе протесты противъ слишкомъ торопливыхъ обобщеній и за волосы притянутыхъ аналогій, именно у насъ, съ твердостью и стойкостью, достойными величайшей похвалы, защищалась та, на первый взглядъ еретическая, не научная мысль, что изученіе соціологіи, равно какъ и ея построеніе, должно совершаться по методу субъективному. А что такое субъективный методъ? Какой смыслъ въ этомъ требованіи и въ этой защитѣ субъективнаго метода? Смыслъ глубокій и совершенно тотъ же самый, какой мы раскрыли и въ нашей беллетристикѣ и въ нашей поэзіи: жажда гуманной правды, напоминаніе объ общемъ благѣ, какъ о непремѣнномъ и обязательномъ идеалѣ, требованіе справедливости—вотъ это какой смыслъ. Изучайте, наблюдайте, дѣлайте построенія, но будьте при этомъ *субъективны*, т. е. будьте *совѣстливы*. Человѣкъ не планета, не минералъ, не растеніе и человѣческое общество не ариѳметическая сумма и также не простой механическій агрегатъ индивидуумовъ. Какъ невообразимо измѣнился бы ходъ всемірной исторіи, еслибъ изъ нея вычеркнуть альтрюистическій элементъ! Въ зоологической борьбѣ за существованіе есть развитіе, но нѣтъ идеала; въ борьбѣ людей и человѣческихъ обществъ

присутствіе идеала очевидно и вліяніе его на наши дѣйствія не подлежитъ сомнѣнію. Исторія дѣлаетъ насъ, но и мы дѣлаемъ исторію.

Все это, впрочемъ, въ скобкахъ. Продолжая размышлять все на ту же тему о «плутовствѣ» и «мошенничествѣ» ума (размышлять—*чѣмъ?* хотѣли бы мы спросить. Животомъ или этимъ самымъ опозореннымъ умомъ?), Левинъ приходитъ къ заключенію, что вся умственная, философская дѣятельность человѣчества совершенно излишня. Это заключеніе представляетъ собою «значительную мысль» № 3-й и, къ нашему и читателя удовольствію, послѣднюю.

«Развѣ не то же дѣлаютъ всѣ теоріи философскія, путемъ мысли, страннымъ, несвойственнымъ человѣку, приводя его къ знанію того, что онъ давно знаетъ и такъ вѣрно знаетъ, что безъ того и жить бы не могъ? Развѣ не видно ясно въ развитіи теорій каждаго философа, что онъ впередъ знаетъ такъ же несомнѣнно, какъ и мужикъ Ѳедоръ, и ничуть не яснѣе его, главный смыслъ жизни и только сомнительнымъ умственнымъ путемъ хочетъ вернуться къ тому, что всѣмъ извѣстно. Ну-ка, пустите насъ съ нашими страстями, мыслями, безъ понятія объ единомъ Богѣ! Или безъ понятія того, что есть добро, безъ объясненія зла нравственнаго! Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что нибудь»! (XI, 373).

Очень хорошо. Допустимъ, что философская работа мысли приводитъ человѣка все къ тѣмъ же заключеніямъ, которыми онъ уже обладаетъ, къ тѣмъ понятіямъ, которыя онъ давно получилъ путемъ интуиціи. Изъ этого можно, очевидно, сдѣлать только тотъ выводъ, что работа ума безполезна, а отнюдь не тотъ, что эта работа вредна. Между тѣмъ, Левинъ, какъ мы видѣли, вмѣняетъ разуму открытіе «закона, требующаго того, чтобы душить всѣхъ», т. е. приписываетъ ему такіе выводы, которые также отличаются отъ интуитивныхъ понятій, какъ черное отъ бѣлаго. Не очевидное ли это противорѣчіе? Ужъ что нибудь одно изъ двухъ: или философы и вообще всѣ мыслящіе люди занимаются безвредными пустяками, именно ищутъ по всему бѣлому свѣту рукавицъ, которыя у нихъ за поясомъ—и тогда можно предоставить этимъ чудакамъ спокойно продолжать ихъ невинную умственную игру; или эта работа ума фатально сушитъ сердце, заглушаетъ въ человѣкѣ его человѣческіе инстинкты, убиваетъ его лучшія вѣрованія—и тогда нужно пріискать средство, чтобы оградить себя и другихъ отъ этой чумы. Предоставимъ Левину распутать это про-

тиворѣчіе какъ ему угодно и обратимся къ самой сущности дѣла. «Ну-ка, говоритъ Левинъ, пустите насъ съ нашими страстями безъ понятія того, что есть добро! Ну-ка, безъ этихъ понятій постройте что нибудь!». Ну-ка, отвѣтимъ мы, пустите вашего непосредственнаго человѣка въ сутолоку жизни безъ разумѣнія ея силъ, безъ пониманія ея общаго характера и общихъ (историческихъ и современныхъ) свойствъ. Ну-ка, поставьте вашего Ѳерапонтыча или вашего Ѳедора въ новыя, непривычныя для нихъ условія жизни, поиграйте на тѣхъ душевныхъ струнахъ ихъ, къ которымъ еще не было случая прикоснуться, затроньте ихъ тщеславіе, раздразните ихъ корыстолюбіе, пощекотите ихъ самолюбіе или сластолюбіе: смѣемъ васъ увѣрить, въ самое короткое время на вашихъ Ѳерапонтычахъ образа человѣческаго не останется. Вспомнимъ опять того же Смердякова. Жилъ человѣкъ, стряпалъ на кухнѣ, пѣлъ прекрасные романсы въ родѣ: «Царская корона! Была бъ моя милочка здорова!» слегка резонерствовалъ и прожилъ бы такъ весь свой вѣкъ—если бы не встрѣча съ человѣкомъ, который въ его глазахъ былъ великимъ авторитетомъ. Чѣмъ онъ могъ бороться противъ этого вліянія? Представь Иванъ Карамазовъ свои теоріи вамъ, мнѣ, читателю, — мы, люди умственно-развитые, посовѣтовали бы ему прибѣгнуть къ холоднымъ душамъ, а Смердяковъ, не умѣющій связать пары мыслей, понятія не имѣющій объ анализѣ, разумѣется былъ подавленъ, оглушенъ, ослѣпленъ. Что такое наши кулаки, наши «чумазые», наши Колупаевы и Разуваевы? Конечно, это люди самаго дѣвственнаго непосредственнаго чувства, люди, не знающіе никакихъ умственныхъ сомнѣній, никакой рефлексіи, люди вполнѣ цѣльные, не раздвоенные. А мы всетаки въ правѣ спросить — точно ли это *люди?* Это или чванные индюки, которыя всѣ свои прославляемыя Левинымъ интуиціи отдадутъ за чечевичную похлебку, за позолоченную цацу какую нибудь, или именно душегубы и людоѣды, для которыхъ «купонъ» гораздо дороже и важнѣе человѣка. Чего же имъ недостаетъ, чтобы быть въ самомъ дѣлѣ людьми, а не расфуфыренными болванами и не волками? Бездѣлицы: недостаетъ *разумѣнія* того, въ чемъ состоитъ истинное человѣческое достоинство, *пониманія,* въ чемъ заключается настоящее, прочное человѣческое счастіе, недостаетъ, однимъ словомъ, *сознанія.* Константинъ Дмитріевичъ Левинъ находитъ, что это-то и прекрасно и готовъ завидо-

вать этимъ глупорожденнымъ, но мы ужъ говорили и не будемъ повторять, что это зависть пресытившагося человѣка къ человѣку еще и не садившемуся за столъ.

Между физическимъ здоровьемъ, т. е. равновѣсіемъ нашихъ физическихъ силъ, нравственнымъ здоровьемъ, т. е. равновѣсіемъ нашихъ душевныхъ силъ, можетъ быть проведена почти полная аналогія. Есть люди горбатые, глухонѣмые, слѣпорожденные, точно также какъ есть люди по природѣ безсовѣстные, злые, бездушные. Эти случайныя или стихійныя уклоненія отъ нормы не мѣшаютъ однако же существованію самой нормы и не уничтожаютъ возможности и полезности гигіены. Гигіена тѣла учитъ насъ охранять свое физическое здоровье какъ отъ вліяній условій жизни, такъ и отъ вліяній стихійной среды. Таковъ же точно raison d'être и нравственной гигіены и такова же точно ея предупреждающая и охраняющая роль. Но гигіена — наука; она — плодъ разума, результатъ внимательнаго изученія силъ, дѣйствующихъ въ насъ и внѣ насъ. Такъ не будемъ же топтать этотъ столь благодѣтельный для насъ разумъ, не будемъ подкапываться подъ дубъ, на которомъ ростутъ нужные для насъ жолуди.

Дальше мы за Левинымъ не пойдемъ, потому именно, что онъ уходитъ очень далеко, куда мы не имѣемъ смѣлости за нимъ слѣдовать. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Есть тезисы, которыхъ нельзя доказать; но, разумѣется, нѣтъ такихъ тезисовъ, которыхъ бы нельзя было доказывать. При извѣстной гибкости ума и при извѣстной тонкости діалектики можно разсуждать о чемъ угодно, играть истиной, какъ ребенокъ резинкой. Но къ чему это? Древніе софисты разсуждали напр. такимъ образомъ: «жизнь принадлежитъ намъ, потому что она *намъ* дана; но жизнь принадлежитъ не намъ, потому что она намъ *дана*». Замысловато и остроумно, спору нѣтъ. Но именно о такой философіи и можно сказать словами Фамусова — «пофилософствуй — умъ вскружится». Великій противникъ софистовъ говорилъ о себѣ: я знаю только то, что ничего не знаю. Это говорилъ человѣкъ, который въ сферѣ діалектики и всѣхъ ея тонкостей былъ какъ дома, человѣкъ, для котораго и отвлеченная мысль со всѣми ея изгибами и слово со всѣми его изворотами были привычнымъ и послушнымъ оружіемъ. Софисты брались все объяснять и дѣйствительно объясняли и объясненія ихъ удовлетворяли невзыскательныхъ людей, а этотъ человѣкъ,

обладая всѣми тайнами софистическаго искусства, тѣмъ не менѣе говорилъ: ничего не знаю. На чьей сторонѣ было больше истины и достоинства—разсудить не трудно. «Богъ, скажемъ прекрасными словами Гюго, даровалъ человѣку два блага: надежду и невѣдѣніе будущаго. Послѣднее еще лучше перваго»...

Если бы направленіе Левина нужно было охарактеризовать однимъ словомъ, мы сказали бы, что онъ принадлежитъ къ «толстовцамъ», къ этой удивительной новоявленной партіи или сектѣ, которая, по удачному, не намъ принадлежащему выраженію, сидитъ въ кельѣ подъ елью и прислушивается къ шуму въ своихъ собственныхъ ушахъ. Да, все что мы нашли у Левина въ смутномъ, хаотическомъ, зачаточномъ состояніи — все это мы находимъ у Толстого въ болѣе систематичномъ и лучше укрѣпленномъ положеніи. Попытаемся подступиться однако и къ этимъ послѣднимъ твердынямъ, заранѣе прося у читателя извиненія въ томъ, что намъ невольно придется повторяться.

«Философія» Толстого.

XV.

Въ самомъ началѣ своихъ статей о Толстомъ мы заявили, что «величайшая логическая ошибка Толстого есть въ то же время и величайшая заслуга его передъ обществомъ». Вполнѣ допускаю, что это заявленіе способно породить серьезныя недоумѣнія. Во-первыхъ, какъ это такъ *ошибка* можетъ стать *заслугой?* Какая бы то ни было и въ чемъ бы то ни было «ошибка» есть дѣло вредное, а вѣдь понятіе «заслуги» нераздѣльно съ понятіемъ *пользы.* Во-вторыхъ, вотъ уже скоро сотню страницъ о Толстомъ закончимъ мы, страницъ, на которыхъ много говорилось о его разнообразныхъ ошибкахъ, но о «величайшей заслугѣ» еще и рѣчи не было. Указывать на художественный талантъ не значитъ разъяснять заслуги писателя, его общественное значеніе. Талантъ — только средство, только возможность, только орудіе. Талантъ, какъ спеціальная и рѣдкая способность, не заслуга, а не болѣе какъ личная удача, личное счастіе человѣка, которому «равнодушная

природа» Богъ вѣсть за что и Богъ вѣсть какъ сдѣлала неоцѣненный подарокъ. Вы можете выиграть двѣсти тысячъ и ваша рѣдкая удача можетъ возбудить въ людяхъ, мало себя уважающихъ, завистливое чувство, но на наше *уваженіе* вы лишь въ томъ случаѣ вправѣ претендовать, если нашли для своего случайнаго богатства общеполезное употребленіе. Художникъ, изобразившій Христа передъ Пилатомъ, и художникъ, изобразившій разрѣзанный арбузъ, могутъ одинаково блеснуть силою своей кисти, правдой и реальностью своихъ изображеній, вѣрностью своего рисунка и проч., но значеніе этихъ одинаково талантливыхъ художниковъ будетъ далеко не одинаково. Надъ картиной перваго задумается и философъ, и поэтъ, и моралистъ, и общественный новаторъ, тогда какъ для картины второго самое подходящее мѣсто — Милютины лавки или столовая сибарита и задумается надъ нею, вѣрнѣе, залюбуется ею только какой-нибудь пустопорожній гастрономъ-эстетикъ. Толстой не арбузы писалъ, а огромныя жанровыя и историческія картины, и намъ надо уяснить себѣ ихъ общій смыслъ, ихъ основную идею. И такъ, въ чемъ же заключается «величайшая заслуга» Толстого и въ чемъ его «величайшая ошибка» и какимъ образомъ, какою связью онѣ соединены между собою?

Отвѣтить на этотъ вопросъ и трудно и легко въ одно и то же время. Трудно, потому, что вопросъ обширенъ; легко, потому что отвѣтъ, думается намъ, можетъ быть только одинъ. Начнемъ нѣсколько издалека. Жизнь современнаго культурнаго человѣчества, старой Европы и юной Америки, представляетъ собою страшно сложную и пеструю картину, при взглядѣ на которую въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится, «глаза разбѣгаются». Трудно оріентироваться въ этомъ хаосѣ, трудно разобрать, гдѣ тутъ вѣчное и гдѣ случайное, истинное и ложное, органическое и наносное, жизненное и обреченное смерти и забвенію. Но если *это* трудно, за то нѣтъ ничего легче, какъ распознать тѣ политическіе, экономическіе и умственные факторы, которые въ текущую историческую минуту стоятъ на первомъ планѣ и играютъ выдающуюся роль: эти факторы сами бросаются въ глаза. Они наполняютъ землю шумомъ своихъ дѣяній; у нихъ «поступь гордая, голосъ увѣренный»; за ихъ побѣдной колесницей бѣжитъ ликующая, многомилліонная толпа, заглушая своими плесками и кликами отдѣльные протестующіе голоса. «Въ наше положительное время», когда успѣхъ такъ трудно достается, это что-нибудь да значитъ.

«Нашъ положительный вѣкъ» не раздаетъ лавровъ зря, и ужъ если кто увѣнчанъ имъ, тотъ значитъ дѣйствительно ему угодилъ.

Малый ребенокъ знаетъ теперь въ чемъ дѣло. Гдѣ сила, тамъ и право—*Kraft macht Recht*—вотъ золотое, безцѣнное правило, въ которомъ резюмируется господствующая тенденція нашего «положительнаго вѣка». Попробуйте возразить противъ него, доказать его ошибочность съ чисто разсудочной, логической, *раціоналистической* точки зрѣнія: это совершенно безнадежное предпріятіе. Разъ устраняются изъ вопроса какіе бы то ни было нравственные мотивы и соображенія, вамъ нечего дѣлать, нечего сказать и остается только подчиниться факту. «Вотъ, говорилъ крыловскій левъ, это часть моя по договору; вотъ эта мнѣ принадлежитъ безъ спору; а къ этой лапу кто протянетъ, тотъ съ мѣста живъ не встанетъ». Убѣдительнѣй этой аргументаціи ничего нельзя придумать,—говорю это безъ малѣйшей иронія, совершенно серьезно. Если она ничего не говоритъ сердцу, за то внушительно говоритъ разсудку, совершенно такъ же, какъ и любая математическая аксіома. Великій родоначальникъ современныхъ «желѣзныхъ» людей презрительно смѣялся надъ «идеологами», какъ онъ называлъ всѣхъ людей, не утратившихъ вѣры въ идеи и принципы, но живи онъ въ наши дни, не въ началѣ, а въ концѣ «положительнаго вѣка»—онъ, конечно, не снизошелъ бы и до насмѣшки. Единственное замѣчаніе, которое можно сдѣлать съ логической стороны этой формулѣ, «гдѣ сила, тамъ и право» можетъ состоять въ томъ, что въ нее совершенно напрасно включено понятіе права, вполнѣ ей чуждое. Если жизнь есть борьба, взаимное поѣданіе другъ другомъ, личности — личностью, класса—классомъ, государства — государствомъ, племени—племенемъ и т. д., то идея права очевидно превращается въ фикцію. Гдѣ *только* борьба, тамъ можетъ быть или только побѣда или только пораженіе, но о правѣ, о нравственной правдѣ, о справедливости не можетъ быть рѣчи. Волкъ поѣдаетъ овцу: — *правъ* ли онъ? *справедливъ* ли онъ? Вопросы, очевидно, не имѣющіе смысла, какъ не имѣлъ бы смысла вопросъ: — *правъ* ли треугольникъ, заключая въ себѣ углы, сумма которыхъ всегда равна двумъ прямымъ? «Гдѣ сила, тамъ и побѣда» — вотъ настоящая формула *не*идеологовъ, очищенная отъ всякихъ ненужныхъ примѣсей. Жизнь есть борьба, а всякая борьба имѣетъ только одну цѣль и одинъ смыслъ—побѣду, подчиненіе себѣ слабѣйшаго. «У сильнаго всегда

безсильный виноватъ», слѣдовательно, всѣ вопросы жизни, всѣ наши идеалы и вся наша этика сводятся къ вопросу о пріобрѣтеніи все большей и большей силы. Въ этой формулѣ заключается программа всякой дѣятельности, какъ личной, такъ и коллективной: надо вооружаться знаніемъ, образованіемъ, магазиннымъ ружьемъ, торпедами, осаднымъ положеніемъ, исключительными законами, боевыми пошлинами, волчьимъ ртомъ и лисьимъ хвостомъ, безцеремоннымъ нахрапомъ, гдѣ можно, и предупредительнымъ заскиваніемъ, гдѣ нужно. Гетевскій Рейнеке — вотъ истинный мудрецъ, разгадавшій загадку жизни.

Далѣе, вотъ еще представитель «положительнаго вѣка», съ столь же упрощенной моралью и несложнымъ міросозерцаніемъ. «Гдѣ рынокъ, тамъ и отечество», говоритъ онъ, позвякивая въ карманѣ долларами или гинеями». «Что стоитъ этотъ человѣкъ?», освѣдомляется онъ о своемъ ближнемъ. По вашему мнѣнію, по мнѣнію нелѣпаго идеолога, цѣна «этому человѣку»—грошъ и даже менѣе, потому что у «этого человѣка» хотя и милліоны, но милліоны награбленные. Ну, а по мнѣнію представителя «положительнаго вѣка», этотъ человѣкъ «стоитъ» милліоны», а грошъ то стоите именно вы, идеологъ, потому что всѣ ваши трудовыя сбереженія равняются какъ разъ грошу. У кого сколько въ карманѣ, тотъ столько и стоитъ—нѣтъ критерія яснѣе и проще! Нравственность? Человѣческое достоинство? Умъ? Убѣжденія? Но вѣдь все это—товаръ, который покупается и продается и, какъ всякій товаръ, оцѣнивается и измѣряется именно деньгами. Если у васъ грошъ въ карманѣ—это значитъ, что у васъ и ума, и талантовъ и знаній именно на грошъ и ваша бѣдность доказываетъ только то, что на базарѣ жизни вы никому не нужны, и товаръ, который вы съ собой принесли, никуда не годится. Милитаризмъ логиченъ, но капитализмъ, пожалуй, еще логичнѣе, въ сущности же и тотъ и другой совершенно между собою согласны. Люди — пушечное мясо, говоритъ милитаризмъ: люди—товаръ, говоритъ капитализмъ. Жизнь есть зоологическая борьба за существованіе, говоритъ милитаризмъ: горе побѣжденнымъ! Жизнь есть купля-продажа, говоритъ капитализмъ, т. е. значитъ всетаки борьба, такъ какъ не «обманешь — не продашь», и «на то въ морѣ щука, чтобы карась не дремалъ!». «Гдѣ сила, тамъ и право», говоритъ милитаризмъ. «Гдѣ деньги тамъ и сила», поправляетъ капитализмъ, а что касается «пра-

ва», то у насъ на биржѣ съ этимъ товаромъ всегда «очень тихо». Словомъ,

«Все мое», сказало злато,
«Все мое», сказалъ булатъ,
«Все куплю», сказало злато,
«Все возьму», сказалъ булатъ.

Міръ такимъ образомъ благополучно подѣленъ, дѣло человѣчества поставлено на прочную почву, что же касается идеологовъ, если таковые еще гдѣ нибудь уцѣлѣли, то—crevez chiens si vous n'êtes pas contents.

Это, однако, легко сказать. Гораздо удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы *убѣдить* идеологовъ, что ихъ роль, какъ и роль огромнаго большинства людей, предназначена имъ рокомъ, міровымъ всевластнымъ закономъ, который нужно только постичь, чтобъ ему безропотно покориться. За такого рода проповѣдниками, какъ извѣстно, никогда не бывало остановки, не чувствуется въ нихъ недостатка и въ наше время. Идетъ ученѣйшій и умнѣйшій человѣкъ и начинаетъ снисходительно поучать насъ: въ мірѣ нѣтъ того, что вы называете развитіемъ, прогрессомъ, приближеніемъ къ идеалу, а есть эволюція, процессъ, приближающій насъ... къ чему то. Сущность этого процесса состоитъ въ томъ, что каждое сложное тѣло разлагается постепенно на свои составныя частицы—*дифференцируется*. Съ другой стороны, отдѣльныя частицы стремятся, путемъ соединенія между собою, образовать цѣльное, единое тѣло,—*интегрируются*. Такъ и идетъ дѣло во всемъ мірѣ, во всемъ космосѣ, начиная съ неизмѣримыхъ туманныхъ пятенъ,—будущихъ громадныхъ міровъ и кончая мельчайшими земными организмами: сначала интегрируется, интегрируется, потомъ дифференцируется, дифференцируется, затѣмъ опять интегрируется и т. д. Легкомысленные люди могутъ, пожалуй, сказать, что это напоминаетъ сказку про бѣлаго бычка, но вы не вѣрьте легкомысленнымъ людямъ, а вѣрьте мнѣ, ученому человѣку. Теперь я васъ спрошу: что такое вы сами? Какая ваша роль въ эволюціонномъ процессѣ? Отвѣчаю: каждый изъ васъ, друзья мои, въ одно и то же время и интегралъ и дифференціалъ. Интегралъ—потому, что каждый изъ васъ есть цѣлесообразное, стройное, устойчивое, химическое и механическое соединеніе атомовъ. Дифференціалъ—потому, что каждый изъ васъ играетъ роль атома по отношенію къ

организму высшаго порядка, называемому обществомъ, государствомъ. Да, общество есть организмъ, а вы не болѣе какъ органы этого организма: ты — палецъ отъ ноги, ты — палецъ отъ руки, а ты—всего только ноготь одного изъ этихъ пальцевъ. И я еще дѣлаю вамъ этимъ сравненіемъ совершенно незаслуженную честь: по настоящему, вы именно только дифференціалы общества: т. е. величины безконечно малыя, которыхъ роль состоитъ исключительно въ томъ, чтобы суммируясь, интегрируясь, образовать наконецъ, своимъ множествомъ конечную величину, высшій организмъ. Вы понимаете меня? Палецъ отъ ноги отрѣзать больно и даже опасно, ну а съ вами, дифференціалами, съ вами, атомами, съ вами, безконечно-малыми, церемониться нечего. Не думайте же много о себѣ, не считайте себя какими-то сосудами добра и зла, самостоятельными мірами, «отраженіемъ божества»; все это самолюбивыя иллюзіи. Не общество для личности, а личность для общества. Кто думаетъ иначе, тотъ скверная бородавка, которую нужно выжечь ляписомъ.

Все это не то, не достаточно сильно, говоритъ другой ученѣйшій и умнѣйшій мужъ. Въ мірѣ нѣтъ ни развитія, ни идеала, ни простой эволюціи, нѣтъ даже самого міра, а есть только мое представленіе о мірѣ, нѣтъ силы, а есть только *воля*, непосредственно сознаваемая нами. Міровая воля, также какъ и наша собственная воля, разнообразными путями объективируется, даетъ начало *явленіямъ*, совокупность которыхъ составляетъ весь конкретный міръ, а борьба между которыми составляетъ всю сущность процесса жизни.

Я замѣчаю недоумѣніе на вашихъ глупыхъ физіономіяхъ, вдругъ съ раздраженіемъ говоритъ намъ философъ. По своей тупости вы очевидно не понимаете, къ чему клонится моя рѣчь. Воля объективируется, въ этомъ состоитъ ея роль, и только университетскіе тупицы, съ которыми я, замѣтьте, не имѣю ничего общаго, могутъ воображать, что въ процессѣ проявленія воли есть какой-то смыслъ, что этотъ процессъ долженъ имѣть какую нибудь разумную цѣль. Никакого смысла, никакой цѣли! Въ этомъ и состоитъ вся открытая мною истина. Понимаете теперь? Ваши головы, я знаю, набиты фантазіями о какомъ-то историческомъ прогрессѣ, который ведетъ, будто бы, людей къ счастью, къ какому-то равенству, къ какому-то братству, къ какой-то свободѣ и пр. и пр. Все это чушь,

чепуха, ерунда. «*Весь вздоръ этою историческаго философствованія разбивается легче всего простымъ замѣчаніемъ, что цѣлая вѣчность, т. е. безконечное время, уже прошло до настоящаго момента и вслѣдствіе этого все, что могло и должно было совершиться, уже не могло не совершиться*». Теперь-то ужъ, надѣюсь, понимаете! Возьмите колоду картъ, перетасуйте ее и замѣтьте порядокъ, въ которомъ лежатъ карты. Перетасуйте опять, порядокъ будетъ другой; перетасуйте третій разъ, карты лягутъ въ третьемъ порядкѣ и т. д. Но если вы будете тасовать («объективироваться») безпрестанно, тысячи, сотни тысячъ, милліоны разъ, карты наконецъ опять лягутъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ онѣ находились въ первый разъ. Это неизбѣжно. Это математика. Разверните учебникъ алгебры и проштудируйте отдѣлъ о переложеніяхъ, перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ, ознакомьтесь затѣмъ съ математической теоріей вѣроятностей и вы поймете, что явленія *должны* повторяться. Я не то говорю, что все существующее разумно, это чепуха, ибо что такое разумъ? Я говорю, что все существующее необходимо и, мало того, оно безконечно повторяемо: все, что *есть*, уже *было* милліарды вѣковъ тому назадъ и *будетъ* спустя новые милліарды вѣковъ. Ты, глупый Карлъ, жалуешься, что у тебя животъ подвело отъ картофеля; ты, нелѣпый Гансъ, ворчишь, что у тебя все хозяйство прахомъ пошло, пока ты обучался ружейнымъ пріемамъ; ты, Михель, тупѣйшій изъ идіотовъ, воображаешь, что мы, умные люди, должны почему-то заботиться о твоемъ благополучіи. Все это свидѣтельствуетъ только о вашей ограниченности и ничего больше. Поймите же, наконецъ, что всѣ ваши воображаемыя бѣды, во-первыхъ, только выраженія, объектированія міровой воли, во-вторыхъ, что эти бѣды только математическія точныя повторенія того, что уже съ вами милліоны разъ было и милліоны разъ будетъ. «Оставь надежду навсегда всякъ сюда входящій!»

Вы ужъ очень суровы, messieurs, говоритъ третій ученѣйшій мужъ первымъ двумъ. Конечно, эти бѣдняки очень глупы и сами не знаютъ, чего хотятъ, конечно, они болѣе походятъ на барановъ, чѣмъ на людей; конечно, не презирать ихъ нельзя. Но, messieurs, вѣдь и барановъ можно пасти хорошо и можно пасти дурно, вѣдь и глупцовъ пожалѣть слѣдуетъ. Весь вопросъ, по моему, заключается въ томъ, чтобы найти для человѣческаго стада хорошихъ пастуховъ. Что нужно барану? Хорошій лугъ лѣтомъ, теплый хлѣвъ

зимою, всегда въ волю корма и бабу-овцу pour la bonne bouche. Ну, все это возможно доставить, лишь бы только они насъ слушались. Я говорю *насъ*, потому что въ самомъ дѣлѣ нахожу, что олигархія ученыхъ людей, въ родѣ васъ и меня, была бы наилучшей, цѣлесообразнѣйшей формой общественности. Главное затрудненіе заключается здѣсь въ томъ, что человѣкъ — баранъ, очень не много превосходя настоящаго барана по своимъ умственнымъ силамъ, далеко оставляетъ его за собою по своей строптивости, своей притязательности, по тому духу противленія и непокорства, который вообще отличаетъ это злое животное. Но, думается мнѣ, и этому горю помочь можно. Зачѣмъ мы, ученые, философы, изобрѣтатели, спѣшимъ дѣлиться своими открытіями съ толпою? Совсѣмъ это не ея ума дѣло. Наука должна быть исключительнымъ достояніемъ избранныхъ, достояніемъ нашей касты, какъ это въ очень, правда, несовершенномъ видѣ мы и находимъ въ глубинѣ историческихъ временъ. А кто владѣетъ наукой, тотъ владѣетъ и физической силой, vous comprenez? Вы слабый, старый человѣкъ, нажимаете своей дрожащей рукой какую-нибудь крошечную пуговку, соединяете у себя въ кабинетѣ концы двухъ проволокъ и... и цѣлый мятежный городъ взлетаетъ на воздухъ или проваливается къ чорту на кулички, предостерегая своимъ примѣромъ другихъ отъ грѣха самомнѣнія. Пусть бараны—люди сытно ѣдятъ, сладко пьютъ, плодятся и множатся, мы позаботимся объ удовлетвореніи ихъ несложныхъ потребностей, но пусть они не осмѣливаются думать, мыслить, потому что это не ихъ, а наше дѣло. Rien de plus simple.

Для нашей ближайшей цѣли этихъ бѣглыхъ силуэтовъ достаточно. Я оставляю въ сторонѣ другіе элементы той же самой категоріи, того же самаго характера, потому что ничего существенноваго они не прибавятъ къ нашей картинѣ. Каково, спросимъ мы теперь, должно быть положеніе человѣка, не лишеннаго ни ума, ни совѣсти, ни высшихъ альтруистическихъ инстинктовъ, при видѣ такихъ «веселенькихъ пейзажиковъ», какъ говаривалъ Помяловскій, при выслушиваніи вотъ такихъ золотыхъ рѣчей европейскихъ умниковъ? Это положеніе сказочнаго богатыря на распутьи: поѣдешь направо самъ будешь цѣлъ, а конь погибнетъ, поѣдешь на-

лѣво конь уцѣлѣетъ, а самъ будешь убитъ. Не хочется быть убитымъ, но и безъ коня какая же жизнь, какіе доброму молодцу подвиги? Усвоишь, говоря выраженіемъ Толстого, «ученіе міра», то самое ученіе, различныя формулы котораго мы только что представили, и «останешься цѣлъ», т. е. примешь участіе на пиру жизни и, спокойно плывя по теченію, доберешься до тихой пристани. Но при этомъ всякую «идеологію», всякія не узко-личныя чувства, всякія помышленія не о матеріальныхъ благахъ, а о нравственномъ удовлетвореніи обязательно нужно выбросить за бортъ. Захочешь остаться вѣренъ самому себѣ, своей совѣсти, своему любовному и доброжелательному отношенію къ людямъ, своему идеалу справедливости и истины, и ты очутишься не у дѣлъ, безъ вліянія на жизнь, безъ участія въ общемъ движеніи. Въ краткой и ясной формулѣ эту дилемму можно выразить такимъ образомъ: надо быть или *просто* человѣкомъ или *современнымъ* человѣкомъ. Господствующее «ученіе міра» таково, что прочно усвоить его возможно, лишь уничтоживши въ себѣ образъ и подобіе Божіе. Для того, чтобы приготовить себя къ нелицемѣрному служенію мамону, нужно безповоротно отречься отъ Іеговы. Середины нѣтъ и компромиссъ невозможенъ.

Послѣ этого, очевидно, остается только пойти и поскорѣе удавиться, или, по крайней мѣрѣ, уединиться въ пустыню, «въ келью подъ елью» и заняться тамъ личнымъ самосовершенствованіемъ. Но для людей дѣла, а не созерцанія, этотъ послѣдній исходъ—то же самоубійство, только замедленное. Зачѣмъ живетъ, кому нуженъ этотъ совершенный или усовершенствованный человѣкъ, если онъ ревниво прячетъ «подъ елью» свои умственныя и нравственныя сокровища? Это просто «зарытый скупостью безполезный кладъ» по выраженію поэта. Но неужели земля клиномъ сошлась? Неужели «ученіе міра» такъ всеобъемлюще и такъ неотразимо, что отъ него и оборониться нечѣмъ? Пусть умнѣйшіе, ученѣйшіе и вліятельнѣйшіе люди думаютъ и поступаютъ какъ угодно, у меня, средняго человѣка, есть здравый смыслъ и есть совѣсть, съ помощью которыхъ я въ состояніи сдѣлать провѣрку самому ухищренному «ученію», претендующему располагать моею волею, моими поступками, моими идеалами. «Гдѣ сила, тамъ и право»—всѣ философы въ мірѣ не убѣдятъ меня въ этомъ, потому что противъ этого страстно протестуютъ всѣ мои нравственныя силы и этотъ протестъ

санкціонируется моимъ смысломъ, моимъ разумомъ. «Гдѣ право, тамъ въ концѣ концовъ и сила»—вотъ какъ мнѣ *хочется* думать и вотъ какъ я имѣю философское право думать, потому что за меня—вся всемірная исторія. Далѣе «человѣкъ—товаръ», «отечество»—рынокъ и «все куплю сказало злато». Нѣтъ, золотой мѣшокъ, ты жестоко ошибаешься. Никакими милліонами нельзя купить тѣхъ людей, которые жертвуютъ всѣмъ за идею; нельзя купить и тѣхъ для кого умственные интересы, жажда чистой истины служатъ содержаніемъ ихъ жизни; не хватитъ у тебя капиталовъ даже и на то, чтобы купить меня, средняго человѣка, потому что у меня тоже есть свой Богъ и я не пущу тебя въ свой храмъ, со всѣмъ твоимъ золотомъ и со всѣмъ твоимъ свинствомъ. Ротшильдъ, подкупающій какого-нибудь Гарибальди или какого нибудь Дарвина—это картина самаго высокаго комизма. Но смѣю тебя увѣрить, о, мѣшокъ, что ничего кромѣ смѣха не возбудило бы твое обращеніе и къ любому изъ насъ, людей хотя обыкновенныхъ, но *людей* все-таки, т. е. существъ, живущихъ не о единомъ хлѣбѣ. Для тебя это, разумѣется, непонятно, но для насъ не подлежитъ сомнѣнію.

Что касается господъ философовъ и ихъ системъ, раскрывающихъ передъ нами столь неутѣшительныя перспективы, то и въ этомъ случаѣ, поразмысливши, какъ умѣемъ, мы убѣдимся опять, что не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ. «Есть многое, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ» — это справедливо; но за то, какъ кто-то остроумно замѣтилъ, очень много нашимъ мудрецамъ снится такого, чего никогда на свѣтѣ не бывало. Не простые-ли «сны» эти, столь устрашающія и возмущающія насъ системы? Дифференціація... Интеграція... Эволюція... Все это пусть будетъ какъ вамъ угодно, но мы отрицаемъ вашъ конечный выводъ, который имѣетъ уже не теоретическое, а непосредственно практическое значеніе.

Слѣдующій, раздражительный и высокомѣрный, философъ еще менѣе для насъ опасенъ. Оставимъ въ сторонѣ изобрѣтенную имъ Волю. Воля или Сила, Разумъ или Матерія все это различныя, но одинаково ничего не объясняющія названія великаго Непознаваемаго. Практическій интересъ этой философіи состоитъ въ пессимистическомъ санкціонированіи не только необходимости, но и непреложности, нескончаемости нашихъ страданій. Да, кто приметъ такой взглядъ, тотъ непремѣнно долженъ смотрѣть на жизнь,

какъ на «насмѣшку какой-то злой силы, злой, противной» по энергическому выраженію Левина. Трудно придумать ученіе болѣе ненавистное, убивающее всякую благородную надежду, всякій чистый идеалъ, всякую, наконецъ, вѣру и даже самую охоту къ жизни. Но, отвергая это ученіе всею силою нашей возмущенной совѣсти, не можемъ ли мы, опять-таки руководствуясь простымъ здравымъ смысломъ, найти точки опоры для осужденія этого ученія какъ простой, отвлеченной теоріи? Да, и на этотъ разъ можемъ—и даже съ перваго бѣглаго взгляда. Во-первыхъ, допустимъ, согласно ученію нашего философа, что «объективированія» міровой воли повторяются съ буквальною точностью черезъ невообразимо громадные промежутки времени, которые, однако, при всей своей громадности, — только секунды въ вѣчности. Но вѣдь прежде чѣмъ возвратиться къ прежней, уже бывшей комбинаціи элементовъ, Воля должна «объективироваться» во всевозможныхъ, *совершенно иныхъ* комбинаціяхъ. Ну, вотъ для перваго раза мы уже и добыли себѣ достаточное утѣшеніе. Если объективированіе должно пройти черезъ *всѣ* комбинаціи, то, значитъ, и черезъ ту, при которой не у Карла, а у нашего философа будетъ подводить животъ отъ картофеля. Да здравствуетъ справедливость! Далѣе, возможна и такая комбинація, при которой и Карлъ, и философъ будутъ равномѣрно удовлетворены въ своихъ потребностяхъ и, сидя каждый подъ кущею своею и подъ смоковницею своею, будутъ мирно бесѣдовать безъ жолчи съ одной стороны, безъ негодованія съ другой. Какой однако «съ Божіей помощью оборотъ!» Пессимистическая тропинка вывела насъ въ область самыхъ радужныхъ грезъ и розовыхъ оптимистическихъ надеждъ и мечтаній! Во-вторыхъ, «простое замѣчаніе» нашего философа, которое обнаруживаетъ, будто бы, «весь вздоръ историческаго философствованія» — само представляетъ собою образцовый вздоръ. Замѣчаніе это, какъ помнитъ читатель, состоитъ въ томъ, что въ вѣчности, лежащей позади насъ, «все что могло совершиться, уже не могло не совершиться». По отношенію къ колодѣ картъ это замѣчаніе вполнѣ вѣрно. Но если бы въ колодѣ было не пятьдесятъ двѣ, а *безконечное множество* картъ? Ясно, что тогда и возможныхъ комбинацій между картами было бы безконечное множество и повторяться онѣ не могли бы. Если нашъ философъ допускаетъ безконечность пространства и безконечность времени, то, разумѣется, онъ долженъ до-

пустить и безконечность матеріи, а *слѣдовательно* и безконечное разнообразіе комбинацій, «объективированій». Вѣдь очевидно же нелѣпо, невозможно мыслить космосъ въ формѣ безконечнаго пространства, въ одномъ уголкѣ котораго болтается какая то комариная нога; *комариная нога*, говорю я, потому что всѣ эти млечные пути, эти плеяды, эти туманныя пятна, вмѣстѣ взятые въ сравненіи съ безконечнымъ пространствомъ, какъ и *всякая конечная* величина — не болѣе какъ атомъ, не болѣе какъ комариная нога. Вселенная, какъ сказалъ, кажется, Паскаль, есть сфера, центръ которой вездѣ, окружность нигдѣ. Ну, вотъ мы добыли и второе для себя утѣшеніе: въ космосѣ нѣтъ повтореній, могутъ быть подобія, но не можетъ быть тождествъ. Въ вѣчности времени и въ безграничности пространства совершаются безконечно разнообразныя комбинаціи атомовъ, *все въ новыхъ и новыхъ* варіаціяхъ— вотъ единственное представленіе, какое мы можемъ составить о космосѣ во всемъ его ансамблѣ. Послѣ этого — что же такое этотъ пессимизмъ съ его унылой и монотонной пѣсней: «все что есть — было, и все что есть — будетъ»? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Все что есть—никогда прежде не было и никогда больше не будетъ. А стало быть живи человѣкъ и опять надѣйся, и опять вѣрь и работай для лучшаго будущаго, и не отказывайся отъ своихъ идеаловъ, не разочаровывайся въ возможности прогресса. Твоя Воля не слѣпа, не неразумна, и если она не можетъ не «объективироваться» въ силу самой своей субстанціи, тѣмъ не менѣе она имѣетъ возможность свободнаго выбора и наступитъ день, когда «объективированіе» выразится въ такихъ формахъ, что самый отчаянный пессимистъ умилится, смягчится душею и воскликнетъ вмѣстѣ съ нами: прекрасна жизнь!

Торопясь покончить съ этими прелиминаріями, я не буду долго останавливаться на анализѣ кастовыхъ вожделѣній нашего третьяго философа. Давно уже одинъ «средній человѣкъ» (тургеневскій Волынцевъ въ «Рудинѣ») выразился на этотъ счетъ столько же энергично, сколько и справедливо. «Толкуютъ о деспотизмѣ, сказалъ онъ. По моему нѣтъ хуже деспотизма такъ называемыхъ умныхъ людей. Чортъ бы ихъ побралъ!» Именно. Въ исторіи науки нѣтъ никого выше Ньютона, но какимъ политиканомъ былъ этотъ величайшій изъ всѣхъ ученыхъ міра—это хорошо извѣстно.

Теперь мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы отвѣтить на поставлен-

ный выше вопросъ, т. е. отмѣтить и «величайшую заслугу» Толстого и тѣснѣйшимъ образомъ связанную, спаянную съ нею его «величайшую ошибку». Всѣ силы своего колоссальнаго литературнаго таланта Толстой посвятилъ на борьбу съ «ученіемъ міра», ученіемъ, образчики котораго мы представили выше. Ученіе это выражается въ очень различныхъ политическихъ, экономическихъ и философскихъ доктринахъ, но есть одна черта, которая свойственна всѣмъ этимъ доктринамъ и которая кладетъ на нихъ одинъ общій отпечатокъ, окрашиваетъ ихъ въ одну и ту же краску. Эта черта—глубокое презрѣніе къ нравственнымъ началамъ и силамъ человѣка, полное забвеніе *совѣсти*, какъ въ высшей степени важнаго и могучаго фактора личной и общественной жизни и столь же полное довѣріе къ уму или разсудку, не только какъ къ силѣ контролирующей и регулирующей, но и созидающей. Къ современному человѣку, проникнутому «ученіемъ міра» (будемъ пользоваться этимъ удобнымъ выраженіемъ Толстого) вполнѣ примѣнимы старые, но все еще юные и горячіе, точно вчера созданные, стихи поэта:

Что подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ.
Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ онѣ
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко...
Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
Вѣрить, не вѣрить ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!
Самъ на душѣ ничего не имѣетъ...

Такъ какъ мы коснулись литературныхъ типовъ и примѣровъ, то кстати будетъ напомнить здѣсь читателю романъ Поля Бурже—«Ученикъ».

Герой этого романа, «современный молодой человѣкъ», какъ называетъ его самъ авторъ, совершилъ преступленіе и исповѣдуется въ письмѣ своему учителю-философу, изъ компаніи какъ разъ тѣхъ философовъ, съ которыми мы только что бесѣдовали. Въ этой исповѣди есть между прочимъ такое въ высшей

степени яркое и характерное признаніе: «я чувствую укоры совѣсти, хотя признаваемыя мною теоріи и убѣжденія, составляющія всю суть моего умственнаго бытія, заставляютъ меня считать укоры совѣсти самой безсмысленной изъ человѣческихъ иллюзій. Эти убѣжденія оказываются безсильными, чтобы сохранить во мнѣ тотъ внутренній безмятежный міръ, которымъ я прежде пользовался. Я сомнѣваюсь сердцемъ въ томъ, что мой умъ признаетъ истиной, а въ моихъ глазахъ для человѣка, вся юность котораго была поглощена только интеллектуальными стремленіями, не можетъ быть болѣе страшной пытки». По мнѣнію же самого учителя-философа, совѣсть есть вотъ что: «наша совѣсть походитъ на островъ среди мрачнаго океана, скрывающаго то, что лежитъ въ основѣ этого острова и обязанность психолога отгадать путемъ промѣровъ ту невидимую горную цѣпь, видимой вершиной которой служитъ этотъ островъ».

Да, интеллигентное, цивилизованное человѣчество, очевидно, болѣетъ и болѣзнь его заразительна! Въ предыдущихъ главахъ этой статьи мы видѣли, какъ совершенно нетронутый культурой человѣкъ, едва прикоснувшись устами къ чашѣ современнаго знанія и міроразумѣнія, немедленно порѣшилъ, что «все дозволено», что совѣсть—призракъ, преступленіе — право, грѣхъ — дряхлый предразсудокъ, и вотъ буквально тѣ же самыя воззрѣнія («укоры совѣсти—безсмысленная иллюзія») мы встрѣчаемъ на умственныхъ вершинахъ самой передовой изъ цивилизованныхъ странъ. Не будемъ, однако, чрезмѣрно тревожиться. Болѣзнь была бы неизлечимой лишь въ томъ случаѣ, если бы герой Бурже не чувствовалъ никакихъ укоровъ совѣсти. Но вѣдь онъ утратилъ «внутренній безмятежный міръ»; онъ терпитъ «страшную пытку». Только больной, разумѣется, можетъ считать «страшную пытку» — «безсмысленной иллюзіей», но это не болѣе какъ упорство молодого, но уже сильнаго и дѣятельнаго ума, создавшаго для себя извѣстныя, умственныя привычки, отказаться отъ которыхъ съ легкостью невозможно. Гораздо значительнѣе и, можно сказать, страшнѣе спокойныя и хладнокровныя слова самого учителя на счетъ совѣсти—острова. Все въ этой метафорѣ есть—и подводная горная цѣпь и «объективное» измѣреніе глубины океана, не упомянуто только о томъ, что островъ—жилище для человѣка, что безъ этого острова—людей ждетъ гибель въ волнахъ «мрачнаго океана». Значеніе со-

вѣсти какъ первой основы жизни, очевидно, утрачено великимъ ученымъ.

Всѣ сочиненія Толстого — одинъ сплошной протестъ противъ такого направленія мысли, вся его литературная дѣятельность—одна непрерывная борьба за нравственныя начала противъ деспотическаго господства ума или разсудка. «Съ *этимъ* нельзя жить, съ этимъ нечѣмъ и не для чего жить», вотъ основной *отрицательный* мотивъ и искусства и философіи Толстого и, разумѣется, въ этомъ случаѣ вся правда на его сторонѣ и эту часть своей задачи онъ исполнилъ такъ, какъ это можетъ сдѣлать только человѣкъ огромнаго таланта, сильнаго ума и неподдѣльной искренности. Толстой, безъ всякихъ экивоковъ, беретъ быка прямо за рога, борется съ ненавистными ученіями не діалектикой, не логикой, не фактами, какъ всѣ другіе противники этихъ ученій, — онъ переноситъ дѣло на нравственную почву, апеллируетъ къ совѣсти, противопоставляетъ свое внутреннее сознаніе, непосредственное чувство зла и добра. При этомъ онъ обнаружилъ энергію въ высшей степени замѣчательную, нисколько не ослабѣвающую съ годами и прямо пропорціональную той важности, которую онъ приписывалъ антипатичнымъ ученіямъ.

Тутъ именно медаль перевертывается своей обратной стороной. Мы очень благодарны Толстому за его энергію, безъ которой его «величайшая заслуга» много бы утратила въ своихъ размѣрахъ, но самый источникъ этой энергіи или поводъ къ ней никакъ не можемъ признать уважительнымъ. Я хочу этимъ сказать, что важность, придаваемая Толстымъ «ученію міра», опасность, которой оно грозитъ намъ, нравственное растлѣніе, которое оно вноситъ въ общества и въ цивилизацію — все это, очевидно, преувеличено Толстымъ. Отсюда страстность его нападеній, его критики, въ которыхъ и заключается высокій умственный подвигъ его, но отсюда же и крайности его отрицанія, крайности, лишающія всякаго значенія его *положительныя* указанія, положительные идеалы. Въ этомъ преувеличеніи состоитъ «величайшая ошибка» Толстого, которая, какъ теперь, надѣемся, ясно читателю, самымъ неразрывнымъ образомъ связана съ его заслугою. Говоря извѣстнымъ сравненіемъ Мальтуса, Толстой, желая выпрямить слишкомъ искривленный лукъ, напрягъ всѣ свои богатырскія силы и — искривилъ лукъ въ противоположную сторону. «Ученіе *міра*» говоритъ онъ,

Но развѣ мы, протестующіе противъ этого ученія, не въ мірѣ живемъ и развѣ насъ мало? Толстой, совершенно какъ Левинъ, видитъ только казовыя стороны жизни и науки, видитъ лишь то, что стоитъ на первомъ планѣ общей картины европейской цивилизаціи,—видитъ и ужасается. Но, смѣемъ его увѣрить, онъ не одинъ въ полѣ воинъ. Въ жизни современныхъ обществъ происходитъ все та же вѣковѣчная борьба Ормузда съ Ариманомъ, добра со зломъ, альтруизма съ эгоизмомъ, которая съ высшей точки зрѣнія является единственнымъ содержаніемъ всемірной исторіи. Дѣло человѣчества вовсе не такъ плохо, какъ кажется Толстому. Да, принципы, господствующіе теперь въ международныхъ, между классовыхъ и индивидуальныхъ отношеніяхъ зачастую возмущаютъ наше нравственное чувство; да, soi-disant научныя теоріи, пользующіяся въ настоящую минуту наибольшимъ успѣхомъ, достойны болѣе звѣрей, чѣмъ людей. Но кто же васъ увѣрилъ въ незыблемости этихъ принциповъ, въ непобѣдимости этихъ теорій? Я привелъ рядъ бѣглыхъ аргументовъ противъ самой сути, самой сердцевины главнѣйшихъ современныхъ «ученій міра» и хотя, конечно, этихъ аргументовъ слишкомъ мало для *опроверженія* этихъ ученій, они всетаки даютъ почву для дальнѣйшей борьбы. И эта борьба идетъ давно и неустанно, по всей линіи, между прочимъ и въ нашей литературѣ. Намъ хочется обратиться здѣсь къ Толстому съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ мы обращались къ Левину: знакомъ-ли онъ съ нашей теоретической литературой? Вѣдь и Спенсеръ, и Кантъ, и Шопенгауеръ, и Ренанъ — всѣ эти западные мудрецы, которыхъ часто упоминаетъ Толстой, какъ представителей «ученія міра», подвергались у насъ самой рѣшительной, даже запальчивой критикѣ. Далѣе, принципы хищнической политики и хищнической экономики встрѣчаютъ въ нашей журналистикѣ, какъ и въ любой изъ западныхъ журналистикъ, частью поддержку и восторженное благоговѣніе, а частью самое недвусмысленное осужденіе. Толстому, такимъ образомъ, не заботясь объ открываніи Америкъ, оставалось бы только примкнуть къ тѣмъ умственнымъ ученіямъ, которыя борются противъ справедливо-ненавистныхъ для него тенденцій. Онъ поступилъ иначе. За грѣхи цивилизаціи онъ осудилъ всю цивилизацію; заблужденія ума дали ему поводъ къ совершенному развѣнчанію ума, уклоненія науки съ пути служенія чистой истинѣ въ пользу господствующихъ силъ и интересовъ побудили его отречься

отъ науки, какъ отъ какой-то фальсификаціи истины или пародіи на истину. Такимъ образомъ, онъ обезоружилъ самъ себя. Безъ рессурсовъ ума, безъ данныхъ науки, безъ теоретическихъ построеній, не можетъ быть философіи, нельзя создать никакой системы, которую можно было бы противопоставить враждебнымъ ученіямъ. Произошло то, что при такихъ условіяхъ необходимо должно было произойти: философія Толстого или, точнѣе, тѣ мысли и воззрѣнія его, которыя могли бы стать элементами философской системы, мало по малу поблѣднѣли, стушевались и превратились въ *мораль*, которая, какъ *самостоятельное* ученіе, конечно, всегда не столько аргументируетъ, убѣждаетъ, сколько увлекаетъ и приглашаетъ къ вѣрѣ.

XVI.

Мы вовсе не держимся того мнѣнія, что начать философіей и кончить моралью значитъ начать за здравіе и кончить за упокой. Напротивъ, мораль есть естественный и логическій результатъ всякой философской системы. Болѣе того: почти все практическое значеніе философіи исчерпывается тѣми моральными результатами, къ которымъ она приводитъ, тѣми правилами личнаго и общественнаго поведенія, которыя она даетъ намъ для руководства. Философія, доказывающая мнѣ, что я маленькій органъ великаго организма, — «палецъ отъ ноги» — тѣмъ самымъ предписываетъ мнѣ нравственную обязанность, такъ сказать, хроническаго самоотреченія и полнаго обезличенія себя. Философія, утверждающая въ человѣческой жизни и въ человѣческихъ отношеніяхъ зоологическій законъ борьбы за существованіе, отождествляющая право и силу, тѣмъ самымъ развязываетъ мнѣ руки, освобождаетъ меня отъ всякой морали. Философія, по которой удѣлъ человѣка—вѣчное страданіе, а жизнь человѣка и природы — безсмысленное, монотонное, отчаянное «повтореніе пройденнаго» — эта философія ничему въ моральномъ смыслѣ, кромѣ терпѣнія, пока терпится, меня не учитъ и ни къ чему, кромѣ апатіи, привести насъ не можетъ. По свойству морали, которую намъ преподаютъ, мы можемъ умозаключить о достоинствахъ философіи, изъ которой эта мораль вышла и, само собою разумѣется, наоборотъ.

Единственное философское основаніе, на которомъ покоится мо-

раль Толстого, состоитъ въ отрицаніи *общественнаго* прогресса и въ признаніи *индивидуальнаго* совершенствованія. Вотъ подлинныя слова Толстого по обоимъ пунктамъ. По первому пункту:

«Основная мысль прогресса и выраженіе его будетъ слѣдующее: человѣчество постоянно видоизмѣняется, переживаетъ прошедшее, удерживая отъ него начатые труды и воспоминанія. Вообще, въ переносномъ смыслѣ, говоримъ, что человѣчество движется впередъ. Хотя и выраженное неясно, въ переносномъ смыслѣ это положеніе несомнѣнно. Но за этимъ несомнѣннымъ положеніемъ, вѣрующіе въ прогрессъ и историческое развитіе дѣлаютъ другое недоказанное положеніе, что будто человѣчество въ прежнее время пользовалось меньшимъ благосостояніемъ и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ менѣе, и чѣмъ болѣе впередъ, тѣмъ болѣе. Изъ этого выводятъ, что для плодотворной дѣятельности необходимо дѣйствовать только сообразно съ историческими условіями и что, по закону прогресса, всякое историческое дѣйствіе поведетъ къ увеличенію общаго благосостоянія, т. е. будетъ хорошо, что всѣ попытки остановить или противорѣчить даже движенію исторіи—безполезны. Выводъ этотъ незаконенъ потому, что второе положеніе о постоянномъ улучшеніи человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и несправедливо» (IV, 169). По второму пункту:

«Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса или совершенствованія написанъ въ душѣ каждаго человѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается праздною, пустою болтовней, ведущею къ оправданію каждой безсмыслицы и фатализма» (IV, 171).

Замѣтимъ прежде всего, что эти двѣ цитаты, поставленныя рядомъ, производятъ довольно странное впечатлѣніе. Общество есть совокупность индивидуумовъ; каждый изъ индивидуумовъ совершенствуется, прогрессируетъ: почему же не прогрессировать всему обществу? Если $a + b + c = d$, то $2a + 2b + 2c = 2d$. Кажется, это ясно? Положеніе Толстого, что личное совершенствованіе само по себѣ, а общественный прогрессъ самъ по себѣ и что первое возможно и плодотворно, а второй—«праздная пустая болтовня»—это положеніе было бы справедливо тогда только, когда индивиды, т. е. нашъ *a*, нашъ *b* и нашъ *c* сидѣли каждый именно «въ кельѣ

подъ елью», не сносясь другъ съ другомъ, не вліяя другъ на друга и даже ничего не зная другъ о другѣ. Но вѣдь тогда не было бы и нашего *d*, т. е. общества, и стало быть нечего и нельзя было бы говорить и о законахъ его развитія. То же самое замѣчаніе вполнѣ, конечно, приложимо и ко всему человѣчеству, которое есть не болѣе, какъ совокупность обществъ, какъ общество совокупность личностей. Если есть прогрессъ личностей, значитъ есть прогрессъ обществъ, а если есть прогрессъ обществъ, значитъ прогрессируетъ и все человѣчество. Мудреное дѣло помирить и связать логически положеніе Толстого, что «законъ прогресса, оставаясь личнымъ, плодотворенъ и доступенъ каждому», съ другимъ положеніемъ того же Толстого, что «постоянное улучшеніе человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и несправедливо».

Не въ этомъ однако же главное существо дѣла, а въ томъ, что здѣсь, какъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, *критика* Толстого, вполнѣ разумная и законная, быстро приходитъ въ *отрицаніе*, не имѣющее уже ровно ничего разумнаго. Критическіе доводы Толстого резюмируются самимъ авторомъ въ слѣдующихъ двухъ небольшихъ параграфахъ: «Во 1-хъ, признать прогрессъ ведущимъ къ благосостоянію можно только тогда, когда весь народъ, подлежащій дѣйствію прогресса, будетъ признавать это дѣйствіе хорошимъ и полезнымъ, тогда какъ теперь въ $^{9}/_{10}$ населенія, въ такъ называемомъ простомъ, въ рабочемъ народѣ, мы постоянно видимъ противное, и во 2-хъ, тогда, когда будетъ доказано, что прогрессъ ведетъ къ совершенствованію всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, или что взятыя вмѣстѣ послѣдствія его вліяній преобладаютъ добрыми и полезными надъ дурными и вредными. Народъ, т. е. масса народа, $^{9}/_{10}$ всѣхъ людей, постоянно враждебно относится къ прогрессу и постоянно не только не признаютъ его пользы, но положительно и сознательно признаютъ его вредъ для нихъ» (IV, 173).

Толстой, какъ мыслитель, очень неясенъ и каждую его важную мысль, прежде чѣмъ согласиться съ нею или оспаривать ее, всегда бываетъ необходимо распутать, комментировать. Такъ точно и въ этомъ случаѣ. Съ перваго взгляда кажется, что главный грѣхъ прогресса, по мнѣнію Толстого, состоитъ въ томъ, что $^{9}/_{10}$ населенія не принимаютъ въ немъ участія и не пользуются его пло-

дами. Примѣры, которыми Толстой иллюстрируетъ дальше свою мысль, вполнѣ подтверждаютъ это наше предположеніе. Такъ, Толстой говоритъ, что «выгода и приложеніе телеграфа только для высшаго, образованнаго класса. Народъ же — $^9/_{10}$ — только слышитъ гудѣніе проволокъ и только стѣсненъ строгимъ закономъ о поврежденіи проволокъ» (177). Такъ, далѣе, онъ говоритъ, что «всѣ журналы и сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, не смотря на давность существованія, неизвѣстны, ненужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды» (180) и проч. Все это совершенно справедливо и все это нужно говорить и повторять, потому что это отчужденіе, отлученіе народныхъ массъ отъ источниковъ культуры и прогресса вредитъ и этимъ массамъ, невыгодно отражается на ихъ жизни, и успѣхамъ самого прогресса, который, разумѣется, совершался бы въ десять разъ успѣшнѣе, если бы въ немъ принимали участіе въ десять разъ большія чѣмъ теперь силы. Но очевидно, что *такое* сѣтованіе на прогрессъ не есть его отрицаніе, а, наоборотъ, полное признаніе его благодѣтельности: вѣдь нельзя же желать распространенія того, что по существу находишь вреднымъ! Однако, нѣтъ, Толстой не можетъ дѣлать *такого* упрека прогрессу, тотъ Толстой, который прямо сказалъ о себѣ: «я не имѣю вѣрованія въ прогрессъ». Это не критика, не поправка, не указаніе на слабыя стороны предмета, это прямое отрицаніе. Толстой прикрывается при этомъ авторитетомъ народа, который, будто бы, «постоянно враждебно относится къ прогрессу и постоянно не только не признаетъ его пользы, но положительно и сознательно признаетъ его вредъ для себя». Допустимъ на минуту, что это отрицаніе народомъ пользы прогресса — фактъ. Что же? Съ которыхъ это поръ научные вопросы разрѣшаются голосованіемъ? Съ которыхъ это поръ мнѣніе большинства только потому должно быть поставлено выше мнѣнія меньшинства, что оно есть мнѣніе большинства? Нѣтъ, критеріи истины совсѣмъ иные. «На чемъ стоитъ земля? На китахъ. А киты на чемъ? На водѣ. А вода на чемъ? На землѣ». Эта дивная по своей простотѣ космическая теорія безъ малѣйшаго сомнѣнія была бы предпочтена теоріямъ Коперника, Галилея и Ньютона, если бы мы стали рѣшать вопросъ объ ихъ истинности посредствомъ всеобщаго голосованія. Интеллигенція не имѣетъ права *навязывать* народу какія бы то ни было свои воззрѣнія, но и народъ не мо-

жетъ претендовать поучать насъ тому, что мы въ двадцать разъ лучше его знаемъ и понимаемъ. Оцѣнять истину посредствомъ счета голосовъ за нее и противъ нея — это все равно, что измѣрять разстояніе фунтами и пудами.

Но, самое главное, — на какомъ основаніи Толстой съ такою категоричностью утверждаетъ, что народъ «положительно и сознательно признаетъ вредъ прогресса для него?» На основаніи личныхъ наблюденій, разумѣется. Но наблюдать не значитъ только *видѣть*, а значитъ, кромѣ того, *понимать*, что видишь, а наблюденія Толстого, скажемъ безъ церемоніи, очень и очень неосмысленны. Взять, напр., хотя бы то свидѣтельство Толстого, что «сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина, не смотря на давность существованія, неизвѣстны, ненужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды». Эти два слова — «неизвѣстны» и «ненужны», будучи поставлены рядомъ, въ одной фразѣ, можно сказать, просто къ небу вопіютъ. Одно изъ двухъ: *или* неизвѣстны (но можетъ быть нужны), *или* ненужны (и тогда должны быть извѣстны). Мы готовы повѣрить и даже знаемъ это помимо Толстого, что сочиненія, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ и вся наша литература, какъ и вся наша культура *неизвѣстны* народу—и въ этомъ наше горе и, пожалуй, наша вина—но нужны ли они ему, это совершенно иной вопросъ. Почему бы, думается намъ, ненужны? Бова нуженъ, Францыль Венеціанъ нуженъ, — они расходятся въ тысячахъ экземплярахъ,—почему же «ненужны» народу «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» Пушкина или «Тарасъ Бульба» Гоголя или нѣкоторые изъ охотничьихъ разсказовъ Тургенева? Это тайна,—тайна не народа, а Толстого. Впрочемъ, *теперь*, можно надѣяться, и самъ Толстой живыми фактами дѣйствительности убѣдился, что народу «нужны» не глупыя сказки только, но и произведенія «культурныхъ» писателей. Именно такъ и произошло дѣло: какъ только эти произведенія стали *извѣстны* народу, такъ они и оказались *нужны* ему. Не вправѣ ли мы обобщить этотъ фактъ и расширить его значеніе не для литературы только, но и для просвѣщенія, для прогресса, для цивилизаціи вообще? И тогда—въ какіе черепки, въ какіе дребезги разлетаются всѣ антикультурныя діатрибы Толстого?

Но однако, можетъ замѣтить намъ читатель, къ чему все это обиліе и горячность доказательствъ противъ теоріи, появившейся

болѣе двадцати лѣтъ и созданной, очевидно, въ попыхахъ, въ жару журнальной полемики? Къ тому, отвѣтимъ мы, что эта теорія, въ связи съ другими аналогичными воззрѣніями Толстого служитъ фундаментомъ для его морали, той морали, которая, какъ бы кто о ней ни думалъ, вліяла и до сихъ поръ вліяетъ на многихъ людей современнаго общества, къ худу ли, къ добру ли. Вѣдь уже въ самое послѣднее время Толстой превознесъ Сютаева надъ всею русскою интеллигенціею: «вотъ вамъ безграмотный мужикъ, а его вліяніе на людей, на нашу интеллигенцію больше и значительнѣе, чѣмъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей со всѣми Пушкиными, Бѣлинскими, вмѣстѣ взятыми, отъ Третьяковскаго до нашего времени». Каковъ же Сютаевъ, великій Сютаевъ! И зачѣмъ мы образованные люди, трудились учиться, развиваться, зачѣмъ мы, мыслимъ, стараемся объ уясненіи себѣ и другимъ смысла жизни въ безконечной сложности ея явленій, если безграмотное «дитя природы» получаетъ все это задаромъ, таинственнымъ путемъ вдохновенія и вліяетъ на насъ такъ, какъ не вліяли «всѣ русскіе ученые и писатели вмѣстѣ взятые». Я говорю на *насъ*, потому что, какъ ни гнѣвенъ Толстой, все же, надѣемся, онъ не исключитъ насъ съ читателемъ изъ состава «нашей интеллигенціи», на которую, будто бы, вліяніе Сютаева такъ безгранично сильно. Каково же наше невѣжество, когда мы понятія не имѣемъ о философской системѣ г. Сютаева, да и самое имя этого генія изъ геніевъ извѣстно лишь благодаря неумолчному трезвону о немъ Толстого. Ясное дѣло, что теперешній Толстой, какъ и Толстой эпохи шестидесятыхъ годовъ, не только отдаетъ предпочтеніе нравственнымъ силамъ передъ умственными — въ этомъ большой бѣды не было бы—онъ *отрицаетъ* значеніе умственнаго развитія, болѣе того — онъ считаетъ его враждебнымъ развитію нравственному и даже несовмѣстимымъ съ нимъ. Будьте кротки, какъ голуби, какъ бы говоритъ онъ намъ, но бойтесь стать мудрыми, какъ зміи, потому что «мудрость» — наука, умственное развитіе, убиваютъ въ человѣкѣ его непосредственное чувство зла и добра, уничтожаютъ его вѣрованія, безъ которыхъ «жить нельзя». Самосовершенствованіе человѣка можетъ быть только *нравственнымъ* и оттого только *личнымъ* совершенствованіемъ. Эти мысли—основы всей морали Толстого и не считаться съ ними нельзя, въ особенности тому, кто, какъ авторъ этихъ статей, ненавидитъ ее отъ всего сердца.

Теоретическія положенія, которыми Толстой обставляетъ свое ученіе, несложны и, частью, очень не новы. «Чувства правды, красоты и добра независимы отъ степени развитія», говоритъ Толстой, подразумѣвая подъ «развитіемъ», конечно, умственное развитіе. Ни одного слова возраженія не имѣемъ мы противъ этого положенія. Да, къ сожалѣнію, умственное развитіе совсѣмъ не обусловливаетъ собою нравственнаго развитія, — печальные факты жизни и исторіи, безчисленные, какъ песокъ морской, не оставляютъ мѣста сомнѣніямъ на этотъ счетъ. Да, можно, говоря выраженіемъ Базарова, знать и какъ эфиръ трепещетъ, и что на солнцѣ происходитъ, и быть въ то же время человѣкомъ, которому совѣстно руку протянуть. Все это такъ, и будь все это иначе, т. е. становись человѣкъ добрѣе, любовнѣе, сердечнѣе, проще, по мѣрѣ того, какъ онъ становится ученѣе, развитѣе, — не такъ бы мы, люди, жили и не такими черепашьими шагами подвигался бы нашъ прогрессъ. Но мы спрашиваемъ, какой логикой нужно обладать для того, чтобы вывести изъ этого факта безполезность, а разгулявшись еще шире, даже вредоносность умственнаго развитія? Во-первыхъ, вѣдь и нравственное развитіе, нравственная чистота, не обусловливаютъ собою умственнаго развитія. Вашъ Сютаевъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ человѣкъ очень чистый, очень честный, преисполненный любви и альтруизма, но грамоты онъ все-таки не знаетъ и голова его — и сомнѣнія въ томъ быть не можетъ—переполнена соромъ всяческихъ предразсудковъ, нелѣпыхъ понятій, дикихъ представленій. И эти понятія — что также несомнѣнно—не лежатъ въ его головѣ, какъ именно соръ въ комнатѣ, т. е. незамѣтно и безвредно, — они непремѣнно оказываютъ свое вліяніе на его *поступки*, вліяніе, которому едва ли порадоваться можно. Ниже мы иллюстрируемъ и подкрѣпимъ эту мысль тѣми художественными данными, которыя найдемъ у самого гр. Толстого въ его великолѣпной драмѣ «Власть тьмы». Во-вторыхъ, если роль ума не есть роль созидающая, то изъ этого слѣдуетъ не то, что у него нѣтъ вовсе никакой роли, а лишь то, что ее еще нужно найти и оцѣнить. И это не трудно. Опять-таки скажемъ, что человѣку, живущему въ кельѣ подъ елью, въ сторонѣ отъ жизни и людей, съ ихъ запутанными отношеніями, разнообразными характерами, съ ихъ нуждами, страстями и т. д.—такому человѣку можно жить *только* «по душѣ», поступать *всегда* по сердечному влеченію, со-

образоваться не съ условіями окружающей жизни, а исключительно съ своей совѣстью. Увы! Въ практической жизни этого никакъ нельзя. Не о неизбѣжности компромиссовъ мы говоримъ, не о такъ называемомъ практическомъ благоразуміи, мы настаиваемъ на необходимости пониманія жизни и ея явленій, людей и ихъ положеній. Для того, чтобы понять смыслъ того или другого явленія жизни, надо его раскрыть, а для этого надо анализировать, надо *мыслить*. Точно также вѣдь и люди живутъ, не держа своего сердца на ладони, живутъ, почти всегда стараясь сознательно или безсознательно внушить другимъ ложное представленіе и о своей личности, и о своемъ положеніи. Одно дѣло *быть*, другое дѣло *казаться*. Для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, нуженъ умъ и притомъ умъ развитой не келейнымъ созерцаніемъ всякаго рода «премудрости», не самоанализомъ и самоуглубленіемъ, а изученіемъ жизни въ ея процессѣ, знакомствомъ съ людьми въ ихъ дѣятельности и въ ихъ реальной обстановкѣ. Жилъ-былъ у насъ въ Россіи одинъ человѣкъ большого ума и необыкновенно проницательный *кабинетный* психологъ, тонкій наблюдатель изъ прекраснаго далека. Жилъ онъ, постоянно прислушиваясь и приглядываясь къ тому, что совершалось въ глубочайшихъ тайникахъ его духа, и «презрѣнной прозы» жизни совсѣмъ не зналъ и знать не хотѣлъ. Но вотъ случай свелъ его лицомъ къ лицу съ изнанкой жизни, съ подонками общества, съ тѣмъ, что «голодно и бѣдно, несчастно, зелено и блѣдно, что ходитъ голову склоня». Человѣкъ добрый и, кромѣ того, богатый, нашъ созерцатель, потрясенный видомъ этой обнаженной нищеты, захотѣлъ помочь бѣднякамъ, но помочь не просто, кому придется и чѣмъ можно, а съ разборомъ и даже съ психологическимъ анализомъ. Въ результатѣ вышло... да, кромѣ смѣха, стыда и грѣха ничего больше въ результатѣ не получилось. Человѣкъ, о которомъ мы разсказываемъ, былъ никто иной, какъ «великій писатель земли русской» Левъ Николаевичъ Толстой и разсказъ о томъ, какъ онъ, по его собственному, неоднократно повторенному выраженію «глупилъ» въ своихъ сношеніяхъ съ московской голытьбой—этотъ разсказъ, замѣчательный по своей искренности, читатели найдутъ въ статьѣ «Такъ что-жъ намъ дѣлать» (XII).

Легко резонировать и читать мораль, но трудно жить. Обратимся къ драмѣ Толстого «Власть тьмы», которая, по замыслу автора, должна быть апоѳеозомъ нравственнаго закона, на самомъ же

дѣлѣ представляетъ собою полновѣсное доказательство той старой истины, что добрыхъ намѣреній, *только однихъ* добрыхъ намѣреній слишкомъ мало для того, чтобы получились и добрые результаты. Оставаясь вѣрнымъ съ самаго начала принятому рѣшенію, я не буду распространяться о художественныхъ достоинствахъ этой драмы. Скажу только, что это одно изъ сильнѣйшихъ произведеній Толстого и одинъ изъ перловъ всемірной литературы. По отчетливости и силѣ изображенія характеровъ, по необыкновенной стройности и послѣдовательности развитія коренныхъ драматическихъ элементовъ, послѣдовательности почти стихійной, фатальной, неустранимой волей человѣческой, наконецъ, по общему плану, строго-соразмѣрному, къ которому нельзя ничего прибавить и отъ котораго нельзя ничего убавить, — по всему этому великая драма Толстого съ полнымъ правомъ можетъ стать на ряду съ любой изъ шекспировскихъ пьесъ. Этимъ очень много сказано, но мы не затруднились бы въ доказательствахъ, если бы насъ не привлекала теперь совсѣмъ другая, гораздо болѣе важная, сторона дѣла. Мы видимъ въ драмѣ вѣковѣчную коллизію двухъ началъ, злого и добраго, и притомъ началъ въ ихъ примитивномъ, непосредственномъ состояніи, не осложненныхъ никакими посторонними примѣсями. Борьба идетъ изъ-за вліянія на ту инертную среду, на ту безличную толпу, которая составляетъ своею массою фонъ жизни и которая никогда не идетъ самостоятельно, а всегда за кѣмъ-нибудь бредетъ. Представителемъ добраго начала, совѣсти, жизни по Божьи и по душѣ, является въ драмѣ «невзрачный, богобоязненный мужикъ пятидесяти лѣтъ» Акимъ; жена Акима, пятидесятилѣтняя баба Матрена,—представительница противоположнаго начала. Странно какъ-то звучитъ для уха, что какой-то мужиченко и какая-то бабенка являются представителями великихъ основныхъ міровыхъ началъ, но кто понимаетъ, что страсти и всякіе вообще нравственные мотивы не знаютъ ни эпохъ, ни національностей, ни классовъ, ни состояній, тотъ безъ колебанія поставитъ захолустную русскую бабу Матрену на ряду съ царственно-пышной леди Макбетъ. Между Акимомъ, съ языка котораго не сходятъ слова «Богъ», «законъ», «душа», и Матреной, дѣйствующей во имя грубо-практическихъ, животныхъ интересовъ, происходитъ, какъ сказано, борьба, которая въ сущности есть только рядъ пораженій добраго начала злымъ. Акимъ нравственно-стойкій и чистый человѣкъ, но бѣда его въ

томъ, что онъ гораздо глупѣе и невѣжественнѣе своей жены вслѣдствіе чего онъ возбуждаетъ и въ сынѣ, и въ невѣсткѣ, и въ другихъ персонажахъ полуснисходительное, полупрезрительное чувство, тогда какъ къ Матренѣ всѣ обращаются какъ къ признанному авторитету. Вѣчная исторія безхитростныхъ моралистовъ, вооруженныхъ только своими добродѣтельными сентенціями, и ловкихъ практиковъ, не отступающихъ ни передъ какими средствами и умѣющихъ руководить толпой! Еще Бѣлинскій сказалъ, что подлецы потому берутъ всегда верхъ надъ честными людьми, что поступаютъ съ ними, какъ съ подлецами, тогда какъ честные люди относятся къ подлецамъ какъ къ честнымъ людямъ — и горькая правда этихъ словъ еще долго, долго будетъ оставаться правдою. Никто такъ не презираетъ Акима, какъ именно его жена, которой онъ больше другихъ надоѣдаетъ своею моралью: «такъ себѣ старичекъ мой зря болтаетъ, да не его ума дѣло», «умъ у него вовсе расхожій» — вотъ отзывы Матрены о своемъ добродѣтельномъ супругѣ. А его оппозицію своимъ замысламъ и проектамъ, совсѣмъ несогласнымъ съ моралью, она, по собственному ея признанію, устраняетъ очень просто: «вотъ и поднялся мой-то, дурья-то голова, женить, говоритъ, да женить, грѣхъ покрыть. Разговаривала всячески. Куды тебѣ. Ну, думаю, ладно. Дай по иному поверну. Ихъ, дураковъ, ягодка, все такъ-то манить надо. Все въ согласьи какъ будто. А до чего дѣло дойдетъ, сейчасъ на свое и повернешь. Баба, вѣдашь, съ печи летитъ, 77 думъ передумаетъ, такъ гдѣ-жь ему догадаться». Вотъ это дѣятель, вотъ это борецъ, вотъ это человѣкъ отъ міра сего! Просимъ понять насъ правильно. Не идеалы, не цѣли и не средства Матрены мы защищаемъ — за все это ее повѣсить мало — мы указываетъ на ея житейскую находчивость, на ея умѣнье примѣняться къ людямъ и пріобрѣтать надъ ними вліяніе, заставлять ихъ, какъ говорится, плясать подъ свою дудку. *Дудка* Матрены скверная, и мелодіи ея отвратительны, однако она вотъ умѣетъ заставить людей плясать, успѣшнѣйшимъ образомъ достигаетъ своихъ цѣлей, тогда какъ превыспренніе идеалисты въ родѣ Акима, на сторонѣ которыхъ вся правда, вся нравственность, все добро, остаются при «печальномъ интересѣ». Старая это исторія, на каждомъ шагу встрѣчающаяся въ жизни, но приглядѣться, привыкнуть къ ней нѣтъ возможности и негодованіе съ новою и съ новою силою поднимается въ насъ каждый

разъ, какъ мы наблюдаемъ ее. Негодованіе на кого? Не на Матренъ, а на Акимовъ, которые своей тупой слюнявой защитой «закона» болѣе компрометируютъ его, нежели Матрены своимъ презрѣніемъ къ нему. Матрена—злая собака, а по отношенію къ злой собакѣ можетъ быть только одна забота—найти достаточно толстую цѣпь, чтобы она не сорвалась съ нея. Акимъ—другое дѣло. Дядя Акимъ, спроситъ его иной наивный человѣкъ, поучи, какъ мнѣ быть? «По закону, по душѣ, по Божьи». То-то что я и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, хочется какъ бы и для себя получше. «По Божьи, по душѣ, по закону». Ну, а мнѣ, дядя Акимъ, спрашиваетъ другой, что дѣлать? У меня тоже совсѣмъ особенное дѣло—такое-то и такое-то. «По душѣ, по Божьи, по закону». Э—эхъ, думаютъ огорченные вопрошатели, затвердила сорока Якова... Не о законѣ мы тебя спрашиваемъ — мы знаемъ его не хуже тебя—а о томъ, какъ примѣнить законъ. *Этого* Акимы никогда не понимали и Богъ вѣсть когда поймутъ. Мораль превращается въ ихъ рукахъ въ какое-то прокрустово ложе, пригодное не для жизни, а для пытки. «Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка»—этого они уразумѣть не въ состояніи. Они не оживляютъ моралью, а казнятъ ею, не поднимаютъ павшихъ, а отвертываются отъ нихъ, не просвѣтляютъ и не исправляютъ жизнь, а изобличаютъ ее или уходятъ отъ нея. Это не живые люди, полные участія, прощенія и любви къ своимъ павшимъ братіямъ, это «сердцемъ хладные скопцы», которые, какъ дятлы по дереву, долбятъ измученныхъ, прегрѣшившихъ людей своею кастратскою чистотою. Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ мнимыхъ праведниковъ, безъ капли горячей крови въ жилахъ!

Толстой однако поворачиваетъ дѣло въ пользу Акима и развязка драмы должна, по мысли автора, обрисовать полное торжество акимовской морали. Въ Никитѣ (мы, разумѣется, предполагаемъ содержаніе драмы вполнѣ извѣстнымъ читателю) заговорила совѣсть, и онъ, пренебрегая формальнымъ наказаніемъ, приноситъ торжественное публичное покаяніе во всѣхъ совершенныхъ имъ преступленіяхъ. Матрена посрамлена, всѣ замыслы ея пошли прахомъ, а Акимъ «*въ восторгѣ*» поощряетъ кающагося сына: «говори, дитятко, все говори, легче будетъ. Кайся Богу, не бойся людей. Богъ-то, Богъ-то! Онъ во! Богъ проститъ, дитятко родимое. Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ, Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!»,

Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ, скажемъ мы русской пословицей. Это хорошо, что въ Никитѣ заговорила, наконецъ, совѣсть; но нехорошо то, что она заговорила слишкомъ поздно, когда все зло, какое могъ сдѣлать Никита, уже сдѣлано имъ, подъ вліяніемъ матери. Онъ опозорилъ двухъ дѣвушекъ, участвовалъ въ отравленіи мужа своей любовницы, завладѣлъ чужимъ богатствомъ, собственноручно убилъ свое собственное новорожденное дитя, и все это происходило, какъ сказать, подъ носомъ у Акима, подъ акомпаниментъ его мудрыхъ изреченій — «по душѣ, по закону, по Божьи». Можно ли ярче и рельефнѣе изобразить безсиліе этой платонической морали, которая брызгаетъ прозой и грязью жизни и этихъ моралистовъ, которые, по тупости ли своего пониманія или изъ нелѣпо-преувеличеннаго ригоризма, никакъ не хотятъ взять въ толкъ, что живой человѣкъ — не мумія, что его волнуютъ чувства, обуреваютъ страсти, что опасность грѣха, увлеченія, паденія постоянно виситъ надъ нимъ черной тучей и что, слѣдовательно, людей прежде всего нужно оберегать и предостерегать и уже потомъ, потомъ, потомъ карать, карать тогда, когда, по выраженію юристовъ, «злая воля» безвозвратно овладѣла человѣкомъ? А предостерегать совсѣмъ не значитъ съ утра до вечера и съ вечера до утра выбалтывать добродѣтельныя изреченія, а значитъ *дѣйствовать*, хотя бы даже съ рискомъ позапачкать житейской грязцой свои чистенькія лапки. И еще черта, дорисовывающая нашего моралиста: Никита — отличный, талантливый, жизнерадостный парень—идетъ на каторгу, оставляя позади себя кровавый слѣдъ всяческаго позора и всяческаго грѣха — а моралистъ-отецъ «съ восторгомъ» — *съ восторгомъ* отпускаетъ на муку свое «дитятко родимое», безъ сожалѣнія, безъ горя, безъ признака хоть какого-нибудь человѣческаго чувства, и безъ тѣни упрека самому себѣ. Fiat justitia, pereat mundus! Лишь бы совершился высшій законъ нравственнаго возмездія, а разбитая прекрасная молодая жизнь, разрушенная семья, и этотъ младенецъ, который родился только для того, чтобы немедленно быть задушеннымъ роднымъ отцомъ—все это должно быть второстепенныя мелочи, которыя не могутъ смутить священный «восторгъ» моралиста. Безчувственные фарисеи, добродѣтельные истуканы! *).

*) Кстати о добродѣтельныхъ истуканахъ. Если читателю угодно вполнѣ

Возвращаемся къ основной темѣ этой главы, къ анализу *философскихъ* основаній нравственной системы Толстого. «Мы видимъ—продолжаетъ Толстой — свой идеалъ впереди, когда онъ стоитъ сзади насъ. Необходимое развитіе человѣка есть не только не средство для достиженія того идеала гармоніи, который мы носимъ въ себѣ, но есть препятствіе, положенное Творцомъ къ достиженію высшаго идеала гармоніи. Въ этомъ-то необходимомъ законѣ движенія впередъ заключается смыслъ того плода дерева познанія добра и зла, котораго вкусилъ нашъ прародитель. Здоровый ребенокъ родится на свѣтъ, вполнѣ удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ, онъ близокъ къ неодушевленнымъ существамъ—къ растенію, къ животному, къ природѣ, которая постоянно представляетъ для насъ ту правду, красоту и добро, которыхъ мы ищемъ и желаемъ. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей ребенокъ представлялся образцомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты. Человѣкъ родится совершеннымъ, есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ» (IV, 231). Все это вполнѣ логично для Толстого и необходимо для него. Можно замѣтить, впрочемъ, что если человѣкъ «родится *совершеннымъ*», то зачѣмъ же допускать, какъ это дѣлаетъ Толстой, возможность и даже необходимость для него нравственнаго *совершенствованія*? Что это за странное совершенство, которому еще нужно долго совершенствоваться? Но не будемъ придирчивы. Для человѣка, возстающаго противъ значенія развитія, утверждающаго, что нашъ идеалъ не впереди, а позади насъ, вполнѣ, повторяемъ, логично видѣть въ ребенкѣ совершенство, отъ котораго люди все болѣе и болѣе отходятъ по мѣрѣ того, какъ ростутъ и мужаютъ. Но вѣдь это «великое слово» Руссо просто вздоръ, блестящій софизмъ, какихъ у него множество. Въ какомъ отношеніи «человѣкъ родится совершеннымъ»? Не въ физическомъ, конечно: ему нужно *выучиться* управлять и своими руками, и сво-

---

уяснить себѣ это понятіе, пусть онъ вспомнитъ въ высшей степени добродѣтельное письмо Толстого, напечатанное въ одной изъ московскихъ газетъ, на счетъ празднованія студентами Татьянина дня. Добродѣтельность этого письма привела въ умиленіе всю современную добродѣтельную журналистику нашу, въ которой нашелся только *одинъ* человѣкъ (г. Скабичевскій) разглядѣвшій за добродѣтелью именно деревянное истуканство.

ими ногами, и всѣми своими членами. Точно также и не въ умственномъ: ребенокъ ровно ни о чемъ понятія не имѣетъ. Не въ нравственномъ-ли? Въ этомъ, разумѣется, и состоитъ настоящая мысль Руссо и Толстого. Толстой, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, ссылается на «всѣ вѣка и всѣхъ людей», которые представляютъ, будто бы, ребенка «образцомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты». Въ свою очередь и я позволю себѣ сослаться не на *всѣхъ* людей, а на *одного* человѣка, но за то такого, авторитетъ котораго перевѣситъ авторитетъ всѣхъ маменекъ, бабенекъ, нянюшекъ и матушекъ, вмѣстѣ взятыхъ, на Дарвина. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, въ которомъ онъ записывалъ наблюденія надъ собственнымъ ребенкомъ: «я подмѣтилъ пробужденіе нравственнаго чувства у моего ребенка на *тридцатомъ* мѣсяцѣ. Немного позже, когда ему было два года и семь мѣсяцевъ, я однажды, встрѣтилъ его выходящаго изъ столовой съ блестящими глазами и съ какимъ-то страннымъ, напускнымъ видомъ; я пошелъ въ столовую и удостовѣрился, что онъ бралъ мелкій сахаръ, что ему запрещалось. Такъ какъ онъ никогда не былъ наказанъ, то видъ, имъ принятый, не могъ зависѣть отъ страха, а происходилъ, вѣроятно, отъ борьбы между удовольствіемъ поѣсть сахару и появленіемъ раскаянія. Черезъ двѣ недѣли я опять встрѣтилъ его въ тѣхъ же дверяхъ, съ поднятымъ фартукомъ и съ такимъ же страннымъ видомъ; на вопросъ мой, что у него въ фартукѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что ничего, и неоднократно съ сердцемъ приказывалъ мнѣ уйти; фартукъ былъ весь въ вареньи, стоявшемъ въ столовой; стало быть, тутъ уже было предумышленное лганье».

Укралъ, а потомъ солгалъ, вотъ такъ идеальное совершенство! Для насъ, людей, не считающихъ дѣтей совершенными нравственными существами, ничего ужаснаго въ разсказанныхъ Дарвиномъ фактахъ нѣтъ, какъ ничего ужаснаго, непоправимаго не нашелъ въ нихъ и Дарвинъ, вскорѣ послѣ того добившійся отъ своего ребенка, что онъ «сдѣлался съ нами такъ прямодушенъ, такъ откровененъ и такъ ласковъ, какъ только можно было желать». Дарвинъ такимъ образомъ восторжествовалъ надъ зарождавшимся зломъ и мы торжествуемъ вмѣстѣ съ нимъ, но это наше торжество—пораженіе для Толстого. Если ребенка *надо* исправлять и если въ немъ, даже при наилучшихъ условіяхъ жизни, *есть* что исправлять, это значитъ, конечно, что нашъ идеалъ не позади насъ, а впереди, и

понятія добра и зла достаются людямъ не задаромъ, а путемъ воспитанія, развитія, упражненія нравственныхъ способностей.

На эту тему можно было бы говорить много и долго, но для спеціальныхъ цѣлей этой статьи достаточно сказаннаго. Вотъ всѣ *философскія* основанія, которыя Толстой заложилъ въ фундаментъ своей морали *). Къ разсмотрѣнію этой морали мы сейчасъ обратимся, но прежде намъ хотѣлось бы удивить и порадовать читателя однимъ сюрпризомъ, которымъ онъ будетъ обязанъ Толстому, но честь открытія котораго принадлежитъ исключительно намъ. Въ числѣ тысячъ страницъ мы нашли одну, до такой степени удивительную для Толстого, до такой степени для него, такъ сказать, самоубійственную, что мы не можемъ не воспользоваться ею, какъ лучшимъ аргументомъ противъ его антикультурныхъ воззрѣній. Вотъ эта страница:

«Если я разскажу человѣку, не знавшему этого, то, что мнѣ извѣстно изъ геологіи, астрономіи, исторіи, физики, математики, человѣкъ этотъ получитъ совершенно новыя свѣдѣнія и никогда не скажетъ мнѣ: «Да что-жъ тутъ новаго? Это всякій знаетъ, и я давно знаю». Но сообщите человѣку самую высокую, самымъ яснымъ сжатымъ образомъ, такъ, какъ она никогда не выражалась, выраженную нравственную истину,—всякій обыкновенный человѣкъ, особенно такой, который не интересуется нравственными вопросами, или тѣмъ болѣе такой, которому эта нравственная истина, высказываемая вами, не по шерсти, непремѣнно скажетъ: «Да кто-жъ этого не знаетъ? Это давно и извѣстно, и сказано». Ему, дѣйствительно, кажется, что это давно и именно такъ сказано. Только тѣ, для которыхъ важны и дороги нравственныя истины, знаютъ, какъ важно, драгоцѣнно и какимъ длиннымъ трудомъ достигается уясненіе, упрощеніе нравственной истины, переходъ ея изъ туманнаго, неопредѣленно сознаваемаго предположенія, желанія, изъ неопредѣленныхъ, несвязныхъ выраженій въ твердое и опредѣ-

*) Правда, у Толстого есть еще не мало «философіи», какъ, напр., вся вторая часть IV тома романа «Война и миръ» или «Мысли о жизни», напечатанныя въ «Недѣлѣ». Объ этихъ философскихъ произведеніяхъ Толстого я не говорилъ и не буду говорить по очень простой причинѣ: я ихъ не понимаю. Т. е. я понимаю въ нихъ всѣ отдѣльныя предложенія, всѣ частныя мысли, но все время, что я ихъ читалъ, я, какъ герой Гл. Успенскаго, спрашивалъ себя: «по какому случаю шумъ?» Или, еще точнѣе, какъ другой герой того же Успенскаго, восклицалъ: «желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога? Желѣзная дорога, желѣзная дорога! А что такое? въ чемъ дѣло? въ какомъ смыслѣ? Неизвѣстно!» Детерминизмъ... законы исторіи... ошибки Бокля... страхъ смерти... а что такое? въ чемъ дѣло? Неизвѣстно.

ленное выраженіе, неизбѣжно требующее соотвѣтствующихъ ему поступковъ. Мы всѣ привыкли думать, что нравственное ученіе есть самая пошлая и скучная вещь, въ которой не можетъ быть ничего новаго и интереснаго; а между тѣмъ вся жизнь человѣческая со всѣми столь сложными и разнообразными, кажущимися независимыми отъ нравственности, дѣятельностями, и государственная, и научная, и художественная, и торговая, — не имѣетъ другой цѣли, какъ большее и большее уясненіе, утвержденіе, упрощеніе и общедоступность нравственной истины» (XII, 326).

XVII.

Вотъ замѣчательная страница, на которой нельзя не остановиться. Написана она, какъ читатель могъ убѣдиться, въ защиту и даже въ прославленіе значенія для людей морали, но для насъ важно не столько то, что хотѣлъ сказать Толстой, сколько то, что онъ дѣйствительно высказалъ. Прежде всего у читателя слагается такой силлогизмъ: если мораль есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка и въ ея утвержденіи и очищеніи заключается вся цѣль нашего существованія; если, затѣмъ, политическая, экономическая, научная, художественная дѣятельность людей имѣетъ значеніе только необходимаго средства для конечной цѣли утвержденія морали и въ нашихъ сердцахъ и въ общественной жизни,— то... то... то во что-же превращается протестъ Толстого противъ нашей умственной дѣятельности, тѣ тысячи страницъ, на которыхъ онъ и въ художественныхъ образахъ, и въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ доказывалъ намъ, что умъ, умственное развитіе, прогрессъ, наука—все это, въ сущности, не нужно человѣчеству? Допустимъ, что прогрессъ есть не болѣе какъ средство къ «уясненію, утвержденію и упрощенію нравственной истины». Формулъ прогресса предложено уже очень не мало и въ ряду ихъ формула Толстого можетъ занять свое мѣсто. Но кто даетъ формулу явленія, формулу, опредѣляющую и значеніе, и цѣль этого явленія, тотъ, не противорѣча здравому смыслу, не можетъ отрицать самаго явленія. На первыхъ же порахъ своей литературной дѣятельности, въ первомъ-же своемъ трудѣ, Толстой восклицалъ: «жалкая, ничтожная пружина моральной дѣятельности — умъ человѣка!» («Дѣтство и отрочество» и, наконецъ, въ лицѣ Левина, дошелъ до того, что приписалъ дѣятельности ума прямо антиморальное значеніе: «разумъ открылъ борьбу за существованіе и

законъ, требующій того, чтобы душить всѣхъ, мѣшающихъ удовлетворенію моихъ желаній — это выводъ разума. А любить другого не могъ открыть разумъ, потому что это неразумно». Оказывается, однако, что всѣ умственныя дѣятельности — «и государственная, и научная, и художественная, и торговая» имѣютъ цѣлью утвержденіе нравственной истины!

Формула Толстого, высказанная имъ случайно, вовсе не вытекающая изъ его основныхъ воззрѣній, можетъ быть принята цѣликомъ, если ее поставить надлежащимъ образомъ. Да, безъ сомнѣнія, вся цѣль прогресса въ томъ только и состоитъ, чтобы путемъ умственнаго развитія просвѣтлить человѣка въ нравственномъ отношеніи. Мораль дана; цѣль извѣстна; идеалъ поставленъ. Нужно *только* открыть для насъ возможность усвоить эту мораль такъ, чтобы она стала второй природой нашей. Въ какой мѣрѣ существуетъ теперь эта возможность? Высшая, «первая и большая» заповѣдь морали состоитъ въ томъ, чтобы мы возлюбили ближняго своего, какъ самого себя. Прямолинейные моралисты, въ родѣ Акима и самого Толстого, не принимая во вниманіе ни человѣческой натуры, ни условій человѣческой жизни, требуютъ исполненія моральнаго правила во что бы то ни стало: возлюби. Переверни на изнанку свою натуру, заставь иначе биться свое сердце, вызови въ себѣ чувства, которыхъ не имѣешь и заглуши, подави тѣ, которыя тебя волнуютъ, обезличь себя до послѣднихъ границъ возможнаго, не страшись никакихъ жертвъ, но... исполни моральный завѣтъ. Однако, справедливо-ли и даже просто разсудительно-ли налагать на людей «бремена неудобоносимыя?» Не нами міръ начался, не нами онъ и кончится, и какъ прежде, такъ и теперь—и теперь больше, чѣмъ прежде—наша жизнь есть именно борьба и конкурренція — между національностями, между классами, между отдѣльными личностями. Можетъ-ли побѣжденный любить своего побѣдителя? И какъ вообще помирить интересы личнаго счастія съ интересами общаго блага? Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ заключается и вопросъ морали и если рѣшенъ первый, то второй рѣшается самъ собою. Въ литературѣ происходитъ по этимъ вопросамъ какъ разъ то, что разсказываетъ Толстой въ своей сказкѣ «Крестникъ».

«Шелъ, шелъ крестникъ, пришелъ въ лѣсъ. Видитъ гнутъ мужики ободья. Подошелъ крестникъ, видитъ кружатся мужики, а

ободъ не загибается. Поглядѣлъ крестникъ, видитъ — кружится у мужиковъ стуло, нѣтъ въ немъ державы. Посмотрѣлъ крестникъ и говоритъ: да вы, братцы, стуло-то укрѣпите, а то вы съ ними вмѣстѣ кружитесь».

Вотъ этотъ вопросъ — какъ «укрѣпить стуло» нашего прогресса,—на личномъ-ли совершенствованіи каждаго или на улучшеніи общихъ условій жизни, до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Хорошія учрежденія не могутъ существовать безъ хорошихъ дѣятелей, и, слѣдовательно, нужно озаботиться прежде всего о нравственномъ возрожденіи личности — вотъ одно рѣшеніе вопроса. Нравственный, какъ и всякій другой прогрессъ личности совершается не самъ собою, не щучьимъ велѣньемъ и нашимъ хотѣньемъ, а именно путемъ воспитательнаго вліянія на людей хорошихъ учрежденій, объ организаціи которыхъ слѣдовательно и нужно прежде всего хлопотать—вотъ другое рѣшеніе того же вопроса. Выходитъ такимъ образомъ довольно забавный порочный кругъ: нѣтъ учрежденій, потому что нѣтъ людей, а людей нѣтъ, потому что нѣтъ учрежденій. Я говорю *забавный*, а не печальный, не серьезный кругъ, потому что не серьезно, а курьезно породившее его недоразумѣніе. Распространяться, впрочемъ, теперь объ этомъ вопросѣ дѣло не наше, потому что теперь наше дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы показать рѣшеніе этого вопроса Толстымъ и выяснить, насколько оно правильно.

Страница, которую мы представили читателю въ концѣ предыдущей главы—не болѣе, какъ характерная обмолвка со стороны Толстого. Усвой онъ прочно ея содержаніе, продумай и прочувствуй ее — и ему ничего другого не оставалось бы, какъ покинуть свою келью и занять передовое мѣсто въ нашихъ рядахъ, въ рядахъ людей вѣрующихъ въ общественный прогрессъ и дѣлающихъ его. Но вся духовная организація Толстого влекла его въ другую сторону. Въ началѣ своей дѣятельности Толстой заявилъ, устами Пртеньева, что «умъ—жалкая, ничтожная пружина»; въ срединѣ этой дѣятельности, устами Левина, онъ приписалъ уму открытіе закона, «требующаго того, чтобы душить всѣхъ»; въ концѣ, уже непосредственно отъ своего лица, Толстой признался: «мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая—*жить сообразно съ прогрессомъ*—отвѣчаю совершенно то же, что отвѣтитъ человѣкъ, несомый въ лодкѣ по волнамъ

и по вѣтру, на главный и единственный для него вопросъ: «куда держаться», если онъ, не отвѣчая на вопросъ, скажетъ: «насъ несетъ куда то» (12). Такимъ образомъ Толстой рѣшилъ совершенствоваться въ одиночку, въ сторонѣ отъ большой дороги общаго прогресса и въ результатѣ этого рѣшенія мы имѣемъ теперь передъ собою мораль, благодѣтельность которой Толстой энергично проповѣдуетъ.

Главный, если не единственный источникъ морали извѣстенъ всѣмъ и каждому—это евангеліе, въ которомъ излагается высокое нравственное ученіе Христа. Толстой съ своей стороны обратился къ изученію этого источника и вынесъ изъ этого изученія нѣкоторые довольно неожиданные выводы, хотя, поступая такъ, онъ не безъ раздраженія говоритъ въ то же время, что онъ «хотѣлъ бы только одного: *запретить толковать* ученіе Христа». Некрупная это черта, но для моралиста довольно характерная, согласитесь... Какъ моралистъ, Толстой чрезвычайно строгъ. Глубокій психологъ, великій знатокъ человѣческихъ слабостей и несовершенствъ, умѣющій подмѣчать ничтожное и мелкое даже въ великомъ, Толстой, какъ моралистъ, не хочетъ знать никакой снисходительности, не даетъ намъ никакой поблажки. Кто вѣруетъ въ евангельскую мораль, тотъ долженъ исполнять ее во всей ея полнотѣ. Ссылаться на свою слабость, на соблазны жизни Толстой не разрѣшаетъ намъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ не своего и нашего общаго великаго учителя, который за мигъ искренняго покаянія простилъ даже разбойника, онъ напоминаетъ тѣхъ суровыхъ фанатиковъ, которые готовы карать за малѣйшее отступленіе съ указаннаго пути. Толстой прямо говоритъ: «Въ этомъ удивительномъ разсужденіи: христіанское ученіе хорошо и даетъ благо міру, но люди слабы, люди дурны, и хотятъ лучше дѣлать, а дѣлаютъ хуже; и потому не могутъ дѣлать лучше,— есть очевидное недоразумѣніе. Ученіе Христа о томъ, какъ должны жить люди, божественно хорошо, и даетъ благо людямъ, но людямъ трудно исполнять его. Мы такъ часто повторяемъ и слышимъ это, что намъ не бросается въ глаза то противорѣчіе, которое находится въ этихъ словахъ. Человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. И всякое ученіе о жизни людей есть только ученіе о томъ, что лучше для людей. Если людямъ показано, что имъ лучше дѣлать, то какъ же они могутъ говорить,

что они желаютъ дѣлать то, что лучше, но не могутъ? Люди не могутъ дѣлать только то, что хуже, а не могутъ не дѣлать того, что лучше». Въ самомъ дѣлѣ, Толстой правъ! По крайней мѣрѣ, мы, слабые люди, удѣлъ которыхъ именно *хотѣть* и не *мочь*, вѣрить и не дѣлать, стремиться духомъ къ идеалу и погрязать въ житейской тинѣ, которая такъ привычна намъ, — мы не можемъ не смутиться передъ этими суровыми изобличеніями. Они бьютъ насъ по самому больному мѣсту нашей совѣсти. Мы вѣримъ—но мы знаемъ также, что вѣра безъ дѣлъ мертва и мы не можемъ сказать, чтобы намъ не встрѣчались люди, у которыхъ нѣтъ разлада съ собою, которые не на словахъ только «чтутъ пути Христовы». Что далеко ходить за примѣрами? Безъ сомнѣнія, къ тому же разряду людей принадлежитъ и Толстой, нашъ суровый, но справедливый порицатель. Если онъ такъ суровъ съ нами, обыкновенными грѣшными людьми, то къ себѣ, проповѣднику, къ себѣ, свѣтильнику, къ себѣ, моралисту, онъ, конечно, просто безжалостенъ. Не Христосъ ли сказалъ: «горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, за то, что обходите моря и земли, чтобы обращать въ свою вѣру, а когда обратите, то сдѣлаете обращеннаго хуже, чѣмъ онъ былъ. Горе вамъ, вожаки слѣпые!» Онъ же сказалъ притчу о бревнѣ въ собственномъ глазу человѣка и о сучкѣ въ глазу ближняго, но, конечно, всѣ эти горькія, негодующія обличенія относятся лишь къ намъ, а не къ Толстому, который съ свѣтлымъ лицомъ и громкимъ голосомъ напоминаетъ намъ эти самыя укоризненныя притчи. Однако... однако, не угодно ли выслушать такое признаніе:

«Теперь другой вопросъ. Ну, а вы, Л. Н., проповѣдывать вы проповѣдуете, а какъ исполняете? Вопросъ этотъ самый естественный и мнѣ его дѣлаютъ всегда, и всегда побѣдоносно зажимаютъ мнѣ ротъ. Вы проповѣдуете, а какъ вы живете? И я отвѣчаю, что я не проповѣдую, и не могу проповѣдывать, хотя страстно желаю этого. Проповѣдывать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны. То же, что я говорю, не есть проповѣдь, а есть только опроверженіе ложнаго пониманія христіанскаго ученія и разъясненіе настоящаго его значенія. Значеніе его не въ томъ, чтобы во имя его насиліемъ перестраивать общество; значеніе его въ томъ, чтобы найти смыслъ жизни въ этомъ мірѣ. Если вы хотите быть христіаниномъ, то надо исполнять заповѣди, а не хотите ихъ исполнять, то не толкуйте о христіанствѣ, внѣ исполненія этихъ заповѣдей. Но, говорятъ мнѣ, если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что я

виноватъ, и гадокъ, и достоинъ презрѣнія за то, что не исполняю, но при томъ, не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей, говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и $^1/_{10,000}$, — это правда, и я виноватъ въ этомъ, но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите и я исполню, но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого не вѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ—покажите мнѣ другой, если я сбиваюсь и шатаюсь—помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддерживать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ! говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да, не радуйтесь-же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня».

Какая неожиданная перемѣна декорацій! Какое рѣзкое пониженіе тона! То-то, видно правду говоритъ пословица: чужую бѣду я руками разведу, а къ своей бѣдѣ я ума не приложу. Пока рѣчь идетъ о насъ, пока *мы* указываемъ на трудность, при всемъ нашемъ желаніи и при всей нашей вѣрѣ, исполнить законъ Христа во всей его полнотѣ и чистотѣ, Толстой высокомѣрно иронизируетъ: эти наши разсужденія — «удивительны», они — «очевидное недоразумѣніе». Ну, а какъ дѣло коснулось самого Толстого, нашъ суровый порицатель тотчасъ же жалобно указываетъ на «сѣть соблазновъ, охватившихъ» его. Пока рѣчь идетъ о насъ, вопросъ представляется въ высшей степени простымъ: «если людямъ показано, что имъ лучше дѣлать, то какъ же они могутъ говорить, что они желаютъ дѣлать лучше, но не могутъ». Ну, а вы то, многоуважаемый моралистъ, почему не можете «дѣлать лучше»? Ваши «дѣла скверны» — это-то отчего-же? Вы признаете свою «непослѣдовательность» и приносите покаяніе въ ней съ искренностью, которая вамъ дѣлаетъ честь, но повѣрьте же и нашей искренности, вспомните о «сѣти соблазновъ», которая запутала насъ не только не менѣе, а болѣе вашего — и не осуждайте насъ съ высоты своего призрачнаго моральнаго величія. «Ей, Господи, Царю! Даруй мнѣ зрѣти мои прегрѣшенія и не осуждати брата моего!»—вотъ какъ думаютъ, какъ чувствуютъ и какимъ языкомъ говорятъ люди дѣйствительно чистые, строгіе къ себѣ и полные

прощенія и снисходительности къ другимъ. Но «я не проповѣдую и не могу проповѣдывать» говоритъ Толстой. Однако, какой же смыслъ имѣютъ всѣ эти многочисленныя поученія Толстого о томъ, чѣмъ жить и какъ жить, разсказы, какъ онъ страдалъ, отыскивая истину и какъ успокоился, найдя ее и т. д.? Развѣ Христосъ не проповѣдывалъ, когда «взошелъ на гору и, отверзши уста свои, училъ» своихъ учениковъ и «множество народа», слѣдовавшаго за нимъ? Не для гонорара же и не для того, надѣемся, чтобы пококетничать передъ нами, писалъ и пишетъ Толстой свои объемистыя нравоученія, а за тѣмъ, чтобы вывести насъ на истинный путь, научить добру и правдѣ. Все это именно и есть проповѣдь и проповѣдничество. И мы, ваши слушатели, совершенно правы, не отдѣляя вашей морали отъ вашей личности, провѣряя силу вашего ученія его вліяніемъ на вашу собственную жизнь. Послѣ нагорной проповѣди, какъ мы знаемъ, скоро послѣдовала другая—на Голгоѳѣ, и эта проповѣдь *дѣломъ*, крестнымъ страданіемъ, смертью, подкрѣпила и освѣтила то, что было сказано словомъ. *Такая* проповѣдь убѣдительна; такой примѣръ можетъ потрясти сердца людей и обновить ихъ нравственно. Но если проповѣдникъ, увѣряя насъ въ блаженствѣ бѣдности, сообщаетъ мимоходомъ, что у него прикоплено «около шестисотъ тысячъ рублей»: если онъ, указывая намъ слѣдовать примѣру того, кому было «негдѣ главы преклонить», въ то же время, неоднократно упоминаетъ о своей тысячной квартирѣ; если, восхваляя физическій трудъ, онъ для предъобѣденнаго моціона распашетъ полосу земли, и тѣмъ ограничитъ свое исполненіе завѣта «въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой»; если, однимъ словомъ, онъ, по его собственнымъ горделивымъ словамъ, обрѣлъ истину и въ то же время—опять-таки по его собственному признанію, живетъ во лжи и его «дѣла скверны», и нѣтъ у него рѣшимости разорвать «сѣть соблазновъ»—тогда, просимъ на насъ не погнѣваться, мы безъ церемоніи скажемъ, что этотъ проповѣдникъ – большой затѣйникъ и забавникъ, а проповѣдь его—баловство скучающаго барина, которому уже надоѣли да и не по лѣтамъ и цыганки, и псовая охота, и картежная игра, и трактирные кутежи. *Ce sont misères de grand seigneur*, скажемъ мы французскимъ выраженіемъ, смыслъ котораго близко подходитъ къ смыслу одной нашей грубой пословицы.

Просимъ, просимъ не гнѣваться: вѣдь мы защищаемъ свое и

чужое достоинство, вѣдь мы обороняемся отъ упрековъ въ безсовѣстности, слабохарактерности и если при этомъ изъ оборонительнаго положенія мы перешли въ наступательное, то это наше несомнѣнное право. «Учителю, очистися самъ»—вотъ все, что мы, въ сущности, говоримъ. Толстому жалко себя и онъ говоритъ: «не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился», но ему не жалко насъ и, говоря самому себѣ ласковыя «жалкія слова», для насъ онъ находитъ только укоризненныя и презрительныя выраженія. Это недостойно и несправедливо и пусть же, наконецъ, вещь будетъ названа приличествующимъ ей именемъ. Если Толстой оправдываетъ, или хоть только объясняетъ свое поведеніе «сѣтью соблазновъ», окружающихъ его, то намъ тѣмъ болѣе простительно такъ оправдываться. Мы, толпа, должны бороться за жизнь, въ насъ говоритъ непобѣдимый инстинктъ самосохраненія—а это сильнѣйшій изъ «соблазновъ», о которомъ Толстой никогда не имѣлъ и не имѣетъ понятія. Мы знаемъ бѣдность и *потому* не любимъ ее и не можемъ видѣть въ ней блага, а въ глазахъ Толстого бѣдность—идиллія: «бѣденъ это значитъ: работникъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ, а будетъ три раза въ день голоденъ, не будетъ ворочаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ безсонницы, а будетъ спать; будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми, а главное не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать». И съ такими-то представленіями о жизни и объ ея суровыхъ сторонахъ человѣкъ берется учить насъ самоотреченію! Бѣдный «будетъ три раза въ день голоденъ», говоритъ Толстой. Ну, а сколько разъ въ день онъ будетъ сытъ? Толстому даже и на умъ не приходитъ этотъ вопросъ и онъ разсуждаетъ, какъ та французская принцесса, которая сказала, что она согласилась бы лучше ѣсть простой черный хлѣбъ съ сыромъ, нежели умереть съ голоду. «А главное, не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать»—это бѣднякъ-то! Пустой мѣшокъ, говорятъ практическіе англичане, не можетъ стоять прямо, т. е. бѣдный человѣкъ сплошь да рядомъ не воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а въ выборѣ себѣ занятій, работы—почти никогда. Какому-же ребенку это неизвѣстно? А вотъ

Толстой этого не знаетъ и съ серьезностью, печальный комизмъ которой даже оцѣнить трудно, поучаетъ насъ, что трудовой день нужно дѣлить на «четыре упряжки», что это очень удобно и чрезвычайно намъ пріятно и, кромѣ того, въ высшей степени нравственно; поучаетъ *насъ*, людей, вся жизнь которыхъ есть одна сплошная упряжка, одинъ сплошной трудъ! Вы ошиблись адресомъ, многоуважаемый моралистъ. За всѣмъ тѣмъ, возражаетъ Толстой, я исправился хоть на $^1/_{10000}$ противъ прежняго и, стало быть, моя мораль не безплодна. Прогрессъ огромный—и говорить нечего. Соображая даты, приходится заключить, что это исправленіе на одну десятитысячную произошло втеченіе десяти лѣтъ, стало быть полнаго исправленія Толстой можетъ достичь ровно черезъ *сто тысячъ лѣтъ*. Приносимъ наши усерднѣйшія поздравленія!

Пора, однако, отъ моралиста обратиться къ самой морали, отъ личности учителя къ самому ученію. Всѣмъ извѣстно, въ чемъ состоитъ первая (а въ сущности и единственная) заповѣдь этой морали, заповѣдь, которую, по словамъ Толстого, онъ открылъ въ евангеліи. «Не противьтесь злу», вотъ эта лаконическая заповѣдь. Что же значатъ эти три небольшія слова? Какъ художникъ, Толстой объясняетъ это живыми образами и притомъ такъ наглядно, что никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Онъ говоритъ: «Придетъ войной непріятель, или просто злые люди нападутъ на меня, думалъ я прежде, и если я не буду защищаться, они оберутъ насъ, осрамятъ, измучаютъ и убьютъ меня и моихъ близкихъ, и мнѣ казалось это страшнымъ. Но теперь все, смущавшее меня прежде, показалось мнѣ радостнымъ и подтвердило истину. Я знаю теперь, что и непріятели, и такъ называемые злодѣи и разбойники, всѣ—люди, точно такіе же сыны человѣческіе, какъ и я, такъ же любятъ добро и ненавидятъ зло, такъ же живутъ наканунѣ смерти и такъ же какъ и я, ищутъ спасенія и найдутъ его только въ ученіи Христа. Всякое зло, которое они сдѣлаютъ мнѣ, будетъ зломъ для нихъ же, и потому они должны дѣлать мнѣ добро. Если же истина неизвѣстна имъ и они дѣлаютъ зло, считая его благомъ, то я знаю истину только для того, чтобы показать ее тѣмъ, которые не знаютъ ее. Показать-же ее имъ я не могу иначе, какъ отреченіемъ отъ участія въ злѣ, исповѣданіемъ истины на дѣлѣ. Придутъ непріятели: нѣмцы, турки, дикари, и если вы не будете воевать, они перебьютъ васъ. Это неправда. Если бы было общество христіанъ,

не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, никакіе непріятели, ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе, не стали-бы убивать или мучить такихъ людей». (XII).

Этотъ рядъ очаровательныхъ наивностей, разумѣется, не заслуживаетъ серьезнаго разбора. Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ! Блаженъ, кто не знаетъ или не хочетъ знать о существованіи людей, которые вовсе не «ищутъ спасенія», совсѣмъ не думаютъ о томъ, что они «живутъ наканунѣ смерти» и злодѣйствуютъ совсѣмъ не потому, что «истина неизвѣстна имъ». Странно, конечно, это слышать отъ художника, который далъ намъ превосходную коллекцію портретовъ всякаго рода злодѣевъ отъ Наполеона до Матрены, но Толстой ужъ не можетъ удивить насъ своими странностями. Но важно вотъ что: о какомъ «обществѣ христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ излишекъ своего труда другимъ людямъ» говоритъ Толстой? «*Если бы было* такое общество», — но такія общества были, есть и будутъ и именно монастыри. Однако и западная и наша исторія свидѣтельствуютъ, что тихая жизнь монастырей нисколько не служила имъ оплотомъ противъ непріятельскихъ покушеній. Далѣе, *удалиться* отъ зла въ общество единомыслящихъ и единовѣрующихъ людей, конечно, далеко не то, что не *противиться* злу, свирѣпствующему въ мірѣ, среди насъ, мірянъ. Что дѣлать, по морали Толстого, намъ? На этотъ вопросъ Толстой даетъ такой отвѣтъ, который необыкновененъ даже для его эксцентричности, отвѣтъ, который онъ образно слѣдующимъ образомъ формулируетъ: «если пришли Зулу, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать, это постараться внушить Зулу, что это ему невыгодно и нехорошо, — внушить, покоряясь ему по силѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣтъ разсчета съ Зулу бороться. Или онъ одолѣетъ меня и еще больше дѣтей моихъ изжаритъ, или я одолѣю, и дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни. Разсчета нѣтъ, потому что, покоряясь, я навѣрное дѣлаю лучшее» (XII).

Надо прочесть нѣсколько разъ этотъ отрывокъ, чтобы повѣрить своимъ собственнымъ глазамъ. Аргументировать противъ *такихъ* вещей нельзя и не зачѣмъ. Я увѣренъ, что возмущенное нравственное чувство читателя уже опередило и предрѣшило всякую аргументацію и въ этомъ непроизвольномъ, стихійномъ, неудержимомъ протестѣ нашей совѣсти больше силы и доказательно-

сти, чѣмъ въ какой-бы то ни было аргументаціи. «Это отвратительно, позорно, безнравственно»—вотъ наша аргументація. И это проповѣдуетъ защитникъ и панегиристъ непосредственнаго чувства! И это говоритъ великій художникъ, т. е. человѣкъ съ особенно дѣятельнымъ и живымъ воображеніемъ! Мы съ вами, читатель, не художники, но мы люди не перемудрившіе до чортиковъ, не утратившіе нравственнаго самочувствія, и мы представляемъ себѣ такую картину: вашъ ребенокъ, ваше счастье и надежда, ваше ненаглядное сокровище, надъ которымъ вы проводили безсонныя ночи, которому вы отдавали всѣ свои помыслы и заботы, бьется и вырывается изъ всѣхъ своихъ ребячьихъ силъ изъ рукъ свирѣпаго дикаря, съ плачемъ и воплемъ зоветъ на помощь васъ, своего «папу» или свою «маму», а вы стоите тутъ-же, смотрите на эти истязанія, видите эту агонію и, приложивши палецъ ко лбу, размышляете: «выгодно» заступиться, «невыгодно» заступиться, «есть разсчетъ» отнять ребенка, «нѣтъ разсчета» отнимать... Да, вотъ чему учитъ Толстой, вотъ какое поведеніе онъ рекомендуетъ намъ! Предаю «великаго писателя русской земли» справедливому гнѣву и негодованію всѣхъ отцовъ и матерей!

Но такъ сказано въ евангеліи, такъ сказано въ евангеліи, повторяетъ Толстой. Въ V гл. отъ Матѳея ст. 39 стоятъ слова: «*не противься злому*». Справляемся съ евангеліемъ—точно: слова «не противься злому» стоятъ тамъ, ссылка Толстого совершенно правильна! Однако, не Христосъ ли силой изгналъ изъ храма людей, осквернявшихъ его? Тутъ что нибудь да не такъ. Толкованія Толстымъ евангельскаго изреченія для насъ не обязательны и постараемся обсудить дѣло сами. Вотъ отрывокъ изъ нагорной проповѣди, который, быть можетъ, разсѣетъ наши сомнѣнія:

«27. Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. 28. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. 31. Сказано также, что если кто разведется съ женою своею, пусть дастъ ей разводную. 32. А Я говорю вамъ: кто разводится съ женою своею, кромѣ вины любодѣянія, тотъ подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать; и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ. 33. Еще слышали вы, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои. 34. А Я говорю вамъ: не клянись вовсе. 38. Вы слышали, что сказано:

око за око, зубъ за зубъ. 39. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. 43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. 44. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ».

Вглядитесь поближе въ самое построеніе этой рѣчи. Ставится какое нибудь положеніе древняго закона и выдвигается противъ него («А Я говорю») положеніе противоположнаго смысла: «дай разводную»—«не разводись»; «исполняй клятву»—«не клянись»;—«ненавидь»—«люби». Теперь вдумаемся въ 39 стихъ: «сказано: око за око, зубъ за зубъ». Что значатъ эти слова древняго закона? Это—формула мщенія, она значитъ: *мсти*. Читаемъ дальше: «А я говорю...» мы уже знаемъ, что затѣмъ должно слѣдовать. Ясно, вмѣсто древняго завѣта «мсти» выдвигается новый: *не мсти*. И такъ «не противься злому» не значитъ *не борись* со зломъ, а значитъ *не мсти* за зло.

Теперь все ясно и понятно и евангельское ученіе опять сіяетъ передъ нами во всемъ своемъ безсмертномъ блескѣ, но отъ софистическаго, противоестественнаго толкованія Толстого камня на камнѣ не остается. Ни одинъ человѣкъ, не заморившій въ себѣ простѣйшихъ, законнѣйшихъ человѣческихъ чувствъ, не будетъ стоять сложа руки и смотрѣть, какъ терзаютъ его ребенка. Но если, безъ нашего вѣдома, злодѣяніе уже совершено и мы уже не можемъ предупредить, а можемъ только наказать его? «Не мсти», не карай, «не противься злому», говоритъ намъ въ этомъ случаѣ евангеліе и *это* мы понимаемъ, хотя не у каждаго хватитъ силы воли и силы разсудка на то, чтобы не дать выразиться уже запоздалому, безполезному гнѣву своему. «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»—да, мы понимаемъ это и если отецъ замученнаго ребенка проститъ дикарю его злодѣяніе, потому что онъ, дикарь, «не вѣдалъ, что творилъ», мы не вознегодуемъ на этого отца, не упрекнемъ его въ безчувственности, а лишь подивимся его самообладанію.

Не изъ евангелія, а изъ темныхъ глубинъ своего собственнаго омраченнаго духа извлекъ Толстой свое толкованіе евангельскаго изреченія, чистаго и яснаго, какъ кристаллъ, высокаго и идеальнаго, какъ тотъ источникъ, изъ котораго оно произошло. Толкованіе Толстого льститъ и на руку эгоистическимъ инстинктамъ тѣхъ лю-

дей, которые хорошо знаютъ, что имъ нечего бояться никакихъ «Зулу», что «зло», которому они насъ учатъ «не противиться», никогда не коснется ихъ. Любопытно, и для Толстого въ высшей степени характерно, что «сущность ученія Христа» нашъ моралистъ, кромѣ своеобразно понятой заповѣди «не противься злому», видитъ въ слѣдующихъ правилахъ: не прелюбодѣйствуй, не воюй, не судись, не клянись, не разводись съ женой. Но въ евангеліи, кажется, есть заповѣдь бѣдности? «Легче верблюду...» и пр. Эта заповѣдь должно быть не входитъ «въ сущность» евангельскаго ученія и это очень предусмотрительно со стороны Толстого, потому что тяжела эта заповѣдь для того, кому есть что раздать кромѣ 20 р. карманныхъ денегъ! Не легки и тѣ заповѣди, которыя выставляетъ на первый планъ Толстой, но, знаете-ли, не легки не для всякаго. Напр., старику лѣтъ 60—70 довольно легко «не прелюбодѣйствовать»; человѣку, лѣтъ тридцать прожившему съ женою, можно не заботиться о разводѣ, больной старикъ чрезвычайно успѣшно можетъ исполнять заповѣдь «не воевать». Мы не хотимъ думать, чтобы Толстой сознательно построилъ для собственнаго обихода такую мораль, которая бы оправдывала его жизнь, санкціонировала его инстинкты, потакала его слабостямъ. Но мы удивляемся, что такой зоркій аналитикъ, какъ Толстой, не замѣчаетъ, какую злую шутку сыграла съ нимъ его натура или его привычки, сдѣлавшіяся натурою, его всосанныя съ молокомъ понятія, тѣ традиціи, которыми онъ напитанъ. Вѣдь несмотря на всѣ шумныя выходки Толстого противъ людей «нашего», т. е. его круга, его мораль никому такъ не пріятна и не удобна, какъ именно этимъ людямъ, въ томъ числѣ и самому Толстому.

Пора кончать. Готовясь поставить послѣднюю точку и, припоминая свои статьи, я ясно вижу, что мною не сказано и десятой части того, что можно и должно сказать о Толстомъ. Руководясь своей главной цѣлью — намѣтить и оцѣнить общественные мотивы произведеній Толстого — я обошелъ весь громадный, столько же глубокій, сколько и разнообразный, психологическій матеріалъ, заключающійся въ этихъ произведеніяхъ. Какая удивительная пор-

третная галлерея, какая чудная коллекція разнообразнѣйшихъ типовъ и характеровъ! Психологъ — критикъ Толстого—Громека написалъ цѣлую книгу объ *одномъ* произведеніи Толстого и притомъ не главномъ и всетаки не исчерпалъ его содержанія. Такова сила и глубина этого колоссальнаго таланта, произведенія котораго еще долго, долго будутъ служить и импульсомъ для критики, и предметомъ изученія для читателей.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕЛГУНОВЪ.

I.

Въ одномъ изъ своихъ романовъ или въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ Хвощинская-Заіончковская сдѣлала мимоходомъ такое замѣчаніе: говорятъ, писала она, о людяхъ сороковыхъ и о людяхъ шестидесятыхъ годовъ, но почему не говорятъ о нашемъ поколѣніи, о людяхъ пятидесятыхъ годовъ? Если ужъ разбивать нашу новѣйшую исторію на десятилѣтніе періоды, то нѣтъ резона пропускать и пятидесятые годы, у которыхъ была своя физіономія, свои представители, свое содержаніе.

Замѣчаніе Заіончковской вѣрно не въ хронологическомъ только, но и въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Правда, встрѣчаются въ исторіи такіе мертвые промежутки, когда умственная жизнь общества, повидимому, совсѣмъ пріостанавливается, когда люди, при другихъ условіяхъ, вѣроятно, были бы людьми вполнѣ порядочными, точно взапуски другъ передъ другомъ,

мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да чиновъ.

Современный читатель, вѣроятно, можетъ безъ особыхъ усилій воображенія представить себѣ возможность такихъ эпохъ... Однако, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Не фраза это, а неопровержимая и глубокоутѣшительная истина, что гдѣ жизнь, тамъ и развитіе, что теченіе идей не можетъ быть ничѣмъ пріостановлено въ обществѣ, еще не утратившемъ своей жизнеспособности. Общественный прогрессъ заключается не только въ выработкѣ новыхъ понятій, но и въ постепенномъ усвоеніи уже добытыхъ и

высказанныхъ идей. Процессъ этого усвоенія совершается всегда медленно и вотъ причина, почему люди слишкомъ горячаго и нетерпѣливаго чувства обыкновенно выражаютъ въ такія эпохи крайнее недовольство и своею жизнью, и своимъ обществомъ, и своимъ временемъ; процессъ этотъ совершается незамѣтно, подспудно, и вотъ причина, почему поверхностные наблюдатели отрицаютъ самое его существованіе.

Сороковые года были временемъ пышнаго разцвѣта русской мысли. Наша литература сформировала и выдвинула въ эти годы столько замѣчательныхъ талантовъ и умовъ, сколько ни раньше, ни позже не представила ни одна эпоха, ни одно поколѣніе. Осторожно и умѣренно, но со всею силой непоколебимаго убѣжденія писатели того времени развивали не одно, а цѣлый рядъ «новыхъ словъ», новыхъ фундаментальныхъ идей, которыя должны были лечь въ основу обновленнаго общественнаго міросозерцанія. Всѣ били въ одну точку, всѣ шли къ одной и той же цѣли, хотя дѣйствовали различными средствами. Литературный критикъ, разсуждая, повидимому, о вопросахъ чистой эстетики, преподавалъ, въ сущности, первые элементы здравой гражданственности. Философъ-публицистъ въ изящной и популярной формѣ излагалъ выводы науки и—что было еще важнѣе—пріучалъ своихъ читателей уважать науку, уважать не за то, что она питаетъ юношей и отраду старцамъ подаетъ, а за то, что она носительница и представительница чистой истины. Поэтъ, — тотъ самый поэтъ, о которомъ вспоминаетъ почтительно и любовно вся грамотная Россія, — съ могучею страстностью взывалъ къ достоинству человѣка, къ его свободному, хотя униженному духу. Беллетристъ давалъ яркія картины бѣдности и несовершенствъ дѣйствительности, но не лишалъ надежды, не устранялъ идеала, а, наоборотъ, утверждалъ его, доказывая образами, что искра Божія любви и человѣческаго самосознанія присуща всякой, казалось бы, даже въ конецъ забитой и опустошенной человѣческой душѣ. Всѣ эти избранные люди дѣйствовали независимо другъ отъ друга, но дѣлали одно дѣло, въ иныхъ случаяхъ даже совершенно безсознательно, безъ пониманія всего смысла и значенія своей собственной дѣятельности.

Для насъ, современныхъ людей, отдѣленныхъ отъ того времени цѣлымъ полувѣкомъ, въ который много не одной только воды утекло, для насъ не могутъ представляться особою новостью идеи

того поколѣнія. Но онѣ были истиннымъ откровеніемъ для общества, вся жизнь котораго была построена на крѣпостныхъ началахъ, по самой сущности своей противорѣчившимъ даже самымъ скромнымъ идеаламъ общественной справедливости. Для того, чтобы перевоспитать такое общество или хоть только пробудить въ немъ жизнь мысли, нуженъ былъ именно такой дружный натискъ цѣлой фаланги первостепенныхъ умовъ и талантовъ, какой мы наблюдаемъ въ такъ называемую эпоху сороковыхъ годовъ. Однако, и этотъ натискъ оказался бы безсильнымъ или принесъ бы свои плоды гораздо позднѣе, если бы, какъ знаетъ читатель, внѣшнія историческія обстоятельства не воздѣйствовали могущественнѣйшимъ образомъ въ томъ же самомъ просвѣтительномъ направленіи.

Такимъ образомъ пятидесятые годы получили отъ предъидущей эпохи богатѣйшее умственное наслѣдство, въ которомъ необходимо было разобраться. Въ параллель съ этимъ жизнь приняла такое направленіе, что о приращеніи наслѣдственныхъ богатствъ нечего было и думать и приходилось только заботиться объ ихъ сбереженіи. Эти два обстоятельства, совершенно разнородныя между собою по своей сущности, дѣйствовали, однако, на умственную дѣятельность общества въ одномъ и томъ же направленіи, заставляя ее сжаться, самооуглубиться, сконцентрироваться. Приходилось, говоря словами крыловской басни, *думать крѣпку думу безъ шуму*. Дума была *крѣпкая*, потому что было о чемъ подумать, было надъ чѣмъ поработать; дума была *безшумная*, втихомолку, въ одиночку, про себя и для себя, потому что такъ требовалось въ силу внѣшнихъ условій. Характеръ и физіономія пятидесятыхъ годовъ опредѣляются именно этими двумя фактами. Пятидесятники—это были богатые наслѣдники, которые сидѣли впроголодь на своихъ сундукахъ, пересчитывали свои богатства, подводили имъ итоги, но не пускали ихъ въ обращеніе, изъ страха попасть подъ опеку за расточительность.

Положеніе было не изъ легкихъ и не изъ пріятныхъ, что и говорить объ этомъ. Однако, правы ли были тогдашніе пессимисты, складывавшіе «на пустой груди ненужныя руки?» Точно ли были не нужны ихъ руки? Правъ ли былъ Грановскій, завидуя Бѣлинскому, «умершему во-время?» Правъ ли былъ Иванъ Аксаковъ, съ горькимъ отчаяніемъ восклицавшій:

Разбейтесь, силы,—вы не нужны!
Засни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Исторія дала на эти вопросы торжественный и непререкаемый отвѣтъ, содержаніе котораго извѣстно читателю. Не прошло десятка лѣтъ — и понадобились рабочія «руки», потребовались всѣ живыя «силы», открылся просторъ для «духа», и уже не маленькими, робкими, отдѣльными кружками, а цѣлыми массами стали соединяться люди «во имя правды и добра». И благо было тѣмъ, кто съумѣлъ выдержать испытаніе, кто устоялъ, не усыпилъ своего духа, не разбилъ своихъ силъ! Заслуга ихъ была отрицательная, но огромная, и они по праву могли явиться на призывъ новой жизни съ спокойною совѣстью и съ свѣтлымъ лицомъ.

Исторія, однако, дѣлается не отдѣльными личностями, хотя бы и одаренными исключительными силами, а массами. Если лучшіе люди пятидесятыхъ годовъ могли впадать въ уныніе и отчаяніе, то какъ чувствовала себя и какъ жила вся масса общества? На этотъ вопросъ мы найдемъ превосходный отвѣтъ у одного изъ самыхъ яркихъ представителей пятидесятыхъ годовъ, а именно у той же Хвощинской-Заіончковской. Вотъ какими чертами характеризовала она общество того времени:

«Общество не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ, не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса. Оно существовало, оно было формально устроено, формально ограждено. Тому кто умѣлъ, не запрещалось богатѣть, какъ умѣлъ, на способы смотрѣли снисходительно, если они были обставлены нужною формальностью, о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Вырабатывалась легкая совѣсть, никому не запрещалась удача. Передъ удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней неопредѣленной печали стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство, можетъ быть, отъ порчи, въѣдавшейся въ это довольное рабство. Послѣднее едва ли не вѣрнѣе: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи, преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу... Своекорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельчало мыслью, сжималось по кружкамъ, дробилось на единицы и каждая изъ этихъ единицъ привыкала дорожить только собою. Самое слово «гражданскій долгъ» считалось фразой. Вырабатывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключающій вся-

кое прямое названіе вещей по имени. Но языкъ сильнѣе было и не нужно,—говорить было нечего. Для такъ называемыхъ «высокихъ предметовъ» были высокіе казенные образцы слога, и тѣ понадобились только въ послѣднее время, и то для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Укрѣплялось и укрѣпилось одно убѣжденіе, что все хорошо какъ есть, потому что такъ покойно... Общество облежалось на узкой и короткой постели, гдѣ засыпало, и осмѣивало, осуждало тѣхъ немногихъ, которые смѣли увѣрить, что мириться съ подобнымъ положеніемъ и невыгодно, и нечестно. Но такіе голоса раздавались рѣдко и осторожно, такихъ людей презирали, когда не боялись, отъ нихъ сторонились. Въ свою очередь мельчали и эти люди».

Оставляя пока безъ всякихъ возраженіи фактическую основу этой характеристики, мы только спрашиваемъ въ недоумѣніи: какъ могло случиться, что такое, повидимому, совсѣмъ нравственно-погибшее общество могло черезъ нѣсколько лѣтъ проявить столько идеализма, столько чуткости къ общимъ интересамъ, столько довѣрія къ мысли, охоты къ развитію? Теорія двухъ-трехъ праведниковъ, которыми будто бы держатся города и земли, не болѣе какъ поэтическая метафора. Заіончковская вѣрила именно въ эту теорію, но никогда не могла объяснить, потому что этого и нельзя объяснить, какимъ чудомъ спаслись эти праведники среди всеобщаго развращенія и какимъ, еще большимъ, чудомъ не общество передѣлало ихъ, а они передѣлали общество, повели его по своимъ праведнымъ путямъ? Все дѣло въ томъ, что никакого чуда тутъ не было, какъ не было и чудодѣйственныхъ праведниковъ, а было общество обыкновенныхъ людей, живущихъ всегда не такъ какъ хочется, а такъ какъ можется. Характеристика Заіончковской—не характеристика, а горячее, хотя и запоздалое изобличеніе,—не портретъ, а сатирическая каррикатура. Возьмемъ хотя бы первые штрихи этой характеристики: «общество не оглядывалось на себя, не размышляло». Такъ всегда говорится относительно обществъ, лишенныхъ всякихъ средствъ для выраженія своего мнѣнія. Совершенно также разсуждали и крѣпостники относительно своихъ крестьянъ,—они ничѣмъ не выражають своего недовольства, стало быть они довольны. Далѣе, «по временамъ общество чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ—не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса». Неужели общество поголовно состояло изъ кретиновъ? А повальное взяточничество и казнокрадство, «неправда черная» келейныхъ судовъ, безсиліе закона и безотвѣтственность произвола, вопіющія злоупотребленія крѣпостнаго права и пр. и пр.? Вѣдь, для того,

чтобы не только почувствовать, но и сознать *такія* стѣсненія, вовсе не нужно обладать широкимъ политическимъ смысломъ и тонкимъ умственнымъ развитіемъ. Между тѣмъ, Заіончковская говорила не о какихъ нибудь папуасахъ, но о русскомъ обществѣ, знавшемъ хорошо Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, которые и вышли изъ нѣдръ этого общества и дѣйствовали въ этомъ же самомъ обществѣ.

Безполезно было бы слѣдить, дѣлая шагъ за шагомъ, за характеристикой Заіончковской. Съ внѣшней стороны эта характеристика была вѣрна и мѣтко ударяла въ разныя больныя мѣста наши, но сущности дѣла она не затрогивала. Общество пятидесятыхъ годовъ, какъ и всякая толпа, жило, примѣняясь къ обстоятельствамъ. Оно не протестовало противъ системы, лишавшей его всякой самодѣятельности, но и не проникалось ея началами, а относилось къ ней какъ къ непріятному и даже тяжелому, но неустранимому факту. Таковъ «средній человѣкъ» вездѣ и всегда, таковъ онъ былъ и въ то время. Плетью обуха не перешибешь, говоритъ онъ и пристраивается къ «обуху», не примиряясь съ нимъ и даже нисколько его не уважая. Онъ не создаетъ жизни, а просто пользуется ею, беретъ ее такой, какой находитъ. У него найдется и энтузіазмъ, и чистый патріотизмъ, и искренній альтруизмъ, если историческія силы и теченія потребуютъ отъ него этихъ качествъ. Но онъ же будетъ сіять молчалинскою благонамѣренностью, если только на нее будетъ предъявленъ запросъ. Настоящія, стихійныя, прирожденныя свойства «средняго человѣка»—именно умѣренность и аккуратность, при совершенномъ отсутствіи царя въ головѣ и при полнѣйшей неспособности къ какой бы то ни было иниціативѣ. Онъ не идетъ, а только сопутствуетъ, не живетъ, а только примѣняется и приспособляется. Онъ можетъ быть и плюсомъ, и минусомъ, нисколько не измѣняясь въ своей сущности, въ своей величинѣ. Всѣ подвиги мысли и чувства, всѣ завоеванія исторіи, всѣ богатства и радости культуры, всѣ блага прогресса—все это совершается не «среднимъ человѣкомъ», но для него, только для него, а собственно его провиденціальное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы плодиться, множиться и населять землю. «Средній человѣкъ»—рабъ исторіи и, въ то же время, господинъ жизни. Рабъ исторіи потому, что его духовная физіономія, лишенная всякой оригинальности, послушно принимаетъ то

выраженіе, которое ей придадутъ общія условія мѣста и эпохи. Онъ господинъ жизни потому, что всегда умѣетъ найти компромиссъ, благодаря которому онъ ни въ какомъ случаѣ не останется безъ дѣла, не окажется «лишнимъ» человѣкомъ. Онъ всегда нуженъ, вездѣ «ко двору», всѣмъ полезенъ и даже необходимъ: никакое дѣло и никакая идея, никакая система не могутъ обойтись безъ исполнителей, а «средній человѣкъ»—исполнитель по преимуществу.

Такимъ образомъ, загадка, совершенно неразрѣшимая съ точки зрѣнія Заіончковской, разрѣшается какъ нельзя проще. *Тѣ самые люди*, которые въ началѣ пятидесятыхъ годовъ посѣкали (именно посѣкали, а не драли) своихъ крестьянъ, не только служили, но и прислуживались, взяточничали безъ вымогательства или, по крайней мѣрѣ, какъ гоголевскій городничій, «безъ всякой ненависти», сплетничали, пьянствовали, играли въ преферансъ, — *эти самые люди* въ началѣ пятидесятыхъ годовъ говорили о «младшемъ братѣ», о гуманности, о прогрессѣ, о необходимости гласности. Губернскіе Печорины, оставивъ заботу о женскихъ сердцахъ, пошли въ мировые посредники и прекрасная память объ ихъ дѣятельности живетъ до сего дня. Губернскіе Рудины нашли просторъ и приложеніе своему краснорѣчію въ губернскихъ комитетахъ по устройству быта крестьянъ. Маленькіе Бельтовы стали находить возможнымъ оставаться на службѣ гораздо долѣе, нежели ихъ прототипъ. А всѣ вообще стали какъ будто и умнѣе, и добрѣе, и честнѣе, стали стыдиться того, на что еще недавно смотрѣли равнодушно, и все это было вполнѣ искренно, потому что и «средній человѣкъ» есть *человѣкъ*, и ему пріятнѣе исполнять разумныя и благія требованія, идти за тѣмъ, кто ведетъ къ свѣту, а не за тѣмъ, кто тащитъ въ глухую трущобу. Гигіенисты говорятъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ». Примѣняя это выраженіе къ цѣлому обществу и къ условіямъ его жизни, можно сказать: «общество есть то, чѣмъ оно живетъ». А вопросъ: чѣмъ жить? — опредѣляется силою вещей, господствующими теченіями.

И такъ, въ идейномъ отношеніи пятидесятые годы не сдѣлали никакихъ самостоятельныхъ пріобрѣтеній. Роль лучшихъ людей того времени состояла въ томъ, чтобы, во-первыхъ, отстоять и сохранить свою человѣческую личность среди всеобщей деморализаціи, и, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы по возможности глубоко про-

никнуться уроками и завѣтами крупныхъ умственныхъ дѣятелей предшествовавшей эпохи.

Изъ всѣхъ передовыхъ людей пятидесятыхъ годовъ, не исключая и самой Заіончковской, лучше всѣхъ разрѣшилъ обѣ эти задачи Николай Васильевичъ Шелгуновъ. Въ этомъ его основная заслуга и въ этомъ же, какъ увидимъ дальше, объясненіе того крупнаго значенія, которое его дѣятельность получила въ послѣднее время.

II.

Въ статьѣ о Берне *Первый нѣмецкій публицистъ*, Шелгуновъ говоритъ, между прочимъ: «Журналистика существуетъ не для того, чтобы предлагать взрослымъ читателямъ учебники, изъ которыхъ они выросли. Журналистъ—не возница науки и исторіи, онъ не рудокопъ, онъ—рабочій монетнаго двора. Слитки сокровищъ, добытыхъ рудокопами, могутъ пролежать десятки и сотни лѣтъ безъ всякой пользы. Среди сокровищъ въ глыбахъ можно умереть съ голоду, если слитки не могутъ быть пущены въ обращеніе. Сколько есть людей, которые не могутъ пользоваться сокровищами мысли именно потому, что сокровища эти не вычеканены въ монету! Вотъ эту-то монету, удобную для обращенія, и выдѣлываетъ изъ слитковъ журналистика». Вѣрно это или невѣрно въ общемъ смыслѣ и, въ особенности, вѣрно ли это у насъ, гдѣ журналистика нерѣдко являлась именно въ роли умственнаго рудокопа,—обо всемъ этомъ я не буду говорить. Остается несомнѣннымъ, что характеристика журналиста, сдѣланная Шелгуновымъ, наилучшимъ образомъ примѣняется къ его дѣятельности. Да, Шелгуновъ былъ «рабочимъ монетнаго двора», т. е. популяризаторомъ и пропагандистомъ идей, добытыхъ «рудокопами» умственнаго міра, самостоятельными работниками мысли. Продолжая ту же метафору, можно спросить: какую именно монету чеканилъ Шелгуновъ? Имперіалъ—монета, и двугривенный—монета, и копѣйка—монета же. Ихъ стоимость далеко не одинакова, но количество мѣновыхъ услугъ, оказываемыхъ ими, пожалуй, обратно пропорціонально ихъ стоимости: въ то время какъ копѣйка перейдетъ черезъ сотни рукъ, двугривенный перейдетъ только черезъ десятки, а имперіалъ едва успѣетъ перемѣнить

одного только хозяина. Шелгуновъ очень мало заботился объ умственной аристократіи и постоянно имѣлъ въ виду обыкновеннаго читателя,—не читателя-богача, у котораго звенятъ золотые въ карманѣ, а читателя бѣдняка, для котораго и двугривенный—деньги. У Шелгунова не было такого рѣшительнаго литературнаго призванія, которое обязывало бы его отдаться какому-нибудь одному опредѣленному роду литературной работы. Онъ писалъ статьи экономическія, политическія, юридическія, педагогическія, литературно-критическія, полемическія и т. д. Ни въ одной изъ этихъ сферъ онъ не былъ «рудокопомъ», но ни въ одной изъ этихъ сферъ онъ не разочаровывалъ читателя, не оставлялъ его съ пустыми руками. Популяризаторомъ идей не такъ легко быть, какъ это многимъ кажется. Популяризаторъ долженъ овладѣть предметомъ во всѣхъ его деталяхъ, долженъ предвидѣть всѣ недоумѣнія и вопросы читателя и идти имъ на встрѣчу. Въ этомъ отношеніи Шелгуновъ былъ безукоризненъ: онъ отлично зналъ своего читателя и снисходилъ до объясненія такихъ подробностей, которыя могли бы подразумѣваться сами собою. Какъ это часто бываетъ въ писателяхъ, главное достоинство Шелгунова было органически связано съ его главнымъ писательскимъ недостаткомъ. Его статьи можетъ читать и понимать всякій грамотный человѣкъ—вотъ его достоинство. Съ другой стороны, стремясь къ популярности изложенія, къ удобопонятной для всѣхъ доказательности, Шелгуновъ нерѣдко утопляетъ мысль статьи въ фактическомъ матеріалѣ, такъ что даже опытный читатель не всегда разсмотритъ лѣсъ за деревьями. Поясникъ дѣло примѣромъ. Есть у Шелгунова статья *Фатализмъ историческаго прогресса*. Оригинальная тема, богатая мысль,—не правда ли? Какихъ философскихъ, метафизическихъ и діалектическихъ узоровъ не вышилъ бы по этой широкой канвѣ синтетическій, обобщающій умъ кого-нибудь изъ теоретиковъ сороковыхъ годовъ! Весьма вѣроятно, что онъ, какъ это бывало и съ Бѣлинскимъ и со всѣми его друзьями, подъ конецъ запутался бы въ своихъ собственныхъ хитросплетеніяхъ, но толковому читателю, тѣмъ не менѣе, была бы задана такая умственная работа, которая навсегда осталась бы для него памятною. Шелгуновъ не любилъ или, говоря откровеннѣе, не умѣлъ *такъ* затруднять своего читателя и потому его статья, съ столь заманчивымъ и многообѣщающимъ заглавіемъ, содержитъ много интересныхъ фактическихъ свѣдѣній о всемірной

торговлѣ, о Суэзскомъ каналѣ, о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и пр. и пр., но основной тезисъ статьи, т. е. *фатализмъ*, стихійность, неустранимость прогресса, остается недоказаннымъ. Факты, приводимые въ статьѣ, такъ сказать, только окружаютъ, но совсѣмъ не мотивируютъ этотъ тезисъ. И этотъ недостатокъ единства мысли замѣчается въ большинствѣ работъ Шелгунова. Онъ былъ не столько синтетикъ, сколько аналитикъ.

За всѣмъ тѣмъ, о чемъ бы Шелгуновъ ни говорилъ, онъ не сходилъ съ почвы общихъ принциповъ. Принципы эти онъ почерпнулъ изъ ученій своихъ предшественниковъ, но съумѣлъ ихъ ассимилировать, какъ свое собственное, кровное достояніе. Въ *Письмахъ о воспитаніи* Шелгунова есть одно мѣсто, чрезвычайно ярко освѣщающее эту сторону дѣятельности нашего публициста, его замѣчательную стойкость и секретъ этой стойкости. Шелгуновъ говоритъ: «Намъ часто случалось слышать объ измѣнѣ убѣжденіямъ, о политическомъ раскаяніи и политическомъ хамелеонствѣ. Но политика—такая же наука, какъ естествознаніе. Нельзя раскаяться въ томъ, что березу считаешь березой, а лошадь лошадью. Въ томъ, что называютъ хамелеонствомъ и раскаяніемъ, нѣтъ, въ сущности, ни раскаянія, ни хамелеонства. Передъ нами или неустановившаяся мысль, или мысль, не прошедшая черезъ чувства; въ обоихъ случаяхъ для человѣческаго поведенія нѣтъ твердой точки отправленія, а при отсутствіи твердой мысли и практики чувствъ можетъ ли быть человѣческое поведеніе твердо и мужественно? Поэтому раскаиваются обыкновенно недоучившіеся дѣти и юнцы, либеральный порывъ которыхъ есть не больше, какъ душевная недоконченность. Зрѣлый человѣкъ будетъ всегда мужественъ, и человѣкъ, твердо усвоившій извѣстную идею, никогда отъ нея не откажется». Такъ могъ говорить только чистый идеалистъ, который, судя по себѣ, предполагаетъ, что люди руководствуются идеями, а не интересами. Думать такъ—значитъ ошибаться; но *такія* ошибки дѣлаютъ высокую нравственную честь тому, кто ихъ совершаетъ, потому что они вытекаютъ изъ слишкомъ пламенной вѣры въ людей, въ ихъ искренность и въ ихъ нравственное достоинство. Человѣкъ у котораго ni foi, ni loi, безъ убѣжденій, безъ принциповъ, безъ совѣсти дѣлаетъ обыкновенно такую же ошибку, только въ обратномъ смыслѣ: никакія силы, никакіе примѣры и свидѣтельства не убѣдятъ его, что невещественныя идеи можно любить несравненно

больше, нежели вещественныя блага. «Я знаю, что у тебя тамъ... Всѣ вы шельмы...»,—думаетъ онъ про себя, какъ одинъ изъ героевъ Глѣба Успенскаго. Причина его ошибки совершенно та же, что и у Шелгунова: онъ судитъ по себѣ. Характерно для Шелгунова и это сравненіе политики съ естествознаніемъ. Въ объективномъ смыслѣ это сравненіе до того очевидно невѣрно, что противъ него и спорить не стоитъ, но въ субъективномъ смыслѣ Шелгуновъ былъ совершенно правъ. Да, для *него* политическіе принципы, усвоенные имъ, были также непреложны, какъ и истины естествознанія. «Нельзя раскаяться въ томъ, что березу считаешь березой, а лошадь лошадью»—сколько наивности въ этомъ афоризмѣ, но не той наивности, которая свидѣтельствуетъ объ ограниченности ума, а той, которая говоритъ о молодости души и которая зачастую отличаетъ даже людей, признаваемыхъ умственными вождями человѣчества. Чичиковъ и Молчалинъ не сказали бы такой «глупости», но Фурье, Шиллеръ, Дарвинъ, Гарибальди, Бѣлинскій, Левъ Толстой, Салтыковъ проговаривались «глупостями» несравненно большими. Вѣрующій и исповѣдующій человѣкъ, человѣкъ идеи и идеала кажется страннымъ и наивнымъ чудакомъ въ наше, такъ называемое, положительное время.

Маудсли замѣтилъ однажды, что «освѣжающее и укрѣпляющее вліяніе нѣкоторыхъ писателей не столько зависитъ отъ дѣйствительнаго смысла ихъ произведеній, сколько отъ тона души, который они вызываютъ». Это точно нарочно о Шелгуновѣ сказано. Собственно говоря, было бы не трудно, что называется, «разнести» большую часть писаній Шелгунова: въ нихъ много частныхъ (однако, именно только *частныхъ*) противорѣчій, которыя можно было бы не безъ эффекта подчеркнуть, много ненужныхъ уклоненій въ сторону отъ предмета, много истинъ слишкомъ банальныхъ, чтобы ихъ стоило преподавать даже русскому провинціальному читателю, много, однимъ словомъ, разныхъ прорѣхъ и прорухъ, къ которымъ можно было бы придраться. Какъ быть! Шелгуновъ не обладалъ первостепеннымъ литературнымъ талантомъ и былъ, кромѣ того, обыкновеннымъ журнальнымъ сотрудникомъ, не олимпійцемъ, не парнасцемъ, который пишетъ только тогда, когда «божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется», а литературнымъ рабочимъ, не имѣющимъ возможности заботиться объ ювелирной отдѣлкѣ сво-

ихъ импровизацій. За всѣмъ тѣмъ, сокрушительная статья предполагаемаго критика доказала бы только то, что критикъ совершенно не понялъ разбираемаго писателя. *Тонъ души*, о которомъ говорилъ Маудсли, вызывается не силою логическихъ доказательствъ, не остроуміемъ діалектики, не богатствомъ эрудиціи писателя, а его убѣжденностью и искренностью. Сердце сердцу вѣсть даетъ,—вотъ вся разгадка дѣла. Шелгуновъ въ очень значительной степени обладалъ этимъ умѣніемъ входить съ читателемъ въ нравственное общеніе, и этимъ своимъ умѣньемъ онъ обязанъ не столько своей писательской, сколько своей человѣческой личности, не столько своему таланту, сколько своему горячему чувству. Шелгуновъ былъ не Бѣлинскій, конечно, но и къ нему цѣликомъ могутъ быть отнесены эти слова, сказанныя о Бѣлинскомъ:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли.

Трудно сказать,—изъ сочиненій этого не видно,—сознавалъ ли Шелгуновъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, состояла его сила. Но онъ отлично понималъ роль въ жизни ума и чувства, ихъ взаимныя отношенія и ихъ относительную стоимость. Шестидесятые годы, какъ извѣстно, провозгласили именно авторитетъ ума въ ущербъ непосредственному чувству, и въ этомъ отношеніи ближайшій соратникъ Шелгунова—Писаревъ, дошелъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Добролюбовъ, при всемъ своемъ довѣріи къ силамъ и руководству ума, всетаки могъ усмотрѣть въ темной, простой, необразованной женщинѣ (Катерина въ *Грозѣ* Островскаго) «лучъ свѣта», потому что разглядѣлъ въ ней цѣлостную натуру, добрые инстинкты и чистую нравственность, хотя и не просвѣщенные и не укрѣпленные сознаніемъ. Писаревъ рѣшительно отвергъ какія бы то ни было права Катерины на роль «луча» именно въ силу того, что Катерина не обучалась ни въ какомъ университетѣ и не читала никакихъ умныхъ книжекъ. Шелгуновъ относительно этого важнаго вопроса всталъ на совершенно самостоятельную и, по нашему мнѣнію, совершенно правильную точку зрѣнія. Онъ и въ этомъ случаѣ *судилъ по себѣ*, но на этотъ разъ разсудилъ вѣрно, потому что говорилъ не о живыхъ людяхъ, а о психологическихъ процессахъ. Онъ дважды высказался по этому вопросу (статьи

Правда и свобода и *Письма о воспитаніи*), и такъ характерно для самого себя, что мы приведемъ нѣсколько наиболѣе яркихъ мѣстъ изъ этихъ статей, соединивши ихъ въ одну цитату.

«Русскій умъ не оправдалъ блистательныхъ надеждъ на него возлагаемыхъ. Это произошло вовсе не отъ того, чтобы русскій умъ былъ какого либо не настоящаго качества или явился поддѣлкою ума хорошаго. Причина въ томъ, что такъ называемый умъ, какъ руководящій свѣточъ, такъ же легко заводитъ въ болото, какъ и выводитъ на просторную и свѣтлую дорогу. Вовсе не умъ мѣшаетъ отличать людямъ важное отъ неважнаго, первое отъ втораго, а изворотливое лукавство, преслѣдующее мелочное удовлетвореніе, управляетъ умомъ и даетъ ему какое-то мошенническое направленіе. Не силой ума достигается слава, а только глубиной и энергіей хорошихъ чувствъ. И, должно быть, хорошія чувства рѣдки, если такъ мало людей, окруженныхъ за нихъ ореоломъ славы, и если у ногъ такъ называемыхъ великихъ писателей валяется колѣнопреклоненная толпа всякихъ карапузиковъ. Мыслители, искавшіе руководящихъ истинъ, были, конечно, правы, когда въ голыхъ средствахъ чувства не находили орудія для отысканія законовъ міра. Не сердцемъ, а головой строили они свои логическія системы, и думали они, конечно, не чувствомъ, а умомъ. Но тотъ же Кантъ, который видѣлъ въ чувствахъ и страстяхъ помѣху свободному, независимому мышленію, развѣ не въ чувствѣ почерпалъ всю свою силу? Развѣ не страсть одушевляла мыслителей, когда они отдавали идеѣ, которую преслѣдовали, всѣ свои силы? Развѣ Аристотель, Платонъ, Сократъ, Галилей, Ньютонъ, Бэконъ, Макіавелли, Кантъ, Гегель, Контъ—эти, повидимому, преимущественно головные организмы—не были самыми страстными людьми? И почему мыслительнымъ способностямъ слѣдуетъ отвести первое мѣсто, а чувству—второе? Можете ли вы сказать, какое колесо въ часовомъ механизмѣ первое и какое послѣднее, когда ни одного изъ нихъ нельзя вынуть безъ того, чтобы механизмъ не пересталъ дѣйствовать?»

Яснѣе и опредѣленнѣе нельзя выразиться. Я привелъ эту цитату не затѣмъ, чтобы спорить или соглашаться съ Шелгуновымъ по существу дѣла, а затѣмъ, чтобы характеризовать его методъ, его писательскую манеру. Для Шелгунова не то было истиной, что убѣдительно доказывалось разсудкомъ, а то, что находило оправ-

данiе въ нравственномъ чувствѣ, что было согласно съ совѣстью. Извѣстные некрасовскiе стихи: «вѣрить, не вѣрить, ему все равно, лишь бы доказано было умно» можно вполнѣ примѣнить къ Шелгунову, только вывернувши ихъ на изнанку: Шелгунову было почти все равно, *какъ* доказано, умно или не умно,—лишь бы можно было повѣрить, лишь бы противъ поставленнаго тезиса не протестовала совѣсть. Не въ личныхъ «благожелательныхъ чувствахъ» была сила Шелгунова, а въ томъ, что онъ успѣлъ внушить благожелательность всей массѣ своихъ читателей, умѣлъ сообщить имъ свое всегда высокое, всегда чистое и всегда страстное душевное настроенiе. Добрыми намѣренiями, говорятъ, адъ вымощенъ—пусть такъ. Но если поэтъ, которому благодарная Россiя воздвигнула уже не одинъ памятникъ, вмѣнялъ себѣ въ главную заслугу именно то, что онъ «чувства добрыя лирой возбуждалъ», то позвольте же гордиться такимъ подвигомъ и журналисту, отдавшему этой задачѣ всю свою жизнь и всѣ свои силы.

Есть основанiе думать, что Шелгунову не вполнѣ была ясна его общественно-литературная роль. По крайней мѣрѣ, въ предисловiи къ своимъ сочиненiямъ Шелгуновъ сдѣлалъ такое заявленiе: «Проводится въ статьяхъ постоянно почти одна и та же мысль, въ историческихъ статьяхъ получающая историческое объясненiе, въ экономическихъ—экономическое, въ педагогическихъ—педагогическое, а въ публицистическихъ—публицистическое». Я сказалъ уже и опять повторяю, что никакой такой «одной», фундаментальной *мысли* у Шелгунова не было и въ статьяхъ его эта мысль не выразилась. Возвышенное душевное настроенiе автора, никогда его не покидавшее, вотъ что придаетъ статьямъ Шелгунова единство и стройность, вотъ что спаиваетъ ихъ въ одно органическое цѣлое. Можно сказать, что Шелгуновъ былъ одушевленнымъ и фанатически убѣжденнымъ трибуномъ и проповѣдникомъ *идеи прогресса*. Очевидно, однако, что это слишкомъ широкое и общее положенiе, чтобы его можно было индивидуализировать.

III.

Прошу читателя представить, что передъ нимъ находятся три книги или три статьи, написанныя на одну и ту же тему, но совершенно различнаго характера. Въ первой статьѣ разсматриваются

факторы человѣческой культуры и доказывается, что возможность быстраго и удобнаго общенія между личностями, городами, государствами, племенами является однимъ изъ самыхъ могучихъ двигателей прогресса. Вторая статья разсматриваетъ экономическое, политическое, стратегическое, соціальное значеніе желѣзныхъ дорогъ вообще. Въ третьей статьѣ подробно и обстоятельно разбирается будущая роль строющейся нынѣ Сибирской желѣзной дороги. Какая изъ этихъ трехъ статей можетъ наиболѣе привлечь ваше вниманіе? Если вы собираетесь возить изъ Томска въ Петербургъ муку или говядину, для васъ, конечно, наибольшій интересъ будетъ имѣть статья, трактующая о Сибирской желѣзной дорогѣ. Въ какомъ направленіи она будетъ проведена? По какому тарифу она будетъ возить мясо и хлѣбъ? Къ какому именно сроку можно ожидать открытія по ней правильнаго движенія? Будутъ-ли построены къ ней подъѣздные пути? и т. д., и т. д. Все это вопросы практическіе, жизненные, насущные, а для васъ даже жгучіе, но вы извините насъ, если мы, не хлѣботорговцы, не только не волнуемся этими вопросами, но и вообще весьма равнодушны къ интересамъ вашего кармана. Если вы имѣете какое-нибудь соприкасательство къ желѣзнымъ дорогамъ, состоите членомъ какого нибудь желѣзнодорожнаго правленія или мечтаете заполучить концессію, или просто имѣете въ рукахъ акціи той или другой дороги, вы, конечно, возьметесь прежде всего, за сочиненіе, трактующее вообще о желѣзныхъ дорогахъ. Каковы на этотъ счетъ порядки заграницей? Какой способъ стройки дорогъ признается теперь выгоднѣйшимъ — казенный или концессіонный? Можно ли надѣяться, что пріятная система гарантій еще не скоро сойдетъ со сцены? Имѣются-ли какіе-нибудь шансы на возвышеніе желѣзнодорожнаго тарифа? и т. д. Опять-таки и это все вопросы жизненные и настолько широкіе, что даже и мы, не желѣзно-дорожники, не можемъ на этотъ разъ относиться къ нимъ съ тѣмъ полнымъ равнодушіемъ, съ какимъ мы относились къ заботамъ, удручающимъ томскаго или иркутскаго Китъ Китыча. Вопросы общей желѣзно-дорожной политики имѣютъ, конечно, болѣе существенное значеніе, нежели спеціальныя условія того или другаго пути. Наконецъ, если вы образованный человѣкъ, какого бы то ни было положенія и даже какой бы то ни было національности, вы живѣйшимъ образомъ заинтересуетесь книгой, трактующей о самыхъ

основаніяхъ культуры, о средствахъ и путяхъ прогресса. Интересъ такой книги не частный, а общій, не узко-практическій и даже не государственно-дѣловой, а философскій. Конечно, эта книга не уяснитъ вамъ ни того, вредны или полезны желѣзно-дорожныя гарантіи и концессіи, ни того, въ какомъ видѣ, въ видѣ ли солонины или цѣлыми тушами, «сходнѣе» будетъ отправлять говядину изъ Сибири въ Европейскую Россію, но какая же вамъ отъ того печаль? За то эта книга прояснитъ ваше общее сознаніе, послужитъ не практическимъ, не карманнымъ, а умственнымъ и, стало быть, нравственнымъ интересамъ вашимъ.

Календарь, лексиконъ, учебникъ технологіи, — все это книги очень полезныя, нужныя и почтенныя, но все это не литература, однако же, и даже не журналистика. Назначеніе литературы состоитъ въ томъ, чтобы служить духовнымъ потребностямъ своего общества, и въ этомъ же заключается призваніе журналиста, который хочетъ и можетъ быть *писателемъ*, а не экспертомъ, не «свѣдущимъ человѣкомъ» только. Если бы отъ литературы требовалась только практическая дѣловитость, мы ставили бы памятники не Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Гоголямъ, а биржевымъ маклерамъ и департаментскимъ воротиламъ. Не Шекспиръ, а г. Сущовъ былъ бы нашимъ свѣточемъ. Слава Богу, однако, мы еще не дошли и, можно надѣяться, никода не дойдемъ до этого и начала идеализма, общія идеи и руководящіе принципы не исчезнутъ въ нашей литературѣ, а, стало быть, и въ нашемъ умственномъ обиходѣ. Пусть процвѣтаетъ литература докладныхъ записокъ, биржевыхъ бюллетеней и «дѣльныхъ» газетныхъ передовицъ, — на ряду съ нею и, можно сказать, въ укоръ ей существуетъ и будетъ существовать другая литература,—не такъ называемая «печать», а настоящая литература, которая заботится не о матеріальномъ комфортѣ своихъ читателей.

Шелгуновъ, какъ журналистъ, обѣими ногами стоялъ на землѣ но никогда не забывалъ о небѣ. Сплошь да рядомъ касаясь чисто-практическихъ вопросовъ, онъ не упускалъ изъ вида общей теоретической основы своихъ воззрѣній. Онъ не занимался отвлеченными умствованіями, но и не наводнялъ литературу докладными записками. Онъ умѣлъ сохранить то равновѣсіе между мыслью и фактомъ, между теоріей и практикой, которое служитъ лучшимъ ручательствомъ жизненности поставляемыхъ писателемъ требованій.

Съ своею обычною ясностью Шелгуновъ высказывался не разъ и не два о значеніи общихъ принциповъ въ жизни и въ литературѣ. «Какой-то умный завоеватель въ отвѣтъ совѣтникамъ, говорившимъ ему о всемогуществѣ золота, сказалъ: «Мечомъ я добуду и золото, а золотомъ не добуду мужественныхъ людей, съ которыми могу покорить міръ». Идеи высшаго порядка и есть этотъ всепокоряющій мечъ, которымъ добываются и мужественные люди, и порядокъ, и благо, и добро. Еще недавно не пришло бы никому въ голову спорить объ этомъ, а теперь приходится отстаивать даже пользу наукъ, благотворность цивилизаціи и доказывать, что общественное идейное мышленіе выше частнаго, промышленнаго, прикладнаго». Это свое уваженіе къ «идеямъ высшаго порядка» Шелгуновъ не только высказывалъ, но и практиковалъ въ своей литературной дѣятельности. Возвратимся къ той иллюстраціи, которою мы начали эту главу, и предположимъ, что передъ Шелгуновымъ стоитъ именно эта тема — о значеніи желѣзныхъ дорогъ для страны: какъ распорядился бы онъ съ нею? Не хуже какого угодно «дѣльца» разработалъ бы Шелгуновъ спеціальную сухую часть своей темы, привелъ бы и объяснилъ бы всѣ нужныя цифры, розыскалъ бы и изложилъ всѣ подходящія къ вопросу статистическія и историческія данныя и т. д., но началъ бы онъ эту свою работу всенепремѣнно широкимъ вступленіемъ чисто-идейнаго, теоретическаго свойства. Онъ подчеркнулъ бы значеніе желѣзныхъ дорогъ не только какъ орудій обмѣна товаровъ, но и обмѣна идей, указалъ бы, что онѣ способствуютъ не только культурѣ страны, но и ея цивилизаціи, не только ея экономическому развитію, но и умственному прогрессу. Эти «идеи высшаго порядка» отнюдь не были бы въ его работѣ только пикантнымъ соусомъ, долженствующимъ придать вкусъ сухимъ, какъ черствый сухарь, цифровымъ выкладкамъ и таблицамъ; наоборотъ, самыя эти таблицы сыграли бы у него вспомогательную роль для освѣщенія и утвержденія основной тенденціи статьи. Не для свѣдѣнія высшей желѣзнодорожной администраціи и не для вразумленія «товароотправителей», а для просвѣтленія общаго міросозерцанія своего читателя обработалъ бы Шелгуновъ свою скучную тему, и въ результатѣ получилась бы не дѣловитая «записка», а дѣльная и живая литературная статья. Спеціалисты ее не одобрили бы, Китъ Китычъ

не нашелъ бы въ ней ничего «настоящаго», но образованный читатель прочелъ бы ее и съ пользой, и съ удовольствіемъ.

Такъ постоянно относился Шелгуновъ къ вопросамъ и явленіямъ жизни. Онъ всегда помнилъ, что онъ публицистъ, писатель, т. е. служитель истины, а не прислужникъ того или другого класса, той или другой корпораціи. Это свое уваженіе къ «идеямъ высшаго порядка» Шелгуновъ наслѣдовалъ непосредственно отъ дѣятелей сороковыхъ годовъ и укрѣпилъ его въ себѣ въ «досужую» эпоху пятидесятыхъ годовъ. Кстати же, именно въ эту эпоху, Шелгуновъ достигъ того возраста (онъ родился въ 1825 г.), когда умственныя и нравственныя силы человѣка отливаются въ окончательную форму. Говоря старымъ, но все еще не устарѣлымъ терминомъ, Шелгуновъ былъ западниковъ въ томъ смыслѣ, какой придавали этому слову въ сороковыхъ годахъ. «Всѣ наши ученые,—говоритъ Шелгуновъ,—публицисты, критики, беллетристы, всѣ великіе писатели и умственные дѣятели 40-хъ годовъ, доставшіеся намъ по наслѣдству въ 60-хъ и 80-хъ годахъ, всѣ эти умственные дѣятели, положившіе основаніе дальнѣйшему нашему развитію, и имена которыхъ навсегда сохранятъ передовое мѣсто въ исторіи нашей литературы и науки,—всѣ эти сильные и крупные люди создались исключительно идеями Запада. Теоріи юридическія, историческія, художественныя, критическія, которыми создались существующія у насъ юридическія, историческія, художественныя, критическія, общественныя, экономическія познанія и которыми мы выяснили себѣ явленія русской жизни, всѣ пришли къ намъ изъ университетовъ Европы и достались, какъ готовое умственное наслѣдіе, отъ западныхъ мыслителей и ученыхъ».

Здѣсь просится съ пера оговорка: нѣтъ, не какъ *готовое наслѣдіе* восприняли наши дѣятели сороковыхъ годовъ юридическія, историческія, философскія теоріи Запада. Еслибъ это было такъ, то въ чемъ же бы выразилась умственная самостоятельность этихъ дѣятелей, въ чемъ была бы ихъ заслуга и какой смыслъ имѣли бы, наприм., муки, да, въ буквальномъ смыслѣ слова *муки*, и терзанія Бѣлинскаго? Протяни руку и бери «готовое наслѣдіе»—ничего тутъ труднаго нѣтъ и не отчего тутъ мучиться. Дѣло происходило иначе, «готовое наслѣдіе» было вовсе не такъ готово, его нужно было переработать, приспособить къ условіямъ мѣста и времени. Я подчеркиваю это обстоятельство въ огражденіе самого Шелгу-

нова: вѣдь, и онъ воспринялъ идейныя богатства сороковыхъ годовъ тоже не пассивно, не безъ критики, не безъ попытокъ, болѣе или менѣе удачныхъ, расширить и упорядочить ихъ, когда къ этому открылась нѣкоторая возможность. И для людей сороковыхъ годовъ, и впослѣдствіи для самого Шелгунова «готовое наслѣдіе» стало, въ сущности, благопріобрѣтеннымъ достояніемъ и въ этомъ, въ одномъ этомъ заключается причина образцоваго мужества, съ какимъ всѣ эти люди защищали до послѣдняго издыханія свое не унаслѣдованное, а собственною кровью и потомъ нажитое богатство.

IV.

Одинъ изъ некрологистовъ Шелгунова справедливо замѣтилъ, что «его значеніе необыкновенно возросло въ послѣдніе годы». Справедливо и то, что, какъ говорится далѣе въ томъ же некрологѣ, этотъ фактъ «объясняется больше всего горячею, беззавѣтною преданностью высокимъ гуманнымъ идеямъ, которымъ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, всѣми силами своей души служилъ Шелгуновъ». Все это, говоримъ мы, совершенно справедливо. Однако, самый фактъ, указываемый въ некрологѣ, настолько замѣчателенъ и даже исключителенъ, что на немъ необходимо остановиться подольше и разсмотрѣть его поближе.

Прежде всего, нужно прочно установить самый фактъ, и это дѣло не трудное: сошлемся на субъективное впечатлѣніе самого читателя. Статьи Шелгунова никогда не были журнальнымъ балластомъ, никогда не оставались неразрѣзанными. Но ихъ не ждали, какъ ждали, бывало, напримѣръ, статей Писарева, ихъ читали, но не пожирали, какъ тѣ же писаревскія статьи, и разговоръ въ обществѣ онѣ возбуждали очень умѣренный. Такъ ли обстояло дѣло за послѣднія пять лѣтъ? Нѣтъ, не такъ, и читатель долженъ это знать. Голосъ Шелгунова пріобрѣлъ подъ конецъ такой вѣсъ и такую авторитетность, какіе обыкновенно бываютъ достояніемъ только первоклассныхъ писателей. Причинъ этому было много, но мы остановимся только на главнѣйшихъ.

Прежде всего, укажемъ на странный и даже маловѣроятный, но несомнѣнный фактъ: на склонѣ своихъ дней Шелгуновъ сталъ писать лучше, нежели онъ писалъ въ молодости. Перейдя за шестидесятилѣтній возрастъ, онъ какъ будто помолодѣлъ духомъ, его

талантъ какъ будто сбросилъ съ себя какія-то цѣпи или путы, и въ статьяхъ Шелгунова, прежде только живыхъ и удобопонятныхъ, появилась неподдѣльная увлекательность и чисто-юношеская страстность. Въ литературѣ нашей, къ чести ея будь сказано, насчитывается не мало дѣятелей, которые устояли до конца, договорили свое послѣднее слово въ томъ же діапазонѣ, въ какомъ произнесли свое первое слово. Но во всей литературѣ нашей я знаю только два примѣра непрестаннаго совершенствованія, только двухъ писателей, которые именно какъ будто молодѣли съ годами, а въ параллель съ упадкомъ физическихъ силъ проявляли все большую и большую духовную мощь и живучесть: эти два писателя—Салтыковъ и Шелгуновъ. Ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ этихъ писателей нельзя сравнивать, но въ *этомъ* отношеніи они одинаково замѣчательны, одинаково исключительны. Эти дряхлые, истерзанные болѣзнями старики не были ни литературными инвалидами, ни литературными пенсіонерами и умерли почти буквально съ перомъ, т. е. съ своимъ оружіемъ въ рукахъ. Дѣятельность Шелгунова за послѣднія пять лѣтъ была тѣмъ замѣтнѣе, что самъ общій фонъ современной журналистики нашей способствовалъ ея рельефности. Молодое литературное поколѣніе наше,—я говорю это совершенно объективно, безъ всякихъ полемическихъ цѣлей,—пишетъ точно съ просонокъ, говоритъ точно набравши въ ротъ каши, и нервная, горячая, убѣжденная рѣчь нашего молодаго старика звучала особенно громко среди косноязычнаго лепетанія современныхъ немощныхъ и престарѣлыхъ литературныхъ юношей. Имя Шелгунова было всѣмъ давно и хорошо извѣстно. Всѣ знали, что бурныя и боевыя статьи, подписанныя скромными иниціалами «Н. Ш.», принадлежали человѣку не только много поработавшему, но и очень много перевидавшему и переиспытавшему. Это обстоятельство сообщало статьямъ Шелгунова послѣдняго періода его дѣятельности высокую *нравственную* авторитетность. Въ самомъ дѣлѣ, даже люди, имѣющіе уши и не слышащіе, имѣющіе глаза и не видящіе, даже они не могли не сообразить, что ничто, кромѣ фанатической преданности идеѣ, не можетъ побудить истерзаннаго старика, давно заслужившаго право на почетный отдыхъ, безъ устали, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, на разные лады и по разнымъ поводамъ доказывать, что «она, все-таки, вертится». «Да,—всякій долженъ былъ сказать себѣ, глядя въ это время на Шелгунова,—да, видно, въ самомъ

дѣлѣ правда, что не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ. Да, кажется, не ложно увѣряютъ насъ, что можно любить истину больше покоя, больше здоровья, больше свободы, больше самой жизни. Этотъ удивительный, неугомонный старикъ собственнымъ примѣромъ и собственною личностью свидѣтельствуетъ объ этомъ». Смѣю думать, что *такое* впечатлѣніе не менѣе благотворно, чѣмъ какіе бы то ни было эстетическіе восторги, и *такое* вліяніе дѣлаетъ писателю не меньшую честь, нежели какіе бы то ни было другіе литературные успѣхи.

Было еще одно, болѣе всѣхъ серьезное обстоятельство, которое сообщило дѣятельности Шелгунова за послѣдній періодъ особенно оригинальный отпечатокъ. Читателю не безъизвѣстна, конечно, очень популярная у насъ *теорія поколѣній*. Конечно, это не столько теорія, въ настоящемъ смыслѣ, сколько условная терминологія. Она нѣсколько наивна даже, какъ терминологія: выраженія «пятидесятники», «шестидесятники», «семидесятники», «восьмидесятники» напоминаютъ нѣсколько гимназическіе термины — «первоклассники», «второклассники», «старики», «новички». За всѣмъ тѣмъ, въ этой терминологіи есть удобства, заставляющія забывать о ея недостаткахъ, и главнымъ удобствомъ ея должно признать то, что общество хорошо освоилось съ нею, и если встрѣчаетъ эти термины, сразу понимаетъ, о комъ или о чемъ идетъ рѣчь. Не останавливаясь дольше на этомъ предметѣ, скажу прямо, что дѣятельность Шелгунова, въ особенности за три послѣдніе года, была ничѣмъ инымъ, какъ генеральною битвой, которую далъ нашъ «пятидесятникъ» литературному молодому поколѣнію «восьмидесятниковъ».

На первый взглядъ—Боже мой, какое это печальное зрѣлище! Не сбылось ли передъ нами воочію грозное предсказаніе Помяловскаго: «подождите, выростете вы, дойдете до степеней извѣстныхъ и притисните, право, притисните молодое поколѣніе!» Положимъ, мы, дѣйствующее поколѣніе, не пятидесятники, какъ Шелгуновъ, а частью шестидесятники, частью семидесятники, но, вѣдь, этотъ старикъ, годящійся намъ по лѣтамъ въ отцы, по духу вполнѣ *нашъ*, нашъ союзникъ, единомышленникъ и ровесникъ, и если партійная дисциплина не выдумка, если нравственная круговая порука не миѳъ, мы, конечно, отвѣтственны за его образъ дѣйствій. И такъ, что же?! *Мы* загораживаемъ дорогу новымъ силамъ?! *Мы* завистливо топчемъ ногами молодые побѣги жизни?! *Мы*, вскормленные и

вспоенные, повитые и взращеные на идеяхъ прогресса, мы эгоистически и ревниво вытѣсняемъ изъ жизни новые прогрессивные элементы, изъ низкаго опасенія, что они заслонятъ насъ собою?! Если все это такъ, если все это дѣйствительная правда, то тѣмъ изъ насъ, кто еще не утратилъ чувства чести, остается только какъ можно скорѣе скрыть свой позоръ во мракѣ растительнаго прозябанія и молить судьбу, чтобы наша память погибла безъ шума. Если же мы не хотимъ отказаться отъ дѣятельности, то должны прямодушно и громогласно заявить о своей полной несолидарности съ отсталымъ «пятидесятникомъ» и даже заклеймить его печатью отверженія, какъ завистливаго ретрограда и безумнаго обскуранта.

Да успокоится тѣнь нашего старшаго товарища и дорогого друга: мы осыплемъ вѣнками его гробницу, мы окружимъ ореоломъ его имя, мы съ гордостью укажемъ на него, какъ на нашего представителя,— вотъ какою *печатью* мы отмѣтимъ его память! Да успокоится и читатель: никто не думаетъ обижать молодое поколѣніе. Никто его не обидитъ, оно само, какъ Китъ Китычъ, всякаго обидитъ. «Шире дорогу, прочь съ дороги,—восьмидесятникъ идетъ!»— вотъ какимъ языкомъ (буквально) онъ говоритъ съ нами, вотъ каковы мысли и чувства этихъ мнимыхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». О претензіяхъ этихъ милыхъ молодыхъ людей мы еще побесѣдуемъ въ свое время, а пока предоставимъ слово самому «обидчику» Шелгунову. Въ чемъ дѣло? Въ чемъ его разногласіе съ молодымъ *литературнымъ* поколѣніемъ? Требую отъ читателя серьезнаго вниманія.

«Тогда ли жизнь, когда архитекторы разбиваютъ мѣсто для новой постройки, вырабатываютъ ея идею, составляютъ планы, смѣты, проекты, чертежи, или когда придутъ каменщики и плотники и начнутъ строить домъ? Тогда ли было больше жизни, когда та же небольшая фракція людей 40-хъ годовъ, поднявшись на высоту общихъ идей, освѣщала русскія умственныя дебри и проводила идеи освобожденія въ общество, когда потомъ фракція другихъ людей осуществляла эти идеи и создала новое движеніе общественной мысли, или когда на смѣну имъ пришли опять новые люди и сказали, что идеи—вздоръ и что жизнь лишь въ одной практической работѣ? Тогда ли жизнь, когда идейно воодушевленные и энергическіе работники мысли заставляютъ человѣческую душу звучать всѣми ея струнами и издавать полные аккорды, когда этотъ при-

поднятый резонансъ создаетъ цѣлую плеяду писателей 40-хъ годовъ и дополняющую ее плеяду публицистовъ эпохи освобожденія, или когда на смѣну имъ является «новое литературное поколѣніе», заявляющее, что ему сказать нечего, что оно ждетъ, когда на него снизойдетъ вдохновеніе, и когда публицисты того же времени провозглашаютъ теорію опорожненнаго нутра? И опорожненное нутро, отодвигающее идеи на второй планъ, не можетъ создать ничего, кромѣ филистерства и идеала мѣщанскаго счастья. Конечно, мѣщанская изба съ тремя свѣтленькими окошечками, съ занавѣсками и цвѣтущими бальзаминами тоже идеалъ, но только идеалъ благоустройства сарептской колоніи. Для такой страны, какъ Россія, нужно что-нибудь и пошире, хотя бы ужъ по одному тому, что передъ нашею сложною жизнью лежатъ слишкомъ громадныя задачи и внутренняго, и международнаго содержанія, которыхъ однимъ сарептскимъ благоустройствомъ не разрѣшишь. Публицисты «новаго поколѣнія», поднявшіе теперь (и именно теперь) голосъ противъ интеллигентнаго, *академическаго*, т. е., по ихъ мнѣнію, безплоднаго движенія мысли, поступаютъ пока безтактно и не умно; но разъ вставъ на эту наклонную плоскость, они быстро допишутся и до *Гражданина*, если не найдутъ въ себѣ примиренія между идейностью и практичностью, если будутъ превращать ихъ въ какія-то двѣ враждебности, а не въ одну общую гармоническую, а потому и могучую творческую силу».

Вотъ въ чемъ заключалась сущность этого удивительнаго спора, въ которомъ старость и молодость помѣнялись ролями. На сторонѣ молодости былъ «пошлый опытъ—умъ глупцовъ», по некрасовскому выраженію. На сторонѣ старости—всѣ высшія и идеальныя силы человѣческой природы. Шелгуновъ отстаивалъ прогрессивныя начала, крупныя цѣли, широкіе пути. Его противники не шли дальше бальзаминовыхъ идеаловъ. Они были правы съ точки зрѣнія житейскаго благоразумія: конечно, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ; конечно, лучше сарептское благосостояніе, нежели отсутствіе всякаго благосостоянія. Шелгуновъ былъ правъ съ точки зрѣнія высшихъ потребностей человѣка,—превратить жизнь въ благоустроенную конюшню, въ которой каждому двуногому скоту отведено теплое стѣло и «задана» хорошая порція корма, совсѣмъ не значитъ рѣшить задачу прогресса. Не трудно понять, что Шелгуновъ былъ правъ и съ точки зрѣнія *разумнаго* опыта, того опыта,

который дается исторіей, вырабатывается не личною, а коллективною дѣятельностью: даже бальзаминовые идеалы не могутъ быть осуществлены въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ, прежде чѣмъ будутъ рѣшены вопросы общежитія,—вопросы, въ которыхъ составными элементами являются именно «идеи высшаго порядка», какъ идея личности, общества, государства, идея права, идея труда и т. д., и т. д. Молодежь говорила во имя *разсудка*, Шелгуновъ говорилъ во имя *разума*; молодежь обращалась къ нашему чувству самосохраненія, Шелгуновъ взывалъ къ нашей совѣсти; молодежь опиралась на практическую дѣйствительность и удовлетворилась ею, Шелгуновъ стремился къ идеалу *). Такъ кто же, спрашивается, былъ тутъ прогрессистомъ и кто ретроградомъ, кто стремился кастрировать нашу мысль по своему образцу и кто хотѣлъ расшевелить и разбудить ее? Да, Шелгуновъ исполнилъ завѣтъ Гоголя—до старости и даже до самаго гроба сберегъ свои молодыя чувства, и какими же карликами являются передъ нимъ его противники, эти юноши, не знавшіе юности, эта молодежь, уже пораженная старческимъ маразмомъ! Контрастъ тутъ болѣе рѣзокъ, нежели контрастъ между Чацкимъ и Молчалинымъ: герои Грибоѣдова были ровесники, а, вѣдь, тутъ мы видимъ борьбу идеалиста-дѣда съ практиками-внуками, умирающаго Чацкаго съ цѣлою толпой торжествующихъ и жизнерадостныхъ Молчалиныхъ. Ничѣмъ лучше нельзя почтить память писателя, какъ признаніемъ, что дѣло, которому онъ всю жизнь служилъ, было не только честно, но и жизненно, не только отвлеченно-разумно, но и практически-необходимо.

*) Приведенный выше отрывокъ, сказать мимоходомъ, можетъ служить также доказательствомъ того развитія чисто-литературнаго таланта Шелгунова, на которое я указывалъ. Отрывокъ взятъ изъ статьи, написанной Шелгуновымъ всего за *полгода* до его смерти, но ни Шелгуновъ *Русскаго Слова*, ни Шелгуновъ *Дѣла* написать такой страницы не съумѣлъ бы.

ВСЕВОЛОДЪ ГАРШИНЪ.

I.

Удались отъ людей, Офелія!
Гамлетъ.

Мы уволимъ читателя отъ обычныхъ выраженій сожалѣнія и печали по поводу трагической смерти молодого и многообѣщавшаго писателя. «Что жалѣть? Намъ жалѣть недосужно». Гаршинъ не первая и, конечно, не послѣдняя жертва и не намъ и не теперь подводить итоги—«считать раны, товарищей считать».

Вопросъ рѣшенъ: трудись, пока годишься,
И смерти жди: она недалека.

Надо жить и надо работать, потому что талантъ обязываетъ, и еще потому, что именно въ этой нашей работѣ цѣль и смыслъ, которой заключается въ пробужденіи и просвѣтленіи общественнаго сознанія.

Но къ дѣлу. Произведенія Гаршина до такой степени субъективны и его писательская личность находится въ такой тѣсной связи и гармоніи съ его человѣческой личностью, что мы волей-неволей должны коснуться нѣкоторыхъ біографическихъ фактовъ Прежде всего—смерть Гаршина была ли «фатальною случайностью», какъ утверждалъ некрологъ «Сѣвернаго Вѣстника», или она была самоубійствомъ, какъ заявлялъ о томъ г. Евгеній Гаршинъ—родной братъ покойнаго писателя? Оба утвержденія были высказаны одинаково категорично и одинаково бездоказательно. Бросился ли Гаршинъ съ лѣстницы или онъ упалъ съ нея—это вопросъ, который остался бы навсегда нерѣшеннымъ, такъ какъ свидѣтелей при этомъ никакихъ не было. Но мы имѣемъ чрезвычайно любопытное и важное показаніе одного изъ довольно, кажется, близкихъ пріятелей покойнаго—нѣкоего г. Бибикова. Вотъ его разсказъ:

«Угнетенное душевное настроеніе Гаршина долго не проходило. Не разъ, провожая меня со свѣчей по лѣстницѣ до подъѣзда, онъ говаривалъ:—«право, лучше умереть, чѣмъ жить въ тягость себѣ и другимъ». Я пробовалъ обращать разговоръ въ шутку, но онъ останавливался на лѣстницѣ, держа меня за рукавъ пальто, освѣщалъ свѣчей широкій пролетъ лѣстницы и говорилъ:

— *Неужели васъ не подмываетъ броситься туда.*—Внизу пролета стояла печка, вѣтеръ чрезъ плохо притворенную дверь подъѣзда врывался на лѣстницу, тѣни бродили по стѣнамъ, и блѣдный В. М. продолжалъ убѣжденнымъ голосомъ: — «*зачѣмъ жить, чего ждать, все равно никогда не сбудется то, о чемъ мечтаешь*, а жить для славы, для искусства, право, смѣшно». Онъ нарочно подолгу останавливался на лѣстницѣ, чтобы развивать свои, сдѣлавшіеся любимыми, взгляды наединѣ со мной, потому, что тамъ, въ квартирѣ, ему не хотѣлось огорчать семью». («Разсказы Виктора Бибикова).

Г. Бибиковъ—писатель совершенно ничтожный, но заподозрѣвать его правдивость нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. А если такъ, то нашъ вопросъ получаетъ совершенно несомнѣнное рѣшеніе. Ясно, что тутъ была не «случайность»—фатальная или не фатальная. Ясно, что душевный нарывъ Гаршина назрѣвалъ трудно, долго и постепенно и трагическая катастрофа была результатомъ цѣлаго длиннаго ряда мучительныхъ дней и мучительныхъ думъ, была эпилогомъ драмы, завязавшейся очень давно. «Зачѣмъ жить, чего ждать, все равно никогда не сбудется то, о чемъ мечтаешь» говорилъ Гаршинъ г. Бибикову, и мы не сомнѣваемся, что все это такъ именно и было: эти вопросы — «зачѣмъ жить? чего ждать?» и, наконецъ, это отчаянное «все равно», не составляя *всего* содержанія произведеній Гаршина, тѣмъ не менѣе являются въ нихъ очень замѣтнымъ элементомъ. Показаніе г. Бибикова, какъ увидимъ, подтверждается литературными документами.

Другой біографическій фактъ, нужный намъ для нашихъ цѣлей, состоитъ въ томъ, что Гаршинъ, какъ извѣстно, временами доходилъ до серьезнаго душевнаго разстройства, до психической болѣзни. Этотъ фактъ не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію, но мы хотѣли бы подчеркнуть въ немъ одну, самую главную особенность. Разныя бываютъ сумасшествія и разные сумасшедшіе и, очевидное дѣло, что предметъ, идея, образъ, призракъ, овладѣв-

шіе умомъ и волею душевно-больного человѣка, имѣютъ огромное значеніе для характеристики того же самаго человѣка въ его здоровомъ, нормальномъ состояніи. Некрасовскому Власу разстроенная фантазія безпрестанно являла «чернаго тигра шестикрылата», «вѣдьму егозу» и вообще весь лубочный адъ съ его аттрибутами. Титулярный совѣтникъ Поприщинъ считалъ себя Фердинандомъ VIII, королемъ испанскимъ. Писаревъ втеченіе цѣлаго года лечился отъ своего отрицанія реальнаго бытія солнца луны, звѣздъ и т. д. Въ чемъ состояла idée fixe Гаршина? Здѣсь мы должны остановиться подольше, потому что намъ приходится обратиться къ одному изъ характернѣйшихъ произведеній Гаршина, къ разсказу «Красный цвѣтокъ», имѣющему не только субъективное, но и общее художественное значеніе. «Красный цвѣтокъ»— произведеніе не менѣе яркое, нежели и знаменитыя «Записки сумасшедшаго» Гоголя.

Существенная разница между этими произведеніями заключается въ томъ, что Гоголь пытался — удачно или неудачно это другой вопросъ — показать намъ самое развитіе въ человѣкѣ душевной болѣзни, тогда какъ герой Гаршина совсѣмъ уже «готовъ», и разсказъ открывается тѣмъ, что героя прямо привозятъ въ сумасшедшій домъ. Конечно, Гоголь взглянулъ на свою задачу шире, нежели Гаршинъ; конечно, процессъ постепеннаго помраченія сознанія въ человѣкѣ, завершающійся полнымъ сумасшествіемъ, а также тѣ причины, которыя вызвали этотъ процессъ, гораздо важнѣе и поучительнѣе нежели чудачества и бѣснованія больного человѣка. Но за то герой Гоголя—человѣкъ заурядный, герой Гаршина—далеко не человѣкъ толпы. Разсказъ «Красный цвѣтокъ» имѣетъ автобіографическое значеніе — объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ друзья Гаршина: въ чемъ же—повторяемъ свой вопросъ—состояла «постоянная идея» героя Гаршина или—что одно и тоже—самого автора? Въ окончательномъ уничтоженіи мірового зла. Въ больничномъ саду герой замѣтилъ цвѣты краснаго мака—цвѣта болѣе яркаго, нежели красный крестъ, вышитый на его больничномъ колпакѣ. «Онъ побѣждаетъ, сказалъ больной, но мы посмотримъ». «Онъ», т. е. красный макъ, представившійся ему олицетвореніемъ мірового зла, и вотъ всѣ силы своего ума, хитрости, воли, энергіи онъ употребляетъ на то, чтобы уничтожить проклятый цвѣтокъ. Разстроенная фантазія рисуетъ ему страшныя смер-

тельныя опасности этого подвига, но онъ готовъ принести себя въ жертву. «Онъ не спалъ всю ночь. Онъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ, потому что видѣлъ въ такомъ поступкѣ подвигъ, который онъ былъ обязанъ сдѣлать. При первомъ взглядѣ сквозь стеклянную дверь, алые лепестки привлекли его вниманіе, и ему показалось, что онъ съ этой минуты вполнѣ постигъ, что именно долженъ онъ совершить на землѣ. Въ этотъ яркій красный цвѣтокъ собралось все зло міра. Онъ зналъ, что изъ мака дѣлается опіумъ; можетъ быть, эта мысль, разростаясь и принимая чудовищныя формы, заставила его создать страшный фантастическій призракъ. Цвѣтокъ въ его глазахъ осуществлялъ собою все зло, онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красенъ), всѣ слезы, всю желчь человѣчества. Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариманъ, принявшій скромный и невинный видъ. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало—нужно было не дать ему при издыханіи излить все свое зло въ міръ. Потому-то онъ и спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ потеряетъ всю свою силу. Его зло перейдетъ въ его грудь, его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра».

Сумасшествіе, какъ видите, не совсѣмъ обыкновенное. Конечно, только больному уму и больной фантазіи цвѣтокъ краснаго мака можетъ представиться олицетвореніемъ «зла», но въ самомъ желаніи уничтожить зло и въ этой готовности на всякія страданія и на самую смерть ради избавленія людей отъ власти Аримана нѣтъ, разумѣется, ничего психически-ненормальнаго и даже болѣе того: въ этомъ видна такая нравственная сила и красота, до которой мы, «здоровые» люди, возвышаемся только въ рѣдкія минуты духовнаго просвѣтленія.

Передъ нами, слѣдовательно, вырисовывается такой образъ. Въ нашей жизни, гдѣ «человѣкъ человѣку—волкъ», среди свалки за лучшія мѣста, и за лучшіе куски, среди всякаго рода хищничества и хищниковъ является, какъ монахъ съ крестомъ въ ожесточенной битвѣ, человѣкъ съ сердцемъ, переполненнымъ любовью и жалостью къ людямъ, не желающій ничего лично для себя, не

дѣлающій никакой карьеры. Онъ знаетъ одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть: чѣмъ и какъ помочь этимъ несчастнымъ, пожирающимъ другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ, чѣмъ и какъ остановить эту братоубійственную борьбу, свирѣпую и ненужную, ненужную потому, что «небо ясно, подъ нимъ довольно мѣста всѣмъ» и для счастія каждаго требуется такъ немного. Алексѣй Карамазовъ Достоевскаго, Карамазовъ, на котораго Гаршинъ, насколько мы его понимаемъ, чрезвычайно похожъ въ главнѣйшихъ душевныхъ очертаніяхъ, нашелъ исходъ и успокоеніе въ аскетизмѣ, умерщвленіи своей плоти и въ добровольномъ порабощеніи своего духа. Для Гаршина такой исходъ былъ невозможенъ—онъ былъ всетаки сыномъ своего времени. Успокоиться на фаталистическомъ «такъ нужно, неизбѣжно» Гаршинъ тоже не могъ, не могъ вслѣдствіе неумолкающаго протеста его чувства, его любящаго сердца, которое не могло повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ были непреложно «нужны» безобразія человѣческой жизни и человѣческой цивилизаціи. «Умъ молчитъ, а сердцу ясно»: совсѣмъ этого не нужно, что бы ни говорили философы и историки. Прибавьте къ этому, что люди гаршинскаго типа одарены необычайною нравственною чувствительностью, чрезвычайно нѣжною и хрупкою нравственною организаціей, въ силу чего не только удары жизни, но и щелчки жизни дѣйствуютъ на нихъ крайне болѣзненно. И опять-таки не за себя имъ больно, не за себя обидно, а все же за другихъ, за этихъ лгущихъ, лицемѣрящихъ, всячески подличающихъ людей. Г. Крестовскій (псевдонимъ) превосходно объяснилъ однажды эту черту, общую всѣмъ чистымъ и кроткимъ людямъ: «какъ же это такъ? чаще всего спрашиваетъ себя правдивый человѣкъ, разводя руками. Это не наивность, какъ объясняютъ насмѣшники, а недоумѣніе оскорбленнаго человѣческаго достоинства; обманутый обиженъ, но не за себя. Потомъ ему становится жаль обидчика. Это мучительно высокое чувство жалости, нераздѣльное со всякимъ колебаніемъ, съ самообвиненіемъ въ недостаткѣ великодушія, отдаетъ праваго въ руки обидчика». Во истину не отъ міра сего эти люди! Они созданы не для борьбы, а слѣдовательно и не для жизни, по крайней мѣрѣ, не для этой жизни, не для нашей жизни.

До тѣхъ поръ—ихъ личное существованіе одна сплошная мука. Съ богатѣйшими умственными и нравственными задатками они тѣмъ

не менѣе осуждены на безплодіе. При замѣчательной пытливости и добросовѣстности мысли, при очень вдумчивомъ и внимательномъ отношеніи къ жизни, Гаршинъ, тѣмъ не менѣе, не выработалъ себѣ вполнѣ опредѣленнаго и стройнаго міросозерцанія. Его произведенія—не рядъ отвѣтовъ, а рядъ вопросовъ. Онъ не поучаетъ читателя, а какъ бы изливается передъ нимъ: грустно, тяжело, плохо на этомъ свѣтѣ. Вы, конечно, соглашаетесь съ авторомъ, всей душой сочувствуете этой прекрасной и высокой грусти его, но что же дальше? Какъ же жить-то? И что же дѣлать-то? У нашего писателя нѣтъ отвѣтовъ на эти вопросы, или если и есть, то лишь такіе, которые, конечно, еще разъ показываютъ прекрасную душу его, но практическаго значенія не имѣютъ. Жить надо по божьи, а дѣлать надо по душѣ и по совѣсти, дѣлать добро — вотъ какіе это отвѣты. Прекрасно все это, очень высоко и благородно, но для насъ, людей будничной жизни, со всею ея грязью,—дѣло совсѣмъ, совсѣмъ не подходящее.

Чтобы покончить съ біографическими фактами и перейти затѣмъ къ литературнымъ даннымъ, заключающимся въ произведеніяхъ Гаршина, приведемъ въ заключеніе одинъ характерный эпизодъ, разсказанный тѣмъ же г. Бибиковымъ. Работая медленно, «горестно и трудно», именно *горестно*, Гаршинъ естественно не могъ существовать исключительно литературнымъ заработкомъ (а литературныхъ синекуръ онъ гнушался) и долженъ былъ пріискать себѣ какое-нибудь ремесло, какое-нибудь «мѣсто». Онъ, поэтому, служилъ секретаремъ при желѣзнодорожномъ съѣздѣ и вотъ какъ г. Бибиковъ разсказываетъ о потерѣ Гаршинымъ этого «мѣста». «Почувствовавъ себя не въ силахъ работать лѣтомъ, онъ взялъ отпускъ въ концѣ іюня, но прошли два мѣсяца, срокъ отпуска близился къ концу, а болѣзнь не проходила. Тогда, чтобы не задерживать текущихъ дѣлъ, В. М. предложилъ своему начальнику назначить временнаго замѣстителя его должности. Желаніе Гаршина было исполнено, но когда онъ нѣсколько поправился и рѣшилъ, что чисто механическая секретарская работа, пожалуй, даже будетъ ему полезна, и отправился на службу, то былъ встрѣченъ своимъ замѣстителемъ, на лицѣ котораго В. М. прочиталъ непріятное удивленіе. Слухи объ усилившейся болѣзни В. М. дошли и до канцеляріи, и замѣститель былъ увѣренъ, что мѣсто больного сослуживца навсегда останется за нимъ. «Онъ крайне сухо встрѣ-

тилъ меня», говорилъ В. М., «почему-то даже нашелъ нужнымъ забыть мое имя и называлъ меня Владиміромъ Николаевичемъ; увѣрялъ, что съѣздъ недоволенъ моей дѣятельностью, что будто бы ему пришлось приводить въ порядокъ запущенныя мною дѣла, и все существо его было проникнуто насквозь одной мыслью, какъ бы меня сплавить, такъ что я не выдержалъ и сейчасъ же подалъ просьбу объ увольненіи».

Люди практическіе, тѣ самые, которые наиболѣе «приспособлены» къ условіямъ нашей жизни, разумѣется, только плечами пожмутъ при видѣ такой безпомощной наивности. «Нѣтъ, скажутъ они, эдакъ жить съ людьми невозможно: заклюютъ, слопаютъ и спасиба не скажутъ». На «крайнюю сухость» отвѣтьте презрительной холодностью, на «Владиміра Николаевича» (вмѣсто Всеволода Михайловича) назовите его Сосипатромъ Пафнутьичемъ, на увѣреніе, что «съѣздъ недоволенъ дѣятельностью», замѣтьте спокойно, что судить объ этомъ и высказать это — дѣло съѣзда, а не Сосипатра Пафнутьича». Вотъ какъ дѣлаются дѣла и вотъ какъ надо обращаться съ людьми! Будьте дерзки — передъ вами будутъ скромны; будьте наглы — передъ вами будутъ и любезны и вѣжливы; толкайтесь локтями — всѣ посторонятся.

Фактъ, который мы привели, конечно, мелокъ, но типиченъ и характеренъ. Уступчивость всѣмъ и во всемъ, нежеланіе борьбы и даже прямое отвращеніе къ ней въ этомъ мелкомъ фактѣ сказались очень рельефно, а эти черты имѣютъ большое значеніе въ общей нравственной физіономіи людей этого типа. Практическіе люди правы: нельзя такъ жить. Но избавь, Господи, жить и такъ, какъ живутъ эти «практическіе люди». Какъ же быть?

II.

«Великіе люди должны, мнѣ кажется, испытывать на этомъ свѣтѣ великую грусть» — такъ говоритъ Раскольниковъ Достоевскаго. Оставляя въ сторонѣ великихъ людей, которые должны же чѣмъ-нибудь платиться за свое величіе, совершенно несомнѣнно, что недугъ вельтшмерца въ большей или меньшей степени знакомъ каждому современному мыслящему человѣку. Не въ томъ дѣло, что наша цивилизація страдаетъ огромными изъянами, дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ нравственное существо слишкомъ, слиш-

комъ далекъ отъ того идеала добра и красоты, который давно уже выработался въ сознаніи лучшаго меньшинства человѣчества. Пройдутъ десятилѣтія, вѣка, тысячелѣтія, прогрессъ сдѣлаетъ свое огромное дѣло, блага цивилизаціи будутъ и глубже и многочисленнѣе и будутъ, кромѣ того, распредѣлены равномѣрно и справедливо между людьми, человѣкъ подчинитъ себѣ еще больше природу и станетъ ея дѣйствительнымъ царемъ—но неужели этого достаточно? Человѣкъ подчинитъ себѣ природу, но обуздаетъ-ли онъ того звѣря, того хищника, того безжалостнаго и безпощаднаго эгоиста, котораго онъ ощущаетъ въ самомъ себѣ? Пусть наступитъ царство братства и перейдетъ въ живую дѣйствительность, проникнетъ собою, какъ верховный принципъ, всѣ человѣческія учрежденія—все-таки люди, братья-люди, будутъ раздѣляться на братьевъ Капновъ и братьевъ Авелей. Скромность, деликатность, кротость, добродушіе, доброжелательность — качества стихійныя; алчность, наглость, хитрость, завистливость, волчій ротъ и лисій хвостъ—свойства тоже стихійныя. Если моя нравственная организація, корень корней которой заключается въ моей физіологической организаціи, такова, что ломоть въ чужихъ рукахъ непремѣнно кажется мнѣ, больше и слаще того ломтя, который находится въ моихъ рукахъ, то гдѣ же та сила, которая бы удержала меня отъ посягательства на этотъ чужой ломоть, на чужое право, на чужое счастіе? Никакія учрежденія, никакія общественныя гарантіи не защитятъ отъ хищника его жертвы, потому что никакія учрежденія не могутъ регулировать личныхъ отношеній между людьми. Можно путемъ разумнаго законодательства предохранить рабочаго отъ эксплуатаціи хозяина, но нѣтъ средствъ оборонить кроткаго Ивана отъ наглаго Петра. Можно регулировать экономическія и всякія общественныя отношенія, но нельзя регулировать нравственныя отношенія. Это дѣло не закона, а морали, а вѣдь волку какое дѣло до морали? Законъ оградилъ прочно и положительно ваши юридическія, политическія, экономическія права, но вашего нравственнаго права, но вашего нравственнаго достоинства онъ оградить не въ состояніи. Вы скромны, а вашъ товарищъ наглъ, вы не самоувѣрены, а вашъ товарищъ сіяетъ самодовольствіемъ, вы предпочитаете молчать о себѣ, а вашъ товарищъ всѣми силами и способами себя рекламируетъ и т. д. и т. д. И вотъ вамъ готово неравенство, создается несправедливость, являются передъ вами

№ 1-й и № 2-й и попробуйте найти средство исправить это зло! Такъ было, такъ есть и такъ будетъ. Да, и *такъ будетъ*, потому что всегда будутъ люди совѣстливые и люди органически-безсовѣстные.

Все это—говоря вообще. Если же мы обратимся собственно къ текущему историческому моменту, къ строю жизни современныхъ европейскихъ обществъ, то, разумѣется, наши заключенія будутъ еще рѣшительнѣе и еще печальнѣе. Одинъ изъ щедринскихъ героевъ сказалъ, что «по нынѣшнему времени, многія заповѣди наоборотъ понимать нужно» и это было только откровенное формулированіе тѣхъ житейскихъ пріемовъ, которые становятся все необходимѣе и необходимѣе для людей, добивающихся успѣха. А кто его не добивается? Успѣхъ сталъ синонимомъ счастья въ глазахъ огромнаго большинства людей, и при томъ не успѣхъ идеи, любимаго дѣла, излюбленной системы, а успѣхъ именно личный, какъ средство къ удовлетворенію своего самолюбія и тщеславія. «Идеологи», въ родѣ героя «Краснаго цвѣтка», говорятъ: «пусть я погибну, но да восторжествуетъ мое дѣло», практическій современный человѣкъ говоритъ: «послѣ меня хоть потопъ». Пресловутая наша «борьба за существованіе» есть въ сущности борьба за успѣхъ, за первое мѣсто, потому что для *существованія* достаточно трудиться и нѣтъ надобности бороться. Въ этой погонѣ за успѣхомъ во что бы то ни стало, мы утрачиваемъ всѣ лучшія человѣческія чувства и инстинкты, жертвуемъ привязанностями, попираемъ свою законную гордость и свое достоинство—лишь-бы только никто кромѣ насъ этого не зналъ и не замѣчалъ. Не въ томъ для насъ дѣло, чѣмъ быть, а въ томъ, чѣмъ слыть. Изворотливый умъ и податливая совѣсть—это такіе судьи, которые никогда не обвинятъ серьезно.

И въ условіяхъ нашей жизни успѣхъ дается вовсе не достоинству, далеко не всегда сопровождаетъ его и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ пропорціоналенъ ему. Что такое успѣхъ? Это—извѣстность, это—признанная авторитетность и компетентность. Ну,—«а судьи кто?» Верховный судья—толпа, та толпа, въ средѣ которой вы, человѣкъ мыслящій, не найдете десятка людей, съ которыми бы вы могли безъ чувства какой-то полупрезрительной скуки пробесѣдовать серьезно хотя бы въ теченіи получаса. Но эта толпа—вашъ властелинъ, а вы ея покорный рабъ—т. е. въ

томъ, конечно, случаѣ, если вы дорожите ея приговорами, ея вѣнками, ея свистками и аплодисментами. Если вы не обладаете такимъ талантомъ, который насильственно, властно приковываетъ къ себѣ общее вниманіе, и если при этомъ вы непремѣнно хотите пробиться въ первые ряды, добиться замѣтнаго успѣха, для васъ только одинъ путь,—путь борьбы съ конкурентами, съ препятствіями, съ условіями. А прозаическая практика жизни слишкомъ вразумительно говоритъ на счетъ духа и содержанія этой «борьбы». Хвали себя и принижай другихъ, раздавай сколько возможно свое безцѣнное «я», шарлатань—но съ умомъ; лги, лицемѣрь, интригуй—но съ тактомъ, такъ чтобы аппарансы были пощажены, импонируй толкъ чѣмъ можешь и какъ можешь и т. д.—вотъ главныя средства для пріобрѣтенія себѣ мѣста на жизненномъ пиру. Истинное достоинство почти всегда скромно—а скромность плохое, неблагодарное свойство для борца. Можно бороться «ожесточенно», бороться «безпощадно», бороться «злобно», но бороться «скромно»—это безсмыслица. A la guerre comme à la guerre: дѣйствуй руками, ногами, локтями, ногтями, зубами и не обращай вниманія на затрещины и на зуботычины, потому, во-первыхъ, что до свадьбы заживетъ, потому во-вторыхъ, что на всякое чиханье не наздравствуешься и потому въ третьихъ, что какъ аукнется, такъ и откликнется. Кто рѣшился на борьбу, тому нечего считать синяки.

Да, «скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!» У Гоголя это случайно сорвалось съ языка или съ пера, но это восклицаніе формулируетъ и резюмируетъ въ сущности цѣлое міросозерцаніе, которому нельзя никакъ отказать ни въ правдѣ, ни въ извѣстной глубинѣ. Конечно, скучно жить, конечно, «бѣдность и несовершенство» человѣка и человѣческой жизни такъ велики и очевидны, что не только прошлое и настоящее наше, но и отдаленное будущее обрисовывается совсѣмъ не въ розовомъ свѣтѣ. О чемъ много толковать? Человѣчество идетъ не къ лучшему, а къ худшему, его такъ называемый прогрессъ есть развитіе одностороннее и уродливое. Мы, дѣйствующее современное поколѣніе, обладаемъ всѣми идеями и системами, всѣми открытіями и изобрѣтеніями предшествовавшихъ поколѣній, но мы нисколько не богаче ихъ.

«О, истина, истина! Чтобъ найдти тебя, я спустилась въ бездны, одинъ взоръ въ эту пропасть объялъ бы ужасомъ самыхъ неустра-

шимыхъ мужчинъ и довелъ бы ихъ до головокруженія..... и все же. истина, ты не открылась, десять тысячелѣтій я напрасно ищу тебя. Десять тысячелѣтій единственнымъ отвѣтомъ на мои мучительные вопросы было отчаянное рыданіе безсильной тоски, раздающееся надъ этой проклятой землей..... Десять тысячелѣтій я взываю къ безконечности: «Истина! Истина!» и во всѣ времена отвѣтомъ мнѣ было: «Тоска! Тоска!» Несчастная Сивилла, безмолвная Пифія, разбей чело о столбы твоей пещеры и смѣшай свою кровь, кипящую бѣшенствомъ, съ холодной пѣной моря» (Жоржъ-Зандъ).

Все это варіаціи на одну и туже основную тему. Ядовитая насмѣшка сатирика, наблюдающаго современную жизнь, и отчаянный вопль поэта-мыслителя, окидывающаго однимъ широкимъ общимъ взглядомъ все историческое прошлое человѣчества — есть въ сущности выраженіе одной и той же мысли и одного и того же чувства.

> И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
> Такая пустая и глупая шутка.

Грусть, проникающая собою большинство произведеній Гаршина, имѣетъ нѣсколько иной характеръ и иные мотивы. Для Гаршина жизнь представлялась совсѣмъ не «пустой и глупой шуткой». Мотивы его грусти—тѣ самые, которые мы формулировали выше. Гаршина печалило и оскорбляло нравственное несовершенство людей. Съ своимъ любвеобильнымъ сердцемъ онъ не могъ не любить людей, съ мученіемъ сознавая въ то же время, что люди очень мало заслуживаютъ любви, что бисеръ своихъ чувствъ онъ отдаетъ существамъ, которыя вполнѣ довольны, если у нихъ есть капустныя кочерыжки, и не нуждаются ни въ бисерѣ, ни въ перлахъ, ни въ какихъ драгоцѣнностяхъ. «Удались ото людей, «Офелія!»—это легко сказать. Куда удалиться и какъ удалиться? Надо жить, существовать, надо трудиться и слѣдовательно такъ или иначе сходиться и сталкиваться съ людьми—это во-первыхъ. А во-вторыхъ,—и это важно—необходима собственная нравственная санкція на это отреченіе отъ жизни, на это бѣгство отъ людей. Трудно бѣжать отъ того, кого любишь — а Гаршинъ любилъ людей, и трудно жить съ тѣми, кого презираешь—а Гаршинъ въ глубинѣ души презиралъ людей. Положеніе истинно трагическое. Любить, презирая — эта амальгама совсѣмъ другъ другу не родственныхъ чувствъ даже въ сферѣ индивидуальныхъ отно-

шеній тяжело отзывается на человѣкѣ, а въ области соціальныхъ чувствъ и отношеній она прямо убійственна. Человѣку не на чемъ отдохнуть душою. Жизнь превращается въ ряды тяжелыхъ нравственныхъ оскорбленій, за которыя некого винить, некому мстить и отъ которыхъ нельзя избавиться. Идетъ такой любвеобильный человѣкъ на встрѣчу какому-нибудь несчастному со словомъ участія—«другъ мой, братъ мой, страдающій братъ»—идетъ и, разумѣется, вскорѣ, опечаленный и оскорбленный, отходитъ: этотъ «другъ, страдающій братъ» оказывается *только* человѣкомъ, т. е. существомъ со страстями, со слабостями, съ недостатками, со всею тою душевною грязью и фальшью, отъ которой никакъ обыкновенному человѣку не уберечься, но которая на людей чистыхъ, какъ Гаршинъ, дѣйствуетъ удручающимъ образомъ. Въ несчастіи всякій человѣкъ симпатиченъ, ореолъ страданія придаетъ красоту даже обыкновенному лицу; «страдающій братъ» представляется намъ вдвойнѣ братомъ. Но подойдите къ нему поближе, разверните повязки, скрывающія его вонючія и гноючія раны, и чувство симпатіи и состраданія смѣшается съ чувствомъ нѣкоторой брезгливости и даже отвращенія. Человѣкъ *дѣятельной* любви, конечно, тутъ не отступитъ, но любовь романтическая, идеальная, неземная, *гаршинская* любовь будетъ оскорблена глубоко.

Пора обратиться къ документальнымъ доказательствамъ, т. е къ самимъ произведеніямъ Гаршина. Прежде всего мы остановимся на небольшомъ, но значительномъ психологическомъ этюдѣ «Ночь». Нѣкто Алексѣй Петровичъ, молодой, но уже уставшій жить человѣкъ, готовится къ самоубійству и проводитъ «ночь» въ размышленіяхъ о своемъ прошломъ. Этотъ очеркъ *теперь*, зная трагическій конецъ самого автора, нѣтъ возможности читать безъ волненія.

Кто дознаетъ, какою кручиною
Надрывалося сердце твое
Передъ вольной твоею кончиною,
Передъ тѣмъ, какъ спустилъ ты ружье.

За Всеволода Михайловича намъ разскажетъ объ этой «кручинѣ» Алексѣй Петровичъ, и пусть читатель помнитъ, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного слова неправды (въ субъективномъ, разумѣется, смыслѣ): Гаршинъ заплатилъ достаточно дорогую цѣну за то, чтобы мы вѣрили безусловной искренности каждаго его слова.

«Все перебралъ я въ своей памяти, и кажется мнѣ, что я правъ, что остановиться не на чемъ, некуда поставить ногу, чтобы сдѣлать первый шагъ впередъ. Куда впередъ? Не знаю, но только вонъ изъ этого заколдованнаго круга. *Въ прошломъ нѣтъ опоры, потому что все ложь, все обманъ.* И лгалъ, и обманывалъ я самъ и самого себя, не оглядываясь. Такъ обманываетъ другихъ мошенникъ, притворяющійся богачемъ, разсказывающій о своихъ богатствахъ, которыя гдѣ-то «тамъ», «не получены», но которыя есть, и занимающій деньги направо и налѣво. Я всю жизнь долженъ самому себѣ. Теперь насталъ срокъ разсчета—и я банкротъ, злостный, завѣдомый»...

«Обмани всѣхъ... Сдѣлай изъ себя не то, что ты есть... Да развѣ я не старался дѣлать это всю жизнь? Развѣ я не обманывалъ, развѣ не разыгрывалъ роль изъ форса? И развѣ вышло «хорошо»? Вышло то, что даже теперь я ломаюсь, какъ актеръ, даже теперь я не то, что я на самомъ дѣлѣ? Правда, развѣ я знаю, что я такое на самомъ дѣлѣ? Я слишкомъ запутался, чтобы знать. Но все равно, я чувствую, что ломаюсь вотъ уже нѣсколько часовъ подрядъ и говорю себѣ жалкія слова, которымъ самъ не вѣрю, говорю даже теперь, передъ смертью. Да неужели же передъ смертью? Да, да, да! прокричалъ онъ вслухъ, каждый разъ злобно надавливая кулакомъ на край стола. — Нужно же, наконецъ выбраться изъ путаницы. Узелъ завязанъ такъ, что не развяжешь: нужно разрубить его. Зачѣмъ только было тянуть, *надрывать себѣ душу, и безъ того изорванную въ отрепье?* зачѣмъ было, разъ рѣшившись, сидѣть истуканомъ съ восьми часовъ вечера до сихъ поръ?»

Приведемъ еще прощальное предсмертное письмо Алексѣя Петровича:

«Онъ писалъ, что умираетъ спокойно, потому что жалѣть нечего: жизнь есть сплошная ложь; что люди, которыхъ онъ любилъ—если онъ дѣйствительно любилъ кого-нибудь, а не притворялся передъ самимъ собою, что любитъ—не въ состояніи удержать его жить, потому что «выдохлись». Да и не выдохлись, «нечему было выдыхаться», а просто потеряли для него интересъ, разъ онъ понялъ ихъ. Что онъ понялъ и себя, понялъ, что и въ немъ, кромѣ лжи, ничего нѣтъ и не было; что если онъ сдѣлалъ что-нибудь въ своей жизни, то не изъ желанія добра, а изъ тще-

славія; что онъ не дѣлалъ злыхъ и нечестныхъ поступковъ не по неимѣнію злыхъ качествъ, а изъ малодушнаго страха передъ людьми; что, тѣмъ не менѣе, онъ не считаетъ себя хуже «васъ, остающихся лгать до конца дней своихъ», и не проситъ у нихъ прощенія, а умираетъ съ презрѣніемъ къ людямъ, не меньшимъ, чѣмъ къ самому себѣ. И жестокая, безсмысленная фраза сорвалась въ концѣ письма:

— Прощайте, люди! прощайте, кровожадныя, кривляющіяся обезьяны!» *).

Дѣло достаточно ясно: это не отчаяніе мыслителя передъ неразрѣшимыми «проклятыми вопросами», это не скорбь гуманности передъ зрѣлищемъ непрерывныхъ и неослабѣвающихъ страданій человѣчества, это не иронія сатирика надъ обществомъ, утратившимъ высокіе идеалы жизни, это, наконецъ, не горькій смѣхъ юмориста по поводу бѣдности и несовершенствъ жизни. Это разочарованіе человѣка въ людяхъ, это утрата вѣры въ ихъ человѣческое достоинство, въ ихъ искренность, въ ихъ душу, въ ихъ внутреннюю правду. «Страшно! за человѣка страшно!»—и, кромѣ того, «гадко! за человѣка гадко!»—вотъ резюме страстныхъ изобличеній Гаршина. Мы не люди, а «кровожадныя, кривляющіяся обезьяны», и непонятно, почему Гаршинъ называетъ эту фразу своего героя «жестокой и безсмысленной»: если не безсмысленно вообще разочарованіе въ людяхъ Алексѣя Петровича, то не безсмысленна и эта фраза, которая не болѣе какъ формула этого разочарованія. Въ евангеліи Алексѣй Петровичъ находитъ себѣ утѣшеніе, болѣе—надежду на исходъ и примиреніе съ собою и людьми, надежду, которая, впрочемъ, оказывается тщетною. «Если не обратитесь и не будете какъ дѣти...»—эти евангельскія слова были свѣтлымъ лучемъ для него и «ему показалось, что онъ понялъ все». Знаю-

*) Кстати. Мы не говорили и не намѣрены говорить собственно о литературныхъ достоинствахъ произведеній Гаршина, объ его техникѣ, объ его повѣствовательномъ талантѣ. Приведенные выше отрывки могутъ служить образчиками того неподдѣльнаго лиризма, который у Гаршина не рѣдокъ и составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ особенностей его таланта. Ничего натянутаго, напыщеннаго, вздутаго въ этомъ лиризмѣ нѣтъ: онъ спокоенъ, но глубокъ, простъ, но красивъ и ясенъ. Такъ говорятъ только тѣ люди и пишутъ тѣ писатели, у которыхъ отъ избытка сердца уста глаголятъ.

ли я, что значатъ эти слова? Обратиться и сдѣлаться какъ дитя!.. Это значитъ, не ставить во всемъ на первое мѣсто себя. Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное Я, которое, какъ глистъ, сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время были посвящены на служеніе тебѣ. То я кормилъ тебя, то покланялся тебѣ, хоть ненавидѣлъ тебя, а все-таки покланялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что мнѣ было дано. И вотъ докланялся, докланялся, докланялся»!.. Сила и искренность покаяннаго чувства бросается въ глаза, но въ глаза же бросается и непослѣдовательность мысли, не могущей освободиться отъ путъ и тисковъ индивидуализма. Неужели дѣти — представители и носители тѣхъ альтрюистическихъ чувствъ, о потерѣ которыхъ въ себѣ печалится герой Гаршина? Дѣти безхитростны, непосредственны, но развѣ дѣти не величайшіе эгоисты? Мы, впрочемъ, пока не оспариваемъ Гаршина, мы стараемся лишь характеризовать его. Большія, тяжкія душевныя страданія при очевидной недостаточности и даже неопредѣленности мотивовъ и причинъ этихъ страданій—вотъ первое заключеніе, которое мы теперь вправѣ сдѣлать.

Перейдемъ теперь къ другому разсказу Гаршина «Attalea princeps». Мы видѣли сейчасъ сомнѣнія Гаршина относительно нравственнаго достоинства людей. Въ «Attalea princeps» мы находимъ выраженіе такого же сомнѣнія относительно достоинства нашихъ общественныхъ идеаловъ. Это—вполнѣ логичный шагъ въ одномъ и томъ же направленіи. Если люди — «кривляющіяся обезьяны», то чего могутъ стоить ихъ идеалы? Зерно истины имѣется и здѣсь, какъ мы видѣли его и въ томъ случаѣ, когда шла рѣчь о нравственности людей. Люди злы—это можно доказывать съ большимъ правдоподобіемъ; люди глупы — это можно, пожалуй, утверждать еще рѣшительнѣе. Посмотримъ прежде, какъ доказываетъ этотъ послѣдній тезисъ Гаршинъ. На этотъ разъ онъ избралъ форму довольно граціозной аллегоріи. Въ ботаническомъ саду, въ оранжереѣ, разнаго рода тропическія растенія ведутъ между собою бесѣду, хвастаютъ другъ передъ другомъ своими достоинствами, подпускаютъ другъ другу шпильки, сплетничаютъ, клевещутъ—словомъ ведутъ себя совершенно какъ люди. Одна Attalea не принимаетъ участія въ этихъ дрязгахъ. Ея мысли и стремленія совсѣмъ другія.

— Зачѣмъ вы ссоритесь? сказала Attallea.—Развѣ вы поможете себѣ этимъ? Вы только увеличиваете свое несчастіе злобою и раздраженіемъ. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о дѣлѣ. Послушайте меня: ростите выше и шире, раскидывайте вѣтви, напирайте на рамы и стекла; наша оранжерея разсыплется въ куски и мы выйдемъ на свободу. Если одна какая нибудь вѣтка упрется въ стекло, то, конечно, ее отрѣжутъ; но что сдѣлаютъ съ сотней сильныхъ и смѣлыхъ стволовъ? Нужно только работать дружнѣе и побѣда за нами.

Сначала никто не возражалъ пальмѣ: всѣ молчали и не знали, что сказать. Наконецъ, саговая пальма рѣшилась.

— Все это глупости, заявила она

— Глупости! глупости! заговорили деревья и всѣ разомъ начали доказывать Attale'ѣ, что она предлагаетъ ужасный вздоръ. Несбыточная мечта! кричали они:—вздоръ! нелѣпость! Рамы прочны и мы никогда не сломаемъ ихъ, да если бы и сломали, такъ что-жъ такое? Прійдутъ люди съ ножами и съ топорами, отрубятъ вѣтви, задѣлаютъ рамы и все пойдетъ по старому. Только и будетъ, что отрѣжутъ отъ насъ цѣлые куски...

— Ну, какъ хотите! отвѣчала Attalea.—Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Я оставлю васъ въ покоѣ: живите, какъ хотите, ворчите другъ на друга, спорьте изъ за подачекъ воды и оставайтесь вѣчно подъ стекляннымъ колпакомъ. Я и одна найду себѣ дорогу. Я хочу видѣть небо и солнце не сквозь эти рѣшетки и стекла,—и я увижу!

И пальма гордо смотрѣла зеленой вершиной на лѣсъ товарищей, раскинутый подъ нею. Никто изъ нихъ не смѣлъ ничего сказать ей; только саговая пальма тихо сказала сосѣдкѣ цикадѣ:

— Ну, посмотримъ, посмотримъ, какъ тебѣ отрѣжутъ твою, большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордянка!

Остальныя хоть и молчали, но все-таки сердились на Attale'ю за ея гордыя слова.

Все это такъ, все это вѣрно и исторически, и психологически. Но вотъ Attalea достигла своей цѣли—пробила потолокъ оранжереи.

Надъ стекляннымъ сводомъ гордо высилась выпрямившаяся зеленая корона пальмы.

— Только-то? думала она.—И это все, изъ за чего я томилась и страдала такъ долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшею цѣлью?

Была глубокая осень, когда Attalea выпрямила свою вершину въ пробитое отверстіе. Моросилъ мелкій дождикъ пополамъ съ снѣгомъ, вѣтеръ низко гналъ сѣрыя клочковатыя тучи. Ей казалось, что онѣ охватываютъ ее. Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами. Только на соснахъ да на елѣхъ стояли темнозеленыя хвои. Угрюмо смотрѣли деревья на пальму. «Замерзнешь! какъ будто говорили они ей.—Ты не знаешь, что такое морозъ. Ты не умѣешь терпѣть. Зачѣмъ ты вышла изъ своей теплицы?»

И Attalea поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вер-

нуться снова подъ крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую-природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада.

Идея аллегоріи ясна и комментаріевъ не требуетъ. Это очень грустная идея и, овладѣвши человѣкомъ, ничего кромѣ тоски и въ конечномъ результатѣ—мертвенной апатіи, дать ему не въ состояніи, но не возможно отрицать, что извѣстная доля истины въ ней несомнѣнно заключается. Какая масса жертвъ принесено человѣчествомъ, сколько усилій мысли и воли, сколько подвиговъ любви и самоотверженія и въ концѣ концовъ—«только-то?» По этой канвѣ можно выводить самые разнообразные и очень красивые узоры, но опять-таки тоже недоумѣніе: что-же далѣе? Какая цѣль, какой смыслъ и какое значеніе этихъ узоровъ? Мы лишь ставимъ этотъ вопросъ, оставляя пока тенденцію Гаршина и по этому пункту безъ оспариванія. Этотъ вопросъ важенъ теперь для насъ лишь потому, что пессимистическое «только-то», которое Гаршинъ вынесъ, какъ результатъ своихъ наблюденій и размышленій, наложило свою печать на всю его духовную физіономію, которая теперь только и занимаетъ насъ. Это «только-то?», развиваясь въ душѣ Гаршина, какъ развивается въ организмѣ ракъ или гангрена, именно и выразилось въ его предсмертномъ—«все равно никогда не сбудется то, о чемъ мечтаешь». Но, однако, Гаршинъ все-же жилъ, находилъ силы жить и не только жить, но и дѣйствовать и даже самоотвергаться, какъ его пальма. Во имя чего-же онъ дѣйствовалъ.

III.

Въ людяхъ искреннихъ и чистыхъ всегда замѣчается одна, свойственная имъ всѣмъ, черта: это—жажда подвига, потребность жертвы. Имъ, если такъ можно выразиться, стыдно быть счастливыми, даже просто благополучными, если кругомъ не всѣ счастливы и не все благополучно. Загорѣлась русско-турецкая война и Гаршинъ очутился въ рядахъ русскихъ солдатъ, и вотъ какъ онъ объясняетъ это: «я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду под-

ставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ». («Четыре дня»). Въ другомъ разсказѣ на ту же тему «Трусъ» Гаршинъ выражался не менѣе опредѣленно: «я могъ-бы избѣжать участи солдата, могъ-бы воспользоваться кое-какими вліятельными знакомствами и остаться въ Петербургѣ, состоя въ тоже время на службѣ. Меня «пристроили» бы здѣсь, ну, хоть для отправленія писарской обязанности что-ли. Но, во-первыхъ, мнѣ претитъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, а во-вторыхъ, что-то не подчиняющееся опредѣленію сидитъ у меня внутри, обсуждаетъ мое положеніе и запрещаетъ мнѣ уклониться отъ войны. «Не хорошо» говоритъ мнѣ внутренній голосъ». Въ жизни, даже помимо такихъ исключительныхъ событій, какъ война, столько всякаго рода страданія, что человѣкъ, угнетенный, подобно Гаршину, потребностью самопожертвованія, найдетъ всегда достаточно къ этому случаевъ. Съ этого именно Гаршинъ и началъ, этимъ была наполнена первая фаза его самостоятельной жизни. Къ печальному убѣжденію своему въ безплодности жертвъ и подвиговъ онъ еще не пришелъ въ то время. Тотъ фактъ, что онъ избралъ столь мало свойственное его природѣ военное дѣло, нисколько не случаенъ. Въ этомъ фактѣ сказались двѣ характерныя черты его ума и сердца: во-первыхъ, значительная смутность его общественныхъ воззрѣній, смутность, замѣтная рѣшительно во всѣхъ его произведеніяхъ, во-вторыхъ, потребность раздѣлить тѣ страданія, которыхъ въ данный моментъ накопилось всего больше и которыя были всего очевиднѣе. Хладнокровно, со стороны обсуждая фактъ поступленія Гаршина въ дѣйствующую армію, нельзя не согласиться, что это было дѣйствіемъ энтузіазма высокаго, но весьма и весьма неосмысленнаго. Что такое былъ Гаршинъ, какъ солдатъ? Лишняя мишень для непріятельскихъ пуль— и не болѣе. «Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться»—эта фраза понятна, какъ выраженіе лирическаго чувства, но, что она такое, если взглянуть на нее, какъ на нѣкоторую программу избранной дѣятельности? Идти *драться* и въ тоже время никому не желать вредить, ни даже тому врагу, съ которымъ идешь «драться»— это, воля ваша, совершенно неудобопонятно. Понятно, что сомнѣнія въ необходимости жертвъ должно было заявить себя очень скоро. Жертвы были велики, страданія, какъ нравственныя, такъ и физическія, перенесенныя Гаршинымъ въ роли солдата, были очень серьезны, но результатъ ихъ... результата не было. Нѣтъ

сомнѣнія, что именно тутъ и положено было начало тому скептицизму или пессимизму, который разросся впослѣдствіи до апатичнаго или отчаяннаго «все равно».

Товарищамъ-солдатамъ Гаршина было несравненно легче, нежели ему: они не разсуждали, не наблюдали, не размышляли. Они знали, что «идутъ бить турку, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью пролитую кровь, сколько за то, что онъ потревожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ («которую тысячу верстъ до него, поганаго, тащимся!»), билетнымъ солдатамъ побросать дома и семьи и всѣмъ вмѣстѣ идти куда-то подъ пули и ядра». («Изъ воспоминаній рядового»). Тутъ все ясно и просто: ни тоски, ни сомнѣній, ни угрызеній совѣсти, никакой рефлексіи. А Гаршинъ изстрадался и истомился душою отъ однѣхъ картинъ военной жизни, картинъ, съ общесолдатской точки зрѣнія вполнѣ заурядныхъ. Вотъ образованный офицеръ, съ чувствомъ декламирующій въ подлинникѣ Альфреда де-Мюссе, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, съ наслажденіемъ бьетъ и тиранитъ солдатъ. Вотъ генералъ «молодчага», желающій не просто, а непремѣнно «по суворовски» сдѣлать походъ и для этого заставляющій своихъ солдатъ идти по нарочито труднымъ дорогамъ. Вотъ, наконецъ, сами солдаты, съ сквернословными пѣснями шествующіе «бить турку» за то, что онъ ихъ какъ-то и чѣмъ-то и гдѣ-то «потревожилъ». Нужно было быть или простымъ «пушечнымъ мясомъ» или человѣкомъ съ очень сильной и проницательной мыслью, чтобы не потеряться въ этомъ кровавомъ хаосѣ, разобраться въ немъ и осмыслить его. Гаршинъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Это былъ по преимуществу человѣкъ нѣжнаго, любовнаго, сострадательнаго чувства и тамъ, гдѣ, напр., Толстой нашелъ только новыя причины уважать человѣка и вѣрить въ него—Гаршинъ дошелъ до пессимизма и мистицизма. Развѣ это не мистическое объясненіе: «насъ влекла невѣдомая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невѣдомому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню, самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій». («Изъ воспоминаній рядо-

вого»). Въ этомъ объясненіи—единственномъ, которое составилъ себѣ Гаршинъ—все юношески недодуманно и незрѣло: и эта «невѣдомая и безсознательная» сила, «тайная», не поддающаяся будто бы ни опредѣленію, ни анализу, и эта «кровавая бойня», какъ «*самая крупная причина всевозможныхъ людскихъ бѣдъ*».

Ничего, кромѣ разочарованія, эта первая и крупнѣйшая попытка Гаршина взять на себя хоть частицу «мірового зла» не принесла. Нравственная потребность самопожертвованія была удовлетворена, но это былъ только личный, а не общій результатъ. Тутъ начинается второй періодъ дѣятельности и развитія Гаршина, періодъ выработки или, точнѣе, попытокъ выработки положительныхъ идеаловъ и положительной морали. Къ этому періоду относятся разсказы: «Встрѣча», «Художники», «Сигналъ» и «Сказаніе о гордомъ Аггеѣ». Приходится опять и опять высказать то, что мы уже не разъ въ теченіи этой статьи говорили: ничего опредѣленнаго, такъ сказать ребромъ поставленнаго въ этихъ разсказахъ читатель не встрѣтитъ. Авторъ этихъ разсказовъ еще ничего не обрѣлъ,—онъ ищетъ и къ этому исканію идеала приглашаетъ и читателя. Гаршинъ не учитъ—онъ какъ бы совѣтуется; его мучатъ сомнѣнія, его тревожатъ разныя иллюзіи, и онъ съ, прелестною довѣрчивостью, съ трогательною искренностью и простотою какъ бы изливается на груди друга-читателя. Читатель не ученикъ, а конфидентъ его. Нужно ли противиться злу? Этотъ вопросъ, раздавшійся на всю Россію, не обошелъ, конечно, и Гаршина. Противиться злу нужно, отвѣчаетъ авторъ «Художниковъ». Противиться злу, кажется, нужно, отвѣчаетъ авторъ «Сигнала». Не знаю, нужно ли, быть можетъ лучше смирить свою гордыню и пойти на служеніе всѣмъ труждающимся и обремененнымъ міра, отвѣчаетъ авторъ «Сказанія». Если бы наша статья и безъ того не была обременена цитатами—мы безъ труда доказали бы, что эти «нужно», «кажется нужно» и «едва ли нужно» не болѣе какъ точное резюме тенденцій этихъ разсказовъ Гаршина.

Среди такихъ сомнѣній и колебаній, съ такими неопредѣленными и незаконченными идеалами жить трудно,—такимъ людямъ какъ Гаршинъ въ особенности. «Человѣку надо идти. Милостивый государь, понимаете ли вы, что каждому человѣку надо куда-нибудь идти», какъ говоритъ у Достоевскаго чиновникъ Мармеладовъ. И Гаршинъ пошелъ... Это была новая попытка и въ но-

вомъ направленіи, *по идеѣ* вполнѣ безукоризненномъ. Это было направленіе гуманическое, «живое и дѣйственное», какъ его назвалъ когда-то Добролюбовъ, направленіе, стремившееся открыть «душу живу» въ загрязненныхъ, забитыхъ, «униженныхъ и оскорбленныхъ» жизнью людяхъ. Зачѣмъ это было нужно? Чего добивались эти писатели съ авторомъ «Шинели» во главѣ? Добивались они поднять нашу вѣру въ человѣка и его достоинство, а нужно это было затѣмъ, что «не добро быти человѣку единому», не хорошо смотрѣть на людей свысока и чуждаться ихъ, несправедливо лишать ихъ своего вниманія и участія: они не менѣе, какъ люди, и вы не болѣе, какъ человѣкъ. Вотъ широкій общественный смыслъ этихъ гуманныхъ тенденцій. Гаршинъ пошелъ въ этомъ направленіи, но остался вѣренъ себѣ. Героиня двухъ его разсказовъ («Происшествіе» и «Надежда Николаевна»)—падшая женщина, проститутка съ Невскаго проспекта. Выборъ темы очень удаченъ.

Гдѣ ты теперь? Съ нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-жъ защититъ тебя? Всѣ безъ изъятья
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ.
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
И безполезно замрутъ!

«Кто-жъ защититъ тебя?» спрашиваетъ поэтъ и вотъ на защиту несчастной выступаетъ талантливый беллетристъ новаго поколѣнія *), гуманный, чистый, любящій... Превосходно, превосходно! Это можно сказать, даже трогательный литературно-историческій эпизодъ! Но какъ повелъ свою защиту Гаршинъ? Что такое Надежда Николаевна—героиня его разсказовъ? Это именно «героиня» не въ беллетристическомъ, а буквальномъ значеніи этого слова.

*) Замѣтимъ мимоходомъ любопытное и, можетъ быть, не случайное обстоятельство. Приблизительно около того времени, когда появились разсматриваемые разсказы Гаршина, той-же самой темы коснулись два другіе молодые беллетриста. Г. Яснискій въ разсказѣ «Наташка» и г. Позняковъ въ романѣ «Тайна» попытались «защитить», реабилитировать падшую женщину, каждый изъ нихъ велъ свою защиту на свой собственный ладъ и очень горячо, но въ концѣ концовъ—неудачно. Соня Мармеладова все еще остается лучшей «защитой».

Это образъ не только романтическій, но даже демоническій и фантастическій. Прежде всего Надежда Николаевна очень образованная и начитанная дѣвушка, прекрасно къ тому-же владѣющая перомъ. Далѣе, она, не смотря на весь ужасъ своего положенія, вполнѣ сохранила свою душевную чистоту и способна на великодушіе и на самоотверженіе. Далѣе, она очень красива, но не пошло-красива, не уличною, вывѣсочною, а тою одухотворенною красотою, которая свидѣтельствуетъ о натурѣ глубокой, съ широкимъ и богатымъ внутреннимъ содержаніемъ. Ея вліяніе на людей, сколько-нибудь понимающихъ и развитыхъ, ея можно сказать обаяніе и даже очарованіе—громадно. Изъ за несчастной любви къ ней застрѣливается одинъ чиновникъ, молодой человѣкъ; другой молодой человѣкъ—высоко-талантливый художникъ, находитъ въ ней олицетвореніе мучившаго его идеальнаго образа Шарлотты Корде и тоже влюбляется въ нее; третій молодой человѣкъ—художникъ тоже—не столько любитъ, сколько благоговѣетъ передъ ней; четвертый молодой человѣкъ—талантливый литераторъ—убиваетъ ее изъ ревности. Вотъ какая эта Надежда Николаевна.

Ну... что сказать тутъ? Конечно, чего на свѣтѣ не бываетъ. Бываетъ, надо полагать, и *такія* Надежды Николаевны, хотя и плохо этому вѣрится. Но если Надежда Николаевна такова—намъ до нея и дѣла нѣтъ. Мы собрались сострадать, «защищать»—а намъ предлагаютъ благоговѣть. Мы думали, что намъ придется спуститься въ бездну и «изъ мрака заблужденья горячимъ словомъ убѣжденья» извлечь падшую душу и вмѣсто того видимъ высокій пьедесталъ, на которомъ въ живописно-мрачной драпировкѣ и позѣ стоитъ трагическая фигура героини. Шарлота Корде? Помилуйте, смѣемъ-ли мы, обыкновенные люди, не только подойти, пожалѣть, пріютить и привѣтить, но даже просто заговорить съ Шарлотою Корде! Мы можемъ только созерцать ее и богомольно благоговѣть передъ святыней ея красоты! Мало дѣла до нея намъ и ужъ вовсе никакого нѣтъ дѣла до нея ея бѣднымъ сестрамъ по «роковой судьбѣ», ея попутчицамъ по «дорогѣ обычной». То вѣдь Шарлота Корде, а то просто

Сашки, Наташки, капашки мои,
Размѣняйте мнѣ бумажки мои!
Эхъ, бумажки то все новенькія,
Двадцатипятирублевенькія!

Вотъ какимъ языкомъ говорятъ съ Сашками и Наташками и вотъ кому нужно, чтобы съ ними заговорили языкомъ человѣческимъ. Сашки и Наташки повѣрятъ искренности нашего участія и это участіе поднимете ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, а великолѣпной Надеждѣ Николаевнѣ (даже не Николавнѣ, а Николаевнѣ!) мы ни на что ненужны, она презираетъ насъ и весь родъ человѣческій. «Развѣ—прекраснѣйшимъ стилемъ пишетъ она—развѣ есть они, хорошіе люди, развѣ я ихъ видѣла и послѣ, и до моей катастрофы? Должна-ли я думать, что есть хорошіе люди, когда изъ десятковъ, которыхъ я знаю, нѣтъ ни одного, котораго я могла-бы не ненавидѣть. И могу-ли я вѣрить, что они есть, когда тутъ и мужья отъ молодыхъ женъ, и дѣти (почти дѣти—четырнадцати, пятнадцати лѣтъ) изъ «хорошихъ семействъ», и старики лысые, параличные, отжившіе? Могу-ли я не ненавидѣть, не презирать, хотя я сама презираемое и презрѣнное существо?» Краснорѣчиво и глубоко.

Не трудно понять тотъ мысленный и душевный процессъ, который привелъ Гаршина къ созданію, точнѣе, къ сочиненію этого фантастическаго образа. Ему нужно было во что бы то ни стало разыскать въ нашей жизни свѣтлыя явленія, нужно было какъ нибудь и хоть на чемъ нибудь помириться съ дѣйствительностью, нужно было успокоиться хоть на фикціи.

И такъ вотъ результаты нашего анализа умственной и нравственной природы Гаршина, поскольку она выразилась въ его произведеніяхъ: во первыхъ, потребность жертвы, какъ слѣдствія стремленія облегчить проклятіе зла, тяготѣющее надъ людьми, во вторыхъ, исканіе новой положительной морали, въ виду безсилія или бездѣйствія старой; въ третьихъ, исканіе свѣтлыхъ явленій въ дѣйствительной жизни послѣ того, какъ среди абстрактныхъ понятій не нашлось достаточно твердой опоры; въ четвертыхъ, какъ естественный результатъ всѣхъ этихъ неудачныхъ, но страстныхъ попытокъ—тяжелое разочарованіе, которому не доставало только дальнѣйшей теоретической обработки, чтобы превратиться въ стройную систему чистѣйшаго пессимизма. Дальше отъ жизни ждать было нечего и идти стало некуда. «Удались отъ людей, Офелія!»—и Гаршинъ, не способный на компромиссы съ своей совѣстью, не побоялся уйти отъ людей безвозвратно...

IV.

«Все пустяки въ сравненіи съ вѣчностью», говорилъ нѣкто, наливая себѣ пятнадцатую рюмку водки. Въ такой невеселой статьѣ, какъ эта, всякая шутка звучитъ диссонансомъ, но читатель долженъ извинить насъ, потому что о пессимизмѣ или только о его окончательныхъ и логически-неизбѣжныхъ выводахъ нѣтъ возможности говорить вполнѣ серьезно и уважительно. «Все пустяки въ сравненіи съ вѣчностью»—мы утверждаемъ, что это высокое изреченіе пьянственной философіи есть конечный и несомнѣнный выводъ всякой пессимистической системы какого бы то ни было оттѣнка. Возьмите хоть бы патетическое восклицаніе Жоржъ-Зандъ «десять тысячелѣтій я взываю къ безконечности: «Истина! истина» и во всѣ времена отвѣтомъ симъ было: Тоска! тоска!». О какой неуловимой истинѣ идетъ тутъ рѣчь? Объ абсолютной, конечно. Но такъ какъ абсолютны только вѣчность во времени и безконечность въ пространствѣ, то, разумѣется, всѣ наши поиски за абсолютной истиной будутъ имѣть въ результатѣ лишь «тоску». Если, какъ замѣтилъ, кажется, Милль, невозможно допустить существованіе такихъ міровъ, на которыхъ можетъ быть дѣйствіе безъ причины, то чего послѣ этого нельзя допустить? И чего стоятъ тѣ мнимовсеобщіе законы, изученіемъ и открытіемъ которыхъ занимается наука? Сколько ни ширься и ни развивайся наша наука, но передъ лицомъ вѣчности и безконечности она имѣетъ не больше значенія, какъ и пятнадцатая рюмка водки. Наука—явленіе конечное и ограниченное, пятнадцатая рюмка явленіе тоже конечное и ограниченное и слѣдовательно одинаково, *математически*—одинаково ничтожны: «все пустяки въ сравненіи съ вѣчностью». И наука прейдетъ, и пятнадцатая рюмка прейдетъ; и на днѣ науки—спросите объ этомъ Фауста—«тоска! тоска!», и на днѣ пятнадцатой рюмки тоска—спросите объ этомъ нашего философа. Что такое наша земля? Комочекъ грязи, смоченный капелькою воды и покрывшійся плѣсенью, какъ выразился въ «Призракахъ» Тургеневъ—и это опять-таки *математически* вѣрное оправданіе. Солнце и звѣзды—искры пока горящія, планеты и луна—искры уже потухшія. Нашъ міръ — міръ бактерій, микробовъ, бациллъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ. Но вѣдь все это совершенно несомнѣнно и

очевидно! Разъ мѣркою явленій мы избираемъ то, что само по себѣ не имѣетъ никакого измѣренія—вѣчность и безконечность, мы фатально-логически приходимъ къ пессимистическому выводу, что «все пустяки».

Съ этой—но только съ одной этой—точки зрѣнія можно понять и оправдать Гаршинское «только то?» Какъ «только то?» спроситъ въ свою очередь каждый изъ тѣхъ, для которыхъ жизнь не трынъ трава, хотя она и продолжается всего какихъ нибудь «пустячныхъ» пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ. Вѣдь Attalea дѣлала исторію, а исторія наша не безплодна и «десять тысячелѣтій», о которыхъ говоритъ Жоржъ-Зандъ, человѣчество прожило не напрасно. Пусть намъ доказываютъ, что золотой вѣкъ лежитъ позади насъ: это мы знаемъ и понимаемъ и въ то же время нисколько этимъ не обезкураживаемся. Золотой вѣкъ лежитъ въ то же время и впереди насъ, мы это тоже знаемъ и понимаемъ и въ этомъ находимъ себѣ утѣшеніе. Когда чистая непосредственность нашего далекаго прошлаго, лежащаго за предѣлами «десяти тысячелѣтій», будетъ оплодотворена и одухотворена высшею сознательностью, къ которой мы мало по малу подходимъ, но до которой еще не дошли вѣроятно на пространство никакъ не меньшее «десяти тысячелѣтій»—тогда человѣчество и отпразднуетъ свою великую побѣду, отдохнетъ отъ своего крестнаго пути. Мы вернемся къ первобытнымъ формамъ жизни, но вернемся не съ пустыми руками: мы внесемъ въ нихъ идею, сознательность и слѣдовательно прочность и устойчивость. Если, какъ сказалъ Гете, человѣчество движется впередъ—но по круговой линіи, то это не значитъ еще, что мы уподобляемся бѣлкѣ въ колесѣ. Каждый шагъ нашъ по этому кругу есть завоеваніе наше. Каждый шагъ сопровождается пріобрѣтеніями въ области *знанія*, съ каждымъ историческимъ шагомъ мы становимся умнѣе, сильнѣе, богаче, а *слѣдовательно* справедливѣе и добрѣе, а *слѣдовательно* и счастливѣе. Мы дѣлаемъ отступленія и уклоненія съ пути, въ рамки которыхъ укладывается иногда жизнь нѣсколькихъ несчастливыхъ поколѣній, но что же?

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ!
Но то что, съ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Кто не разобрался въ этихъ сложныхъ идеяхъ, тому естественно спрашивать «только то?» Кто не понимаетъ великаго смысла общей работы людей, тотъ можетъ относиться скептически къ ея результатамъ. Кто не можетъ подняться на такую высоту, съ которой незамѣтны и ничтожны мелкіе зигзаги длиннаго историческаго пути человѣчества, тотъ можетъ впадать и въ отчаяніе, и въ пессимизмъ. А конечно, конечно съ точки зрѣнія еще болѣе высокой, не только надоблачной но и надзвѣздной, наша земля—ничтожество и всѣ наши труды и жертвы — пятнадцатая рюмка водки.

Затѣмъ—люди. Гаршинъ, какъ богатырь сказки, тоскливо спрашивалъ «есть ли въ семъ полѣ живъ человѣкъ» и, не слыша отклика, впадалъ въ еще большее уныніе. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не болѣе какъ съ недоразумѣніемъ, недопониманіемъ. Не въ томъ задача художника и мыслителя, чтобы разъискивать въ жизни праведниковъ, а въ томъ, чтобы и въ грѣшникѣ прозрѣть и оцѣнить добро. «Нѣтъ хорошихъ людей!» категорически говоритъ Гаршинъ устами своей Надежды Николаевны. Конечно, нѣтъ, если «хорошій» человѣкъ значитъ «святой» человѣкъ. Но вѣдь это опять все то же: въ этомъ исканіи совершенныхъ, безгрѣшныхъ людей выражается стремленіе къ абсолютной истинѣ и къ абсолютному идеалу, стремленіе уже разсмотрѣнное нами. На унылое гаршинское «нѣтъ хорошихъ людей» мы отвѣтимъ, что такихъ людей очень много, что такихъ людей—большинство, что всѣ, наконецъ, люди—хорошіе люди, если взглянуть на нихъ не съ высоты идеала, а въ той близости и съ тою сердечностью, какія умѣстны между братьями. Абсолютнаго грѣха, какъ и абсолютной добродѣтели, мы не найдемъ ни въ жизни, ни въ самихъ себѣ. Зло и добро, свѣтъ и мракъ, преступленіе и подвижничество соединены и переплетены въ жизни между собой и не только въ жизни общественной, но и въ жизни индивидуальной: одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть и злодѣемъ, и героемъ, сдѣлать преступленіе и совершить подвигъ, смотря по тому, какія струны его души будутъ затронуты, какія дремлющія въ немъ силы будутъ вызваны. Къ чему же намъ и способность наша къ анализу и весь нашъ умъ, если мы не можемъ или лѣнимся разобраться въ этой сложности?

Смотри—передъ тобой играючи идетъ
Толпа, дорогою привычной.
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной,
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!

Но «преждевременныя морщины» являются у людей не отъ однихъ только преступленій, но и отъ другихъ причинъ, дѣлающихъ болѣе чести человѣку. Подъ безразличною или приличною внѣшностью съ одинаковымъ удобствомъ скрываются и боящееся свѣта, злодѣяніе и скромное, не ищущее себѣ похвалъ нравственное достоинство. Намъ ли не знать этого, когда ни въ одной литературѣ нѣтъ столь яркихъ изображеній этихъ «безсознательно хорошихъ» людей, какъ именно въ русской литературѣ? Поколѣнію ли Гаршина позволительно не вѣрить не только въ человѣческое достоинство, но и въ человѣческій героизмъ? Старая, впрочемъ, это исторія: «въ мірѣ бысть и міра Его не позна».

Наконецъ—мораль. Конечно, если мы такъ дурны, надо чѣмъ нибудь и какъ нибудь насъ исправить, и за мораль всегда хватались какъ за спасительное средство всѣ адепты и послѣдователи индивидуализма. Но развѣ у насъ нѣтъ морали, чтобы ее нужно было придумывать? Развѣ всѣ моралисты, отъ Марка Аврелія до Льва Толстого, сказали что нибудь такое, что не было бы лучше и глубже и даже поэтичнѣе высказано въ евангеліи? Вся разница между моралистами въ томъ только и состоитъ, что одни изъ нихъ выдвигаютъ на первый планъ одни положенія евангелія, другіе—другія, сообразно съ своими личными нравственными потребностями. Гаршинъ ни на чемъ не остановился, ни на чемъ не успокоился. Только разъ, единственный разъ, свѣтлый лучъ истины осѣнилъ его, но оказался уже безсильнымъ согрѣть и оживить его. Герой разсказа «Ночь» (выше о немъ у насъ была рѣчь) нашелъ «въ зеленой книжкѣ» слова «отвергнуть себя и взять крестъ свой»—и эти слова потрясли его. «Онъ почувствовалъ теперь, что не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что осталась еще любовь и даже самоотверженіе, что стоитъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло—онъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда

снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее, житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ» («Ночь», 188 стр.). Этотъ желанный миръ онъ нашелъ, однако же только въ смерти. Но зачѣмъ же было въ кровь разбивать себѣ руки, стучась въ давно отворенную дверь? «Зелененькая книжка» считаетъ за собою двѣ тысячи лѣтъ существованія и людямъ пора твердо знать ея содержаніе.

Здѣсь мы и остановимся. Гаршинъ представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ фигуръ нашей литературы, но собственно его сочиненія не представляютъ большого матеріала для критической разработки. Его разсказы—это «элегіи въ прозѣ», это талантливое выраженіе сомнѣній, обуявшихъ чуткую, искреннюю и глубокую душу, но сомнѣній, давно уже не играющихъ серьезной роли въ области человѣческаго смысла. Гаршинъ не вынесъ этихъ сомнѣній, умеръ, не справившись съ ними—и пусть будетъ надъ нимъ земля легка и вѣчная память этому, какъ хрусталь, чистому, но и, какъ хрусталь, хрупкому сердцу! Но намъ отчаяваться не отъ чего. Надо жить и будемъ жить, печалясь, гнѣваясь, негодуя, но не «стыдясь» за то, что осмѣливаемся жить и даже надѣяться и вѣрить. Что много говорить? Если Гаршинъ былъ такъ хорошъ и чистъ, то это, конечно, значитъ, что и мы не такъ ужъ дурны.

СЕРГѢЙ ТИМОѲЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:
Ему такъ искренен привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства.

Некрасовъ.

I.

Среди русскихъ стихотворцевъ есть одинъ, котораго вся грамотная Россія издавна называетъ «дѣдушкой». Этимъ почтительно фамильярнымъ и ласково шутливымъ эпитетомъ очень хорошо характеризуется мѣсто, которое занимаетъ Крыловъ въ нашей литературѣ. Да, это именно «дѣдушка», богатый жизненнымъ опытомъ старикъ, котораго сердце далеко не охладѣло и разумъ нисколько не ослабѣлъ, но который столько перевидалъ на своемъ вѣку, что уже ничему не удивляется и ни отъ чего не приходитъ въ негодованіе. «Всѣ мы—люди, всѣ человѣки», какъ бы говоритъ онъ про себя и съ насмѣшливою снисходительностью, безъ желчи, безъ озлобленія, а съ добродушнымъ, сдержаннымъ стариковскимъ юморомъ подтруниваетъ надъ нашими слабостями. Вотъ моська, которая лаетъ на слона затѣмъ, чтобы сказали: «знать, она сильна»; вотъ кукушка, которая хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку; вотъ оселъ, глубокомысленно совѣтующій соловью подъучиться у знакомаго пѣтуха; вотъ легкомысленная стрекоза, вотъ не по разуму усердный медвѣдь, льстивая и лукавая лиса, глупая ворона и т. д. и т. д.: что все это такое? это наша жизнь и это мы сами, это все то, что ежедневно мы встрѣчаемъ и испытываемъ въ дѣйствительности, отъ чего волнуемся, чѣмъ возмущаемся и въ себѣ и въ другихъ. Все это еще не приглядѣлось намъ, наши пороки и недостатки представляются намъ грѣхами, требующими кары, а отнюдь не стихійными свойствами несовершенной человѣче-

ской природы. Оттого мы сердимся и горячимся тамъ, гдѣ многоопытный «дѣдушка» только лукаво улыбается: люди ему смѣшны, но не гадки, и онъ находитъ, что въ концѣ концовъ съ ними очень можно жить... при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, какъ-то: не спрашивать совѣта уословъ, не вѣрить лисьимъ похваламъ, не дружить съ дураками и т. д. Все это совѣты не хитрые, да и вся дѣдушкина мудрость не высокаго полета, но это мудрость непосредственно житейская, будничная, отъ которой умъ не вскружится, но которая нужна и полезна во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. За идеалами мы къ «дѣдушкѣ» не обратимся, да не всегда послушаемся и его морали, но житейской сметкѣ, практическому такту, русскому ясному «себѣ на умѣ» мы у него охотно поучимся. Въ этой сферѣ онъ первый авторитетъ, тутъ ему и книги въ руки.

Приблизительно такое же мѣсто, какое занимаетъ Крыловъ между нашими стихотворцами, Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ занимаетъ между нашими прозаиками. Это тоже своего рода «дѣдушка», совсѣмъ не сверстникъ нашъ, человѣкъ другаго міра, другой эпохи, другихъ понятій и, все-таки, не только не чуждый, но и чрезвычайно симпатичный намъ. Но эта симпатія—совсѣмъ иного характера, нежели симпатія наша къ Крылову. Дѣдушку Крылова мы любимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и побаиваемся, потому что онъ не слишкомъ позволяетъ намъ кивать на Петра, и если мы ужъ очень весело разсмѣемся на чужой счетъ, то онъ какъ разъ напомнитъ:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

А это конфузно, а иногда и вовсе обидно. Аксаковъ—другое дѣло. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣдушекъ, съ которыми не церемонятся рѣзвые внучата и обходятся совершенно за панибрата. Беззлобіе, наивность и восторженность—вотъ три главныя нравственныя черты духовной физіономіи Аксакова, поскольку онѣ выразились въ его литературныхъ произведеніяхъ. Именно о такихъ людяхъ и сложилась поговорка, что они *мухи не обидятъ*. Разсказываетъ, напр., Аксаковъ о своемъ предкѣ, и такъ какъ онъ—само чистосердечіе, то разсказываетъ, очевидно, святую правду и вдругъ замѣчаетъ, что его разсказъ, по свойству самого сюжета,

начинаетъ принимать рѣшительно трагическій характеръ. Какъ быть? Очень просто: «я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней». Именно *лучше*, т. е. отраднѣе, пріятнѣе для нашего любвеобильнаго повѣствователя. Но сюжетъ опять беретъ свое, опять начинаютъ рисоваться мрачныя и страшныя картины семейнаго самодурства, и Аксаковъ опять прибѣгаетъ къ своему средству: «я не буду распространяться о томъ, что онъ (дѣдъ автора—Степанъ Михайловичъ Багровъ) дѣлалъ, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. По прошествіи тридцати лѣтъ тетки мои вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха». Но дальше Аксакову приходится опять трудно: ему предстоитъ повѣдать намъ уже не о семейномъ, а о помѣщичьемъ самодурствѣ другаго своего родственника, а эта тема еще, пожалуй, почище первой. Опять—какъ быть? А все такъ же: «я не стану разсказывать подробно, какую жизнь онъ (Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ) велъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашинѣ, а также въ уѣздныхъ городишкахъ: эта была бы самая отвратительная повѣсть». Черезъ страницу, разсказавши кое-что, Аксаковъ глухо прибавляетъ: «бывали насилія и похуже», а на слѣдующей страницѣ опять: «о болѣе возмутительныхъ насиліяхъ я умалчиваю», а еще черезъ страницу: «я разсказалъ десятую долю того, что знаю». Но—*зачѣмъ же такъ секретно?* спросите вы, какъ Чацкій. Затѣмъ, отвѣтимъ мы, что иначе Аксаковъ не можетъ: на неправду онъ неспособенъ, а на правду у него языкъ не поворачивается. Подобно тому какъ тетки его черезъ тридцать лѣтъ вспоминали о родительскихъ истязаніяхъ «дрожа отъ страха», такъ и онъ безъ нервнаго разстройства не могъ бы сказать *всего* и у него хватило духу едва на «десятую часть». Это разъ. А другое, если человѣкъ по натурѣ не способенъ *мухи обидѣть*, то какъ ему обидѣть память любимаго и чтимаго,—да, не смотря ни на что, *любимаго* и *чтимаго* дѣда? И, наконецъ, какъ *обидѣть* старую русскую жизнь, это такъ называемое «доброе старое время», разсказомъ о «возмутительныхъ насиліяхъ», безвозбранно совершавшихся въ немъ? Все это до того противорѣчило кроткой, мягкой, всепрощающей природѣ Аксакова, что мы, безъ преувеличенія, усматриваемъ нѣкоторый нравственный подвигъ въ томъ, что онъ рѣшился разсказать хотя бы только «десятую часть».

Таково было беззлобіе Аксакова. А наивность его, въ смыслѣ нравственнаго качества, а не умственнаго недостатка, происходила изъ того же самаго источника,—отъ любящаго, привязчиваго, благодарнаго сердца. Аксакову было дорого, близко и мило все, что связывалось съ его личностью, входило въ его воспоминанія, начиная съ дѣда, хотя бы то и тирана-дикаря, и кончая неодушевленными предметами. Мало того, что «знакомые потоки, златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки» занимаютъ въ воспоминаніяхъ Аксакова значительное мѣсто,—онъ даже о мебели, о вещахъ своего дома не можетъ говорить безъ умиленія, а иногда и безъ почтенія. Такъ, упомянувши о какомъ-то мѣдномъ ларцѣ, принадлежавшемъ его матери, Аксаковъ пресерьезно прибавляетъ: «судьба этого мѣднаго ларца достойна вниманія. Мать принесла его въ приданое въ 1788 году, съ ленточками, позументиками, кружевцами; въ девяностыхъ годахъ и даже въ 1801 (какая точность!) году онъ наполнялся каленымъ орѣхами; въ 1807 году въ немъ лежало болѣе ста тысячъ рублей деньгами и векселями и на большую сумму брилліантовъ и жемчуговъ, а теперь онъ стоитъ подъ письменнымъ рабочимъ столомъ моего сына, набитый старинными грамотами». Не пронизируйте, не спрашивайте, чѣмъ же собственно «судьба» ларца «достойна вниманія» читающей публики, а лучше подивитесь этой сплѣ и свѣжести чувства престарѣлаго мемуариста, который, въ полнотѣ своего субъективнаго настроенія, не задумываясь, придаетъ этому настроенію объективное значеніе, привлекаетъ къ участію въ немъ и насъ, людей постороннихъ и равнодушныхъ. Это не претенціозность, не навязчивость, не кокетничанье,—это именно безобидная и безвредная наивность, простодушно увѣренная, что міръ не можетъ не интересоваться «судьбой» милыхъ и дорогихъ для сердца автора вещей. Я настаиваю на такой точкѣ зрѣнія больше всего въ интересахъ самого Аксакова. Только утвердившись на ней, можно совершенно удовлетворительно объяснить нѣкоторые, гораздо болѣе крупные факты изъ жизни Аксакова, можно понять, наприм., слѣдующее его заявленіе: «комитетъ (московской цензуры) перемѣстился въ домъ университетской типографіи, и я весь погрузился въ исполненіе моей должности (цензорской), которую очень полюбилъ, потому что она соотвѣтствовала моей склонности къ литературѣ». Полюбилъ цензуру, потому что любилъ литературу... Логики тутъ, конечно, не много, но факти-

ческая правда заявленія Аксакова не подлежитъ сомнѣнію и примирить, объяснить и оправдать все это можно именно съ рекомендуемой нами точки зрѣнія.

Такимъ же способомъ мы можемъ оборонить Аксакова и въ другихъ, не менѣе серьезныхъ случаяхъ. Онъ былъ искрененъ, когда, въ разборѣ романа Загоскина, говорилъ: «чувство народности, согрѣвающее весь романъ, невольно пробуждаетъ то же чувство, живущее въ душѣ каждаго русскаго человѣка, даже *забитаго европейскимъ образованіемъ*». Но онъ былъ столь же искрененъ, когда писалъ: «во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность моихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ». Европейское образованіе *забиваетъ*, а отсутствіе этого образованія *мѣшаетъ*: тутъ, конечно, опять нѣтъ строгой логики и нѣтъ настоящаго самосознанія, и всетаки Аксаковъ и въ этомъ случаѣ правъ—если не передъ читателемъ, то передъ своею совѣстью: въ качествѣ славянофила онъ долженъ былъ клясть европейское образованіе,—онъ это и сдѣлалъ; въ качествѣ человѣка искренняго и, кромѣ того, очень даровитаго, онъ не могъ не уважать этого образованія,—и онъ не задумался выразить и это свое уваженіе. Аксаковъ былъ человѣкъ чувства, а не логики,—увлеченія, а не убѣжденія.

Эта способность къ увлеченіямъ, доходившая именно до дѣтской или юношеской восторженности, сохранилась въ Аксаковѣ до старости, какъ это вообще бываетъ у цѣльныхъ, непосредственныхъ людей, про которыхъ именно и говорится: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Вотъ напр., характерное воспоминаніе Аксакова изъ эпохи его первой молодости: «За первымъ же обѣдомъ я насмѣшилъ своихъ хозяевъ: узнавъ вовсе неожиданно, что они живутъ въ домѣ Ломоносова, я вскрикнулъ отъ радостнаго изумленія и едва не выскочилъ изъ-за стола. Съ юношескимъ увлеченіемъ принялся я ораторствовать, что жить въ домѣ Ломоносова, этого великаго русскаго генія—истинное счастіе; что домъ его надобно бы сохранить, какъ памятникъ, во всей его неприкосновенности; что всякій русскій долженъ проходить мимо него съ непокрытой головой (что я впослѣдствіи всегда и дѣлалъ). Всѣ смѣялись, говорили, что домъ прескверный, и еще болѣе подстрекнули мою восторженность, сказавъ, что нѣкоторая мебель, принадлежавшая

нѣкогда Ломоносову, сохранилась и теперь, что въ кабинетѣ стоитъ письменный столъ, забрызганный чернилами съ пера Ломоносова... Этого было довольно. Я едва могъ дождаться конца обѣда, попросилъ позволеніе пойти въ кабинетъ хозяина и принялся цѣловать чернильныя пятна на довольно неуклюжемъ, полукругломъ дубовомъ столѣ».

Правда, рѣчь идетъ здѣсь о юношѣ, но, во-первыхъ, Аксаковъ и впослѣдствіи—«всегда»—обнажалъ голову, проходя мимо дома, въ которомъ жилъ Ломоносовъ, а во-вторыхъ, вотъ, наприм., съ какимъ «стихотвореніемъ въ прозѣ» обращался старикъ Аксаковъ къ своей родинѣ,—не къ Россіи, а только къ Оренбургской губерніи: «Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда эта дикая, дѣвственная, роскошная природа!—Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зазналъ тебя — свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отвсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, такъ же обширна, плодоносна и безконечно разнообразна, Оренбургская губернія!.. Дико звучатъ два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ бургъ!.. Но я зазналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ намѣстничествомъ! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои—Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстро текущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно, катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ, какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревьевъ и кустовъ, живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ прохладныхъ жилищъ. Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черные лѣса и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои»...

Это писалъ уже сѣдовласый старецъ, литературный патріархъ,

«дѣдушка» въ полномъ смыслѣ слова. Не всякій юноша способенъ къ такому энтузіазму, и эта молодость души въ одно и то же время и трогаетъ васъ, и немножко смѣшитъ. Не въ томъ дѣло, что «блаженъ, кто смолоду былъ молодъ, блаженъ, кто во-время созрѣлъ»—тѣмъ лучше, тѣмъ *блаженнѣе*, если человѣкъ сберегъ среди жизненныхъ испытаній жаръ души, способность къ энтузіазму и къ любви. Но на что обращается этотъ энтузіазмъ, чѣмъ вызывается эта любовь? Говоря о *созрѣвшемъ* человѣкѣ, мы не можемъ обойти этотъ вопросъ. Если юноша пишетъ пылкіе стихи «къ ней», мы называемъ его влюбленнымъ; но за совершенно такіе же стихи, написанные старикомъ, мы обзовемъ его мышинымъ жеребчикомъ. Всему своя пора: «сладокъ мускусъ новобрачнымъ, камфора годна гробамъ». Аксакова собственно приводило въ восторженное состояніе созерцаніе природы и воспоминанія дѣтства,—мотивы безукоризненные въ нравственномъ смыслѣ, но, конечно, не имѣющіе большой внутренней, идейной цѣны. Столько энтузіазма, такая пылкость чувства, такая страстность лиризма,—по поводу чего?—по поводу оренбургскихъ «свѣтлыхъ и прозрачныхъ» озеръ, «быстротекущихъ» рѣкъ съ «изящными по вкусу и красивыми по наружности» форелями, «свѣжихъ, зеленыхъ и могучихъ» лѣсовъ! Предметъ такъ безразличенъ, что чѣмъ выше и патетичнѣе поднимается тонъ Аксакова, тѣмъ очевиднѣе становится его неумѣстность и несообразность, и когда нашъ лирикъ договаривается, наконецъ, въ поэтическомъ восторгѣ до «нерукотворныхъ бортій» и «наиболѣе уважаемыхъ» оренбургскихъ куницъ,—намъ, воля ваша, очень трудно удержаться отъ улыбки. Къ нашему уваженію передъ такою душевною свѣжестью начинаетъ примѣшиваться нѣкоторая ироническая струйка. Если ужъ изъ-за Александра Македонскаго, который дѣйствительно былъ великій человѣкъ, не стоитъ стулья ломать, то изъ за озеръ, рѣкъ, форелей, пчелъ и куницъ, хотя бы то и «уважаемыхъ», тѣмъ болѣе не стоитъ впадать въ лирическій экстазъ. Дѣлу нисколько не помогаетъ и патріотическая скорбь по поводу замѣны Уфимскаго намѣстничества Оренбургской губерніей. Совершенно даже наоборотъ.

Эта черта Аксакова—способность къ восторженнымъ и мало осмысленнымъ увлеченіямъ—быть-можетъ ни въ чемъ такъ не выразилась, какъ въ его отношеніяхъ къ Гоголю. Это было не уваженіе, а какое-то языческое поклоненіе, не любовь, а какое-то

институтское обожаніе, выражавшееся иногда въ формахъ, наивныхъ до комизма. Панаевъ разсказываетъ, наприм., что когда Гоголь удостоивалъ обѣдать у Аксаковыхъ, передъ его приборомъ ставилась посуда розоваго стекла, тогда какъ всѣ прочіе гости должны были довольствоваться бѣлыми рюмками и стаканами. Кажется, это стоитъ цѣлованія чернильныхъ пятенъ на письменномъ столѣ Ломоносова. Какъ ни любилъ Гоголь всякаго рода поклоненіе себѣ, но въ письмѣ къ своей пріятельницѣ Смирновой выразился однажды объ Аксаковыхъ такимъ образомъ: «они способны залюбить не на животъ, а на смерть. Я бѣжалъ отъ ихъ любви, ощущая въ ней что-то приторное; я видѣлъ, что они способны смотрѣть распаленными глазами на предметъ любви своей». Почти то же самое Гоголь имѣлъ жестокость высказать непосредственно Аксакову въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: «Въ любви вашей ко мнѣ я никогда не сомнѣвался, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Напротивъ, я удивлялся только излишеству ея,—тѣмъ болѣе, что я на нее не имѣлъ никакого права: я никогда не былъ особенно откровененъ съ вами и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ моей, не говорилъ съ вами, такъ что вы скорѣе могли меня узнать только какъ писателя, а не какъ человѣка, и этому, можетъ быть, отчасти способствовалъ милый сынъ вашъ Конст. Сергѣевичъ. Въ противность составившейся въ Москвѣ обо мнѣ сказкѣ, которой вы такъ охотно вѣрите, что я, т.-е., люблю угожденія и похвалы какихъ-то знатныхъ Маниловыхъ, скажу вамъ, что я скорѣе старался отталкивать отъ себя, чѣмъ привлекать всѣхъ тѣхъ, которые способны слишкомъ сильно любить; я и съ вами обращался нѣсколько не такъ, какъ бы слѣдовало».

Этими примѣрами мы можемъ ограничиться, хотя ихъ можно было бы привести изъ біографіи Аксакова сколько угодно. Берсеневъ, одинъ изъ персонажей повѣсти Тургенева «Наканунѣ», говорилъ, что назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы поставить себя нумеромъ вторымъ. Если такъ, то никто лучше Аксакова не выполнилъ своего назначенія. Ничѣмъ, никакими разочарованіями и утратами непобѣдимое добродушіе, нелицемѣрная скромность въ оцѣнкѣ собственныхъ силъ, самая искренняя благожелательность по отношенію къ людямъ, безкорыстная радость при чужомъ успѣхѣ, не омрачаемая ни малѣйшей тѣнью зависти или горечи,—всѣ эти нравственныя свойства, совокупность которыхъ

называлась у насъ прежде идеализмомъ, а теперь называется альтруизмомъ, все это мы находимъ у Аксакова. Это очень хорошо, и для домашняго обихода этихъ свойствъ совершенно достаточно, но для общественнаго дѣятеля всего этого слишкомъ мало. Не въ Аркадіи мы живемъ, не розами устланъ путь нашъ, не платоническими благопожеланіями достигаются благія и великія цѣли. Вспомнимъ слова поэта:

Покорись—о, ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...

Некрасовъ говорилъ это, имѣя въ виду свое *племя*, т. е. свое *поколѣніе*, но, конечно, его упрекъ или сарказмъ могъ имѣть значеніе только по отношенію къ извѣстному нравственному *типу*. Герценъ, Боткинъ, Бѣлинскій, Катковъ, Бакунинъ, Станкевичъ, Грановскій—все это были люди одного поколѣнія и совершенно различной духовной организаціи. Съ другой стороны, тотъ типъ «прекраснодушныхъ» людей, который мы имѣемъ теперь въ виду, людей «благихъ порывовъ», мертвыхъ для дѣла, никогда не готовыхъ для борьбы—этотъ типъ встрѣчается рѣшительно во всѣхъ нашихъ поколѣніяхъ, видоизмѣняясь во внѣшнихъ своихъ формахъ, но сохраняя вполнѣ свою основную нравственную сущность. Пантеистическая, «жизнерадостная» любовь Аксакова дѣлала его неспособнымъ «къ трудной борьбѣ», точно также какъ въ его умственномъ запасѣ рѣшительно не было такой центральной идеи, за которую бы нужно было и стоило бороться. Говоря метафорически, къ нему не шли боевыя латы, но въ шлафрокѣ, въ халатѣ, въ хозяйственномъ парусинномъ пальто и въ охотничьемъ казакинѣ онъ являлся типичною фигурою, не лишенною ни красоты, ни оригинальности. Такихъ простодушныхъ «дѣдушекъ» рѣдко уважаютъ, но горячо любятъ; ихъ не слушаются,—да они и сами не претендуютъ на учительство,—но охотно слушаютъ и не напрасно: ихъ разсказы всегда согрѣты живымъ участіемъ къ предмету и отличаются фактическою достовѣрностью. Не надо только заражаться ихъ востор-

женностью, не надо забывать, что передъ вами одинъ изъ тѣхъ «Божьихъ людей», которые какъ будто родятся съ розовыми очками на носу, органически неспособны къ порицанію, къ отрицанію, къ суровой правдѣ.

Какъ ни объективны, вообще говоря, литературныя произведенія Аксакова, въ особенности со стороны изложенія и колорита, тѣмъ не менѣе мы найдемъ въ нихъ выраженіе всѣхъ тѣхъ основныхъ нравственныхъ свойствъ его, о которыхъ только-что шла рѣчь.

II.

Въ одномъ изъ примѣчаній (т. III, стр. 335) къ сочиненіямъ своего отца Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ говоритъ: «появленіе сочиненій Гоголя произвело такой рѣзкій переворотъ въ общественномъ и, въ частности, въ литературномъ сознаніи, что сочувствіе или несочувствіе къ Гоголю опредѣляло степень развитія и способность къ развитію самого человѣка. Это былъ рубежъ, перейдя черезъ который С. Т—чъ растерялъ всѣхъ своихъ литературныхъ друзей прежняго псевдоклассическаго нашего литературнаго періода. Они остались по *сю сторону Гоголя*». Такое раздѣленіе литературной дѣятельности Аксакова-отца на двѣ половины—по *ту* и по *сю сторону Гоголя* столько же удобно, сколько справедливо. Дѣйствительно, если въ нравственномъ смыслѣ Аксаковъ былъ всегда вѣренъ себѣ, то въ литературномъ отношеніи онъ пережилъ крутой переломъ, который совершенно измѣнилъ его писательскую физіономію. Переломъ этотъ произошелъ мирно, спокойно, безболѣзненно, почти незамѣтно,—не такъ, какъ происходили соотвѣтственные переломы въ умственной жизни, наприм., Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ его друзей. Причина понятна: талантъ Аксакова былъ талантъ формы, такъ что переломъ, совершившійся въ немъ, былъ отнюдь не переходомъ, всегда мучительнымъ, отъ одного міросозерцанія къ другому, а просто, если такъ можно выразиться, перемѣной литературнаго костюма. Вмѣсто классической тоги, въ которую, глядя на другихъ, кутался и въ которой путался юноша Аксаковъ, возмужавшій Аксаковъ надѣлъ, по примѣру Гоголя, обыкновенный сюртукъ, который вскорѣ, подъ вліяніемъ старшаго сына, Константина, былъ замѣненъ зипуномъ, мурмолкой и рубашкой-

косовороткой. Это былъ процессъ простого очищенія эстетическихъ вкусовъ и привычекъ, но отнюдь не развитія какихъ-нибудь нравственныхъ или общественныхъ идей.

Въ періодъ своей молодости, классически настроенный Аксаковъ восхищался, наприм., такими виршами:

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща—бѣгъ, свѣща, горяща—взоръ,
Дыханье—дымъ и огнь, грудь и копыта—камень,
На немъ Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Отвѣчая такимъ вкусамъ и подражая такимъ образцамъ, Аксаковъ писалъ въ такомъ же родѣ:

Когда бы я владѣлъ такимъ въ стихахъ искусствомъ,
Какимъ одушевленъ къ тебѣ почтенья чувствомъ,
Славнѣй Софоклова гремѣлъ бы Филоктетъ,
И въ восхищеніи ему внималъ бы свѣтъ;
Но скуденъ даръ во мнѣ чувствъ выражать премѣны,
Гоненія судьбы, страстей противныхъ брань и т. д.

Такимъ «классикомъ» оставался Аксаковъ до начала тридцатыхъ годовъ, т.-е. до появленія въ литературѣ Гоголя. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ—«по ту сторону» Гоголя—періодъ дѣятельности Аксакова ознаменовался еще полемической борьбой нашего классика съ Николаемъ Полевымъ, извѣстнымъ издателемъ «Московскаго Телеграфа». Борьба эта преисполнена глубокаго комизма и лучше всего доказываетъ неспособность Аксакова къ настоящей, т.-е. систематической, принципіальной, обдуманной борьбѣ. Борьбу эту Аксаковъ велъ въ союзѣ съ водевилистомъ того времени Писаревымъ, который поражалъ Полевого съ театральной сцены, наприм., такими куплетами:

У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ полевой.

Полемическая соль куплета заключается въ послѣднемъ стихѣ. Аксаковъ, съ своей стороны, язвилъ Полевого стихами изъ сатиръ Буало, въ своемъ собственномъ дубоватомъ переводѣ:

Пиши творенія высокія, поэтъ,
И жди, чтобъ мелочей какой-нибудь издатель,
Любимцевъ публики безсовѣстный ласкатель,
Который разумѣть языкъ недавно сталъ,
Подкупленнымъ перомъ тебя вездѣ маралъ и пр.

Само собою разумѣется, что Полевой, какъ настоящій литературный и журнальный боецъ, руководившійся широкими задачами и принципами, едва замѣчалъ эти булавочные уколы, и если иногда полемически отмахивался отъ Аксакова и его друзей, то дѣлалъ это мимоходомъ и безъ всякаго азарта: на его рукахъ было дѣло поважнѣе, передъ нимъ стояли враги посерьезнѣе. Но самъ Аксаковъ усматривалъ въ своихъ выходкахъ противъ Полевого, котораго роли и значенія онъ, разумѣется, не понималъ, чуть ли не гражданскій подвигъ. Не безъ торжественности заявлялъ онъ въ «классическомъ» журналѣ того времени (1829) «Галатея»: «можетъ-быть г. Полевой хорошій человѣкъ и хорошій гражданинъ: я охотно этому вѣрю. Будь онъ дурной писатель,—никогда моя рука не поднялась бы противъ него; но лицо, представляемое имъ въ нашей литературѣ, не только смѣшно, но и вредно: какъ издатель журнала, который прежде имѣлъ достоинство, онъ разсѣваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно, обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности». И Аксаковъ пресерьезно обвинялъ разносторонне-образованнаго Полевого въ невѣжествѣ на томъ основаніи, что тотъ нигдѣ не кончилъ курса, тогда какъ самъ Аксаковъ кончилъ казанскій университетъ, о чемъ, однако, двадцать пять лѣтъ спустя, вспомнилъ такимъ образомъ: «въ мартѣ я получилъ аттестатъ, поистинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета».

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія этотъ эпизодъ изъ литературной, *до-гоголевской* жизни Аксакова едва ли заслуживаетъ. Приближалась пора наступленія въ нашей литературѣ реализма или натурализма. Вышли въ свѣтъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и разные Фебы Филоктеты, Малекъ-Адели были совершенно заслонены прозаическою фигурою Паньки Рудого. Тогдашнее молодое литературное поколѣніе, истолкователемъ идеаловъ котораго явился Бѣлинскій, сразу почувствовало въ безхитростныхъ «Вече-

рахъ» дыханіе новой жизни, проникло энтузіазмомъ къ новатору, и дѣло натурализма съ первыхъ же неувѣренныхъ шаговъ его было наполовину уже выиграно. Обветшавшій классицизмъ съ его условностью, романтизмъ съ его жеманностью и реторичностью надоѣли всѣмъ до отвращенія, и ихъ пѣсенка была, очевидно, спѣта. Аксакову въ это время было болѣе сорока лѣтъ отъ роду, т.-е. онъ находился въ такомъ возрастѣ, когда убѣжденія человѣка отливаются въ окончательную форму, становятся почти умственными привычками, а вѣдь привычка—вторая натура. Тѣмъ не менѣе, у него нашлись силы, чтобъ оцѣнить новое литературное теченіе и, отрѣшившись отъ давно усвоенныхъ понятій, онъ отдался ему со всею искренностью новообращеннаго. На это были двѣ причины: одна—внѣшняя, другая—внутренняя. Внѣшняя причина заключалась въ томъ, что въ лицѣ своего старшаго сына, пользовавшагося въ глазахъ отца несомнѣннымъ умственнымъ авторитетомъ, Аксаковъ видѣлъ фанатическаго поклонника гоголевскаго направленія. Константинъ Аксаковъ принадлежалъ въ то время къ московскому кружку Бѣлинскаго, а для этого кружка произведенія Гоголя были своего рода Кораномъ. Вторая причина заключалась въ самой сущности натурализма, какъ эстетическаго ученія, и точно также въ свойствахъ, въ особенности литературнаго таланта самого Аксакова. Натурализмъ, какъ показываетъ самая этимологія слова, есть доктрина, провозглашающая господство *натуры*, т.-е. природы въ ея неподкрашенныхъ, но и не случайныхъ, не безсмысленныхъ, а *типическихъ* проявленіяхъ. Между тѣмъ литературное дарованіе Аксакова, невѣдомо (въ то время) для него самого, отличалось прежде всего именно непосредственностью, искренностью, правдивостью. Требованія ходульнаго классицизма шли въ разрѣзъ съ самою сущностью этого дарованія, парализировали его силу, подсѣкали ему крылья. Только натурализмъ и могъ призвать къ развитію и къ жизни такой талантъ, какъ талантъ Аксакова, натурализмъ, поставляющій правду и простоту изображеній, то, что называлось тогда «вѣрностью дѣйствительности», краеугольнымъ камнемъ истиннаго творчества. Это было цѣлымъ откровеніемъ для Аксакова. Какъ мольеровскій герой не зналъ, что онъ говоритъ прозой, такъ и Аксаковъ, давно будучи въ душѣ настоящимъ художникомъ, располагая почти всѣми средствами творчества, рѣшительно не подозрѣвалъ этого и выбивался изъ силъ, чтобы по всѣмъ правп-

ламъ классической реторики воспѣть какого-то никому не нужнаго и не интереснаго Филоктета.

Переломъ совершился не сразу, какъ не сразу совершается всякое выздоровленіе, въ особенности послѣ застарѣлаго недуга. Прежде чѣмъ рѣшиться начать говорить о людяхъ съ тою простотою, какая требовалась натурализмомъ, Аксаковъ, точно пробуя, испытывая самого себя, рѣшился для перваго раза дать безхитростный разсказъ о рыбахъ и птицахъ, хорошо извѣстныхъ ему какъ страстному рыболову и охотнику, и плодомъ этого рѣшенія явились два произведенія: «Записки объ уженьи рыбы» и «Записки ружейнаго охотника». Въ теоретическомъ смыслѣ Аксаковъ въ это время уже совершенно раздѣлался съ классицизмомъ и даже позволялъ себѣ довольно рѣшительные протесты противъ него, въ такомъ, наприм., родѣ: «чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. *Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь*—все это стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ или даетъ искаженное развитіе этому чувству». Это—энергическій языкъ Павла, переставшаго быть Савломъ. Далѣе въ тѣхъ же «Запискахъ объ уженьи» вы встрѣчаете уже прямо краснорѣчивую апологію *деревни*, какъ представительницѣ *простоты*, и *природы*, какъ хранительницѣ и сосуду всяческой *правды*. Отрывокъ этотъ любопытенъ и по своей сущности и еще по тому, что въ немъ, какъ увидитъ читатель, имѣются мотивы, слишкомъ знакомые современному человѣку. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня—миръ, тишина, спокойствіе! Безъискусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ поплавки ваши,—улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя

бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всей пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ—вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себя. Непримѣтно, мало-по-малу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій—эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши».

Вотъ что значитъ найти самого себя: въ этой прозѣ Аксакова, конечно, гораздо болѣе поэзіи, нежели въ его надутыхъ стихотвореніяхъ. Еще бы иначе! Глухая русская деревня, конечно, болѣе говорила сердцу и уму Аксакова, нежели героическая и миѳическая Эллада, и писателю нужно было заботиться только о томъ, чтобы выразить свое чувство, а не о томъ, чтобы предварительно *вызвать* это чувство, настроить себя на извѣстный ладъ. У Аксакова нашлись для этого достаточно яркія краски, такъ что, напримѣръ, описанія природы дышутъ у него такою свѣжестью, живостью и прелестью, какія не часто встрѣчаются въ литературѣ. Вы какъ будто не описаніе читаете, а картину созерцаете. Вотъ образчикъ:

«Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки блестятъ, какъ зеркала; все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То ярко зеленые, то темноцвѣтные листья стелются по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно, бѣлая и желтая водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, по-просту называемые кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями — разнообразятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность освѣжить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ будто сонная стоитъ подъ тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лѣниво выплываетъ она на чистыя мѣста,

пронзаемая солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣшитъ подъ зеленые свои навѣсы».

Успѣхъ обоихъ произведеній («Записки объ уженьи рыбы» и «Записки ружейнаго охотника») Аксакова былъ очень значителенъ,—успѣхъ литературный, а не матеріальный только. «Въ вашихъ птицахъ больше жизни, нежели въ моихъ людяхъ», говорилъ Аксакову Гоголь.

Отъ птицъ и рыбъ можно было рѣшиться перейти къ людямъ, и Аксаковъ не замедлилъ сдѣлать этотъ шагъ, написавши свою «Семейную хронику». Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о судьбѣ этого произведенія слѣдующее: «успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе не заносчиво и оно остается такимъ, несмотря на всѣ печатныя, письменныя и устныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому заставить меня писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе». Это не только очень скромно и очень искренно, но и совершенно справедливо. Критика того времени, въ лицѣ Добролюбова, характеризовала талантъ Аксакова иными чертами: «талантъ г. Аксакова, — писалъ Добролюбовъ,— слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблюдательности». И опять-таки и въ этомъ много справедливаго. Если эти двѣ характеристики—авторскую и добролюбовскую — слить въ одну, такъ, чтобъ онѣ взаимно другъ друга пополняли и умѣряли, то читатель получитъ совершенно отчетливое представленіе о литературной физіономіи Аксакова.

Замѣтимъ прежде всего, что говорить о субъективности таланта Аксакова можно только въ узкомъ и условномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ теплаго и любовнаго отношенія автора къ предмету описанія. Можно ли быть субъективнымъ, описывая наружный видъ, нравы, привычки—щукъ, карасей, судаковъ, рябчиковъ и глухарей? Можно именно только въ указанномъ смыслѣ: авторъ не только описываетъ, но описываетъ съ *любовью* своихъ плавающихъ и летающихъ героевъ. Но въ этомъ смыслѣ субъективенъ и Брем,

авторъ «Жизни животныхъ», который не только разсказываетъ, описываетъ и классифицируетъ, но, какъ и Аксаковъ, принимаетъ живое участіе въ животныхъ, хвалитъ и порицаетъ, симпатизируетъ и не симпатизируетъ. Это не столько субъективность писателя, сколько увлеченіе аматера, горячность спеціалиста. Бываютъ лекторы математики, излагающіе свой предметъ съ страстнымъ одушевленіемъ и даже съ лирическими отступленіями, но нельзя же говорить о *субъективности* такихъ математиковъ.

Въ свои воспоминанія, въ свои описанія людей Аксаковъ цѣликомъ перенесъ всѣ тѣ пріемы и ту манеру, которыми онъ пользовался при описаніи животныхъ. Если тутъ можно найти различіе, то исключительно количественное, а не качественное: о хищничествѣ щуки Аксаковъ разсказывалъ всю правду, о хищничествѣ какого-нибудь Куролесова—«десятую часть» правды. Конечно, «мѣткихъ общественныхъ характеристикъ» у Аксакова было бы напрасно искать, но его изображенія и картины давали обильный матеріалъ для такихъ характеристикъ, что и доказалъ Добролюбовъ собственной статьей о «Семейной хроникѣ». Нѣтъ у Аксакова и «спокойной оцѣнки», потому что нѣтъ вообще оцѣнки: его цѣли были не сатирическія, а художественныя,—не идейныя, а изобразительныя. Что же касается до отсутствія у Аксакова «острой и глубокой наблюдательности», то этихъ свойствъ и не требовалось Аксакову по грубости самаго сюжета: для того, чтобы замѣтить и запомнить, какъ наприм. Багровъ таскалъ за косы свою старуху жену или какъ Куролесовъ засѣкалъ на смерть своихъ крестьянъ, не требовалось особенно «острой и глубокой наблюдательности». Аксаковъ разсказалъ правду о старинѣ, правду не полную, но подлинную, не подкрашенную—вотъ его художественная и общественная заслуга. Отвращаясь отъ злодѣяній, онъ сохранилъ къ злодѣямъ теплое чувство, какую-то родственную любовь, и если это нѣсколько оскорбляетъ насъ въ нравственномъ смыслѣ, если мѣстами, мы по праву хотѣли бы отъ Аксакова поменьше лиризма и побольше негодованія, то все-таки это обстоятельство не вредитъ фактической и даже художественной правдѣ разсказа, а это—главное, что можно требовать отъ мемуаровъ. Лежачаго не бьютъ, говоритъ наша прекрасная пословица, а крѣпостное право было для Аксакова лежачимъ врагомъ. Спокойный разсказъ Аксакова не успокаивалъ читателя, не усыплялъ его совѣсть, а, напротивъ, возбуждалъ въ немъ

чувство отвѣтственности и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ залоги для будущаго. Неумолимый скептикъ, Добролюбовъ закончилъ свой разборъ произведеній Аксакова почти восторженной тирадой: «Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блеститъ уже новый день, что грядущія поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посѣяно. Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предразсудковъ! Своекорыстные разсчеты и привычная лѣнь должны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣчества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оставаться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представятъ наше общество въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются предъ нами, въ воспоминаніяхъ правдивыхъ современниковъ, люди конца прошедшаго столѣтія!...» Прекрасныя слова, преисполненныя мужественной увѣренности въ лучшее будущее. Но если надо быть Добролюбовымъ, чтобы съумѣть сказать такія слова, не забудемъ все-таки, что они были вызваны «*воспоминаніями правдивыхъ современниковъ*», т.-е. безхитростнымъ разсказомъ Аксакова.

«Хроника» Аксакова, появившаяся въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, была недурнымъ аргументомъ для подготовлявшейся уже въ то время реформы 61 года. Въ видѣ послѣдняго замѣчанія скажемъ, что скоро наступившая преобразовательная эпоха оказалась далеко не по плечу Аксакову. За всѣмъ тѣмъ память добродушнаго мемуариста остается и въ этомъ случаѣ незапятнанной: онъ относился къ этой эпохѣ съ сомнѣніемъ, но не съ порицаніемъ,—съ заботой, а не съ озлобленіемъ. Это настроеніе Аксакова рельефнѣе всего выразилось въ его стихотвореніи. «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ». Вотъ заключительныя строфы этого стихотворенія:

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?
Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижаль.

Сомнѣнія эти были наивны и напрасны, но и въ нихъ слышится любовь, а не злоба,—не эгоистическое опасеніе за свое личное благосостояніе, а встревоженное патріотическое чувство. Чистосердечный, простодушный, гуманный и доброжелательный идеалистъ остался вѣренъ себѣ до конца.

ПОЭТЪ „ЗАБЫТЫХЪ СЛОВЪ“.

ПОЭТЪ „ЗАБЫТЫХЪ СЛОВЪ“.

(Стихотворенія А. М. Жемчужникова. Два тома. Спб., 1892 г.).

. . . . . .

И въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка.
Улыбнись природѣ,
Вѣрь знаменованью:
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью!

Я. Полонскій.

Стихомъ участвую моимъ
Я въ хорѣ жизненнаго гимна.

А. Жемчужниковъ.

I.

« О чемъ писать? Востокъ и югъ давно описаны, воспѣты». Такъ говоритъ лермонтовскій «писатель» *(Журналистъ, читатель и писатель)* и, какъ выраженіе временнаго настроенія, эти слова не могутъ, разумѣется, вызвать никакого противорѣчія. Вѣдь, нельзя, *физически* нельзя постоянно находиться въ томъ страстно-напряженномъ состояніи духа, которое сопровождаетъ и отъ котораго даже зависитъ творчество, если только оно настоящее творчество. Всякимъ ремесломъ,—а въ томъ числѣ и писательскимъ,—можно заниматься по росписанію, аккуратно, въ положенные часы и производить работу въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ. Но творчество требуетъ того, что на метафорическомъ языкѣ поэтовъ называлось прежде призывомъ Аполлона къ священной жертвѣ,

на языкѣ эстетиковъ—вдохновеніемъ и что мы назовемъ просто душевнымъ подъемомъ, нервнымъ усиліемъ, специфическимъ расположеніемъ духа. Что говоритъ объ этомъ лермонтовскій «писатель»? Онъ говоритъ:

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно,
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно.
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...

Тогда пишу,—прибавляетъ «писатель». Слишкомъ ясно, что такое состояніе духа не можетъ быть не только постояннымъ, но и продолжительнымъ. «Тягостныя ночи» неизбѣжно будутъ перемежаться съ періодами апатіи, когда даже геніальному поэту можетъ казаться, что писать уже и не о чемъ, и не стоитъ, и не для кого.

Въ этомъ, но только въ одномъ этомъ, смыслѣ скептическій лермонтовскій вопросъ «о чемъ писать» и пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе. «Не о чемъ писать» въ устахъ Лермонтовыхъ значитъ просто «не хочется писать», то-есть не хочется *пока:*

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Не нужно только прятаться отъ жизни, ограждать себя отъ ея впечатлѣній, хотя бы то и тяжелыхъ, разнообразіе и богатство жизни неисчерпаемо, и сколько бы еще не прожило человѣчество, ни Востокъ, ни Югъ не будутъ описаны такъ, чтобы о нихъ нечего было сказать новаго, потому что и Востокъ, и Югъ, и всѣ

страны свѣта, и самъ человѣкъ, какъ нравственное и какъ общественное существо, подлежатъ непрерывнымъ измѣненіямъ:

Нѣтъ конца стремленью!

Неизмѣннымъ и непреложнымъ остается только основной импульсъ поэтической или вообще писательской или даже *всякой* разумной человѣческой дѣятельности. Какъ бы ни варьировались *божественные глаголы* жизни, въ зависимости отъ времени и мѣста они пріобрѣтаютъ обязательное значеніе лишь при наличности сознанія или вѣры, что

Есть конецъ страданью!

Если это сознаніе прочно, то успѣхъ дѣла болѣе чѣмъ на половину обезпеченъ и приступить къ этому дѣлу можно, не дожидаясь спеціальнаго призыва Аполлона. Если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ идетъ къ горѣ—и очень хорошо дѣлаетъ, конечно. Вдохновеніе, поднимающее во мракѣ тягостныхъ ночей волосы на головѣ человѣка, когда-то еще придетъ, да и сомнительно, что оно когда-нибудь придетъ къ намъ, людямъ неизбраннымъ, не отмѣченнымъ, обыкновеннымъ, а жизнь, вѣдь, не ждетъ и дѣло не терпитъ. Какъ же быть? Да очень просто: можно не безъ пользы писать и вообще не безъ плода работать помимо сотрудничества Аполлона, довѣряясь только руководству своего ума и, главнымъ образомъ, внушеніямъ своей совѣсти.

Эта задача не такъ легка, какъ кажется, и заслуга человѣка, разрѣшившаго ее, можетъ быть очень серьезна. Еще Паскаль говорилъ, что люди для того играютъ въ карты, чтобы не оставаться никогда долго наединѣ съ собою, чтобы не дать развиться угрызеніямъ совѣсти. То же самое говоритъ теперь и нашъ Толстой относительно пьянства и куренія. То же самое можно сказать, конечно, и относительно многихъ другихъ способовъ разсѣянія и самозабвенія. Это понятно. Не любитъ человѣкъ оставаться самимъ собой и съ самимъ собой, потому что не любитъ давать просторъ своему внутреннему самопознанію, котораго онъ боится, потому что рискуетъ скоро попасть въ положеніе не только подсудимаго, но и осужденнаго. Раскаяніе—чувство тягостное, это такая нравственная кара, передъ силой которой блѣднѣютъ очень многія внѣшнія, придуманныя людьми, наказанія. Раскаяваться—это значитъ именно осуждать себя, это значитъ «попасть въ руки Бога

живаго», какъ говоритъ Писаніе, почувствовать всю эфемерность своего искусственнаго «достоинства». Съ наивною, но горькою и мѣткою проніей говоритъ наша народная пѣсня, что «хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту стыда въ глазахъ». Хорошо или худо, но, во всякомъ случаѣ, покойно, гораздо покойнѣе, нежели человѣку съ чуткою совѣстью и съ большими нравственными запросами. Что Аполлонъ?—далеко Аполлонъ!—скажемъ мы на манеръ гоголевскаго почтмейстера. Лишь бы была въ нашей жизни правда, лишь бы не пришлось намъ краснѣть за сущность, за нравственное содержаніе нашей дѣятельности, а о формѣ этой дѣятельности пусть судятъ, какъ кому угодно. Подъ сѣнію Христа можно не слишкомъ заботиться объ Аполлонѣ и позволительно даже и вовсе забыть о его существованіи...

Г. Жемчужниковъ «стихомъ участвуетъ своимъ въ хорѣ жизненнаго гимна», причемъ о покровительствѣ Аполлона не слишкомъ заботится. Правда, въ теоріи онъ находитъ, что «такъ называемая *чистая* поэзія, отрѣшенная отъ злобы дня, возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бываетъ». Такъ это или не совсѣмъ такъ, объ этомъ мы разсуждать не будемъ. Для насъ важно то, что *практика* г. Жемчужникова совсѣмъ не отвѣчаетъ его теоріи. Не въ томъ только дѣло, что, выразивши на словахъ глубокое уваженіе къ «чистой» поэзіи, г. Жемчужниковъ, тѣмъ не менѣе, чуждается ея и воспѣваетъ почти всегда именно злобу дня. Дѣло въ томъ, что *какъ поэтъ* (а не какъ теоретикъ искусства) онъ прямо вооружается противъ только что восхваленной имъ «чистой поэзіи» и мотивируетъ свое отрицаніе чрезвычайно энергически. Вотъ, напр., отрывокъ изъ стихотворенія *Памятникъ Пушкину:*

Мнѣ дѣло не до нихъ, дѣтей суровыхъ міра,
Сказавшихъ напрямикъ, что имъ не до стиховъ,
Пока есть на землѣ бѣднякъ, просящій хлѣба.
Такъ пахарь-труженикъ, желающій дождя,
Не станетъ пѣть, въ пыли за плугомъ вслѣдъ идя,
Красу безоблачнаго неба.
Я спрашиваю васъ, цѣнители искусствъ:
Откройтесь же и вы, какъ тѣ, безъ отговорокъ.
Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ дорогъ;
Ты, въ комъ рождаютъ пылъ возвышенной мечты

Стихи и музыка, статуя и картина, —
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина
Не усмотрѣвшій красоты.
Или вотъ ты еще... Но васъ теперь такъ много,
Насъ поучающихъ прекрасному писакъ!
Вы совѣсть, родину, науку, власть и Бога
Кладете подъ перо и пишете вы такъ,
Какъ удержалъ бы стыдъ писать порою прошлой...
Но нашъ читатель добръ; онъ ужъ давно привыкъ,
Чтобы языкъ родной, чтобъ Пушкина языкъ
Звучалъ такъ подло и такъ пошло,
Вы всѣ, въ комъ такъ любовь къ отечеству сильна,—
Любовь, которая все лучшее въ немъ губитъ, —
И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ—честный человѣкъ, кто родину не любитъ.

Отрицатели чистой поэзіи, конечно, не найдутъ ничего для себя обиднаго въ сравненіи ихъ съ озабоченнымъ пахаремъ, но каково почувствуютъ себя послѣ такого реприманда «цѣнители искусствъ»?

Г. Жемчужниковъ не столько поэтъ, сколько гражданинъ, въ настоящемъ значеніи этого слова. По собственному справедливому сознанію г. Жемчужникова, его «муза» не обладаетъ ни лиризмомъ ни красотой», но,—скажемъ мы за него,—она обладаетъ жизненностью, мужественною энергіей и проникнута негодованіемъ. Въ точномъ смыслѣ, г. Жемчужниковъ не принадлежитъ ни къ одной изъ нашихъ литературныхъ фракцій; онъ не преслѣдуетъ никакихъ сословныхъ или партійныхъ или вообще политическихъ цѣлей. Идеалъ г. Жемчужникова — чисто-нравственный, но покоится онъ не на почвѣ личной морали, а на почвѣ общественности. Г. Жемчужниковъ не аристократъ и не демократъ, не либералъ и не консерваторъ, онъ—человѣкъ и писатель, проникнутый сознаніемъ своего гражданскаго долга, и такой же ясности и высоты сознанія онъ требуетъ и отъ всѣхъ насъ, безъ различія сторонъ и цвѣтовъ. Говорите что угодно, но говорите по искреннему убѣжденію; идите куда хотите, но идите, постоянно памятуя о лежащей на васъ отвѣтственности; вѣрьте, любите, стремитесь сообразно съ своими наклонностями и способностями, но вѣрьте же дѣйствительно, любите на самомъ дѣлѣ, стремитесь безкорыстно. Вотъ общій характеръ требованій г. Жемчужникова, поскольку они выразились въ его поэзіи. Онъ именно только безъ устали напоминаетъ всѣмъ намъ «забытыя слова»—

Тѣ лучшія слова, такъ людямъ дорогія,
Въ комъ сердце чувствуетъ, чья мыслитъ голова:
Отчизна, совѣсть, честь и многія другія
Забытыя слова.

Ему противны не тѣ или другія доктрины, по ихъ внутреннему содержанію, а противно лишь легкомысленное и, въ особенности, лицемѣрное отношеніе къ нимъ. Если вы думаете объ *отчизнѣ*, если руководитесь *совѣстью*, если въ васъ живо чувство *чести*, если вообще «забытыя слова» не забыты вами,—г. Жемчужниковъ вашъ и вамъ нечего опасаться его изобличенія, каковы бы ни были ваши убѣжденія. Правда, свои удары и свое негодованіе г. Жемчужниковъ почти исключительно направляетъ въ *одну* сторону, противъ людей *одной* партіи, но это понятно: ученія, въ основѣ основъ которыхъ лежатъ только два принципа — кнутъ и редереръ (см. *Новь* Тургенева), не могутъ, конечно, похвалиться нравственною безупречностью.

Таковы общіе контуры литературной физіономіи г. Жемчужникова. Перейдемъ къ деталямъ.

II.

Стихотвореніямъ г. Жемчужникова предшествуетъ небольшая автобіографія, представляющая собою настолько характерный документъ, что обойти ее никакъ нельзя. Большинство автобіографій всегда имѣютъ только косвенное, посредствующее значеніе для характеристики ихъ авторовъ: любопытно и нужно знать, какъ человѣкъ смотритъ на себя и на свою дѣятельность, но самый этотъ взглядъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ приходится отвергать какъ совершенно ошибочный. Автобіографія г. Жемчужникова принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній этого рода, правдивость и объективность которыхъ не возбуждаютъ сомнѣній. Г. Жемчужниковъ не хлопочетъ о пьедестальчикѣ для себя, но и не скромничаетъ по фарисейски, не напрашивается на похвалу, но и не рисуется чрезмѣрною строгостью самоосужденія. Онъ не интересничаетъ, хотя его автобіографическія сообщенія иногда очень интересны, не въ личномъ только, но и въ общественномъ смыслѣ.

Г. Жемчужниковъ принадлежитъ къ поколѣнію сороковыхъ или, точнѣе, пятидесятыхъ годовъ (родился въ 1821 г.). Выше

я писалъ о другомъ литературномъ дѣятелѣ того же самаго поколѣнія—покойномъ Н. В. Шелгуновѣ, еще болѣе и ярче г. Жемчужникова доказавшемъ свою неколебимую преданность свѣтлымъ идеаламъ передовой части нашего общества и нашей литературы. Къ тому же поколѣнію принадлежитъ Левъ Толстой и принадлежали Салтыковъ и Хвощинская - Заіончковская. Вотъ замѣчательные старики, которыхъ судьба сберегла до нашихъ дней точно ради злой иронiи надъ нами, точно въ укоръ современнымъ Молчалинымъ нашимъ! Откуда въ нихъ эта удивительная жизнеспособность, это *стремленье* безъ *конца* («нѣтъ конца стремленью, есть конецъ страданью!), это вѣчная юность души? По отношенію собственно къ себѣ, г. Жемчужниковъ объясняетъ дѣло просто и правдоподобно: «Врожденная отзывчивость не дала душѣ моей заглохнуть. Я былъ всегда чуждъ равнодушію, и это было большое для меня счастье. На своемъ вѣку я подмѣчалъ не разъ, какъ индифферентность вкрадывается въ человѣка большею частью подъ личиною *благоразумія и практичности въ воззрѣніяхъ на жизнь*, а потомъ мало-по-малу превращается въ нравственную гангрену, разрушающую одно за другимъ всѣ лучшія свойства не только сердца, но и ума. Послѣ моей отставки, я, на полной свободѣ частной жизни, сблизился съ обществомъ писателей и со многими лучшими представителями направленія сороковыхъ годовъ, къ которымъ питаю до сихъ поръ особую симпатію и глубокое уваженіе. Они всегда были лучшими моими друзьями и наставниками». Здѣсь можетъ быть сдѣлано только то замѣчаніе, что *неравнодушіе* г. Жемчужникова болѣе, чѣмъ *счастье:* это *заслуга*, которую всякій общественный дѣятель съ полнымъ правомъ можетъ поставить въ свой активъ. Логическимъ послѣдствіемъ эпохи сороковыхъ годовъ (заимствовавшей въ свою очередь многое изъ эпохи двадцатыхъ годовъ) явились такъ называемые шестидесятые годы, отношеніе къ которымъ современности достаточно извѣстно, но о которыхъ г. Жемчужниковъ вспоминаетъ съ благодарнымъ и почтительнымъ чувствомъ, дѣлающимъ ему большую честь. «Я почитаю себя счастливымъ (опять *счастье!*), что былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ. Великое дѣло имѣло огромное вліяніе на русское общество. Оно вызвало и привлекло къ себѣ большое количество друзей и труженниковъ. Новые люди являлись повсюду и общество росло умственно и нравственно, безъ

преувеличенія, по днямъ и по часамъ. Недавніе чиновники и владѣтели душъ преображались въ доблестныхъ гражданъ своей земли... Хорошее было время!» Не побоявшись, такимъ образомъ, выразить симпатію къ нашей реформаторской эпохѣ, г. Жемчужниковъ не боится отрекомендовать себя, кромѣ того, и западникомъ: «Я убѣдился на опытѣ въ разумности и въ высокомъ нравственномъ значеніи многихъ сторонъ западно-европейскаго быта и проникся глубокимъ къ нимъ уваженіемъ и сознательнымъ сочувствіемъ». Какъ не похожи всѣ эти разумныя и серьезныя сужденія на безсмысленныя инкриминаціи и ухорскія «патріотическія» фразы, столько уже лѣтъ раздающіяся въ нашей литературѣ!

Въ эпоху реформъ г. Жемчужниковъ писалъ мало: «Мнѣ казалось, что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время». Немного дальше г. Жемчужниковъ говоритъ: «Съ 1883 г. я началъ писать сравнительно много. Въ 1884 г. я вернулся въ Россію (изъ-за границы) и всѣ послѣдніе годы мнѣ писалось болѣе чѣмъ когда-нибудь въ моей жизни. Мнѣ казалось,—и продолжаетъ казаться до сихъ поръ,—что у меня есть что сказать, и мнѣ хочется высказываться». Изъ сопоставленія этихъ двухъ показаній вытекаютъ очень любопытныя, по нашему мнѣнію, заключенія, характеризующія и писательскія свойства г. Жемчужникова, и свойства переживаемаго нами историческаго момента. Г. Жемчужниковъ именно «поэтъ забытыхъ словъ», и въ этомъ причина, почему ему нечего было дѣлать тридцать лѣтъ тому назадъ и такъ много работы въ наше время. Странно было бы напоминать объ отчизнѣ и о совѣсти тѣмъ «чиновникамъ и владѣтелямъ душъ», которые «преображались въ доблестныхъ гражданъ своей земли». Странно было бы напоминать людямъ *слова*, которыя не только не исчезли изъ ихъ памяти, но претворялись ими въ живое *дѣло*. Между тѣмъ, въ распоряженіи г. Жемчужникова не было другихъ темъ, кромѣ нравственно-общественныхъ идеаловъ или, вѣрнѣе, нормъ. Но вотъ прошло это время и наступило другое, когда метаморфозы людей стали происходить въ обратномъ смыслѣ, когда «доблестные граждане» стали преображаться въ «чиновниковъ и владѣтелей душъ». Г. Жемчужниковъ почувствовалъ, что ему «есть что сказать», и отсюда его поздняя плодовитость. Онъ увидалъ себя въ передовыхъ рядахъ не потому, что шелъ впередъ быстрѣе другихъ, а потому, что жизнь пошла на

убыль, назадъ, въ то время, какъ онъ сохранилъ свою прежнюю позицію. Заслуга г. Жемчужникова состоитъ, прежде всего, въ томъ, что онъ *устоялъ*, что онъ ничего не забылъ изъ уроковъ своихъ прежнихъ учителей. Для человѣка, для *личности* этого довольно, но для общественнаго дѣятеля этого было бы недостаточно: мало предохранить себя отъ нравственнаго разложенія, нужно предохранить другихъ, и насколько такая задача вообще въ средствахъ поэзіи, г. Жемчужниковъ разрѣшилъ ее, соотвѣтственно, конечно, размѣрамъ своего таланта. Веселый, но часто довольно безцѣльный смѣхъ Козьмы Пруткова *) превратился у г. Жемчужникова въ настоящую сатиру, горькую, вдумчивую, негодующую. Развѣ это не сатира:

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнья?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье-ль правильнѣй суда?
Но смѣлость доблести въ насъ никнетъ; духъ нашъ спитъ:
Звучатъ еще слова, но мысли ни единой;
Но искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ.
Грѣшны и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая
И безъ луча надеждъ! Что сѣешь, то пожнешь.
И сердце червствое, и голова пустая—
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

Это отрывокъ изъ стихотворенія *Духа не угашайте*. Какъ видите, тенденціи сатиры г. Жемчужникова не новы, но, во-первыхъ, назначеніе сатиры состоитъ не въ пропагандѣ новыхъ идей, а въ борьбѣ съ застарѣлыми предразсудками и заблужденіями; во-вторыхъ, въ иные моменты даже простое отрицаніе можетъ явиться положительнымъ откровеніемъ. Свободный трудъ честнѣе барщины, просвѣщеніе лучше невѣжества, судъ лучше безсудья—это трюизмы. Но если практика жизни оказывается ниже этихъ трюизмовъ? Но

*) Читатель долженъ знать, что знаменитая въ свое время литературная фирма *Козьма Прутковъ* состояла изъ трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и нашъ авторъ.

если тысячи и тысячи людей склонны думать, что это не трюизмы, а парадоксы и софизмы? Не жизнь для литературы, а литература для жизни. Если передъ нашими глазами «болотный прудъ, затянутый тиной», нелѣпо разсказывать или мечтать о красотѣ Адріатическаго моря. Спросите англичанина, что лучше: судъ или безсудье? невѣжество или просвѣщеніе?—и онъ засмѣется вамъ въ лицо, если только не сочтетъ васъ за сумасшедшаго. Спросите о томъ же любого Китъ-Китыча, и онъ скажетъ, что судиться «по душѣ» много превосходнѣе, чѣмъ судиться «по закону», а грамотность производитъ только кляузничество и «непокорство». Пусть онъ не членъ интеллигенціи, но развѣ онъ не членъ, и даже очень вліятельный, нашего общества?

Г. Жемчужниковъ является въ нашей литературѣ защитникомъ тѣхъ аксіомъ общественности, которыя были усвоены, по крайней мѣрѣ, приняты нами тридцать лѣтъ назадъ и которыя теперь опять превратились въ теоремы. Въ этомъ состоитъ его литературная роль,—роль трудная, потому что обязываетъ къ борьбѣ, и роль неблагодарная, потому что обусловлена слишкомъ эфемерными и преходящими явленіями, но необходимая и плодотворная въ данную минуту.

III.

Литературный талантъ г. Жемчужникова, по своимъ размѣрамъ, принадлежитъ къ разряду среднихъ. Г. Жемчужниковъ самъ очень хорошо сознаетъ и даже прямо высказываетъ это (въ автобіографіи). Дѣйствительно, говоря некрасовскими выраженіями, его «сатиры чужды красоты», его «стихъ тягучъ», и онъ замѣтенъ какъ «безъ солнца звѣзды видны въ ночи, которую теперь мы доживаемъ боязливо». Молодые поэты наши владѣютъ формою лучше г. Жемчужникова, но ихъ поэзія не имѣетъ, однако же, и половины значенія сатиръ г. Жемчужникова. Г. Жемчужниковъ понимаетъ, что

...покуда,
Не видно солнца ни откуда,
Съ *его* талантомъ стыдно спать.
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать.

Недостатокъ лиризма, однако, постоянно даетъ себя знать. Если, по мнѣнію г. Жемчужникова, лиризмъ необходимъ для «чистой поэзіи», то, вѣдь, онъ не менѣе нуженъ и для идейной, тенденціозной поэзіи. Лирическое воодушевленіе согрѣваетъ поэтическое произведеніе и придаетъ ему силу или хотя подобіе силы даже тогда, когда внутреннее содержаніе его вполнѣ ничтожно. На нѣтъ и суда нѣтъ, конечно, и мы не стали бы много распространяться объ этомъ отсутствіи у г. Жемчужникова лиризма, если бы самъ поэтъ не пытался довольно часто прибѣгать къ его помощи, несмотря на свою сознанную слабость въ этомъ отношеніи. Настоящая стихія г. Жемчужникова — негодованіе и *гражданская скорбь*, не лирически-жалобная, а гнѣвная и протестующая. Вообще говоря, лиризмъ, конечно, вполнѣ совмѣстимъ съ сатирой: вспомнимъ, напр., *Размышленія у парадная подъѣзда* Некрасова, и я хочу сказать лишь то, что эти роды поэзіи не совмѣщаются у г. Жемчужникова. Хотя, обращаясь къ своей «музѣ», г. Жемчужниковъ однажды прямо сказалъ, что «слезъ риѳмованныхъ не надо»,—тѣмъ не менѣе, онъ нерѣдко отступаетъ отъ этого правила и всегда ко вреду цѣльности и стройности своихъ произведеній.

Возьмемъ, напр., стихотвореніе *На родинѣ*. Вотъ отрывокъ изъ *первой половины* его:

О, этотъ видъ! О, эти звуки!
О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки,
Какія радости и муки
Въ моей душѣ ты пробудилъ!..
Твоя природа такъ прелестна;
Она такъ скромно-хороша!
Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа...
О, край ты мой! Чтожъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?
Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?
Понятны мнѣ его недуги
И страсть—всѣ радости свои,

На утомительномъ досугѣ,
Искать въ бреду и въ забытьи,
Онъ дорожитъ своей находкой,
И лишь начнетъ сосать тоска—
Ужъ потянулась къ штофу съ водкой
Его дрожащая рука.

Мы не обинуясь назовемъ это именно «рѣомованными слезами». Искренности поэта мы не заподозрѣваемъ, но онъ не передаетъ своего чувства намъ, и мы остаемся холодны, несмотря на многочисленныя «о!» Мы хладнокровно замѣчаемъ во время чтенія, что стихъ «природа такъ прелестна» — прозаиченъ, что образъ «въ узахъ мучится душа»—неудаченъ, что эпитетъ «*утомительный* досугъ» неумѣстенъ, что выраженіе «понятны недуги и страсть народа искать свои радости въ бреду и въ забытьи»—совершенно непонятно, что заключительныя строчки на-счетъ штофа съ водкой отдаютъ поэзіей *Стрекозы* и *Будильника*. Нѣтъ, не дается нашему поэту лиризмъ, это очевидно. Но вотъ г. Жемчужниковъ, сказавши, что «за преступленья и пороки народъ винить я не хочу», обращается съ негодующею рѣчью въ другую сторону, къ дѣйствительнымъ виновникамъ, и его стихъ сразу пріобрѣтаетъ крѣпость, силу и выразительность:

Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди,
Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
Что, колотя въ пустыя груди,
Все о любви къ тебѣ кричатъ.
Противно въ нихъ соединенье
Гордыни съ низостью въ борьбѣ,
И къ русскимъ гражданамъ презрѣнье
Съ подобострастіемъ къ тебѣ.
Противны затхлость ихъ понятій,
Шумиха фразы на лету,
И видъ ихъ пламенныхъ объятій,
Всегда простертыхъ въ пустоту.
И отвращенія, и злобы
Исполненъ къ нимъ я съ давнихъ лѣтъ,
Они—«повапленные» гробы...
Лишь настоящее прошло бы
А тамъ—имъ будущаго нѣтъ...

Конечно, и здѣсь есть формальные недочеты (напр., что значитъ *шумиха фразы на лету*?), но, все-таки, большая разница между

первой и второй частями стихотворенія: тамъ жалостное причитанье, здѣсь энергическій укоръ.

Г. Жемчужниковъ вообще поэтъ интеллигенціи. О народѣ онъ говоритъ относительно рѣдко и должно сказать, что его понятія на этотъ счетъ далеко не отличаются опредѣленностью. По крайней мѣрѣ, одна «замѣтка» его способна возбудить серьезныя недоумѣнія въ однихъ и злорадство въ другихъ. Вотъ эта «замѣтка»:

Въ насмѣшку и въ позоръ моей родной земли
Такъ нѣкогда сказалъ нашъ врагъ иноплеменный:
«Лишь внѣшность русскаго немножко поскобли,
Подъ ней—татаринъ непремѣнно».
Теперь проявимся мы въ образѣ иномъ.
Такъ отатаритъ насъ «народниковъ» дружина,
Что сколько ни скреби татарина потомъ,—
Не доскребешь до славянина.

«Замѣтка» помѣчена 1883 годомъ. Къ этому времени литературное теченіе наше, извѣстное подъ именемъ народничества, успѣло выразиться настолько, что не могло возбуждать сомнѣній относительно своихъ идеаловъ. Можно было принимать или отвергать эти идеалы, но приписывать нашимъ народникамъ желаніе «отатарить» народъ не было никакихъ основаній. Этихъ ли народниковъ имѣлъ въ виду г. Жемчужниковъ? Можно пожалѣть въ такомъ случаѣ о его недостаточномъ знакомствѣ съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ и характернѣйшихъ выраженій нашей мысли. Или г. Жемчужниковъ разумѣлъ подъ именемъ народниковъ тѣхъ «отборныхъ чадъ», которыя, «колотя въ пустыя груди», только *кричали* о своей любви къ народу? Тогда нужно пожалѣть о слишкомъ произвольной терминологіи поэта: между «народниками» и такъ называемыми «патріотами» разница гораздо большая, нежели, напр., между г. Жемчужниковымъ и г. Фетомъ.

Г. Жемчужниковъ любитъ жизнь, любитъ людей, горячо отстаиваетъ ихъ лучшіе идеалы, но это вовсе не жизнерадостный поэтъ. Жизнь онъ любитъ какъ будто въ отвлеченіи, а людей какъ будто въ воспоминаніи, въ настоящемъ же онъ чувствуетъ себя одиноко и холодно. Отчасти, конечно, здѣсь выражается тотъ самый нравственный мотивъ, который подмѣченъ Пушкинымъ въ знаменитой пьесѣ *19 октября 1825 г.*

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Безъ сомнѣнія г. Жемчужниковъ не можетъ считать себя лишнимъ и докучнымъ гостемъ средь новыхъ поколѣній, но извѣстное отчужденіе онъ, если не ошибаемся, испытываетъ въ глубинѣ сердца. Съ полною и горячею готовностью мы присоединяемся къ тому, что онъ сказалъ въ одномъ стихотвореніи о старинѣ.

О, если жить охота есть,
О, если милъ ему міръ Божій,—
Пускай живетъ! Еще принесть
Онъ можетъ пользу молодежи.

Мы обѣими руками подписываемся подъ этимъ. Но наше замѣчаніе объ *отчужденіи*, все-таки, сохраняетъ свою силу. Видите ли, негодованіе, исходящее не изъ теоретическаго, а изъ практическаго источника, не изъ головы, а изъ сердца, не отъ духа противорѣчія только, но и отъ оскорбленнаго чувства любви, непремѣнно будетъ смягчаться грустью и оттѣняться горечью. Кому и знать объ этомъ, какъ не г. Жемчужникову, автору превосходнаго стихотворенія: *Сняла съ меня судьба въ жестокій этотъ вѣкъ*?.. Прочтя это стихотвореніе, вы поймете, что значитъ чувствовать не въ чужѣ, глядѣть не со стороны,—страдать, а не сострадать только. Но за то, вѣдь, это стихотвореніе—единственное въ этомъ родѣ у г. Жемчужникова. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ нашъ поэтъ или только негодуетъ, или только пронизируетъ, только порицаетъ. Его сатиры—за указаннымъ единственнымъ исключеніемъ, гораздо болѣе плоды «ума холодныхъ наблюденій», нежели «сердца горестныхъ замѣтъ». Приходитъ, напр., къ г. Жемчужникову одинъ изъ мудрецовъ новѣйшей формаціи и начинаетъ ему проповѣдовать свою, хорошо теперь всѣмъ извѣстную несложную мудрость:

Впадать въ унынье – не умно;
Смотрѣть на жизнь должны мы бодро.
Вѣдь послѣ дня—всегда темно,
И дождь всегда смѣняетъ ведро.
Противъ рожна не претъ философъ,
Не признаю я вашихъ всѣхъ
Такъ называемыхъ вопросовъ.
Плачъ не спасетъ отъ бѣдъ и золъ и пр.

Когда такія разсужденія мы читаемъ въ прозаическомъ изложеніи въ какомъ-нибудь изъ «трезвенныхъ» нашихъ органовъ. мы, конечно, много не безпокоимся и хладнокровно замѣчаемъ: мели, Емеля, твоя недѣля! Но, вѣдь, г. Жемчужниковъ имѣетъ дѣло не съ явленіями литературы, а съ явленіями жизни, обличаетъ не литературствующую молодежь, а современную молодежь вообще. Это несравненно серьезнѣе, одной голой иронiи тутъ слишкомъ мало, но г. Жемчужниковъ именно только иронiей и ограничивается. Онъ замѣчаетъ вслѣдъ «философу»:

Что-жъ! Вѣдь, его сужденья—здравы.
Онъ самъ и молодъ, и здоровъ...
Какія-жъ могутъ быть причины,
Что отъ здоровья этихъ словъ
Такъ вѣетъ запахъ мертвечины?

Это остроумно, конечно. Для полемической журнальной статьи такое заключеніе было бы и удовлетворительно, и эффектно, но для поэзіи одной иронiи такъ же недостаточно, какъ, напримѣръ, для науки недостаточно одного здраваго смысла.

Мы очень опасаемся, что *любовь къ жизни* превращается у г. Жемчужникова просто-на-просто въ *любовь къ природѣ*. Напримѣръ, что это такое:

Свободы, тишины, безмолвія хочу я.
Съ природой бы одной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почуя,
Хотѣлъ бы хоть въ окно успѣть проститься съ ней.
А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

Желаніе уйти отъ жизни «подъ сѣнь струй», какъ выражался Хлестаковъ, въ видѣ мимолетнаго настроенія духа, какъ выраженіе простого утомленія, знакомо, вѣроятно, многимъ. Но бѣда, если это чувство укоренится въ человѣкѣ; нехорошо и тогда, если оно будетъ слишкомъ часто приходить къ нему. Г. Жемчужникова оно посѣщаетъ частенько, и если г. Жемчужниковъ безъ труда найдетъ резоны въ свою защиту,—семидесятилѣтнему старику позволительно подумать объ отдыхѣ,—мы, все-таки, отъ своего замѣчанія или упрека не откажемся. Слишкомъ ужъ любитъ г. Жемчуж-

никовъ природу, слишкомъ ужъ онъ превозноситъ ее надъ нами, людьми, такъ что доходитъ до очевидной несправедливости. Въ то время, какъ у насъ, по его мнѣнію, все дурно, въ природѣ, будто бы, все хорошо:

Пока есть слухъ, пока есть зрѣнье
И впечатлѣніе свѣжо,
Любя въ природѣ всѣ явленья,
Твержу я, полнъ благоговѣнья:
«Все хорошо, все хорошо!»

Конечно, природа никогда не можетъ возмутить нашего нравственнаго чувства, но зато никогда не можетъ и дать ему удовлетворенія. Это удовлетвореніе можетъ явиться только какъ результатъ *побѣды надъ ней*, а побѣда предполагаетъ борьбу, а борьба свидѣтельствуетъ о нашемъ сознаніи, что въ природѣ *не все хорошо*, что она неразумна и, слѣдовательно, несовершенна. Какъ ни плоха наша жизнь и какъ ни справедливы укоры, расточаемые ей г. Жемчужниковымъ, она, все-таки, прогрессируетъ въ силу собственной самодѣятельности, тогда какъ природа видоизмѣняется, эволюціонируетъ, но прогрессируетъ она, лишь уступая нашей волѣ и нашему разуму. Г. Жемчужниковъ восклицаетъ въ пантеистическомъ восторгѣ:

За цвѣтъ черемухи и вишни,
За эти пѣсни соловья,
За все, чѣмъ вновь любуюсь я,
Благодарю Тебя, Всевышній!

Г. Жемчужниковъ могъ бы, кромѣ того, поблагодарить и людей, потому что онъ восклицаетъ это, сидя, во-первыхъ, въ *собственномъ* саду и, во-вторыхъ, въ собственномъ *саду*. Человѣческая культура тоже, вѣдь, кое-что значитъ и кое-чего стоитъ, и всякій человѣкъ слишкомъ многимъ обязанъ людямъ, чтобы не чувствовать къ нимъ благодарности. Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать только то, что г. Жемчужниковъ не совсѣмъ выполнилъ ту программу, которую поставилъ себѣ:

Добромъ помяну все, что было хорошаго въ жизни,
Что умъ мой будило, что сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

За всѣмъ тѣмъ, несмотря на всѣ эти недочеты, поэзія г. Жемчужникова, въ общемъ, представляетъ собою на мрачномъ фонѣ текущей литературы рѣшительно свѣтлое явленіе. Все приходитъ во-время для того, кто умѣетъ ждать, говоритъ французская пословица. Г. Жемчужниковъ долго ждалъ своей очереди и, наконецъ, дождался ея, и книга его стихотвореній останется прекраснымъ памятникомъ не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашей общественности. Поучительное и трогательное зрѣлище представляетъ собою этотъ старикъ, точно пришедшій къ намъ изъ другого, лучшаго міра и заставшій насъ въ бѣшеной пляскѣ вокругъ золотого тельца. Но онъ не разбилъ о камень своихъ скрижалей. Отчаяніе не овладѣло имъ. Съ непоколебимою вѣрой человѣка, лицезрѣвшаго истиннаго Бога, онъ громитъ наше идолопоклонство, напоминаетъ намъ и о нашемъ плѣненіи египетскомъ, и о трудномъ переходѣ нашемъ черезъ пустыню. Изъ имѣющихъ уши кто-нибудь услышитъ, изъ услышавшихъ кто-нибудь увѣруетъ—и этимъ онъ будетъ обязанъ г. Жемчужникову.

ГЛѢБЪ УСПЕНСКІЙ.

Общая характеристика.

«Максимъ Иванычъ замолкъ.

— Все?—спросили его.

— Все, больше ничего.

— Но къ чему вы все это говорили?

— Какъ къ чему? Да просто такъ сказалъ... Потому сказалъ, что поглядишь, поглядишь и не знаешь, что такое творится на бѣломъ свѣтѣ? Вотъ почему. Тоска!»

Гл. Успенскій («Умерла за направленіе»).

I.

Высокодаровитый писатель, о талантѣ, произведеніяхъ и тенденціяхъ котораго собираемся мы говорить, разумѣется, далеко еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Нѣкоторая торопливость и какъ бы усталость, замѣчающіяся въ самыхъ послѣднихъ его работахъ, не внушаютъ намъ слишкомъ серьезныхъ опасеній: на торопливость есть самообладаніе, а на усталость—отдыхъ. Столь живой, чуткій и отзывчивый талантъ, какъ талантъ Успенскаго, можетъ бездѣйствовать лишь до тѣхъ поръ, «пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ», пока жизнь не поставила новыхъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, пока старые вопросы не получили иного положенія и освѣщенія. Сколько извѣстно, ничего подобнаго въ нашей дѣйствительности не произошло. Говорятъ, «жизнь не ждетъ». Несомнѣнно, однако, что, собственно, наша русская жизнь не торопится и согласна ждать или, по терминологіи Салтыкова, «годить» до самой послѣдней крайности.

Но, вѣдь, кромѣ будущаго, которое, какъ мы надѣемся, есть у Успенскаго, у него уже имѣется большое прошлое. Пусть онъ—писатель, еще не вполнѣ высказавшійся, онъ, во всякомъ случаѣ, писатель уже сказавшій многое, и это многое такъ значительно и такъ разнообразно, что критика вправѣ попытаться подвести общій итогъ. Успенскій интересенъ и самъ по себѣ, какъ литературная личность, т.-е. интересенъ его яркій талантъ, оригинальный складъ его ума, ума сильнаго и яснаго, хотя не систематизированнаго, не дисциплинированнаго, парадоксальнаго. Но, помимо этого личнаго, литературно-психологическаго интереса, возбуждаемаго Успенскимъ, мы находимъ въ его произведеніяхъ массу идей, выраженныхъ, въ большинствѣ случаевъ, отрывочно, вскользь, какими то почти намеками, но идей, имѣющихъ огромное общественное значеніе: частью положительное, частью отрицательное. Во всемъ этомъ пора разобраться. Въ произведеніяхъ Успенскаго мы находимъ изображеніе нашихъ культурныхъ классовъ и изображеніе жизни «народа» и сообразно съ этимъ задача наша естественно подраздѣляется на три части: сначала мы попытаемся представить литературную характеристику Успенскаго, затѣмъ разсмотримъ его воззрѣнія на нашу интеллигенцію, и въ концѣ обсудимъ его взгляды на нашъ народъ. Зная общій планъ предлагаемой работы, читатель, конечно, можетъ легче оріентироваться.

Пятьдесятъ пять лѣтъ назадъ Бѣлинскій, разбирая повѣсти Гоголя, писалъ въ *Телескопѣ*, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностью и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество,—это удивительно; но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ-то глубоко грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»—вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью. И таковы всѣ его повѣсти; сначала смѣшно, потомъ

грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!...»

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ мы находимъ указаніе на основную характеристическую черту не одного только Гоголя, но всѣхъ вообще настоящихъ, истинныхъ юмористовъ. «Сначала смѣшно, потомъ грустно»,—это одинаково можно сказать и о *Путешествіи Гулливера*, и о *Ярмаркѣ тщеславія*, и о *Мертвыхъ душахъ*, и о *Благонамѣренныхъ рѣчахъ*. Все это очень понятно и иначе даже быть не можетъ. «Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей», не переставая, въ то же время и любить, и жалѣть ихъ, и конечно, эта двойственность отношеній, эта странная, но неизбѣжная амальгама совсѣмъ неродственныхъ между собою чувствъ—презрѣнія и любви—можетъ разрѣшиться только грустью или, говоря любимымъ словомъ Успенскаго, «тоской». Веселиться на чужой счетъ не трудно; осмѣивать людей или порядки, съ которыми не имѣешь ничего общаго,—очень даже просто и нисколько не больно. Но когда бичеваніе есть, въ то же время, самобичеваніе, когда осмѣиваешь глупость или подлость тѣхъ, кого хотѣлъ бы видѣть и разумными, и добрыми, и счастливыми, когда «враждебное слово отрицанья» диктуется ненавистью и даже не равнодушіемъ, а горячею любовью, трудно тогда сохранить до конца не только веселость, но и спокойствіе. Не бывало и не можетъ быть настоящаго писателя безъ идеала и, съ другой стороны, нѣтъ такой дѣйствительности, которая въ томъ или другомъ отношеніи (а иногда и во всѣхъ) не противорѣчила бы этому идеалу: ясно, что «незримыя міру слезы» неизбѣжно должны рано или поздно явиться на смѣну «видимому смѣху», и въ этомъ чередованіи смѣха и слезъ, веселости и тяжкой грусти, дѣйствительно, много и житейской правды, и философской истины, какъ замѣтилъ Бѣлинскій.

Я очень далекъ отъ намѣренія сравнивать Глѣба Успенскаго съ Гоголемъ, ученика съ учителемъ, но блестящая характеристика Гоголя, сдѣланная Бѣлинскимъ, тѣмъ не менѣе, почти цѣликомъ примѣнима и къ Успенскому. Именно такъ: почти всѣ очерки и разсказы Успенскаго—«смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнью». Если Гоголь, «насмѣшивши насъ до слезъ», въ концѣ-концовъ, заставляетъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»—то буквально таково

же общее впечатлѣніе, производимое и Успенскимъ. «Поглядишь, поглядишь и не знаешь, что такое творится на бѣломъ свѣтѣ? Тоска!»—вотъ резюме самого автора, и вотъ послѣднее впечатлѣніе читателя. «Скучно на этомъ свѣтѣ», «тоска на бѣломъ свѣтѣ»—велика ли разница между этими двумя формулами?

Да, Успенскій, читая котораго, вы такъ часто и такъ искренно хохотали, Успенскій, авторъ множества смѣшныхъ словечекъ, изъ которыхъ часть вошла даже въ разговорный языкъ,—этотъ Успенскій одинъ изъ наболѣе грустныхъ и унылыхъ писателей нашихъ. Мотивы его грусти сложны и разнообразны, гораздо разнообразнѣе, нежели у Гоголя. Что такое Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ? Это мелкіе, ничтожные, глубоко-пошлые, но вовсе не несчастные люди. Если они терпятъ кое-какія непріятности, то лишь отъ избытка собственной глупости, въ силу которой нанменованіе «гусакомъ» представляется кровною обидой, вопіющею къ небу объ отомщеніи. Это не представители человѣчества, а именно только «живые пасквили на человѣчество», какъ выразился Бѣлинскій. Погрустить надъ этими такъ называемыми людьми, въ сущности, не имѣющими даже отдаленнаго понятія о настоящей человѣческой жизни,—можно и должно, тѣмъ болѣе, что эти «пасквили» не только въ гоголевскую эпоху, но и въ наше время совсѣмъ не рѣдкостныя исключенія. Но это и все. Восклицать по поводу этихъ зоологическихъ экземпляровъ человѣческаго рода «скучно на этомъ свѣтѣ!»—значитъ оказывать имъ совершенно незаслуженную честь, придавать имъ несоотвѣтственное значеніе. Сколько бы тысячелѣтій ни простоялъ еще нашъ міръ, ему не избавиться ни отъ пошлости, ни отъ пошляковъ, и задача прогресса по отношенію къ нимъ можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы отвести имъ въ жизни надлежащее мѣсто, не въ переднемъ углу, а на заднемъ дворѣ. Задача эта не легка, потому что пошлость назойлива и претенціозна: вспомните Добчинскаго, который непремѣнно хотѣлъ, чтобы самъ государь узналъ, что въ городѣ такомъ-то живетъ онъ, Петръ Иванычъ Добчинскій; но такая задача не принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ.

Совсѣмъ иное мы видимъ у Успенскаго. Его «тоска» происходитъ не отъ того, что пошлые люди—пошлы, а отъ того, что непошлые люди зачастую дѣлаютъ пошлости — добровольно или недобровольно. Возьмемъ хотя бы разсказъ *Умерла за направленіе*,

заканчивающійся тѣмъ, можно сказать, воплемъ, который мы поставили эпиграфомъ. Герой этого разсказа, по характеристикѣ самого автора, «человѣкъ недюжинный: настойчивъ, энергиченъ, основателенъ. Это былъ такой человѣкъ, который если ужъ взялся за дѣло, такъ сдѣлаетъ его въ самомъ лучшемъ видѣ, раскопаетъ вопросъ до корня да и изъ корня-то еще норовитъ что-нибудь извлечь». Кромѣ того, герой—человѣкъ большого образованія и принадлежитъ вообще къ самымъ верхнимъ слоямъ интеллигенціи: «сочиненіе его одобрено въ первѣйшихъ нашихъ изданіяхъ и вообще ученый міръ призналъ, что авторъ самый основательный молодой ученый».

Казалось бы, кому и дѣлать полезныя дѣла, какъ не такому человѣку? Гоголь высоко ставилъ практическую умѣлость, казнилъ за ея отсутствіе тогдашнюю дворянскую интеллигенцію въ лицѣ помѣщика-неудачника Хлобуева и преискренно восхищался дѣловитостью и хозяйственностью своего Костанжогло. Но Костанжогло—малое дитя въ сравненіи съ героемъ Успенскаго. У Костанжогло была личная цѣль, у героя Успенскаго—общественный идеалъ; первый работалъ только для себя, второй—для общаго блага; Костанжогло—не болѣе, какъ дѣлецъ, гешефтмахеръ; герой Успенскаго въ полномъ смыслѣ слова общественный дѣятель. И, тѣмъ не менѣе, Успенскій не только не восхищается, а груститъ, и эта грусть сообщается намъ, читателямъ, и мы готовы съ полною искренностью воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ: «тоска, тоска»! Въ чемъ же дѣло? Я приведу въ подлинникѣ то мѣсто разсказа, гдѣ Успенскій повѣствуетъ объ усиліяхъ своего героя провести гдѣ слѣдуетъ одинъ свой гуманный проектъ,—цитата эта понадобится намъ еще и въ другихъ отношеніяхъ.

«Не долго думая,—человѣкъ былъ энергическій,—онъ приступилъ къ осуществленію... Повѣрите-ли? Два года, день въ день, несмотря на всевозможныя свои связи и репутацію благовоспитаннаго и ученаго человѣка, два года къ ряду, ни дня, ни ночи не было ему покоя, и жизнь его сдѣлалась чистымъ мученіемъ. Препятствія на каждомъ шагу. То придешь къ нему, видишь—сіяетъ: «ну, говоритъ, обѣщали!»—то волосы на себѣ рветъ: «препятствуютъ!» Интриги какія-то, сплетни, зависть, недовѣріе, оскорбительная подозрительность, апатія къ общему благу,—словомъ, тысяча затрудненій и неожиданныхъ непріятностей ежедневно... Похудѣлъ мой парень, даже облысѣлъ... Мыкался онъ по городу съ утра до ночи. Тамъ надо сдѣлать визитъ, тамъ надо на вечеръ ѣхать, чтобъ познакомиться съ Марьей Петровной, Анной Николаевной, которыя имѣютъ вліяніе на того, а тотъ на другого, а тотъ другой можетъ дать по шапкѣ тому, кто препятствуетъ... Чего, чего

только не приходилось ему дѣлать для осуществленія своей цѣли: и съ кокотками ужиналъ, и пьянъ напивался, и пикникъ на тройкахъ, и даже принужденъ былъ вступить въ любовную связь противъ собственнаго желанія, принужденъ былъ тремъ дѣвицамъ подать надежду на бракъ, подписалъ три сомнительныхъ векселя, проигралъ въ карты тысячу рублей, и не приведи Царица Небесная, что онъ только ни продѣлывалъ въ это время!»

Chemin faisant, укажемъ на этотъ небольшой отрывокъ какъ на образчикъ юмора Успенскаго Это веселѣйшій и, на первый взглядъ, беззаботнѣйшій юморъ, у котораго какъ будто только одна цѣль—освѣтить предметъ съ его комической стороны. Оставьте на минуту всѣ стороннія соображенія, забудьте основную тему разсказа и посмотрите только на этотъ образъ: взрослый, зрѣлый человѣкъ вступаетъ въ любовную связь «противъ собственнаго желанія», серьезный общественный дѣятель, ради торжества своей идеи, «принужденъ былъ тремъ дѣвицамъ подать надежду на бракъ» и т. д., и т. д. Самъ гоголевскій Петрушка почувствовалъ бы, сколько тутъ неподдѣльнаго комизма и добродушной веселости, осмѣивающей предметъ безъ желчи, безъ негодованія, безъ малѣйшаго признака злости. Это—не сатира, которая бичуетъ и казнитъ, это—чисторусская насмѣшливость, мѣткая безъ ѣдкости, остроумная безъ обиды, правдивая безъ колкости. И таковъ Успенскій вездѣ и всегда, какъ юмористъ: среди самаго печальнаго разсказа о какой нибудь россійской неурядицѣ онъ вдругъ широко и весело улыбнется, и въ этой улыбкѣ столько сообщительности, эта веселость такъ заразительна, что непремѣнно передается и вамъ, читателю, и это очень кстати, вы искренно рады этому «лучу въ темномъ царствѣ», потому что, въ самомъ дѣлѣ, и передохнуть не мѣшаетъ. Какой-нибудь Мымрецовъ *(Будка)*, весь смыслъ существованія котораго исчерпывается двумя словами — «тащить» и «не пущать», въ сущности, ужасенъ, но можно ли не улыбнуться, когда онъ начинаетъ философствовать въ такомъ, напримѣръ, родѣ: «Ну, тоже—не спѣша началъ Мымрецовъ,—и мужская часть черезъ женскую часть не то чтобы очень благополучно хлѣбъ свой ѣла... Тоже и нашему брату, само собой, но башкѣ отъ дамскаго полу влетаетъ... Да, братъ! влетаетъ препорядочно хорошо!» Старые и новые эстетики утверждаютъ, что смѣхъ примиряетъ, и дѣйствительно, въ добродушномъ юморѣ Успенскаго много примирительнаго. Но надо быть именно гоголевскимъ Петрушкой, чтобы не видѣть другой,

гораздо болѣе важной стороны дѣла, чтобы успокоиться на этомъ примирительномъ впечатлѣніи, чтобы за смѣхомъ забыть о слезахъ. Успенскій шутитъ и смѣется потому, что таковъ его писательскій темпераментъ; но онъ, въ то же время, груститъ—потому, что таковы свойства анализируемыхъ имъ явленій. Юморъ Успенскаго стихіенъ, какъ одинъ изъ элементовъ его дарованія, его грусть сознательна, какъ послѣдній результатъ прочно составленнаго *убѣжденія*.

Возвратимся къ герою разсказа *Умерла за направленіе*. Совершенно очевидно, что разсказъ Успенскаго не забавная исторіетка о похожденіяхъ одного чудака, а повѣствованіе о страстной, самоотверженной и, тѣмъ не менѣе, безуспѣшной дѣятельности человѣка не заурядnаго. Будемъ осторожны и умѣренны и не станемъ торопиться съ обобщеніями. Согласимся, что герой Успенскаго далеко не такъ практиченъ и, главное, не такъ дальновиденъ, какъ его рекомендуетъ авторъ. Допустимъ, далѣе, что этотъ герой—не типъ, а лишь характеръ, образъ, почти случайный и исключительный. Въ самомъ дѣлѣ, ошибка героя ясна: въ мѣхи старые онъ старается влить вино новое и—платится за эту ошибку. Но Успенскій ставитъ своимъ разсказомъ общій вопросъ: есть ли у насъ, приготовлены ли нами для молодого вина соотвѣтственные мѣхи? *Нѣтъ*, — рѣшительно отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ, и попробуйте оспорить его и осмѣльтесь также упрекнуть его въ преувеличеніи, когда, сказавши это свое «нѣтъ», онъ восклицаетъ затѣмъ: «тоска, тоска!» Еще бы не тоска! Теоріи всякаго рода теряютъ кредитъ и начинаютъ называться утопіями или прямо фантазіями, а практика приводитъ къ компромиссамъ, по которымъ человѣкъ какъ по лѣстницѣ, со ступеньки на ступеньку, постепенно и незамѣтно, спускается какъ разъ въ ту самую житейскую тину и грязь, которую онъ задумалъ было оздоровить. Пусть забавляются надъ этимъ Петрушки и мичманы Дырки,—на ихъ улицѣ праздникъ,—а мы раздѣлимъ «тоску» писателя. Синица, затѣявшая зажечь море, была смѣшна; но человѣкъ, задумавшій внести въ жизнь только искорку свѣта, только крошечку справедливости и потерпѣвшій полное пораженіе, какъ самый крайній утопистъ и идеалистъ,—такой человѣкъ интересенъ не съ комической точки зрѣнія и фіаско его не забавно, а преисполнено важнаго и печальнаго смысла.

Но пусть это только неудачникъ, какихъ у насъ всегда было много, и пусть причина его неудачъ заключается въ его личныхъ свойствахъ, а не въ общей нравственной атмосферѣ, окружающей его. Успенскій не позволитъ намъ успокоиться на этомъ пріятномъ соображеніи. Оставляя въ сторонѣ неудачниковъ, которые, какъ мы хотѣли бы думать, «сами виноваты», онъ показываетъ намъ полнѣйшаго удачника, интеллигентнаго человѣка, посвятившаго себя деревнѣ и деревенскимъ крестьянскимъ интересамъ. Онъ добился перваго и величайшаго успѣха, какой только можетъ достаться интеллигентному народнику: крестьяне вѣрятъ ему и уважаютъ его, считаютъ его человѣкомъ «своимъ». Онъ разоблачаетъ кулацкія плутни, выводитъ на свѣжую воду міроѣдовъ, лечитъ, учитъ, всячески помогаетъ деревенской темнотѣ и бѣднотѣ. Только бы, повидимому, намъ радоваться да любоваться на этого энергическаго піонера цивилизаціи, только бы умиляться передъ этимъ столь желаннымъ единеніемъ и сближеніемъ ума и непосредственнаго чувства, науки и жизни, свѣтлой мысли и темной дѣйствительности. Но Успенскому нѣтъ дѣла до нашихъ иллюзій и онъ безжалостно разбиваетъ ихъ. «Такъ онъ жилъ «пока что» и таялъ... Деревня, нужды которой опутали его умъ и сердце, прямо сказать, *съѣдала* его. И, вѣроятно, въ концѣ-концовъ, съѣстъ, съѣстъ безъ остатка и, пожалуй, даже «не попомнитъ». Вѣдь, никто не поминаетъ добромъ тотъ кусокъ мяса, который съѣденъ вчера и который даетъ возможность быть живымъ сегодня». Это—по адресу деревни, народа. А вотъ по нашему адресу: «Да, мучительна участь людей, какъ Андрей Васильевичъ! Но то, что они дѣлаютъ, до такой степени важно и нужно для народа, что пора, пора, безконечно давно пора оградить такую дѣятельность отъ малѣйшихъ посягательствъ на то, чтобы превратить ее въ мученичество. Ей надо давать полный ходъ, всякую поддержку, защиту, а не вѣнчать терновымъ вѣнцомъ» *(Изъ деревенскаго дневника)*.

Какъ видите, куда ни кинь, все клинъ. При неудачѣ «сначала смѣшно, потомъ грустно», а при удачѣ «грустно» съ самаго начала и до самаго конца. Невидное, нецѣнимое, непоятное самоотверженіе, ежеминутно заподозрѣваемая въ своекорыстіи любовь, возбуждающая недовѣріе участливость, громадныя усилія, требующіяся для побѣды надъ нелѣпыми и безсмысленными препятствіями,—таково начало. «Терновый вѣнецъ» или неблагодарное

и безчувственное забвеніе — таковъ конецъ. Мы назвали бы Успенскаго пессимистомъ, если бы указываемыя имъ «бѣдность и несовершенство» нашей жизни лежали въ самой природѣ вещей, имѣли бы источникомъ фатальное несовершенство человѣческой природы вообще. Но отрицаніе Успенскаго совсѣмъ не идетъ такъ далеко, такъ ненужно и безплодно далеко. Онъ указываетъ на грѣхи, въ которыхъ не трудно и «пора, безконечно давно пора» покаяться, на историческія недоразумѣнія, которыя продолжаютъ существовать только благодаря окружающимъ ихъ потемкамъ. «Плохо и не можетъ быть иначе»—вотъ формула настоящаго послѣдовательнаго пессимизма. «Плохо, очень плохо, но можетъ быть, а, слѣдовательно, должно быть очень хорошо»—вотъ формула Успенскаго. Этотъ столь грустный писатель не унынію внушаетъ, а надежду даетъ, не къ апатіи и успокоенію, а къ бодрой и живой работѣ призываетъ насъ.

«Во мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ вкоренено печальное состояніе ума и сердце пріучено къ содроганію, такъ я безъ хвастовства могу сказать, что во мнѣ есть совѣсть, есть чувство». Эта наивная характеристика, сдѣланная однимъ изъ персонажей Успенскаго, очень идетъ къ самому писателю. Да, сердце его «пріучено къ содроганію», потому что въ немъ «есть совѣсть и есть чувство», какъ то гуманное чувство, которое готово согрѣть *всякаго* человѣка за то только, что онъ человѣкъ, такъ и гражданское чувство, болѣющее отъ общественной несправедливости, волнующееся отъ житейской неурядицы. Въ ряду разсказовъ Успенскаго есть одинъ маленькій эскизъ подъ названіемъ *Задача*, написанный небрежно, наскоро (хотя, все-таки, мастерски) и какъ будто нарочно для того только, чтобы посмѣшить читателя. Молодой чиновникъ Иванъ Абрамычъ Кыскинъ убѣдился въ «невозможности увеличивать собственное семейство; крошечное жалованье, множество тратъ на семью, уже существующую въ громадныхъ размѣрахъ, ясно доказывали ему, что дальнѣйшее приращеніе семейства невозможно, иначе непроглядная нищета грозитъ и ему, и женѣ, и его дѣтямъ». Принимаются соотвѣтственныя мѣры: «не все же земное и преходящее...» Слѣдовательно, я буду въ залѣ спать, а ты здѣсь,—говоритъ Кыскинъ женѣ. Само собою разумѣется, что «задача» оказалась Кыскину не подъ силу: «чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Абрамычъ сидѣлъ за ужиномъ и думалъ: кого бы пригласить въ кумовья?

Физіономія его и жены были убиты и сердца растерзаны». Тема разсказца, какъ видите, вполнѣ смѣхотворная, можно сказать— водевильная, и дѣйствительно, разсказъ нѣтъ возможности читать безъ улыбки. Но сердце Успенскаго «пріурочено къ содроганію», и, властвуя, какъ всякій большой талантъ, надъ своимъ читателемъ, онъ заставляетъ содрогаться и васъ, и это немедленно вслѣдъ за веселымъ вашимъ смѣхомъ надъ комическимъ положеніемъ бѣдняка-чиновника. Да, это положеніе комично, но, въ то же время, не ужасно ли? Вамъ, постороннему человѣку, смѣшно, но для гуманнаго писателя нѣтъ постороннихъ людей, и онъ напоминаетъ вамъ и подчеркиваетъ, что у его героевъ «сердца растерзаны», что вашъ смѣхъ, стало быть, неумѣстенъ и не приличенъ тутъ, что передъ вами не водевиль разыгрывается, а совершается прозаическая, не грандіозная, не кровавая, но тяжелая житейская драма. «Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины» и сколько боли за человѣка, за его счастье и за его достоинство!

II.

Всякій истинный талантъ какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ и искусствѣ, опредѣляется и характеризуется его большею или меньшею способностью къ творчеству. Способность творчества есть способность находить связь между отдѣльными фактами и, главное, комбинировать ихъ между собою такимъ образомъ, чтобы въ послѣднемъ результатѣ получалось нѣчто единое, органически-цѣльное, т. е. или законъ, или философское обобщеніе, или художественный образъ. Чѣмъ больше фактовъ находится въ распоряженіи мыслителя или художника, тѣмъ лучше, конечно, тѣмъ вѣроятнѣе, что ихъ зданіе будетъ построено не на пескѣ, что ихъ обобщенія будутъ не произвольны, образы не фантастичны. Но, съ другой стороны, многочисленность наблюденій, количество знаній совсѣмъ не служитъ ручательствомъ за вѣрность выводовъ, не обезпечиваетъ даже того, что будутъ сдѣланы хоть какіе-нибудь выводы. Всѣмъ извѣстенъ типъ ученаго буквоѣда и книгоѣда, который, какъ Плюшкинъ, тащитъ въ свое хозяйство и ржавый гвоздь, и грязную тряпочку, и лоскутъ бумаги, т.-е. накапливаетъ въ своей головѣ цѣлую груду нужныхъ

и ненужныхъ фактовъ, которые такъ и остаются въ видѣ нелѣпой и безполезной мусорной кучи. Съ другой стороны, не менѣе извѣстенъ типъ диллетанта-верхогляда, у котораго необыкновенно много гипотезъ, теорій, идей, чрезвычайно широкихъ и смѣлыхъ, но и чрезвычайно легковѣсныхъ, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія серьезной фактической подкладки. Найти равновѣсіе между этими противуположными крайностями, соблюсти необходимую пропорціональность между сырымъ фактическимъ матеріаломъ и общими выводами, дѣйствительно, допускаемыми этимъ матеріаломъ, значитъ придать своему труду устойчивость и осмысленность, какъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ незначителенъ. Очень важно съумѣть оплодотворить, освѣтить и упорядочить массу разрозненныхъ фактовъ одною синтетическою идеей; но не менѣе важно во-время и въ мѣру позаботиться о томъ, чтобы ваши, быть можетъ, очень важныя и полезныя идеи явились во всеоружіи доказательствъ, а такими доказательствами могутъ быть только тщательно провѣренные факты и наблюденія.

Именно здѣсь и обнаруживается великая тайна таланта, развертываются во всемъ блескѣ тѣ чудотворныя силы и свойства его, которыя нельзя ни откуда достать, нельзя привить къ человѣку никакимъ воспитаніемъ, никакимъ изученіемъ, никакимъ развитіемъ. О Бѣлинскомъ разсказывали, что онъ, не зная нѣмецкаго языка, ознакомившись съ философіей Гегеля изъ вторыхъ рукъ, тѣмъ не менѣе, понималъ и усвоилъ эту философію лучше и полнѣе, нежели тѣ друзья его, отъ которыхъ единственно онъ и заимствовалъ всѣ свои свѣдѣнія о системѣ Гегеля. Такова безцѣнная привилегія всякаго истиннаго и крупнаго таланта. Всѣ мы созданы по образцу и подобію Божію, но только талантъ или геній творитъ по примѣру Божію: изъ ничего или почти изъ ничего. По двумъ-тремъ намекамъ, которые не говорятъ и не даютъ намъ ровно ничего, онъ овладѣваетъ самою сущностью, самою сердцевиной предмета. Онъ *угадываетъ* тамъ, гдѣ для насъ требуются долгія и подробныя разъясненія. Онъ ассоціируетъ понятія или факты, между которыми, на нашъ близорукій взглядъ, нѣтъ ничего общаго. Онъ овладѣваетъ матеріаломъ, какъ бы онъ ни былъ обиленъ, и господствуетъ надъ нимъ, въ то время, какъ мы теряемся, и за бабочками и букашками готовы просмотрѣть слона. Наоборотъ, при скудости матеріала, онъ какимъ-то инстинктив-

нымъ прозрѣніемъ восполняетъ пробѣлы и предусматриваетъ факты и явленія тамъ, гдѣ мы видимъ одно пустое мѣсто. «Тайна сія велика есть», и если есть какой-нибудь смыслъ въ извѣстной теоріи «безсознательнаго творчества», то этотъ смыслъ заключается именно въ указаніи совмѣстной и одновременной работы въ лабораторіи таланта высшей сознательности и вдохновеннаго инстинкта, не поддающагося не только анализу, но и сколько-нибудь точному опредѣленію.

Въ искусствѣ, въ царствѣ живыхъ образовъ, эти свойства творческаго таланта проявляются еще яснѣе, если не сильнѣе, нежели въ области чистой, отвлеченной мысли. Есть художники-фотографы и есть художники-творцы. Художникъ-фотографъ—рабъ дѣйствительности, какъ гелертеръ—рабъ факта. Его искусство не далеко отъ «искусства» какого-нибудь полудикаго зырянина, который (о чемъ еще писалъ Салтыковъ) увидитъ заборъ, поетъ—«вотъ заборъ!», увидитъ рѣку—«рѣка, рѣка!» и т. д. Извѣстный эстетическій принципъ—«вѣрность дѣйствительности»—есть единственный доступный для него принципъ, и онъ чтитъ и исполняетъ его, какъ правовѣрный еврей чтитъ и исполняетъ заповѣдь о субботѣ. Ему нѣтъ дѣла до внутренняго смысла изображаемыхъ имъ явленій,—ему понятна и доступна только внѣшность. Рисуя вашъ портретъ, онъ изобразитъ всѣ морщины и всѣ бородавки на вашемъ лицѣ, но *физіономіи* вашей, т.-е. того душевнаго свѣта, который освѣщаетъ ваше лицо и придаетъ ему тотъ или другой смыслъ,—этого онъ не изобразитъ, потому что и не увидитъ. Онъ не создаетъ, не комбинируетъ, не *мыслитъ*, онъ только подражаетъ и воспроизводитъ. Въ лучшемъ случаѣ, произведенія такого художника могутъ явиться не лишеннымъ извѣстной цѣнности «человѣческимъ документомъ» и могутъ послужить критикѣ матеріаломъ для тѣхъ или другихъ выводовъ,—но это и все. Роль такого художника—роль не активная, а пассивная, его значеніе не самостоятельное, а вспомогательное.

Истинный художникъ не можетъ быть только фотографомъ, какъ истинный ученый не можетъ быть только ходячею библіотекой, живымъ вмѣстилищемъ всякаго рода фактовъ и фактиковъ. Такой художникъ относится къ дѣйствительности критически, подходитъ къ ней съ извѣстными критеріями и идеалами. Его интересуетъ и волнуетъ не то, что случайно находится у него передъ

глазами, а лишь то, что такъ или иначе затрогиваетъ его симпатіи и антипатіи. Онъ выбираетъ лишь тѣ сюжеты и темы, въ которые онъ можетъ вложить частицу своей души, выразить свои понятія о добрѣ и злѣ. Всякій истинный талантъ,—это еще Бѣлинскій доказывалъ,—непремѣнно оригиналенъ, а, вѣдь, что же такое оригинальность, какъ не высшая степень развитія индивидуальности? Но чѣмъ сильнѣе индивидуальность, тѣмъ, конечно, упорнѣе она сопротивляется чуждымъ вліяніямъ, тѣмъ рѣшительнѣе она стремится выразить себя, тѣмъ она активнѣе. Ни мѣшкомъ, въ который что положишь, то онъ и несетъ, ни фотографическимъ аппаратомъ, который фиксируетъ что попало, ни пустою бутылкой, которую можно наполнить и болотною жижей, и драгоцѣннымъ виномъ,—ничѣмъ подобнымъ истинно-талантливый художникъ быть не можетъ. «Я существую,—слѣдовательно, я мыслю»,—можетъ сказать о себѣ такой художникъ, пользуясь по-своему знаменитымъ декартовскимъ изреченіемъ. А кто мыслитъ,—мыслитъ искренно, т. е. видя въ этомъ главное содержаніе своей жизни и не добиваясь ничего, кромѣ истины,—тотъ горячо вѣритъ или столь же горячо не вѣритъ, утверждаетъ или отрицаетъ, тотъ, однимъ словомъ, страстно *убѣжденъ*. А кто убѣжденъ, тотъ непремѣнно поучаетъ, тотъ не можетъ не стремиться передать другимъ свое убѣжденіе и, стало быть, не можетъ говорить о чемъ придется, изображать что случится. Онъ повелѣваетъ своимъ талантомъ, но повелѣваетъ только за тѣмъ, чтобы самому успѣшнѣе служить овладѣвшей имъ верховной идеѣ, своему излюбленному идеалу.

Крупный талантъ Глѣба Успенскаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и, стало быть, всѣ тѣ черты и свойства, которыми мы только что характеризовали истинныхъ художниковъ и творцовъ, составляютъ и его достояніе. Но... да, здѣсь есть одно очень большое и важное *но*, которое необходимо выяснить. Той пропорціональности между фактическими наблюденіями и выводами изъ нихъ, о которой я говорилъ выше, гармоніи между реальною дѣйствительностью и художественными образами, соотвѣтствія между фундаментомъ и зданіемъ, воздвигаемымъ на этомъ фундаментѣ,—вотъ чего, къ сожалѣнію, часто недостаетъ Успенскому. Съ высотъ *творчества* онъ порою спускается въ трущобы *сочинительства*, котораго, однако же, благодаря несравненному изобразительному таланту, очень легко не замѣтить: до того всѣ его аксессуары и

детали жизненны, правдоподобны, естественны. Господствовать надъ своимъ талантомъ, умѣть управлять имъ и направлять его—это прекрасно. Но *помыкать* своимъ талантомъ, заставлять его не служить, а прислуживать хотя бы то и очень справедливой идеѣ,—въ этомъ мало хорошаго и очень много опаснаго: самый живучій и могучій талантъ рискуетъ изнемочь подъ тяжестью такой совершенно ему несвойственной задачи. Чистый художникъ по характеру своего дарованія, Успенскій, въ то же время, непремѣнно хочетъ быть публицистомъ и даже полемистомъ, берется за дѣло, сравнительно говоря, черное и, притомъ, такое, которое мы, не художники, сдѣлаемъ гораздо лучше его. Я прошу читателя понять мою мысль какъ слѣдуетъ. Называя Успенскаго «чистымъ художникомъ», я, конечно, не хочу сказать, что ему надлежитъ пребывать въ области «безпечальнаго созерцанія», чуждаться текущихъ вопросовъ жизни и т. д. Но есть вопросы и вопросы. Если художникъ, посредствомъ своихъ образовъ и картинъ, разъясняетъ передъ нами несостоятельность или несправедливость самыхъ основаній нашего жизненнаго строя, анализируетъ явленія, которыя имѣютъ хотя преходящее (какъ и все на свѣтѣ), но не мимолетное значеніе, говоритъ о нашихъ предразсудкахъ и заблужденіяхъ, привитыхъ къ намъ и нашею жизнью, и нашею исторіей, а не навѣянныхъ передовою статьей какой-нибудь *Красы Демидрона*,—онъ въ своемъ правѣ, онъ остается въ своей сферѣ, дѣлаетъ *свое* дѣло. Такъ дѣйствовалъ самъ Салтыковъ, всегда имѣвшій въ виду вопросы жизни и очень рѣдко нисходившій до злобъ *дня*. Но если художникъ будетъ гоняться за каждымъ пузыремъ, вскочившимъ на поверхности взбаломученной жизни, если онъ будетъ *подгонять* свои образы къ случайнымъ общественнымъ теченіямъ, если, однимъ словомъ, онъ будетъ отдаваться интересамъ—даже не дня, а минуты, момента,—онъ рискуетъ растратиться по мелочамъ, превратиться изъ художника въ какого-нибудь фельетониста. Успенскій, литературныя заслуги котораго, конечно, далеко уступаютъ литературнымъ заслугамъ Салтыкова, по силѣ и размѣрамъ таланта нисколько, однако же, не ниже знаменитаго сатирика. Тѣмъ не менѣе, онъ такъ мало уважаетъ свое высокое дарованіе, такъ не бережетъ его, что не затрудняется пускать его въ самую обыкновенную журнальную свалку, въ которой иногда и смысла нѣтъ никакого. Приведемъ примѣръ, который лучше всего уяснитъ дѣло.

Если помнитъ читатель, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ извѣстной части нашей журналистики внезапно открылся походъ противъ интеллигенціи; одни отрицали ея заслуги, другіе отрицали ея существованіе у насъ, третьи оспаривали самое право ея на существованіе, четвертые возмущались ея «доктринерствомъ», «гнилостью», «партійностью» и пр., и пр. Словомъ сказать, «такъ называемая интеллигенція» была разнесена въ пухъ и прахъ... на газетныхъ страницахъ, по крайней мѣрѣ. Салтыковъ отозвался на эту «злобу дня» небольшимъ проектомъ, высказаннымъ, къ тому же, мимоходомъ,—проектомъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы собрать всю русскую интеллигенцію и, при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, утопить ее въ Москвѣ-рѣкѣ. Въ виду очевидной безсмыслицы похода противъ интеллигенціи, этого щелчка было совершенно достаточно. Но Успенскій, которому собственно, какъ бытописателю народа, тутъ, казалось бы, и дѣла не было никакого, отнесся къ этому не серьезному инциденту очень серьезно, перенесъ вопросъ на почву народной жизни и далъ рядъ разсказовъ, въ которыхъ отношенія народа къ намъ освѣщались именно со стороны безсмысленной боязни и недовѣрія невѣждъ къ наукѣ, глупцовъ къ уму, мраколюбцевъ къ свѣту, точь-въ-точь какъ это было и въ журнально-газетномъ походѣ противъ интеллигенціи. Надо отдать справедливость Успенскому: очевидно, фантазируя, онъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ придать своей фантазіи наружность полной правды, призракамъ своего воображенія онъ далъ живую плоть и кровь, такъ что читатель повергается въ недоумѣніе: съ одной стороны, все это, очевидно, сочинено Успенскимъ «по случаю», а съ другой—сочинено такъ правдоподобно, что и возражать трудно. Что вы скажете, напримѣръ, о такомъ эпизодѣ:

«Лежу я на зеленой травкѣ, и вдругъ развязною поступью подходитъ ко мнѣ деревенскій пролетарій; онъ въ рваной рубахѣ, рваныхъ штанахъ, онъ босъ и нагъ; я же напалъ его сдѣлать мнѣ кровать; я же далъ ему на выпивку «для начатія» работы—и онъ же, выпивъ, первымъ долгомъ является критиковать меня, его заказчика.

— Извините, господинъ,—говоритъ онъ, смотря мнѣ смѣло и прямо въ глаза и загадочно-смѣло улыбаясь,—извините, что мы васъ спросимъ... Позвольте узнать, какъ будетъ ваше, напримѣръ, званіе?

— Зачѣмъ вамъ?

— Да, собственно, чтобъ знать-съ. Напримѣръ, откуда, какъ?... Въ нонишнія времена, сами знаете, оченно много разныхъ шарлатановъ оказывается.

— Я пріѣхалъ жить лѣтомъ на дачѣ,—категорически отвѣчаю я,—мнѣ надо пожить въ деревнѣ для здоровья.

— Такъ съ... Стало быть, изъ Петербурга къ намъ для здоровья собственно?

— Собственно для здоровья. Видишь, какой здѣсь воздухъ-то? Вотъ мнѣ и хочется подышать.

— Воздухомъ-то-съ?

— Да, воздухомъ.

— Ну, а въ Петербургѣ-то нешто пѣту воздуху-то?

— Есть, да скверный.

— Ишь ты, вѣдь! Стало быть, для воздуху?

— Да!

— Такъ-съ. По машинѣ пріѣхали?

Молчаніе. Молчитъ и смотритъ на меня, какъ говорится «въ оба». Наконецъ, нехотя идетъ и говоритъ:

— Воздухъ у насъ мягкій... Коли ежели вамъ пріятно пасчетъ воздуху... Да мы такъ только, любопытствуемъ: кто, молъ, такіе? Такъ пасчетъ воздуху?...

Пошелъ, но на полдорогѣ остановился, поглядѣлъ на меня, посвисталъ весьма развязно и, наконецъ-таки, ушелъ!» *(На травкѣ).*

Это, конечно, очень хорошо, но дальше идетъ еще, пожалуй, лучше:

«Ушелъ пролетарій, является тузъ, старшина, богачъ.

— Богъ помочь,—говоритъ онъ, входя въ избу, и едва я, отвѣтивъ на привѣтствіе, хочу ему подать руку, какъ онъ съ улыбкой произноситъ:

— Перво-на-перво позвольте ужъ намъ нашъ мужицкій законъ соблюсти—Богу помолиться, а потомъ ужъ и вашу ручку примемъ. Ужъ извините! Такое у насъ, у мужиковъ, у дураковъ, глупое обыкновеніе.

Онъ помолился на образа, повѣсилъ картузъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь позвольте познакомиться.

Слѣдуютъ тѣ же самые вопросы: откуда, зачѣмъ и т. д.

— Я удивляюсь,—говоритъ старшина,—чему только въ понѣшнія времена учатъ ученыхъ людей! Я къ тому, извините, что вотъ у васъ въ паспортѣ сказано: «Учитель»; ну вотъ мнѣ и пришло на мысль... И чему только, я удивляюсь, учатъ попича. Двадцать лѣтъ его трутъ и мнутъ, а скажите вы на милость, появляется по окончаніи этого самаго курса столь безсовѣстный человѣкъ, что онъ даже, извините, лба не умѣетъ перекрестить!... Я васъ, извините меня, не знаю, кто вы такіе, мнѣ неизвѣстно, можетъ быть, вы и Бога почитаете, опять же я не знаю. Я долженъ придти взять бумаги, потому, по понѣшнему времени, столь много шарлатанства... Я не про васъ говорю, а только къ слову, что сказано вотъ тутъ «учитель»—ну, и къ слову пасчетъ, значитъ, разныхъ прочихъ подлецовъ упомянулъ... Вѣдь, иной безсовѣстный человѣкъ встанетъ утромъ, рожу свою поганую не умоетъ—сейчасъ зажегъ папиросу или тамъ цыгару, подбоченился, засвисталъ; фю-фю-фю, шапку въ горницѣ надѣлъ, ходитъ передъ образами, какъ ни въ чемъ не

бывало... Вѣдь, вотъ какіе есть мазурики! Былъ у меня тоже», вотъ *какъ и вы*, этакой безсовѣстной учитель... Среда, пятница, Петровъ постъ—ему это и вниманія не составляетъ! Земство прислало—дай Богъ ему здоровья—тамъ тоже все ученые люди, высчева кругу-смыслу. Но тъ не постъ—пошелъ на погребицу, облапилъ горшокъ молока—лакаетъ, какъ свинья. Извините, ужь я съ вами говорю прямо: я пришелъ къ вамъ по дѣламъ; хотите—слушайте меня, хотите—нѣтъ, а что я пришелъ, то потому, что я начальникъ здѣшній. Вы баринъ, а я мужикъ, но все же я вамъ начальникъ и пришелъ я по дѣламъ; а не угодно меня слушать—какъ угодно».

Какъ вамъ это кажется? Живость и прелесть формы, мѣткость и типичность языка (чего стоитъ одно это «высчева кругу-смыслу» старшины!), конечно, подкупаютъ васъ и вы готовы повѣрить этому разсказу, столь правдоподобному по внѣшности, хотя совершенно невѣроятному по содержанію. Не будемъ спорить, съ героемъ Успенскаго, какъ его изображаетъ авторъ, все это могло случиться, какъ могло бы случиться и что-нибудь еще болѣе необыкновенное, потому что онъ человѣкъ особенный—не то святой, не то юродивый, не то просто мокрая курица. Но что же тутъ типичнаго? Мыслимо ли, чтобы это случилось съ вами, со мной, съ любымъ интеллигентомъ, не считающимъ себя обязаннымъ подставлять свою шею и свою спину первому встрѣчному нахалу? «Пошелъ вонъ, дуракъ!»—вотъ краткій и вразумительный отвѣтъ, который далъ бы каждый изъ насъ на мѣстѣ героя Успенскаго и былъ бы совершенно правъ, потому что этотъ отвѣтъ относился бы не къ мужику, не къ «деревенскому пролетарію», а къ безстыдному и наглому человѣку, оборвать котораго всегда полезно. Большой и гибкій талантъ—оружіе могучее, и если бы Успенскій захотѣлъ, онъ, разумѣется, съумѣлъ бы самымъ правдоподобнымъ образомъ разсказать, какъ какого-нибудь интеллигента сельскія власти сначала посадили въ «холодную», а потомъ торжественно выпороли на сельскомъ сходѣ; но неужели значеніе этого эпизода было бы типическое, а не анекдотическое? Неужели на его основаніи мы были бы вправѣ дѣлать какія-нибудь общія заключенія о положеніи и о характерѣ нашей интеллигенціи или объ отношеніяхъ къ ней народа? Если герою Успенскаго угодно пасовать передъ нахалами—деревенскими или не деревенскими—это дѣло его вкусовъ, его характера, его личнаго темперамента, но отнюдь не результатъ его положенія, какъ интеллигентнаго человѣка. Никто и ничто не обязывало его не только выслушивать глупыя рѣчи старшины, но и пускать его къ себѣ.

«Вы баринъ, а я мужикъ, но все же я вашъ начальникъ»—надо быть такимъ человѣкомъ, какъ герой Успенскаго, чтобы на подобное заявленіе отвѣтить: я признаю вашу власть. По естественному ходу вещей послѣ начальника-старшины долженъ придти начальникъ-урядникъ и въ томъ же негодующе-поучительномъ тонѣ изложить свои урядницкія воззрѣнія, затѣмъ начальникъ-становой и т. д. Гостепріимный и кротчайшій герой Успенскаго не только выслушалъ бы ихъ, но, какъ старшину, «просилъ бы говорить»,—но намъ-то какое дѣло? Вольному воля! Герой Успенскаго могъ бы дѣйствительно броситься въ Москву-рѣку и утонуть въ ней, но это еще не значило бы, что щедринскій проектъ относительно интеллигенціи въ самомъ дѣлѣ приводится въ исполненіе. Казанскую сироту, выставляемую Успенскимъ въ качествѣ представителя нашей интеллигенціи, нельзя не пожалѣть по-человѣчеству, но это «сиротство»—его личная, а не общая бѣда. «Пролетарій-плотникъ будоражилъ публику больше всѣхъ. Когда была готова кровать, я далъ этому моему ненавистнику на водку, далъ я ему хорошо и надѣялся, что онъ снизойдетъ ко мнѣ и перестанетъ относиться ко мнѣ съ озлобленіемъ, котораго я ровно ничѣмъ не заслужилъ». Наивность, чудачество и непрактичность не могутъ идти дальше.

Такихъ полемическихъ иллюстрацій по случайнымъ или неважнымъ вопросамъ не мало у Успенскаго. Ихъ источникъ прекрасенъ,—онъ состоитъ въ сильно развитомъ общественномъ чувствѣ или чутьѣ автора, ихъ цѣль безукоризненна,—она заключается въ томъ, чтобы способствовать идеямъ просвѣщенія и добра, восторжествовать надъ противуположными тенденціями. Тѣмъ не менѣе, все это—не творчество, а публицистика. Рѣшительно не обладая качествами публициста и полемиста, Успенскій, въ то же время, непремѣнно хочетъ быть именно публицистомъ, наперекоръ своему художественному дарованію. Тонкій психологъ, превосходный наблюдатель, увлекательный и поучительный повѣствователь, въ распоряженіи котораго находится масса яркихъ образовъ, почерпнутыхъ прямо изъ жизни, Успенскій точно не цѣнитъ этихъ великихъ даровъ Божіихъ, не понимаетъ ихъ значенія, не видитъ ихъ силы и ежеминутно готовъ поступиться ими ради сомнительныхъ экскурсій въ область отвлеченнаго мышленія или въ область полемическаго шаржа, одинаково ему чуждыя и несвойственныя. Какъ тутъ не сказать:

«О, люди! Всѣ похожи вы
На прародительницу Еву!
Что вамъ дано—васъ не влечетъ,
Васъ безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу!
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ—рай не въ рай!»

Такимъ «запретнымъ плодомъ» для Успенскаго является именно публицистика, которая, въ большинствѣ случаевъ, сводится у него просто къ резонерству, безконечно менѣе убѣдительному, нежели его типы и картины. Естественная и даже неизбѣжная въ каждомъ убѣжденномъ, неравнодушномъ писателѣ *тенденціозность* переходитъ зачастую у Успенскаго въ *дидактизмъ*. Успенскій какъ будто опасается, что читатель неправильно поймётъ или не поймётъ совсѣмъ его художественныхъ данныхъ, его типовъ, характеровъ, положеній, и торопится растолковать ихъ. «Се левъ, а не собака»—эта подпись была естественная и полезна подъ скернымъ рисункомъ. Но когда такую же подпись вы встрѣчаете подъ картиной, на которой «левъ» изображенъ какъ нельзя лучше и художественнѣе, вы подивитесь наивности художника и недовѣрію его къ своему изобразительному таланту. Еще болѣе вы подивитесь, когда художникъ, великолѣпнѣйшимъ образомъ нарисовавши «льва», упрямо будетъ увѣрять васъ, что онъ нарисовалъ «собаку». А это съ Успенскимъ случается, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ героя разсказа *На травкѣ*: подъ фигурою добродушнаго разгильдяя, котораго только лѣнивый не обидитъ и не обманетъ, значится подпись: «представитель гонимой русской интеллигенціи». Успенскій—это Самсонъ, самъ себѣ подстригающій волосы, это первостепенный живописецъ, мечтающій о сотрудничествѣ въ *Пончѣ* или въ *Кладерадачѣ*, это тонкій аналитикъ, психологъ и бытописатель, снѣдаемый желаніемъ сдѣлаться фельетонистомъ.

III.

Если бы Успенскаго и его міросозерцаніе нужно было опредѣлить однимъ какимъ-нибудь терминомъ, мы сказали бы, что онъ—скептикъ, а его воззрѣнія—упорный, хотя и не совсѣмъ послѣдовательный скептицизмъ. Онъ относится если не всегда съ

проніей, то всегда съ негодованіемъ какъ къ «отраднымъ явленіямъ», такъ и къ «явленіямъ, надъ которыми можно призадуматься», говоря его собственными насмѣшливыми выраженіями. Само собою разумѣется, что скептицизмъ нисколько не исключаетъ идеала, точно также какъ анализъ не ведетъ непремѣнно къ безвѣрію, къ индифферентизму. Наоборотъ, если такой недовѣрчивый писатель, такой сомнѣвающійся умъ обрѣтетъ, наконецъ, явленіе или идею, которыя не потускнѣютъ даже подъ его анализомъ, онъ привяжется къ нимъ съ особенною силой. Такому писателю, какъ Успенскій, страдающему, по его собственному выраженію, «несчастною болѣзнью—любовью къ ближнему», нельзя жить безъ вѣры, и онъ дѣйствительно вѣруетъ крѣпко. Дѣло въ томъ, что его скептицизмъ имѣетъ не столько теоретическій, сколько практическій характеръ, относится не къ идеямъ, не къ идеаламъ, а къ осуществленію этихъ идей въ нашей жизни. Идеи «правды и милости», какъ идеи, нельзя не уважать и не любить, но на сколько, напримѣръ, нашъ такъ называемый «новый судъ» можетъ служить представителемъ и вмѣстилищемъ этихъ идей, это для Успенскаго очень большой вопросъ. Онъ судитъ объ этомъ дѣлѣ не какъ спеціалистъ и не какъ теоретикъ, а какъ глубокій знатокъ русской жизни, чрезвычайно богатой всяческими сюрпризами, несмотря на ея кажущуюся монотонность. Его пріемъ въ данномъ случаѣ простъ и вполнѣ художественъ: онъ рисуетъ фактъ, вѣрность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, а затѣмъ—опять-таки въ видѣ живого образа, а не отвлеченнаго разсужденія—намекаетъ на внутренній смыслъ этого факта. Баба подала въ мировой съѣздъ кассаціонную (не апелляціонную, замѣтьте) жалобу на приговоръ мирового судьи, который присудилъ оштрафовать бабу пятью рублями за недосмотръ надъ дворовою собакой, а собаку приговорилъ «къ разстрѣлу». Съ живѣйшимъ юморомъ и только съ чуть-чуть замѣтною проніей описываетъ Успенскій серьезную сцену суда: баба говоритъ, разумѣется, «по существу дѣла», а судъ, конечно, убѣждаетъ ее, что этого «существа» она касаться не должна. «Кассаціонный порядокъ!»—возвышая голосъ надъ ревомъ бабы, попытался произнести предсѣдатель, но баба упала на колѣни, завыла, отстаивая собаку, и въ съѣздѣ воцарилось нѣчто совершенно неосновательное. Съ одной стороны, господа судьи и Шапкинъ (прокуроръ) выказывали свойство истинныхъ джентльме-

новъ, умоляя бабу подняться съ колѣнъ и помогая ей въ этомъ; съ другой стороны, едва баба поднялась и открывала ротъ о своихъ нуждахъ, самымъ тѣснымъ образомъ сопряженныхъ съ участью вѣрной собаки, какъ тѣ же джентльмены немедленно опять валили ее на земь требованіемъ держаться законнаго порядка обжалованья. Послѣ довольно продолжительнаго вытья бабы, среди котораго перемѣшивались слова «собачка», «кассація», «къ разстрѣлу», «идея мирового института», «я вдова... мнѣ невозможно...», «апеллируя на неправильность рѣшенія, вы...», «мнѣ легче помереть», судъ ушелъ, потомъ пришелъ, и тутъ Шапкинъ съ своей каоедры окончательно пошабашилъ бабу: разсмотрѣвъ ее со множества сторонъ, подведя множество законныхъ основаній, онъ *полагалъ бы* приговорить бабу къ штрафу въ объемѣ тѣхъ же пяти рублей, но собаку оставить въ живыхъ *(Разоренье)*. Ироническое отношеніе автора къ суду вообще и къ Шапкину въ особенности не подлежитъ сомнѣнію, но онъ отнюдь не обвиняетъ ихъ и безпристрастно предоставляетъ имъ сказать слово въ свою пользу.

«— Развѣ ты не понимаешь, чего она хочетъ?—говорила жена Шапкина.

— Разумѣется, понимаю... Но видишь, въ чемъ дѣло...

— Такъ зачѣмъ же ты не слушаешь ее? Она говоритъ свое, а ты свое.

— Поэтому-то мы оба и правы: она говоритъ, что ей нужно, а я—что мнѣ нужно.

— Да она не понимаетъ тебя! Ты былъ въ университетѣ, а она...

— Чѣмъ же я виноватъ, что она не была въ университетѣ?

Шапкинъ улыбался. Жена молчала.

— Я самъ въ томъ же положеніи, какъ и она. Я не могу ей сдѣлать добра потому, что она тоже не можетъ доставить мнѣ удовольствія быть ей полезнымъ. Когда мы будемъ вмѣстѣ съ ней по одной книжкѣ читать, тогда все это и кончится»...

Очевидно, тутъ можно разсуждать какъ угодно и сколько угодно. Бабу очень жаль, но, въ то же время, «чѣмъ же виноватъ» Шапкинъ? Судъ хорошо исполнилъ свою серьезную обязанность, почему же въ результатѣ вы, подобно женѣ прокурора, чувствуете себя нравственно неудовлетвореннымъ, почти оскорбленнымъ? На эту тему, повторяю, можно разсуждать и такъ, и этакъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что вы *будете разсуждать*, и къ этой необходимости привелъ васъ Успенскій. На вашихъ глазахъ «от-

радное явленіе» нечувствительно, незамѣтно, черточка за черточкой превратилось подъ его перомъ въ «явленіе, надъ которымъ можно призадуматься». Въ вашъ наивный оптимизмъ прилила струя оздоровляющаго скептицизма писателя, и *теперь* вы уже не будете слѣпо восхищаться джентльменствомъ Шапкина, вспоминая гоголевскаго городничаго («ахъ, вы, аршинники, самоварники, надувалы морскіе! жаловаться?») или даже городничаго Островскаго («какъ васъ судить: по душѣ или по закону?»). Писатель указываетъ вамъ на критеріи болѣе серьезные, нежели простая внѣшняя культурность, онъ напоминаетъ о нравственной, внутренней правдѣ, которая далеко не то же, что юридическая справедливость. А тамъ судите какъ хотите, разыскивайте «виноватыхъ», если это безплодное занятіе еще не успѣло вамъ надоѣсть.

Вотъ другое «отрадное явленіе»—земство, въ основѣ котораго опять-таки лежитъ прекраснѣйшая идея, надъ которою Успенскій не позволитъ себѣ малѣйшей насмѣшки. Но онъ не отказывается отъ своего права опять показать намъ, во что превращается даже самый прекрасный принципъ на почвѣ нашей непрекрасной дѣйствительности. Небольшой разговоръ автора съ умнымъ и бывалымъ крестьяниномъ сразу охлаждаетъ ваши восторги:

«— Да вонъ одинъ баринъ нашелся, на свой счетъ повезъ гласнаго въ губернію, такъ тотъ и то вылъ.

— Отчего же выть?

— Да оттого выть, что номеръ было въ городѣ-то... Посиди-ка на постояломъ дворѣ, али бы въ гостинницѣ безъ дѣла... небось! Спалъ-спалъ, пошелъ подъ ворота посидѣлъ, потомъ опять въ номеръ... Ну-кося? Мужикъ-то пріѣхалъ оттэдова ровно щепка, худой...

Я упомянулъ было о томъ, что мужикъ, какъ гласный, могъ и долженъ бы былъ интересоваться губернскимъ собраніемъ, могъ тамъ говорить о своихъ нуждахъ.

— Ахъ, вы, господа, господа!..—сказалъ Иванъ Николаичъ.—Гов-ворить! да нешто онъ умѣетъ это?.. Чудаки вы, ей-Богу!.. Тамъ нешто по-мужицки надо?.. Да ежели онъ какое-нибудь слово выворотитъ, такъ, вѣдь, ему въ самое горло звонокъ-то запустятъ, да тамъ и зазвонятъ. Да и говорить-то ему не о чемъ.

— Какъ?

— А такъ. У нихъ, у членовъ-то, вѣдь, все кругомъ родня, всѣ они другъ-дружкѣ либо братъ, либо сватъ... Ужъ они всѣ дѣла знаютъ! Одинъ другому «шу-шу», ужъ они не продадутъ! Будемъ такъ говорить: остался ты тутъ недоволенъ, пошелъ въ губернію,—опять же они самые сидятъ... такъ

аль нѣтъ? Стало быть, какой же тутъ разговоръ, изволишь видѣть?.. Ну, и пойдешь въ номеръ спать» *(Тише воды, ниже травы).*

Этими двумя примѣрами мы и ограничимся, хотя могли бы привести ихъ сколько угодно. Своему скептическому отношенію къ вещамъ и людямъ Успенскій никогда не измѣняетъ. Чѣмъ культурнѣе внѣшность явленія, чѣмъ важнѣе принципы, на которыхъ оно, будто бы, покоится или которые, будто бы, выражаетъ, тѣмъ тщательнѣе, можно сказать—придирчивѣе анализъ Успенскаго. Онъ не злорадствуетъ, а, какъ всегда, груститъ, развѣнчивая то или другое явленіе, но развѣнчиваетъ безъ пощады. Любимое словцо Успенскаго, также какъ и симпатичныхъ ему героевъ—«по-божески». Хорошо, что «по-божески», дурно, что не «по-божески», т.-е. хорошо то, что удовлетворяетъ совѣсть, дурно, что возмущаетъ ее. А культурна или не культурна форма, «ты» или «вы», зипунъ или фракъ, черная или бѣлая кость,—это для него безразлично.

Положеніе такихъ писателей, какъ Успенскій, всегда очень тяжело и уединенно. «Тебѣ одному истина, а намъ только стремленіе къ истинѣ»,—это изреченіе великаго нѣмца недаромъ такъ общеизвѣстно и популярно: истина зачастую ужасна, зачастую неприглядна, «низка» и вотъ—«тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Такова логика большинства изъ насъ, но Успенскій принадлежитъ къ меньшинству, которое цѣнитъ не процессъ, а результатъ,—не стремленіе къ истинѣ, а самую истину. Не то, чтобы люди этого меньшинства были умнѣе или талантливѣе другихъ,—трудно быть умнѣе Лессинга и мудрено быть талантливѣе Пушкина,—но они—демократы по природѣ и въ этомъ своемъ качествѣ не брезгливы и не пугливы. Миѳологическій царь, выпросившій себѣ у боговъ даръ превращать простымъ прикосновеніемъ руки каждый предметъ въ золото, очень скоро созналъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ и рисковалъ умереть съ голоду. Даръ Успенскаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы съ каждаго предмета совлекать прикрывающія и прикрашивающія его оболочки, и Успенскій это дѣлаетъ если не безстрастно, то вполнѣ безстрашно, и оттого онъ, въ общемъ, такъ унылъ и грустенъ, несмотря на весь свой юморъ, который, въ сущности, ничто иное, какъ россійское завиванье горя веревочкой.

Мало у насъ писателей, которые такъ же бы разносторонне и глубоко знали русскую жизнь, какъ знаетъ ее Успенскій. Это зна-

ніе онъ добылъ, конечно, частью путемъ непосредственнаго наблюденія, а, главнымъ образомъ, благодаря именно той способности *угадывать*, о которой мы уже говорили выше. Въ его произведеніяхъ читатель найдетъ представителей всевозможныхъ общественныхъ слоевъ изъ дореформенной и пореформенной эпохи,—администраторовъ, начиная съ городового и урядника, стараго и новаго покроя купцовъ, земцевъ, священниковъ, мѣщанъ, всякаго рода разночинцевъ, интеллигентныхъ и не интеллигентныхъ, и, наконецъ, мужика, главнаго объекта вниманія и изученія Успенскаго. Самое разнообразіе этой коллекціи указываетъ на то, что *выносить*, какъ говорятъ эстетики, свои образы Успенскій не имѣлъ возможности. Почти всегда Успенскій даетъ только рисунки, абрисы, наброски, а не цѣльныя картины. Его произведенія—это рядъ мастерскихъ этюдовъ, которые много даютъ и теперь, но еще гораздо больше обѣщаютъ: какова же, думается вамъ, будетъ картина, которую, наконецъ, создастъ художникъ, подготовившій себя *такими* этюдами? Но въ томъ-то дѣло, что картины этой никогда не будетъ, если кореннымъ образомъ не измѣнится наша жизнь или если не переродится самъ Успенскій. Наша жизнь—одна изъ тѣхъ, которыя наименѣе удовлетворяютъ требованіямъ мыслящаго человѣка (вѣдь, «мы молоды»), а Успенскій—одинъ изъ самыхъ требовательныхъ писателей, потому что онъ аналитикъ и скептикъ по преимуществу. Вотъ основная, общая причина (не говоря о причинахъ субъективныхъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи), почему Успенскій такъ нервенъ, почему онъ не наблюдаетъ спокойно, и, тѣмъ болѣе, не созерцаетъ, а какъ бы мечется съ тревогою по пустынѣ нашей дѣйствительности, неустанно вопрошая: «есть ли въ семъ полѣ живъ человѣкъ?» Не обрѣтая «живого человѣка», онъ создаетъ его силою своей фантазіи, какъ это случилось съ нимъ въ началѣ его литературной карьеры; герой *Разоренья*, рабочій Михайло Ивановичъ, талантливѣйшимъ образомъ разсуждающій и агитирующій на тему, что «пора простому человѣку дать дыханіе»,—это, конечно, не типъ, даже не фотографія случайнаго и необыкновеннаго явленія, а просто символъ и показатель личныхъ симпатій автора.

Въ образованномъ обществѣ, въ жизни нашихъ культурныхъ классовъ, не нашлось почти совсѣмъ ни людей, ни явленій, которые бы могли выдержать критику Успенскаго, и онъ обратился къ

народной жизни,—обратился не только въ силу свойствъ своего дарованія, но и потому, что народная жизнь, столь непохожая на нашу жизнь, давала возможность надѣяться, что именно въ ея таинственныхъ нѣдрахъ и скрывается тотъ «свѣтъ въ откровеніе языкомъ», увидѣвъ который, можно съ облегченіемъ воскликнуть: «нынѣ отпущаеши!» Не этою ли надеждой жива наша такъ называемая славянофильская партія? Какъ некрасовскій «убогій странникъ», Успенскій «долго не разгадывалъ, безъ дороги въ путь пошелъ», а путемъ-дорогой спрашивалъ: «мужикъ! ты тепло ли живешь, хорошо ли ѣшь-пьешь, что ты бабу-то бьешь, что въ кабакъ ты идешь?» Отвѣтъ былъ все одинъ и тотъ-же—прежній, старый отвѣтъ:

«Голодно, странничекъ, голодно,
Холодно, родименькій, холодно!
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!»

Съ холоду, съ голоду и, кромѣ того,—прибавляетъ Успенскій,—спьяна, сдуру, сослѣпа. Тѣмъ не менѣе, свои общественные и нравственные идеалы онъ почерпаетъ изъ народной жизни, которая, несмотря на всѣ свои изъяны, все-таки несравненно выше, по его убѣжденію, нежели наша культурная жизнь. Успенскій нисколько не идеализируетъ народъ, относится къ нему такъ же прямо и независимо, какъ и къ намъ, и тѣмъ любопытнѣе и важнѣе общій выводъ, къ которому онъ пришелъ.

IV.

Намѣреваясь представить читателю положительные идеалы Успенскаго, я чувствую себя въ довольно затруднительномъ положеніи. Насколько Успенскій ясенъ и простъ въ своихъ отрицательныхъ указаніяхъ, въ своемъ анализѣ, настолько же онъ нерѣшителенъ въ своихъ утвержденіяхъ, въ своемъ синтезѣ. Казалось бы, какія сомнѣнія могутъ возникнуть относительно симпатій писателя, который говоритъ, напр., такія рѣчи:

«Проникнувшись непреложностью и послѣдовательностью взглядовъ, исповѣдуемыхъ Иваномъ Ермолаевичемъ (крестьяниномъ), я почувствовалъ, что они совершенно устраняютъ меня съ поверхности земного шара... Всѣ мои книжки, въ которыхъ объ одномъ и

томъ же вопросѣ высказываются сотни разныхъ взглядовъ, всѣ эти газетныя лохмотья, всякія гуманства, воспитанныя досужею бел-летристикой,—все это, какъ пыль, поднимаемая сильными порывами вѣтра, было взбудоражено естественною «правдой», дышащею отъ Ивана Ермолаевича... Не имѣя подъ ногами никакой почвы, кромѣ книжнаго гуманства, будучи расколотъ надвое этимъ гуманствомъ мыслей и дармоѣдствомъ поступковъ, я, какъ перо, былъ поднятъ на воздухъ дыханіемъ правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовалъ, какъ и я, и всѣ эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры,—всѣ мы безпорядочною, безобразною массой, со свистомъ и шумомъ летимъ въ бездонную пропасть...» (*Крестьянинъ и крестьянскій трудъ*).

Тутъ можно много говорить *за*, еще болѣе *противъ*, говорить по самому содержанію и существу дѣла, но тутъ нечего характеризовать: приведенный отрывокъ говоритъ самъ за себя и имѣетъ только одинъ для всѣхъ очевидный смыслъ. Это—страстное проклятіе нашей цивилизаціи, это, въ то же время, торжественный гимнъ тому, что непричастно и противуположно цивилизаціи, не дикости, не звѣрству (какъ антиподу «гуманства»), а «естественной правдѣ». Самъ Толстой не могъ бы сказать рѣшительнѣе и прямѣе.

Это проклятіе или этотъ гимнъ находится на 51 страницѣ седьмого тома *Сочиненій* *) Успенскаго, а на 96 страницѣ того же тома мы, къ неописанному удивленію нашему, находимъ слѣдующее признаніе автора: «Вѣдь, говоря по совѣсти, я знаю же, что цивилизація выдумала массу добра для человѣчества; вѣдь, по сущей совѣсти я знаю, что моя-то личная жизнь значительно облегчена, услаждена, благодаря этой, настоящей цивилизаціи». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и на пятьдесятъ первой страницѣ Успенскій, какъ всегда и какъ вездѣ, тоже говорилъ «по совѣсти», «по сущей совѣсти», и, однако, какими средствами, какими діалектическими ухищреніями примирить эти два признанія? Правда, Успенскій говоритъ о *настоящей* цивилизаціи и остроумно иронизируетъ надъ «проклятіями цивилизаціи, умышленно представляемой въ видѣ свинства», т.-е. въ видѣ кабаковъ, наклонности къ разрушенію семейныхъ порядковъ, «пиджака», «кадрили», «петровской папиросы»

*) Мы вездѣ цитируемъ по восьмитомному изданію Павленкова 1883—84 гг.

и т. д. Но, вѣдь, на пятьдесятъ первой страницѣ рѣчь шла не о пиджачной, не о трактирно-фабричной цивилизаціи, въ «бездонную пропасть» летѣли отъ дуновенія мужицкой правды не кабаки и петровскія папироски, а «всякія гуманства, всѣ эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры», т.-е. какъ разъ всѣ тѣ вещи, благодаря которымъ наша «личная жизнь значительно облегчена, услаждена» и совокупность которыхъ составляетъ «настоящую» цивилизацію. Устранить это противорѣчіе нельзя, но объяснить его можно. Успенскій работаетъ не какъ художникъ-олимпіецъ, а какъ самый обыкновенный журнальный работникъ—торопясь подѣлиться съ читателемъ своими наблюденіями и своими выводами далеко еще, быть можетъ, не достигшими надлежащей основательности и зрѣлости. Очарованный Иваномъ Ермолаевичемъ и его «правдою», Успенскій поспѣшилъ сообщить читателю о необычайной нравственной красотѣ своего новаго знакомца и предалъ проклятію цивилизацію. Дальнѣйшія ознакомленіе и размышленіе показали ему, что въ Иванѣ Ермолаевичѣ не все «правда», а въ только что проклятой цивилизаціи не все ложь и «свинство»,—и Успенскій сообщаетъ намъ и объ этомъ новомъ своемъ настроеніи и новомъ взглядѣ. Мы, читатели, такъ сказать, присутствуемъ при самыхъ творческихъ мукахъ мысли Успенскаго. Этотъ писатель даетъ намъ не результатъ своей умственной работы, какъ другіе, не общій только выводъ, подкрѣпленный различными данными и фактами, онъ заставляетъ насъ продѣлать весь тотъ умственный процессъ, который онъ продѣлалъ самъ, пройти предварительно чрезъ всѣ тѣ проселки и тропинки, которые вывели его, наконецъ, на широкій путь, прямо ведущій къ истинѣ. Малоопытному читателю Успенскаго ни на минуту не слѣдуетъ забывать этихъ свойствъ своего руководителя, иначе онъ рискуетъ такъ и остаться на глухой лѣсной тропинкѣ, въ полной увѣренности, что это и есть настоящій путь, открытый Успенскимъ. Ничуть не бывало: Успенскій горько и грозно покараетъ, но подождите немного—онъ же и помилуетъ. Онъ осмѣетъ и спуститъ въ «бездонную пропасть» многое множество дорогихъ для васъ вещей, но вы не тревожьтесь—онъ же собственноручно и извлечетъ ихъ изъ пропасти. Все это любопытно, но не первостепенно важно: дѣйствительно, важно лишь *послѣднее* слово Успенскаго, то слово, въ которомъ суммируется весь смыслъ терзаній, скитаній, утвержденій и отрицаній, при ко-

торыхъ вы присутствовали и которыя даже вы не безъ мученія раздѣлили съ авторомъ. Въ чемъ же заключается это послѣднее слово Успенскаго, тотъ идеалъ, который онъ окончательно и уже безповоротно устанавливаетъ? Дѣло такъ важно, что я не рѣшаюсь изложить его съ точки зрѣнія собственнаго пониманія и считаю необходимымъ представить читателю формулу Успенскаго въ подлинникѣ. Вотъ эта многозначительная формула.

«Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ, безъ сомнѣнія, есть Платонъ Каратаевъ, такъ удивительно изображенный графомъ Л. Толстымъ въ *Войнѣ и мирѣ*. Какія же это типическія наши народныя черты?

Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ... Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю ласковую къ нему нѣжность, ни на минуту бы не огорчился разлукой съ нимъ...

Откуда, какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго непрестаннаго соприкосновенія съ ней, съ ея вѣчною лаской и вѣчною враждой, могли выработаться такія типичнѣйшія черты духа?.. «Онъ никогда не любилъ»... «Онъ ничего не значилъ самъ по себѣ» — вотъ черты, которыя мы ежеминутно встрѣчаемъ въ нашемъ народѣ и которыя прямо вошли въ его душу отъ рѣки, отъ травы, отъ земли, лѣса, солнца. Мать природа, воспитывающая милліоны нашего народа, вырабатываетъ милліоны такихъ типовъ, съ одними и тѣми же духовными свойствами. «Онъ — частица», «онъ самъ по себѣ—ничто», «онъ любовно живетъ со всѣмъ, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь», и «ни на минуту не жалѣетъ, разлучаясь»... Такая частица мретъ массами на Шипкѣ, въ снѣгахъ Кавказа, въ пескахъ Средней Азіи... «Жизнь его, какъ отдѣльная жизнь, не имѣетъ смысла». Эта, не имѣющая смысла, жизнь, не любя никого отдѣльно, ни себя, ни другихъ, годна на все, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь... Все можетъ сдѣлать Платонъ: «Возьми и свяжи... возьми и развяжи», «застрѣли», «освободи», «бей», «бей сильнѣй» или «спасай», «бросайся въ воду, въ огонь для спасенія погибающаго»,—словомъ, все, что даетъ жизнь, все принимается, потому что ничто не имѣетъ отдѣльнаго смысла, ни я, ни то, что дала жизнь... Въ крымскую войну такихъ Платоновъ умирало безъ слѣда, безъ жалобы тысячи, десятки тысячъ. 20 тысячъ ихъ легло на Зеленыхъ горахъ въ одинъ день... Сотни тысячъ ихъ умираетъ ежегодно по всей Россіи — безмолвно, безропотно, какъ трава, и сотни тысячъ, такъ же какъ трава, родятся... Все это черты чисто наши, родныя, россійскія,—черты той страны, гдѣ десятки милліоновъ ежедневно слушаютъ мать-природу, въ которой, какъ и въ нихъ, нѣтъ исключительной

любви, нѣтъ смысла въ отдѣльномъ существованіи камня, дерева, ручья... Это все—наше, но это не все.

А тотъ типъ, который гонитъ Платона и по горамъ, и по степямъ? Тотъ, кто заставляетъ его спасать и губить? Тотъ, кто неотступно слѣдуетъ по его пятамъ, глядя, какъ онъ мретъ тысячами, и только облизывается, видя, что отъ этихъ смертей увеличивается и толстѣетъ его карманъ?... Развѣ это не нашъ типъ? Развѣ не «ничтожество», сознаваемое Платономъ, воспитало его, развило, раскормило, раздуло его страсть къ произволу, къ «здраву», до громадныхъ размѣровъ? Нѣтъ, именно Платонъ, именно его философія, именно его безропотное, безсловесное служеніе «всему, что даетъ жизнь», выкормило у насъ другой типъ хищника для хищничества, артиста притѣсненія, виртуоза терзанія... Отдѣлять эти два типа другъ отъ друга невозможно—они всегда существовали рядомъ другъ съ другомъ.

Но въ далекую старину между ними, какъ мы уже говорили, виднѣлась третья фигура, третій типъ,—типъ человѣка, который, во-первыхъ, любилъ и, во-вторыхъ, любилъ «правду». Безропотно, какъ трава въ полѣ, погибающій, какъ трава, живущій, Платонъ, однако, думалъ, что «Богъ правду видитъ, но не скоро скажетъ». И умиралъ, не дождавшись этой правды. Третья фигура, о которой мы говоримъ и которую мы называемъ народною интеллигенціей, именно и говорила эту правду; худо-ли, хорошо-ли, но она заступалась за Платона противъ хищника, которому сулила адъ, огонь, крюкъ за ребро» (*Власть земли*).

Успенскій въ союзѣ съ Львомъ Толстымъ—какая неожиданность! Правда, и на этотъ разъ Успенскій остался вѣренъ себѣ, своей манерѣ: только что почтительно поклонившись Толстому, онъ немедленно поворачивается къ нему спиной и начинаетъ говорить о типѣ «хищника для хищничества, артиста притѣсненія, виртуоза терзанія»,—типѣ, вскормленномъ и воспитанномъ каратаевскою безропотностью. Дѣйствуя среди совершенно иныхъ общественныхъ и литературныхъ теченій, нежели Толстой, Успенскій не могъ забыть объ этомъ типѣ, тогда какъ для творца Каратаева тутъ даже не существовало никакого вопроса. Толстой рисовалъ и разсматривалъ своего непосредственнаго героя an und für sich, какъ самостоятельный нравственный міръ, безъ всякаго отношенія къ пользамъ и нуждамъ практической жизни. Успенскій такъ не можетъ, потому что не тѣ его умственныя привычки: жизнь и интересы общества для него важнѣе жизни личности. Каратаевъ прекрасенъ,—противъ этого Успенскій не споритъ, — но на почвѣ каратаевскаго благодушія и прекраснодушія выросъ такой чертополохъ, что, пожалуй, было бы лучше, если бы Каратаевъ былъ не такъ добръ и незлобенъ! Этимъ Успенскій вноситъ въ идеалъ Толстого такую огром-

ную поправку, что вопросъ совершенно измѣняетъ свою физіономію. Овца— кроткое существо и на землѣ былъ бы миръ и благоволеніе, если бы мы, люди, всѣ безъ исключенія были овцами. Къ несчастію, есть люди-волки, которымъ живется тѣмъ сытнѣе, чѣмъ безотвѣтнѣе овцы, и такъ какъ противъ законовъ природы не пойдешь, волчью породу и волчьи инстинкты не сотрешь съ лица земли, то нужно найти какой-нибудь *modus vivendi*, чтобы овцамъ было поспокойнѣе. Толстой, какъ извѣстно, истощается въ усиліяхъ убѣдить и упросить волковъ, чтобы они перестали быть волками, а овецъ—чтобы онѣ оставались овцами и отнюдь не противились злу. Успенскій не такъ прямолинеенъ. Онъ зоветъ къ овцѣ-Каратаеву пастыря-заступника, и эту роль отводитъ «народной интеллигенціи», въ лицѣ которой и находитъ, наконецъ, осуществленіе и нравственно-индивидуальнаго, и общественнаго своего идеала.

Не вдаваясь пока въ обсужденіе этого идеала по его содержанію, сдѣлаемъ только одно, почти формальное, замѣчаніе. Что такое идеалъ? Это, конечно, синтезъ всѣхъ добрыхъ началъ и силъ, которыхъ задатки *вы находите въ конкретной дѣйствительности* и которымъ вы, въ своемъ сознаніи, даете высшую степень развитія. Подчеркнутыя нами слова выражаютъ условіе, безъ котораго идеалъ превращается просто въ фантазію, витающую въ воздушныхъ пространствахъ и не имѣющую никакихъ корней въ землѣ. Это такъ просто, что не требуетъ, надѣюсь, дальнѣйшихъ поясненій. Теперь послушаемъ еще немного Успенскаго:

«Какъ же обстоятъ дѣла теперь? Теперь мы видимъ только двѣ фигуры—Платона и хищника. Третьей фигуры—человѣка, который бы могъ заикнуться о той правдѣ, которую Богъ видитъ и которую говоритъ устами людей, нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, все на сторонѣ хищника. На сторонѣ его земельное разстройство массъ, разстройство душевнаго удовлетворенія ихъ трудомъ; разстройство это гонитъ ихъ къ хищнику внутренно обезсиленными, сознающими свое ничтожество гораздо сильнѣе, чѣмъ сознавалъ его Каратаевъ».

Ты глаголеши... «*Нѣтъ и въ поминѣ*»—это говоритъ самъ Успенскій. Ему слѣдовало бы сказать: есть именно только въ *поминѣ*, былъ «въ далекой старинѣ» и олицетворялся этотъ типъ народнаго интеллигента въ такихъ людяхъ, какъ Тихонъ Задонскій. Такимъ образомъ, идеалъ Успенскаго покоится не на реальностяхъ,

а на возможностяхъ, не на практическомъ, а на чисто-историческомъ основаніи. Хорошенько запомнимъ этотъ пунктъ, въ виду его важности для дальнѣйшаго разъясненія дѣла.

На этомъ мы можемъ покончить съ писательскою личностью Успенскаго и обратиться къ его воззрѣніямъ. Я хотѣлъ было сдѣлать резюме всему сказанному, но, прочитавши свою статью, убѣдился, что эту задачу можно предоставить самодѣятельности читателя.

Интеллигенція въ произведеніяхъ Успенскаго.

«Что это за люди!—думалось ему.—
И жаль и, кажется, убилъ бы...
Тьфу!»

(Разоренье).

I.

Въ романѣ Толстого *Война и миръ*, въ первой главѣ, описывается вечеръ у фрейлины Анны Павловны Шереръ и читатель находитъ, между прочимъ, такое замѣчаніе автора: «Пьеръ зналъ, что тутъ собрана вся интеллигенція Петербурга».

Вся интеллигенція Петербурга... Несомнѣнное преувеличеніе, заключающееся въ этихъ словахъ, все-таки, не кажется намъ чрезмѣрнымъ. Если не въ одномъ, то въ десяткѣ салоновъ въ самомъ дѣлѣ можно было бы размѣстить «всю» интеллигенцію Петербурга девяносто лѣтъ тому назадъ, когда образованіе было случайностью, а не потребностью,—привиллегіей, а не правомъ, когда не существовало ни литературы, ни журналистики, ни такъ называемыхъ «свободныхъ профессій» и каждый интеллигентъ былъ непремѣнно чиновникомъ военнаго или гражданскаго вѣдомства.

Теперь нашу интеллигенцію не размѣстить ни по салонамъ, ни даже по канцеляріямъ. Нашъ прогрессъ идетъ медленно и трудно, съ пріостановками и отступленіями, но идетъ все-таки, наше мо-

лодое общество, если еще и не достигло совершеннолѣтія, все-таки уже вышло изъ младенчества и молоко на его губахъ давно обсохло. Не такъ давно кто-то изъ нашихъ диллетантовъ-соціологовъ стронинской школы высчитывалъ возрасты европейскихъ народовъ, примѣнительно къ возрастамъ человѣка, причемъ оказалось, что англичанамъ и французамъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, нѣмцамъ—за тридцать, а намъ, русскимъ, всего только восемнадцать лѣтъ. Это можетъ быть принято не какъ соціологическая формула (фантастическій вздоръ не можетъ быть такою формулой) и не какъ историческій фактъ (подлинный фактъ тотъ, что намъ, восемнадцатилѣтнимъ, идетъ уже вторая тысяча лѣтъ), а какъ поэтическій образъ или какъ иллюстрація нашего положенія относительно другихъ обществъ.

Никто еще не понялъ законовъ, управляющихъ жизнью обществъ, и не освѣтилъ таинственныхъ процессовъ, совокупность которыхъ составляетъ то, что мы называемъ прогрессомъ. Не все, что существуетъ—живетъ; и не все, что живетъ—ростетъ; но, конечно, все, что ростетъ—прогрессируетъ. Ростетъ дерево—оно прогрессируетъ; ростетъ пожаръ — онъ прогрессируетъ; ростетъ на спинѣ горбуна горбъ—прогрессъ горба не подлежитъ сомнѣнію. Я умышленно взялъ послѣдніе два примѣра, чтобы сразу поставить ту точку зрѣнія, съ которой мнѣ хотѣлось бы пригласить читателя взглянуть на вопросъ объ интеллигенціи. Пусть эта наша точка будетъ *пока* исключительно количественная, а не качественная, объективная, а не субъективная. Ростъ пожара есть ростъ общественнаго бѣдствія и прогрессъ горба есть, въ то же время, регрессъ для горбуна,—все это не подлежитъ сомнѣнію. Но предлагаемая мною точка зрѣнія удобна тѣмъ, что вполнѣ современна. Нужна-ли интеллигенція странѣ вообще? Не «пожаръ» ли она въ нашемъ хозяйствѣ, не «горбъ» ли она на нашемъ организмѣ? Читателю не безъизвѣстно, что такіе вопросы не только возможны, но и популярны въ наше время, и вотъ это-то именно обстоятельство я и имѣлъ въ виду, устанавливая свою безобидную точку зрѣнія. Зло или благо для общей жизни страны ея интеллигенція — этотъ вопросъ мы предоставляемъ вамъ рѣшать по личному вашему усмотрѣнію. Я хочу только показать, что это благо — если это благо—не можетъ быть уничтожено, или что это зло — если это зло—совершенно непоправимо.

Мысли съ вѣтромъ носятся,
Вѣтра не догнать!

какъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній г. Полонскій. Строго говоря, для нашей цѣли этого было бы совершенно достаточно. Въ словахъ поэта заключается та аксіома, что человѣкъ не воленъ въ своихъ мысляхъ—ни въ ихъ возникновеніи, ни въ ихъ направленіи. Можно, подчиняясь тѣмъ или другимъ соображеніямъ, заставить себя говорить не то, что думается, но нельзя принудить себя думать не то и не такъ, какъ думается. Можно, глядя на черный предметъ, утверждать—и даже съ запальчивостью—что онъ бѣлъ, но нельзя въ этомъ убѣдить самого себя, вопреки свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Умъ, какъ и совѣсть, если она дѣятельна въ человѣкѣ, не могутъ быть ничѣмъ подкуплены. И вотъ вамъ психологическая или даже просто физіологическая почва для возникновенія того, что мы называемъ интеллигенціей. Въ каждомъ обществѣ или даже въ каждомъ простомъ собраніи людей, на какой бы низкой степени развитія они ни стояли, есть люди съ болѣе сильнымъ и пытливымъ умомъ, нежели остальные: это въ природѣ вещей, это въ организаціи человѣка—и вотъ вамъ эмбріонъ того «зла» или «добра», которое будетъ называться интеллигенціей. Далѣе, человѣку, будетъ ли онъ Дарвинъ или дикарь, свойственно стремленіе къ передачѣ своихъ мыслей другимъ, какъ свойственно ему дѣлиться и своими впечатлѣніями, и своими ощущеніями. А мысль родитъ мысль. Человѣкъ, слишкомъ умственно слабый и недѣятельный, чтобы самостоятельно размышлять, зажигается или оплодотворяется чужою сильною мыслью,—и вотъ тотъ единственный путь, путь умственнаго общенія людей, благодаря которому ряды «интеллигенціи» становятся все гуще и многочисленнѣе. Мысль, какъ пріобрѣтеніе и богатство не матеріальное, имѣетъ то дивное свойство, что не только не дробится и не истощается, раздѣляясь между многими, а, наоборотъ, увеличивается въ рукахъ каждаго обладателя. Рубль, раздѣленный между десятью человѣками, превращается для каждаго изъ нихъ только въ гривенникъ, но идея переходитъ отъ насъ къ другимъ цѣликомъ, ровно ничего не теряя въ своей цѣнности. Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что вся исторія человѣчества есть исторія развитія распространенія въ немъ идей, т. е. другими словами, есть исторія

развитія и расширенія «интеллигенціи», какъ создательницы и носительницы этихъ идей.

Далѣе, опять-таки—«мысли съ вѣтромъ носятся, вѣтра не догнать». Если непроизволенъ процессъ возникновенія въ человѣкѣ мысли и стихіенъ процессъ ея распространенія въ обществѣ, то столь же непроизволенъ и процессъ ассоціированія идей. Тотъ троглодитъ, который первый вытесалъ изъ кремня топоръ и научилъ имъ дѣйствовать другихъ, послужилъ не только комфорту своихъ сотоварищей, но и ихъ духовному развитію вообще, оказалъ услугу не *культурѣ* только своего племени, но и его *цивилизаціи* *). Благодаря его открытію, въ пещерѣ стало и сытнѣе, и безопаснѣе, но это только одна сторона дѣла, одинъ результатъ чисто-культурнаго свойства. Другой результатъ состоялъ въ пробужденіи умственной работы, поводомъ и матеріаломъ для которой послужилъ чисто-практическій вопросъ объ утилизированіи безформенной каменной глыбы. Для ясности перешагнемъ черезъ добрую сотню тысячъ лѣтъ, отъ каменнаго топора къ какому-нибудь послѣднему техническому изобрѣтенію, наприм., къ бездымному пороху. Благодаря этому изобрѣтенію, удобства колотить врага, при большей возможности самохраненія, конечно, очень возросли, съ чѣмъ и поздравляемъ нашу культуру. Но если мысль самого изобрѣтателя трудилась только въ одномъ этомъ человѣкоубійственномъ направленіи,—это, конечно, еще не значитъ, что импульсъ, данный этимъ изобрѣтеніемъ, дѣйствовалъ на всѣхъ тоже въ томъ направленіи. Вамъ, наприм., человѣку мирному, при извѣстіи о блистательномъ открытіи, стало не весело, а грустно, и вы раздумались, быть можетъ, совсѣмъ, совсѣмъ о другомъ, хотя бы, наприм., вотъ о чемъ:

Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ нимъ довольно мѣста всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

*) Для читателя, желающаго уяснить себѣ въ деталяхъ то противуположеніе, которое я дѣлаю между понятіемъ «культуры» и понятіемъ «цивилизаціи», я позволю себѣ указать на свою старую статью *Литературная злоба дня (Отеч. Записки* 1877 г., январь), гдѣ это противуположеніе развито со всею доступною для меня обстоятельностью.

Другой, по тому же поводу, могъ задуматься надъ вопросомъ о будущности человѣчества вообще или европейскихъ народовъ въ особенности, третій—о характерѣ и значеніи переживаемой нами исторической эпохи и т. д., и т. д. Если всѣ дороги въ Римъ ведутъ, то, вѣдь, значитъ, что и отъ Рима идутъ дороги во всѣ страны свѣта. Вотъ это-то я и называю,—хотя не точно, но удобопонятно,—ассоціированіемъ идей, процессомъ, вслѣдствіе котораго вы, благодаря толчку или побужденію, полученному въ Архангельскѣ, шагъ за шагомъ добрались до вѣчнаго города. Техническое изобрѣтеніе, созданное на прямую пагубу людей, самымъ фактомъ своего появленія, зародило или хотя бы только оживило во многихъ сердцахъ и головахъ чисто-гуманистическіе идеалы, и это уже барышъ цивилизаціи, а не культуры, это косвенный, но, конечно, гораздо болѣе важный результатъ техническаго успѣха, нежели его непосредственныя практическія выгоды.

Все это я говорю для утвержденія той простой мысли, что содержаніе нашего идейнаго багажа не можетъ быть регулировано никакою таможней, что нѣтъ возможности направлять нашу мысль исключительно на предметы, имѣющіе практическую полезность. Кто думаетъ надъ телефономъ,—надъ его изобрѣтеніемъ или о его значеніи,—тотъ *думаетъ*, тотъ упражняетъ свою мыслительную способность, тотъ незамѣтно, быть можетъ, для самого себя воспитываетъ въ себѣ критическія привычки. Нельзя, чтобы общество, развиваясь въ культурномъ отношеніи, не развивалось въ цивилизаціонномъ, невозможно, чтобы, усвоивая себѣ техническія изобрѣтенія, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, ухитрилось уберечься отъ идей совершенно другой категоріи. Чудеса современной техники возбуждаютъ мысль вообще, а «мысли съ вѣтромъ носятся». Интеллигенція есть совокупность мыслящихъ, но не однородныхъ, не одинаковыхъ людей. Одного привлекаютъ задачи техники, другаго—задачи науки, третьяго—вопросы философіи, четвертаго—идеалы соціальной справедливости и личной нравственности. Честь и слава людямъ, открытія которыхъ облегчаютъ нашу жизнь, умножаютъ нашъ комфортъ, ограждаютъ и улучшаютъ наше матеріальное существованіе; но такъ какъ не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ, то воздадимъ славу и тѣмъ, кто работаетъ на пользу нашего духа. Развѣ всѣ существующія и всѣ существовавшія религіи—не плодъ благороднаго стремленія тѣхъ, въ

комъ жажда идеала была особенно жива и дѣятельна? И развѣ эти люди—не интеллигенція, не та «соль земли», безъ которой нѣтъ вкуса въ жизни, нѣтъ счастія, а только прѣсное прозябаніе? И развѣ, съ другой стороны, можетъ быть такое улучшеніе въ нашей внѣшней, матеріальной жизни, которое бы фатально не вело къ усиленію нашей внутренней, духовной жизни? Всѣ великолѣпныя завоеванія новѣйшей техники, отъ парохода до телефона, способствуютъ тѣснѣйшему общенію людей и націй между собою, а гдѣ общенія, тамъ разнообразіе и богатство жизни, не только матеріальной, но и умственной, тамъ обмѣнъ не товарами только, но и идеями.

И такъ, происхожденіе и существованіе интеллигенціи есть фактъ не только историческій, но и органическій. Интеллигенція—не наростъ на тѣлѣ общества или человѣчества, не «горбъ», а одинъ изъ самыхъ существенныхъ органовъ соціальнаго организма. Прогрессъ интеллигенціи, качественный и количественный, есть, въ то же время, прогрессъ самого народа. Болѣе того, сущность прогресса (въ практическомъ смыслѣ) состоитъ именно въ томъ, что просвѣщеніе проникаетъ все глубже и глубже, распространяется все шире и шире, безчисленная армія людей непосредственности все уменьшается, а небольшая дружина людей сознательности все увеличивается. Въ ряды интеллигенціи вступаютъ теперь люди совершенно обыкновенныхъ способностей, достаточныхъ лишь для того, чтобы воспринять чужую мысль, и въ этомъ огромная выгода современнаго просвѣщенія, которое вооружаетъ безоружныхъ, даетъ силу безсильнымъ отъ природы. Да, «знаніе—сила», это—нашъ послѣдній и лучшій аргументъ. Кто хочетъ жить,—будетъ ли то личность, или общество, или нація,—тотъ долженъ бороться, а для борьбы нужна сила, и сила дается знаніемъ и сознаніемъ. Интеллигенція есть обладательница знанія, это не только ея привиллегія, но и ея миссія, не только право, но и обязанность, и если, по отношенію къ интеллигенціи той или другой страны, можетъ возникнуть какой-нибудь вопросъ, то лишь вопросъ о томъ, хорошо или дурно она исполняетъ свою миссіонерскую задачу, праведно или неправедно пользуется своимъ привиллегированнымъ положеніемъ.

Наша русская интеллигенція... вотъ предметъ, о которомъ трудно хладнокровно резонировать, говорить безъ горечи и безъ стра-

сти. «Мы, русскіе, другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ», какъ писалъ въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ нашихъ историческихъ людей, и въ этихъ словахъ содержится довольно мѣткое указаніе на нашу основную черту. Эта черта—недостатокъ самоуваженія. Не отъ злости мы «ѣдимъ» другъ друга, а въ силу тайнаго убѣжденія, что и тотъ, кого мы «ѣдимъ»—дрянь и сами мы—нуль, и тотъ, кто насъ въ свою очередь съѣстъ—ничтожество. Да не подумаетъ читатель, что я хочу испытывать его терпѣніе проповѣдью «самобытности» въ духѣ дикой китайщины, предпочитающей дурное свое хорошему чужому. Моя мысль иная и я поясню ее примѣрами изъ области нашей литературы. Въ лучшихъ художественныхъ произведеніяхъ нашихъ почти всегда фигурируютъ представители интеллигенціи, то эпизодически, то прямо въ качествѣ «героевъ нашего времени». Каково отношеніе авторовъ этихъ произведеній—представителей интеллигенціи—къ своимъ героямъ, представителямъ той же самой интеллигенціи? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безжалостно-ироническое, иногда съ примѣсью состраданія, а иногда почти явнаго презрѣнія. Вспомните коллекцію, наприм., «лишнихъ людей» Тургенева отъ Гамлета Щигровскаго уѣзда до Рудина и даже до Базарова, и даже до самого Нежданова. Не о каждомъ изъ этихъ лицъ, конечно, можно было бы сказать извѣстнымъ пушкинскимъ стихомъ: «онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ», но всѣ они, безъ исключенія, имѣютъ право не только на нашу симпатію, но и на наше уваженіе. Они несчастны—въ этомъ ихъ право на симпатію нашу, въ этомъ же ихъ право и на уваженіе наше. Ихъ горе—«горе отъ ума», а также и отъ горячаго, неравнодушнаго сердца. Ихъ несчастіе—въ ихъ неприспособленности къ дѣйствительности, а въ этой неприспособленности способнѣйшихъ людей нашихъ заключается осужденіе не имъ, но жизни и ея условіямъ. Несчастіе «лишнихъ» ненужныхъ Рудиныхъ ярко оттѣняется благополучіемъ нужныхъ Чичиковыхъ, и чѣмъ симпатичнѣе первые, тѣмъ антипатичнѣе вторые. Рудины никогда не были дѣльцами, но всегда были людьми дѣла, того самаго дѣла, которое лежитъ на плечахъ интеллигенціи. Поэтъ съ тоскою спрашивалъ:

Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ-жъ вы, съ полными жита кошницами?

Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!

Но этотъ вопросъ не трудно было бы отвѣтить. Вотъ, наприм., человѣкъ, который, среди Чичиковыхъ и Собакевичей, томился вопросомъ:

Какая причина:
Вотъ уже который теперича вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ?

Онъ сдѣлалъ какъ разъ то, чего требовалъ поэтъ—двинулъ впередъ трудъ засѣвающихъ робко, крупицами. Только благодаря ему, степная дѣвушка, кисейная барышня, «дубинноголовая» Коробочка en herbe прониклись достойными человѣка мыслями и чувствами, которыя затѣмъ перешли въ *дѣла:*

Думаетъ думу, какъ будто у ней
Больше заботъ, чѣмъ у старыхъ людей.
Книжки читаетъ, украдкою плачетъ,
Видѣли: письма все пишетъ и прячетъ.
Книжки выписывать стала сама
И, наконецъ, набралась же ума!
Что ни спроси, растолкуетъ, научитъ,
Съ ней говорить никогда не наскучитъ;
А доброта... Я такой доброты
Вѣкъ не видалъ, не увидишь и ты!
Бѣдные всѣ ей пріятели-други:
Кормитъ, ласкаетъ и лечитъ недуги.

Казалось бы, чѣмъ не результатъ? Тутъ нѣтъ подвига, но есть живой трудъ мысли, и если можно было о чемъ говорить въ этомъ случаѣ, то, конечно, только о рамкахъ, о размѣрахъ, о масштабѣ труда, но не о самой его сущности:

Въ добрую почву упало зерно,
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

Такъ заканчиваетъ поэтъ свою поэму и, тѣмъ не менѣе, нѣтъ кажется, такой обидной насмѣшки, которой бы онъ не укололъ того, кто бросилъ зерно, обѣщающее дать «пышный плодъ». Хороша справедливость и хороша логика! Съ одной стороны, людямъ будущаго говорятъ: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное», а съ другой — о людяхъ прошедшаго язвительно иронизируютъ:

Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Что вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ,
Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,

Только навѣрное сѣять пойдетъ.
Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ.

Вотъ отношеніе русской интеллигенціи къ самой себѣ, къ своему собственному достоинству и значенію! Психологическіе мотивы такой строгости могутъ быть превосходны,—они прямо противоположны китайскому самодовольству,—но очевидно, всетаки, что строгость къ себѣ, доходящая до несправедливости, до придирчивости, можетъ и даже должна разрѣшиться унынiемъ и неуваженіемъ къ себѣ. Вотъ противъ этого-то самоуниженія нашего мы и протестуемъ. Униженіе паче гордости, и пора же, наконецъ, сказать вслухъ, что въ *общемъ* наша интеллигенція и ея выразительница—литература дѣлаютъ честь той странѣ, которая произвела ихъ, тому народу, изъ нѣдръ котораго онѣ вышли. По такъ-ли называемой «молодости» нашей, или въ силу особенностей нашего національнаго характера, но альтруистическіе элементы и силы преобладаютъ у насъ надъ эгоистическими, и въ литературѣ нашей это преобладаніе выражается особенно ярко. На каждаго Булгарина у насъ есть Бѣлинскій, и если, по чьему-то умному и остроумному замѣчанію, у насъ чаще встрѣчаются святые, нежели просто честные люди, то, вѣдь, одинъ святой стоитъ многихъ обыкновенныхъ людей и недаромъ преступному городу дано было обѣщаніе пощады, если въ немъ найдется хоть одинъ праведникъ. 19 февраля не народъ освободилъ себя—его освободила интеллигенція въ прямой ущербъ своимъ грубо-матеріальнымъ интересамъ, тѣ самые Тургеневы и Некрасовы, Ростовцевы и Милютины, которые во всякое время, тѣмъ не менѣе, готовы иронизировать надъ собою и преискренно думаютъ, что они—послѣднія спицы въ исторической колесницѣ. Это, повторяю, историческая черта нашей интеллигенціи отъ Новикова и Радищева до... ну, хоть до Льва Толстого и Глѣба Успенскаго, о которомъ мы совсѣмъ не забыли, какъ, вѣроятно, думаетъ читатель. Ни одной строки въ этой главѣ я не написалъ, не имѣя въ виду Успенскаго, и все сказанное мною—сказано по его адресу, хотя, разумѣется, не для него, а «съ передачею» читателю. Дѣло въ томъ, что Успенскій не довѣряетъ интеллигенціи вообще, плохо или совсѣмъ не вѣритъ въ ея просвѣтительную миссію, а что касается собственно русской интеллигенціи, то онъ съ большимъ богатствомъ доводовъ и образовъ дока-

зываетъ, что она именно только «въ разговорахъ время проводитъ».

II.

«... Вотъ также и насчетъ сердца человѣческаго: одинъ деретъ съ другаго шкуру и—не чувствуетъ; ему довольно знать, что нельзя иначе... А другой, и издали глядя на это зрѣлище, не только самъ ощущаетъ боль сдираемой кожи, не только чувствуетъ страданіе обдираемаго человѣка, но имѣетъ даже дерзость считать этотъ неизбѣжный жестъ возмутительнымъ и жестокимъ, имѣетъ даже дерзость закричать издали: «что вы дѣлаете, проклятые!»—хоть и знаетъ, что они невиноваты.

«Человѣкъ съ такимъ сердцемъ, съ такимъ чувствомъ и чувствительностью и есть, какъ мы думаемъ, человѣкъ интеллигентный. И такой человѣкъ всегда былъ, присутствовалъ въ самой средѣ народной массы, работалъ въ ней не во имя звѣриной, лѣсной правды, а во имя высшей божеской справедливости».

Вотъ что такое интеллигенція, по мнѣнію Успенскаго. Признакъ ея не въ относительной умственной развитости, а въ «сердцѣ», «чувствѣ» и «чувствительности». Человѣкъ интеллигентный — это, по мнѣнію Успенскаго, человѣкъ гуманный, добрый, сострадательный. Правда, рѣчь идетъ собственно объ интеллигенціи народа, но, во всякомъ случаѣ, остается непоколебимымъ то обстоятельство, что главнѣйшее свойство интеллигентности Успенскій усматриваетъ въ «сердцѣ», въ чувствѣ, а не въ головѣ, не въ умственномъ развитіи. Какъ видитъ изъ этого читатель, точка зрѣнія Успенскаго совсѣмъ иная, нежели наша, и пусть это такъ и будетъ. Мы не только не станемъ оспаривать Успенскаго, но не станемъ и защищаться даже, а безпрекословно пойдемъ за нимъ и посмотримъ на предметъ черезъ его очки. Увидимъ ли мы вещи въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ рисуетъ Успенскій?

Вотъ передъ нами одинъ изъ представителей нашей (не народной) интеллигенціи, который самъ себя называетъ «изломанною дубиной» и котораго почти точно также называетъ и самъ авторъ—«больною, изломанною фигурой». По авторскому велѣнью и хотѣнью, нашъ представитель, какъ водится, мѣшаетъ себя съ грязью, а кстати и насъ, общество, потому, конечно, что на людяхъ и смерть

красна. Что я такое? — спрашиваетъ онъ. — «Я просто *овца безъ стада*... Я отбился, или меня отогнали, не знаю хорошенько, отъ моего стада, отъ народа, съ которымъ у меня нѣтъ никакой внутренней разницы, и я въ тоскѣ шатаюсь по россійскому интеллигентному пустырю. Вы знаете пословицу: «овца безъ стада не живетъ или не бываетъ», а я — русскій интеллигентный человѣкъ — безъ стада, безъ общества!.. Куда же мнѣ пойти, гдѣ жить?» Ничѣмъ инымъ какъ именно недостаткомъ самоуваженія могутъ быть объяснены эти сѣтованія и изобличенія. Какъ — «нѣтъ разницы»? Какой такой «интеллигентный пустырь»? Почему — «русскій интеллигентный человѣкъ безъ общества»? Разница—и очень большая—между нами и народомъ обусловливается нашимъ умственнымъ развитіемъ и состоитъ въ томъ, что, какъ сказалъ одинъ старинный поэтъ совершенно по другому поводу:

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный,
Для нихъ — одна нѣмая пыль.

Съ этимъ дѣлать нечего, но и пренебрегать этимъ нельзя, потому что разница въ понятіяхъ, въ воззрѣніяхъ, въ умственныхъ привычкахъ и потребностяхъ—разница въ высшей степени существенная. Далѣе—«интеллигентный пустырь». Неужели такъ-таки въ самомъ дѣлѣ «пустырь»? Русская интеллигенція давно уже и счетъ потеряла своимъ жертвамъ и своимъ мученикамъ, русская интеллигенція можетъ указать на такія имена, которыя были бы окружены блестящимъ ореоломъ въ какой угодно странѣ, русская интеллигенція въ самыя мрачныя эпохи исторіи не утрачивала сознанія долга и жажды подвига: все это—факты, давно занесенные въ книжки,—и эта-то интеллигенція вдругъ оказывается пустопорожнимъ мѣстомъ, по которому можно только «шататься въ тоскѣ»! «Но все это было да сплыло», скажетъ намъ герой Успенскаго, а теперь—«русскій интеллигентный человѣкъ безъ общества». Какая, подумаешь, чрезмѣрная требовательность! Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ передовые представители нашей высшей интеллигенціи, до которыхъ герою Успенскаго очень далеко, жаловались иногда и имѣли право жаловаться на отсутствіе общества, въ смыслѣ совокупности людей, связанныхъ между собою солидарностью идеаль-

ныхъ интересовъ, но, всетаки, они жили не въ одиночку, не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ своемъ «кружкѣ», въ кружкѣ людей одинаковаго развитія и одинаковыхъ понятій. Герой Успенскаго, въ эпоху гораздо болѣе развитой общественности, нежели полустолѣтіе тому назадъ, всетаки, не можетъ найти своего «стада». Онъ уходитъ въ народъ, съ которымъ у него, будто бы, «нѣтъ никакой внутренней разницы» и съ которымъ у него — должно быть, вслѣдствіе отсутствія разницы—устанавливаются такія прекрасныя отношенія: онъ говоритъ въ глаза мужикамъ: «съ вами не сольешься, а только сопьешься», а мужики о немъ разсуждаютъ: «Баринъ тоже... только что сумнительность есть въ немъ... Такъ, т. е. безъ твердости безо всякой... Господинъ не господинъ, а Богъ е знаетъ... онъ и доберъ и все... а чтобы настоящаго»...

Главная суть дѣла, однако, не въ этомъ, не въ этихъ легкомысленно-скороспѣлыхъ упрекахъ героя Успенскаго по адресу нашей интеллигенціи, а въ томъ, что этотъ герой, какъ онъ ни бранитъ себя и насъ, всесовершенно подходитъ подъ то оправданіе интеллигентнаго человѣка, которое предложено Успенскимъ. Добрый, гуманный человѣкъ, работающій «во имя высшей божеской справедливости»—вотъ что такое истинный, настоящій интеллигентный человѣкъ, по опредѣленію Успенскаго. А вотъ что — все въ томъ же самоуничижительномъ тонѣ—говоритъ о себѣ герой Успенскаго:

«Я мечталъ, разсуждалъ, не стѣсняясь, — и только: вотъ вся разница между мною и вашимъ братомъ—опорою отечества. Въ практическомъ отношеніи мы одинаково—ноль, т. е. родные братья... На мою бѣду, направленіе моихъ свободныхъ размышленій приняло общественный характеръ, благодаря тому обстоятельству, что я началъ жить въ самую совѣстливую эпоху русской жизни, въ эпоху освобожденія крестьянъ... Послѣ войны, послѣ всего что она обнаружила въ русской жизни, пора было вспомнить обществу о томъ, что есть нѣчто, именуемое совѣстью, — и вотъ все, что было маломальски живо, не засѣчено и не сгнило, все это поняло, что ему сейчасъ же, сію минуту слѣдуетъ работать, служить въ этомъ громадномъ лазаретѣ и всѣми способами помогать выздоровленію, исцѣленію больныхъ, калѣкъ уродовъ. Вотъ и я осѣненъ былъ необходимостью такого дѣла... Прямо, почти съ университетской скамьи, я попалъ въ самый по тогдашнему (да и по нынѣшнему) отборный кругъ общественныхъ дѣятелей, на самыя наисовременнѣйшія общественныя дѣла. Тутъ, въ этомъ кругу, были и радикалы губернаторы, и радикалки-губернаторши, предводительши съ гуманнѣйшими взглядами, и борьба тутъ была съ хищными стремленіями закоренѣлыхъ, «обомшѣлыхъ» крѣпостниковъ, и главное - тутъ впервые фигурировалъ на

родъ, скромно притекавшій къ нашему гуманному сочувствію. Разъ попавъ на эту стезю, я уже не сходилъ съ нея до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не сдѣлалось тошно и меня не одолѣла оскомина. Былъ я и секретаремъ въ комитетѣ, и мировымъ посредникомъ, а потомъ земскимъ гласнымъ, наконецъ, даже предсѣдателемъ одного уѣзднаго земскаго собранія, и попечителемъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій—словомъ, прошелъ всю лѣстницу, доступную красному околышу, воодушевленному благими намѣреніями... и что же? Въ концѣ-концовъ, получилась убійственнѣйшая оскомина» (*Овца безъ стада*).

Я готовъ согласиться съ тѣмъ, что герой Успенскаго, какъ представитель нашей интеллигенціи, и этотъ разсказъ его о своей дѣятельности—духъ, тонъ, характеръ этого разсказа — въ высшей степени типичны. Да, никто, кромѣ русскаго интеллигентнаго человѣка, не въ состояніи ухитриться сдѣлать предметомъ покаянія то, что для всякаго другого было бы предметомъ законной гордости. Никто, кромѣ него, не можетъ, отдавши общему дѣлу и свои духовныя силы, и свои матеріальныя средства, говорить о себѣ: «я—ноль», и преискренно презирать и ставить себя на одну доску съ «вашимъ братомъ», т. е. съ людьми узко-личныхъ интересовъ. Какъ личная нравственная черта, противоположная противному бахвальству, у котораго, по пословицѣ, на рубль амбиціи, на грошъ аммуниціи, эта скромность можетъ быть симпатична. Но требованія личной и общественной нравственности, къ сожалѣнію, далеко не всегда совпадаютъ между собою. Если вы, по евангельской заповѣди, раздадите свое имущество нищимъ, вы поступите, быть можетъ, не цѣлесообразно, но совершенно безукоризненно въ нравственномъ смыслѣ. Но если вы распорядитесь такимъ образомъ имуществомъ не вамъ принадлежащимъ, ваша гуманность представится совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. То же самое и въ нашемъ случаѣ. Не свою личность, но идею, не свою только дѣятельность, но дѣятельность всей интеллигенціи извѣстнаго періода умаляетъ и принижаетъ герой Успенскаго. У кого не опустятся руки изъ тѣхъ, кто повѣритъ ему? Чувствовать, мыслить, работать, отдавать любимому дѣлу сонъ своихъ ночей, кровь своего сердца и сокъ своихъ нервовъ и въ результатѣ добиться только «оскомины» и сознанія, что ты «въ практическомъ отношеніи — ноль», это такая трагедія, которая кого угодно можетъ довести до апатіи. Къ счастію, это слишкомъ ужасно, чтобы быть правдоподобнымъ. Никто не пропадаетъ въ природѣ, ничто не проходитъ безслѣдно и въ

исторіи. Русская интеллигенція, скажемъ извѣстною метафорой, только потому и себѣ, и другимъ представляется такою маленькой, что стоитъ на колѣняхъ. Если «убійственнѣйшая оскомина» героя Успенскаго—не болѣе, какъ его личное утомленіе, то и говорить не о чемъ: инвалиды всегда были и будутъ и въ арміи, и въ жизни. Но, вѣдь, не безъ умысла же Успенскій заставляетъ народъ высказаться о дѣятельности своего героя въ духѣ рѣшительнаго осужденія: «сумнительность есть въ немъ... безъ твердости безо всякой... онъ и доберъ и все... а чтобы настоящаго»... Это именно осужденіе дѣятеля, а не выраженіе состраданія или презрѣнія къ инвалиду...

Дай Богъ русскому народу всякихъ успѣховъ въ будущемъ, и мы согласны сколько угодно восхищаться прекрасными качествами его ума и сердца, но пониманіе сложныхъ явленій жизни дается не даромъ, не напгіемъ, и вотъ почему компетентность народа, какимъ мы его видимъ теперь, подлежитъ во многихъ случаяхъ очень большому сомнѣнію. «Сумнительность есть въ немъ», — это народъ скажетъ и о васъ, и обо мнѣ—обо всѣхъ, кто, къ его несказанному удивленію, относится къ нему участливо и сердечно, не дѣлаетъ поползновеній на его карманъ, не стремится сѣсть ему на шею. Наша «сумнительность» для народа дѣлаетъ намъ высокую честь. Ясны, понятны, нисколько не «сумнительны» для народа Разуваевы, Колупаевы, Сладкопѣвцевы, Держиморды,—и пусть, для перваго раза, мы будемъ отличаться отъ нихъ въ глазахъ народа хоть своею «сумнительностью».

Мы въ своей землѣ благословенной
Парій—не знаетъ насъ народъ.

Это историческій фактъ, за который мы не отвѣтственны и который ровно ничего не говоритъ противъ насъ. Народъ «не знаетъ» насъ не въ томъ смыслѣ, что сознательно презираетъ насъ и не хочетъ имѣть съ нами никакого дѣла, а совершенно въ томъ, въ какомъ онъ «не знаетъ» физики, химіи, астрономіи. Чудеса этихъ наукъ способны возбудить въ немъ самую крайнюю «сумнительность», но отъ того эти науки не станутъ ни менѣе истинными, ни менѣе полезными. Нечего печалиться герою Успенскаго и намъ вмѣстѣ съ нимъ, что мужики не усматриваютъ въ немъ и «твердости», вообще «настоящаго». Въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заклю-

чается это «настоящее»? А все въ томъ же. «Голова только нашъ Кузьмичъ, братцы!—охмѣлѣвъ, бурчалъ распоясовецъ.—И—и башка! Довольно чисто поворачиваетъ дѣлами, надо сказать прямо,—себѣ имѣетъ пользу, да и нашему брату способно. Хлѣбъ даетъ бѣдному во-отъ!» *(Книжка чековъ)*. Кто же этотъ великій Кузьмичъ, про котораго не скажутъ, что у него нѣтъ «настоящаго» и что онъ «безъ твердости безо всякой»? Это Иванъ Кузьмичъ Мясниковъ, купецъ и фабрикантъ, который, по свидѣтельству самого Успенскаго, смотритъ на народъ какъ на рабочую силу, какъ на дрова, на тряпки: «человѣкъ—полтина», — вотъ суть теоріи, принесенной имъ въ распоясовскую среду. Полтина въ сутки пѣшему и рубль конному. Такова была прокламація Ивана Кузьмича къ народу». Такъ вотъ въ чемъ «твердость» и вотъ въ чемъ «настоящее». Ну, намъ съ героемъ Успенскаго можно не печалиться объ отсутствіи въ насъ *такой* твердости и *такого* «настоящаго». Пусть блещетъ этими качествами великолѣпный Иванъ Кузьмичъ, а мы останемся «паріями» — безъ горечи и, главное, безъ напраснаго самоуниженія. Истина сильна своею внутреннею силой, но никогда и нигдѣ она не усвоивалась людьми сразу: «въ мірѣ бѣ и міръ Его не позна».

Интеллигентные герои Успенскаго презираютъ самихъ себя, да презираетъ ихъ и самъ авторъ, насколько ему это позволяетъ его благодушіе. Только этимъ презрѣніемъ и можно объяснить крикъ отчаянія, вырвавшійся у Успенскаго: «все на сторонѣ хищника! Человѣка, который бы могъ заикнуться о той правдѣ, которую Богъ видитъ и которую говоритъ устами людей, — нѣтъ и въ поминѣ». Да, если интеллигенція—«ноль», то, конечно, «все» на сторонѣ хищника и прежде всѣхъ—самъ народъ. Но, однако, не ноль, напримѣръ, талантливый писатель Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, и онъ не на сторонѣ хищника. Не ноль его читатели, тысячами экземпляровъ расхватывающіе его сочиненія и думающіе одинаково съ нимъ. Не «ноль» тѣ газеты и журналы, въ которыхъ онъ печатаетъ свои произведенія и которые вмѣстѣ съ толпой своихъ читателей—тоже не на сторонѣ хищника. Худо-ли, хорошо-ли, мы, интеллигенція, только и дѣлаемъ, что говоримъ «о той правдѣ, которую Богъ видитъ», боремся противъ «звѣриной, лѣсной», зоологической «правды». Если,—какъ говоритъ Успенскій, — неотъемлемою принадлежностью и отличительнымъ качествомъ интеллигентности слу-

житъ совѣстливость, то его герой не «больная, изломанная фигура», а истинный представитель интеллигенціи. Его автобіографія, изложенная то въ обличительномъ, то въ презрительномъ тонѣ, представляетъ собою разсказъ о дѣлахъ или, если угодно, о попыткахъ, въ которыхъ много непрактичности, неловкости, неумѣлости, но за то нѣтъ и слѣда какихъ-нибудь своекорыстныхъ стремленій. Такіе люди, конечно, могли бы «довольно чисто поворачивать дѣлами», не только не хуже, а гораздо лучше Ивана Кузьмича, но тогда-то именно они и стали бы «овцами безъ стада», интеллигентами, измѣнившими первой и высшей задачѣ интеллигенціи.

Не въ бичеваніяхъ и не въ самобичеваніяхъ нуждается наша интеллигенція. Мы укажемъ Успенскому на одного писателя, который дѣйствительно даже для него можетъ служить примѣромъ,— на Салтыкова. Въ знаменитомъ разговорѣ правды съ торжествующею свиньей побѣда остается за свиньею, которая «чавкаетъ» правду при полномъ одобреніи толпы. Однако, симпатіи автора, какъ и симпатіи всѣхъ порядочныхъ людей, не на сторонѣ побѣдителя. Что же сдѣлала правда? Въ чемъ ея заслуга? Она живетъ, хотя страдаетъ, существуетъ, хотя и попрана, и несмотря ни на что, твердитъ свое вѣковѣчное: «а, всетаки, вертится!»

III.

Успенскій недоволенъ больше всего непрактичностью, теоретичностью нашей интеллигенціи и ставитъ ей въ примѣръ сельскихъ учителей, учительницъ, добропорядочныхъ волостныхъ писарей и т. п. Онъ говоритъ:

«Право, только такіе едва едва мерцающіе огоньки и радуютъ, хотя огоньки, точно, еле мерцаютъ... Молчаливое совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній гораздо болѣе распространено, чѣмъ желаніе живого дѣла; теоретическое изящество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей развиваются въ ущербъ вниманію къ сегодняшней человѣческой нуждѣ,— и это во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ; приводить въ связь съ сегодняшнею мелочною дѣйствительностью свои отшлифованныя до высшей степени изящества теоретическія построенія русскій человѣкъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Иллюстрацій, которыя бы наглядно показали, до какой степени отвыкшая отъ реальнаго дѣла мысль русскаго человѣка привыкла молча и неподвижно присутствовать при совершеніи того самаго зла, объ уничтоженіи котораго эта мысль смертельно печалится, можно было бы привести несмѣтное количество» *(Вергило)*.

Какъ видите, Успенскій и здѣсь подаетъ руку Льву Толстому: совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній, т. е. всю ту умственную работу, которую дѣлала, дѣлаетъ и должна дѣлать интеллигенція, онъ противопоставляетъ «живому дѣлу». Наше дѣло — дѣло мертвое. Мы занимаемся «отшлифованіемъ до высшей степени изящества» своихъ «теоретическихъ построеній», забывая о нуждахъ «сегодняшней мелочной дѣйствительности». Опредѣленнѣе сказать нельзя, и Левъ Толстой обѣими руками подписался бы подъ словами Успенскаго. Подписался бы и г. Энгельгардтъ, который въ свое время тоже говорилъ интеллигенціи: «и чего метаться!»

Успенскій, Толстой, Энгельгардтъ... Много смѣлости нужно, чтобы не стушеваться передъ такимъ тріумвиратомъ! Истина, однако, дороже, сильнѣе и авторитетнѣе всѣхъ возможныхъ авторитетовъ—это во-первыхъ; во-вторыхъ, и у насъ найдутся союзники и защитники съ достаточно вѣскимъ значеніемъ. Въ словахъ Успенскаго заключается и комплиментъ, и упрекъ нашей интеллигенціи, и какъ первый, такъ и второй одинаково неожиданны и незаслуженны. Комплиментъ относится къ нашимъ «теоретическимъ построеніямъ», которыя доведены, будто бы, до такого совершенства, что требуютъ только шлифованія деталей. Устами бы Успенскаго да медъ пить. Въ то время, когда въ жизни, по свидѣтельству самого Успенскаго, происходятъ ожесточенные дебаты о «палкѣ», нужна-ли палка или не нужна, слѣдуетъ или не слѣдуетъ бить и т. д.; въ то время, когда въ журналистикѣ — этомъ вѣрнѣйшемъ отраженіи жизни — рѣшительно во всѣхъ сферахъ и отдѣлахъ ея: и въ политикѣ (принципъ національности), и въ этикѣ (принципъ авторитета), и въ эстетикѣ (принципъ искусства для искусства), замѣчается поворотъ къ старымъ, казалось бы, уже не только отжившимъ, но и погребеннымъ началамъ, когда длинный списокъ людей, измѣнившихъ своимъ прежнимъ идеаламъ и круто повернувшихъ на другую дорогу, увеличивается чуть не съ каждымъ днемъ, когда, «мужикъ» то сажается въ передній уголъ, то опять изгоняется на задній дворъ, когда вопросы: «пороть-ли розгами ребенка, учить ли грамотѣ народъ», осмѣянные еще Конрадомъ Лиліенштвагеромъ, пресерьезнѣйшимъ образомъ ставятся и на разные лады рѣшаются нашими публицистами, когда спутались всѣ понятія, замутились всѣ умственныя теченія и, какъ при столпотвореніи, смѣшались всѣ языки,—въ это-то время Успенскій гово-

рить о нашихъ «теоретическихъ построеніяхъ» какъ о чемъ-то вполнѣ законченномъ и только не совсѣмъ отшлифованномъ. Уважаемый писатель на землѣ или на лунѣ живетъ? Пусть укажетъ онъ хоть одно понятіе, которое за послѣднее десятилѣтіе не было бы вывернуто наизнанку, хоть одинъ идеалъ, который бы не подвергся сомнѣнію. Мы возвращаемся къ азамъ, намъ грозитъ умственное одичаніе, и въ этотъ-то моментъ, когда хочется крикнуть: «спасайся, кто можетъ!»—Успенскій изображаетъ насъ въ видѣ какихъ-то сибаритовъ или жрецовъ, спокойно занимающихся въ тиши своихъ кабинетовъ «шлифованіемъ деталей»! А если таково положеніе интеллигенціи, если, какъ мы утверждаемъ, ея идейныя богатства находятся совершенно въ хаотическомъ состояніи, то можетъ ли быть справедливъ упрекъ Успенскаго, что мы не обращаемъ вниманія на «мелочную дѣйствительность»? Восхваляя въ укоръ намъ, теоретикамъ, маленькихъ практическихъ дѣятелей на пользу народа, Успенскій говоритъ: «какъ ни мизерны средства этого человѣка. но онъ не скажетъ: почитай Кузьму Иваныча, потому что у него восемнадцать кабаковъ. Не скажетъ: хлопочи только о своемъ карманѣ». Почему же не скажетъ, позвольте спросить? Если насъ, *насъ* хотятъ убѣдить, что Кузьма Иванычъ—идеалъ человѣка, а восемнадцать кабаковъ—идеалъ человѣческой дѣятельности, и если многіе изъ насъ, дѣйствительно, прониклись убѣжденіемъ въ спасительности кабацкой морали и на противоположныя воззрѣнія смотрятъ какъ на «завиральныя идеи» и на «пошлый либерализмъ», то что же и кто же защититъ отъ вліянія этой пропаганды «малыхъ силъ»? Прежде чѣмъ «приводить въ связь» свои идеи съ «мелочною дѣйствительностью», нужно оборонить эти идеи въ теоретическихъ сферахъ, не «отшлифовать», а хоть кое-какъ упрочить и установить ихъ.

Есть въ этомъ дѣлѣ и другая сторона. Въ назиданіе намъ Успенскій рисуетъ идиллическую картину сельской школы, руководимой молодою учительницей. «Пріятель мой оторвалъ дѣвушку отъ работы; она исправляла дѣтскія сочиненія. Завязался простой разговоръ о школѣ, о ребятишкахъ, объ ежедневныхъ школьныхъ мелочахъ, и разговоръ этотъ былъ точно лучъ свѣта во всей этой видѣнной, слышанной и пережитой тьмѣ... Во время разговора торопливо вбѣжала въ комнату деревенская дѣвочка, закутанная въ платокъ и съ высокою палкой въ рукѣ. «Я у тебя, Алексѣвна, —

сказала она учительницѣ,—нонѣ ночевать не буду».—«Отчего?»—«Да мнѣ надыть пьяныхъ и прохожихъ по дворамъ разводить... Отецъ-то хмѣленъ, а очередь наша, такъ вотъ я вмѣсто отца-то»,—и ушла. И опять хорошо и свѣтло показалось моему пріятелю. Какой бы микроскопическій, съ высшей точки зрѣнія, «палліативъ» ни представляла эта учительница,—хорошъ человѣкъ, который рѣшился на этотъ палліативъ».

Какъ спорить съ художникомъ? Вы a priori составили себѣ извѣстное убѣжденіе, напримѣръ, хоть то, что въ силу общихъ, такихъ и такихъ-то, условій нашей жизни, трудно встрѣтить въ ней идиллію, а художникъ живыми красками рисуетъ вамъ эту идиллію, со всею силой художественнаго воспроизведенія. Нельзя ему не повѣрить,—онъ знаетъ, онъ видѣлъ и осязалъ, ему и книги въ руки. Но если повѣрить ему, придется отказаться, какъ отъ предразсудка, отъ многихъ своихъ воззрѣній, справедливость которыхъ теоретически давно доказана. Авторитету противопоставимъ авторитетъ, противъ художника выдвинемъ художника, на образъ возразимъ образомъ же. Вотъ небольшой разговоръ священника съ новою, молодою, неопытною, только что пріѣхавшею сельскою учительницей:

— Не скрою отъ васъ: трудъ вамъ предстоитъ не легкій и не всегда безпрепятственный. Народъ здѣсь строптивый, непривѣтливый, притязательный. Каждый будетъ къ вамъ требованія предъявлять, а иной разъ и такія, отъ которыхъ жутко придется. Людмила Михайловна, предшественница ваша, повздорила съ Васильемъ Дроздомъ, такъ наплу отсюда выбралась.

— Кто это Дроздъ?

— А здѣшній воротила, портерную держитъ, лавочку, весь міръ у него подъ пятой, и начальство привержено. Сынъ у него въ школѣ, такъ онъ подарокъ Людмилѣ Михайловнѣ вздумалъ поднести, а она уперлась. Онъ, конечно, обидѣлся, доносы сталъ писать, ну, и пришлось бѣжать. Земство такъ и не оставило ее у себя.

— Однако, строго-таки у васъ.

— И даже очень. Главное, въ церковь прилежно ходите. Я и какъ пастырь васъ увѣщеваю, и какъ человѣкъ предостерегаю. Какъ пастырь, говорю: только церковь можетъ утѣшить насъ въ жизненныхъ треволненіяхъ какъ человѣка, предваряю, что нѣтъ легче и опаснѣе обвиненія, какъ обвиненіе въ недостаткѣ религіозности». (*Мелочи жизни*, 2, 48).

Вотъ это, кажется, больше похоже на дѣло. «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»,—Русью, а не Аркадіей. Успенскій знаетъ

народную жизнь и деревенскіе порядки, но знаетъ ихъ не хуже его и Салтыковъ, и если ихъ показанія расходятся, то мы вправѣ выбрать изъ нихъ то, которое лучше согласуется съ нашими общими воззрѣніями. «Такой человѣкъ,—говоритъ Успенскій по поводу своей героини,—не скажетъ: почитай Кузьму Иваныча, потому что у него восемнадцать кабаковъ». По доброй волѣ и по убѣжденію не скажетъ, но противъ воли и убѣжденія — скажетъ, изъ страха передъ Дроздомъ или Иваномъ Кузьмичемъ, которому и «начальство привержено»; вотъ что говоритъ своимъ очеркомъ Салтыковъ. А если такъ, то тутъ нѣтъ даже «палліатива», и, тѣмъ болѣе, нѣтъ огня и свѣта, хотя бы и «едва-едва мерцающаго», а есть все то же, что мы видимъ повсюду: уступочки и сдѣлочки до полнаго примиренія съ дроздовскою моралью.

Интеллигентные герои Успенскаго раздѣляются вообще на два разряда. Къ первому и наиболѣе многочисленному относятся современные наслѣдники тургеневскихъ «лишнихъ людей» — и къ нимъ Успенскій почти безпощаденъ. «И жаль, и, кажется, убилъ бы! Тьфу!»—въ этихъ словахъ, взятыхъ нами эпиграфомъ, заключается полная характеристика отношеній автора къ людямъ этого типа. Всѣ эти люди, въ изображеніи Успенскаго, отличаются безволіемъ, добродушіемъ, совѣстливостью, нравственною и физическою неопрятностью и... непреодолимою наклонностью къ выпивкѣ. Поглощая водку и пиво, они заплетающимся языкомъ изливаютъ первому встрѣчному свои такъ называемыя сомнѣнія, разсказываютъ свою жизнь, ударяютъ себя кулакомъ въ грудь, приговаривая: «я подлецъ! да, я подлецъ!» — и въ заключеніе лѣзутъ цѣловаться. Искренность ихъ, разумѣется, стоитъ внѣ сомнѣній,—что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ,—и Успенскому «жаль» ихъ. Но отсутствіе въ нихъ практическаго смысла, дѣловитости возбуждаетъ въ немъ нетерпѣливое и досадливое чувство, и онъ ихъ, «кажется, убилъ бы! Тьфу!» Другой типъ, на который Успенскій возлагаетъ лучшія свои надежды,—это типъ людей, не блещущихъ особою широтой умственнаго развитія, не заботящихся о «деталяхъ теоретическихъ построеній», но которые за то умѣютъ любить ближняго—не платонически оплакивая его, а дѣятельно, безъ лишнихъ словъ, помогая ему. Люди перваго типа — это старая погудка на новый ладъ, это тѣ «головастики, грызуны, гамлеты», которыми пресытилъ насъ Тургеневъ, съ тою разницей, что тѣ Ге-

геля изучали и Гете знали наизустъ, а эти изучаютъ народъ и знаютъ наизустъ Успенскаго. Люди втораго типа — это именно «сѣятели съ бодрыми лицами, съ полными жита кошницами», о которыхъ вздыхалъ и которыхъ призывалъ Некрасовъ. Вотъ основная схема Успенскаго, вотъ та постоянная его точка зрѣнія, съ которой онъ относится къ интеллигенціи, обнаруживая въ этомъ случаѣ большую послѣдовательность и стойкость.

На примѣрѣ «балашовскаго барина» мы уже видѣли сострадательно-ироническое отношеніе Успенскаго къ людямъ «теоретическихъ построеній». Успенскій несправедливъ къ нимъ, но онъ еще больше несправедливъ, только въ противоположную сторону, къ представителямъ его излюбленнаго типа,—типа практическихъ народныхъ дѣятелей и просвѣтителей. Здѣсь Богъ вѣсть уже въ который разъ произошла старая литературная исторія: пока художникъ рисовалъ отрицательныя явленія и клалъ темныя тѣни, онъ оставался художникомъ; а какъ только перешелъ къ изображенію положительныхъ идеаловъ и свѣтлыхъ явленій, онъ изъ художника преобразился въ сочинителя, въ декоратора. Именно въ декоратора: прочтите разсказъ Успенскаго *Неизлечимый* и вы поймете, въ чемъ дѣло. Посмотришь на героиню этого разсказа, богатую купчиху, ушедшую отъ мужа и отказавшуюся отъ своего богатства, чтобы учительствовать въ бѣдномъ селѣ, на десятирублевомъ жалованьи, посмотришь на нее издали, не вдумываясь, не анализируя,—и какъ будто правдоподобно: огромный талантъ выручаетъ автора, и вы готовы повѣрить, что передъ вами не намалеванныя деревья, а настоящій «сыръ-дремучій боръ». Ну, а вблизи, да еще при солнечномъ освѣщеніи... Вотъ, напр., разсказъ дьякона о его визитѣ къ идеальной купчихѣ-учительницѣ:

«Не помню, какъ, когда и по какому случаю, только однажды зашелъ я къ ней. Общество отвело ей сырую и разоренную избу; ни лавокъ, ни скамеекъ не было, ничего еще не приготовлено, хотя давно было все обѣщано. Засталъ я ее въ такомъ видѣ: сидитъ на полу,—разосланъ платокъ этакой, ковровый, на полу,—закутана отъ холоду въ какія-то тряпочки, а кругомъ ея штукъ десять ребятъ—и мальчики, и дѣвочки. Тоже укутаны кое-чѣмъ; должно быть, это госпожа Абрикосова ихъ укрыла, потому тряпки-то не деревенскія были. Сидятъ они такимъ манеромъ и учатся. «Что вамъ, говоритъ, угодно, отецъ дьяконъ?»—«Я, молъ, такъ».—«Ну, извините, говоритъ, теперь мнѣ некогда». И продолжаетъ. Это меня озадачило. Наконецъ, ужъ кое-какъ кончили. «Ну, говоритъ, идите теперь по домамъ, а вечеромъ опять

приходите, кто хочетъ—сказку буду читать!»—Всѣ придемъ!—закричали и стали съ ней цѣловаться, говорятъ: «Милая Марья Васильевна». «желанная». Точно родная семья. Ушли всѣ. «Вотъ теперь, говоритъ, пожалуйте ко мнѣ» Пошелъ. За перегородкой столъ и кровать. На столѣ книги. Окно все въ снѣгу. «Вотъ, говоритъ, тутъ я сама работаю!»—«Дурное, говорю, у васъ помѣщеніе. Вы бы, говорю, сударыня, жалобу на нихъ» (на мужиковъ, конечно). Засмѣялась. Стало мнѣ нѣсколько легче. Оправился я, почувствовалъ въ себѣ развязность, говорю: «Да, въ самомъ дѣлѣ, что на *нихъ* смотрѣть!.. Имъ, говорю, смотри въ зубы-то!.. Вотъ какъ пріѣдетъ посредникъ, да разузнаетъ, какъ слѣдуетъ, такъ и явится все. Нѣтъ, сударыня, говорю, тутъ безъ палки ничего не будетъ». Смѣется все. Излагаю я это все въ юмористическомъ этакомъ видѣ, въ насмѣшливомъ, веселомъ тонѣ, и вижу: таращитъ на меня глаза и ужъ не смѣется. «Неужели, говоритъ, это правда?»—«Истинная правда», говорю, да и еще ей этакимъ же манеромъ, въ юмористическомъ же, въ этакомъ игривомъ тонѣ, изобразилъ ей нѣсколько шутливыхъ анекдотовъ. Заключеніе вывелъ ей такое, что «смотрѣть *ихъ* въ зубы невозможно, что надо съ ними не очень, чтобы тонко»... И вдругъ, не давши мнѣ окончить,—«батюшка, говоритъ, да, вѣдь, вы проповѣдуете прямой разбой...»—и встала вся зеленая.—«Это—денной грабежъ», говоритъ.—И забѣгала по горницѣ. У меня въ зобу ровно колъ засѣлъ отъ этого. «Какой разбой?» Разинулъ я ротъ и не понимаю».

Замѣтимъ мимоходомъ, что представительница практическаго альтруизма обнаруживаетъ величайшую, чисто-младенческую непрактичность, наивно спрашивая дьякона: «неужели это правда?» Съ такимъ знаніемъ народной жизни мудрено служить народу! «Балашовскій баринъ», котораго Успенскій ставитъ, разумѣется, безконечно ниже Абрикосовой, такого вопроса, конечно, не задалъ бы. Но такова ужъ воля художника: хочетъ онъ — казнитъ, хочетъ — милуетъ. Госпожу Абрикосову онъ и далѣе продолжаетъ миловать и всячески разукрашивать: она по принципу не пользуется доходами съ своего дома, съ своихъ лавокъ, кабаковъ и лобазовъ, а для нужды школы (опять-таки не для себя) она занимается переводами, которые присылаютъ ей изъ Москвы, причемъ зарабатываетъ въ одинъ вечеръ до двадцати пяти рублей и т. д. Неужели все это русская дѣйствительность, а не аркадская идиллія, и неужели все это изображено художникомъ-реалистомъ, а не мечтателемъ-утопистомъ? Сопоставьте эти двѣ бесѣды сельскихъ учительницъ съ духовными особами,—бесѣду, записанную Салтыковымъ, и бесѣду, записанную Успенскимъ: впечатлѣніе отъ такого сопоставленія получается истинно-комическое. Можно подумать, что Салтыковъ и Успенскій писатели различныхъ эпохъ, различныхъ странъ,

даже, пожалуй, различныхъ планетъ, а между тѣмъ, это не только современники, но и единомышленники. И опять вся правда въ этомъ, какъ и во всѣхъ *подобныхъ* случаяхъ, на сторонѣ Салтыкова. Успенскій знаетъ, но слишкомъ часто забываетъ то, чего Салтыковъ *никогда* не забывалъ, а именно «*маленькіе недостатки механизма*». Подъ этимъ заглавіемъ читатель найдетъ у Успенскаго великолѣпный разсказъ, полный ума и юмора, и убѣдится, что этому писателю вполнѣ доступны горизонты Салтыкова, но онъ рѣдко и неохотно обращается къ нимъ. Самостоятельность Успенскаго, какъ художника и мыслителя, не подлежитъ сомнѣнію, но это какая-то эклектическая самостоятельность, которая говоритъ о себѣ: je prends mon bien où je le trouve. Правую свою руку Успенскій протягиваетъ Льву Толстому, а лѣвую—Салтыкову, являясь, такимъ образомъ, соединительнымъ звеномъ несоединимыхъ элементовъ.

IV.

Въ концѣ первой статьи я сказалъ, что «идеалъ Успенскаго покоится не на реальностяхъ, а на возможностяхъ». Эта нѣсколько туманная, потому что лаконичная, формула, надѣюсь, теперь разъяснилась передъ читателемъ. «Балашовскій баринъ» — это реальность интеллигентнаго міра, но совсѣмъ не идеалъ Успенскаго, вѣрнѣе, не почва для его идеала. Госпожа Абрикосова—это, конечно, не реальность, а отдаленная возможность, и въ ней олицетворяется нравственный, интеллектуальный и общественный идеалъ Успенскаго. Съ формальной, съ логической стороны Успенскій правъ: если его идеалъ слишкомъ далеко уходитъ отъ дѣйствительности, то, вѣдь, это необходимое свойство всякаго широкаго идеала. Но Успенскій совершенно неправъ, какъ художникъ. Разъ, по его собственному и очень настоятельному утвержденію, у насъ «нѣтъ и въ поминѣ» такихъ интеллигентныхъ людей, о какихъ онъ мечтаетъ,—онъ, очевидно, не имѣлъ никакого права рисовать намъ эти идеальные свои образы, какъ конкретныя существа. А ну, какъ мы повѣримъ художнику на слово? А ну, какъ мы пойдемъ, увлеченные примѣромъ Абрикосовыхъ, насаждать въ деревнѣ «правду, которую Богъ видитъ»? И каково намъ будетъ, если *эта* наша правда лицомъ къ лицу встрѣтится съ тою житейскою прав-

дой, грубою правдой существующаго факта, о которой намъ поразсказалъ Салтыковъ?

Народная интеллигенція! Истинная народная интеллигенція, состоящая не изъ подвижниковъ и не изъ угодниковъ, а изъ простыхъ, обыковенныхъ работниковъ мысли, явится тогда, когда народъ силою стихійнаго историческаго процесса произведетъ ее изъ собственныхъ нѣдръ. Люди этой интеллигенціи будутъ не только учителями и представителями народной массы, но и дѣтьми ея,— не Прометеями, сходящими съ культурныхъ высотъ съ похищеннымъ огнемъ знанія и разумѣнія, а простыми сосѣдями, которымъ худой миръ лучше доброй ссоры и для которыхъ какъ аукнется, такъ и откликнется. Когда Абрикосовы будутъ не распинаться подолгу, а работать по собственному интересу, тогда, но не раньше, мы скажемъ, что у народа есть своя интеллигенція, которая *нужна* ему въ томъ же смыслѣ и въ той же степени, какъ земля, какъ рабочая лошадь, какъ крѣпкая изба. Этой интеллигенціи, въ появленіе которой мы вѣримъ заодно съ Успенскимъ, народъ и не обидитъ, и не дастъ въ обиду.

Но откуда же явится она? Въ отвѣтѣ, предлагаемомъ Успенскому на этотъ вопросъ, заключается, по нашему глубокому убѣжденію, крупное недоразумѣніе. Онъ противупоставляетъ насъ, живущую и живую интеллигенцію, своей интеллигенціи будущаго, интеллигенціи «народа»—и въ этомъ противупоставленіи, съ упрекомъ намъ и съ благословеніемъ *имъ*, одна изъ главныхъ ошибокъ Успенскаго. Гдѣ очевидная преемственность, тамъ неумѣстны и ненужны никакія противупоставленія. Наши отцы дѣйствовали во имя развившагося сознанія, мы — въ силу проснувшейся совѣсти; наши дѣти будутъ дѣйствовать, кромѣ того, ради собственнаго интереса. Тутъ разница только въ побужденіяхъ къ дѣятельности, но не въ самомъ направленіи этой дѣятельности. Наши отцы поняли несправедливость; мы устыдились ея; наши дѣти поймутъ и *осязательно* прочувствуютъ, что всякая крупная несправедливость есть, въ то же время, и крупная невыгода. Мотивы различны, но развѣ и въ первомъ, и во второмъ, и въ третьемъ случаѣ не одно и то же дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться, развѣ это не отдѣльные только фазисы или эпизоды одной и той же борьбы?

А если такъ, то... то все обстоитъ благополучно. Да, въ прин-

цинѣ, въ основѣ, въ общемъ теченіи процесса исторіи — все обстоитъ благополучно, и всѣ упреки и попреки Успенскаго по нашему адресу мы можемъ выслушивать съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. Мы—и въ томъ числѣ всевозможные «балашовскіе господа»—«сумнительные и безъ твердости безо всякой», какъ разъ тѣ люди, какіе *теперь* нужны, и дѣлаемъ мы то, что какъ разъ *теперь* нужно. Если мы, къ напрасному неудовольствію Успенскаго, занимаемся «теоретическими построеніями», то мы дѣлаемъ это въ силу исторической необходимости, а не по личному вкусу и не отъ бездѣлья. Потускнѣло общественное сознаніе, замутилась общественная совѣсть,—какъ же намъ быть? Надо вспомнить самимъ и напомнить другимъ разнаго рода «забытыя слова», забытыя понятія, забытые лозунги, надо пересмотрѣть свой умственный багажъ, упорядочить и переложить его, прежде чѣмъ двинуться въ дальнѣйшій путь. «Теоретическія построенія»—не шахматныя построенія. Каждая теорія не только вноситъ извѣстныя идеи и принципы, но и вызываетъ соотвѣтственныя чувства и умственное просвѣтлѣніе или умственное омраченіе ведетъ къ просвѣтлѣнію или омраченію нравственному. Учесть волостного старшину или писаря, основать школу, похлопотать крестьянамъ «насчетъ земельки» и т. д.,—все это дѣла нужныя, справедливыя, полезныя, но признаемъ же мы за практическое дѣло и «теоретическія построенія», утверждающія въ насъ увѣренность, что... да, благодатную увѣренность, что Богъ правду видитъ и хоть не скоро, но намъ ее скажетъ.

Успенскій, совершенно какъ и Левъ Толстой, какъ будто лично изстрадался въ обществѣ разнаго рода «лижущихъ, праздно болтающихъ», «самодовольныхъ болтуновъ, охотниковъ до споровъ модныхъ», и этотъ личный мотивъ сталъ источникомъ общаго недовольства интеллигенціей и недовѣрія къ уму и «теоретическимъ построеніямъ» вообще. Нѣтъ ничего опаснѣе такихъ поспѣшныхъ заключеній отъ частнаго къ общему и самое однообразіе и бѣдность интеллигентныхъ типовъ Успенскаго должны бы побудить его расширить эту область его наблюденій. Кающійся дворянинъ, да неунывающій разночинецъ — вотъ неизмѣнные представители интеллигенціи у Успенскаго. Подумаешь — клиномъ сошлась Русская земля! Глубокое уныніе овладѣваетъ Успенскимъ всякій разъ, какъ онъ заговоритъ о насъ, объ интеллигенціи, — не о нашей

дѣйствительно унылой судьбѣ, а о нашихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ. Онъ или—что все равно—его герои находятъ особенно мѣткіе образы и выразительныя слова именно тогда, когда говорятъ о своей усталости, ненужности и т. п. «Тихо шелъ я по пустыннымъ улицамъ уѣзднаго города, слушалъ давно забытый звонъ къ вечернѣ и думалъ, что теперь волны русской жизни плотно и надолго прибили меня къ берегу. Потому надолго, что я усталъ, что мои ноги гудутъ и ноютъ, что мнѣ хочется лечь спать. Потому надолго, что больныя кости пріобрѣтены мною почти въ безполезной борьбѣ, результатъ которой заключается лишь въ ясномъ пониманіи повѣсти о плети и обухѣ. Я двадцать разъ думалъ, что это «не такъ»; теперь, разумѣется, не вѣрю. Теперь мнѣ спать хочется и силъ нѣтъ. Зерно апатіи спѣетъ въ душѣ». Это не просто жалоба, это—элегія, это какой-то важный, торжественный и глубоко-печальный аккордъ, это—истинное «надгробное рыданіе», слезы котораго вы не только слышите, но и видите. Искренность этихъ слезъ несомнѣнна, но если бы Успенскій вѣрилъ въ насъ, въ нашъ умъ, въ наши силы, въ наши задачи, въ наше будущее, онъ не пролилъ бы ихъ. Кто вѣритъ въ людей, тотъ ободряетъ ихъ, и ужъ, конечно, не слезами ободряетъ. «Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы: палъ другъ и братъ — ничего, съ Богомъ—дѣло обыкновенное» (*Изъ переписки Бѣлинскаго*). Вотъ языкъ человѣка вѣрующаго, вотъ чувство настоящаго общественнаго дѣятеля, вотъ слова и вотъ примѣръ, которые вдыхаютъ жизнь, а не смерть, ободряютъ, а не унынie наводятъ! Вѣдь, Успенскій не въ балашовскихъ барахъ разочаровался, онъ не вѣритъ въ интеллигенцію вообще,—не въ ту интеллигенцію, которая существуетъ пока только въ его творческомъ воображеніи, а въ реальную интеллигенцію текущаго историческаго момента. А за этимъ невѣріемъ слѣдуетъ другое, еще болѣе серьезное: «нѣтъ той науки о *высшей правдѣ*, которая бы дала *теперь* человѣку возможность сказать себѣ, что справедливо и что нѣтъ, что можно и что нельзя, что ведетъ къ гибели и что спасаетъ отъ нея» (*Власть земли*). Это логично: если у насъ нѣтъ настоящей интеллигенціи, то нѣтъ и истинной правды, нѣтъ «науки» о справедливости. Гдѣ нѣтъ сознанія, а только инстинктъ, тамъ есть только предчувствіе правды, а не обладаніе ею, не «наука» о ней.

Однако, наши «овцы безъ стада» создали литературу, главная характеристическая черта которой состоитъ именно въ тревожномъ, неустанномъ разрѣшеніи вопросовъ, «что справедливо и что нѣтъ, что можно и что нельзя, что ведетъ къ гибели и что спасаетъ отъ нея». Литература, конечно, не «наука», но литература не меньше науки, а въ дѣлѣ «высшей правды» даже больше, потому что наука говоритъ только нашему уму, нашему разсудку, нашей логикѣ, а литература обращается, сверхъ того, къ нашей совѣсти, безъ участія которой «высшая правда» не можетъ быть ни познана, ни усвоена. Но что говорить много? Развѣ русскій писатель Глѣбъ Ивановичъ Успенскій говорилъ и говоритъ о чемъ-нибудь иномъ, какъ не о «высшей правдѣ», какъ онъ ее разумѣетъ? И развѣ этотъ писатель—бѣлый воронъ нашей литературы? И развѣ, наконецъ, онъ не интеллигентный человѣкъ, работающій на пользу народа?

Я боюсь, чтобы моя аргументація противъ Успенскаго по вопросу объ интеллигенціи не явилась простымъ повтореніемъ тѣхъ доводовъ, которые я развивалъ въ статьяхъ о Толстомъ. Поэтому я кончаю, замѣтивши только, что многое, обращенное мною противъ Толстого, Успенскій можетъ принять и на свой счетъ.

Народъ въ произведеніяхъ Успенскаго.

I.

Прежде чѣмъ подойти къ ближайшему предмету этой статьи, необходимо остановиться на одномъ пунктѣ, имѣющемъ довольно важное значеніе для нашей общей темы. Въ тысячахъ страницъ, написанныхъ Успенскимъ, есть одна, преисполненная самаго горячаго негодованія и даже злости, вообще столь несвойственной дарованію Успенскаго. Понятно, нужны были очень серьезныя причины, чтобы вывести изъ терпѣнія этого кроткаго и добродушнаго писателя, чтобы бытописца превратить въ обличителя, юмориста въ сатирика, спокойнаго, хотя и не равнодушнаго аналитика въ запальчиваго полемиста. Причины были дѣйствительно серьезны.

Съ замѣчательною проницательностью, съ инстинктомъ и вдохновеніемъ истиннаго таланта, Успенскій предугадалъ тотъ переворотъ въ общественныхъ симпатіяхъ и стремленіяхъ, который въ настоящую минуту мы можемъ наблюдать въ его полномъ развитіи. «Довольно! довольно! довольно! Дайте и намъ, и намъ... не все же мужикъ, мужикъ, мужикъ...»—вотъ какъ десять лѣтъ тому назадъ формулировалъ Успенскій новое, въ то время еще только зарождавшееся настроеніе общества. Вотъ на встрѣчу этимъ-то претензіямъ Успенскій и послалъ слѣдующую страстную тираду:

«И такъ, во всѣ эти двадцать пять лѣтъ мужикъ и ложный взглядъ на мужика мѣшали вамъ что-нибудь дѣлать? Это вы, вслѣдствіе ложныхъ взглядовъ на мужика, господствовавшихъ въ литературѣ, начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россію ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ, просадивъ на нихъ сначала выкупныя свидѣтельства, потомъ лѣса и земли? Ложные взгляды на мужика не давали вамъ возможности пикнуть ни по части образованія вашихъ дѣтей, ни по части всевозможныхъ хищеній, всевозможныхъ неправдъ и всевозможныхъ колотушекъ въ разныя части собственнаго вашего тѣла? Мужикъ не давалъ проходу къ кассамъ расхищавшихся банковъ, въ милліардныхъ грабежахъ войны, въ мутной водѣ подпольнаго взяточничества? Мужикъ не давалъ вамъ ходу, когда, даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, вы ровно ничего путнаго не могли сказать, хотя и не можете имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ блага народа? Отъ ложныхъ взглядовъ въ литературѣ, вы, въ теченіе двадцати лѣтъ, въ семи стахъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и въ восьми тысячахъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, могли только вотировать прибавки къ жалованью господина становаго пристава, а по всѣмъ прочимъ вопросамъ могли выражать какія-то необыкновенныя «безпредѣльныя» чувства? Это все мужикъ обездоливалъ васъ, не давалъ вамъ проходу (проходу, проходу не давалъ!) къ настоящему дѣлу?... А, между тѣмъ, черезъ каждые три года, и по уѣзднымъ, и по губернскимъ городамъ, васъ собирали для того, чтобы напомнить о томъ, что вы въ самомъ дѣлѣ должны имѣть какія-нибудь благія цѣли. Черезъ каждые три года восемьсотъ уѣздныхъ и семьдесятъ губернскихъ каѳедральныхъ протопоповъ увѣщевали васъ шествовать безбоязненно по предначертанному пути, напоминая вамъ, что вы потомки предковъ, что предки были древле краеугольными камнями и что вы также должны быть краеугольными... А вы все въ буфетъ, да въ буфетъ!» *(Наконецъ, нашли виноватаго!)*

Все это чрезвычайно зло и мѣтко и въ *общемъ* смыслѣ совершенно справедливо. Справедливо, что мужикъ нашъ ни въ жизни, ни въ литературѣ ровно никому не мѣшаетъ; справедливо, что забота о благѣ мужика должна быть главною заботой всякаго серьез-

наго общественнаго дѣятеля; справедливо и то, что въ интересахъ мужика сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Бѣлинскій писалъ: «Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ, такіе люди теперь не стоятъ возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ». Пятьдесятъ лѣтъ прошли не даромъ для нашего самосознанія и теперь уже какъ-то неловко слишкомъ настаивать на томъ, что народъ, хотя бы уже только въ силу своей подавляющей численности, является главнѣйшимъ факторомъ нашей жизни, котораго благосостояніе, развитіе, прогрессъ есть благосостояніе, развитіе, прогрессъ всей страны. Отрицать этотъ фактъ—не мысль, не вѣрованіе, не идеалъ, а именно *фактъ*, ясный, какъ день, твердый и устойчивый, какъ скала, могутъ теперь только «глупцы или негодяи, или то и другое вмѣстѣ».

Но именно поэтому, т.-е. потому, что только «глупцы или негодяи» могутъ вопіять: «довольно! не все же мужикъ, мужикъ, дайте и намъ!» — именно поэтому и нѣтъ возможности вмѣнять обществу въ вину его теперешнее относительное равнодушіе къ народу Нѣтъ такого общества, въ которомъ не было бы глупцовъ и негодяевъ, но нѣтъ и общества, которое сплошь состояло бы изъ глупцовъ и негодяевъ. Запальчивость Успенскаго, защищающаго самую дорогую свою святыню, понятна и естественна, но несправедливость, все-таки, остается несправедливостью. Нѣтъ, не всѣ «начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россію ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ»: новая эра ознаменовалась также увеличеніемъ въ двадцать разъ числа народныхъ школъ. Относительно «пиканья» по части образованія, всевозможныхъ хищеній и неправдъ самъ Успенскій безъ труда припомнитъ факты довольно выразительные, которые отнимутъ отъ этого его упрека почти всю силу. Далѣе, никакъ нельзя утверждать, что приснопамятные наши свѣдущіе люди «ровно ничего путнаго не могли сказать». Такое утвержденіе недурно для памфлета, но не годится для исторіи. Были сужденія и предложенія очень «путныя», клонившіяся именно ко благу «мужика», и если они не получили осуществленія, то не потому, конечно, что предлагавшіе ихъ люди имѣли пристрастіе къ опереточнымъ пѣвицамъ. Наконецъ, вотированья «прибавки къ жалованью господина становаго пристава»

дѣйствительно бывали и ничего худого въ этомъ нѣтъ, потому что и господину становому приставу ѣсть-пить надо, но чтобы «въ теченіи двадцати лѣтъ» во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ «*могли только*» заниматься вопросомъ о жалованьи становому—это обвиненіе слишкомъ неправдоподобно, чтобы быть сколько-нибудь серьезнымъ.

Можно идти дальше. Можно спросить: точно ли «мужикъ» такъ-таки совсѣмъ, ни прямо, ни косвенно, неповиненъ въ томъ, что оптимистическій взглядъ на него общества или извѣстной части общества мало-по-малу превратился въ скептическій и даже иногда прямо въ пессимистическій? Съ другой стороны, точно ли надо быть непремѣнно глупцомъ или негодяемъ, чтобы по-пилатовски умыть руки въ вопросахъ и всей хаотической неурядицѣ деревенской жизни? Въ извѣстномъ романѣ г. Боборыкина *На ущербѣ* одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ персонажей говоритъ объ одномъ видномъ дѣятелѣ: «профессуру потерялъ и на своемъ народолюбіи ничего не выиграетъ... До сихъ поръ ни онъ, ни другіе, подобные ему, не хотятъ понять, что простой народъ—противъ нихъ; а они-то его обсахариваютъ». *Не хотятъ понять...* Въ томъ-то и дѣло, что многіе слишкомъ хорошо поняли и пришли къ выводамъ, логическая несостоятельность которыхъ несомнѣнна, но психологическую почву которыхъ указать не трудно. Если, какъ насъ увѣряютъ наши авторитетнѣйшіе народовѣды и народолюбцы и впереди всѣхъ и громче ихъ всѣхъ Глѣбъ Успенскій, — если народъ питаетъ къ намъ глубочайшее, почти органическое недовѣріе; если въ самыхъ доброжелательныхъ и искреннихъ чувствахъ нашихъ онъ подозрѣваетъ лицемѣріе, въ самыхъ безкорыстныхъ, а иногда и самоотверженныхъ поступкахъ нашихъ усматриваетъ только подвохъ и обманъ; если, несмотря ни на что, онъ не хочетъ признать въ насъ людей и видитъ въ насъ только «господъ», т.-е., по его понятію, такихъ существъ, которыя непзвѣстно зачѣмъ прозябаютъ на бѣломъ свѣтѣ; если, наконецъ, вслѣдствіе такого взгляда, онъ ежеминутно готовъ утопить въ ложкѣ воды самаго пламеннаго народолюбца и считаетъ это не только нравственнымъ, но чуть ли и не богоугоднымъ дѣломъ, — если все это факты, если все это правда, то, скажите, неужели неестественно, что въ нашей душѣ поднимается, наконецъ, нѣкоторая горечь, что мы начинаемъ чувствовать себя оскорбленными, и оскорбленными неправо, что въ

насъ возмущается, наконецъ, чувство личнаго достоинства, та законная гордость, которая запрещаетъ человѣку *навязывать* свою любовь, свои услуги, свое участіе? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, что-жъ?— насильно милъ не будешь и — ты самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ! Не хочешь читать Толстого—продолжай читать Бову, не хочешь учиться и знать — продолжай вѣрить въ чорта, въ бѣлую Арапію и въ людей съ песьими головами; не вѣришь мнѣ и отталкиваешь меня—наслаждайся жизнью въ удавовыхъ кольцахъ Колупаева и услаждайся краснорѣчіемъ Сладкопѣвцева. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

Я не говорю, чтобы такое отношеніе къ дѣлу было разумно и справедливо. Но я говорю, что такое отношеніе психологически-естественно, извинительно, не безнравственно. Оно неразумно и несправедливо потому, что гдѣ безсознательность, тамъ нѣтъ отвѣтственности, гдѣ непониманіе, незнаніе, тамъ нѣтъ грѣха и нѣтъ обиды: «отпусти имъ»... Но легко такъ разсуждать и не легко въ самомъ дѣлѣ такъ чувствовать. Легко «обсахаривать», т. е. идеализировать народъ какъ абстрактъ и мудрено «обсахаривать» его въ живыхъ, практическихъ сношеніяхъ съ нимъ. «Все это почтенные Несторы-лѣтописцы, Дафаны, Авироны, Авраамы и... Хамы, между прочимъ»,—сказалъ однажды Успенскій о деревенскихъ старикахъ, и въ этомъ, въ этой, кажущейся или дѣйствительной, двойственности народнаго духа и народной физіономіи источникъ огромныхъ и разнообразныхъ недоразумѣній. На основаніи общихъ философскихъ, психологическихъ и историческихъ соображеній, народъ нашъ—добродѣтельнѣйшій и всякаго уваженія заслуживающій Авраамъ; на основаніи практическихъ сношеній съ нимъ—онъ несомнѣннѣйшій Хамъ. Лестно и почетно принадлежать къ этому великому народу, который перенесъ столь тяжелыя испытанія и, тѣмъ не менѣе, по слову поэта, «широкую, ясную грудью дорогу проложитъ себѣ». Въ то же время, съ отдѣльными представителями этого народа, съ этимъ Петромъ, съ этимъ Сидоромъ, съ этою Дарьей нѣтъ пока никакой возможности жить и надо спасаться отъ нихъ въ городъ. Истинное торжество всяческой безсмыслицы и всевозможнаго сумбура!

Кто виноватъ—у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?

Публицистъ Успенскій знаетъ, кто виноватъ: безпутная и без-

дѣльная русская интеллигенція. Но у художника Успенскаго мы находимъ, наприм., такой эпизодъ. Петербургскій дѣятель нѣкто Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, утомясь Петербургомъ и вообще «паршивою цивилизаціей», какъ онъ выражался, отправился отдохнуть на лонѣ природы, среди «добрыхъ и простыхъ деревенскихъ нравовъ». Вмѣсто ожидаемаго Авраама, Иванъ Иванычъ обрѣлъ именно Хама, о чемъ Успенскій такимъ образомъ повѣствуетъ:

»Главнѣйшею причиной неудачи Ивана Ивановича было то, что онъ никоимъ образомъ не могъ добиться отъ народа мало-мальски искреннихъ человѣческихъ отношеній, такихъ, при которыхъ, съ одной стороны, Иванъ Ивановичъ могъ бы открыть свою душу и чистосердечно сказать: «бери!»— а съ другой, чтобы и народъ деревенскій также бы распахнулъ свое нутро, также бы радушно сказалъ Ивану Ивановичу: «Получай, баринъ, тепло-то! » Даже и тѣни такихъ отношеній онъ не могъ добиться отъ народа. И немудрено: у Ивана Ивановича—большой окладъ. Поэтому, едва Иванъ Ивановичъ поселился въ деревнѣ, какъ деревня поняла, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью. Очевидно, баринъ живетъ на готовыя деньги,—очевидно, онъ долженъ потреблять, тратить деньги—и вотъ съ первыхъ же дней по пріѣздѣ между усадьбой, гдѣ жилъ Иванъ Ивановичъ, и деревней, гдѣ обитали мужики, установились самыя неискреннія отношенія: ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ «безъ своекорыстныхъ цѣлей». Вотъ идетъ мужичокъ, идетъ, повидимому, просто поговорить, побесѣдовать—что особенно было бы пріятно Ивану Ивановичу,— а, глядишь, на дѣлѣ окажется, что онъ, этотъ простосердечный-то человѣкъ, пришелъ только затѣмъ, чтобъ заставить Ивана Ивановича брать у него мясо. Случилось Ивану Ивановичу отказать,—этотъ человѣкъ, встрѣтившись на другой день, и не поклонился, точно въ глаза не видалъ онъ Ивана Ивановича» *(Малые ребята).*

Разумѣется, Иванъ Ивановичъ вернулся изъ деревни глубоко разочарованный и, по всей вѣроятности, присоединилъ и свой голосъ къ хору голосовъ, восклицавшихъ: «довольно о мужикѣ!» Конечно, онъ неправъ: не довольно и никогда не будетъ «*довольно о мужикѣ*», но мы видимъ, всетаки, что переломъ въ воззрѣніяхъ произошелъ не случайно, не безъ повода, не отъ легкомыслія. Какъ всѣ серьезные идейные и нравственные процессы, этотъ переломъ принесъ Ивану Ивановичу не мало огорченій и даже страданій, и эти страданія почтенны, какъ страданія сердца объ утраченномъ чувствѣ, какъ страданія духа объ исчезнувшей вѣрѣ. Въ этомъ кликѣ «довольно о мужикѣ!» Успенскій усматриваетъ только доказательство зачерствѣлаго эгоизма современнаго

культурнаго человѣка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ кликъ во многихъ случаяхъ—именно выраженіе разочарованія или признаніе въ своемъ практическомъ безсиліи. «А мнѣ что за дѣло? Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь?»—этотъ некрасовскій стихъ имѣетъ тотъ же самый смыслъ, какъ и возмущающій Успенскаго кликъ: «довольно о мужикѣ!»

Иванъ Ивановичъ Полумраковъ—типъ, т. е. представитель цѣлой общественной группы, и именно той самой группы, по адресу которой Успенскій направилъ столько язвительныхъ упрековъ. Въ Иванѣ Ивановичѣ, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», отражается цѣлое поколѣніе и цѣлая эпоха. Успенскій, повторяю, очень вѣрно предугадалъ то апатическое, хладнокровное, равнодушное отношеніе къ народу, которое характеризуетъ переживаемое нами время, но отнесся къ этому равнодушію безъ анализа. Разъ навсегда порѣшивъ, что изъ нашей Назареи ничего путнаго произойти не можетъ, онъ пріискалъ для объясненія новаго общественнаго настроенія причины фривольныя и ничтожныя и обрушился на насъ всею тяжестью своего негодованія. Конечно, его воля. Но вотъ что до крайности любопытно: негодуя на интеллигенцію за ея недостаточное вниманіе къ народу, за охлажденіе къ мужику, Успенскій, въ то же время, напрягаетъ всѣ силы своего таланта для доказательства, что мужикъ до тѣхъ только поръ хорошъ, нравственно чистъ и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ, пока огражденъ «властью земли» отъ всякихъ постороннихъ вліяній,—въ томъ числѣ, конечно, и отъ вліянія интеллигенціи! Распутать этотъ логическій или діалектическій узелъ я не берусь, но разрѣзать его—попробую.

II.

Прежде всего, я попрошу у читателя позволенія сдѣлать одно указаніе довольно личнаго свойства. Написавши свои статьи о Толстомъ, я счелъ себя вправѣ только мимоходомъ отмѣтить личность солдата Каратаева, не останавливаясь для подробнаго ея анализа. «Это пантеистическое любованье жизнью, отличающее Каратаева, едва ли составляетъ типическую черту *всего русскаго*»—вотъ почти все, что я сказалъ въ то время объ этомъ знаменитомъ типѣ. Хотя я выражался условно («едва ли»), тѣмъ не менѣе,

мое убѣжденіе было совершенно твердо, то именно убѣжденіе, что въ личности Каратаева очень мало типическаго и ровно ничего серьезнаго, важнаго, глубокаго. Стучаться въ отворенную дверь—занятіе столь же скучное, сколько и безсмысленное, и я не счелъ нужнымъ убѣждать читателя въ томъ, въ чемъ онъ, по моему предположенію, давно уже былъ убѣжденъ. Мнѣ казалось (и, сознаюсь, продолжаетъ казаться), что для человѣка, признающаго прогрессъ фактомъ, цивилизацію благомъ, развитое сознаніе и самосознаніе могучимъ и благодѣтельнымъ орудіемъ, — для такого человѣка не должно существовать никакихъ колебаній въ воззрѣніяхъ на препрославленную каратаевскую непосредственность. Я писалъ о Толстомъ для людей, «какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ», для людей, чтущихъ науку и разумъ, и вотъ почему я хладнокровно обошелъ «круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды», какъ величаетъ Толстой своего героя. Я не сомнѣвался въ *своемъ* читателѣ, былъ увѣренъ, что его не разбираетъ желаніе, обуявшее нѣкогда Вольтера, когда онъ прочиталъ Руссо, — желаніе начать ходить на четверенькахъ, и мнѣ казалось неприличнымъ истощаться въ доказательствахъ, что человѣку подобаетъ ходить только на ногахъ, а не на ногахъ и рукахъ.

Оказывается, что я поступилъ опрометчиво и легкомысленно. Фактъ на-лицо: писатель, котораго мы по праву признавали въ значительной степени «своимъ», и, притомъ, писатель, глубже всѣхъ вдумывавшійся въ народную жизнь,—этотъ писатель торжественно признаетъ Платона Каратаева «типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена одна изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ». Съ фактическою стороной вопроса приходится помириться: Успенскій — спеціалистъ, ему и книги въ руки, и если онъ признаетъ, что въ личности Каратаева обрисована цѣлая *существенная группа характернѣйшихъ народныхъ свойствъ*, то, вѣроятно, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, тутъ мы безоружны противъ Успенскаго: онъ *своими* глазами видѣлъ, *своими* перстами осязалъ, тогда какъ мы если что и знаемъ о жизни, характерѣ, нравахъ нашего народа, то знаемъ лишь книжнымъ образомъ, черезъ посредство другихъ и, главнымъ образомъ, черезъ посредство того же Успенскаго. Но, признавая фактъ, какъ фактъ, право суда надъ этимъ фактомъ мы оставляемъ за собою. Фактическія показанія

Успенскаго имѣютъ для насъ почти обязательную силу, и мы принимаемъ ихъ цѣликомъ, но его сужденія объ этихъ фактахъ, его выводы изъ нихъ подлежатъ свободной критикѣ.

Припомнимъ, какія именно типичнѣйшія черты отмѣчаетъ Успенскій у Каратаева, въ формулахъ и характеристикахъ самого Толстого: «Жизнь Каратаева, какъ онъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ... Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, несмотря на всю ласковую къ нему нѣжность, ни на минуту бы не огорчился разлукой съ нимъ...» Эта выборка сдѣлана изъ романа Толстого Успенскимъ. Она не полна и по мѣрѣ надобности мы будемъ приводить изъ того же романа другія черты, характеризующія Каратаева.

И такъ, вотъ первая и основная черта: Каратаевъ любилъ всѣхъ и вся въ совокупности и никого и ничего въ отдѣльности. Въ чисто психологическомъ отношеніи, въ отвлеченномъ смыслѣ, эта черта въ высшей степени замѣчательна. Она знаменуетъ собою такую высоту умственнаго развитія или — что во многихъ отношеніяхъ одно и то же — такую нравственную чистоту и душевную красоту, какія встрѣчаются не часто. Кого любилъ или къ чему имѣлъ пристрастіе, напр., Фаустъ, этотъ мудрецъ, исчерпавшій всю науку, поглотившій все знаніе, достигшій послѣднихъ вершинъ разумѣнія? Или кого любилъ самъ творецъ Фауста—Гете, который ничего не оставилъ «подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта, который съ природою одною жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанья,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Любить истину, какъ выраженіе «абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи», какъ идею, которая «живетъ и дышетъ и въ бурныхъ отливахъ и приливахъ морей, и въ шелестѣ листьевъ, и въ журчаньи ручья, и въ слезѣ младенца, и въ улыбкѣ красоты, и въ волѣ человѣка, и въ стройныхъ созданіяхъ генія» *), значитъ

*) *Литературныя мечтанія* Бѣлинскаго, I, 24.

любить жизнь не въ частныхъ ея сторонахъ, а въ цѣломъ, и любить человѣка не въ личностяхъ, а въ человѣчествѣ. Tout comprendre—c'est tout pardonner—и не только простить, но и полюбить, потому что это естественно, потому что это нормальный процессъ развивающагося чувства. Когда Христу, углубившемуся въ бесѣду съ Его учениками, сказали, что Его мать безпокоится о Немъ и ищетъ Его, Онъ отвѣтилъ, указывая на тѣснившихся вокругъ слушателей: «Вотъ матерь Моя и вотъ братья Мои». Не эллина и не іудея, не раба и не свободнаго, но *ближняго* училъ Онъ любить, т. е. всякаго человѣка, носящаго образъ и подобіе Божіе, безъ различія національностей и сословій. Это высоко, но, какъ и все высокое, очень просто. Человѣкъ-скотъ любитъ только себя; человѣкъ толпы любитъ только непосредственно близкихъ ему людей — свою семью и своихъ интимныхъ друзей; человѣкъ идеи любитъ свою партію, свое общество, наконецъ, свою страну; но только Богочеловѣкъ или человѣкобогъ, возвысившійся до полнаго сліянія съ идеаломъ, можетъ охватить своею мыслью и согрѣть своимъ чувствомъ всю жизнь, во всемъ ея разнообразіи, и все человѣчество или даже все живущее во всей его совокупности.

Простодушный и невѣжественный солдатъ Каратаевъ оказывается какъ разъ на высотѣ этой всепрощающей и всеобъемлющей любви. «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь». Что это такое, какъ не полное отсутствіе эгоизма? Для чистокровнаго эгоиста «имѣетъ смыслъ» и значеніе именно только его личность и его жизнь. Люди, вещи, явленія хороши или дурны въ его глазахъ постольку, поскольку они способствуютъ или препятствуютъ *его* благосостоянію, *его* комфорту, *его* счастію. «Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». Это формула самаго чистаго и высокаго альтруизма. Каратаевъ «*постоянно* чувствовалъ» то, что всѣ мы, люди обыкновенные, чувствуемъ только въ торжественные моменты своего бытія, въ рѣдкія минуты энтузіазма и страстнаго увлеченія, когда намъ становится очевидною вся ничтожность нашихъ обыденныхъ интересовъ и стремленій, кажущихся столь важными для насъ въ спокойномъ, не взволнованномъ состояніи нашемъ. Каратаевъ «любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его

сосѣдомъ», — дальше въ этомъ направленіи едва ли можно идти. Понятна эта любовь къ шавкѣ, какъ понятна любовь тюремнаго узника къ пауку, къ мыши, ко всякому живому существу, смягчающему ужасъ полнаго одиночества, еще понятнѣе любовь къ товарищамъ-солдатамъ, — на людяхъ и смерть красна, — но полюбить человѣка не только чуждаго, но и враждебнаго міра, и—еще болѣе—полюбить враговъ, ежедневно, ежеминутно оскорбляющихъ и религіозныя, и патріотическія чувства, — это уже не просто любовь, а подвигъ любви, не личная благодушная кротость только, а выраженіе и результатъ органической, стихійной резиньяціи. Успенскій — къ слову сказать — опустилъ въ своей выборкѣ это указаніе Толстого на любовь Каратаева даже къ французамъ, но, конечно, не потому, что нашелъ эту черту неправдоподобной или не типичной. Въ другомъ мѣстѣ и по иному поводу онъ нарисовалъ даже цѣлую маленькую картинку именно въ этомъ самомъ духѣ: «Припомнается нашъ солдатикъ Кудинычъ, который, прослуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулкѣ на огородѣ, пугая воробьевъ... Онъ весь израненъ, избитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите-ка съ нимъ, врагъ ли онъ имъ? А поляки какъ? Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый... Добрый? Поляки народъ, надо такъ сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни за что тебя, напримѣръ, не допуститъ въ сапогахъ... напримѣръ заснуть ежели... А черкесы? Ты дрался съ черкесами? Эва! Мы черкеса перебили смѣты нѣтъ! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ, лучше этого народу, надо сказать прямо, не сыщешь. Всѣ его враги—добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтуютъ... Всѣхъ онъ усмирилъ, и вотъ теперь сидитъ въ караулкѣ, тачаетъ что-то, разговариваетъ съ собаченкой Кургузкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: охъ, грѣхи-грѣхи тяжкіе!» *(Больная Совѣсть)*. Не можетъ быть сомнѣнія, что Каратаевъ и Кудинычъ — люди одного и того же нравственнаго типа, а, стало быть, и по этому пункту (т. е. по признанію за своими героями способности любить враговъ) между Толстымъ и Успенскимъ существуетъ полная солидарность.

«Привязанностей, дружбы, любви Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ»... Конечно, это только вспомогательный штрихъ, а не самостоятельная черта, только раз-

витіе основнаго тезиса. Дружба и любовь въ нашемъ смыслѣ есть непремѣнно личное предпочтеніе и личное пристрастіе на основаніи какъ нашихъ индивидуальныхъ свойствъ, такъ и свойствъ того, кого мы любимъ или съ кѣмъ мы дружимъ. Каратаевы любятъ иначе, — не за то, что вы добры или злы, печальны или веселы, красивы или некрасивы, богаты или бѣдны, а за то, что вы *человѣкъ*, т.-е. за такое свойство, которое не составляетъ принадлежности извѣстной личности или извѣстнаго класса, типа, народа, а является достояніемъ всѣхъ и каждаго. «И полынь на своемъ корню ростетъ»,—говорятъ они при встрѣчѣ съ новымъ явленіемъ, и все становится яснымъ, понятнымъ и даже любезнымъ и милымъ для нихъ. Это болѣе чѣмъ покорность передъ существующимъ фактомъ, это именно почти фаталистическая резиньяція и это болѣе чѣмъ простая терпимость — это именно пантеистическая любовь. Это вотъ что:

Смертный! Силѣ насъ гнетущей
Покоряйся и терпи,
Спящій въ гробѣ—мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Наконецъ, «слова и дѣйствія Каратаева выливались изъ него такъ же равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова». Эта черта дорисовываетъ портретъ, и она дѣйствительно необходима. Каратаевъ всегда вѣренъ себѣ, всегда въ мирѣ съ собою, совершенно въ той же степени (но и совершенно въ другомъ родѣ), въ какой вѣренъ себѣ человѣкъ, овладѣвшій идеею настолько, чтобы не смущаться никакими противорѣчіями.

Каратаевъ часто говорилъ совершенно противуположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то, и другое было справедливо, т.-е., конечно, справедливо субъективно, согласно съ его личностью, отвѣчало его чувствамъ и вытекало изъ его совѣсти. Эта всегдашняя вѣрность самому себѣ, въ одно и то же время, и высочайшее счастье, и величайшая нравственная заслуга: счастье потому, что для такого человѣка наслажденіе и долгъ — одно и то же, заслуга потому, что осуществить въ себѣ самомъ идеалъ значитъ наилучшимъ образомъ защитить его, доказать его правду и жизненность.

Таковъ Каратаевъ. Яркій и удивительный нравственный образъ, не правда-ли? Самъ того не зная и не подозрѣвая, этотъ человѣкъ во всемъ объемѣ исполнилъ евангельскую заповѣдь—сталъ сердцемъ какъ дѣти и въ награду обрѣлъ на землѣ царствіе небесное. Представьте себѣ передъ такимъ чистымъ образомъ художника-психолога, вродѣ Толстого или Успенскаго: заранѣе ясно, что онъ привлечетъ къ себѣ самыя живыя ихъ симпатіи, причемъ совершенно естественно въ глазахъ этихъ художниковъ пріобрѣтутъ особенное значеніе тѣ силы, которыя создали и сохранили эту идеальную душевную чистоту. Каратаевъ ничего не знаетъ и все имѣетъ: не ясно-ли, что для счастія, для невинной и безгрѣшной жизни нѣтъ ни малѣйшей надобности въ умственномъ развитіи? Кто вкусилъ плода отъ древа познанія, тому нѣтъ мѣста въ раю, кто размышляетъ, изслѣдуетъ, испытываетъ, тотъ впадаетъ въ противорѣчія и въ разладъ съ собою, тотъ колеблется и сомнѣвается, а это душевное состояніе именно и есть тотъ адъ, который приготовленъ для дѣтей и адептовъ грѣховной человѣческой цивилизаціи. Какъ извѣстно, именно путемъ этихъ заключеній пошла мысль Толстаго; что же касается собственно Успенскаго, то, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, онъ нерѣшительно пріостановился на полпути. Каратаевъ и по его мнѣнію высокъ и прекрасенъ, но, въ то же время, «по совѣсти, цивилизація выдумала массу добра для человѣчества».

Подойдемъ еще поближе къ Каратаеву и посмотримъ на него не какъ на самостоятельный нравственный міръ, а въ связи съ другими нашими требованіями. Если Каратаевъ можетъ служить для насъ нравственнымъ идеаломъ, то совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ общественнымъ идеаломъ можетъ служить для насъ жизнь дикихъ племенъ. Развѣ члены этихъ племенъ не абсолютно свободны и не абсолютно равноправны? Развѣ затѣмъ каждый изъ этихъ членовъ не представляетъ собою образецъ всесторонняго развитія? Дикарь, въ одно и то же время, и воинъ, и мыслитель, и охотникъ, и жрецъ, и рыболовъ, и судья и т. д. Чѣмъ дальше мы будемъ отступать въ глубь исторіи, чѣмъ ниже будемъ спускаться по лѣстницѣ культуры, тѣмъ въ болѣе чистомъ и полномъ видѣ будемъ находить осуществленіе тѣхъ общественныхъ формъ и личныхъ отношеній, которыя стоятъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ далеко впереди, какъ цѣль, какъ идеалъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что нашъ прогрессъ — заблужденіе, что поступательное

шествіе человѣчества совершается затылкомъ впередъ? Нѣтъ, рѣшительно не слѣдуетъ. Тѣ формы, но не то содержаніе; тѣ явленія, но не та среда; тѣ условія, но не тотъ процессъ. Стихійная, естественная правда жизни оплодотворяется сознательностью, въ которой и черпаетъ свою силу и находитъ себѣ гарантію. Пусть правда, какъ воздухъ, дается людямъ даромъ, пусть надо только дышать, чтобы пользоваться воздухомъ, и надо только, не насилуя себя, жить, чтобы поступать праведно. Но съ первымъ построеннымъ шалашомъ является и испорченный воздухъ, который надо *умѣть* освѣжать, съ первыми начатками культуры является усложненіе отношеній, спеціализація способностей, раздѣленіе труда, неравномѣрность распредѣленія и проч., и проч., и все это нужно съумѣть регулировать, а для этого все это нужно съумѣть сознать, понять, опредѣлить. Даровая, *непосредственная* правда — правда неустойчивая.

Всѣ эти замѣчанія цѣликомъ относятся и къ Каратаеву. Крайности сходятся: кто все понимаетъ, тотъ все прощаетъ, все любитъ, все благословляетъ, но кто ничего не понимаетъ, тотъ точно также все въ состояніи возлюбить—отъ былинки до собаки и отъ собаки до врага собственнаго отечества. Для того, чтобы питать такую любовь, надо стать внѣ всѣхъ сложныхъ условій нашей жизни, съ ея разнородными элементами, съ ея борющимися силами. Но стать *внѣ* условій практической жизни можно, или ставши *выше* ихъ, какъ Христосъ, царство котораго было не отъ міра сего, или *ниже* ихъ, не подозрѣвая ихъ существованія или, по крайней мѣрѣ, даже приблизительно не уразумѣвая ихъ значенія, какъ тотъ герой Успенскаго, который такимъ образомъ судилъ объ этихъ условіяхъ: «огромность это все... По крайности, слава Богу, живъ, здоровъ и за то слава Тебѣ, Господи». *Огромность это все...* какъ ни наивно это сужденіе, оно, безъ всякаго сомнѣнія, несравненно выше абсолютнаго невѣдѣнія Каратаева, потому что въ немъ, все-таки, заключается смутное сознаніе сложности, значительности, «огромности» культурной жизни. Что касается Каратаева, то ему все ясно, потому что онъ смотритъ только внутрь себя, все понятно, потому что онъ ни надъ чѣмъ не задумывается. Наполеонъ сжегъ Москву—воля Божія! Добрый баринъ Пьеръ изстрадался въ плѣну—«ничего, миленькій, не подѣлаешь!» Французы разстрѣливаютъ плѣнныхъ русскихъ—«тс... тц... грѣхи-то, грѣхи-то!» Это несознающее

себя великое нравственное превосходство, прощающее врагамъ и мучителямъ, потому что они не понимаютъ, не вѣдаютъ, что творятъ,—это покорность фаталиста, это именно резиньяція слабости.

Что погибель? Что спасенье?
Будь что будетъ все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, запомнивши хорошенько, что дѣвственность души Каратаева происходитъ отъ дѣвственности его сознанія, мы увидимъ совершенно въ иномъ свѣтѣ всѣ его прекрасныя нравственныя свойства. «Жизнь Каратаева не имѣла для него смысла, какъ отдѣльная жизнь»,—еще бы иначе! *Не имѣла смысла*, во-первыхъ, потому, что въ растительномъ существованіи и нѣтъ никакого человѣческаго смысла; во-вторыхъ, потому, что Каратаевъ и не разглядѣлъ бы его, если бы онъ дѣйствительно существовалъ. «Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое Каратаевъ постоянно чувствовалъ». Да, если бы это подчиненіе личнаго общему происходило отъ убѣжденія, оно было бы подвигомъ. Но нѣтъ подвига, нѣтъ даже простой заслуги въ томъ случаѣ, если человѣкъ подчиняется не въ силу уваженія передъ общимъ, а вслѣдствіе недостатка уваженія къ самому себѣ. Каратаевъ не дорось до сознанія своей человѣческой личности и своихъ человѣческихъ правъ, и въ этомъ источникъ его альтруизма. Онъ подчиняется *всякому* общему, не вдаваясь въ анализъ свойствъ этого общаго. Лишь было бы за кѣмъ идти, лишь было бы кому повиноваться, *лишь бы не по своей волѣ и не по своей мысли поступать*,—вотъ все, что нужно Каратаеву. Въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ни тѣни эгоизма, потому что нѣтъ воли, нѣтъ желаній, нѣтъ страстей,—не потому нѣтъ, что онъ ихъ подавилъ или обуздалъ, а потому, что онъ не человѣкъ, а, по сравненію Толстого, «цвѣтокъ». Какія же у цвѣтка страсти? Онъ цвѣтетъ и благоухаетъ, если его мочитъ дождь и пригрѣваетъ солнышко, безотвѣтно и безропотно вянетъ отъ засухи и зноя, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ его личность, его воля, его свобода — рѣшительно не причемъ. Каратаевъ безгрѣшенъ и ни въ чемъ не повиненъ, потому что для совершенія грѣха нужна злая воля, а у Каратаева нѣтъ никакой — ни злой, ни благой. Онъ — безсознательное орудіе; его миссія — творить волю пославшаго; онъ именно «цвѣтокъ», который можетъ

пахнуть и усладительно, и отвратительно. «Непосредственность» Каратаева не психологическое, а зоологическое свойство. Можетъ ли быть, наприм., корова въ разладѣ съ собою? Она можетъ быть сыта или голодна, больна или здорова, но сомнѣваться, колебаться, раздвояться, рефлексировать она, конечно, не можетъ. Каратаевъ не сомнѣвается не потому, что покончилъ съ сомнѣніями, разрѣшилъ ихъ, а потому, что не умѣетъ размышлять. «Не разсуждать», «молчать», «не пикнуть»—эти заповѣди для Каратаева созданы и никто лучше его не исполняетъ ихъ.

Все это Успенскій понимаетъ не хуже насъ. Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая не о Каратаевѣ, а о нашемъ обществѣ, объ интеллигенціи, онъ прядовито осмѣиваетъ всеславянскую неспособность къ иниціативѣ и къ самостоятельности. Вотъ его подлинныя слова: «Такова наша участь вообще. То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе тяжкой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими. *Сами мы* привыкли, и насъ пріучила къ этому вся исторія наша, не считать себя ни во что, сами мы поэтому можемъ относительно *себя лично* допустить и пережить всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію; «намъ лично ничего не нужно». Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно. «*Уведи* меня въ станъ погибающихъ»,— вопіетъ герой поэмы Некрасова *Рыцарь на часъ*. И въ самомъ дѣлѣ: лучше увести его туда, а не то оставьте-ка его съ самимъ собою, такъ, вѣдь, онъ отъ какого нибудь незначительнаго толчка того и гляди шмыгнетъ въ станъ «обагряющихъ руки въ крови...» Тургеневская Елена въ *Наканунѣ* говоритъ: «Кто отдался весь, весь, *тому горя мало*... тотъ ужъ *ни за что не отвѣчаетъ*. *Не я* хочу... *то* хочетъ!..» Видите, какое для насъ удовольствіе *не отвѣчать* за самихъ себя, какое спасеніе броситься въ большое справедливое дѣло, которое бы поглотило наше *я*, чтобъ это *я* не смѣло хотѣть, а иначе... оно окажется весьма мучительнымъ для собственнаго своего обладателя. Иначе оно — «горе». Горя мало *не отвѣчать* за себя, имѣть возможность забыть себя, сказавъ: *не я* хочу, *то* хочетъ... Да, «не отвѣчать»! «Лишь бы *мнѣ* не быть въ от-

вѣтѣ», «мнѣ *самому* ничего не надо!» и т. д.—эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, т. е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ» *(Волей - неволей)*.

Все это очень остроумно. Есть, однако, существенная разница между каратаевскою покорностью року и преклоненіемъ передъ идеей, хотя бы, напр., тургеневской Елены, именно та разница, которая обусловливается умственнымъ развитіемъ, дающимъ возможность критики и выбора. «Не я хочу, *то* хочетъ». Въ чемъ именно заключается это властительное «то»? Здѣсь и начинается настоящая роль ума, потому что здѣсь она вступаетъ въ область идей и идеаловъ. Инсаровское «то» состояло въ идеѣ освобожденія; «то» некрасовскаго героя заключалось въ идеѣ страданія и искупленія; «то» ученаго состоитъ въ его наукѣ, «то» писателя и всякаго вообще общественнаго дѣятеля—въ ихъ теоріяхъ, тенденціяхъ, идеалахъ. Не съ бухты-барахты, не случайно они избираютъ свое «то», свой идеалъ, а путемъ долгаго размышленія и упорнаго труда, въ результатѣ которыхъ они обрѣтаютъ, наконецъ, *убѣжденіе*, т. е. твердую и сознательную увѣренность въ справедливости той или другой идеи. У Каратаева дѣло происходитъ попроще. Съ чѣмъ или съ кѣмъ сведетъ его судьба, тотъ ему и другъ; куда его направятъ, тамъ ему и путь. Шмыгнетъ или не шмыгнетъ некрасовскій герой изъ стана погибающихъ въ станъ обагряющихъ—это вопросъ нерѣшенный, и если точно шмыгнетъ, то это будетъ только личною измѣной, доказательствомъ его вѣчной непослѣдовательности и ничтожества. Но Каратаевъ... Каратаевъ съ одинаково легкимъ сердцемъ можетъ явиться и въ томъ, и въ другомъ станѣ и съ одинаково свѣтлымъ лицомъ будетъ и обагрять руки, и погибать, лишь бы приказъ былъ. «Миленькій, — скажетъ онъ своимъ лапидарнымъ языкомъ,—Божью власть не руками скласть». Нетерпѣливое, досадливое и, признаемся, даже злобное чувство возбуждаетъ въ насъ эта доброта, это своеобразное благодушіе, которое, сострадая, жалѣя, даже любя, тѣмъ не менѣе, сживаетъ васъ со свѣту. Съ одной стороны — «лучше этого народу, надо сказать прямо, не сыщешь», — ну, а съ другой стороны — «эва! мы перебили этого народу — смѣты нѣтъ». Противенъ и гадокъ какой нибудь нѣмецкій фельдфебель, прѣискренно убѣжденный, что каждый французъ – исчадіе ада, которое нужно и должно всячески истреблять. Однако, этотъ фельдфебель, всетаки, человѣкъ, хотя и очень

глупый и достаточно злой, тогда какъ Каратаевъ и Кудинычъ просто на просто машины или, если угодно, «цвѣтки».

Стать сердцемъ, какъ дѣти... Да, это можетъ быть поставлено какъ нравственный идеалъ, какъ послѣдняя грань возможнаго для насъ совершенства. Но *стать* ребенкомъ и *никогда не переставать быть* ребенкомъ—это два совершенно разныя дѣла. Вспомните эти стихи Тургенева:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ,
И я сжегъ все, чему поклонялся.
Поклонялся всему, что сжигалъ!

Это—характеристика нравственнаго перерожденія или возрожденія. Человѣкъ все испыталъ и вездѣ побывалъ, ему знакомы и страсти, и самыя отвлеченныя идеи, онъ жилъ и волновался всѣмъ, чѣмъ живутъ люди, и только послѣ этого, примиренный, просвѣтленный и успокоенный, онъ обрѣтаетъ прежнюю дѣтскую незлобивость души и кротость сердца. Да, это прекрасно; да, дитя—мудрецъ, все понявшій и потому все простившій, это вѣнецъ человѣческаго развитія. Дарвинъ былъ кротокъ, какъ Каратаевъ, а Гарибальди былъ безпритязателенъ и скроменъ какъ Кудинычъ, но ихъ имена записаны въ исторіи, какъ имена вождей, которые вели толпу и указывали ей пути, а не плелись куда приказано. Пусть, по-толстовски, они совершали не свою, а высшую, не земную волю, и мудрость ихъ была вдохновеніемъ: есть разница—исполнять ли *такую* волю, волю, управляющую міромъ, или волю перваго встрѣчнаго. Дарвинъ и Гарибальди, съ одной стороны, и Кудинычъ и Каратаевъ—съ другой—это противуположные полюсы человѣческаго развитія, это антиподы, несмотря на общее сходство своихъ нравственныхъ обликовъ. А какъ разъ посрединѣ этихъ крайнихъ степеней, самой низшей и самой высшей, мы находимъ мѣсто некрасовскаго героя, взывавшаго: «уведи меня въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». Онъ говоритъ «*уведи*», и вотъ почему онъ неизмѣримо ниже тѣхъ, кто идетъ по собственному почину или, еще болѣе, ведетъ за собой другихъ. Но онъ говоритъ «уведи меня» — не куда угодно, а «*въ станъ погибающихъ*», и вотъ почему онъ неизмѣримо выше тѣхъ, которые съ одинаковою безропотностью идутъ и въ храмъ, и въ кабакъ,—куда только прикажетъ его благородіе.

Чему же мы обязаны существованіемъ въ нашей жизни Каратаевыхъ и Кудинычей? Откуда берутся они? «Откуда,—отвѣчаетъ Успенскій,—какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго, непрестаннаго соприкосновенія съ ней, съ ея вѣчною лаской и вѣчною враждой? Мать-природа, воспитывающая милліоны нашего народа, вырабатываетъ милліоны такихъ типовъ, съ одними и тѣми же духовными свойствами». Можетъ быть, это и такъ, но мы хотѣли бы отмѣтить одно сомнѣніе, естественно возникающее въ насъ при этомъ объясненіи. Вѣдь, герой Некрасова и героиня Тургенева, также какъ большинство нашихъ интеллигентныхъ людей, всю свою жизнь прожили не только не въ «непрестанномъ соприкосновеніи» съ природой, но и съ очень, вообще говоря, смутными понятіями о ея «вѣчной ласкѣ и вѣчной враждѣ». Происхожденіе нашей интеллигенціи не деревенское, а городское, и, однако, Успенскій прямо говоритъ, что черта «считать себя ни во что» свойственна не одному Каратаеву, что «эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, *т. е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ*». Очевидно, дѣло не въ природѣ, не въ землѣ и ея власти,—по крайней мѣрѣ, не только въ нихъ однѣхъ.

III.

«Въ чемъ же тутъ тайна? А тайна эта, поистинѣ, огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка,—словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся,—народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ,—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ *невозможность* ослушанія ея *повелѣній*, покуда они владствуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе» (*Власть земли*).

Для большаго уразумѣнія «огромной тайны» просимъ читателя вникнуть еще въ этотъ небольшой отрывокъ:

«Земля забрала мужика въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, но за то *онъ и не отвѣчаетъ* ни за что, ни за одинъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *велитъ* его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ человѣка, который увелъ у него лошадь, и—не виновенъ, потому что безъ лошади нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти,—онъ опять не виноватъ: не родила земля, нечѣмъ кормить было; онъ въ гробъ

вогналъ вотъ эту свою жену и—не виновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, лѣнива, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Словомъ, если только онъ слушаетъ того, что велитъ ему земля, онъ ни въ чемъ не виновенъ; а, главное, какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза. Дождь на дворѣ—*долженъ* сидѣть дома, ведро—*долженъ* идти косить, жать и т. д. Ни за что *не отвѣчая*, ничего самъ *не придумывая*, человѣкъ живетъ только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращаемое въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую, повидимому, никакого результата (что выработаютъ, то и съѣдятъ), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ. Для чего ростетъ вотъ этотъ дубъ? Какая ему польза сто лѣтъ тянуть изъ земли соки? Что ему за интересъ каждый годъ покрываться листьями, потомъ терять ихъ и, въ концѣ-концовъ, кормить желудями свиней? Вся польза и интересъ жизни этого дуба именно въ томъ и заключается, что онъ *просто ростетъ*, просто зеленѣетъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ. То же самое и жизнь крестьянина-земледѣльца: вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь и интересъ жизни, а результатъ—нуль» (ib.).

Разъ навсегда убѣдившись, что намъ, дѣйствующей русской интеллигенціи, напрасно было бы ожидать отъ Успенскаго хоть единаго привѣтливаго слова, не будемъ останавливаться на той вопіющей несправедливости, съ какою онъ умудряется *одно и то же* свойство вмѣнять намъ — чуть не въ преступленіе, а народу чуть не въ великую заслугу. Мы, по мнѣнію Успенскаго, обнаруживаемъ недостатокъ самоуваженія, когда, какъ тургеневская Елена, отдаемъ себя во власть и въ распоряженіе какой нибудь идеи. «Не я хочу, *то* хочетъ»—для интеллигента это не оправданіе, но мужикъ — другое дѣло: «разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ велитъ его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ». Благодаря этому полнѣйшему подчиненію «власти земли», народъ «сохранилъ свой могучій и кроткій типъ» и всѣ вообще свои прекрасныя свойства. Мужикъ «живетъ только слушаясь», и какъ же это хорошо, какое это «счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній!» Но если *точь-въ-точь* такую же жизнь устроитъ себѣ интеллигентный человѣкъ, то это очень дурно, потому что свидѣтельствуетъ лишь о его желаніи избѣжать всякой нравственной отвѣтственности.

Вопросъ заключается въ томъ, можетъ ли существовать такое дѣло или такая идея, беззавѣтное служеніе которымъ снимало бы съ человѣка всякую отвѣтственность и давало бы нравственную

санкцію даже такимъ его дѣйствіямъ, которыя съ точки личной морали не могутъ быть оправданы? И жизнь, и исторія даютъ на этотъ вопросъ рѣшительно утвердительный отвѣтъ. Идея, напримѣръ, государства и его интересовъ сплошь да рядомъ приходитъ въ столкновеніе съ принципами личной морали и личнаго блага, и вотъ почему послѣдовательные индивидуалисты и моралисты, вродѣ Льва Толстаго, никакъ не могутъ найти modus vivendi для себя, не удаляясь въ пустыню и оставаясь среди условій культурной жизни. Это недоумѣніе и негодованіе моралиста передъ дѣйствительно тяжелою и мучительною коллизіей личнаго и общаго интереса отлично выразилось въ страстной тирадѣ одного изъ симпатичнѣйшихъ героевъ романа *Война и миръ*: «Военное сословіе самое почетное. А что такое война, что нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военнаго общества? Цѣль войны—убійство, орудія войны—шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи, обманъ и ложь, называемые военными хитростями; нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т. е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И, несмотря на то, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ большую награду. Сойдутся на убійство другъ друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ), и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуги. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ!» Это говорилъ князь Андрей Болконскій, который, въ то же время, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ, храбрыхъ и самоотверженныхъ офицеровъ. Онъ и убивалъ, и мечталъ о еще большихъ убійствахъ (или, что то же — о «подвигахъ») и нисколько не терялъ отъ того ни своего собственнаго уваженія, ни уваженія другихъ. «Не я убиваю, *то* убиваетъ», — могъ бы сказать онъ въ свою защиту словами тургеневской героини. Идея, избранная человѣкомъ, задача, взятая имъ на себя, можетъ быть ошибочна, но это будетъ ошибка противъ разума, а не противъ законовъ нравственности. Въ войнѣ, какъ и въ огромномъ большинствѣ такихъ массовыхъ движеній и почти стихійныхъ явленій, есть нѣчто придающее участію въ нихъ личности совершенно осо-

бый характеръ. Князь Андрей Болконскій убивалъ людей, но не былъ убійцею. Его дѣйствія обусловливались не эгоистическими мотивами, а велѣніями долга, — все равно, правильно или неправильно понимаемаго. Юристы учатъ искать виновника преступленія между тѣми, кому могло быть оно выгодно — и это логично. Присутствіе или отсутствіе своекорыстія — вотъ тотъ элементъ, который болѣе всего придаетъ извѣстному дѣянію тотъ или другой нравственный характеръ. «Убійцы» вродѣ князя Андрея не карьеру себѣ устраиваютъ, а исполняютъ свою миссію, не личнымъ чувствамъ удовлетворяютъ, а дѣлаютъ общее дѣло.

Теперь обратимся, съ этимъ критеріемъ въ рукахъ, къ героямъ Успенскаго. Вѣроятно, они дѣлаютъ огромное дѣло, если имъ, по мнѣнію Успенскаго, не вмѣняется и отпускается *всякое* дѣяніе, до позорнѣйшаго преступленія включительно, при условіи, что это дѣяніе совершено въ интересахъ главной цѣли. «Мужикъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену и не виновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, лѣнива, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ». Но, Боже мой, послѣ этого что же такое земледѣліе: есть ли это просто одинъ изъ видовъ добыванія себѣ хлѣба насущнаго, или это какое-то идольское служеніе? «Хозяйка-земля»—есть ли это просто объектъ обработки и разумной человѣческой эксплуатаціи, или это какой-то фетишъ, который требуетъ и которому не жаль принести даже человѣческія жертвы? Земля для человѣка или человѣкъ для земли? Хозяйка-земля или хозяйка-жена ближе и дороже земледѣльцу? Кажется намъ, въ воздѣлываніи земли нѣтъ ничего священнаго, ничего идеальнаго, даже ничего просто идейнаго, что это трудъ, быть можетъ, болѣе поэтическій, но ни на одну милліонную долю іоты не болѣе почтенный, нежели всякій другой физическій трудъ, имѣющій конечною цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка. Что сказали бы мы о томъ мастеровомъ, который бы «въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену», на томъ единственномъ основаніи, что она «дура, лѣнива, черезъ нее стало дѣло?» Мы сказали бы, что это не человѣкъ, а звѣрь, единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ для котораго можетъ служить его неразуміе, его безпомощная «темнота». Какая цѣль земледѣлія, чего добивается земледѣлецъ? — быть сытымъ — не болѣе того. И вотъ ради этой сытости, ради простѣйшихъ, чисто-желудочныхъ интере-

совъ разрѣшается жертвовать всѣми человѣческими свойствами. любовью къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ, дружбой, человѣколюбіемъ и проч., и проч. «Результатъ вѣковѣчнаго труда крестьянина-земледѣльца — нуль», это собственныя слова Успенскаго. Тѣмъ не менѣе, принести въ жертву этому «нулю» всѣ лучшія стороны своей природы, отдать въ рабство брюху и свое сердце, и свой умъ, и свою душу, — все это не только справедливо, но и свято...

Вопросъ, затронутый нами, до того серьезенъ, что я опять чувствую потребность прибѣгнуть къ защитѣ какого-нибудь авторитета. Призовемъ еще разъ на помощь Салтыкова, который говоритъ о «хозяйственномъ мужикѣ», между прочимъ, слѣдующее:

«Идеалъ «полной чаши» достигнутъ. Изба прочна и хорошо ухичена, запасу вдоволь, скотины въ избыткѣ, дѣти—въ порядкѣ. Въ домѣ царствуютъ миръ и согласіе; даже въ кубышкѣ деньга, на черный день, водится. Въ такомъ положеніи до міроѣдства—одинъ только шагъ. Но хозяйственный мужикъ отъ природы чуждъ кровопійства; его не соблазняетъ ни лавочка, ни кабакъ. Непрерывнымъ трудомъ и думою о будущемъ онъ достигъ извѣстной степени зажиточности—и будетъ съ него. Попрежнему, онъ отказывается отъ чайничества, попрежнему, ѣстъ хлѣбъ черствый, а не мягкій, попрежнему, осторожно обращается съ свѣжей убоиной. Если бы онъ поступилъ иначе, ему было бы не по себѣ, онъ пересталъ бы быть самимъ собой.

«Наконецъ, онъ умираетъ. Умираетъ тихо, честно, почти свято. За гробомъ слѣдуетъ жена съ толпою сыновей, дочерей, снохъ и внучатъ. Послѣ погребенья совершаютъ поминки, въ которыхъ участвуетъ вся деревня. Всѣ поминаютъ добромъ покойника. «Честный былъ, трудовой мужикъ—настоящій хрестьянинъ!»

«Да, это былъ дѣйствительно честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но, спрашивается, съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?»

Вотъ изображеніе настоящаго художника-реалиста, и вотъ проницательное сужденіе, достойное философа. Ни одного каррикатурнаго, преувеличеннаго штриха нѣтъ въ этой картинѣ, но нѣтъ въ ней и идеализаціи. Благообразная жизнь, благообразная смерть,

«полная чаша», согласная семья, честный, непрерывный трудъ,—словомъ, всѣ элементы идиллін и всѣ данныя для восхищенія съ нашей стороны, но художникъ отрезвляетъ насъ. Онъ спрашиваетъ: съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? какъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ? Салтыковъ не сравниваетъ крестьянина ни съ «цвѣткомъ», какъ Толстой, ни съ «дубомъ», какъ Успенскій, онъ хотѣлъ бы видѣть въ немъ человѣка съ стремленіями и идеалами болѣе широкими, нежели идеалъ «полной чаши». Его не только не восхищаетъ постоянное пребываніе крестьянина на лонѣ природы, его общеніе съ «хозяйкой землей» и безотвѣтное исполненіе ея зачастую безжалостныхъ требованій, но онъ указываетъ на необходимость «подойти» къ мужику, подойти затѣмъ, конечно, чтобы сколько возможно освободить его отъ тиранической «власти земли». И Салтыковъ, какъ и Успенскій, какъ и всякій сколько-нибудь гуманный человѣкъ, скажетъ, что «крестьянинъ ни въ чемъ не виновенъ», но не виновенъ не въ нравственномъ, а въ юридическомъ смыслѣ,—не *правъ*, а просто *невмѣняемъ*. Не виновенъ въ нравственномъ смыслѣ лишь тотъ, кто, прежде чѣмъ жертвовать другими, рискуетъ и жертвуетъ собой и кто при этомъ добивается не личныхъ, а общихъ результатовъ, защищаетъ не свои, а партійные или общественные, или національные, или, наконецъ, общечеловѣческіе интересы. Ничего подобнаго нѣтъ въ жизни и въ дѣятельности «хозяйственнаго мужика». Онъ «вгонитъ въ гробъ жену», не рискуя навлечь на себя ни уголовнаго суда, ни суда деревенскаго общественнаго мнѣнія: помилуйте, вѣдь, онъ рыцарь и жрецъ хозяйственнаго благообразія, только «учитъ» глупую бабу уму-разуму. А въ общественномъ смыслѣ онъ, по справедливому сравненію Успенскаго, именно «дубъ», который «просто ростетъ, просто зеленѣетъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ». Какъ дубу нѣтъ дѣла до лѣса, такъ хозяйственному мужику нѣтъ дѣла до общества, не потому только *нѣтъ дѣла*, что онъ, по своей неразвитости, не понимаетъ связи между личными и общими интересами, но, главнымъ образомъ, потому, что его дѣятельность по самой своей сущности изолированна, индивидуалистична и эгоистична. Общество не можетъ дать дождя на его полосу; общество не можетъ обезпечить ему урожая; все это дѣло слѣпыхъ стихійныхъ силъ, которыя только и интересуютъ его. Солнце, земля, вода—вотъ что важно и нужно для дуба и для мужика, а

люди, общество, людская жизнь, историческіе процессы и умственныя теченія—все это «насъ не касающе». Нѣтъ, мы отказываемся восхищаться этою растительною или зоологическою красотой, и «дубовыми» идеалами насъ нельзя увлечь. *Не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ*—этой заповѣди нельзя изгладить изъ нашего сознанія, потому что это болѣе чѣмъ принципъ, это—привычка, это—сама наша жизнь.

Но,—утверждаетъ Успенскій, — только благодаря этому вѣковѣчному общенію мужика съ природой, благодаря «власти земли», онъ успѣлъ сохранить «свой могучій и кроткій типъ». «Огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ молода душой, мужественно-сильна и дѣтски-кротка», пока остается въ своей избѣ и на своей землѣ, въ сторонѣ отъ разныхъ цивилизацій, интеллигенціи и т. п. Въ этомъ, конечно, есть правда, но правда не полная, односторонняя, узкая. Безъ сомнѣнія, если человѣкъ живетъ внѣ сферы дѣйствія извѣстнаго явленія, онъ предохранитъ себя отъ его вредныхъ вліяній совершенно въ той же степени, въ какой останется чуждъ и его добрымъ, полезнымъ сторонамъ. Примитивныя психологическія добрыя свойства, указываемыя Успенскимъ,—молодость души, доброта, дѣтская кротость (впрочемъ, къ слову сказать, намъ, людямъ обыкновенной логики, довольно затруднительно ясно представить себѣ образъ «дѣтски-кроткаго» человѣка, хладнокровно и систематически «вгоняющаго въ гробъ» свою собственную жену), составляютъ обычное достояніе не одного русскаго крестьянина, а вообще всякаго... какъ бы выразиться побезобиднѣе?—всякаго *патріархальнаго* человѣка. Противъ этого Успенскій спорить не станетъ. Онъ даже прямо говоритъ: «Возьмите нашего крестьянина изъ любой земледѣльческой деревни: онъ находится и сейчасъ *точь-въ-точь* въ такихъ же условіяхъ жизни и подъ тѣми же самыми вліяніями, какъ и тотъ скиѳъ, портретъ котораго вы можете видѣть въ книгѣ Вайца и который буквально точь-въ-точь похожъ на нашего «мужика»: тотъ же самый камень обходитъ сохой теперешній мужикъ, какой обходилъ сохой и скиѳъ и, какъ древнѣйшій предокъ теперешняго мужика, обходя камень, говорилъ: «ишь, идолъ, разлегся на самой дорогѣ, возись тутъ около него», такъ и теперешній мужикъ, поровнявшись съ камнемъ, не премнетъ вымолвить: «и нелегкая же тебя повалила на это мѣсто, неладная дубина!» Рѣка, солнце, мѣсяцъ, весна, осень, трава, деревья, цвѣ-

ты—все до послѣдней мелочи природы было *точь-въ-точь* то же самое, что и «въ безконечные вѣки». *Это* было неизмѣнное. Отъ *этого* зависѣла жизнь, въ *этомъ* тайна міросозерцанія. *Это* можно назвать и указать пальцемъ». Чудесно сказано. Успенскій тѣмъ и пріятенъ для критики, что, несмотря на свои противорѣчія, всегда договариваетъ свою мысль до конца. Совершенно вѣрно: между скиѳомъ Вайца и современнымъ мужикомъ разница очень не велика, а Успенскій утверждаетъ даже, что и совсѣмъ нѣтъ разницы, что они «буквально точь-въ-точь» похожи другъ на друга. Вотъ истинное торжество консерватизма: тысячу лѣтъ точно подъ снѣгомъ или въ заколдованномъ снѣ пролежалъ русскій народъ и, конечно, консервировалъ «всѣ свои лучшія свойства, потому что имъ и портиться было не отъ чего. Ни свѣтъ, ни свѣжій воздухъ не безпокоили спящаго богатыря и ему не грозила опасность «загнить», какъ загнили и, кажется, ужь вовсе сгнили его менѣе счастливые, не богоизбранные западные братья. Эти братья, говоря выраженіемъ Тургенева, самонадѣянно «дѣлали свою судьбу»; они открывали Америку; они выдумывали порохъ и изобрѣтали книгопечатаніе; они вырабатывали идеи и теоріи, которыя перевертывали вверхъ дномъ всѣ привычныя понятія и воззрѣнія; они тревожились, боролись, искали, волновались, чего-то добивались, къ чему-то и мыслью, и дѣломъ стремились. Мы поступали иначе: пороху не выдумывали, а жили «только *слушаясь*», подчиняясь факту, каковъ бы онъ ни былъ. *Тысячу лѣтъ* лежитъ на полѣ камень, сотня поколѣній земледѣльцевъ милліонъ разъ обругала его «идоломъ» и «неладною дубиной», а камень лежитъ себѣ да лежитъ, потому что онъ *фактъ,* потому что хотя его и «нелегкая положила на это мѣсто», но для того, чтобы сдвинуть его или вообще какъ нибудь избавиться отъ него, нужно думать, предпринимать, хлопотать, т. е., прежде всего, проснуться и прочухаться. Я не о фактѣ спорю съ Успенскимъ, а о принципѣ. Могу ли я спорить о фактѣ, когда, наприм., современные переселенцы наши — люди, вообще говоря, болѣе другихъ энергичные и самостоятельные,—отправляясь въ путь, непремѣнно лелѣютъ сладостную надежду найти такую трущобу, куда бы не только становой не заѣзжалъ, но и воронъ костей не заносилъ, гдѣ бы ихъ «никто не трогалъ»—ни урядникъ, ни азбука, ни плугъ, ни воинская повинность, ни керосиновая лампа. Все это новшества, безъ которыхъ «жили же наши отцы» (т. е. вайцевскіе

субъекты), а они не глупѣе насъ были». Такимъ образомъ и упрочивается «сохраненіе всѣхъ лучшихъ свойствъ» въ связи съ торжествомъ лучины, скиѳской сохи и повальнаго безграмотства.

Консерватизмъ — дѣло хорошее, идея вполнѣ правильная. «Сохранить» все то благое, что передано намъ предшествующими поколѣніями, это первая задача какъ всего общества, такъ и всякаго отдѣльнаго дѣятеля. Но дѣло въ томъ, что *сохранять* можно только *развивая*. Рабъ лукавый и лѣнивый, зарывшій въ землю данный ему господиномъ талантъ, «сохранилъ его во всей неприкосновенности и цѣлости, но мы понимаемъ и признаемъ справедливость постигшаго его осужденія. Истинный консерватизмъ не враждебенъ жизни, иначе въ немъ и смысла не было бы никакого, а гдѣ жизнь, тамъ движеніе, дѣятельность, развитіе. Если «власть земли» своимъ давленіемъ сдѣлала то, что современный русскій мужикъ во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на своего предка-дикаря, это значитъ, что ея сила не благотворна, а пагубна. Призваніе человѣка, которымъ онъ дѣйствительно можетъ гордиться, состоитъ въ томъ, чтобы быть властителемъ природы, а не рабомъ ея, жить повелѣвая ею, а не слѣпо «слушаясь» ея приказаній. Допустимъ, что въ природѣ нѣтъ не только прогресса, но и никакой эволюціи, что «рѣка, весна, осень, трава, деревья, цвѣты,—все до послѣдней мелочи природы было *точь-въ-точь* то же самое, что и въ безконечные вѣки», какъ утверждаетъ Успенскій, смѣло выбрасывая за бортъ всѣ великія теоріи и открытія нашего времени; почему, всетаки, намъ должна служить примѣромъ эта неизмѣнность и это постоянство природы, а не примѣръ историческихъ человѣческихъ обществъ, которыя въ процессѣ своего развитія ушли такъ далеко отъ своихъ дикихъ родоначальниковъ, что о «буквальномъ» сходствѣ и помину не можетъ быть? Успенскій какъ будто предвидѣлъ этотъ пунктъ и заблаговременно принялъ мѣры относительно его. Именно, онъ говоритъ: «Рѣшительно вездѣ, *точно такъ, какъ и въ нашей деревнѣ*, мы не найдемъ *никакихъ слѣдовъ* воспоминаній о какихъ бы то ни было гнетахъ и бѣдствіяхъ. Нашъ крестьянинъ сохранилъ открытое лицо и живой умъ, несмотря на татарское иго, шпицрутены и крѣпостное право. А французскій настоящій, нормандскій или бретонскій, мужикъ сохранилъ развѣ воспоминаніе о нашествіи римлянъ, о нашествіи варваровъ, о безчисленныхъ войнахъ и дракахъ, въ которыхъ погибли милліоны его предковъ? Итальянскій

король, навѣрное, не помнитъ всей римской исторіи, точно ея и не бывало. А сколько перерѣзано турокъ, и что же?—Лицо у нихъ улыбающееся и къ мордобитію расположенное во всякое время. Такое родство въ воззрѣніяхъ земледѣльцевъ всѣхъ странъ вполнѣ существуетъ». Здѣсь справедливо только то, что земледѣльческіе классы всѣхъ странъ, вообще говоря, консервативнѣе, неподвижнѣе, инертнѣе, нежели другіе общественные слои. Но насчетъ «родства въ воззрѣніяхъ» позвольте усомниться. Воззрѣнія земледѣльца, перешедшаго первобытные фазисы развитія, опредѣляются не солнцемъ, не мѣсяцемъ, не землей и не водой, а также и историческими условіями, тѣми формами общественности, среди которыхъ онъ живетъ. Турецкій крестьянинъ и французскій крестьянинъ одинаково консервативны, но консервируютъ они не одно и то же, и ихъ воззрѣнія не одинаковы. Если, наприм., правда, что турецкій крестьянинъ «расположенъ къ мордобитію во всякое время» и переноситъ его съ «улыбающимся лицомъ», то врядъ ли это можно сказать о современномъ французскомъ, или англійскомъ, или американскомъ земледѣльцѣ Герои мордобитія, чувствующіе себя совершенно à l'aise между турками, готовы будутъ спрятаться въ мышиную норку между американцами. Разница, какъ видите, не малая и существенная, и корень этой разницы—именно въ разницѣ воззрѣній.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ послѣдній, но чуть ли не самый важный пунктъ, послѣ чего читатель можетъ свободно рѣшить вопросъ о характерѣ и свойствѣ вліянія «власти земли» на крестьянина. Благодаря «власти земли», нашъ народъ, по Успенскому, такъ хорошъ и чистъ въ нравственномъ отношеніи, что мы даже «идемъ къ нему за исцѣленіемъ нашихъ душевныхъ мукъ». Въ общественномъ смыслѣ «власть земли», оказывается, производитъ еще болѣе изумительныя чудеса: она ставитъ крестьянина на такую высоту, которую нельзя назвать иначе, какъ идеальной. Успенскій и на этотъ разъ прибѣгаетъ на помощь Льва Толстого, у котораго онъ съ живѣйшею радостью находитъ ту мысль, что крестьянинъ-земледѣлецъ — *человѣкъ независимый, удовлетворяющій всѣмъ своимъ потребностямъ*. Вотъ въ чемъ заключается его великое превосходство надъ людьми образованными. Въ цивилизованномъ обществѣ «недѣлимое не можетъ похвалиться цѣлостью своего существованія. Напротивъ, въ каждомъ человѣкѣ, каждой об-

щественной группѣ нѣтъ гармоніи въ развитіи его личности, нѣтъ разнородности въ дѣятельности членовъ его организма; напротивъ, онъ, *цѣлый человѣкъ*, живетъ только *частью* себя, самъ сдѣлавшись членомъ общественнаго организма. Трудъ раздѣленъ между людьми, а не между членами организма человѣческаго. Рабочій только стоитъ у станка или у горна и стучитъ всю жизнь молотомъ, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Всѣ исполняютъ какую-нибудь спеціальность, не дающую возможности жить спеціалисту другими сторонами человѣческаго тѣла и духа, и всѣ не могутъ считать себя счастливыми. Рабочій, священникъ, инженеръ, балетная танцовщица, ученый и т. д.—никто изъ нихъ не можетъ *самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ*, а, напротивъ, удовлетворяя какую-нибудь общественную потребность, *самъ-то* въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ потребностей требуетъ постороннихъ услугъ такихъ же, какъ и онъ, микроскопическихъ спеціалистовъ» (*Трудами рукъ своихъ*).

На первыхъ порахъ эта аргументація производитъ впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вы, быть можетъ, очень хорошій спеціалистъ-работникъ, не можете обойтись безъ тысячи услугъ, доставляемыхъ вамъ обществомъ, т. е. такими же узкими спеціалистами, какъ и вы. Вы обѣдаете—обѣдъ приготовленъ кухаркой, вы пишите—вашъ письменный столъ сдѣланъ столяромъ, вы читаете—надъ книгой, которая находится въ вашихъ рукахъ, трудились десятки спеціалистовъ, отъ автора до брошюровщика. Вы не только не въ силахъ дѣлать «все самъ», но васъ хватаетъ на добросовѣстное исполненіе вашего спеціальнаго дѣла только при значительномъ напряженіи вашихъ способностей. Послѣ этого, что же такое вы, образованный и цивилизованный человѣкъ? Вы—крошечное колесико общественнаго механизма; вы не личность, вы — орудіе, вы не организмъ—вы органъ. Вы, со всѣмъ своимъ образованіемъ, только «палецъ отъ ноги», тогда какъ мужикъ—«человѣкъ независимый, самъ удовлетворяющій всѣмъ своимъ потребностямъ».

Небольшого размышленія, однако, достаточно, чтобы тотчасъ же найти нѣкоторое для себя утѣшеніе. Вѣдь, я, образованный человѣкъ, не хуже, не ниже какого-нибудь медвѣдя, а, между тѣмъ, этотъ почтенный звѣрь дѣлаетъ «все самъ» и «удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ». «Самъ» онъ овсяное поле или малинникъ находитъ, «самъ» берлогу устраиваетъ, «самъ» разыскиваетъ себѣ сам-

ку, «самъ» развлекаетъ себя чурбанами и т. д. «Независимость» медвѣдя отъ общества полная; «цѣлостность» его существованія всесовершенная; всесторонность его медвѣжьяго развитія идеальная. Тѣмъ не менѣе, онъ—глупый звѣрь, а я — разумный человѣкъ, и мнѣ стыдно и унизительно хоть на одну секунду стать съ нимъ на одну доску. Ясно, что критерій «цѣлостности» существованія и «всесторонности» развитія нуждается по меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ.

Далѣе вотъ что. Есть потребности и потребности, какъ есть развитіе и развитіе. Какъ разъ, напримѣръ, въ тотъ день, когда я пишу эти строки, въ одной странѣ Западной Европы кончается срокъ дѣйствія одного временнаго закона чрезвычайной важности, и я испытываю живѣйшую «потребность» узнать о результатахъ этого событія, потребность, по моему субъективному сознанію и ощущенію, не менѣе настоятельную, нежели любая чисто-физическая потребность. Удовлетвореніе этой потребности находится въ зависимости отъ труда десятковъ лицъ, совокупными усиліями которыхъ создается въ эту минуту газетный листъ, въ которомъ черезъ нѣсколько минутъ я найду все, что нужно для меня. А вотъ моей кухаркѣ, также какъ милліонамъ нашихъ Ивановъ и Матренъ, ничего подобнаго не требуется и они могутъ чувствовать себя совершенно «независимыми» отъ спеціалистовъ газетнаго дѣла. Завидовать ли мнѣ ихъ независимости? Не справедливѣе-ли пожалѣть ихъ, не знающихъ, не разумѣющихъ, не понимающихъ, — ихъ, о единомъ хлѣбѣ живущихъ? Подобныхъ примѣровъ читатель можетъ подобрать по этому образчику столько, сколько ему заблагоразсудится.

«Независимость» — слово очень громкое, но его надо понимать какъ слѣдуетъ. Философія Діогена была основана на идеѣ ложно понятой независимости и практическимъ выраженіемъ ея была знаменитая бочка, т. е. та же, конечно, медвѣжья берлога. Безъ сомнѣнія, чѣмъ меньше человѣкъ имѣетъ потребностей, тѣмъ меньше онъ нуждается въ услугахъ другихъ людей, тѣмъ онъ «независимѣе», но можетъ-ли тутъ быть рѣчь о полнотѣ и разносторонности жизни? Русскій крестьянинъ самъ удовлетворяетъ свои потребности,—это правда; но удовлетворяетъ не вслѣдствіе богатства своихъ знаній, а вслѣдствіе бѣдности и несложности своихъ потребностей. Чѣмъ ниже стоитъ человѣкъ на лѣстницѣ культуры, тѣмъ

онъ, въ смыслѣ ученія Толстаго и Успенскаго, «независимѣе»; чѣмъ выше, тѣмъ онъ общественнѣе, тѣмъ болѣе нуждается въ помощи и въ знаніяхъ другихъ. Для того, чтобы построить курную избенку, не нужно учиться плотничеству, но мужикъ, почувствовавшій потребность въ бѣлойхатѣ, обращается къ спеціалисту-плотнику и къ спеціалисту-печнику. Пока мужикъ щеголяетъ въ лаптяхъ, онъ «самъ» удовлетворяетъ своей потребности въ обуви, и тотчасъ же попадаетъ въ «зависимость» къ спеціалисту-сапожнику, какъ только убѣдится, что сапоги удобнѣе лаптей, и т. д., и т. д. Вся наша культура и почти вся наша цивилизація есть дѣло спеціалистовъ, результатъ всесторонняго примѣненія принципа раздѣленія труда. Не принципъ пагубенъ, а его крайнія выраженія, его утрировка, въ силу которой человѣкъ дѣйствительно нерѣдко превращается въ орудіе чуть-чуть большаго значенія, нежели тотъ молотъ, которымъ онъ «стучитъ всю жизнь».

Замѣчанія эти наши, конечно, очень бѣглы и, въ виду обширности темы, недостаточны, но, вѣдь, и выдвинуты они нами не противъ какой-нибудь теоретической твердыни. Мужикъ или, говоря общѣе, дикарь—«существо цѣлостное и независимое» — это правда, но у этой правды есть изнанка, на которую именно я и хотѣлъ указать. «Съ какой стороны, — спрашивалъ Салтыковъ, — подойти къ нему»—къ этому цѣлостному и независимому существу? Зачѣмъ подойти? Не затѣмъ, конечно, чтобы полюбоваться его воображаемымъ совершенствомъ, а затѣмъ, чтобы напомнить, что кромѣ «хлѣба», есть жизнь духа, есть способности ума, потребности любознательности. У нашего совершеннаго, всесторонняго существа, самолично удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ, оказывается почти атрофированною цѣлая и, притомъ, лучшая, высшая половина человѣческаго бытія. Правда, какъ доказываетъ Успенскій, потребность мыслить, наблюдать, понимать не заглохла въ крестьянинѣ, но удовлетворяется она доморощенными средствами даже еще хуже, нежели потребность въ обуви удовлетворяется допотопнымъ лаптемъ. Успенскій указываетъ на «земледѣльческій календарь», въ которомъ собрана масса разнаго рода «примѣтъ»— результатъ коллективной умственной работы нашего народа. «Примѣты» эти, по нашему мнѣнію, помимо антропологическаго и, пожалуй, этнографическаго интереса, имѣютъ значеніе лишь какъ образчикъ того, *какъ не надо мыслить,* но Успенскій относится къ

нимъ серьезно и даже почтительно. Вотъ его подлинныя слова: «можете представить, что объ одномъ хлѣбѣ, объ урожаѣ или неурожаѣ начинаютъ примѣчать тотчасъ послѣ посѣва: ужъ въ сентябрьскихъ примѣтахъ значится: «коли листъ (опадающій) ложится вверхъ изнанкой, будетъ урожай». Въ ноябрѣ «снѣгъ надуетъ—хлѣба прибудетъ», а «коли ледъ на рѣкѣ становится грудами, будутъ и хлѣба груды». Въ декабрѣ «большой иней, груды снѣга—и хлѣба будетъ много». «*Коли снѣгъ привалитъ вплоть къ заборамъ*, будетъ неурожай; коли не вплотѣ—урожай». «Иней на деревьяхъ—урожай». «Каковъ иней на деревьяхъ, таковъ и цвѣтъ на хлѣбѣ». 25 декабря ясный день къ урожаю; небо звѣздисто—къ приплоду скота, ягодамъ, гороху. Коли тропинки черны, уродится гречиха». Чего стоитъ хоть бы примѣта: *коли снѣгъ привалитъ вплоть къ забору и когда не вплоть*! Едва-ли банкиръ и капиталистъ въ такой же степени тщательно изучаетъ всѣ случайности, которымъ могутъ подвергнуться его бумаги, какъ тщательно изучаетъ крестьянинъ мельчайшія подробности случайностей природы, обусловливающія успѣхъ его труда и всего благосостоянія. Каждый день въ году и почти каждый часъ въ теченіи дня запримѣчены, объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ жизни».

Относительно «тщательности» этихъ такъ называемыхъ наблюденій никто спорить не будетъ, но относительно ихъ разумности, цѣлесообразности, осмысленности думать не мѣшаетъ. Уступая въ «тщательности», наблюденія банкира (не говоря уже о наблюденіяхъ ученаго) во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ столько же превосходятъ наблюденія народа, сколько вообще развитая и дисциплинированная мысль превосходитъ «темную мысль». Банкиръ не скажетъ: у меня сегодня переносица чешется, значитъ завтра фонды упадутъ, но онъ скажетъ и имѣетъ логическое право сказать: если на завтрашнихъ выборахъ одержитъ верхъ такая-то партія, я продамъ свои бумаги. Между переносицей и состояніемъ денежнаго рынка нѣтъ никакой связи, но между торжествомъ или пораженіемъ извѣстныхъ общественныхъ группъ и силъ и положеніемъ государственнаго кредита связь очевидна. Ну, а что означаетъ такое наблюденіе: коли ледъ на рѣкѣ становится грудами, будутъ и хлѣба груды? Только то и означаетъ, что авторъ этого наблюденія не вышелъ изъ періода младенческой непосредственности, способенъ ловить луну руками и умозаключать: «послѣ этого—

стало быть, вслѣдствіе этого». «Каждый день въ году,—умиляется Успенскій,—и почти каждый часъ въ теченіи дня замѣчены, *объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ* жизни». Объяснены и осмыслены! Мы хотѣли бы освѣдомиться: много ли помогаютъ эти *объясненія* успѣхамъ сельскаго хозяйства? Благодаря своимъ наблюденіямъ, банкиры богатѣютъ и разживаются, но тотъ проницательный наблюдатель, который связалъ таинственною связью груды льда съ грудами хлѣба, не пострадалъ ли отъ своихъ разсчетовъ? Не восхищеніе, а горечь и грусть возбуждаетъ въ насъ это зрѣлище умственной безпомощности великаго и даровитаго народа, неопытная и невооруженная мысль котораго истощается въ тенетахъ супранатуралистическихъ толкованій.

На этомъ можно остановиться. Читатель, надѣюсь, не затруднится понять, какую именно поправку мнѣ хотѣлось бы внести въ теоретическія построенія Успенскаго. Скажу еще разъ: не фактъ я оспариваю, а противъ принципа выступаю. Фактъ состоитъ въ томъ, что нашъ народъ не вышелъ пока изъ состоянія непосредственности, сохранилъ всѣ добрыя свойства, присущія этому состоянію, и свободенъ отъ грѣховъ нашей культуры. Восхищаясь, какъ психологъ, образомъ этого народа, «терпѣливаго и могучаго въ несчастіяхъ, молодого душою, мужественно-сильнаго и дѣтски-кроткаго», Успенскій, какъ публицистъ, хлопочетъ о сохраненіи тѣхъ условій жизни, которыя до сихъ поръ сберегли народъ во всей его дѣвственности. Раздѣляя восхищеніе художника-психолога,—по крайней мѣрѣ, отчасти, — я съ глубокимъ убѣжденіемъ оспариваю ошибку мыслителя. Какова ни есть наша культура и наша цивилизація, но внѣ ихъ нѣтъ путей къ развитію и прогрессу, а внѣ прогресса нѣтъ жизни и нѣтъ счастья. Не въ томъ задача нашего времени, чтобы предохранить народъ отъ культуры, а въ томъ, чтобы пріобщить его къ ней. Это очень просто и даже банально, но удобопонятно, вѣрно и жизненно, гораздо жизненнѣе, нежели діатрибы во вкусѣ Руссо и Толстого.

IV.

Мнѣ остается досказать немногое, и это немногое вызывается не столько сущностью самаго предмета, сколько требованіями критической добросовѣстности. Не полагаете ли вы, что Успенскому

новъ и незнакомъ тотъ строй идей, который мы выдвигали въ противовѣсъ воззрѣніямъ, развитымъ въ его главномъ произведеніи *Власть земли*? Пожалуйста, не полагайте. Я уже въ первой статьѣ, характеризируя Успенскаго какъ писателя вообще, замѣтилъ, что онъ строго караетъ, но тутъ же готовъ и помиловать. И наоборотъ, конечно: сегодня онъ превознесетъ явленіе выше лѣса стоячаго, а завтра провалитъ его въ преисподнюю. *Рядомъ съ Властью земли*, въ одномъ и томъ же томѣ, помѣщены два разсказа: *Безъ своей воли* и *Изъ разговоровъ съ пріятелями*, которые самъ авторъ рекомендуетъ какъ развитіе тенденцій *Власти земли*, но которые являются талантливѣйшимъ опроверженіемъ этихъ тенденцій. Нѣкоторыя страницы этихъ двухъ разсказовъ, въ одно и то же время, и пріятно, и досадно читать: пріятно потому, что соглашаешься, досадно потому, что всѣ эти истины говоритъ вамъ никто иной, какъ авторъ *Власти земли*, который только что взбудоражилъ васъ такъ, что вы готовы были видѣть въ немъ почти врага. Я не имѣю возможности останавливаться на разборѣ этихъ двухъ разсказовъ, но двухъ небольшихъ выписокъ будетъ достаточно, чтобы уяснить дѣло. Очень прошу читателя о вниманіи.

«Такъ вотъ и идетъ! Чистота души... шкура... Любовь къ ближнему и «забилъ на смерть»... высшая справедливость... жестокая несправедливость, и все это вмѣстѣ, все рядомъ и все иногда въ одномъ и томъ же лицѣ... Поди вотъ, разбирай, гдѣ они и когда сливаются, когда расходятся, что въ нихъ «въ самомъ дѣлѣ», а что нѣтъ?.. Что *свое*, что чужое, наносное?.. Поди вотъ, разбери, гдѣ граница благообразія и начало неблагообразія? Чистое сердце и благообразіе, чистое сердце и безобразіе, вотъ изъ безпрерывнаго соединенія явленій того и другого рода вмѣстѣ и выходитъ то положеніе вещей, взглянувъ въ которое, можешь только содрогаться».

Если бы герой *Власти земли*, «цѣлостный», «дѣтски-крѣпкій», «мужественно-сильный» и пр., и пр., умѣлъ читать и понимать, что почувствовалъ бы онъ, прочитавши этотъ отрывокъ? «Изъ князи, да въ грязи»,—сказалъ бы онъ, почесывая затылокъ. А вотъ еще тирада:

«Я смѣю думать, что благообразіе и оригинальность формъ человѣческихъ отношеній — все сосредоточено у ржанаго поля и колоса, т. е. въ крестьянствѣ; но я говорю, что онѣ сдѣланы не во-

лею и мыслью благообразно живущаго человѣка, а волею поля, колоса, и что поэтому прочность этихъ благообразныхъ формъ жизни точь-въ-точь такая же, какъ прочность узоровъ, которые морозъ дѣлаетъ на стеклѣ: по прихоти мороза они возникаютъ, по прихоти его они такъ удивительно хороши; но и исчезаютъ они тогда, когда этого пожелаетъ морозъ. Такъ происходитъ Мишанька чистосердечно-благообразнаго типа. Но какъ только вліяніе приказаній ржанаго поля ослабѣваетъ, какъ только ослабѣваетъ сила мороза, такъ начинаютъ таять великолѣпные узоры, такъ и оказывается, что «за душой» у Мишаньки «своего» очень мало, а часто и ничего нѣтъ».

Ахъ, какой репримандъ неожиданный!—воскликнулъ бы бѣдный Мишанька, если бы былъ знакомъ съ Гоголемъ. *Неожиданнаю* тутъ дѣйствительно много, но лишь съ формально-логической точки зрѣнія. Противорѣчій у Успенскаго сколько угодно и ихъ нельзя примирить логически, но въ личности автора онѣ сливаются въ одно стройное и неразрывное цѣлое. Всякое явленіе онъ умѣетъ разложить на его составныя части; ко всякому явленію онъ ухитряется отнестись съ совершенно оригинальной точки зрѣнія. Но этотъ аналитическій процессъ зачастую сбиваетъ съ истиннаго пути самого художника, который не хочетъ оставить читателя только съ горстью мусора—результатомъ его анализа, а хочетъ дать ему выводъ, обобщеніе, наконецъ, идеалъ. Характеръ этого обобщенія будетъ находиться въ зависимости отъ... да право же, кажется, больше всего отъ расположенія духа художника. Всякое явленіе безъ исключенія состоитъ изъ свѣта и тѣни, блага и зла, и художнику, съ такимъ совершенствомъ, какъ Успенскій, владѣющему орудіемъ анализа, ничего не стоитъ представить одно и то же явленіе и въ видѣ собранія золотыхъ крупинокъ, и въ видѣ именно никуда негоднаго мусора. Тутъ и сила, и слабость Успенскаго. Похвалитъ онъ васъ—не радуйтесь, будетъ порицать—не унывайте; но въ обоихъ случаяхъ внимательно прислушивайтесь, потому что Успенскій всегда говоритъ, во-первыхъ, искренно, во-вторыхъ—правдиво. Въ обоихъ случаяхъ вы услышите много новаго и полезнаго для себя, не спѣшите только идти за художникомъ въ его торопливыхъ экскурсіяхъ въ область общихъ выводовъ. Берите его данныя, но позаботьтесь сами о результатахъ; вѣрьте его анализу, но поостерегитесь его синтеза; постоянно спрашивайте у него о

пути-дорогѣ, но въ путеводители себѣ не приглашайте. Безъ этихъ предосторожностей вы рискуете внезапно очутиться или въ душеспасительномъ монастырѣ Льва Толстого, или въ хозяйственно-дѣловитой усадьбѣ г. Энгельгардта, а Успенскій первый же и улыбнется добродушно надъ вами.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ РѢШЕТНИКОВЪ.

Наша литература должна говорить правду.
Изъ письма Рѣшетникова Некрасову.

Эхъ, вы, цивилизація парикмахерская.
Рѣшетниковъ («Между людьми»).

I.

«Не все то золото, что блеститъ», говоритъ славная, умная русская пословица. И наоборотъ, конечно, не всегда блеститъ и настоящее золото. Драгоцѣнный самородокъ, только что извлеченный изъ глубины рудника, покрытый пылью и грязью, представляется въ видѣ какой-то безобразной глыбы, мимо которой равнодушно пройдетъ профанъ, но которая приведетъ въ восхищеніе человѣка понимающаго. Бронзовая цѣпочка или мѣдный пятакъ, хорошо вычищенные мѣломъ, горятъ «какъ жаръ» и, конечно, скорѣе привлекутъ къ себѣ вниманіе толпы, нежели безформенная, неуклюжая, нелѣпая глыба...

Читатель понимаетъ нашу незамысловатую метафору. Да, тусклый сѣрый, почти безцвѣтный Рѣшетниковъ является въ нашей литературѣ одною изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ фигуръ, а его сочиненія представляютъ собою литературно-историческій документъ, требующій и заслуживающій самаго внимательнаго изученія. Казалось бы, что можетъ принести въ литературу неразвитой, необразованный, просто-таки полуграмотный человѣкъ, въ литературу, гдѣ непосредственная сила дарованія имѣетъ гораздо меньше значенія, нежели во всѣхъ другихъ сферахъ искусства и творчества? Идеи, составляющія главное содержаніе произведеній слова, не даются задаромъ, а пріобрѣтаются путемъ тяжелаго умственнаго труда, образованія, развитія. Съ однимъ талантомъ тутъ много не сдѣлаешь, а талантъ Рѣшетникова, въ смыслѣ изобразительной,

живописующей способности, далеко не принадлежалъ къ числу перворазрядныхъ. И тѣмъ не менѣе Рѣшетникову удалось сказать буквально «новое слово», проложить въ литературѣ свой самостоятельный путь и оставить по себѣ прочный слѣдъ. Въ чемъ разгадка этого на первый взглядъ столь страннаго факта?

Не будемъ спѣшить съ объясненіями — это дѣло отъ насъ не уйдетъ—а обратимся предварительно къ самому Рѣшетникову за отвѣтами на наши вопросы: что такое онъ и кто такой онъ? Человѣкъ безхитростный и простой, вполнѣ свободный отъ недуга тщеславія, столь, вообще, свойственнаго писателямъ, Рѣшетниковъ отвѣчаетъ на эти вопросы хотя неполно, отрывочно, но съ несомнѣннымъ чистосердечіемъ и полной искренностью. Въ нашемъ распоряженіи имѣется собственноручный дневникъ Рѣшетникова, нигдѣ не напечатанный да, пожалуй, и незаслуживающій быть напечатаннымъ, потому что огромнѣйшая часть этого дневника наполнена такими крохотными житейскими мелочами, которыя были мелочами даже въ свое время и даже для самого Рѣшетникова, а теперь, много лѣтъ спустя, и для насъ, людей постороннихъ, не представляютъ уже вовсе никакого интереса. Но дневникъ чрезвычайно замѣчателенъ, во-первыхъ, по общему, основному своему тону и, во-вторыхъ, по нѣкоторымъ частностямъ, тамъ и сямъ вкрапленнымъ среди огромнаго «вороха мелочей», по щедринскому выраженію. Въ этомъ смыслѣ, дневникъ — незамѣнимый и безцѣнный матеріалъ для характеристики Рѣшетникова и какъ человѣка, и какъ писателя.

Тонъ дневника—тонъ безстрастной лѣтописи. Высказывая иногда самыя горькія по своей сущности мнѣнія, или разсказывая о той или другой постигшей его бѣдѣ, или выражая самое рѣшительное осужденіе тому или другому человѣку, Рѣшетниковъ никогда не теряетъ хладнокровія, не негодуетъ, не жалуется, не возмущается. Приведемъ два-три примѣра, которые лучше всего уяснятъ читателю дѣло. Разсказавъ невозмутимѣйшимъ тономъ о своихъ мытарствахъ въ Петербургѣ по разнымъ канцеляріямъ и редакціямъ, Рѣшетниковъ заключаетъ разсказъ трогательно-простодушной фразой: «*положеніе мое очень ужасное*». И больше ни слова, ни звука, ни стона. Ни на что онъ не жалуется, никого не обвиняетъ, онъ просто, какъ бывалый и всякіе виды видавшій врачъ, спокойно ставитъ діагнозъ: «положеніе очень ужасное». Но хладнокровіе врача есте-

ственно, ему не больна чужая боль, а вѣдь Рѣшетниковъ говоритъ о *себѣ*, о грозящей *ему* голодной смерти. Въ другомъ мѣстѣ, встрѣчая новый годъ и провожая старый, Рѣшетниковъ вполнѣ объективно замѣчаетъ: «*еще, значитъ, прибавился годъ страданій*». И опять ни жалобы, ни упрека, ни тѣни хоть какой-нибудь горечи. Онъ точно хорошій бухгалтеръ складываетъ и вычитаетъ, подводитъ итоги... чему итоги? Своимъ собственнымъ «страданіямъ!»

Но, можетъ быть, Рѣшетниковъ преувеличивалъ? Можетъ быть, «очень ужаснымъ» положеніемъ онъ называлъ, напримѣръ, временное, случайное безденежье, подъ громкимъ именемъ «страданій» онъ разумѣлъ, быть можетъ, обыкновенныя житейскія неудачи и огорченія, отъ которыхъ рѣшительно никто не застрахованъ? Каждому, по пословицѣ, своя слеза солона и людямъ такъ естественно преувеличивать свое горе, въ особенности такимъ людямъ, какъ Рѣшетниковъ — мнительнымъ, не довѣряющимъ ни себѣ, ни другимъ, болѣзненно-нервнымъ. Быть можетъ, наконецъ, самыя требованія отъ жизни были у Рѣшетникова нескромны, неблагоразумны, неразсудительны, и его «страданія» происходили отъ того только, что его фантазіи не могли осуществиться? И на это мы находимъ отвѣтъ въ дневникѣ. Рѣшетниковъ говоритъ вскользь о своихъ литературныхъ критикахъ, собственно объ ихъ упрекѣ ему, что онъ пишетъ «не обработывая, не заботится о художественности». Онъ соглашается съ этимъ упрекомъ: «*это правда. Если бы я имѣлъ средства жить въ отдѣльной комнатѣ, не забирать впередъ денегъ, я писалъ бы гораздо спокойнѣе и лучше, чѣмъ теперь*».

Такъ вотъ онѣ тѣ безумныя, гордыя мечты, которыя лелѣялъ въ своемъ сердцѣ этотъ необузданный человѣкъ, этотъ гордый честолюбецъ и самолюбецъ: «*жить въ отдѣльной комнатѣ*», т. е. имѣть уголокъ для работы, куда бы не смѣли врываться во всякое время дня и ночи ни пьяныя квартирныя хозяйки (какъ это было втеченіи холостой жизни Рѣшетникова), ни собственныя плачущія, полуголодныя дѣти (какъ это было во время семейной жизни Рѣшетникова). Вотъ о какихъ неслыханныхъ удобствахъ мечталъ этотъ изнѣженный сибаритъ! И я прошу читателя вспомнить, что о недостижимомъ счастіи «отдѣльной комнаты» вздыхалъ не начинающій юноша, который въ надеждѣ будущихъ успѣховъ согласенъ пока и поголодать и похолодать, это вздыхалъ писатель, уже заявившій себя въ литературѣ, составившій себѣ имя, обратившій

на себя вниманіе критики. И онъ именно только вздыхалъ, какъ вздыхаемъ мы съ вами о какой-нибудь шальной своей надеждѣ: «хорошо бы, очень и очень бы пріятно, да только гдѣ ужъ! Надо въ сорочкѣ родиться, чтобы добиться такой удачи».

«Это или какой-то дикарь, скажетъ читатель, или святой». Ни то, ни другое: поменьше святого и гораздо побольше дикаря. Рѣшетниковъ не былъ ни аскетомъ, ни ригористомъ, ни безсребренникомъ, а былъ онъ просто человѣкъ, да, именно, «*человѣкъ онъ былъ*», которому было мало дѣла до самого себя, потому что много дѣла было до другихъ. Къ этимъ «другимъ» относились всѣ тѣ—и только тѣ—обдѣленные судьбою люди, для которыхъ элементарнѣйшія удобства и потребности жизни являются, какъ и для Рѣшетникова, несбыточною мечтою, всѣ эти Пилы и Сысойки, для которыхъ предѣльнымъ выраженіемъ «богачества» представляется возможность каждый день наѣдаться до сыта ситнымъ хлѣбомъ. Въ сравненіи съ этой великой нуждой, съ этой неисходной и нескупленной бѣднотою — что такое чьи бы то ни было личныя лишенія и какія бы то ни было индивидуальныя страданія? Мысль и чувство Рѣшетникова были постоянно устремлены именно въ эту сторону, къ этой толпѣ близкихъ и дорогихъ лицъ, съ которыми онъ сжился и какъ человѣкъ, и какъ художникъ, къ этой толпѣ, одолѣваемой и физическимъ, и духовнымъ голодомъ, прозябающей «безъ понятія о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи». Вотъ объясненіе его равнодушія къ своему положенію, того изумительнаго хладнокровія, съ какимъ онъ относился къ своей собственной нищетѣ. Это объясненіе наше не произвольно. Въ дневникѣ—на данныхъ котораго мы пока исключительно основываемся — есть эпизодъ, значенія котораго самъ Рѣшетниковъ, очевидно, даже и не подозрѣвалъ и который по тому самому вдвойнѣ для насъ драгоцѣненъ. Для уясненія фактической стороны дѣла нужно замѣтить, что, вслѣдствіе матеріальныхъ соображеній, мрачный Рѣшетниковъ принужденъ былъ сотрудничать въ развеселой «Искрѣ», редакторомъ которой въ то время (первая половина шестидесятыхъ годовъ) состоялъ извѣстный переводчикъ Беранже—В. Курочкинъ. И вотъ Рѣшетниковъ, измѣняя на этотъ разъ своей обычной невозмутимости, съ сдержаннымъ негодованіемъ заноситъ въ свой дневникъ: «*Курочкину нуженъ юморъ, какъ онъ мнѣ говоритъ, и я написалъ юморъ такой* (здѣсь, какъ и вездѣ,

выписываемъ буквально, не исправляя даже правописанія), *что бѣдный человѣкъ, смѣясь, разсказываетъ объ своемъ горѣ, а Курочкинъ говоритъ, что мало юмору, между тѣмъ въ «Искрѣ» зачастую печатаются пустые разсказы»*.

Не знаю, какъ на читателя, а на меня эта нелѣпая, безграмотная фраза производитъ глубоко-умилительное впечатлѣніе. Что за прелесть этотъ дикарь! Что за золотое сердце у этого неотесаннаго вахлака! Его давитъ нужда; чтобы редактору угодить, веселѣй надо быть, и вотъ онъ постарался, «написалъ юморъ», который, конечно, столько же былъ пригоденъ для «Искры», сколько монашеская ряса для балетнаго танцовщика. Противъ нравственной природы своей не пойдешь и вотъ къ заказанному редакціей «юмору» Рѣшетниковъ пришпиливаетъ свое незаконное «горе бѣднаго человѣка» и наивно хитритъ, совмѣщая эти два трудно совмѣстимыя дѣла, смѣхъ со слезами, «юморъ» съ «горемъ», хитритъ тѣмъ, что заставляетъ «бѣднаго человѣка» разсказывать о своемъ горѣ *смѣясь*. Вотъ что называется находчиво выпутаться изъ затруднительнаго положенія!

Эта однопредметность мысли и односторонность таланта Рѣшетникова составляютъ одну изъ главнѣйшихъ его особенностей, его силу и вмѣстѣ съ тѣмъ его слабость. Онъ монотоненъ, потому что «горе бѣднаго человѣка» заслоняетъ для него всѣ явленія жизни,— и общественной, и личной. «Пустые разсказы»—это, по мнѣнію Рѣшетникова, конечно, всѣ такіе разсказы, въ которыхъ нѣтъ «бѣднаго человѣка» и ничего не говорится о его «горѣ». Въ двухъ тысячахъ печатныхъ страницъ Рѣшетникова мы нашли только *одно* мѣсто, *одну* фразу, въ которой есть непринужденная веселость и неподдѣльный юморъ. Мужика приглашаютъ на судъ въ свидѣтели и онъ отвѣчаетъ: «И—и! Я лучше полштофъ водки уничтожу, только чтобъ эти свидѣтельства... По одному дѣлу былъ я въ судѣ—страсти! Народу—и Господи ты мой! Потомъ присяга... потомъ рацея... потомъ, говоритъ, въ Сибирь, коль что не по сердцу... А найди ты, кто по сердцу живетъ... Потомъ исторья: все говоритъ—говори... Господи!» Сначала присяга, потомъ рацея, потомъ исторья—надъ этой мужицкой характеристикой «новаго» суда нельзя не улыбнуться; но, во-первыхъ, это, повторяемъ, *единственное* у Рѣшетникова проявленіе веселости, а, во-вторыхъ, даже оно вполнѣ случайно: вѣдь, мужикъ разсказываетъ совсѣмъ не весело, не на

смѣхъ, а съ нѣкоторымъ даже ужасомъ. По содержанію, по существу, этотъ разсказъ опять-таки ни что иное, какъ выраженіе «горя бѣднаго человѣка» и только наивно-комическая форма разсказа придаетъ ему юмористическій характеръ.

Слишкомъ, слишкомъ не до смѣха было Рѣшетникову. Въ его, вообще унылomъ и мрачномъ дневникѣ попадаются страницы въ полномъ смыслѣ слова трагическія, написанныя не чернилами, а слезами, страницы, которыя нѣтъ возможности читать равнодушно. Одну такую страницу мы приведемъ, и пусть читатель поразмыслитъ надъ нею и также пусть погруститъ вмѣстѣ съ нами, если ему близки и дороги судьбы русскаго просвѣщенія. Вотъ эта страница:

«19-го января 1864 года.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ я не писалъ свой дневникъ, хотя много бы можно было написать. Некогда. Вотъ слово, которое я писалъ въ дневникѣ и прежде и пишу теперь. Я много выстрадалъ въ это время. Я каждый день пью водку, безъ водки не могу закончить день, съ водкой мнѣ веселѣе. И теперь я пишу пьяный.

Я страшно мучусь. Жизнь становится съ каждымъ днемъ тяжелѣе, невыносимѣе. Кромѣ мученія ничего нѣтъ.

Мнѣ завидно, что есть люди, которые живутъ какъ-то особенно, по своему, не ропщутъ на судьбу. Дни ихъ проходятъ за днями, они ни о чемъ не думаютъ, имъ хочется только того, чтобы имъ жилось лучше, да имѣлись деньги.

Мнѣ гнусна становится ложь, гадость, рабство въ жизни. Мнѣ хочется чего-то лучшаго, небывалаго, хочется уяснить другимъ настоящее. Но всюду заворъ, давленіе, рабство. Я не могу никому высказать своихъ мыслей, чувствъ и желаній. Вотъ почему тяжела мнѣ эта горькая жизнь, отчего я пью,—выпьешь, по крайней мѣрѣ, заснешь. Такъ и во снѣ представляются какіе-то чудовищные образы, какая-то житейская гадость, и во снѣ нѣтъ покою. Отчего я не могу выработаться сочиненіями. Я молодъ — мнѣ 23-й годъ. Но вѣдь и моложе меня пишутъ, а я, несмотря на свои лѣта, кажусь старикомъ, чувствую усталость. Лучше (хуже?) всего то — я не образовалъ себя такъ, какъ образованы наши литераторы, у меня нѣтъ свободы, денегъ. Будь у меня свобода и средства къ жизни безъ службы, я года черезъ два образую себя, стану читать, еще ближе буду всматриваться въ нашу жизнь, всосусь въ ея кости и кровь. Такъ нѣтъ этого!.. Безъ этого я гибну; меня не хочутъ понять, презираютъ, давятъ сильные; у меня нѣтъ даже друга, который бы сочувствовалъ мнѣ, пожалѣлъ бы меня»...

Дневникъ Рѣшетникова—не литературное произведеніе, а именно только ежедневная бесѣда человѣка съ самимъ собою. Вотъ еще причина, почему Рѣшетниковъ почти всегда довольствуется въ днев-

никѣ простымъ указаніемъ на фактъ, не вдаваясь въ анализъ, или гнѣвной выходкой, страстной жалобой, не разъясняя подробно мотивовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, въ той замѣчательной страницѣ, которую мы только что цитировали. «Я страшно мучусь», говоритъ Рѣшетниковъ; но формулировать причинъ своихъ мученій, опредѣлить ихъ, пальцемъ на нихъ указать, — этого онъ не умѣлъ. Онъ ставилъ за одну скобку и причины частныя, личныя, коренившіяся въ случайныхъ обстоятельствахъ его жизни и судьбы, и причины общія, заключавшіяся въ условіяхъ тогдашней литературной и общественной жизни.

Въ ряду личныхъ причинъ на первомъ мѣстѣ, конечно, нужно поставить крайнюю малообразованность Рѣшетникова. Не въ томъ была бѣда Рѣшетникова, что онъ не получилъ почти никакого школьнаго образованія (онъ кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ), а въ томъ, что онъ не могъ или не умѣлъ воспользоваться самообразованіемъ. «Читалъ—пишетъ однажды Рѣшетниковъ въ дневникѣ—естественную исторію мірозданія Карла Фохта, переводъ Пальховскаго, надоѣло. Такая путаница». Если популярное сочиненіе представлялось Рѣшетникову «путаницей», то, конечно, это значило, что ему нужно было начинать чуть не съ азовъ, съ ознакомленія съ тѣми простѣйшими научными истинами, которыми образованные люди пользуются какъ языкомъ, живымъ словомъ, даже просто какъ руками и ногами—т. е. не замѣчая и не думая объ этомъ. Другой замѣчательный русскій писатель-самоучка — Кольцовъ откровенно признавался въ письмѣ къ знакомому: «субъектъ и объектъ я еще немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки». Это было скромное и прямодушное признаніе, тогда какъ Рѣшетниковъ, сознавая свою неподготовленность, тѣмъ не менѣе рѣшительно заявлялъ, что непонятая имъ книга—«путаница». Но не будемъ обвинять Рѣшетникова, а вспомнимъ лучше его слова: «меня презираютъ, давятъ сильные; у меня нѣтъ даже друга, который пожалѣлъ бы меня». Великое дѣло для молодого, начинающаго и тѣмъ болѣе малоразвитаго писателя первая удачная или неудачная встрѣча, первыя связи въ литературномъ мірѣ, тѣ вліянія, которымъ онъ подпадаетъ, тѣ впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ. Нравственнымъ и умственнымъ руководителемъ Кольцова былъ Бѣлинскій, тотъ Бѣлинскій, котораго прекрасный образъ до сихъ поръ продолжаетъ передъ нами расти и свѣтлѣть съ каждымъ вновь открывающимся фактомъ

изъ его жизни и изъ его дѣятельности. Рѣшетниковъ далеко не былъ такъ счастливъ...

Нѣтъ ничего тайнаго, что со временемъ не стало бы явнымъ, и пусть будущій біографъ Рѣшетникова фактами и документами (между которыми «дневникъ», конечно, займетъ одно изъ главныхъ мѣстъ) освѣтитъ эту сторону дѣла. Мы можемъ довольствоваться здѣсь простымъ утвержденіемъ этого факта полнаго одиночества и полной безпомощности Рѣшетникова. И даже хуже и больше чѣмъ одиночества... «Настоящей свободы человѣку нѣтъ: человѣкъ всегда будетъ подчиняться другому и будетъ находиться въ зависимости отъ людей богатыхъ. Бѣдному человѣку съ ничтожнымъ званіемъ нечего и думать о свободѣ».

Это невеселое, очевидно, выстраданное размышленіе Рѣшетниковъ занесъ въ дневникъ, когда уже составилъ себѣ имя въ литературѣ, когда, казалось бы, могъ претендовать на нѣкоторое вниманіе, если ужъ не на уваженіе къ себѣ... Вниманіе это могло бы выразиться именно помощью Рѣшетникову въ его неумѣлыхъ и безплодныхъ попыткахъ къ самообразованію и къ развитію, но Рѣшетникову не пришлось дождаться такого счастія. За то совѣтовъ поступать на службу и упрековъ за раннюю женитьбу Рѣшетниковъ наслушался даже сверхъ всякой мѣры.

«Несмотря на свои лѣта (23 года!) я кажусь старикомъ, чувствую усталость», говоритъ Рѣшетниковъ. Это была худшая изъ усталостей—усталость не отъ работы, а отъ людей. Рѣшетниковъ и всего-то прожилъ на свѣтѣ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, но печальное убѣжденіе, неоднократно и на разные лады выраженное имъ въ дневникѣ, что «гадости въ каждомъ лицѣ очень много» успѣло почти всецѣло овладѣть имъ. Человѣкъ сильнаго характера не поддался бы развращающему вліянію такого убѣжденія и съумѣлъ бы остаться самимъ собою. Человѣкъ развитого ума понялъ бы скоро, что обобщенія *такого* рода никуда не годятся. Но Рѣшетниковъ былъ и безоруженъ, и одинокъ—и въ результатѣ мрачное, угрюмое пьянство, которое и привело его къ ранней могилѣ. Это одна изъ тѣхъ старыхъ русскихъ исторій, которыя всегда новы, по слову поэта.

Гораздо важнѣе и серьезнѣе были причины общаго свойства поставившія Рѣшетникова въ одинокое положеніе, призвавшія его къ роли, которая была по силамъ его таланту, но не по силамъ

его развитію и его характеру. Къ анализу этихъ причинъ мы и перейдемъ теперь.

II.

Чѣмъ дальше отходитъ отъ насъ въ глубь исторіи великое событіе 19 февраля 1861 года, тѣмъ яснѣй и яснѣй становятся его колоссальные размѣры, его грандіозное историческое значеніе. Оно перемѣстило центръ тяжести нашей жизни, измѣнило ея основы и ея направленіе и—на первыхъ порахъ—перемѣшало и перепутало между собою самые живые интересы и самыя дѣятельныя силы нашего отечества.

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—раскачалася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Но жизнь «мужика» и «барина» въ дореформенное время была жизнью самой Россіи. Положеніе «мужика» и «барина» опредѣляло собою положеніе всѣхъ другихъ сословій и классовъ, и вотъ почему такъ-называемая, *крестьянская* реформа, есть, въ сущности, всероссійская реформа, обновившая одни элементы нашей жизни, призвавшая къ бытію другіе, подписавшая смертный приговоръ для третьихъ.

Двадцать милліоновъ человѣческихъ существъ, влачившіе существованіе простого рабочаго скота, получили первоначальную возможность къ устроенію себѣ человѣческой жизни—вотъ фактъ, совершившійся на нашихъ глазахъ. Понятно, что фактъ такихъ размѣровъ и такого значенія, помимо непосредственныхъ своихъ результатовъ, долженъ былъ привести за собою неисчислимыя косвенныя послѣдствія. Измѣнились не конкретные только факты, не факты практической жизни, не дѣловыя экономическія и юридическія нормы,—измѣнилась самая атмосфера жизни, измѣнились общія нравственныя и умственныя условія, которыя воспитываютъ и общество, и личность. Но эти условія—какъ разъ тѣ, съ которыми прежде всего и больше всего имѣетъ дѣло литература. «Личность», «общество», пути и судьбы ихъ развитія—въ этомъ, строго говоря, заключается все содержаніе, весь предметъ литературы и,

въ особенности, беллетристики. Понятно, что переломъ, происшедшій въ жизни, нашелъ свое выраженіе и въ художественной литературѣ. Демократизировалась жизнь, демократизировалась вслѣдъ за нею и литература.

Мы, русскіе, гордимся своей литературой, въ особенности, такъ называемой изящной—и по праву: она блеститъ такими яркими и могучими талантами, которые сдѣлали бы честь любой европейской литературѣ. Пересчитаемъ по пальцамъ эти таланты, принимая во вниманіе только ихъ непосредственную художественную силу, безъ всякаго отношенія къ ихъ относительному значенію, ихъ направленію и тенденціямъ. Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Писемскій, Гончаровъ, Левъ Толстой, Некрасовъ, Салтыковъ, Островскій и, можетъ быть, Сергѣй Аксаковъ и Григоровичъ—вотъ корифеи нашей художественной литературы, вотъ тѣ наши классики, произведенія которыхъ составляютъ нашу гордость и славу. И что-жъ? Фактъ въ своемъ родѣ единственный, ни въ какой другой странѣ небывалый: всѣ эти первоклассные литературные дѣятели принадлежатъ къ одному и тому же общественному слою, всѣ они безъ исключенія вышли изъ старо-дворянскихъ, коренныхъ помѣщичьихъ родовъ. По рожденію, по воспитанію, по семейнымъ традиціямъ, по всѣмъ безчисленнымъ нитямъ, связывающимъ человѣка съ средою, они—*господа*, въ буквальномъ значеніи этого слова. Это роскошные цвѣтки, выросшіе среди лютой зимы, въ оранжерейной атмосферѣ счастливой, сытой обезпеченности, на тучномъ черноземѣ крѣпостнаго рабовладѣльчества. Нужно ли говорить, что въ нашей метафорѣ нѣтъ даже малѣйшей тѣни упрека этимъ писателямъ? За *общіе* факты не можетъ быть *личной* отвѣтственности. Напротивъ, высшая заслуга и лучшая красота большинства этихъ писателей въ томъ и состоитъ, что они, вопреки своимъ сословнымъ интересамъ и не смотря ни на какія традиціи, говорили вслѣдъ за своимъ учителемъ и главою:

Увижу-ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ, свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря!

Нравственные идеалы были для нихъ всего дороже, духовные интересы стояли въ ихъ глазахъ ближе и выше интересовъ мате-

ріальныхъ, и въ этомъ отношеніи, съ этой точки зрѣнія, они безукоризненны и неуязвимы. Большинство изъ нихъ сдѣлали все, что можно было ожидать даже отъ лучшихъ, совершеннѣйшихъ людей въ ихъ положеніи—они сострадали, жалѣли, любили и защищали, какъ могли, тѣхъ, кого могли просто забыть и не замѣчать тѣхъ, кого мало кто любилъ и жалѣлъ. Почти каждый изъ нихъ чистъ отъ нареканій этого рода, почти къ каждому изъ нихъ примѣнимы слова ихъ вождя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его *увѣнчанную* тѣнь!

Пусть же спятъ спокойно въ своихъ гробахъ эти первые, передовые дѣятели во имя «прекрасной зари» и, конечно, «освобожденный народъ» не развѣнчаетъ ихъ тѣней, не оскорбитъ «укоромъ» ихъ памяти.

И все-таки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что «сытый голоднаго не разумѣетъ», какъ говоритъ пословица. Въ наивной формѣ здѣсь указывается на важный и общій психологическій фактъ, отъ вліянія котораго никому не дано уйти. Вспомнимъ евангельское изреченіе: «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ—наемникъ есть». О какомъ наемникѣ говорится здѣсь? Разумѣется, не буквально о *нанятомъ* человѣкѣ—такое толкованіе было бы слишкомъ узко—рѣчь идетъ о человѣкѣ, для котораго жизнь, безопасность и всяческіе интересы «овецъ»—интересы чуждые, посторонніе, интересы, не сливающіеся съ его собственными интересами. То же самое и «сытый» и «голодный» нашей пословицы. Не буквально о *сытомъ* и не буквально *о голодномъ* говорится здѣсь, а вообще о людяхъ, находящихся совершенно въ различныхъ положеніяхъ, людяхъ, которые желаютъ не одного и того же, чувствуютъ не одно и то же и думаютъ не объ одномъ и томъ же. Это въ порядкѣ вещей, это въ природѣ человѣка и ничего тутъ возмутительнаго нѣтъ. Человѣку только то на самомъ дѣлѣ близко, что *ему* близко, *его* касается, затрогиваетъ не тѣ или другіе его интересы, а всю совокупность ихъ. Нравственный идеалъ можетъ овладѣть нравственнымъ человѣкомъ настолько, что ради него онъ откажется отъ всякихъ другихъ интересовъ, отъ всякихъ радостей и отъ самой жизни. Исторія представляетъ

длинный рядъ примѣровъ людей, жертвовавшихъ собою ради дѣла, которое не было ихъ личнымъ, кровнымъ, насущнымъ дѣломъ. Все это безспорно—и да здравствуетъ благородная природа человѣка! Но, однако, вотъ два одинаково храбрые и дисциплинированные солдата. Ни одинъ изъ нихъ не дезертируетъ, не отступитъ передъ опасностью, не оставитъ своего поста. Но одному изъ нихъ довелось сражаться гдѣ-то на границѣ или въ предѣлахъ непріятельской страны, а другому пришлось биться на стѣнахъ родного осажденнаго города, въ средѣ гражданъ котораго онъ имѣетъ и друзей, и родныхъ, и собственную семью. Эти два одинаково храбрые и одинаково честные солдата одинаково ли безстрашно и самоотверженно будутъ сражаться? Отвѣтъ не труденъ. «Ребята, не Москва-ль за нами», говорилъ лермонтовскій полковникъ, воодушевляя своихъ солдатъ передъ бородинской битвой, и, конечно, его солдаты сражались въ этотъ день хорошо, потому именно, что сражались за дорогую, родную «матушку-Москву», а не за какой-то басурманскій Аустерлицъ, котораго и названія-то не выговоришь.

Да, даже чувство патріотизма имѣетъ своимъ основаніемъ именно сознаніе солидарности своихъ личныхъ интересовъ съ общими интересами страны. Уничтожается почему нибудь эта солидарность, исчезаетъ и это чувство. «Гдѣ хорошо—тамъ и отечество», говорятъ космополиты, и эта формула ихъ нисколько не противорѣчитъ формулѣ патріотизма, которую можно бы выразить такъ: «хорошо только въ отечествѣ». Въ послѣднемъ результатѣ, какъ видите, все сводится къ вопросу личнаго удобства, личнаго счастья, къ вопросу не объ отечествѣ, а о томъ «хорошо» или «нехорошо». Человѣку дорого то, что ему или родственно, или привычно, такъ или иначе близко, понятно, сочувственно. Тихвинецъ, повстрѣчавши въ Новгородѣ тихвинца, называетъ его землякомъ, въ Петербургѣ всякій новгородецъ—землякъ новгородцу, за границей всякій русскій—землякъ русскому, въ пустыняхъ средней Африки всякій европеецъ—землякъ европейцу, а, если бы парижанина и готтентота перенести, напр., на Венеру, они, буквально *земляки*, горячо обрадовались бы другъ другу, точно также какъ и житель земли обрадовался бы, какъ *своему*, жителю Венеры, встрѣтившись съ нимъ на спутникѣ Сиріуса: все-таки, вѣдь между ними есть хоть то общее, что имъ нѣкогда одно и то-же солнце свѣтило.

Долженъ сознаться, что я забрался довольно далеко—даже на самый Спріусъ—но отъ предмета я не удалился. Всѣ эти мои экскурсіи, всѣ приведенные мною примѣры, ведутъ къ тому несложному и очевидному выводу, что личный интересъ представляетъ собою одинъ изъ серьезнѣйшихъ мотивовъ всякой человѣческой дѣятельности, даетъ окраску симпатіямъ и антипатіямъ человѣка, возбуждаетъ его энергію, удвояетъ и утрояетъ его силы. Идея долга—высокая идея, чувство справедливости—прекрасное чувство. Но именно потому, что эта идея высока и это чувство прекрасно, они мало доступны людямъ обыкновеннымъ. Если у тебя попросятъ одну одежду, ты долженъ отдать и другую—вотъ ученіе высшей нравственности, вотъ чистое выраженіе отвлеченной идеи долга. «Своя рубашка къ тѣлу ближе»—вотъ заповѣдь практической жизни и практическихъ, среднихъ людей, вотъ формула прозаическаго житейскаго опыта. Кто-то сказалъ, что если бы таблица умноженія какимъ нибудь образомъ противорѣчила интересамъ людей, то аксіома дважды два—четыре подвергалась бы постояннымъ и ожесточеннымъ нападкамъ. Это мы и видимъ въ жизни на каждомъ шагу, во всякомъ случаѣ гораздо чаще, нежели безкорыстную проповѣдь исключительно во имя нравственнаго идеала. Ближайшіе ученики Христа, которымъ, казалось бы, такъ легко было воодушевиться и вдохновиться безкорыстною, безпримѣсною, чистою любовью, потому что они стояли около самого источника и воплощенія этой любви,—даже они хлопотали и заранѣе выговаривали себѣ награду *тамъ* за свои страданія и за свое самоотверженіе *здѣсь*. Слабъ человѣкъ и охотно преклоняетъ онъ ухо къ внушеніямъ злого духа эгоизма и только въ рѣдкія, лучшія минуты своего бытія возвышается до чистаго альтруизма, до полнаго забвенія своего себялюбиваго, неугомоннаго, вѣчно недовольнаго и вѣчно требовательнаго *я*!

Дореформенная литература наша была порождена не интересами, а идеалами. Благородные, гуманные, совѣстливые люди возставали противъ исторической несправедливости, которой они въ то же время были лично много обязаны—и своимъ блестящимъ образованіемъ, и своею независимостью, и всѣмъ изяществомъ своего комфортабельнаго существованія. Добрые, сострадательные, чуткіе люди проливали слезы надъ чужой бѣдой, надъ горемъ, которое—язвительная иронія судьбы!—собственно имъ, лично имъ приносило или выгоду въ родѣ «легкаго оброка» и «ярема бар-

щины старинной», или цвѣты удовольствія въ родѣ «младого и свѣжаго поцѣлуя смуглянки черноокой». Дѣйствіе этого разлада, этого отсутствія гармоніи между идеалами и интересами не могло не сказаться умѣряющимъ образомъ и на силѣ протеста этихъ людей, не могло не отразиться невыгодно и на правдѣ ихъ картинъ и образовъ. Повторяю опять-таки, что не въ судъ и не въ осужденіе подчеркиваю я это обстоятельство, а исключительно въ видахъ исторической и психологической точности. Освободиться отъ деморализующаго вліянія своего положенія человѣкъ можетъ только, выйдя изъ этого положенія, окончательно порвавши всѣ связи съ родною средою—но и такое освобожденіе будетъ болѣе кажущимся и внѣшнимъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Отъ понятій, всосанныхъ съ молокомъ матери, отъ привычекъ, привитыхъ прежде, нежели проснулась критическая мысль, отъ вкусовъ, симпатій и наклонностей, вызванныхъ и культивируемыхъ воспитаніемъ—отъ всего этого нельзя отдѣлаться, какъ нельзя родиться вторично. Не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что, напримѣръ, помѣщикъ Тургеневъ искренно и горячо ненавидѣлъ крѣпостные порядки, крѣпостные нравы, весь крѣпостной бытъ и, какъ художникъ, боролся съ нимъ, но, наблюдая дѣло со стороны или съ высоты общаго идеала, онъ, по собственному свидѣтельству, попадался въ самые курьезные просаки. Въ «Запискахъ охотника» есть разсказъ «Два помѣщика», въ которомъ баринъ приказываетъ высѣчь на конюшнѣ своего стараго, почтеннаго камердинера. Тургеневъ, разумѣется, былъ возмущенъ до глубины души этимъ, и не трудно вообразить, каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что только что высѣченный сѣдовласый камердинеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ по двору и щелкаетъ подсолнухи. Онъ подозвалъ его, разспросилъ о баринѣ и почти къ ужасу своему услыхалъ, что это такой баринъ... такой баринъ... такая душа... дай Господи ему здоровья и многія лѣта, а мы должны за него вѣчно Бога молить!

Вотъ и извольте примирить эти двѣ логики и двѣ нравственности—логику и нравственность высоко образованнаго и тонко развитаго западника-писателя и логику и нравственность «расейскаго» дворовaго человѣка крѣпостныхъ временъ. Что въ глазахъ одного—возмутительное, безобразное насиліе, то въ глазахъ другого—плевое житейское дѣло, потому что, вѣдь, «не рѣпу сѣять». И наоборотъ: напримѣръ, «молодой и свѣжій поцѣлуй смуглянки черноокой»

представлялся Пушкину однимъ изъ невинныхъ элементовъ *святой* деревенской жизни Онѣгина («вотъ жизнь Онѣгина *святая*»), а въ глазахъ хотя бы того же тургеневскаго камердинера этотъ поцѣлуй могъ явиться грубымъ осквернеиіемъ самыхъ чистыхъ его чувствъ. «Не *съ ними* плачешь, а *объ нихъ*», говорилъ Константинъ Аксаковъ по адресу Некрасова, оплакивавшаго въ своихъ стихахъ «сѣятеля и хранителя» русской земли. Этотъ упрекъ—если это упрекъ—долженъ быть отнесенъ не къ Некрасову только, а ко всей *господской* фракціи нашей литературы, ко всѣмъ нашимъ первостепеннымъ художественнымъ талантамъ, защищавшимъ народъ не на почвѣ его практическихъ интересовъ, а на почвѣ своихъ теоретическихъ идеаловъ.

Но вотъ «порвалась цѣпь великая», народъ призванъ къ активному участію въ историческомъ процессѣ, повѣяло весеннимъ воздухомъ, и въ литературѣ появляются новыя птицы и слышатся новыя пѣсни. Въ числѣ самыхъ первыхъ ласточекъ, не дѣлающихъ, но знаменующихъ весну, былъ и нашъ скромный, неувѣренный, невзрачный Оедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ. Да, онъ былъ однимъ изъ піонеровъ того демократическаго, народническаго направленія въ нашей литературѣ, которое, то замирая, то снова вспыхивая яркимъ пламенемъ, но никогда съ тѣхъ поръ окончательно не потухая, уже третье десятилѣтіе дѣйствуетъ у насъ на глазахъ и самая живучесть котораго доказываетъ, что оно въ правѣ разсчитывать на будущее. Въ этомъ, именно, и заключается литературно-общественное значеніе Рѣшетникова, значеніе крупное и серьезное, какъ значеніе всякой богатой послѣдствіями инпціативы.

Но какая же связь—спроситъ меня читатель—между освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и появленіемъ въ литературѣ такихъ писателей, какъ Рѣшетниковъ? Развѣ до возникновенія въ обществѣ и въ правительствѣ освободительныхъ стремленій Рѣшетниковъ былъ невозможенъ, развѣ литература наша гораздо раньше этого не имѣла поэта-прасола Кольцова, человѣка, имѣющаго больше правъ причислять себя къ подлинному, заправскому народу, нежели мелкій канцелярскій чиновникъ Рѣшетниковъ? Я нахожу эти, возможные со стороны читателя, вопросы очень серьезными и требующими обстоятельныхъ отвѣтовъ, которые я представлю тѣмъ охотнѣе, что они по самому свойству своему приблизятъ насъ къ нашей главной цѣли — къ всесторонней характеристикѣ Рѣшетникова.

Было ли возможно появленіе Рѣшетникова въ литературѣ въ дореформенную эпоху? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Рѣшетниковъ во всякую эпоху могъ существовать въ потенціи, въ возможности, но право быть выслушаннымъ онъ пріобрѣлъ лишь какъ частицу общаго права на вниманіе, только что полученнаго всей народной массой.

Рѣшетниковъ дебютировалъ въ литературѣ извѣстною повѣстью «Подлиповцы». Можно сказать съ полною увѣренностью, что ни одна редакція сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ не рѣшилась бы помѣстить эту вещь въ своихъ изданіяхъ, не рѣшилась бы не вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, а изъ страха раздирающаго диссонанса съ основнымъ тономъ жизни и литературы, изъ боязни произвести литературный скандалъ, который могъ бы только возмутить читателей. Въ «изящной» литературѣ того времени, для которой самъ Гоголь казался недостаточно «приличнымъ» писателемъ, въ которой безраздѣльно царила самая утонченная эстетика, которая охотнѣе всего изображала великосвѣтскія или по крайней мѣрѣ помѣщичьи, дворянскія сферы — въ такой литературѣ народъ могъ явиться на сцену только, какъ статистъ или какъ безличная толпа, и явиться притомъ умытымъ, причесаннымъ, въ яркой красной рубашкѣ и въ новыхъ сапогахъ, явиться пейзаномъ, а не мужикомъ. Помилуйте! Густолиственныхъ кленовъ аллея, облакомъ волнистымъ пыль встаетъ вдали, ночной зефиръ струитъ эфиръ; баринъ Лаврецкій только что простился съ барышней Лизой и воскликнулъ трагически — «здравствуй, печальная старость, догорай, безполезная жизнь»; баринъ Рудинъ только что разошелся съ идеальной барышней Натальей и поэтически пожаловался— «до чего ты, молодость, довела меня, домыкала», неземная Елена только что околдовала и очаровала всѣхъ своимъ трогательно-цѣломудреннымъ «такъ возьми же меня», небесная Ольга еще только вчера разводила тончайшіе разводы съ Обломовымъ, «нѣжнымъ, какъ голубь» и пр., и пр. — и въ эту-то ароматную среду, въ это отборнѣйшее общество вдругъ пустить звѣреобразнаго Пилу, чудовищнаго Сысойку, пьяныхъ, грубыхъ, глупыхъ, голодныхъ, которые во всю мочь орутъ: «пишшить! Апроська пишшитъ!» Очевидно, это было совершенно невозможно, пока въ самой жизни не произошло перелома въ этомъ смыслѣ. Но что говорить объ этомъ долго? Писемскаго называли грубымъ реалистомъ; но по сравненію съ Рѣшетниковымъ онъ, можно сказать, идеалистъ

и эстетикъ: а его персонажи рядомъ съ Пилой и Сысойкой представляются просто джентельменами. И однако Писемскій, написавшій одинъ изъ своихъ народныхъ разсказовъ («Плотничья артель», если не ошибаюсь) еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, долженъ былъ дожидаться чуть не десятокъ лѣтъ возможности напечатать свое произведеніе. Какого пріема послѣ этого могъ бы ожидать въ то время Рѣшетниковъ съ своими героями?

Что касается указанія на Кольцова и на его дѣятельность въ самый разгаръ крѣпостничества, то самое бѣглое размышленіе покажетъ, что эта ссылка во всѣхъ отношеніяхъ неубѣдительна. Невѣрно прежде всего то, что прасолъ-Кольцовъ ближе къ народу, нежели канцелярскій служитель Рѣшетниковъ. Какъ наблюдатели, они одинаково знали народъ не по слухамъ, не по разсказамъ, не изъ вторыхъ рукъ, а путемъ непосредственнаго общенія съ нимъ. Далѣе, Кольцовъ былъ человѣкомъ народа — по происхожденію (да и это очень условно, потому что онъ онъ былъ горожанинъ и мѣщанинъ), но совершеннымъ буржуа (въ западномъ смыслѣ) — по положенію. Рѣшетниковъ былъ чиновникомъ — по происхожденію и истиннымъ сыномъ народа — по положенію. Кольцовъ былъ представителемъ «народа», какъ этнографической единицы; Рѣшетниковъ былъ представителемъ «народа», какъ экономической группы. Собственно не «народъ» въ смыслѣ общественнаго слоя занималъ Рѣшетникова, а именно, «бѣдный человѣкъ» и его «горе», бѣдный человѣкъ, котораго, конечно, прежде всего нужно было искать въ народѣ, но безъ всякаго труда можно было найти и въ другихъ классахъ. Кольцовъ былъ *идилликомъ* народа и его быта, а идиллія плохо вяжется съ горестными темами и картинами. Развѣ не съ чувствомъ довольства собою и своею судьбою говоритъ кольцовскій крестьянинъ:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю,
Я самъ-другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ.

Этотъ мотивъ — основной, первенствующій мотивъ въ поэзіи Кольцова, и вотъ, между прочимъ, почему появленіе ея было возможно въ самый темный періодъ русской исторіи. Эта поэзія, говоря французскимъ выраженіемъ, не била стеколъ. И Чичиковъ,

и Маниловъ, и самъ Собакевичъ могли охотно говорить о «трудолюбивомъ поселянинѣ» и даже умиляться надъ нимъ, надъ его «счастливою» долею. Образы сивки, красавицы-зорьки и самого крестьянина, который, конечно, «ѣстъ добры щи и брагу пьетъ», не тревожили ихъ да и ни чьей совѣсти, потому что и не отъ чего было тревожиться, не о чемъ горевать: ну, и пусть себѣ на пользу, намъ на радость, отечеству на славу крестьянинъ бѣлитъ желѣзо о сырую землю! Въ этомъ его провиденціальное назначеніе и если ему хорошо, то и намъ прекрасно—и значитъ все обстоитъ благополучно.

Съ иными намѣреніями, съ иными чувствами и съ иными картинами шелъ въ литературу Рѣшетниковъ. Конечно, въ жизни крестьянина есть чистыя радости, въ его существованіи есть идиллическія стороны и сдѣлать *эту* сторону содержаніемъ поэзіи разумно, законно, нужно, полезно. Но это во всякомъ случаѣ не полная правда. Надо именно было сказать, что *не* «все благополучно», что кромѣ счастливыхъ кольцовскихъ «поселянъ» есть Пилы, Сысойки и Апроськи, которымъ слишкомъ, слишкомъ не до «красавицы-зорьки», которые, какъ тенетами, опутаны бѣдностью, доходящей до голодной нищеты, невѣжествомъ, граничащимъ съ пещерною дикостью, грубостью и всяческимъ скотствомъ, приличными только для троглодита. Посмотримъ, какъ исполнилъ Рѣшетниковъ эту главную свою миссію.

III.

«Я не мечтаю о славѣ, а мнѣ нужно дѣло», говоритъ Рѣшетниковъ въ своемъ дневникѣ. Въ другомъ мѣстѣ того же дневника онъ пишетъ: «Я на красоту смотрю какъ на приманку и всегда вопію какъ противъ красоты, такъ и противъ всякихъ украшеній». Къ этимъ афоризмамъ прибавьте тотъ, который мы взяли эпиграфомъ—«наша литература должна говорить правду», и вы получите полную характеристику художественныхъ цѣлей и художественныхъ пріемовъ Рѣшетникова. Характеристика эта не только вѣрна, но и полна. «Дѣло», о которомъ говоритъ Рѣшетниковъ, это, конечно, «горе бѣднаго человѣка», постоянно занимавшее его; «правда», которую должна говорить литература, это именно правда безъ всякихъ прикрасъ, безъ «дурацкихъ украшеній». Эта программа и со стороны формы самымъ неуклоннымъ образомъ выдержана

Рѣшетниковымъ въ его лучшемъ произведеніи — въ повѣсти «Подлиповцы».

Никакихъ трагическихъ «ужасовъ» нѣтъ въ этой повѣсти, никакой романической фабулы, никакихъ чрезвычайныхъ происшествій. Эту повѣсть можно было бы назвать чисто дѣловымъ «этнографическимъ очеркомъ», если бы она съ начала и до конца не была освѣщена и согрѣта теплымъ участливымъ чувствомъ автора къ его сѣрымъ героямъ. Съ вѣрнымъ художественнымъ тактомъ Рѣшетниковъ понялъ, что изобличать заднимъ числомъ только что уничтоженное крѣпостное право было бы дѣломъ едва ли не напраснымъ, и его мужики — люди легально свободные, никогда не знавшіе ни барина, ни приказчика, ни даже полицейскаго начальства, которое очень рѣдко заглядывало въ ихъ забытый уголъ. Вотъ этихъ-то совершенно свободныхъ нашихъ соотечественниковъ Рѣшетниковъ и рисуетъ намъ и со стороны ихъ нравовъ, и со стороны ихъ быта.

«Подлиповцы» — это государственные крестьяне деревни Подлипной, Чердынскаго уѣзда, Пермской губерніи. Именно это опредѣленное топографическое указаніе и придаетъ произведенію Рѣшетникова этнографическій характеръ, къ большому вреду для него. Что-жь? скажетъ иной патріотъ. На пространствѣ отъ Перми до Тавриды и отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды не трудно найти такой медвѣжій уголъ, обитатели котораго представляютъ собою во всѣхъ отношеніяхъ минимумъ развитія и жизнь которыхъ потому самому можетъ имѣть для насъ только частный, мѣстный, а не общій интересъ, не типическое значеніе, а значеніе исключительно курьеза. Разсужденіе это очень успокоительно и щепетильная добросовѣстность Рѣшетникова, дѣйствительно, даетъ поводъ такъ разсуждать; но наше дѣло, дѣло критики, въ томъ состоитъ, чтобы отвести анализируемому произведенію его настоящее мѣсто, найти его истинное значеніе, сплошь да рядомъ неясное для самого автора. Мы приведемъ одинъ фактъ, который очень наглядно иллюстрируетъ чрезвычайную осторожность Рѣшетникова относительно всякаго рода обобщеній, выводовъ и даже простыхъ догадокъ. «Предметъ любви Пилы и Сысойки,— Апроська, была живая похоронена. Интересно было бы знать, что бы сталось съ ними тогда, когда бы она пробудилась отъ летаргіи въ то время, какъ Пила ладилъ веревку обвязывать гробъ. Вѣроятно, они разбѣжались бы, а можетъ быть и убили бы ее». *Ин-*

тересно бы знать, вѣроятно, можетъ быть—вотъ какъ осторожно выражался Рѣшетниковъ тридцать лѣтъ тому назадъ о своихъ «исключительныхъ» герояхъ. А вотъ, что буквально на-дняхъ прочла во всѣхъ газетахъ вся грамотная Россія:

«Въ селѣ Суровскомъ, Уфимской губерніи, умеръ зажиточный крестьянинъ. Жена, дѣти поплакали, погоревали и на второй день послѣ смерти понесли хоронить. На похороны собралось все село. Когда стали спускать гробъ въ могилу, крышка, прибитая деревянными гвоздиками, къ величайшему изумленію присутствующихъ поднялась, и изъ гроба всталъ, въ бѣломъ саванѣ, покойникъ. Страхъ напалъ на всѣхъ: присутствующіе бросились бѣжать, даже священникъ, и тотъ побѣжалъ. Покойникъ, пробираемый холодомъ, бросился въ село. Но въ селѣ всѣ заперлись и никто не пускалъ его; наконецъ, мнимому покойнику удалось забѣжать къ одной старухѣ, которая не успѣла запереться. Между тѣмъ, мужики рѣшили прикончить съ «колдуномъ». Запасшись осиновыми кольями, которые, по ихъ понятіямъ, очень хорошо дѣйствуютъ на колдуновъ, а также ружьями, они, послѣ недолгихъ сопротивленій мнимаго «колдуна», овладѣли имъ и прибили къ землѣ осиновыми кольями. Священникъ, придя въ себя отъ ужаса, сообразилъ, что покойникъ находился въ летаргическомъ снѣ и послалъ за становымъ; но когда тотъ пріѣхалъ, дѣло было уже кончено».

Вѣренъ или невѣренъ этотъ фактъ—для насъ безразлично. Въ высшей степени важно то обстоятельство, что никто, рѣшительно никто, ни журналисты, ни читатели, ни на одну минуту не усумнился въ полной вѣроятности этого факта. А если такъ, то ясно, что Подлиповка—не «исключительный курьезъ», Пила и Сысойка—представители далеко не крайняго минимума и повѣсть Рѣшетникова есть именно *повѣсть*, т. е. художественное обобщеніе, а не этнографическій очеркъ. Пила и Сысойка, Матрена, Апроська и пр., и пр. — не выродки, а типы, не аномаліи, а естественные, логическіе продукты исторіи и жизни. Это не горилы и даже не дикари — это наши соотечественники и братья, потомъ и кровью которыхъ держится вся наша цивилизація, хотя бы то и «парикмахерская», по ядовитому выраженію Рѣшетникова. Приглядимся же, читатель, къ этимъ не чужимъ для насъ людямъ, посмотримъ на нихъ съ тѣмъ прямодушіемъ, примѣръ котораго даетъ Рѣшетниковъ, не утаившій самой ужасной правды о своихъ герояхъ, но и съ тою теплотою, на которую глубоко-несчастные Пила и Сысойка имѣютъ неоспоримое право. Опять-таки Рѣшетниковъ указываетъ единственно правильную точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ относиться къ его персонажамъ; «подлиповцевъ нельзя винить ни въ чемъ: они глупы, необразованы, но кто ихъ вразумитъ, куда

они пойдутъ?» Не забудемъ этого: *нельзя винить ни въ чемъ*. Такая точка зрѣнія имѣетъ за собой и нравственныя, и логическія, и историческія основанія, и она, кромѣ того, вполнѣ развязываетъ, освобождаетъ нашъ анализъ: кто завѣдомо не подлежитъ осужденію, тотъ можетъ быть судимъ съ какою угодно строгостью, тотъ не нуждается ни въ адвокатской софистикѣ, ни въ чьемъ бы то ни было снисхожденіи. Пилѣ и Сысойкѣ достаточно разсказать свою мученическую жизнь, чтобы обѣлить себя и передъ людьми, и передъ Богомъ. Сами они этого сдѣлать не смогутъ, не съумѣютъ, но это сдѣлаетъ за нихъ Рѣшетниковъ, не какъ адвокатъ, а какъ правдивый и безпристрастный свидѣтель.

Прежде всего Рѣшетниковъ предлагаетъ такую «исключительную» картину изъ жизни и быта Подлиповцевъ:

«Каждый мужчина взрослый и женщина или дѣвушка носятъ по одной рубахѣ круглый годъ, ходятъ лѣтомъ въ рубахахъ, зимой надѣваютъ полушубокъ изъ овечьей, телячьей и собачьей шкуръ, мужчины надѣваютъ на голову такія же шапки, а лапти носятъ всѣ, кромѣ дѣтей, которыя едва-едва прикрываютъ тѣло чѣмъ-нибудь. Это еще ничего, но самое главное — пища мучитъ всѣхъ. Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой, и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ.

Это говорится Рѣшетниковымъ только о томъ уголкѣ, который онъ имѣлъ въ виду; но, конечно, даже «патріотъ» въ современномъ значеніи этого слова не рѣшится утверждать, что въ другихъ безчисленныхъ уголкахъ нашего отечества нельзя найти ничего подобнаго. Картина, нарисованная Рѣшетниковымъ, до того намъ всѣмъ знакома и перезнакома, что уже ничего не возбуждаетъ въ насъ, кромѣ вялой скуки. И это всего ужаснѣе. Мы *привыкли* и отъ того не хотимъ думать и перестаемъ понимать. Вѣдь голоданіе не есть только физическая мука, вѣдь оно кладетъ свой проклятый отпечатокъ на всю духовную природу человѣка, прививаетъ ей «жестокость», «черствость», «эгоистичность» и пр. и пр., которыя возмущаютъ насъ въ мужикѣ. Вспомните конецъ «Голодной» Некрасова:

Ковригу съѣмъ
Гора горой,
Ватрушку съѣмъ
Со столъ большой!

Все съѣмъ одинъ;
Управлюсь самъ,
Хоть мать, хоть сынъ,
Проси—не дамъ.

Какое жестокосердое чудовище! Какой отвратительный, безчувственный эгоистъ! Такъ, разумѣется, разсудятъ многіе изъ такъ называемыхъ культурныхъ людей, между прочимъ и тѣ, съ которыми собственныя жены остерегаются заводить разговоръ до обѣда, потому что «въ это время дня» ихъ Пьеры и Мишели обыкновенно бываютъ «не въ духѣ». Повторяю: мы перестали понимать. У насъ двѣ мѣрки—одна для мужика, другая для собственнаго употребленія, двѣ морали—одна мягкая, снисходительная, памятующая о человѣческихъ слабостяхъ, другая—суровая, неумолимая, формула которой: «жестокъ законъ, но законъ». Но не въ этомъ однако-же дѣло, не въ нашей вопіющей несправедливости, а въ томъ, что приглядѣвшійся намъ фактъ подлиповскаго голоданія, вліяя на Пилу, на Петра, на Ивана, на ихъ физическое и нравственное здоровье, на всѣ ихъ духовныя способности, тѣмъ самымъ вліяетъ на жизнь страны вообще и между прочимъ на судьбу нашихъ собственныхъ идеаловъ. Если «настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ», то не воображайте, пожалуйста, что дѣло на этомъ и оканчивается...

Нечеловѣческое существованіе вызываетъ и воспитываетъ въ подлиповцахъ нечеловѣческія чувства. «Досадно имъ: зачѣмъ это дѣти родятся отъ нихъ, и съ маленькими дѣтьми обращаются, какъ съ котятами; однѣ только матери немножко присматриваютъ за дѣтьми. Съ пятилѣтняго возраста дѣти ростутъ на произволъ судьбы». Черезъ нѣсколько страницъ Рѣшетниковъ даетъ какъ бы объясненіе этому противоестественному явленію: «Матрена (жена Пилы) больше всего въ своей жизни любила корову. Корова для нея была больше, нежели дѣти: дѣти ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молокомъ и лѣтомъ не просила ѣсть, а питалась въ лѣсу, сама находила пищу для себя, только зимой Матрена наваливала ей сѣно каждое утро». Такова *мать*, а вотъ каковъ *отецъ* (Пила): «Пила билъ дѣтей, Апроську, Ивана и Павла, какъ и свою жену, за то, что ему не нравилось; но Апроську Пила любилъ какъ будто даже болѣе, нежели дочь». Намекъ, заключающійся въ послѣдней фразѣ Рѣшетникова, совершенно опредѣленъ. И это нравы людей, которые не только однимъ воздухомъ

дышатъ съ нами, но живутъ подъ охраною тѣхъ же самыхъ законовъ, которые и нашу жизнь регулируютъ, это наши соотечественники, это—тотъ самый «народъ», о которомъ мы говоримъ не наговоримся, читаемъ не начитаемся, пишемъ не напишемся!

Само собою разумѣется, что нравамъ подлиповцевъ совершенно соотвѣтствуютъ ихъ понятія. Рѣшетниковъ и объ этомъ говоритъ съ своею обычною прямотою и безстрастностью: «понятія ихъ были такія: есть какой то богъ, а какой и сами не знали и только по преданіямъ своихъ отцовъ справляли свои праздники. О существованіи земли они знали только то, что земля даетъ пищу, да въ землю покойниковъ зарываютъ. Знали они, что есть городъ, только потому, что бывали тамъ, а есть ли еще за городомъ что нибудь—дѣло темное. Въ городѣ они видѣли разныхъ людей, но никакъ не могли понять, что это за люди, этихъ людей они боялись, не вѣрили имъ». Пила не только между своими однодеревенцами, но и вообще между земляками, былъ нѣкоторымъ образомъ человѣкъ передовой, умница и хитрецъ, но этотъ умница «больше пяти рублей не зналъ счету: для него пять рублей уже богачество было». Тѣмъ не менѣе онъ очень ловко обморочилъ на постояломъ дворѣ чужихъ мужиковъ, прикинувшись колдуномъ, для котораго все возможно. Какъ было мужикамъ не увѣровать въ волшебную силу Пилы? «Недавно—разсказывалъ одинъ изъ нихъ—у насъ, значитъ, свадьба была. Баско гуляли. Ладно. Вотъ и появись колдунья, и запѣла по-куричьи: съѣмъ, баетъ!... Бѣда! Такъ и бѣгатъ за бабами! Ну, и драло всѣ, а кто на печку залѣзъ, да крынки на голову и посдѣвалъ... Она, будь проклята, и давай крынки на полъ кидать, кою броситъ и разобьется... Ужасти! Мужики крестились и охали».

Этихъ фактовъ достаточно. Если бы все это разсказывалъ намъ Миклухо-Маклай о своихъ австралійскихъ подданныхъ—мы имѣли бы право сохранить самое полное спокойствіе. Но разсказъ Рѣшетникова будитъ въ насъ чувство какой-то отвѣтственности, сознаніе какого то неисполненнаго долга. Къ чему и для чего наше утонченное развитіе, если мы не можемъ или не умѣемъ передать малѣйшей частицы его людямъ, живущимъ не за горами, за долами, за морями, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нами? Зачѣмъ намъ блага образованія и весь трудъ, поднятый нами ради его пріобрѣтенія, если этимъ благамъ суждено оставаться мертвымъ капиталомъ? И что такое нашъ такъ называемый прогрессъ

и вся эта культурная сутолока, эта борьба изъ-за выѣденнаго яйца, это «кипѣнье въ дѣйствіи пустомъ»—если все это не болѣе какъ ничтожная рябь на поверхности?

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.

Такъ это было прежде, во времена Некрасова и Рѣшетникова, такъ это и теперь, въ нашу патріотствующую эпоху. Но что говорить о недавнемъ прошломъ, о вчерашнемъ днѣ исторіи! Мы спрашиваемъ—чѣмъ отличаются наши подлиповцы отъ современниковъ Гостомысла, ходившихъ въ звѣриныхъ шкурахъ, стрѣлявшихъ изъ луковъ и поклонявшихся Перуну? Именно только тѣмъ, что подлиповцамъ извѣстно употребленіе огнестрѣльнаго оружія, т. е., хочу сказать, они усвоили элементарнѣйшія техническія завоеванія культуры, для пользованія которыми не требуется никакого умственнаго напряженія, никакого развитія: стрѣлять изъ ружья не только цѣлесообразнѣе, но и проще, нежели изъ лука. Видѣли подлиповцы и одно изъ самыхъ блестящихъ завоеваній нашего прогресса—пароходъ, но толку изъ этого вышло не особенно много: «ахъ, чортъ!—дивились Пила и Сысойка. Какъ же онъ съ колесами? Да и колеса то какія то другія, а не наши... Тамъ поди лошадь гдѣ нибудь спрятана...» Какую, подумаешь, плодотворную умственную работу возбудило въ нашихъ герояхъ первое знакомство съ самыми роскошными дарами научной техники! Посадите Пилу и Сысойку въ вагонъ, покажите имъ локомотивъ, поставьте ихъ среди чудесъ Трокадеро, поднимите на воздушномъ шарѣ, заставьте подняться на башню Эйфеля—они будутъ оглушены, ошеломлены, будутъ до конца своихъ дней вспоминать всѣ видѣнныя ими диковины и въ изумленіи восклицать: «ахъ, чортъ! ахъ, лѣшій!», но женъ своихъ они будутъ бить по прежнему и корову цѣнить выше собственныхъ дѣтей по прежнему же. Ни въ ихъ понятіяхъ, ни въ ихъ морали не произойдетъ никакого переворота, потому что *ложныя понятія* устраняются только *истинными понятіями* и нездоровая *мораль* можетъ быть исправлена, исцѣлена *моралью* же.

Но, быть можетъ, подлиповцы въ самомъ дѣлѣ люди «черной кости», созданные не по тому образу и подобію, по которому созданы мы? Быть можетъ, они органически, физіологически неспо-

собны къ усвоенію нашей культуры, какъ неспособны къ этому всѣ вообще низшія животныя? И для рѣшенія этихъ вопросовъ мы находимъ у Рѣшетникова очень убѣдительныя и вѣскія данныя. Нельзя было не вѣрить Рѣшетникову, когда онъ сообщалъ намъ о своихъ герояхъ такіе факты изъ области моральной и умственной жизни ихъ, которые способны были привести насъ прямо къ апатіи, или къ полному равнодушію относительно будущей судьбы этихъ полу-людей, полу-звѣрей. Повѣримъ же Рѣшетникову и теперь, когда мы услышимъ отъ него, напр., вотъ что:

«Гаврила Гаврилычъ Пилинъ, по подлиповски Пила, былъ человѣкъ добрый, пробойный и работящій. Онъ понялъ, что, ничего не дѣлая, жить нельзя, онъ какъ-нибудь старался пріискась себѣ работу, сбыть ее, а главное услужить своимъ подлиповцамъ. У Пилы въ городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора, и онъ черезъ посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше возилъ вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ работать, и для него ничего не значило съѣздить за сто верстъ: на одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя пищи. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ сбирать ради Христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Бывало, скажетъ подлиповцамъ: «чего сидите, робь; я буду робить»—и подлиповцы работаютъ съ Пилою. Всѣ подлиповцы любили Пилу. каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полечить, такъ какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толку въ травахъ. Пила сталъ собирать лѣтомъ въ лѣсу да въ болотѣ разныя травы съ цвѣточками, вырывалъ съ корнями и лечилъ подлиповцевъ. — «Ну-ка, съѣшь эту травку, хворать не станешь», говорилъ Пила больному. Больной ѣлъ, и ему становилось либо лучше, либо хуже, и всетаки всѣ просили у Пилы травы. Пила давалъ, не требуя за это ничего».

Не поучиться ли намъ съ вами, читатель, у этого дикаря общественности? Не можетъ ли его поведеніе послужить примѣромъ и образцомъ чистѣйшаго альтруизма, т. е. такой гражданской доблести, которую не могутъ не только усвоить, но даже просто понять и допустить въ другихъ очень многіе цивилизованные люди? Рѣшетниковъ говоритъ не о какомъ нибудь случайномъ добромъ поступкѣ Пилы, но объ его отношеніяхъ къ своей деревнѣ, къ своему обществу, объ его постоянномъ *поведеніи*, которое свидѣтельствуетъ о присутствіи въ этомъ дикарѣ чистаго огня безкорыстной любви. Будучи всѣхъ умнѣе и физически сильнѣе въ деревнѣ, Пила могъ бы самодурствовать и кулачествовать на полномъ просторѣ, могъ бы, напр., не самолично просить ради Христа и потомъ дѣлиться милостынею съ однодеревенцами, а, наоборотъ, ихъ

посылать за милостыней и отбирать ее у нихъ для себя. Расширьте рамки, увеличьте масштабъ дѣятельности Пилы, оставляя ей то же самое нравственное содержаніе, и вмѣсто грязнаго, жалкаго грубаго мужика вы получите лучезарный образъ одного изъ тѣхъ общественныхъ благодѣтелей и учителей, память о которыхъ сохраняетъ потомство и исторія. Многіе ли изъ интеллигентныхъ людей могутъ сказать о себѣ, что они незамѣнимы для своего общества, что безъ ихъ энергіи и талантливости «заглохнетъ нива жизни?» А Пила это могъ бы сказать съ справедливою гордостью, если бы только -- черта еще болѣе возвышающая его подвигъ—онъ видѣлъ въ своемъ участливомъ отношеніи къ болѣе слабымъ людямъ сколько нибудь серьезную заслугу. Правда, при особенныхъ удачахъ Пила «бахвалился» и говорилъ «значитъ, я сила» и «я пишо не то сдѣлаю», но это наивное бахвальство не принижало, а еще болѣе обнадеживало и ободряло руководимыхъ имъ людей.

Пила «билъ Матрену (жену) какъ лошадь, чѣмъ попало» и въ то же время Матрена «во всемъ надѣялась на мужа». Пила колотилъ своихъ дѣтей, но не для своего собственнаго удовольствія, а для ихъ «пользы», ради «науки», и отношенія между отцомъ и дѣтьми были правдивы и искренни. «Своего отца, говоритъ Рѣшетниковъ, Павелъ и Иванъ не боялись и не слушались. Скажетъ онъ имъ: подите хлѣбъ собирать! одинъ изъ нихъ и говоритъ: поди самъ собирай! Онъ ихъ обругаетъ, а они ему языкъ кажутъ. Онъ ихъ бить—и они барахтаются. Ахъ, черти! ворчитъ Пила. Въ меня вы, стервы, уродились, сильные будете... Пила даже радовался, что ребята его умѣютъ драться». Некрасиво, непзящно, не культурно, разумѣется, но въ правѣ ли мы сказать, что и безнравственно? Безнравственна ложь, лицемѣрное наружное подчиненіе силѣ, которую ненавидишь, безнравственно самодурство, требующее себѣ послушанія не ради интересовъ дѣла, а ради потѣхи, ради услажденія своего «нрава». Ничего подобнаго въ отношеніяхъ Пилы къ своимъ сыновьямъ нѣтъ. Это не равносильные, но совершенно равноправные члены одной семьи или одной общины. Наконецъ, «подлиповцы обращаются съ маленькими дѣтьми, какъ съ котятами», но однако брата и сестру Сысойки, Петра четырехъ и Пашку двухъ лѣтъ, сутками остававшихся безъ присмотра, Пила оберегалъ и заботился о нихъ, какъ могъ. «Пила жалѣлъ дѣтей и всегда приносилъ имъ что нибудь; при появленіи Пилы дѣти начинали плакать и махали ему руками». Эти бѣдныя

дѣти, радостно и призывно махающія ручонками при появленіи грязнаго, страшнаго, бородатаго мужика—благодарная тема для прелестной акварельной картинки, которая размягчила бы читателя или зрителя и до слезъ расчувствовала бы читательницу, но Рѣшетниковъ не охотникъ до сентиментальностей и довольствуется тѣмъ, что сухо отмѣчаетъ фактъ: ему лишь бы *правду* сказать, а тамъ судите, какъ хотите. И Рѣшетниковъ правъ; разсудить нетрудно: этотъ Пила, сначала такъ было испугавшій насъ своею наружною звѣроподобностью—не только *человѣкъ*, но и *хорошій* человѣкъ, разливающій вокругъ себя тепло и ласку.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ, менѣе замѣчательныхъ, персонажахъ повѣсти Рѣшетникова, хотя мало-мальски внимательный анализъ ихъ привелъ бы насъ къ тому же заключенію, которое мы получили, вглядываясь въ жизнь и нравственныя свойства Пилы: подъ грубой, зачастую прямо скотской формой у этихъ людей скрывается глубоко-человѣческое содержаніе. Я приведу только одинъ примѣръ, котораго будетъ вполнѣ достаточно для нашихъ цѣлей. Умерла Апроська—дочь Пилы и невѣста Сысойки. Пила и Сысойка ее хоронятъ и происходитъ такая сцена:

«—Гли, Сысойко, солнце-то!—говорилъ Пила весело, указывая на солнце.—Лѣто тожно скоро... Ишь какъ баско...

Сысойку это не порадовало, а возмутило. Онъ все думалъ объ Апроськѣ.

— А пошто она издохла! пошто?—вскричалъ Сысойко.

— Пошто?—спросилъ и Пила и ему тоже обидно сдѣлалось.

Съ полчаса возился Пила съ Сысойкою. Сысойко просилъ еще посмотрѣть на Апроську, а Пила хочетъ закрыть гробъ и увязать веревкой.

— Пила! я ошшо погляжу!

— Ишшо не наглядѣлся!

— Пила, я Апроськѣ посъ откушу.

— А это вишь! Пила показалъ Сысойкѣ кулакъ.

— Пра откушу!

— Не тронь!

— Дай?

Сысойко расцапался съ Пилой».

Эстетическое чутье ваше, конечно, покоробится отъ этой сцены, но вашему нравственному чувству тутъ не отъ чего возмущаться. «А пошто она издохла? Пошто?» это выраженіе лишено не только всякой красоты, но, съ культурной точки зрѣнія, и всякаго даже приличія и тѣмъ не менѣе оно преисполнено силы и трагизма, потому что вызвано могучимъ и искреннимъ чувствомъ, дѣлаю-

щимъ честь тому человѣческому сердцу, которое способно такъ глубоко чувствовать, такъ горячо любить. Далѣе,—«я Апроськѣ носъ откушу!» Грубость внѣшняго выраженія чувства доходитъ здѣсь до комизма, который вызываетъ невольную улыбку. «Носъ откушу»—что это такое? А вотъ что это такое:

Въ часъ незабвенный, часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой,
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать,
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
.....Увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья,
Но жду его: онъ за тобой.

Я смѣю утверждать, что чувство, продиктовавшее поэту это высоко-изящное стихотвореніе—то самое чувство, которое такъ полно и всецѣло овладѣло и Сысойкой. Поэтъ говоритъ: «заснула ты послѣднимъ сномъ», Сысойка говоритъ: «издохла», но говорятъ они эти различныя фразы съ однимъ и тѣмъ же чувствомъ. Сысойка «расцапался съ Пилой» изъ-за того, что молилъ не прерывать томленья страшнаго разлуки. Пермскія сосны и ели не похожи на оливы юга и сѣро-молочное небо сѣвера не похоже на сіяющее голубое небо Италіи, но какъ тамъ, такъ и здѣсь царитъ одна и та же «природа-мать», безконечно разнообразная въ формахъ и всегда одинаковая въ своей таинственной сущности. Утонченно-культивированный поэтъ и неотесанный лѣсной дикарь по внѣшности также мало похожи другъ на друга, но сердца ихъ бьютъ однимъ боемъ, и созданы эти столь, повидимому, различные люди по образу одного и того же Бога. Не пойметъ этого только тотъ, кто за деревьями не видитъ лѣса, за формою не различаетъ содержанія.

Эти первобытные люди—Пила и Сысойка — отправляются бурлачить, «искать богачества» и при этомъ сталкиваются лицомъ къ лицу съ условіями нашей культурной городской жизни. Столкновеніе это ознаменовалось синяками — не въ какомъ-нибудь переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ — которыми немедленно украсились

физіономіи нашихъ героевъ. Страницы, на которыхъ описывается это культурное крещеніе дикихъ людей, принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ Рѣшетникова, хотя написаны онѣ въ его обычномъ сухо-дѣловомъ тонѣ, безъ «дурацкихъ украшеній». Воспріемникомъ нашихъ героевъ при этомъ крещеніи былъ, разумѣется, солдатъ, притомъ того типа, который увѣковѣченъ Глѣбомъ Успенскимъ въ фигурѣ его Мымрецова («Будка»). «Отъ солдата, съ безсознательнымъ, очевидно, неумышленнымъ юморомъ, говоритъ Рѣшетниковъ, они узнали — кого надо бояться, кого бить, кому какъ говорить, кому кланяться, кому нѣтъ». Это «*кого бить*», упомянутое Рѣшетниковымъ совершенно серьезно, по истинѣ прелестно. «Впродолженіи мѣсяца подлиповцы узнали больше, чѣмъ жившіи до этого времени; напримѣръ, они узнали, что есть мѣста лучше и хуже Подлипной, есть люди богатые и такіе, которыхъ ни за что обижаютъ и дѣлаютъ съ ними не силой, а чѣмъ-то инымъ все, что только захотятъ, какъ это было и съ ними: въ Подлипной они боялись только попа и станового, а здѣсь многіе ихъ обидѣли, избили и отодрали». Было бы, право, недурно, если бы въ pendant лермонтовскому стихотворенію «Дары Терека» кто-нибудь изъ современныхъ поэтовъ написалъ «Дары культуры», причемъ, конечно, «даръ безцѣнный что другіе всѣ дары?» было бы полное разъясненіе вопроса «кого бить».

Однако, предметъ слишкомъ тяжелъ и горекъ, чтобы вызывать на шутку. Вотъ окончательный выводъ, къ которому приводитъ насъ анализъ повѣсти Рѣшетникова: Подлиповка жива, но она страждетъ; подлиповцы не выродились, но условія ихъ жизни таковы, что нужно удивляться, какъ могли они сохранить всѣ лучшія человѣческія свойства. Рѣшетниковъ далъ то, что обѣщалъ и сказалъ то, что хотѣлъ сказать: правду. Ни въ свѣтлыхъ, ни въ мрачныхъ краскахъ онъ не переступилъ мѣры и не къ равнодушію онъ насъ зоветъ, а къ дѣятельности, не уныніе порождаетъ своими картинами, а возбуждаетъ энергію. Ничего не сдѣлано, ничего не достигнуто, но все можетъ быть сдѣлано и должно быть достигнуто. Не трактирную цивилизацію и не мымрецовскія понятія должны мы принести народу, а ту цивилизацію и тѣ понятія, которыми мы сами живемъ.

Гдѣ же вы, умѣлыя, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами.
Двиньте впередъ!

IV.

Мы не будемъ останавливаться на такихъ произведеніяхъ Рѣшетникова, какъ романы: «Гдѣ лучше?», «Глумовы», «Свой хлѣбъ». Произведенія эти значительны только по своему объему и лучшія свойства таланта Рѣшетникова въ нихъ отразились очень мало. Если угодно, и эти произведенія преисполнены «правды», но правды узко-фактической, не типичной, не допускающей обобщеній. Дѣйствительность большею частью бываетъ безцвѣтна и конкретные люди сами по себѣ рѣдко бываютъ интересны. Обыденная жизнь идетъ день за день, сегодня какъ вчера и завтра какъ сегодня, люди работаютъ, ѣдятъ, пьютъ, ссорятся, мирятся, женятся, умираютъ и т. д. и все это можетъ составить предметъ очень подробной и правдивой, но и очень монотонной хроники, которой не будетъ доставать, однако, высшей, философской, общей правды, составляющей главную силу и красоту истинно-художественнаго романа. Психологомъ Рѣшетниковъ никогда не былъ. Онъ правдивый бытописатель, но онъ не аналитикъ и «горе», составляющее его главную, излюбленную тему, всегда такое простое, примитивное, реальное горе: холодъ, голодъ, нужда, безработица и т. д. «Перегороженныхъ сердецъ» вы не найдете между его героями; страданій духа онъ не касался, или если касался, то почти всегда въ связи и въ зависимости отъ страданій тѣла. Для бытописателя и въ особенности бытописателя тѣхъ сферъ, которыя обыкновенно изображалъ Рѣшетниковъ, это было естественно, но задачи *романа*—совсѣмъ иныя.

Гораздо характернѣе во всѣхъ отношеніяхъ и даже прямо содержательнѣе небольшіе (относительно) разсказы Рѣшетникова какъ «Никола Знаменскій», «Тетушка Опарина», «Кумушка Мироніха» и др. На первый разъ мы представимъ читателю небольшой отрывокъ изъ разсказа «Никола Знаменскій», отрывокъ, важный, печальный и глубокій смыслъ котораго имѣетъ самое близкое отношеніе къ нашимъ предыдущимъ разсужденіямъ. Это отрывокъ изъ разсказа дьячка о пріѣздѣ въ ихъ село—ту же Подлиповку подъ другимъ именемъ,—новаго, молодого священника, полнаго энергіи и самыхъ добрыхъ стремленій:

«Ну, попъ и баетъ мнѣ: поди-ко завтра кличь хрестьянъ въ церковь.—Зачѣмъ? баю.—А по-то, бастъ, нужно... А самъ бастъ не по нашему, а инако, смѣшно, подковыриватъ какъ-то... Ну, утромъ я и скликалъ всѣхъ.

Пришли... Ладно. А попъ обѣдню служитъ. Тожно вышелъ на амвонъ и баетъ што-то по бумажкѣ. Поглядѣли на него мужики да бабы, и драло. Попъ догадался. Въ другоредь велѣлъ мнѣ двери запереть, да народу-то пришло поменѣ, куды какъ мало, больше ребятишки... Вышелъ опять попъ и сталъ по бумажкѣ сказывать, изгиляется, и голосъ другой... Ужъ какъ это онъ изгилялся! и рукамъ, и ногамъ, и головой... Робятенки хохочутъ, а я имъ грожу. А кои постарше были, тѣ пошли къ дверямъ, а я не пущаю и баю: попъ не велитъ пущать, ему кланяйтесь. Такъ попъ ничего и не сдѣлалъ. А съ этихъ поръ ни одинъ мужикъ и ни одна баба не стала ходить въ церковь. Ну, сталъ попъ жаловаться благочинному, да ничего не взялъ: потому, благочиннаго нужно поблагодарить, а у попа шишъ; попу мужики ничего не даютъ... Съ тѣхъ поръ попъ славный сталъ и мужикамъ полюбился, сталъ со мной въ лѣсъ ходить на промыслы, и попивали мы съ нимъ пиво и водку, какъ ни одинъ мужикъ не пивалъ... А то, когда найдетъ на моего попа благой стихъ, позоветъ меня да старосту, и пойдемъ служить обѣдню: я часы кое-какъ прочитаю, онъ эктинью скажетъ черезъ два въ третій, евангеліе прочитаетъ, «Иже херувимы» пропоемъ... Онъ придурай, што-ли, былъ—не знаю; какъ я запою: «*отложимъ попеченіе*»... онъ и плачетъ, и плачетъ—што есть жалко его... Я и баю: чево ты тюпи-то распустилъ. Вылѣзай, баю.. Ладно што людевъ-то не было, окромя старосты, да и тотъ едва мизюкаетъ (дремлетъ)... А попъ черезъ три года, какъ въ село пріѣхалъ половину-то обѣдни позабылъ».

Какъ видитъ читатель, въ простодушномъ разсказѣ дьячка скрывается тяжелая житейская драма, имѣющая не только личный, но и общественный смыслъ. Дѣло идетъ о крушеніи надеждъ и страданій, которыя были свойственны не одному только этому священнику, но многимъ лучшимъ людямъ нашего общества, цѣлымъ историческимъ эпохамъ и цѣлымъ поколѣніямъ. Сколько трагизма и сколько глубокаго смысла въ этихъ горькихъ и никому изъ окружающихъ непонятныхъ слезахъ священника при словахъ херувимской «отложимъ попеченіе»! Да, *отложимъ попеченіе*... Въ разныхъ варіаціяхъ и произносимыя съ различными чувствами—то съ грустью, то съ отчаяніемъ, то съ злорадствомъ, то съ легкомысленною беззаботностью—эти безотрадныя слова мы слышимъ уже не первый годъ. «Нѣтъ эгоиста безсердечнѣе мужика!» восклицаетъ героиня г. Эртеля, «съ вами не сольешься, а только соньешься», говоритъ герой Глѣба Успенскаго: развѣ эти афоризмы — не «отложимъ попеченіе» Рѣшетниковскаго священника?

Опять, такимъ образомъ, надъ безотвѣтными головами Пилы, Сысойки и проч. собирается мрачная туча тяжелыхъ обвиненій и инкриминацій. Что жъ это за люди, въ самомъ дѣлѣ? Лекціи Мымрецова о томъ «кого бить» и «кому кланяться» они усвоили съ

необыкновенной понятливостью, а проповѣдь слова Божія заставляетъ ихъ бѣжать изъ церкви. Не будемъ, однако, спѣшить съ заключеніями и вспомнимъ опять великое, правдивое слово Рѣшетникова: «они ни въ чемъ не виноваты». Еще бы людямъ только что сильно пострадавшимъ именно за незнаніе мудрой науки «кого бить» и «кому кланяться» — еще бы имъ не выслушать съ жадностью и благодарностью того благодѣтеля, который просвѣщаетъ ихъ на этотъ счетъ. А кто этотъ благодѣтель? Мымрецовъ, т. е. тотъ же Пила или тотъ же Сысойко, переодѣтый въ форменное платье и уже видавшій уѣздные виды, но по своимъ понятіямъ, языку, чувствамъ человѣкъ вполнѣ «свой» подлиповцамъ. Образованный священникъ—другое дѣло. Онъ говоритъ, какъ мы съ вами, т. е. съ точки зрѣнія подлиповцевъ — «смѣшно, подкавыривать какъ-то». Онъ и жестикулируетъ, какъ мы съ вами, т. е. по подлиповски, «изгибляется и рукамъ, и ногамъ, и головой». Это — со стороны физики. А въ чемъ могло состоять содержаніе того, что «баялъ по бумажкѣ» священникъ? Разумѣется, въ изложеніи одной изъ тѣхъ евангельскихъ истинъ, понять которыя въ одно и тоже время и такъ легко, и такъ трудно: легко, когда онѣ представляются въ видѣ простыхъ житейскихъ правилъ, и трудно—когда онѣ излагаются въ формѣ отвлеченныхъ моральныхъ принциповъ. Можно сказать подлиповцамъ: «возлюби ближняго какъ самого себя» и можно сказать: «это ты, Пила, баско, по хрестьянски дѣлашь, што лечишь народъ и работать дураковъ заставляешь». Можно сказать— «нѣсть власти, аще не отъ Бога» и можно сказать то же самое въ весьма конкретныхъ образахъ...

Конечно, надо «отложить попеченіе» относительно надежды, чтобы безграмотный дикарь сразу почувствовалъ себя какъ дома въ области отвлеченныхъ опредѣленій и теоретическихъ положеній. Но вѣдь и обучая ребенка грамотѣ, мы его не заставляемъ (теперь, по крайней мѣрѣ) зазубривать по Востокову, что «слова есть звуки голоса, *коими* человѣкъ выражаетъ свои понятія и чувствованія», а указываемъ на *Б* и рисуемъ Бабу, указываемъ на *В* и рисуемъ Вилы, указываемъ на *Г* и рисуемъ Гуся. Прежде чѣмъ учить, нужно знать — чему именно и какъ учить, и прежде чѣмъ стремиться удовлетворить потребности народа, нужно отчетливо сознать — въ чемъ заключаются эти потребности. Въ противномъ случаѣ мы рискуемъ вмѣсто хлѣба подать камень и, конечно, не сольемся, а только сопьемся.

Въ томъ же разсказѣ, Рѣшетниковъ даетъ и образчикъ своихъ положительныхъ идеаловъ, даетъ какъ художникъ, а не какъ мыслитель, т. е. даже не подозрѣвая, очевидно, что онъ даетъ какіе то идеалы: какъ всегда и какъ вездѣ онъ просто разсказываетъ «правду» и только объ ней одной и заботится. Этотъ положительный идеалъ мы находимъ въ лицѣ другого, старозавѣтнаго священника, на смѣну котораго и явился молодой проповѣдникъ, проливавшій потомъ слезы при словахъ «отложимъ попеченіе». Вотъ что говоритъ о немъ Рѣшетниковъ:

«Съ крестьянами онъ жилъ дружно: барства въ немъ никакого не было, и за простоту всѣ любили его, да и понятія его нисколько не разнились отъ крестьянскихъ понятій. Онъ такъ же, какъ и крестьяне, говорилъ, что на другомъ концѣ живутъ люди съ рогами, что въ лунѣ сидятъ Каинъ и Авель, и онъ ни за что бы не повѣрилъ, а обругалъ бы того, кто сталъ бы доказывать ему, что земля шаръ и т. п. Больше всего крестьяне любили отца за то, что онъ выручалъ ихъ тогда, когда съ нихъ требовали подати.

— Батшко Микула... Подать надо,—говоритъ крестьянинъ, чуть не плача.

— Поди, продай коровенку,—совѣтуетъ отецъ.

— Кому продать-то? городъ-то далеко, а староста больше рубля не даетъ.

— Ладно, ужо.

Пойдетъ отецъ къ сельскому старостѣ, занимавшемуся бойней животныхъ, выдѣлываніемъ кожи и имѣвшему большую лавку въ городѣ. Отецъ ему всегда продавалъ крестьянскихъ животныхъ выгодно для крестьянъ: если бы староста бралъ корову отъ крестьянина, то далъ бы рубль, а отцу давалъ пять и шесть рублей, эти деньги отецъ вносилъ самъ за крестьянъ за подати и другія повинности, избавляя ихъ отъ хлопотъ и отъ излишнихъ тратъ: отецъ писарю ни копѣйки не давалъ, а поилъ пивомъ или водкой до безчувствія.

Или бывало такъ: придетъ къ отцу крестьянинъ или черемисъ.

— Што, братанъ?—спроситъ отецъ.

— Бида будьша: Хозейко подохъ, Лапша подохъ; ись... кору гладали, брюхо бульна...

Дастъ ему отецъ муки съ полпуда и схоронитъ покойниковъ даромъ».

Тотъ священникъ, молодой, былъ, относительно, образованъ, гуманенъ, преисполненъ самыхъ великодушныхъ цивилизаторскихъ намѣреній; этотъ священникъ, старый, грубъ, необразованъ, суевѣренъ и никакихъ предуставленныхъ намѣреній, никакихъ плановъ не имѣетъ, а живетъ какъ живется, дѣлаетъ что придется, помогаетъ кому и какъ случится. Подлиповцы бѣгутъ отъ перваго и тѣснятся толпой ко второму – неужели это не знаменательный фактъ?

Ничего не можетъ быть, разумѣется, проще какъ по поводу этого факта въ милліонный разъ обвинить подлиповцевъ въ тупости и неблагодарности, но не всегда вѣрно то, что просто. Земля несомнѣнно не плоскость, а шаръ, и для *насъ* эта истина имѣетъ не теоретическое только, но и практическое значеніе, входя существеннымъ элементомъ и въ космическія, и въ общественныя, и даже въ индивидуально-нравственныя воззрѣнія наши, которыя въ свою очередь являются главнымъ содержаніемъ нашей жизни и дѣятельности. Но какое другое значеніе, какъ не значеніе «баской штуки» или курьезнаго фокуса, можетъ имѣть этотъ фактъ для Пилы, даже допуская недопустимое, т. е., что Пила приметъ фактъ, противорѣчащій его чувствамъ? Шаръ-ли, не шаръ-ли земля, но ея все-таки и мало и родитъ она плохо и требуютъ за нее подати и городъ отъ деревни далеко и продать коровенку некому, кромѣ кулака. Высокая научная истина, добытая усиліями первыхъ умовъ человѣчества, не сыграетъ никакой роли въ умственномъ обиходѣ Пилы, не сыграетъ потому, что ей и приложенія никакого не прінщешь въ условіяхъ существованія Подлиповки. Сорокъпятьдесятъ лѣтъ назадъ, во время полнаго процвѣтанія крѣпостного права, народу не было практической надобности даже въ элементарныхъ юридическихъ и экономическихъ свѣдѣніяхъ, потому что источникомъ всякаго права былъ тогда не писаный законъ, который нужно изучать, а личная воля барина, которой нужно было только «потрафлять». Въ силу этого, даже такія свѣдѣнія и, какъ средство къ нимъ, простая грамотность не пользовались въ народѣ ровно никакимъ кредитомъ, не имѣли для него никакой привлекательности, тогда какъ теперь ихъ ищутъ, жаждутъ, и значеніе грамотности возросло въ глазахъ народа во много разъ. Этотъ всѣмъ извѣстный огромный фактъ даетъ указанія и для будущаго. Народъ возьметъ отъ насъ только то, что *ему* нужно и полезно, а не то, что кажется нужнымъ и полезнымъ намъ. А кто знаетъ, что ему полезно и нужно? Знаетъ это тотъ, кто живетъ съ народомъ, просто *живетъ*, а не хитроумно *сливается* съ нимъ, кто видитъ въ немъ не матерьялъ для экспериментовъ, а человѣка и брата, кто не наблюдалъ со стороны его нужду и его «горе», а переспыталъ ихъ, — знаетъ это, напримѣръ, священникъ Никола Знаменскій, знаетъ это и Рѣшетниковъ, которому и великая благодарность наша за то, что онъ не утаилъ правды и подѣлился съ нами своими знаніями.

Еще одна важная черта. Въ литературѣ нашей за послѣднія два десятилѣтія накопилась цѣлая масса романовъ, повѣстей, разсказовъ, очерковъ, гдѣ главную или эпизодическую роль играютъ люди, которыхъ мало назвать разочарованными народниками, а слѣдуетъ назвать озлобленными антинародниками. Это люди, которые отдали народу «все» (земли есть шаръ и проч.) и вмѣсто благодарности слышали себѣ отъ народа только порицаніе, вмѣсто уваженія встрѣтили издѣвательство, вмѣсто содѣйствія—неудержимое желаніе доѣхать «дѣятеля» не мытьемъ, такъ катаньемъ. «У насъ, говорятъ они, не теоріи-съ, а факты-съ; не по наслышкѣ мы говоримъ, а по собственному опыту-съ»—и затѣмъ слѣдуетъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о неблагодарности, эгоизмѣ и тупости мужика. Въ искренности этихъ людей нельзя сомнѣваться: они, очевидно, говорятъ отъ измученнаго сердца, съ горечью, съ внутренними слезами, какъ на похоронахъ. Именно на похоронахъ: вѣдь они только что похоронили свои идеалы, которыми когда-то были такъ счастливы. Правы-ли, однако, эти люди? Правду-ли говорятъ они? Что сказалъ бы объ нихъ нашъ вѣрный руководитель въ вопросахъ народной жизни—правдивый Рѣшетниковъ?

Калмыцкое, некрасивое, широкоскулое лицо его (посмотрите на портретъ) освѣтилось бы хитрой улыбкой, и онъ сказалъ бы, поглядывая на насъ изъ подъ очковъ: они говорятъ чистую правду. Это точно, что нашъ народъ толстокожій какой-то... Ты къ нему, по пословицѣ, всей душой, а онъ къ тебѣ всей пятерней... Особенно бабы: въ глаза лебезятъ, а за глаза такое плетутъ, что хоть святыхъ выноси. Да вотъ я вамъ разскажу про одну знакомую бабу, тетушку Опариху, какъ ее звали въ деревнѣ. Въ первый же день нашего знакомства я увидѣлъ, какъ она дралась на улицѣ съ другой бабой изъ-за какой-то овцы. Вообще, она безпрестанно ругалась, ссорилась и даже дралась. Но къ ней много народу ходило, она всѣмъ была нужна, потому что она лечила и людей, и скотъ, торговала всѣми сельскими произведеніями, давала въ займы или подъ залогъ денегъ, воевала безъ устали за всѣхъ съ начальствомъ. «Много же у тебя дѣла-то, сказалъ я Опарихѣ.

— Бѣда! и не повѣрить, за всѣ мои хлопоты и старанія, они мнѣ всѣ зломъ платятъ. Иной разъ пьяный мужикъ такъ и грохочетъ на все село: піявка Опариха... А бабы всѣ только до случая, чего-чего не наговорятъ! А какъ кто не захвораетъ, или горе ка-

кое, идутъ, просятъ піявку—Опариху. Вотъ какой крестьянскій то народъ!—заключила Опариха и *громко зѣвнула*».

Вотъ экспертиза Рѣшетникова. Лично мнѣ она кажется чрезвычайно убѣдительной. Для предупрежденія недоразумѣній замѣтимъ, что Опариха, что называется, бой-баба и даже кулакъ-баба, но совсѣмъ не «піявка», не Разуваевъ и не Колупаевъ. Лечитъ она даромъ, со старшиной и съ писаремъ воюетъ безкорыстно, во имя «закона», проценты беретъ божескіе и не обдираетъ должниковъ. Сила и достоинство ея состоятъ не только въ этомъ умѣньи помогать другимъ съ пользою для себя, но и въ томъ полнѣйшемъ равнодушіи, съ какимъ она относится къ «мелочамъ жизни» въ родѣ сплетень и даже потасовокъ. Она говоритъ объ этомъ не съ негодованіемъ, какъ интеллигентные доброхоты народа, а *зѣвая*: дѣло, молъ, житейское, и свои люди—сочтемся. Вотъ то-то и есть: *свои* люди, *родная* среда, нечуждые нравы. Въ интеллигентныхъ сферахъ сплетень ничуть не меньше, нежели въ самой захолустной деревнѣ, и потасовки производятся систематически, но сплетни не объ огненномъ змѣѣ, который летаетъ будто бы къ такой-то бабѣ, и потасовки не въ рукопашную, а съ вѣжливыми улыбками и даже съ рукопожатіями. Культурная форма заслоняетъ и скрашиваетъ ничтожное или презрѣнное содержаніе—я это говорилъ выше, повторяю и теперь. Именно поэтому зло, пріукрашенное и приглаженное культурными средствами, ядовитѣе и вреднѣе простодушной и глуповатой деревенской злобы. Нашъ популярнѣйшій поэтъ сошелъ въ могилу отъ культурной сплетни, но если у Опарихи *даже* дегтемъ ворота вымажутъ — она, конечно, не умретъ отъ этого и даже въ уныніе не впадетъ. И теперь, когда читателю придется выслушивать ламентаціи или филиппики разочаровавшихся народолюбцевъ, когда они станутъ приглашать его «отлежить попеченіе» на основаніи «фактовъ-съ» и «собственнаго опыта», пусть онъ знаетъ, что все это—представители не настоящей, а «парикмахерской цивилизаціи», по ядовитому выраженію Рѣшетникова. Большое самолюбіе, куриное сердце, знаніе, что земля шаръ, бѣлыя руки, тонкіе нервы—съ такими средствами и съ такимъ багажемъ лучше сидѣть у себя дома, въ культурномъ городѣ. Не лавровишневыя натуришки, которыя всякое дѣло дѣлаютъ, глядясь въ зеркало, а работники «съ бодрыми лицами», какъ Опариха, какъ Никола Знаменскій, какъ Рѣшетниковъ, какъ Энгельгардтъ скажутъ и сдѣлаютъ народу то, что ему дѣйствительно нужно. «Могій

вмѣстити да вмѣститъ», а не могій пусть не озлобляется и не отчаявается: не одна дорога въ Римъ ведетъ.

Намъ слѣдовало бы остановиться теперь на повѣсти «Между людьми», но мы ограничимся тѣмъ, что только укажемъ на нее. Дѣло въ томъ, что главный интересъ этой повѣсти—автобіографическій, а этой стороны дѣла мы уже касались, говоря о «дневникѣ» Рѣшетникова. Замѣтимъ только вотъ что. Всякія автобіографіи, всевозможныя исповѣди и конфессіоны совершенно справедливо внушаютъ читателямъ неудержимое, почти инстинктивное недовѣріе. Если трудно «познать самого себя», то искренно и правдиво публично говорить о себѣ—еще гораздо труднѣе. Рѣшетниковъ вышелъ изъ этого затрудненія съ честью. Болѣе того: для него тутъ и не было затрудненія. Этотъ человѣкъ, очевидно, органически, не могъ понять—какъ можно лгать, разъ взято въ руки перо. Онъ не писалъ, не «сочинялъ», онъ священнодѣйствовалъ на алтарѣ богини Правды. Прочтите его автобіографическую повѣсть: мы назвали бы ея скромность лицемѣріемъ, тою скромностью, которая паче гордости, если бы къ этому былъ хоть малѣйшій поводъ, если бы самое чуткое литературное ухо могло уловить тутъ хоть одну фальшивую ноту. Напрасны были бы наши поиски. Этотъ человѣкъ, такъ много выстрадавшій, преискренно не придаетъ важности ни своей выносливости, ни самымъ этимъ страданіямъ. Этотъ писатель, проложившій въ литературѣ новую колею, по которой пошли и идутъ до сихъ поръ не два и не три крупныхъ таланта, преискренно и пресерьезно говоритъ о себѣ именно только, какъ «о бѣдномъ человѣкѣ ничтожнаго званія». Ни искры самодовольства, ни тѣни похвальбы и даже до такой степени, что въ васъ появляется, наконецъ, чувство нѣкоторой досады и вы готовы съ ласковой укоризной сказать: «наивный чудакъ! незнающій себѣ цѣны самородокъ! Какой звонъ и громъ, пыль и шумъ поднялъ бы иной *ловкій* писатель, обладая хоть только половиною твоихъ достоинствъ». Но если самъ Рѣшетниковъ былъ несправедливъ къ себѣ, будемъ справедливы къ нему мы, критики, и будьте справедливы вы, читатели.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ.

«Любовь, какъ пѣсня рая,
Звучитъ въ сердцахъ, но смыслъ ея пропалъ,
Нѣтъ божества,— стоитъ лишь пьедесталъ
И грязь на немъ налипла вѣковая».

Беранже.

«Все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло».

Бѣлинскій.

I.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ нашей литературѣ много и горячо разсуждали о *народности* вообще и, въ частности, о народности въ искусствѣ. Лѣтъ пятнадцать, двадцать назадъ въ нашей литературѣ возникли разговоры о *народничествѣ*, какъ объ извѣстномъ умственномъ теченіи, имѣющемъ очень серьезное значеніе. Между этими двумя фактами есть ли какая-нибудь генетическая связь и между понятіями «народность» и «народничество» есть ли какое-нибудь логическое соотношеніе?

При извѣстномъ остроуміи и діалектической ловкости можно установлять самыя неожиданныя связи между самыми разнородными и отдаленными предметами. Разумихинъ Достоевскаго (*Преступленіе и наказаніе*) брался «вывести», что у его пріятеля бѣлыя рѣсницы единственно оттого, что въ колокольнѣ Ивана Великаго тридцать девять саженъ высоты, и «вывести» даже не просто, а съ либеральнымъ и прогрессивнымъ оттѣнкомъ. Если такъ, то и я съ своей стороны не затруднился бы «вывести», что метафизическія умствованія Бѣлинскаго и его друзей о «народности» были совершенно необходимы для возникновенія у насъ «народничества», въ смыслѣ литературно-общественнаго направленія. Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, точно также какъ нѣтъ дѣйствій безъ послѣдствій, и въ литературно-историческомъ отношеніи между уче-

ніемъ о «народности» и системою «народничества» существуетъ извѣстная связь, видна преемственность, разъяснить которую можно было бы документально. Такъ, напримѣръ, Бѣлинскій, разсуждая о народности, какъ о формѣ общечеловѣческой идеи, какъ объ «односторонности», которая, по Гегелю, «является истинною только въ примиреніи съ противуположною ей стороной» и т. п. (*Сочиненія Бѣлинскаго*, т. V), проговаривается замѣчаніемъ, въ которомъ уже нѣтъ ровно ничего метафизическаго и которое по своему смыслу какъ будто прямо адресовано къ одной фракціи нашихъ народниковъ, считающей,—чтобы ужъ сказать все съ перваго же шага,—своимъ литературнымъ представителемъ не другого кого-нибудь, какъ именно г. Златовратскаго. Замѣчаніе Бѣлинскаго вотъ какое: «есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ, и обычаямъ, и даже тому, что составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе каждаго порядочнаго человѣка. Деревенскіе старосты и богомольныя старухи представляются у нихъ образцами нравственности, созерцательныхъ откровеній и даже образованности и просвѣщенія». Когда Бѣлинскій писалъ эти слова, г. Златовратскаго и на свѣтѣ еще не было, но ни къ кому, во всей нашей литературѣ, они не имѣютъ такого прямаго отношенія, какъ именно къ г. Златовратскому.

Читатель, надѣемся, не ждетъ отъ насъ разсужденій на тему о «народности». Въ эпоху Бѣлинскаго такія разсужденія могли имѣть глубокій смыслъ, какъ выраженіе въ литературѣ національнаго самосознанія, какъ теоретическое обоснованіе и систематизированіе тѣхъ началъ, на которыхъ могла бы установиться *философія патріотизма*, давно и всѣмъ знакомаго въ видѣ безсознательнаго, слѣпого инстинкта. Народъ, сознавшій себя историческою націей, съ спеціальною историческою ролью и съ спеціальными историческими задачами,—это все равно, что человѣкъ, сознавшій себя личностью, съ опредѣленнымъ общественнымъ призваніемъ. Такое самосознаніе—простой, естественный аттрибутъ извѣстной ступени развитія. «Я мыслю, слѣдовательно, существую»,—это декартовское изреченіе резюмируетъ собою содержаніе цѣлаго фазиса развитія, чрезъ который обязательно долженъ пройти и каждый народъ, имѣющій историческое будущее, и каждая личность, предназначенная къ общественной роли. «Національнизмъ» и «индивидуализмъ»—это понятія, по существу между собою одинаковыя, и если между ними есть различіе, то только количественное, а не

качественное. Ребенокъ есть личность съ первой минуты своего появленія на свѣтъ, и народъ есть нація съ первыхъ безсознательныхъ шаговъ по широкому пути всемірной исторіи, но перейти отъ непосредственнаго пользованія этимъ фактомъ къ анализу этого факта, къ его сознанію и пониманію—значитъ заявить о своей наступающей или наступившей возмужалости.

Безъ самосознанія нѣтъ дѣятельности; но работа самосознанія не можетъ быть содержаніемъ дѣятельности. Самосознаніе есть только необходимое *условіе*, а не сущность дѣятельности, предметъ которой долженъ лежать внѣ личности, собирательной ли, какъ народъ, или единичной, какъ индивидъ. Если сознавшій сбея человѣкъ употребитъ свои силы исключительно на дальнѣйшее расширеніе и укрѣпленіе своего самосознанія и самопознанія, онъ сыграетъ въ нравственномъ мірѣ роль безплодной смоковницы, заслуживающей проклятія, какъ возмездія, онъ явитъ собою образецъ чистѣйшаго эгоизма, который интересуется только собою и заботится только о себѣ. Равнымъ образомъ, если народъ, развившись до послѣднихъ предѣловъ свое національное самосознаніе, доведетъ его до національнаго самомнѣнія и, наконецъ, до національной исключительности, онъ тѣмъ самымъ отрѣжетъ себѣ всѣ возможности и пути къ прогрессу, который немыслимъ безъ общенія, безъ соревнованія, безъ заимствованій, безъ борьбы. Въ первомъ случаѣ, передъ нами «толстовецъ», прислушивающійся какъ къ голосу жизни, къ шуму въ собственныхъ ушахъ; во второмъ случаѣ передъ нами Китай, богатая страна и многочисленный народъ, не имѣющій ни голоса, ни роли въ общечеловѣческой семьѣ племенъ, національностей и государствъ. Крайности индивидуализма столь же пагубны, какъ и крайности націонализма. Почувствовать свое достоинство, сознать свое «я», опредѣлить свое мѣсто и назначеніе,—все это законно и прекрасно; но сотворить изъ своего «я» кумиръ себѣ, основывать свое достоинство на преувеличеніи своего значенія, поставлять себя въ центрѣ, около котораго должно совершаться круговращеніе жизни,—все это нисколько не прекрасно и не законно ни для народа, ни для отдѣльной личности. «Только тотъ народъ и великъ,—замѣтилъ однажды Достоевскій,—который считаетъ себя первымъ, богоизбраннымъ народомъ», и это одна изъ многочисленныхъ формулъ крайняго націонализма, самодовольнаго, узкаго, ограниченнаго и хвастливаго. Истинное достоинство всегда скромно, точно также какъ истинное самосознаніе

можетъ вести къ самоуваженію, но не можетъ вести къ самообожанію,—*не можетъ* потому, что богоизбранныхъ народовъ нѣтъ, а Богочеловѣкъ былъ только одинъ, и именно Тотъ, Кто былъ «кротокъ и смиренъ сердцемъ» и чье иго было *благо* и чье бремя было *легко*.

Народность въ смыслѣ націонализма представляетъ собою ступень, уже пройденную передовыми рядами нашего общества. Да, Россія—не географическій терминъ; да, русскій народъ, какъ историческая нація, имѣетъ свои собственныя задачи огромной, общечеловѣческой важности и свою оригинальную физіономію, не вполнѣ, но уже достаточно ясно опредѣлившуюся. Но слишкомъ настаивать на этомъ фактѣ, видѣть въ этомъ естественномъ результатѣ стихійнаго историческаго процесса какую-то свою заслугу, какое-то драгоцѣнное національное достояніе—значитъ свидѣтельствовать о своемъ несовершеннолѣтіи, точь-въ-точь какъ тѣ юноши, которые, страстно желая казаться вполнѣ возмужавшими людьми, безпрестанно крутятъ свои «усы», т.-е. легонькій пушокъ, темнѣющій на ихъ верхней губѣ, и говорятъ басомъ, при малѣйшемъ волненіи, переходящемъ въ дискантъ. Наивные люди не желаютъ довольствоваться сознаніемъ историческаго значенія своей національности и хотятъ націонализировать даже такія вещи, которыя космополитичны по самой своей сущности, какъ наука, какъ истина, какъ личное и общественное благо и тѣ формы жизни, которыя лучше другихъ благопріятствуютъ развитію и процвѣтанію этихъ началъ. «У насъ дважды два тоже четыре, какъ и на Западѣ, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе»,— остроумно пронизировалъ Тургеневъ надъ самобытниками этого рода слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, но, какъ видно, никого эта иронія не убѣдила и проповѣдь самобытной, русской, «истинно-русской» таблицы умноженія раздастся еще громче прежняго.

«Народность» въ смыслѣ *народничества* имѣетъ совсѣмъ другую исторію и совсѣмъ иное значеніе. Начало его возникновенія въ нашей литературѣ, въ видѣ сознательнаго направленія, должно быть отнесено къ тому времени, когда вопросъ объ «улучшеніи» положенія народа пересталъ быть вопросомъ благодушествующей филантропіи и сдѣлался вопросомъ государственной необходимости. Это время—вторая половина пятидесятыхъ и первая половина шестидесятыхъ годовъ—поставило передъ обществомъ цѣлый рядъ «вопросовъ», въ числѣ которыхъ вопросъ о народѣ, какъ эконо-

мической и политической силѣ, занималъ первое мѣсто. Сущность возникавшаго направленія опредѣлялась совсѣмъ не такими народниками», какими явились въ то время Николай Успенскій, Слѣпцовъ и т. п. Безъидейныя фотографическія картинки этихъ писателей могли дать читателю кое-какія свѣдѣнія о народѣ частью психологическаго, частью этнографическаго свойства, могли сообщить нѣкоторыя новыя бытовыя данныя, не подмѣченные раньше второстепенные и третьестепенные факты и т. д. Но задача заключалась не въ этомъ, а въ томъ, чтобы найти общій руководящій принципъ, съ высоты котораго было бы нетрудно судить о явленіяхъ народной жизни, группировать и оцѣнять ихъ. Мы напрасно стали бы искать такого принципа у тогдашнихъ народниковъ-бытописателей, начиная съ Рѣшетникова и кончая Левитовымъ, но въ теоретическихъ литературныхъ разсужденіяхъ того времени, вродѣ, напримѣръ, извѣстныхъ статей *Современника* объ общинѣ,—разсужденіяхъ, исходившихъ изъ анализа экономическихъ и юридическихъ основъ народной жизни, можно было отыскать нѣкоторыя общія руководящія начала, которыя и были подлинными формулами «народничества».

Чтобы не топтаться дольше, чѣмъ нужно, на одномъ мѣстѣ, скажемъ безъ предисловія, что такихъ основныхъ формулъ наши теоретики народничества выработали счетомъ *двѣ*, нисколько не новыхъ, давно извѣстныхъ въ политическихъ ученіяхъ Запада, но у насъ получившихъ особый и значительный смыслъ. *Все для народа*—вотъ первая изъ этихъ формулъ; *все чрезъ народъ*—вотъ вторая формула. Несмотря на свою лаконичность, эти формулы властно предписываютъ извѣстную систему дѣйствій, резюмируютъ собою цѣлую категорію идей и воззрѣній, оставаясь, въ то же время, между собою въ отношеніяхъ не только не дружественныхъ, а даже во многихъ случаяхъ прямо враждебныхъ.

Формула «все для народа» была, прежде всего, выраженіемъ естественной реакціи той формулѣ «ничего для народа», которая хотя никогда не выговаривалась громко, но лежала въ основѣ практической государственной дѣятельности въ теченіи очень долгаго періода. Происходило это не отъ жестокости,—*такая* жестокость была бы невѣроятна,—и не отъ близорукости,—во всѣ періоды нашей исторіи у насъ не было недостатка въ людяхъ съ широкимъ взглядомъ и съ государственнымъ смысломъ,—а отъ простой невозможности: закрѣпощенному народу *нечего* дать, для

него *ничего* нельзя сдѣлать, прежде чѣмъ падутъ связывающія его путы. Но тысяча причинъ, начиная съ простыхъ предразсудковъ о какой-нибудь бѣлой кости и кончая серьезнѣйшими экономическими интересами, мѣшали людямъ разсмотрѣть крѣпостное состояніе въ его истинномъ свѣтѣ, и въ результатѣ получалась именно такая программа жизни, которая сводилась къ формулѣ «ничего для народа».

Какъ бы то ни было, сила вещей взяла свое, теченіе прогрессирующей жизни прорвало плотину крѣпостничества, и освобожденный народъ занялъ то центральное положеніе, которое принадлежало ему по свойству его исторической роли. Вынося на своихъ плечахъ всю тяжесть исторіи своей земли, нашъ народъ до послѣднихъ дней оставался въ глазахъ многихъ «хамомъ», «быдломъ», «подлою чернью» и т. д. Вообразите передъ лицомъ этого несомнѣннаго и вопіющаго факта русскаго интеллигентнаго человѣка съ его совѣстливостью, съ его стремленіемъ къ справедливости, съ его альтруистическими инстинктами: ясно, что если этотъ человѣкъ еще не народникъ, то не замедлитъ сдѣлаться народникомъ, т. е. такимъ дѣятелемъ, для котораго защита народныхъ интересовъ есть дѣло не столько политическаго разсчета, сколько личнаго нравственнаго удовлетворенія.

Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стопалъ!

Вотъ психологическая основа нашего народничества или, по крайней мѣрѣ, одной изъ популярнѣйшихъ его фракцій. Если *сѣятель* и *хранитель* родной земли не находитъ на ней спокойнаго уголка для себя, то это является такимъ попраніемъ элементарнѣйшей справедливости, которое не можетъ не возбуждать упрековъ совѣсти. Отвѣтомъ на эти упреки явилось народничество въ формѣ *народолюбія*, не славянофильскаго народолюбія, въ сущности, преисполненнаго жестокости, которое *восхищалось* фактомъ безпріютности и безпомощности мужика въ родной странѣ, а народолюбія на нравственно-гуманной почвѣ, въ глазахъ котораго мужикъ былъ не «младшій» только, но и неправо-обиженный, несправедливо обдѣленный братъ.

Ко всѣмъ этимъ чисто-моральнымъ мотивамъ и побужденіямъ

присоединились à la longue соображенія теоретическаго свойства. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, наша страна—страна мужицкая; вѣдь, тотъ классъ населенія, который слыветъ подъ именемъ «народа», есть, въ сущности, само населеніе; вѣдь, это не красное словцо, не поэтическая гипербола, а истинная правда, что мужикъ—«сѣятель» и «хранитель» родной земли. Спросите исторію, справьтесь со статистикой, наконецъ, просто взгляните на карту нашего отечества: разные наши «бурги», «славы» и «дары» тонутъ въ массѣ сѣрыхъ Ивановокъ и Незвановокъ, и вся страна представляется въ видѣ огромнаго мужицкаго поля, богатаго всякими угодьями, но очень плохо обработаннаго. Сѣрая страна, мужицкое царство, деревенское государство! А если такъ, то формула «все для народа», очевидно, превращается въ формулу «все для отечества», и *народолюбіе* возвышается на степень разумнаго, сознательнаго, просвѣщеннаго *патріотизма*. Благосостояніе всякой страны есть, конечно, благосостояніе большинства, интересы страны есть интересы этого большинства, а такъ какъ нигдѣ, ни въ одной странѣ, большинство такъ не однородно, какъ именно въ Россіи, и нигдѣ оно такъ ясно не выражено, какъ у насъ, то всѣ наши общественно-государственныя задачи чрезвычайно упрощаются. Гдѣ у насъ феодализмъ, гдѣ буржуазія, гдѣ капитализмъ? И если можно указать нѣкоторое подобіе у насъ того, другого и третьяго, то роль этихъ факторовъ похожа ли хоть отдаленно на роль соотвѣтственныхъ силъ въ западной жизни? Феодализмъ, аристократизмъ! Но уже шестьдесятъ лѣтъ назадъ нашъ поэтъ-аристократъ писалъ:

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

Съ тѣхъ поръ «временъ превратность» могла, конечно, только увеличиться. Далѣе — буржуазія. Тотъ же поэтъ говорилъ о себѣ:

Родовъ униженныхъ обломокъ
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я — мѣщанинъ, я — мѣщанинъ.

Если Пушкинъ — мѣщанинъ, что и вѣрно совершенно, было вѣрно тогда и вдвое вѣрнѣе теперь, не въ ироническомъ, а въ положительномъ смыслѣ, то, съ другой стороны, и Китъ Китычъ

никто иной, какъ мѣщанинъ: спрашивается, есть ли что нибудь цѣльное въ такомъ общественномъ слоѣ, въ которомъ равноправными элементами являются Пушкинъ, воздвигнувшій себѣ «памятникъ нерукотворный», и Китъ Китычъ, вопрошающій: «чего моя нога хочетъ?» Понятіе буржуазіи логично и стройно, какъ самое явленіе, представляемое имъ; понятіе нашего «мѣщанства» неопредѣленно, растяжимо и смутно опять-таки какъ самый фактъ, его породившій. Наконецъ, третій факторъ — капитализмъ. Идейное значеніе и историческій смыслъ западнаго капитализма состоитъ въ порабощеніи труда. Въ силу извѣстной организаціи производства, добровольный трудъ юридически свободнаго человѣка превращается въ трудъ кабальный, крѣпостной, въ результатѣ чего всѣ права гражданина-рабочаго, добытыя длиннымъ историческимъ рядомъ всяческихъ жертвъ и усилій и торжественно засвидѣтельствованныя и многократно подтвержденныя въ разнаго рода актахъ и хартіяхъ, всѣ эти права исчезаютъ яко дымъ, текутъ, такъ сказать, по усамъ, а въ ротъ рабочаго почти не попадаютъ. Явленіе чисто-экономическое, западный капитализмъ ведетъ, однако же, къ безчисленнымъ результатамъ политическаго, юридическаго и даже этическаго свойства. То ли мы видимъ у насъ? Лѣтъ пятьдесятъ назадъ россійскій «аршинникъ, самоварникъ, надувало морской», расторговавшись соленымъ судакомъ или березовыми дровами, запиралъ свой «копиталъ» въ сундукъ, ложился на сундукъ внизъ брюхомъ и околѣвалъ медленною голодною смертью. Такова была его «капиталистическая система». Современный нашъ капиталистъ поступаетъ не столь странно, но, въ сущности, не болѣе производительно: онъ покупаетъ горы процентныхъ бумагъ, наживаетъ себѣ мозоли, обстригая купоны, на которые пріобрѣтаетъ еще и еще бумагъ, отъ которыхъ нарѣзываетъ еще и еще кучу купоновъ и т. д., и т. д. Если же онъ вложилъ свой капиталъ въ какое нибудь «промышленное предпріятіе», то результатъ получается, пожалуй, еще хуже: западный капиталистъ проситъ и требуетъ только того, чтобы ему не мѣшали, чтобы ему предоставили faire и aller какъ заблагоразсудится, тогда какъ нашъ капиталистъ преискренно убѣжденъ, что не только таможни, но и небо, и земля, и всѣ государственныя учрежденія, и судъ, и администрація, и печать — всѣ и все обязаны помогать ему. Все это до такой степени дико, неотесано, примитивно и просто-на-просто глупо, что, конечно, не можетъ быть разсматриваемо какъ серьез-

ный факторъ общественной или національной жизни. Такимъ образомъ, и отрицательные результаты нашего анализа ведутъ къ прежнему положительному заключенію, именно къ тому, что центръ тяжести всей нашей жизни лежитъ въ жизни и судьбѣ народныхъ массъ. На этой почвѣ идея народничества перестаетъ быть моральною заповѣдью, отвлеченнымъ долгомъ и становится широкимъ общественнымъ принципомъ, а девизъ «все для народа» является уже не въ видѣ благодушнаго пожеланія, а въ видѣ совершенно отчетливой практической программы.

Все для народа... Однако, въ чемъ же именно заключается это *все*? Въ чемъ состоятъ интересы народа? Кому надлежитъ рѣшать, что полезно и что вредно для народа, и гдѣ критерій для заключеній этого рода? Рѣзкое различіе въ отвѣтахъ именно на *эти* вопросы болѣе всего разъединяетъ нашихъ народниковъ. Сущность этихъ различныхъ отвѣтовъ заключается въ слѣдующемъ. Внутреннее сознаніе человѣка есть лучшее свидѣтельство и лучшее доказательство вреда или пользы, зла или добра, счастія или несчастія. Все это—чисто-субъективныя понятія, о которыхъ, какъ о вкусахъ, не можетъ быть спора. Если вы хотите послужить человѣку или классу, или народу, вы можете сдѣлать это, лишь стремясь къ осуществленію тѣхъ идеаловъ, которые уже выработаны въ сознаніи этого человѣка или этого класса, или этого народа. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ цѣлому народу, идеалы котораго покоятся на традиціяхъ, вырабатываются путемъ медленнаго историческаго процесса. Вы можете не сочувствовать идеаламъ народа, можете не раздѣлять его вѣрованій, можете даже не уважать ихъ, но вы не имѣете права посягать на нихъ, не должны забывать, что они составляютъ для тысячъ и милліоновъ умовъ и сердецъ такую же завѣтную святыню, какою въ вашихъ глазахъ являются ваши идеалы и убѣжденія. Надо быть очень легкомысленнымъ и самоувѣреннымъ человѣкомъ, чтобы свои личныя воззрѣнія, настроенія своего бѣднаго, ограниченнаго, единичнаго ума осмѣлиться противупоставить результатамъ вѣковой коллективной умственной работы народа. Вотъ почему формула «все для народа» неопредѣленна и неполна, вотъ почему афоризмъ «все чрезъ народъ» является логически и практически необходимымъ ея звеномъ. Да, не только все для народа, но и все чрезъ народъ, потому что только народъ знаетъ, что нужно народу, только народу рѣшать, куда, съ кѣмъ и съ чѣмъ идти ему.

Это одинъ отвѣтъ на поставленные выше вопросы. Другой, совершенно противуположнаго свойства отвѣтъ можетъ быть изложенъ тоже не безъ убѣдительности. Развѣ значеніе идеи, достоинство того или другого идеала должно быть измѣряемо количественнымъ, а не качественнымъ масштабомъ? Тысяча пудовъ ровно въ тысячу разъ тяжелѣе одного пуда, тысяча саженъ всегда и вездѣ въ тысячу разъ длиннѣе одной сажени, но тысяча человѣкъ сплошь да рядомъ бываютъ глупѣе, невѣжественнѣе, безпомощнѣе одного человѣка. Совершенная неправда, что истина имѣетъ только субъективные критеріи: истина — едина, субъектовъ — безконечное множество. Только въ низшихъ областяхъ духовной дѣятельности, въ сферѣ ощущеній, вкусовъ, безсознательныхъ пристрастій и антипатій, каждый молодецъ, по пословицѣ, можетъ быть на свой образецъ. Законы логики, также какъ законы морали, для всѣхъ одинаково обязательны, потому именно, что они — выраженіе объективной (если не абсолютной) истины, которая одна только и вправѣ требовать къ себѣ уваженія. Чепуха, белиберда и ерунда останутся чепухой, белибердой и ерундой, хотя бы считали вѣками свое существованіе, а своихъ адептовъ и послѣдователей милліардами. Съ другой стороны, идея всемірнаго тяготѣнія была уже истиной въ то время, когда ее сознавалъ только *одинъ* человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ.

Никогда и нигдѣ толпа, масса, «народъ» не являлись самостоятельными дѣятелями, всегда и вездѣ они были только исполнителями плановъ и повелѣній своихъ вождей. «Все для народа»— это выраженіе понятно, какъ и выраженіе: «все для стада». Но какой же разсудительный пастухъ скажетъ: «все посредствомъ стада»? Человѣческое стадо, какъ и всякое другое, способно топтать собственными ногами свой кормъ сегодня, чтобы пропасть съ голода завтра; человѣческое стадо, какъ и другое, не идетъ на призывъ человѣческаго голоса, но хорошо понимаетъ свистъ и хлопанье бича; человѣческое стадо не имѣетъ ни своего разума, ни своей воли, а имѣетъ лишь стадные инстинкты да зоологическія побужденія. Эти-то инстинкты вы рекомендуете намъ уважать? Вы требуете почтительнаго отношенія къ воззрѣніямъ, вышедшимъ изъ мрака этихъ инстинктовъ? Пусть на сторонѣ этихъ воззрѣній авторитетъ давности, пусть они освящены преданіемъ; но развѣ наука, во имя которой мы вооружаемся противъ этихъ воззрѣній—дѣло вчерашняго дня? Развѣ ея давность не превосходитъ историческій

возрастъ любаго изъ существующихъ народовъ? И развѣ идеи цивилизаціи и просвѣщенія, которыя мы несемъ съ собою, продукты единичной, а не коллективной умственной работы? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Будемъ служить народу, но не будемъ служить народнымъ предразсудкамъ; будемъ прислушиваться къ голосу народа, но не дадимъ ему заглушить голосъ разума. «Все для народа», потому что онъ несчастенъ; ничего посредствомъ народа, ничего «чрезъ народъ», потому что онъ неразуменъ и невѣжественъ.

Читатель понимаетъ, что я до сихъ не свои мнѣнія развивалъ, а чужія воззрѣнія излагалъ. Все это и еще много другое я вычиталъ въ произведеніяхъ нашихъ народниковъ-беллетристовъ, къ ихъ, быть можетъ, искреннему удивленію, такъ какъ они только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшались теоретизировать. Собственно же у г. Златовратскаго я прочелъ въ двухъ увѣсистыхъ томахъ его очень талантливыхъ произведеній вотъ что: «все для народа, все чрезъ народъ, все у народа, все къ народу, все изъ народа, нѣтъ ничего, кромѣ народа». Да, г. Златовратскій дѣйствительно *послѣдовательный народникъ*!

II.

Г. Златовратскій, на ряду съ Рѣшетниковымъ и Глѣбомъ Успенскимъ, можетъ считаться представителемъ и главою извѣстной фракціи народничества. Рѣшетниковъ съ Николаемъ Успенскимъ, Слѣпцовымъ и Якушкинымъ—вотъ первая (хронологически) изъ народническихъ фракцій, спеціальность которой состояла въ фотографически-точномъ воспроизведеніи народнаго быта. Глѣбъ Успенскій и, если не ошибаюсь, г. Эртель представляютъ собою вторую фракцію, которая не довольствуется знаніемъ быта народа, внѣшнихъ формъ его жизни, а стремится постичь его душу, понять его внутренній міръ, его психологію. Третья фракція: гг. Наумовъ, Засодимскій, Каронинъ съ г. Златовратскимъ во главѣ—какъ будто задалась цѣлью не столько изучить, сколько всякими цвѣтами разцвѣтить и всякими похвалами расхвалить народъ.

Рѣшетниковъ явился Колумбомъ нашего народа, реальнаго, живого мужика, а не того конфеточнаго страдальца, какимъ изображался мужикъ у Григоровича, а частью и у самого Тургенева. Глѣбъ Успенскій явился печальникомъ о народѣ, съ проповѣдью къ нему той любви, которая характеризуется поговоркой: «кто

крѣпко любитъ, тотъ больно бьетъ». Г. Златовратскій является даже не адвокатомъ народа, глубоко убѣжденнымъ въ его «невиновности» и страстно защищающимъ его интересы, а колѣнопреклоненнымъ жрецомъ, который съ экстазомъ поетъ хвалебные гимны своему божеству, не допуская ни тѣни скептицизма не только въ себѣ, но и въ другихъ.

Любопытно рѣшить (потому любопытно, что г. Златовратскій крупная литературная величина), откуда нашъ «послѣдовательный народникъ» почерпнулъ эту несокрушимую вѣру въ народъ и эту ничѣмъ не смущающуюся любовь къ нему? Въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ г. Златовратскій предлагаетъ отъ себя такое объясненіе: «Склонность мою къ этому роду писательства поддерживали во мнѣ, вѣроятно, тѣ особыя обстоятельства, среди которыхъ прошло мое дѣтство и отрочество. То было время подготовленія реформы 19 февраля, вызвавшее, какъ извѣстно, большое оживленіе въ провинціи. Мой отецъ, хотя и былъ простымъ чиновникомъ при дворянскомъ собраніи, усиленно работалъ въ то время, если не ошибаюсь, въ губернскомъ комитетѣ по разработкѣ вопросовъ, касавшихся экономическаго положенія народа, а затѣмъ, несмотря на очень скудныя средства, при содѣйствіи наиболѣе развитыхъ дворянъ, открылъ публичную библіотеку, гдѣ мнѣ приходилось часто помогать ему. Въ то же время, благодаря близкому родству съ бѣднымъ сельскимъ духовенствомъ, въ нашей семьѣ не прекращалась и непосредственная связь съ деревней. Среди этихъ условій зарождались мои первыя сознательныя впечатлѣнія, которыми я, подъ вліяніемъ общей горячности и торопливости того времени, спѣшилъ, часто въ очень неудачной, ребяческой формѣ, подѣлиться съ своими ближними. Оглядываясь теперь назадъ, на эти прошедшіе годы моего писательства, я не могу не высказать благодарности судьбѣ за все то, что создало для меня возможность пережить, можетъ быть, и очень немногія минуты свѣтлаго и возвышеннаго настроенія. Эти минуты особенно для меня дороги. Если условія моей жизни, въ главномъ, общи у меня со многими изъ моихъ сверстниковъ, то эти минуты опредѣляютъ другую сторону моей жизни—интимную, сердечную, сказавшуюся и въ смутныхъ впечатлѣніяхъ дѣтства «въ старомъ домѣ», отъ грубой ласки няни Кузминишны и «незамужницъ» до любвеобильныхъ порывовъ «золотыхъ сердецъ», и тамъ, гдѣ я мысленно сопутствую по длинной «снѣговой путинѣ» простому человѣку, при-

званному къ общему служенію дѣлу любви и справедливости, или переживаю минуты сердечнаго общенія съ бѣдною чернорабочею артелью и глухою деревенскою общиною. Среди этихъ образовъ крѣпла моя вѣра въ будущее и лучшія мечты юности находили живую почву».

Мы не можемъ принять этого объясненія. Всѣ такія ссылки на условія воспитанія, на обстоятельства личной жизни, на случайныя встрѣчи и связи не убѣдительны потому, что ничего въ этихъ условіяхъ и обстоятельствахъ нѣтъ исключительнаго, въ то время какъ результатъ, который приписывается ихъ вліянію и воздѣйствію, бываетъ иногда совершенно необыкновеннымъ. Ясно, что дѣло заключается не въ объективныхъ условіяхъ, а въ субъективныхъ данныхъ, не въ средѣ, окружающей или когда-то окружавшей писателя, а въ стихійныхъ особенностяхъ его духовной организаціи. Не потому человѣкъ сдѣлался ловцомъ, что на него звѣрь набѣжалъ, а потому на него звѣрь набѣжалъ, что онъ ловецъ по натурѣ своей, по непреодолимому призванію. Не потому г. Златовратскій сдѣлался народникомъ-оптимистомъ, народникомъ-энтузіастомъ, что на него подѣйствовала «грубая ласка» няни Кузминишны, а, наоборотъ, потому только ему и памятна эта ласка, что она свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ нашего народа. Настоящее объясненіе заключается въ томъ, что г. Златовратскій по складу своего ума, по всему своему духовному типу является не русскимъ только человѣкомъ, а чистокровнымъ великорусскимъ мужикомъ, со всѣми его общеизвѣстными достоинствами и недостатками. Это умный и проницательный писатель-мужикъ съ вѣчнымъ «себѣ на умѣ», оптимистъ какъ будто по разсчету, энтузіастъ какъ бы изъ политики, не увлекающій и не убѣждающій своего собесѣдника-читателя, но, если такъ позволено будетъ выразиться, опутывающій и даже оплетающій его. Если цѣль хороша, то что за дѣло до средствъ! Это немножко по-іезуитски, но, въ то же время, и по-мужицки, по-великороссійски-мужицки, совершенно въ духѣ нашихъ безчисленныхъ деревенскихъ Бисмарковъ, Меттерниховъ и Талейрановъ. Въ любви своей къ народу, къ «своимъ», г. Златовратскій болѣе чѣмъ искрененъ—онъ фанатиченъ. Но читатель для него вовсе не «свой» и онъ съ нимъ не панибратствуетъ, какъ Глѣбъ Успенскій, не изливается передъ нимъ, не откровенничаетъ, не смѣется, не плачетъ,—все это «одно малодушество»,—онъ медленно, незамѣтно, но вѣрно,

шагъ за шагомъ, страница за страницей, приводитъ его въ свою вѣру. Какое-то эпическое спокойствіе разлито по его разсказамъ, какою-то неторопливою, самоувѣренною силой вѣетъ отъ его рѣчей, тайная или явная цѣль которыхъ всегда одна и та же, независимо отъ ихъ формальнаго предмета *). Въ разсказѣ *Деревенскій король Лиръ* одинъ «дѣдъ» разсказываетъ о себѣ и своихъ сверстникахъ: «Не аблакатствомъ, милячокъ, брали, а брали вѣрой! Встанемъ у суда и стоимъ: и день стоимъ, и ночь стоимъ, и въ жару стоимъ, и во вьюгу, и подъ дождемъ стоимъ, и въ сухмень стоимъ... Насъ гонятъ, а мы стоимъ. Угонятъ, а мы опять придемъ—опять стоимъ... Мѣсяцами стаивали... А все, милячокъ, вѣра!.. Ну, выстояли...» Приблизительно такимъ же способомъ и г. Златовратскій ходатайствуетъ за народъ передъ читателемъ: онъ очень рѣдко «аблакатствуетъ», т.-е. непосредственно защищаетъ народъ, онъ именно «беретъ вѣрой», настойчивостью и упорствомъ: какая бы погода ни стояла на дворѣ, тяготѣетъ ли общество къ народу, или отвертывается отъ него, г. Златовратскій, не волнуясь, не спѣша, не унывая, продолжаетъ свое «стояніе» за народъ, выражающееся въ неуклонно-послѣдовательномъ изображеніи народа, какъ великаго «сѣятеля» и «хранителя» родной страны.

По своимъ художественнымъ средствамъ, г. Златовратскій занимаетъ середину между двумя другими главными представителями народничества въ нашей беллетристикѣ: онъ настолько же въ этомъ отношеніи превосходитъ Рѣшетникова, насколько уступаетъ Глѣбу Успенскому. Онъ далеко не такъ монотоненъ, какъ Рѣшетниковъ, онъ не заваливаетъ насъ, читателей, сырьемъ, а даетъ намъ его въ обработанномъ видѣ, онъ живописуетъ, а не фотографируетъ,

*) Отмѣтимъ еще одно обстоятельство. По недавно установившемуся въ нашей литературѣ обычаю, ужъ не знаю, дурному или хорошему, къ «сочиненіямъ» г. Златовратскаго приложенъ его портретъ. Рекомендую читателю обратить вниманіе на наружность нашего народника (портретъ, замѣчу, отличается изумительнымъ сходствомъ). Это наружность совсѣмъ не «интеллигентнаго» человѣка, не человѣка нашего круга, нашего общества, это физіономія «благомысленнаго» мужика, умнѣйшей деревенской головы, воротилы всѣхъ сходокъ, вершителя всѣхъ приговоровъ. Какъ онъ скажетъ, такъ тому и быть, не вслѣдствіе принужденія, а вслѣдствіе добровольнаго подчиненія его авторитету. Еще менѣе «культурною» и еще болѣе мужиковатою наружностью отличается изъ всѣхъ нашихъ писателей только одинъ Левъ Толстой, насколько можно судить по портретамъ.

онъ не объективенъ, не равнодушенъ какъ какой-нибудь референтъ-этнографъ, а нервенъ и впечатлителенъ, какъ истинный художникъ, хотя и чрезвычайно сдержанъ. Съ другой стороны, у г. Златовратскаго нѣтъ ни того изобилія, ни того разнообразія художественныхъ рессурсовъ, которыя поражаютъ насъ въ Успенскомъ. Онъ умѣетъ постоянно держать ваше вниманіе на извѣстной степени напряженія, вы не соскучитесь съ нимъ, какъ непремѣнно и неоднократно соскучитесь съ Рѣшетниковымъ, но онъ не можетъ заставить васъ ни расхохотаться до слезъ, ни опечалиться до слезъ же, ни загорѣться негодованіемъ, ни омрачиться тяжелымъ сомнѣніемъ, какъ это все можетъ и безпрестанно дѣлаетъ Успенскій. И, однако, *какъ народникъ*, г. Златовратскій стоитъ Успенскаго.

Дѣло въ томъ, что Успенскій, какъ бы онъ ни бранилъ насъ, интеллигенцію, все-таки нашего поля ягода, тогда какъ г. Златовратскій между нами все равно, что данаецъ между троянцами. Такъ, Успенскому не чужды и даже близки задачи и вопросы политики, тогда какъ г. Златовратскій о нихъ и знать не хочетъ. Успенскій страстно любитъ и жалѣетъ народъ, наблюдаетъ и изучаетъ его, съ волненіемъ разсказываетъ намъ о немъ, но все это онъ дѣлаетъ какъ человѣкъ, все-таки, посторонній народу, какъ человѣкъ окультуренный. А г. Златовратскій чистокровный русскій мужикъ, интеллигентный тургеневскій Хорь, который «произошелъ» всю нашу науку, перечиталъ всѣ наши книжки, но остался вѣренъ своей природѣ и во всякое время готовъ промѣнять общество какого-нибудь Дарвина или Спенсера на общество дяди Митяя или дяди Миняя. Въ то время, какъ Успенскій изнываетъ отъ тоски, глядя на деревенскую неурядицу, на развращеніе деревни городомъ и т. д., г. Златовратскій сохраняетъ передъ лицомъ этихъ фактовъ свое обычное эпическое спокойствіе, и это не спокойствіе равнодушія, а именно тотъ «полный гордаго довѣрія покой», о которомъ говорилъ Лермонтовъ. Причина понятна. «Что такое народъ?» Я самъ народъ, говорилъ толстовскій Левинъ, и говорилъ напрасно, потому что онъ совсѣмъ не народъ. Но г. Златовратскій это можетъ сказать о себѣ, и потому, что онъ можетъ сказать это о себѣ, онъ вправѣ оставаться спокойнымъ даже въ крайнихъ случаяхъ, когда намъ нельзя не скорбѣть и не волноваться. Душа г. Златовратскаго—частица великой народной души, а народъ нашъ, какъ коллективное цѣлое, не только спокоенъ, но и флегматиченъ. Происходитъ эта флегматичность отъ разныхъ

причинъ, но, между прочимъ, и отъ сознанія или отъ инстинкта, что перемелется—мука будетъ, что гибнутъ отдѣльныя личности, но народъ живетъ и будетъ жить, и «выстоитъ», и все вынесетъ:

Вынесетъ все—и широкую, ясную
Грудью дорогу проложитъ себѣ.

Для всѣхъ насъ—это только вѣра, которую надо поддерживать; для г. Златовратскаго—это воздухъ, которымъ онъ дышетъ, даже не помышляя о немъ и не замѣчая его.

III.

На основаніи только что сдѣланной мною общей характеристики г. Златовратскаго, читатель, пожалуй, поспѣшитъ заключить, что «послѣдовательный народникъ», уже въ силу одной послѣдовательности, долженъ относиться къ интеллигенціи недовѣрчиво и враждебно. Мы такъ привыкли противупоставлять интеллигенцію народу, что такое заключеніе должно казаться совершенно логичнымъ. Ничего подобнаго, однако, на дѣлѣ нѣтъ. Г. Златовратскій, не говоря уже ни о чемъ другомъ, писатель слишкомъ осторожный и политичный, чтобы рѣшиться на огульныя отрицанія, на рискованныя обвиненія, на рѣзкіе упреки. У него далеко не все то на языкѣ, что онъ держитъ на умѣ, и окольные пути онъ сплошь да рядомъ предпочитаетъ прямымъ. Онъ не только не казнитъ нашу интеллигенцію, какъ казнятъ ее Левъ Толстой и Успенскій, онъ восхваляетъ ее, но такъ восхваляетъ, что отъ его похвалъ не поздоровится. Пріемъ, употребляемый имъ, въ сущности, очень простъ. Г. Златовратскій беретъ нѣсколько экземпляровъ интеллигентныхъ людей, снабжаетъ ихъ такими свойствами и аттрибутами, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться достояніемъ средняго интеллигентнаго человѣка, и ставитъ затѣмъ этихъ людей на пьедесталъ. Оно и пусть бы себѣ: художникъ-народникъ апотезируетъ своихъ героевъ-народниковъ—это такъ понятно и естественно. Но, вѣдь, это только одна сторона дѣла, другая же состоитъ въ томъ, чтобы, возвышая интеллигентныхъ людей, нисколько не похожихъ на насъ, живую, реальную интеллегенцію, тѣмъ самымъ принизить и устыдить насъ. Вотъ истинныя «золотыя сердца», говоритъ г. Златовратскій, и даетъ подъ этимъ заглавіемъ повѣсть, въ которой тянется цѣлый рядъ героевъ, не имѣющихъ съ нами ничего почти общаго. Выводъ обяза-

теленъ: если эти герои—превосходные люди, то мы, ихъ антиподы, люди дрянные; если у нихъ сердца золотыя, то наши сердца—свинцовыя; если они заслуживаютъ пьедестала, то мы должны считать себя счастливыми, если избѣжимъ позорнаго столба. Это не фраза, это—логика, и пусть читатель разсудитъ дѣло самъ по слѣдующимъ фактамъ.

Вотъ нѣкто Морозовъ, «золотое сердце» № 1. «Онъ былъ, дѣйствительно, прекрасной души человѣкъ и оригиналъ. Ему лѣтъ подъ тридцать пять. Въ его боковомъ карманѣ лежало пять дипломовъ, выданныхъ на разныя ученыя степени изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ перекочевывалъ изъ одного въ другое десять лѣтъ: кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, перешелъ на второй курсъ математическаго факультета Петербургскаго университета; кончивъ здѣсь, перебрался на третій курсъ земледѣльческаго института, отсюда на третій курсъ технологическаго института, и уже здѣсь закончилъ свою студенческую карьеру, набивъ карманъ разными дипломами, какъ паспортами на свободный проѣздъ по всевозможнымъ карьерамъ. Этому помогли, конечно, его замѣчательный умъ, безподобная память и неимовѣрная энергія, съ которой онъ переносилъ всѣ невзгоды необезпеченной жизни».

Пять дипломовъ высшихъ учебныхъ заведеній... Гмъ! Не черезъ-чуръ ли это? Слишкомъ много цвѣтовъ, слишкомъ много дипломовъ! А понадобилось г. Златовратскому надѣлить своего героя такою бездною учености исключительно затѣмъ, чтобы ярче оттѣнить «золотое» народничество Морозова, который, какъ Фаустъ, искусился во всѣхъ наукахъ, испробовалъ всѣхъ знаній и, тѣмъ не менѣе, питаетъ чисто-мужицкіе вкусы и пристрастія. «Удивительное дѣло,—говоритъ Морозовъ,—не могу равнодушно смотрѣть ни на лѣсъ, ни на рѣку, въ особенности на большую... Такъ и потянетъ руку къ топору, къ веслу. Тѣло у меня зудитъ. Кажется, съ тѣми дипломами, какіе у меня имѣются, какимъ бы ученымъ можно быть, примѣрно, хоть нѣмцу! А у меня перо валится изъ руки, потому что ей способнѣе и любезнѣе сжаться въ кулакъ. И, вѣдь, не диллетантъ я, а вотъ, поди-же, больше дня въ кабинетѣ ни въ жизнь не просидѣть!

«— Да и не зачѣмъ совсѣмъ закупориваться.

«— А что же дѣлать? Науку я могъ бы считать единственнымъ дѣломъ, которое не напоминаетъ романтизмъ. Да что-жь вы

сдѣлаете, ежели тянетъ? Мой дѣдъ былъ бурлакъ,—понимаете?—настоящій бурлакъ, рабочая сила, лошадь, запряженная въ лямку,—и, какъ русскій мужикъ, романтикъ по преимуществу... Вѣроятно, вслѣдствіе этого во мнѣ такъ сильна «колонизаторская», «піонерская» жилка. Вотъ почему я и бросаюсь на такія предпріятія, которыя носятъ приблизительно этотъ колонизаторскій характеръ, какъ, напримѣръ, мое сельско-хозяйственное заведеніе или артель, значенію которыхъ я, впрочемъ, не вѣрю ни на грошъ. Дальше идти нельзя, ибо наткнешься на «законныя основанія», а удовлетвориться этимъ не въ силахъ! Туда бы вотъ, въ глубь доисторическихъ временъ, гдѣ еще *законныхъ основаній* не было!»

Опять-таки нельзя не подивиться осторожности и тактичности г. Златовратскаго. Онъ совсѣмъ не рекомендуетъ подражать своему Морозову. Его героя «тянетъ» въ лѣсъ, въ поле, на рѣку—не вслѣдствіе какихъ-нибудь ультра-народническихъ принциповъ, а въ силу натуры, противъ которой «что-жь вы сдѣлаете», въ силу наслѣдственности вкусовъ, воспитанныхъ цѣлымъ рядомъ предковъ-мужиковъ. Позиція, занятая г. Златовратскимъ, была бы совершенно неприступна, если бы онъ, не разукрашивая своего фаворита, представилъ его намъ не въ качествѣ героя, а въ качествѣ оригинальнаго чудака, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ. Но на всякаго мудреца довольно простоты и, выдавая свою затаенную мысль, г. Златовратскій, во-первыхъ, относитъ своего героя къ разряду «золотыхъ сердецъ», а, во-вторыхъ, и это главное, самую науку повергаетъ въ прахъ передъ фетишемъ народничества: у человѣка пять дипломовъ въ карманѣ, свидѣтельствующихъ объ основательномъ, спеціальномъ изученіи имъ, по крайней мѣрѣ, двадцати различныхъ наукъ, а у него «перо валится изъ рукъ» и онъ не можетъ «ни въ жизнь больше дня въ кабинетѣ просидѣть». Но этого мало: самая первобытная дичь и глушь природы и людей не могутъ удовлетворить нашего героя потому, что это дичь, какъ бы то ни было, дичь *современная* и въ ней рискуешь наткнуться на «законныя основанія», т.-е. на нѣкоторыя формы и нормы. Такая возможность ужасаетъ счастливаго обладателя пяти дипломовъ и онъ сладостно мечтаетъ: туда бы, въ глубь доисторическихъ временъ, гдѣ еще *законныхъ основаній* не было!»

Далѣе, «золотое сердце» № 2. Это нѣкто Башкировъ, человѣкъ въ интеллигентномъ отношеніи не менѣе замѣчательный, нежели Морозовъ. «Слишкомъ ужь легко все ему давалось. Каждая книга,

которую онъ прочитывалъ, цѣликомъ укладывалась въ его головѣ. Читалъ онъ не мало, и такъ какъ прочитанное не улетучивалось у него, то двухъ-этажная башка его представляла собою какой-то чудовищный архивъ». Съ такими чрезвычайными способностями Башкировъ могъ бы набить себѣ карманъ дипломами не хуже Морозова, но онъ поступилъ лучше: «въ то время, какъ ему нужно было защищать диссертацію, когда ему предложили остаться при клиникахъ, онъ вдругъ все бросилъ и ушелъ въ подвалы, въ которыхъ въ то время свирѣпствовалъ тифъ». Наконецъ, Башкировъ «мало-по-малу потерялъ всякую нравственную связь съ образованнымъ обществомъ», но за то тѣмъ ближе сошелся съ народомъ, относительно котораго онъ даже открылъ нѣкоторый секретъ, чрезвычайно облегчающій изученіе «таинственнаго незнакомца», какъ называлъ народъ тургеневскій Базаровъ. Сцена, въ которой Ванюшка (такъ нѣжно-ласкательно называетъ авторъ своего героя) излагаетъ свой секретъ, до того характерна и для Башкирова, и для самого г. Златовратскаго, что ее необходимо привести.

«— Скажи, Башкировъ, заговорилъ пріятель,—ты хорошо, вѣдь, знаешь простой народъ?

«— Чего я знаю? Знаю я Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю (нужно замѣтить, что Ванюшка говорилъ почти невозможнымъ для порядочнаго общества языкомъ: это была смѣсь семинарскаго жаргона съ мужицкимъ; да, кромѣ того, онъ говорилъ протяжно, лѣниво ворочая языкомъ).

«— Ну, да хотя этого Петра да Сидора изучилъ же ты. Вотъ они съ тобою сходятся, тебѣ довѣряютъ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ можно добиться ихъ довѣренности, чѣмъ разрушить ту стѣну недовѣрія, которая существуетъ между нами и ими.

«Знаю,—протянулъ Ванюшка, хитро улыбнувшись.

«— Въ чемъ же, въ чемъ штука-то?—вскрикнулъ обрадовавшійся юноша—трудно?

«— Нѣтъ, ничего... легко!

«— Легко?

«— Не сумлѣвайся... легко...

«— Ну, такъ въ чемъ же штука-то?

«— Штука-то?.. Быть нещастнымъ!

«Пріятель отчего-то переконфузился, а Ванюшка сталъ хладнокровно переобувать сапоги и молчалъ».

Пріятель переконфузился и, знаете ли, неловко, совѣстно,

конфузно и намъ. Совѣстно намъ не за кого другаго, какъ за Башкирова, и неловко за самого уважаемаго автора. Вѣдь, это изумительное «быть нещастнымъ» не болѣе, какъ позерство и фразерство, только на особый манеръ Прежде всего, позвольте сдѣлать маленькое замѣчаніе съ формальной стороны: этотъ Башкировъ, «этотъ докторантъ, образованный человѣкъ, неужели не умѣетъ сказать «чего», вмѣсто «чаго», «сомнѣваться», вмѣсто «сумлѣваться», и «несчастный», вмѣсто «нещщастный»? Неужели это «смѣсь семинарскаго жаргона съ мужицкимъ», какъ называетъ авторъ языкъ своего героя, составляетъ непремѣнное свойство истиннаго народника? Смѣемъ думать, что въ этомъ жаргонѣ такая же фальшь, дѣланность и ломанье, какъ и въ тѣхъ зипунахъ, въ которыя наряжали себя *господа* Хомяковы, Кирѣевскіе и Аксаковы. Подобная «ветошь» маскарада очень мало говоритъ въ пользу искренности тѣхъ, кто ею пользуется. а безъ искренности какое же «золотое сердце»! А затѣмъ, переходя къ существу дѣла, мы спросимъ: точно ли непремѣнно надо и, въ то же время, достаточно «быть нещщастнымъ», чтобы удостоиться довѣрія со стороны народа? Нѣтъ въ мірѣ интеллигенціи болѣе несчастной, нежели русская интеллигенція, и нѣтъ, въ то же время, интеллигенціи, которая бы въ меньшей степени пользовалась довѣріемъ своего народа, какъ онять-таки русская интеллигенція. Простое сопоставленіе этихъ двухъ несомнѣнныхъ фактовъ уничтожаетъ все значеніе открытаго Башкировымъ «секрета». Или Башкировъ говоритъ не о томъ видѣ несчастія, который подразумѣваю я,—не о несчастіи человѣка, достоинство котораго систематически попирается жизнью,—а о несчастіи голоднаго брюха? Но, во-первыхъ, стыдно развитому человѣку, какъ Башкировъ, не понимать, что нравственныя страданія и умственный голодъ являются несчастіемъ не меньшимъ, нежели какія бы то ни было матеріальныя лишенія; во-вторыхъ, бѣдняку ли Башкирову не знать, что ни одинъ мужикъ такъ не голодалъ и не холодалъ, какъ сплошь да рядомъ голодаютъ и холодаютъ представители нашей теперешней бессословной, разночинической интеллигенціи! И за всѣмъ тѣмъ, «мы въ странѣ своей благословленной—пари, не знаетъ насъ народъ», по справедливому выраженію Некрасова. Ясно, что «быть нещщастнымъ» Башкирова отнюдь не выраженіе подлиннаго, самаго такъ сказать, высокопробнаго народничества, а просто фраза, безграмотно, для пущаго эффекта, выраженная.

«Золотое сердце» № 3. Это «барская дочь» Нина Петровна, которая вышла замужъ за крестьянина, потому что «это, все-таки, настоящая жизнь». Трудно сказать, съ тенденціознымъ ли умысломъ или просто повинуясь своему таланту, г. Златовратскій въ лицѣ этой героини совершенно развѣнчиваетъ тѣ самыя ультранароднические воззрѣнія, которыя онъ возвеличивалъ въ лицѣ Морозова, Башкирова и т. п. Вотъ отрывки изъ письма Нины Петровны о ея «настоящей жизни» съ мужемъ-крестьяниномъ:

«Андрей (имя мужа) сталъ пропадать дня на два, на три. Я его не смѣла спрашивать, не имѣла права. Только однажды я замѣтила (впрочемъ, это я и раньше замѣчала, вскорѣ послѣ моего возвращенія), что онъ все прячетъ какія-то книжки, какіе-то списки. Одинъ разъ я застала его съ такимъ спискомъ. Онъ смутился, покраснѣлъ, тотчасъ же спряталъ и собрался было уходить. Я просила его показать мнѣ. Онъ сказалъ: «что не стоитъ... такъ... мужицкое». Я не настаивала, но мнѣ стало обидно, горько... Я его выучила грамотѣ, я передала ему много изъ того, что знала и было ему доступно, и вдругъ, на какомъ-то пунктѣ, все оборвалось: онъ не понималъ меня, я перестала думать за одно съ нимъ. Вскорѣ я услыхала въ деревнѣ, какъ мужъ мой «сбился», что въ сосѣднюю деревню вернулся какой-то «бѣглый ямщикъ», Иннокентій, съ тремя «дѣвками-духовницами», что у нихъ по ночамъ, въ избахъ, идутъ бесѣды и моленья; что они уже многихъ изъ окрестныхъ деревень «совратили въ хорошую жизнь»; указывали на многихъ мужиковъ, которые, приставъ къ нимъ, перестали пить, буянить и сдѣлались трудолюбивы, воздержны, честны. Одна изъ моихъ хорошихъ деревенскихъ подругъ однажды пригласила меня «смотрѣть на духовниковъ»; она имѣла возможность устроить это такъ, что насъ не замѣтятъ. Я согласилась. Мы увидали слабоосвѣщенную избу, наполненную молодыми мужиками и дѣвками; всѣ были здоровые, румяные, бодрые, крѣпкіе, съ энергичными, веселыми лицами. Они сидѣли по лавкамъ. Въ переднемъ углу высокая, среднихъ лѣтъ женщина читала нараспѣвъ псалмы. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ всѣ вставали и хоромъ повторяли послѣдній. Тутъ былъ и мой Андрей, сидѣвшій рядомъ съ своею «духовною», молодою, высокою, полногрудою и здоровою дѣвушкой. Заразъ, какъ по приказу, вскакивали и они, и громко пѣли, иногда взглядывая и чуть улыбаясь другъ на друга... И какъ было въ нихъ много жизни, счастія, вѣры, здоровья, энергіи!.. И тѣни сомнѣнія не лежало на ихъ лицахъ...

Я не могла больше смотрѣть. Да и что же смотрѣть?.. Все было такъ просто, понятно, ясно... Черезъ недѣлю, я, наединѣ, сказала Андрею, что думаю уйти въ городъ навсегда, что я просила бы его отдать мнѣ сына, что я постараюсь сдѣлать его счастливымъ. Андрей, по обыкновенію, смутился и молчалъ, вертя въ рукахъ подолъ рубахи.

— Что-жь?—сказалъ онъ.—Надо всякому жить, какъ ему по душѣ, по своей правдѣ... У всякаго своя правда,—прибавилъ онъ».

Да, эту многозначительную, блестящую страницу мы нашли у

г. Златовратскаго! Что сказали бы о ней, о тѣхъ мысляхъ и образахъ, которые она заключаетъ въ себѣ, Морозовъ, Башкировъ и прочія «золотыя сердца»? Разладъ между народницей-Пиной и ея мужемъ-крестьяниномъ до того глубокъ и серьезенъ, что ничѣмъ его скрасить нельзя. Рознь въ понятіяхъ—едва ли не самая тяжелая рознь. Что дѣлать съ этою рознью? Какъ быть съ этимъ разладомъ? Г. Златовратскій, какъ «послѣдовательный народникъ», даетъ на эти вопросы нѣсколько успокоительныхъ отвѣтовъ, которые мы и разсмотримъ теперь.

IV.

Самымъ значительнымъ произведеніемъ г. Златовратскаго долженъ быть признанъ «бытовой очеркъ», озаглавленный *Деревенскіе будни*. Слишкомъ скромное названіе «очерка», приданное авторомъ этому замѣчательному произведенію, далеко не отвѣчаетъ его, правда, однообразному, но глубокому содержанію. Этотъ «очеркъ» можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшимъ произведеніемъ Глѣба Успенскаго *Власть земли*. Конечно, *Деревенскіе будни* не такъ колоритны и не такъ разносторонни, какъ *Власть земли*, но за то и не такъ парадоксальны, лучше обдуманы и стройнѣе скомпанованы. Талантъ г. Златовратскаго поднялся въ этомъ замѣчательномъ произведеніи на наибольшую, доступную для него, высоту, и мы, руководствуясь своимъ постояннымъ правиломъ брать быка прямо за рога, съ этого именно произведенія и начнемъ анализъ народническихъ тенденцій г. Златовратскаго.

«*Неисправимый поклонникъ народныхъ идеаловъ*...» Такъ называетъ себя въ *Деревенскихъ будняхъ* самъ г. Златовратскій (стр. 419), и это первый пунктъ, который прежде всего требуетъ нѣкоторыхъ ограничительныхъ замѣчаній, очень существеннаго свойства. Въ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ «народные идеалы» есть наши, непремѣнно наши идеалы, идеалы интеллигенціи, и ничѣмъ инымъ они быть не могутъ. Спросимъ г. Златовратскаго, въ чемъ состоятъ народные идеалы? Онъ отвѣчаетъ: въ широкомъ развитіи общиннаго духа и общинныхъ формъ жизни, какъ результатъ сознанія солидарности между всѣми членами общества, какъ гарантія справедливости, какъ единственный путь къ политическому, юридическому и экономическому «равненію» между общинниками. Во избѣжаніе недоразумѣній, предоставимъ г. Златовратскому вы-

разить его форму собственными словами. Вотъ какъ и вотъ что говоритъ онъ по этому пункту:

«Въ набросанной нами схемѣ народно-бытовыхъ основъ существенную роль играютъ четыре элемента: 1) гарантіи нравственной индивидуальной свободы; 2) гарантіи равноправнаго участія личности въ общинныхъ сходахъ и судахъ; 3) гарантіи равнаго экономическаго благосостоянія членовъ общины, достигаемаго правомъ общаго труда и общаго пользованія результатами его, и 4) общинная помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда первыя три гарантіи окажутся недостаточными для охраненія правъ личности. Только полное и равномѣрное взаимодѣйствіе этихъ элементовъ можетъ представить гармоническую организацію. Въ настоящее время мы еще не можемъ сказать съ полнѣйшею достовѣрностью, воплощалъ ли народъ въ какой-либо моментъ своей жизни во всемъ объемѣ свои общинные идеалы, но несомнѣнно для насъ теперь уже одно, что въ историческій періодъ онъ постоянно ратовалъ за эти идеалы, въ теченіе тысячелѣтія неустанно отстаивалъ то тѣ, то другіе элементы его отъ внѣшнихъ воздѣйствій, что въ современной общинѣ мы несомнѣнно находимъ зачатки и проявленія всѣхъ четырехъ элементовъ схемы, и, притомъ, такъ, что тамъ, гдѣ внѣшнія воздѣйствія и условія были наименѣе сильны, тамъ зачатки эти почти достигали полной гармонической организаціи, и наоборотъ, гдѣ эти воздѣйствія наложили тяжелую печать и извратили исконныя традиціи и міровоззрѣніе народа, тамъ община является уродливою, однобокою организаціей, быстро идущею къ разрушенію...» (стр. 437).

Попробуемъ разобрать элементы «схемы» г. Златовратскаго въ той послѣдовательности, въ какой представляетъ ихъ авторъ. «*Гарантія нравственной индивидуальной свободы*». Единственное недоразумѣніе, которое возбуждаетъ эта формула, заключается въ словѣ *нравственная*, зачѣмъ-то поставленномъ г. Златовратскимъ: умственная свобода, возможность мыслить, подчиняясь не какому-нибудь внѣшнему авторитету, а исключительно своему разуму, своей логикѣ, своему разумѣнію,—развѣ этого рода свобода не входитъ въ составъ «народнаго идеала»? Надѣюсь, г. Златовратскій не станетъ возражать противъ этой нашей поправки, и тогда формула перваго элемента его «схемы» выразится просто: «гарантія индивидуальной свободы». Формула чудесная—нечего и говорить. Однако, неужели она составляетъ исключительное достояніе и само-

стоятельное пріобрѣтеніе дяди Митяя и дяди Миняя? Неужели мужики Жакъ, Джонъ, Фрицъ не доросли до уразумѣнія этого идеала? И неужели интеллигенція какой бы то ни было страны имѣетъ передъ собою другую какую-нибудь историческую задачу, нежели возможное осуществленіе этого идеала? Но во гнѣвъ будь сказано г. Златовратскому, дядя Митяй, со всѣми своими препрославленными общинными порядками и добродѣтелями, стоитъ не въ переднихъ, а въ самыхъ заднихъ рядахъ тѣхъ, кто способенъ думать о «гарантіяхъ». Понятіе «свободы», а въ особенности гарантированной, не есть понятіе интуптивное, естественное, даровое. До него нужно возвыситься—путемъ ли личнаго развитія, или посредствомъ воспитывающаго вліянія соотвѣтственныхъ историческихъ условій, порядковъ, учрежденій. Ничего подобнаго у нашего дяди Митяя давно не бывало и оттого-то ему близко и родственно понятіе «воли» и чуждо понятіе «свободы». «Воля»—это менѣе чѣмъ понятіе, это—стихійный инстинктъ, свойственный всякому не прирученному животному; «свобода»—это болѣе чѣмъ понятіе, это идея, которую нужно понять, чтобы усвоить. Достаточно быть только личностью, зоологическимъ индивидомъ, чтобы стремиться къ «волѣ», и надо быть *гражданиномъ*, чтобы цѣнить блага «свободы». «Воля»—это возможность жить, «ничѣмъ не стѣсняясь»; «свобода»—это жизнь и дѣятельность въ предѣлахъ закона, на почвѣ уваженія къ интересамъ другихъ, это порядокъ въ союзѣ съ просвѣщеніемъ. Дядя Митяй бушевалъ въ булавинщинѣ, некрасовщинѣ, разинщинѣ, пугачевщинѣ и его боевымъ кличемъ и призывомъ всегда было магическое слово «воля»—въ смыслѣ отрѣшенія и отреченія отъ всякихъ обязанностей передъ обществомъ,—та воля, которою наслаждается каждый волкъ въ архангельскихъ или вологодскихъ лѣсахъ. «Не по чину берешь»,—говорилъ гоголевскій городничій. Совсѣмъ *не по чину* и г. Златовратскій дѣлаетъ своего героя носителемъ и выразителемъ такого идеала, до котораго ему еще нужно дорости.

Далѣе: «*гарантіи равноправнаго участія личности въ общинныхъ сходахъ и судахъ*». Таковъ второй элементъ схемы г. Златовратскаго. Допустимъ, для упрощенія дѣла, что все это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, забудемъ этихъ «судей», опивающихъ и истца, и отвѣтчика, этихъ Соломоновъ, мудрость которыхъ большею частью не идетъ дальше заповѣдныхъ «двадцати ударовъ», этихъ «Аароновъ, Авраамовъ и...» Хамовъ, между прочимъ, какъ выразился

однажды Глѣбъ Успенскій. Допустимъ, что дядя Митяй спитъ и видитъ, какъ бы упрочить гарантіи «равноправнаго участія личности въ сходахъ и судахъ»,—дальше что? Почему этотъ идеалъ или это стремленіе отводится г. Златовратскимъ въ исключительное пользованіе народа? Какъ въ прежнемъ, такъ и въ этомъ случаѣ разница между идеаломъ народа и идеаломъ интеллигенціи чисто-количественная, а не качественная. Дядя Митяй имѣетъ въ виду только такую крошечную соціальную ячейку, какъ сельская община, интеллигентный человѣкъ, съ тѣмъ же самымъ идеаломъ передъ собою и съ такимъ же критеріемъ въ рукахъ, какъ и самый лучшій «общинникъ», относится къ государству, т.-е. къ организму или механизму, охватывающему всю совокупность «общинъ». На чьей же сторонѣ преимущество? Представители нашей интеллигенціи, составлявшіе «Судебные уставы» и вводившіе у насъ судъ присяжныхъ, руководились ничѣмъ другимъ, какъ именно желаніемъ дать личности гарантіи равноправнаго участія въ судѣ.

Далѣе, третій элементъ схемы: *гарантіи равнаго экономическаго благосостоянія членовъ общины*». Гм... даже *гарантіи*... Великъ Богъ земли Русской! Первѣйшіе умы Западной Европы, разные Прудоны, Бланы, Марксы, Лассали, искали и такъ-таки и не нашли этихъ гарантій, а вотъ дядя Митяй съ дядемъ Миняемъ все это развязали и устроили чудеснѣйшимъ образомъ... Я прилежно искалъ у *художника* Златовратскаго хоть какой-нибудь картины, намекающей на сущность этихъ гарантій, и нашелъ, что онѣ главнѣйшимъ образомъ олицетворяются... въ лаптѣ. Да, въ обыкновенномъ липовомъ лаптѣ, которымъ, по свидѣтельству г. Златовратскаго, мужики измѣряютъ для большей точности свою землю при общинныхъ передѣлахъ. Это и есть главнѣйшая «гарантія». Г. Златовратскій съ замѣтнымъ раздраженіемъ говоритъ по этому поводу: «На эту скрупулезность общинной справедливости указывали очень многіе, но указывали, къ сожалѣнію, всегда въ *смѣшливомъ* тонѣ. Мнѣ кажется, что этотъ важный вопросъ заслуживаетъ не столько юмористическаго отношенія къ нему, сколько внимательнаго изученія». Однако, послѣ этого реприманда по адресу «смѣшливыхъ» народниковъ, г. Златовратскій излагаетъ дѣло въ такомъ тонѣ: «Я окончательно потерялъ всякую возможность услѣдить за измѣреніемъ. Я только видѣлъ, какъ мужики становились одинъ противъ другаго и считая вслухъ, начали выдѣлывать па, приставляя одинъ лапоть ноги непосредственно къ другому, такъ, чтобы носокъ од-

ного приходился къ задку другаго. Слышалось: «На меня шесть лаптей да поллаптя!—Гдѣ они, поллаптя-то? Откуда взять? Гдѣ? Чать, у меня полдуши есть? Да гдѣ ты его возьмешь, поллаптя-то? Мы съ Корягой въ одинъ лапоть войдемъ» и пр., и пр. Въ какомъ тонѣ—въ серьезномъ или въ «смѣшливомъ» излагаетъ здѣсь г. Златовратскій? И мы отнюдь не упрекнемъ его въ легкомысліи, какъ онъ упрекаетъ другихъ, потому что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ возможности не улыбнуться, хотя и вовсе не веселою улыбкою, глядя на этихъ почтенныхъ общинниковъ, выдѣлывающихъ *па*, и слушая ихъ возгласы: «откуда взять поллаптя? Чать, у меня полдуши есть?» Это называется «равненіемъ экономическаго благосостоянія членовъ общины». Въ точности измѣренія надѣловъ до «поллаптя» заключается «гарантія» общинной справедливости. Когда подумаешь о томъ, что происходитъ въ дѣйствительности, въ конкретной, а не въ отвлеченной деревнѣ, когда вызовешь въ памяти образы Колупаевыхъ, Разуваевыхъ, всякаго рода міроѣдовъ, коштановъ и т. д., когда посмотришь на эти толпы переселенцевъ, безъ оглядки бѣгущихъ въ пустыню отъ доморощенной «справедливости» и отъ лапотныхъ «гарантій», когда, однимъ словомъ, сопоставишь красивую фразу г. Златовратскаго съ нашею некрасивою жизнью, тяжело становится на душѣ и только съ трудомъ воздерживаешься отъ горькаго слова по адресу господъ идеализаторовъ народа и его быта.

Наконецъ, четвертый и послѣдній элементъ: «*общинная помочь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда первыя три гарантіи окажутся недостаточными для охраненія правъ личности*». По этому пункту я ничего отъ себя не буду говорить, потому что рѣчь идетъ *только* о фактѣ. Предоставляю слово своему недавнему противнику, а теперь союзнику Глѣбу Иванычу Успенскому, отъ котораго мы услышимъ вотъ что:

«Года полтора тому назадъ съ необычайнымъ торжествомъ былъ «пронесенъ» по всѣмъ журналамъ, и толстымъ, и тонкимъ, какъ доказательство, что въ «общественныхъ дѣлахъ» значительную роль играетъ и состраданіе, и забота о безпомощномъ, тотъ фактъ, что въ какой-то губерніи общество прокормило старуху-бабу. Едва этотъ фактъ былъ обнародованъ, какъ тотчасъ же его подхватили, и онъ обошелъ рѣшительно всѣ журналы и всѣ статьи, посвященныя общественнымъ порядкамъ. Вышеупомянутая баба непремѣнно присутствовала въ каждой изъ статей, всегда выдвигаясь какъ укоръ сомнѣвающимся .. «Вотъ,—писалось въ одной,—вопреки увѣреніямъ, что наша община и т. д., мы можемъ сообщить слѣдующее: въ одной де-

ревнѣ», и т. д. Слѣдовало повѣствованіе о прокормленіи бабы. Въ другой писалось: «Между прочимъ, мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго замѣчательнаго факта: въ одной деревнѣ, какъ намъ извѣстно изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, безъ всякаго посторонняго вліянія, крестьяне прокормили» и т. д. И опять баба... «А чтобы доказать,— писалось въ третьей,— что упреки, расточаемые разными «свѣжими» наблюдателями, якобы въ равнодушіи... то вотъ фактъ, который говоритъ самъ за себя: крестьяне деревни» и т. д. Словомъ, по всѣмъ журналамъ и газетамъ моментально пронеслась вѣсть: бабу, бабу прокормили, бабу! бабу! бабу! И вездѣ фактъ, въ доказательство его достовѣрности, подтверждали цитатами: *Отечественныя записки* ссылались на *Русскую Мысль*, *Русская Мысль* на *Русское Богатство*, потомъ всѣ вмѣстѣ—на всѣхъ вмѣстѣ.. А вотъ, когда въ недалекомъ отъ Петербурга разстояніи, также «вопреки увѣреніямъ», въ нѣкоторой деревнѣ была сожжена живьемъ нѣкоторая больная старушка, такъ этотъ «прискорбный» случай прослѣдовалъ въ печати почти безъ шума,—знаемъ мы, о чемъ надо молчать».

Мнѣ нечего прибавлять къ этому, да и надобности въ томъ не вижу. Радость интеллигентовъ-народниковъ по поводу общиннаго великодушія относительно «бабы» дѣлаетъ честь ихъ сердцу, но она же и доказываетъ, до какой степени рѣдки и даже исключительны факты этого рода.

Все дѣло въ томъ, что «схема» г. Златовратскаго есть схема не фактовъ, а принциповъ. Община, какъ идеалъ, какъ *мыслимая форма жизни*, совершенно подходитъ подъ опредѣленія г. Златовратскаго, и мы готовы отдать всю справедливость стройности логическихъ построеній автора, но живой русской общинѣ, съ ея неурядицей, съ ея двусмысленною «справедливостью», съ ея *беззащитною безсознательностью*, не будетъ отъ того легче. «Мы не можемъ сказать съ полнѣйшею достовѣрностью,—говоритъ г. Златовратскій,—воплощалъ ли народъ въ какой-либо моментъ своей жизни во всемъ объемѣ свои общинные идеалы». Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ-таки и не можемъ? Былъ или не былъ въ нашей исторіи золотой вѣкъ братства, равенства и свободы—на *такой* вопросъ мы «не можемъ» отвѣтить «съ полнѣйшею достовѣрностью»?! Это уже геркулесовы столбы идеализаціи. Смѣемъ увѣрить г. Златовратскаго, что со временъ Гостомысла и до нашихъ дней не только не было въ нашей исторіи, но и не могло быть такого «момента», когда бы идеалы, такъ отчетливо формулированные авторомъ, нашли себѣ практическое осуществленіе. *Не было*, потому что сама исторія наша началась съ торжественнаго общенароднаго заявленія: земля наша велика и обильна, а *порядка въ ней нѣтъ*. О послѣ-

дующихъ «моментахъ» нашей исторіи нечего и говорить, конечно. Не при баскакахъ ли процвѣтали на Руси общинные идеалы справедливости? Не при московскихъ ли князьяхъ-собирателяхъ, всѣмъ жертвовавшихъ ради идеи централизаціи, обрѣтены были «гарантіи индивидуальной свободы»? Не въ «моментъ» ли закрѣпощенія русскаго народа онъ исполнялъ ту высокую свою миссію, которую ему приписываетъ нашъ идеалистъ-народникъ? Или, быть можетъ, созидая имперію и прорубая окно въ Европу, русскій народъ «во всемъ объемѣ» выразилъ свои исконные, старорусскіе, свято-отеческіе идеалы? Пусть г. Златовратскій укажетъ мнѣ хоть одно столѣтіе изъ прожитаго нами тысячелѣтія, когда бы не только съ «полнѣйшею достовѣрностью», а съ самомалѣйшею вѣроятностью можно было допустить не прозябаніе, а процвѣтаніе общинныхъ идеаловъ, хотя бы уже и не «во всемъ объемѣ».

Такого вѣка, такого «момента» не было и, утверждаю я, *не могло быть*. Г. Златовратскій повторяетъ ту же ошибку, которую сдѣлалъ и горячій защитникъ общины, покойный Н. Г. Чернышевскій: свое личное развитое сознаніе, свое просвѣтленное разумѣніе онъ вкладываетъ въ примитивныя формы народной жизни, объективнымъ явленіямъ приписываетъ субъективный смыслъ и въ результатѣ, вмѣсто очень обыкновеннаго и прозаическаго факта, получаетъ поэтическую иллюзію, красивую фикцію, не имѣющую почти ничего общаго съ реальною дѣйствительностью. Чернышевскій очень остроумно и убѣдительно доказывалъ (въ статьѣ *Критика философскихъ предубѣжденій противъ общины*), что первобытныя формы жизни есть тѣ самыя формы, къ которымъ ведетъ насъ прогрессъ исторіи и что «именно, именно, именно потому» форма общиннаго землевладѣнія должна быть признана не низшею, а самою высшею и лучшею формой. Прекрасно; но, вѣдь, форма животворится духомъ, значеніе ея обусловливается тѣмъ содержаніемъ, которое въ нее вкладывается, а это содержаніе находится въ полнѣйшей зависимости отъ степени *сознанія* людей, практикующихъ эту форму. Какъ высока степень сознанія дяди Митяя? Желаніе жить «по-божески», «по душѣ», «по сущей справедливости» можетъ ли быть названо *идеаломъ*, въ смыслѣ разумно выработанной и сознательно предуставленной цѣли? И есть ли возможность поставить дядю Митяя, не затрогивая его психію, не разрушая его альтруистическаго, благожелательнаго душевнаго строя, хотя бы на ту высоту разумѣнія, какой достигъ современ-

ный средній интеллигентный человѣкъ? Чернышевскій отвѣчаетъ на это многочисленными примѣрами, цѣль которыхъ—доказать, что если гдѣ-нибудь и кѣмъ-нибудь совершено какое-либо культурное завоеваніе, намъ нѣтъ надобности продѣлывать весь тотъ утомительный путь, которымъ шелъ тотъ человѣкъ или тотъ народъ къ своему открытію. Этапы этого пути будутъ для насъ не болѣе, какъ *логическими моментами*, говоря языкомъ метафизики. Вотъ дикарь, который стрѣляетъ изъ лука: неужели для того, чтобы научить его употребленію магазиннаго ружья, необходимо предварительно познакомить его со старинною пищалью, затѣмъ съ кремневымъ ружьемъ, потомъ съ пистоннымъ и, наконецъ, со штуцеромъ? Вотъ другой дикарь, который добываетъ себѣ огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева; неужели нельзя показать этому дикарю сразу употребленіе фосфорныхъ спичекъ, а нужно въ строгой постепенности пройти съ нимъ всѣ ступени, по которымъ люди докарабкались, наконецъ, до удобнаго способа добывать огонь *)? Убѣдительно и какъ нельзя болѣе остроумно! А къ дѣлу, все-таки, не идетъ, *нашего* вопроса, все-таки, не разрѣшаетъ. Выучить дикаря употребленію спичекъ не трудно, но выучить его *вообще*, просвѣтить его умъ, пробудить самодѣятельность его мысли, вывести его изъ состоянія младенческой или животной непосредственности,—все это не легко и сразу дано быть не можетъ. Здѣсь нельзя миновать предшествовавшихъ ступеней, здѣсь «логическіе моменты становятся неизбѣжными практическими фазисами развитія, здѣсь можно начинать только съ самаго начала. Это вѣрно по отношенію къ личности и въ милліонъ разъ вѣрнѣе по отношенію къ милліону личностей, къ народу, исторія котораго есть всегда и непремѣнно исторія постепеннаго его ученія и развитія, ученія всѣмъ: и войнами, и внутреннею неурядицею, и голодовками, и крѣпостною зависимостью, и повальными болѣзнями, и, наконецъ, непосредственно наукою, школьною «учебой». Нѣтъ, всемірная исторія не изъ прыжковъ, не изъ «логическихъ моментовъ» слагается, нѣтъ, вершины умственнаго развитія не фосфорныя спички и воспитать привычки критической мысли не то же, что выучить спускать ружейный курокъ.

Превратите дядю Митяя изъ «обчественника» въ общинника и

*) Не имѣя подъ рукой статьи Чернышевскаго, я цитирую на память, ручаясь лишь за вѣрность внутренняго, а не буквальнаго смысла цитатъ.

тогда говорите о народныхъ *идеалахъ*. Общинная форма такъ проста, естественна и цѣлесообразна, что мы находимъ ее на зарѣ исторіи чуть ли не всякаго народа. Вся бѣда такой первобытной общины состоитъ именно въ отсутствіи гарантій, которыя бы обезпечивали за ней и прочность существованія, и правильность функціонированія. Гарантіи эти заключаются въ способности приспособленія къ измѣняющимся и усложняющимся условіямъ жизни и эта способность находится въ прямой и исключительной зависимости отъ степени сознательности и развитости членовъ общины. Можно ли приспособляться къ жизни, которой не понимаешь? Можно-ли оградить себя отъ опасностей, свою жизнь отъ порчи, если не умѣешь различать друзей отъ враговъ, истину отъ лжи? Г. Златовратскій думаетъ иначе. Онъ думаетъ, именно, что не народъ насъ и нашу жизнь, а мы народъ и народную жизнь не въ состояніи понять. Поэтъ съ грустнымъ и тяжелымъ чувствомъ дѣлалъ это противупоставленіе:

Въ столицѣ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина.

Оказывается, что грустить тутъ было не о чемъ. Дядя Митяй молчитъ, но онъ все знаетъ, все понимаетъ, все умѣетъ, и столичнымъ витіямъ никогда не измѣрить всей глубины его премудрости. Это г. Златовратскій прямо говоритъ и вотъ его подлинныя слова: «мнѣ думается, что «новое слово» (о народной жизни) выскажутъ вполнѣ только истинныя «дѣти народа»; только они, родившіяся и выросшія въ атмосферѣ общинной жизни, могутъ вызвать непосредственно изъ своей души образы этой жизни; только имъ возможно будетъ, въ полномъ объемѣ, осуществить идеалъ того *искусства на соціологической подкладкѣ*, если можно такъ выразиться, о которомъ мечтаютъ современные философы. Народная жизнь и въ характерныхъ, величавыхъ картинахъ исторической борьбы, и въ своихъ современныхъ будняхъ представляетъ неисчерпаемое богатство для вдохновеній истинно-народнаго «соціальнаго» художника. А нашъ культурный художникъ изъ этого матеріала съумѣлъ сочинить только quasi-патріотическія пантомимы, батальныя представленія съ турецкимъ барабаномъ и невыразимо пошлыя юмористическія кривлянья надъ мужицкимъ *рукосуйствомъ*». Этотъ отрывокъ не допускаетъ двухъ толкованій. Ясно, что мы, куль-

турные люди, еще не доросли, да, по нашей истасканности и истрепанности, никогда и не доростемъ до уразумѣнія дивныхъ совершенствъ народной жизни. Однако, не культурный ли художникъ Левъ Толстой далъ намъ «характерныя, величавыя картины исторической борьбы»? Не культурный ли художникъ Златовратскій представилъ обстоятельное повѣствованіе именно о современныхъ «деревенскихъ будняхъ»? И точно ли другіе наши народники-художники дали «только» *невыразимо пошлыя юмористическія кривлянья*? Мы посовѣтовали бы г. Златовратскому относиться къ своимъ коллегамъ не только посправедливѣе, но и поуважительнѣе. Въ число «юмористическихъ кривлякъ» безъ труда можно причислить Глѣба Успенскаго, на котораго, однако, никто во всей русской литературѣ не имѣетъ права смотрѣть сверху внизъ. Великъ дядя Митяй, прекрасенъ дядя Миняй, но не намъ у нихъ, а имъ у насъ учиться. Что дальше будетъ—это какъ Богъ дастъ, а пока не эти «дяди», а мы поддерживаемъ слабое пламя умственной жизни въ нашемъ отечествѣ; не они за насъ, а мы за нихъ и болѣемъ душой, и жертвуемъ своими привязанностями и интересами, и истощаемъ свои силы въ попыткахъ такъ или иначе помочь имъ. Казалось бы, зачѣмъ эти счеты и перекоры? Всѣ мы дѣлаемъ свое дѣло, не дѣлать которое не можемъ, не переставши духовно существовать. Такъ, конечно. Однако, если дѣлая это *свое* дѣло, мы, именемъ народа и какъ бы даже по его уполномочію, получаемъ, вмѣсто спасиба, плевки въ лицо, если наши добросовѣстныя усилія обзываются «невыразимо пошлымъ кривляніемъ», то позвольте же намъ сказать хоть единое слово pro domo sua. Пусть дядя Митяй переживетъ тѣ муки сомнѣнія, которыя знакомы намъ, пусть испытаетъ тѣ пароксизмы безнадежнаго отчаянія не за себя, не за свое благополучіе, не за свою карьеру, а все за него же и за его будущее, которые надѣляютъ насъ преждевременными морщинами и сѣдинами, и *тогда* мы поговоримъ съ нимъ какъ равный съ равнымъ.

Г. Златовратскій болѣе роялистъ, чѣмъ самъ король,—болѣе народникъ, чѣмъ самъ народъ. Въ этомъ—источникъ и его несправедливости по отношенію къ намъ и къ нашей культурѣ, и его оптимистическихъ воззрѣній на народную жизнь. Повторяемъ: идеалы, выработанные въ *нашей* средѣ, вычитанные изъ *нашихъ* книжекъ, заимствованные отъ *нашихъ* общихъ учителей, г. Златовратскій съ спокойнымъ духомъ и съ свѣтлымъ лицомъ вмѣняетъ въ заслугу народу и дѣлаетъ ихъ содержаніемъ пустопорожнихъ и

наивныхъ формъ патріархальной жизни. Онъ усматриваетъ разумность и сознательность тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ только инстинктъ; онъ находитъ «гарантіи» тамъ, гдѣ, въ сущности, имѣется только пассивное сопротивленіе; онъ говоритъ объ «идеалахъ», имѣя настоящее право говорить только о платоническихъ благопожеланіяхъ. Исторія вчерашняго, можно сказать, дня свидѣтельствуетъ, что націи, опередившія насъ, по крайней мѣрѣ, на три столѣтія, не въ силахъ пока переварить общинныхъ идеаловъ, а г. Златовратскій передаетъ ихъ «въ полномъ объемѣ» въ распоряженіе дяди Митяя, вторую уже тысячу лѣтъ восклицающаго: «гдѣ мои поллаптя? Чать, у меня полдуши есть?»

V.

Мы еще не кончили съ *Деревенскими буднями*. Мы разсмотрѣли основную идею этого произведенія, *повидимому*, состоящую въ прославленіи *общинныхъ идеаловъ*, выработанныхъ (будто бы) народнымъ сознаніемъ, *на дѣлѣ же* заключающуюся въ защитѣ *идеальной общины*, нигдѣ, никѣмъ и никогда практически не осуществлявшейся. Любопытно и поучительно взглянуть поближе на тѣ частныя явленія будничной деревенской жизни, которыя наблюдалъ и изобразилъ г. Златовратскій и анализъ которыхъ привелъ его къ столь розовымъ заключеніямъ относительно общиннаго строя и общиннаго духа нашей деревни. Предупреждаемъ читателя, что для того, чтобы вѣрно оцѣнить показанія г. Златовратскаго, необходимо запастись хорошею долей скептицизма, и мы настоятельно приглашаемъ къ этому читателя. Съ нашимъ «послѣдовательнымъ народникомъ» нельзя иначе: онъ во всякомъ деревенскомъ явленіи усматриваетъ какую-то особенную красоту и какой-то скрытый, но глубокій смыслъ. Описываетъ, наприм., г. Златовратскій избы той деревни, въ которой онъ поселился для своихъ наблюденій надъ «деревенскими буднями»: «Третья изба... Но это не изба, это нѣчто неопредѣлимое и совершенно оригинальное. Представьте себѣ, что кто-либо задумалъ вывести каменныя хоромы, выложилъ уже часть фундамента, и вдругъ, словно чего испугавшись, прекратилъ дальнѣйшее осуществленіе своего грандіознаго проекта и поспѣшилъ укрыться въ этой недостроенной части фундамента: настлалъ потолокъ, вывелъ надъ нимъ высокую деревянную крышу; въ маленькія окошки вставилъ на скорую руку старыя рамы съ осколочками,

вмѣсто стеколъ, пристроилъ маленькія ворота и дворъ, и все это окуталъ обильной соломой. Въ этомъ странномъ каменномъ шалашѣ живетъ старшина нашей волости, нашъ деревенскій землепашецъ Максимъ Максимычъ». Казалось бы, что тутъ особеннаго? Мало ли какія избы есть въ нашихъ деревняхъ! Такъ разсуждаемъ мы, профаны, но не такъ разсуждаютъ посвященные: «это очень странно, но это такъ,—продолжаетъ г. Златовратскій.—*Въ жизни народа не мало явленій глубокаго смысла, неожиданныхъ и поучительныхъ.* О нихъ нельзя говорить бѣглою замѣткой» (т. II, стр. 356). И все это по поводу недостроенной избы! Со стороны г. Златовратскаго это понятно: деревня—это его храмъ, а самъ онъ—жрецъ этого храма, въ которомъ всякая мелочь является въ его глазахъ чуть не реликвіей, но намъ-то, нисколько не раздѣляющимъ молитвенно-благоговѣйнаго настроенія автора-фанатика, намъ только страненъ его энтузіазмъ. Другой примѣръ. Разговариваетъ г. Златовратскій съ крестьянскими ребятишками: «Я бесѣдовалъ съ ними съ большимъ удовольствіемъ. Столько было въ ихъ разговорахъ простоты и естественности, что какъ то само собой приходило въ голову сравненіе съ дѣтьми нашей интеллигенціи не въ пользу послѣднихъ. Прежде всего бросается въ глаза та разница, что съ нашими дѣтьми приходится говорить непремѣнно «по-дѣтски», поддѣлываясь подъ складъ ихъ понятій и развитія, что не легко, конечно; если же ребенокъ говоритъ съ вами тономъ выше своего разумѣнія, вы видите, что онъ обезьянничаетъ, что онъ ломается, рисуется. Совсѣмъ другое дѣло здѣсь. Вы можете говорить съ крестьянскимъ мальчикомъ, какъ съ мужикомъ, обо всемъ, не выходя, конечно, изъ круга деревни». Ну, конечно, далеко нашимъ дѣтямъ до крестьянскихъ дѣтей!

Однако... однако, вотъ что:

Однако же, зависть въ дворянскомъ дитяти
Посѣять намъ было бы жаль.
И такъ, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростетъ, не учась ничему,
Но выростетъ онъ, *если Богу угодно,*
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.

Объ этой *другой сторонѣ медали* г. Златовратскій, конечно, и не заикается. По нашему культурному разумѣнію, уже въ одномъ

томъ заключается «погибель» крестьянскаго ребенка, что онъ ростетъ, «не учась ничему»—ничему, кромѣ той деревенской науки, которую зналъ и его дѣдъ, и прадѣдъ, и прапрадѣдъ, и которая цѣлые вѣка остается все въ одномъ и томъ же положеніи, не подвигаясь ни впередъ, ни назадъ. Прекрасный и безграничный міръ общечеловѣческой мысли закрытъ для него, но что за дѣло до этого г. Златовратскому? За то этотъ ребенокъ выростетъ «общинникомъ», то-есть такимъ человѣкомъ, который безъ ума уменъ, безъ науки ученъ и, не умѣя отличать А отъ Б, тѣмъ не менѣе, питаетъ «идеалы», превышающіе пониманіе огромнаго большинства культурныхъ обществъ...

Но довольно объ этомъ. И такъ, пойдемте, читатель, за г. Златовратскимъ, но пойдемте держа камень за пазухой, памятуя, что у нашего путеводителя нѣтъ къ намъ ни уваженія, ни пріязни, ни довѣрія, а есть только желаніе заставить насъ плясать подъ народническую дудку. Удастся ли это г. Златовратскому, это мы сейчасъ «будемъ посмотрѣть», какъ выражаются петербургскіе булочники. Отмѣтимъ, прежде всего, что у г. Златовратскаго, какъ и слѣдовало ожидать, двѣ мѣрки и двое вѣсовъ: одни—для интеллигенціи, другіе—для народа. Если интеллигенція предъявляетъ какое-нибудь требованіе къ мужику, г. Златовратскій теряетъ свое обычное хладнокровіе и запальчиво доказываетъ неразумность этого требованія. Если же *точь въ точь такое же*, по своему внутреннему смыслу, требованіе поставляется общиной,—г. Златовратскій съ такою же запальчивостью начинаетъ защищать его. Для логика это было бы непростительно, но для народника-фанатика это совершенно послѣдовательно. Интеллигенція говорила, наприм., что слишкомъ частые и легкіе семейные раздѣлы ведутъ къ упадку земледѣльческаго хозяйства и что эту сторону деревенской жизни надо было бы какъ-нибудь урегулировать. Г. Златовратскій, во имя *нравственной свободы личности* возражаетъ противъ этого такимъ образомъ: «Слишкомъ тѣсный союзъ лицъ, въ особенности при отсутствіи достатка, неизбѣжно вызываетъ рядъ самыхъ мелочныхъ столкновеній, повидимому, ничтожныхъ въ общемъ смыслѣ, но очень чувствительныхъ для каждой отдѣльной личности, и въ особенности для «бабъ», какъ наиболѣе опутанныхъ мелочами семейной будничной жизни. Интеллигенція очень хорошо это знаетъ по себѣ, а, между тѣмъ, ставитъ невозможныя требованія для мужика. Она не хочетъ признать, что мужикъ также имѣетъ право на нравствен-

ную свободу личности, что бабѣ также не чужды и чувство ревности къ своимъ дѣтямъ, къ мужу, и чуткость къ самымъ тонкимъ оскорбленіямъ, какъ и любой дамѣ общества, что у мужика можетъ быть свой сердечный уголокъ, въ который онъ не желаетъ впустить распоряжаться каждаго, что на этотъ извѣстный уголокъ онъ имѣетъ такое же неотъемлемое право, какъ и всякій человѣкъ. А, между тѣмъ, отъ него требуютъ, чтобы этотъ завѣтный уголокъ онъ принесъ въ жертву матеріальныхъ выгодъ большой семьи. Понятно, что большая семья неизбѣжно должна распасться на естественныя меньшія группы».

Вотъ что называется отдѣлать на обѣ корки! Очень хорошо. Но вотъ другое явленіе деревенской жизни—такъ-называемые «заказные дни», т. е. такіе дни, въ которые никто изъ членовъ общины не имѣетъ права производить полевыхъ работъ, хотя бы имѣлъ на это и охоту, и надобность. Казалось бы, *нравственная свобода личности*, только что великолѣпно и благородно защищенная г. Златовратскимъ отъ посягательствъ на нее интеллигенціи, страдаетъ отъ этихъ «заказныхъ дней» ничуть не меньше, нежели отъ ограниченія свободы семейныхъ раздѣловъ. Тѣмъ не менѣе, о заказныхъ дняхъ г. Златовратскій говоритъ вотъ что: «разные интеллигенты опекуны и либералы и обскуранты съ завиднымъ единодушіемъ посвящали этому явленію свое просвѣщенное вниманіе. Благородное негодованіе, которое изливали они по поводу этого «своевольнаго обычая», было, поистинѣ, изумительно и... совершенно нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ, что такое хотя бы мірской заказъ въ извѣстный день не выходить въ поле?—право мужицкой общины самостоятельно и независимо распоряжаться своимъ трудомъ. Что можетъ возбудить въ этомъ правѣ (этомъ, поистинѣ, самомъ примитивномъ и естественномъ правѣ каждой общины) благородное негодованіе благородныхъ опекуновъ?—стѣсняется индивидуальная свобода членовъ, желающихъ посвятить этотъ день «святому труду». Очевидно, заказъ пріучаетъ къ лѣни и приводитъ къ упадку сельское хозяйство,—говорятъ обскуранты. Заказные праздники—результатъ суевѣрій и невѣжества, которыя заставляютъ проводить въ безпечности и лѣни дорогіе часы, долженствующіе быть посвященными святому труду,—говорятъ либералы. Какъ то, такъ и другое возраженія отличаются одинаково своеобразною послѣдовательностью, всегда отличавшею нашу интеллигенцію, когда она принималась опекать «младшихъ братьевъ»,—тою послѣдова-

тельностью и проницательностью, результатомъ которой являлось всегда стрѣляніе изъ пушки по воробьямъ... Стоитъ ли опровергать эти возраженія, въ которыхъ сквозитъ одно невѣжество свѣжаго наблюдателя да крѣпостническіе позывы?... «Заказъ»—логическое слѣдствіе общиной системы; безъ «заказовъ» она немыслима, какъ и всякая гармоническая и цѣльная система. Что-нибудь одно: или безпардонное laissez faire, laissez passer, или община». Вотъ извольте угодить г. Златовратскому! Если бы община, во имя своихъ экономическихъ интересовъ, ограничила свободу раздѣловъ, это было бы прекрасно, потому что «что нибудь одно: или безпардонное laissez faire, или община». Если же это самое сдѣлаетъ или подумаетъ сдѣлать интеллигенція, она является врагомъ «нравственной свободы личности». Мужикъ выше интеллигента, община выше мужика, слѣдовательно, все исходящее отъ общины—благо для мужика, хотя бы и было ему не по сердцу, все исходящее отъ интеллигенціи—зло для мужика, хотя бы и соотвѣтствовало его желаніямъ,—вотъ своеобразная логика г. Златовратскаго.

Оптимизмъ г. Златовратскаго трудно чѣмъ-нибудь смутить, потому что онъ вытекаетъ изъ оптимизма самого народа. Благодаря этому оптимизму, самые жгучіе и болѣзненные деревенскіе вопросы, какъ вопросъ, наприм., о малоземельи, разрѣшаются очень просто и ко всеобщему удовольствію. Вотъ разговоръ на эту тему мужиковъ, который г. Златовратскій записалъ «почти дословно» и съ моралью котораго онъ, очевидно, вполнѣ согласенъ:

«— Не однимъ намъ на свѣтѣ жить. Что хорошаго—послѣ насъ, стариковъ, клясть будутъ!

«— И будутъ,—замѣтилъ Иванъ Тарасычъ,—хорошо вотъ ты выкупилъ теперь, примѣрно, на двѣ души, а у тебя черезъ двадцать лѣтъ семью-то Господь пріумножилъ, стало у тебя пять сыновей, да самъ соловей, да внучата пойдутъ... Что ты съ ними на двудушномъ-то надѣлѣ станешь дѣлать? Ступай, значитъ, вонъ половина, живи на сторонѣ!... А теперь міръ все же на всѣхъ надѣлитъ.

«— Ну, да,—сказалъ старикъ Евтропъ Шманинъ —держи карманъ! Все одно, братъ. Вотъ намъ надѣлили на 53 души, а теперь передѣлъ будемъ дѣлать на 64, а потомъ на 80... Вѣдь, міръ-то тоже растетъ... вотъ что! А земли-то все столько же... Все одно—куда пойдешь?

«Замѣчаніе Евтропа заставило мужиковъ смутиться.

«— А вотъ куда пойдешь,—поднялся и сверкнулъ своими цыганскими глазками Иванъ Тарасычъ. — Ты вотъ ежели одинъ, такъ поди сунься за землей-то! Дастъ тебѣ кто? А ежели у деревни земли не станетъ, такъ деревнѣ безъ земли быть нельзя! Такихъ деревень на свѣтѣ нѣту! У деревни земля какъ-никакъ будетъ.

«И Иванъ Тарасычъ сталъ молиться на образъ.

«— Вотъ, братъ, что вѣрно сказалъ, то вѣрно... Иванъ Тарасычъ слова съ вѣтру не скажетъ, — подтвердили опять мужики и, поднявшись изъ-за стола, вслѣдъ за нимъ стали креститься» (т. II, стр. 396).

«У деревни земля *какъ-никакъ* будетъ» — въ высшей степени убѣдительный доводъ, что и говорить! Есть и другія основанія для мужицкаго оптимизма, въ такой же степени резонныя, хотя бы тѣ, наприм., на которыя указываетъ Глѣбъ Успенскій во *Власти земли:* «Непонятный, запутанный текстъ *Апокалипсиса,* который съ такою охотой читаютъ деревенскіе грамотные люди, въ толкованіяхъ этихъ послѣднихъ получаетъ совершенно неожиданно самый ясный смыслъ, потому что все оказывается написаннымъ насчетъ того, что земли будетъ вволю... Вездѣ, гдѣ попадаются слова: «и соединиша», «и соединихомъ», «и соединихъ»—ужъ непремѣнно дѣло идетъ насчетъ земли. «И соединихъ...»—вотъ это и есть это самое,—толкуетъ толкователь. — Какъ у насъ теперь наша земля отошла и буеракъ съ прутнякомъ отошелъ, то вотъ и пишется, что «пріидетъ» и присоединитъ все опять же къ намъ...»

Успенскій разсказываетъ объ этихъ шальныхъ надеждахъ, какъ о любопытномъ психологическомъ явленіи, не лишенномъ, конечно, и общественнаго значенія, вслѣдствіе своей распространенности, тогда какъ г. Златовратскій относится къ своему Ивану Тарасычу пресерьезно и готовъ повторить вмѣстѣ съ мужикомъ: «вотъ, братъ, что вѣрно сказалъ, то вѣрно». По крайней мѣрѣ, онъ ни единымъ словомъ не разочаровываетъ мужиковъ, хотя они обращались къ нему съ прямымъ вопросомъ: «Какъ ты намъ скажешь?»—«Будетъ земля! Нѣтъ деревень безъ земли!»—«Откуда будетъ, какъ будетъ?»—«Какъ-никакъ». Мужикамъ, не имѣющимъ понятія ни о чемъ, что совершается за предѣлами ихъ общины, простительно давать такіе отвѣты и успокоивать себя такими надеждами. Но просвѣщенному народнику такой *апокалипсическій* оптимизмъ непростителенъ.

Дальше въ лѣсъ, больше дровъ. Чѣмъ дальше углубляется г. Златовратскій въ монотонно-унылую жизнь «деревенскихъ будней», тѣмъ шире и шире развертывается его ничѣмъ не смущающійся оптимизмъ. Говорятъ, «что мужицкая сходка исключительно управляется одними стихійными, безсознательными, инстинктивными стимулами, что, вслѣдствіе этого, часто рѣшенія сходокъ поражаютъ своею дикостью, очевидною нелогичностью... Я рѣшительно не могу съ этимъ согласиться. Хоть я далекъ отъ мысли

видѣть въ мужицкомъ сходѣ идеалъ россійскаго парламента, хотя я не могу передъ нимъ приходить въ восторгъ и даже сравнивать его съ митингомъ западно-европейскихъ рабочихъ, но, съ другой стороны, я имѣю массу вѣскихъ данныхъ за то, что мужикъ живетъ менѣе стихійно, инстинктивно и безсознательно по извѣстнымъ традиціямъ, чѣмъ, напримѣръ, полуобразованныя городскія сословія. На сходахъ очень нерѣдко поднимаются такіе вопросы, въ которыхъ нельзя никакъ отрицать сознательной и пытливой мысли. Другое дѣло, конечно, насколько широка сфера этой мысли; но въ той области, которая захватываетъ крестьянскій обиходъ, а иногда дальше, мысль крестьянина работаетъ. Въ слѣдующихъ главахъ я буду еще имѣть случай привести не мало фактовъ, подтверждающихъ мою мысль». Скептически настроенный читатель, даже еще не ознакомившись съ «слѣдующими главами», могъ бы сказать г. Златовратскому: можете не трудиться разъяснять дѣло, уже достаточно вами разъясненное. Во-первыхъ, въ *предъидущей* главѣ вы дали прекрасный образчикъ тѣхъ, дѣйствительно не парламентскихъ дебатовъ, которые ведутся на деревенскихъ сходахъ. Вотъ этотъ образчикъ: «Мѣшки... Тридцать четвертей... зерно... всыпали... Да когда кто изъ васъ считалъ? Считали вы галокъ на застрехѣ! Поди спроси Ивана Терентьича объ этомъ! Сунься къ Ивану Терентьичу, что къ кобылѣ подъ хвостъ! Онъ тебѣ надушитъ въ носъ-то! Считали! Я всыпалъ. Мы съ братомъ. Да когда? Когда еще не въ раздѣлѣ были! Были вы! Да ты, лѣшій, спроси мужиковъ! Ты чего лаешься? Лѣшій и есть! Чего ты лаешься, идолъ? Вотъ они старики-то! Зерно всыпали... Двадцать мѣшковъ... Лови ихъ, двадцать-то мѣшковъ! Просору больше! Просорилось зернышко-то наше, это вѣрно! Дураки, такъ дураки мужики и есть! — заканчивалъ кто-нибудь эту невообразимую смѣсь восклицаній». Да, дѣйствительно, это не похоже не только на парламентъ, но и на рабочій митингъ, и не въ отношеніи только некультурности, грубости выраженій, но и въ смыслѣ очевидной ненужности, безсмысленности всѣхъ этихъ перекоровъ, изъ которыхъ только послѣднее заключеніе имѣетъ значеніе, свидѣтельствуя о нѣкоторомъ самосознаніи... Во-вторыхъ, и это гораздо важнѣе, всѣ факты, которые обѣщаетъ показать г. Златовратскій «въ слѣдующихъ главахъ», не устранятъ и не ослабятъ того факта, который только что установленъ самимъ г. Златовратскимъ и состоитъ въ томъ, что «сознательная и пытливая мысль» крестьянина не идетъ дальше «крестьян-

скаго обихода». Вотъ въ этомъ-то все и дѣло, вотъ тутъ-то и заключается главная причина нашего скептицизма. Крестьянинъ «пытливо» обсудитъ достоинства и недостатки сосѣдской телушки, «сознательно» разберетъ выгоды и невыгоды своего надѣла, но за предѣлами этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ начинаются для него невѣрные салтаны Махмуды, антихристы, люди съ песьими головами, три знаменитыхъ кита и прочія прелести того же рода. По пословицѣ, *уши вянутъ*, слушая разсужденія этихъ почтенныхъ, бородатыхъ людей, легковѣрныхъ, какъ дѣти, невѣжественныхъ, какъ готтентоты, а г. Златовратскій съ умиленіемъ и почтеніемъ говоритъ о «пытливой, сознательной мысли», точно рѣчь идетъ о какихъ-нибудь философахъ! Когда слышишь такіе хвалебные гимны народу, когда видишь такія разукрашиванія его жизни, невольно спрашиваешь себя: неужели все это дѣлаютъ его искренніе друзья, люди, горячо желающіе ему добра? Вѣдь, если народъ такъ уменъ, то чему же и зачѣмъ намъ учить его? Если его жизнь основана на началахъ чистѣйшаго альтруизма и чистѣйшей справедливости, то намъ ли исправлять эту жизнь, намъ ли, руководствующимся въ своей культурной жизни принципомъ—chacun chez soi, chacun pour soi? А въ такомъ случаѣ какою презрѣнною и лицемѣрною декламаціей должны бы представляться намъ хотя бы, наприм., эти стихи, трогавшіе и—не во гнѣвъ будь сказано г. Златовратскому—до сихъ поръ трогающіе насъ до глубины души:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

Или какой смыслъ можетъ имѣть хотя бы этотъ завѣтъ другаго поэта, говорившаго о другомъ народѣ, но совершенно въ униссонъ съ нашимъ поэтомъ:

Ne sers que lui...
Sa cause est sainte. *Il souffre*; et tout grand homme
Auprès du peuple est l'envoyé de Dieu.

Нѣтъ, не заразимся мы оптимизмомъ г. Златовратскаго, не повѣримъ автору и не пойдемъ за нимъ, а будемъ говорить и безъ устали повторять, что великій народъ нашъ невѣжественъ и несчастенъ, что «безразсвѣтная, глубокая ночь», окутавшая своимъ мракомъ его жизнь, можетъ быть побѣждена только солнцемъ науки, что «все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло», по энергическому выраженію Бѣлинскаго, взятому нами эпиграфомъ. Реформировать это «опредѣленіе», т.-е. практическія формы народной жизни въ духѣ прогресса и просвѣщенія, не значитъ «опекать» народъ, какъ иронически выражается г. Златовратскій, а значитъ служить ему, исполнять, въ предѣлахъ своихъ силъ и своего разумѣнія ту самую задачу, которую Беранже вмѣняетъ въ первую обязанность всякаго «великаго человѣка, божьяго посланника». Расточать придворные комплименты, конечно, гораздо легче...

Здѣсь кстати будетъ сказать, что о народныхъ школахъ г. Златовратскій самаго высокаго мнѣнія, но не о тѣхъ школахъ, которыя созданы и создаются земцами-опекателями, а о тѣхъ, которыя «собственными средствіями» создаетъ самъ народъ. Достаточно извѣстенъ типъ «перехожаго» учителя изъ отставныхъ солдатъ или выгнанныхъ дьячковъ, путешествующаго изъ села въ село, изъ деревни въ деревню и надѣляющаго всѣхъ желающихъ изъ обширной сокровищницы своихъ познаній. Въ *Деревенскихъ будняхъ* фигурируетъ такой учитель, нѣкто Лазарь Лазаревичъ, или Еруланъ Лазаревичъ, какъ его называютъ ученики, и г. Златовратскій самымъ серьезнымъ образомъ не только беретъ его подъ свою защиту, но и выражаетъ ему свое уваженіе. Онъ говоритъ: «Можетъ быть, этотъ Еруланъ только и знаетъ варварскій методъ обученія «по складамъ». Можетъ быть, этотъ самый Еруланъ съ воодушевленіемъ самъ разсказываетъ ребятишкамъ о «килѣ» и «порчѣ». Очень вѣроятно. Но одно несомнѣнно, что то, что передаетъ онъ дѣтямъ,—прочно и крѣпко перейдетъ въ ихъ плоть и кровь, сольется органически съ ними... И несомнѣнно, что, вмѣстѣ съ «килой», онъ также искренно и чистосердечно передаетъ и кое-что многое другое, болѣе высокое, важное и существенное.... Онъ это умѣетъ. А въ этомъ вся *суть* школы.... Не потому ли онъ *сподручнѣе* для крестьянъ?»

Въ высшей степени было бы любопытно познакомиться поближе съ тѣмъ «высокимъ, важнымъ и существеннымъ», что имѣетъ не-

редать своимъ ученикамъ солдатъ или дьячокъ Ерусланъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, г. Златовратскій бережетъ свое открытіе про себя, такъ что мы имѣемъ все право сохранить прежнее свое убѣжденіе, что никакой особенной мудрости Ерусланъ своимъ слушателямъ не сообщитъ, кромѣ давно извѣстной *буки-арцы-азъ-бра*, да вотъ развѣ еще разскажетъ о «килѣ», «порчѣ», «лѣшемъ», «домовомъ» и проч. Не споримъ, что все это «прочно и крѣпко перейдетъ въ плоть и кровь» учениковъ, «сольется органически съ ними», кромѣ, впрочемъ, азбуки, которая къ семнадцати-восемнадцати годамъ забудется самымъ основательнымъ образомъ. Лекціи о «килѣ», конечно, не забудутся до гробовой доски, но мы ужъ предоставимъ г. Златовратскому восхищаться такою гармоніей между школой и жизнью.

Остановимся, наконецъ, еще на одной послѣдней чертѣ *Деревенекихъ будней*, въ такой же степени восхищающей автора, какъ и сходы, передѣлы, школы и проч., и проч. Эта черта—стремленіе мужика къ просвѣщенію, опять-таки не къ нашему «опекунскому», «безпочвенному», «легкомысленному» просвѣщенію, а совершенно къ особенному, *сподручному*, какъ и летучія школы. Вотъ фактъ: у каждаго «умственнаго и хозяйственнаго мужика» есть въ городѣ свой «совѣтникъ», свой «благопріятель», «адвокатъ». Этотъ благопріятель нерѣдко «дѣлаетъ честь» своему кліенту, пріѣзжая къ нему въ гости, въ деревню... И, Господи, какъ радъ, какъ доволенъ «хозяйственный» мужичокъ этимъ посѣщеніемъ! Онъ не знаетъ, гдѣ посадить гостя, чѣмъ его угостить... Онъ водитъ его по своей усадьбѣ, онъ разсказываетъ ему про успѣхи своего «хозяйствованія», онъ ведетъ его къ лошадямъ и коровамъ, на поле, на новую стройку... Онъ ведетъ съ нимъ длинныя бесѣды о деревенскихъ порядкахъ и поучается инымъ порядкамъ... Онъ жалуется на своихъ враговъ и вмѣстѣ обсуждаютъ проекты тяжебъ... «Вотъ они, наши-то глупые деревенскіе распорядки!.. А ты скажи, какъ въ законѣ, какъ въ правилахъ .. такъ-ли?»

— Такъ, такъ, — говоритъ уподчиванный гость, икая на всю комнату и позѣвывая.

— Законъ-то, вѣдь, онъ для всѣхъ одинъ!.. Такъ ли я говорю?

— Конечно, одинъ... Развѣ два закона быть можетъ?.. Чудаки!. Ха-ха-ха!—веселится гость.

— Да, вѣдь, я о томъ же...

Въ такомъ родѣ заканчиваетъ свои бесѣды съ «благопріятелемъ» хозяйственный мужичокъ.

Хозяйственный мужичокъ жаждетъ «ума», онъ льнетъ къ интеллигентному человѣку—это неоспоримо. И льнетъ вовсе не тогда только, когда онъ нуженъ ему, какъ адвокатъ, — нѣтъ, онъ ищетъ въ немъ себѣ собесѣдника, умственной пищи. Это явленіе высокой важности. Оно заслуживаетъ глубокаго вниманія, если несетъ съ собою благо, а еще болѣе, если за нимъ идетъ на деревню великое зло.

И опять-таки г. Златовратскій хранитъ свое открытіе про себя, предоставляя намъ довольствоваться голословнымъ увѣреніемъ. Онъ нарисовалъ живую картину пріятельства мужика именно съ адвокатомъ, «брехунцомъ», нужнымъ человѣкомъ, а увѣряетъ насъ, что «мужикъ льнетъ вовсе не тогда только, когда интеллигентъ нуженъ ему какъ адвокатъ,—нѣтъ, онъ ищетъ въ немъ себѣ собесѣдника, умственной пищи». Мы вѣримъ авторской картинѣ и не вѣримъ авторской божбѣ. Вѣримъ первой потому, что ея внутренній смыслъ совершенно совпадаетъ съ общимъ направленіемъ нашей жизни: повсемѣстное торжество у насъ всякаго рода дѣльцовъ и нужныхъ людей не могло, разумѣется, не отразиться и на деревнѣ. Одинъ изъ деревенскихъ героевъ Успенскаго очень хорошо характеризовалъ эту новую черту нашей эпохи: «Время, время учитъ нашего брата! Я вонъ лавчонку имѣю, съ городомъ дѣлишки дѣлаю, а въ городѣ-то все векселькн берутъ... Знаешь? векселькн? Все одно бумажка махонькая, а шея трещитъ отъ нея, трещитъ! А здѣсь-то все на совѣсть было прежде, все на совѣсть,—ну, это вышло будто и не подъ кадриль одно-то къ другому: тамъ векселекъ, а тутъ совѣсть, анъ оно и тово... не вполнѣ спокойно... И тутъ, стало быть, надо росписочки, бумажки, и бумажки ффо-оорменныя, охъ, форменныя!» Такому «благомысленному» мужичку, конечно, необходимъ городской «благопріятель», у котораго онъ могъ бы во всякое время справиться; «какъ въ законѣ, какъ въ правилахъ—такъ ли?» Да, «это явленіе высокой важности», въ этомъ мы г. Златовратскаго не оспариваемъ. Но чѣмъ тутъ восхищаться? Вмѣсто «адвоката», дѣльца, г. Златовратскій подставляетъ «интеллигентнаго человѣка» вообще, и подставляетъ совершенно произвольно, потому что будь у него подъ рукою реальные факты, онъ, конечно, не преминулъ бы изобразить ихъ намъ, какъ изобразилъ картину благопріятельства мужика съ адвокатомъ. Между тѣмъ, только благодаря

этой подстановкѣ, г. Златовратскій и пріобрѣлъ нѣкоторую внѣшнюю возможность умиленно говорить о мужицкой жаждѣ «ума», просвѣщенія, интеллигентныхъ знакомствъ и т. д. Напрасное умиленіе, ненужный оптимизмъ! Бывали факты, при воспоминаніи о которыхъ благодушное «льнетъ» г. Златовратскаго начинаетъ звучать самою горькою и, смѣю сказать, кощунственною ироніей...

Мы терпѣливо слѣдовали за г. Златовратскимъ въ его поискахъ за свѣтлыми явленіями въ будничной жизни нашей деревни и, какъ видѣлъ читатель, не оставили ни одного восторженнаго указанія автора безъ охлаждающихъ комментаріевъ. Читателю судить, кто болѣе правъ изъ насъ—авторъ-ли съ своимъ оптимизмомъ, или я съ своимъ скептицизмомъ. Въ симпатіи къ народу я не хочу уступать г. Златовратскому, но идолопоклонствовать передъ народомъ не станетъ ни одинъ человѣкъ, умѣющій цѣнить и уважать великія блага просвѣщенія.

VI.

Намъ слѣдовало бы остановиться теперь еще на двухъ большихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ г. Златовратскаго: *Устои* и *Крестьяне-присяжные*, составляющихъ содержаніе почти всего перваго тома его *Собранія сочиненій*. Мы можемъ, однако, ограничиться указаніемъ на идею и характеръ этихъ произведеній, не вдаваясь въ ихъ подробный разборъ, поэтому скажемъ, что нашъ «послѣдовательный народникъ» сохраняетъ свою послѣдовательность до конца и стоитъ въ этихъ произведеніяхъ на той самой точкѣ зрѣнія, которую мы видѣли и разсматривали въ *Деревенскихъ будняхъ*. *Устои*—это подробное и обстоятельное описаніе того кризиса, не только экономическаго, но и нравственнаго, который переживается теперь русскою деревней, того тягостно-неопредѣленнаго положенія «между старою и новою правдой», въ которомъ находится теперь русскій крестьянинъ. Читатель, знакомый съ литературною физіономіей г. Златовратскаго, хотя бы только по нашей характеристикѣ, безъ труда догадается, какую позицію занимаетъ авторъ въ дѣлѣ этой драматической коллизіи стараго съ новымъ. Всѣ его симпатіи на сторонѣ представителей старо-русскихъ, древле-отеческихъ, патріархальныхъ общинныхъ «устоевъ», а къ представителямъ новѣйшаго деревенскаго индивидуализма, къ этимъ такъ называемымъ «умственнымъ» мужикамъ, онъ относится съ

раздраженіемъ, съ ироніей въ которой—увы!— далеко нѣтъ прежней увѣренности и слышится какая-то болѣзненная, почти отчаянная нота. Вотъ какъ, наприм., говоритъ г. Златовратскій о самой вѣрной хранительницѣ деревенскихъ «устоевъ» и традицій, «благомысленной» крестьянкѣ Ульянѣ Мосевнѣ: «Не мало передумала своимъ непосредственнымъ умомъ Ульяна Мосевна за то время, когда надъ Волчьимъ поселкомъ пронеслась гроза и съ корнемъ сорвала столѣтній дубъ съ его вѣковыхъ устоевъ; но сколько она ни думала, она ни чего не поняла въ Петрѣ, и рѣшила, что все это послано въ наказаніе за какіе-нибудь ихъ личные грѣхи. Но когда, возвратившись въ старый знакомый дергачевскій міръ, она увидѣла, что и тамъ вездѣ бушуетъ та же непонятная буря и также рушитъ старые «устои», видимымъ образомъ разрушая прежнюю гармонію и не созидая, вмѣсто нея, никакой новой, она рѣшила, робко и скромно, съ болью въ сердцѣ: «нѣтъ больше въ мірѣ правды!...» Но развѣ прежде, при крѣпостномъ правѣ, была правда для нея? Была, кромѣ общей, неувядаемой правды труждающихся и обремененныхъ, для нея существовалъ тотъ нравственный устой, который давалъ возможность ясно различать добро, ясно осязать страданія и идти на помощь; была возможность подвига, былъ смыслъ въ самоотреченіи, были смыслъ и возможность «идейной» жизни для народнаго романтика. Этою возможностью, этимъ смысломъ жили милліоны «человѣческою жизнью», полною значенія, и умирали въ сознаніи этого «значенія», какъ люди, а не какъ подъяремные скоты. И вдругъ эта правда исчезла, стала непригодной, ненужной и—почемъ знать?—можетъ быть, она уже приноситъ зло, вмѣсто добра, вызываетъ страданія, вмѣсто исцѣленія» (т. I, стр. 359). Конечно, это не столько размышленія Ульяны Мосевны, сколько самаго автора, и этотъ вопросъ: «почемъ знать?»—характеризуетъ тонъ и строй всего произведенія. Да, жизнь поколебала, кажется, даже фанатическую вѣру г. Златовратскаго, и оплакивая быстро приближающееся разрушеніе «устоевъ», онъ какъ будто готовъ согласиться, что, въ самомъ дѣлѣ, не два же вѣка жить имъ, что ихъ историческая роль кончена и у «гробового входа» уже играетъ «младая жизнь». Однако, г. Златовратскій слишкомъ далеко ушелъ по пути своего «послѣдовательнаго народничества», чтобы для него былъ возможенъ не только возвратъ, но и сколько-нибудь крутой поворотъ съ пробитой имъ колеи, и уже черезъ *одну* страницу послѣ своего скептическаго—«почемъ знать?»—онъ яв-

ляется прежнимъ вѣрующимъ и исповѣдующимъ старозавѣтнымъ народникомъ. Говоря о другомъ представителѣ «устоевъ», мужикѣ Хипѣ, представителѣ-протестантѣ, г. Златовратскій сравниваетъ его съ медвѣдемъ, выгнаннымъ изъ берлоги: «Хипа былъ дѣйствительно очень похожъ на медвѣдя, у котораго разорили зачѣмъ-то берлогу, въ которой цѣлыми столѣтіями и цѣлыми поколѣніями его прапрадѣдовъ все было такъ плотно уложено, укладено и обложено, такъ мягко и тепло лежалось. И вотъ теперь, зачѣмъ-то побезпокоенный, смирный и неповоротливый Михаилъ Ивановичъ, выпуча глаза, ничего не понимая, носился по лѣсу, безъ пути ломалъ сосны, безъ пути бросался на проходящихъ, такъ какъ всѣ ему казались виноватыми въ непонятной и непостижимой ему невзгодѣ. *И будетъ онъ носиться до тѣхъ поръ, пока вновь не попадетъ на глубокую, всю усьянную на днѣ, какъ пухомъ, сухими листьями яму и, свалившись въ нее, почувствуетъ, что стало опять тепло, уютно, улежно и, главное, никто опять долго не увидитъ его и непобезпокоитъ*». Прежде всего, о какомъ *разореньи* берлоги говоритъ г. Златовратскій? Это «разоренье» имѣетъ только одно и, притомъ, совершенно опредѣленное наименованіе: реформа 19 февраля 1861 г. *Мягко* ли и *тепло* ли было нашимъ Хипамъ до этой реформы, это, разумѣется, подлежитъ сомнѣнію, но что до нея «все было плотно уложено и укладено»—это безспорно. *Ну, такъ что же, г. Златовратскій?* Вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ и даже, можно сказать, торжественъ, чтобы я могъ позволить себѣ какія-нибудь догадки на этотъ счетъ. Да повиснетъ этотъ вопросъ Дамокловымъ мечемъ надъ головой г. Златовратскаго! Далѣе, въ подчеркнутыхъ мною словахъ цитаты, исходящихъ прямо отъ авторскаго лица, опять и опять подставляется все тотъ же пресловутый «идеалъ» *улежной* жизни, въ которой—какое счастье!—«никто не увидитъ и не побезпокоитъ» нашего героя! Фантазіи эти пора бы оставить даже Хипѣ, которому тоже не безъизвѣстно, что мертвыхъ съ погоста не носятъ... Весь смыслъ—великій и глубокій смыслъ—переживаемой нами эпохи именно въ томъ и стоитъ, что народъ, исторической силой вещей, пріобщается къ нашей культурной жизни, что онъ «побезпокоенъ» въ своемъ тысячелѣтнемъ снѣ. И сколько благъ рисуются намъ въ туманѣ будущаго отъ этого факта, какіе горизонты и перспективы раскрываются, сколько счастья—не медвѣжьяго, не берложьяго, а разумнаго, человѣческаго—принесетъ этотъ прихлынувшій могучій потокъ свѣжихъ силъ, дѣв-

ственныхъ характеровъ и умовъ! Напрасенъ, напрасенъ плачъ на рѣкахъ вавилонскихъ г. Златовратскаго!

Другое произведеніе г. Златовратскаго, которое мы должны отмѣтить, *Крестьяне-присяжные*, преслѣдуетъ не общественныя, а психологическія цѣли. Съ горячею любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла г. Златовратскій рисуетъ намъ симпатичныя черты народнаго характера, его благодушіе, совѣстливость, мягкосердечіе и т. д. На этомъ благородномъ пути мы желаемъ г. Златовратскому всякихъ успѣховъ и никто горячѣе насъ не будетъ имъ радоваться. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь я долженъ подчеркнуть рѣзкое различіе между нашими основными точками зрѣнія. Профессоръ Менделѣевъ, въ разсказѣ о своемъ воздушномъ полетѣ, мимоходомъ сообщаетъ такой эпизодъ, не придавая ему, очевидно, никакого значенія: «Въ одной деревнѣ, съ жителями которой я также разговаривалъ (на полетѣ), меня позвали ѣсть свѣжую рыбу. Кричали: спущайся! свѣжая рыба есть!» Вотъ фактъ. Что сказалъ бы по поводу его г. Златовратскій? Онъ сказалъ бы: «посмотрите, сколько добродушія, хлѣбосольства, гостепріимства въ этомъ миломъ, чудномъ, великомъ русскомъ народѣ!» Прекрасно и вѣрно, но, вѣдь, это одна сторона медали, а другая, на которую у г. Златовратскаго рѣшительно глазъ нѣтъ, состоитъ вотъ въ чемъ: какія чудеса, спрашиваю я себя, могутъ расшевелить смыслъ этого добродушнаго дикаря? Онъ, конечно, въ первый (да если бы и не въ первый?) разъ въ жизни видитъ воздухоплавателя и точно обыкновенному проѣзжему или прохожему кричитъ ему: «спущайся! свѣжая рыба есть!» Ничему не удивляться—это признакъ или чрезвычайной развитости и *бывалости*, или, наоборотъ, непроходимаго невѣжества и поразительной пассивности мысли. Этаиллюстрація, надѣюсь, окончательно пояснитъ читателю, почему моя критика *Собранія сочиненій Н. Златовратскаго* превратилась въ ожесточенный споръ съ г. Златовратскимъ.

Было бы несправедливо на этомъ и закончить статью. Я убѣжденъ, что время оптимистической идеализаціи народа и порядковъ его жизни прошло или проходитъ, но это совсѣмъ не значитъ, что прошло и время г. Златовратскаго, что его сочиненія подлежатъ сдачѣ въ литературный архивъ, на добычу мышей и библіографовъ. Нѣтъ, дѣятельность г. Златовратскаго, какъ бытописателя народа, на ряду съ дѣятельностью Рѣшетникова и Глѣба Успенскаго, является не фактомъ прошлаго, а фактомъ самаго животре-

пещущаго настоящаго. Нельзя плодотворно работать, не зная своей страны, а у насъ, какъ я доказывалъ выше, внѣ народа и внѣ духовной связи съ нимъ все не болѣе, какъ «миражъ на болотѣ», говоря выраженіемъ Каткова. Я высоко ставлю дѣятельность нашей интеллигенціи вообще и литературы въ частности именно потому, что она, при всѣхъ своихъ ошибкахъ и неизбѣжныхъ уклоненіяхъ, всегда имѣла въ виду народное благо, такъ или иначе понимаемое. Но гдѣ же и какъ искать этого правильнаго пониманія? Прежде всего, конечно, въ силахъ собственнаго разума и въ глубинѣ собственной совѣсти, а затѣмъ въ тѣхъ источникахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразилась духовная личность народа. Вотъ наша тысячелѣтняя исторія, въ ея довольно монотонномъ, но оригинальномъ теченіи, вотъ памятники народнаго творчества, наши былины, пѣсни, сказки, вотъ законодательные акты, касающіеся экономической стороны жизни народа; вотъ любопытнѣйшій сводъ разнообразныхъ вѣрованій, возникавшихъ и возникающихъ среди народа, и вотъ, наконецъ, длинный рядъ живыхъ и тщательныхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ деревней, въ ея праздники и въ ея будни, людьми, съумѣвшими непосредственно сблизиться съ народомъ! Въ нашемъ перечнѣ документовъ и источниковъ народовѣдѣнія едва-ли не самыми важными являются именно литературные документы, между которыми произведенія Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго и Златовратскаго занимаютъ центральное мѣсто.

Н. Е. ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ.

(Н. Каронинъ).

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Некрасовъ.

I.

«Toutes les verités ne sont pas bonnes à dire»,—говоритъ французская пословица. «Кстати сказанное слово—серебряное, кстати умолчанное—золотое», говоритъ русская поговорка. Народная мудрость Востока и Запада сходятся, такимъ образомъ, на этомъ пунктѣ, и намъ, повидимому, ничего не остается, какъ преклониться передъ нею. Какъ выраженіе практической, *житейской* мудрости, эти пословицы-правила дѣйствительно неуязвимы. Если, встрѣтившись съ кривобокимъ человѣкомъ, вы скажете ему, что его станъ не отличается стройностью и красотою, вы, конечно, скажете чистую правду, но это ваша verité будетъ, въ то же время, и грубостью, и жестокостью, и пошлостью. Почему? Потому что отъ такой правды кривобокій не выпрямится, а только лишній разъ огорчится, другимъ же ваша правда безполезна, потому что у нихъ есть собственные глаза и всякій понимаетъ, что кривобокость—безобразіе и уродство. Но если кривобокій гордится своею кривобокостью, если онъ прекскренно убѣжденъ самъ и старается убѣдить другихъ, что въ кривобокости-то и заключается настоящая красота, что Аполлонъ Бельведерскій тѣмъ и непріятенъ глазу, что слишкомъ ужъ пропорціонально и симметрично сложенъ? Вѣдь, это бываетъ, а въ сферѣ психическихъ явленій даже зачастую. Сколько глупцовъ считаютъ себя умниками, сколько бездарностей воображаютъ себя талантами! Но этого мало. Въ силу того, что chaque sot trouve toujours un plus sot qui l'admire, глупцы и бездарности успѣваютъ иногда передать другимъ свое высокое мнѣніе о себѣ, и сколько такихъ *кривобокихъ* авторитетовъ и въ жизни, и въ наукѣ,

и въ литературѣ, и въ искусствѣ,—авторитетовъ, мишурное величіе которыхъ зависитъ или отъ нѣкоторой нашей иллюзіи, или отъ преданія, отъ привычки, или, наконецъ, просто отъ импонирующаго апломба! Житейская мудрость, конечно, порекомендуетъ сугубую осторожность по отношенію къ нимъ, но тутъ какъ разъ кончается ея компетентность, потому что начинается роль другой, настоящей, болѣе дальновидной мудрости, которая учитъ не спокойствію, не процвѣтанію въ хатѣ съ краю, а исполненію долга.

Перенесите вопросъ съ почвы личныхъ отношеній на почву общественныхъ интересовъ и тотчасъ же—

Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Ложная мудрость—это та самая мудрость, которая учитъ, что молчаніе—золото. Въ мірѣ общихъ явленій нѣтъ мѣста для личныхъ мотивовъ и *всякая* правда, если она только правда, должна быть здѣсь договорена до конца, исчерпана до дна. По чувству сострадательной деликатности, мы не скажемъ молодящемуся старику, что у него ноги заплетаются, и что поэтому напрасно пускается онъ въ танцы, но состарѣвшемуся писателю, не замѣчающему своей отсталости, литературная критика обязана сказать безъ экивоковъ горькую правду. Неблаговоспитанному гостю, заплевавшему полъ вашего кабинета и засыпавшему сигарнымъ пепломъ вашъ письменный столъ, вы вольны простить его неблаговоспитанность, но городскому управленію, превратившему улицы своего города въ заразныя клоаки, медицинская и общая публицистика обязаны дать хорошій урокъ и чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше. Мужику, убѣждающему насъ въ скоромъ пришествіи антихриста или увѣряющему, что онъ «собственными глазами» видѣлъ коровью смерть, мы не сдѣлаемъ никакого упрека и, конечно, не станемъ смѣяться надъ нимъ, но тѣмъ сильнѣе будемъ говорить объ умственной темнотѣ народа, о его вредныхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ.

Соображенія эти можно было бы гораздо подробнѣе развить и укрѣпить, но для насъ пока достаточно сказать, что едва ли не во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ, трактовавшихъ о народѣ, всегда сказывается какая-нибудь задняя мысль и чувствуется вліяніе именно того предразсудка, что не всякую правду можно и

должно говорить о народѣ, будетъ ли эта правда къ его чести или къ его безславію. Вотъ произведенія Николая Успенскаго или Слѣпцова, читая которыя и повѣривши которымъ вы только съ трудомъ согласитесь, что мужикъ, все-таки, ближе къ человѣку, нежели къ обезьянѣ. Неужели, однако, эти безспорно талантливые писатели такъ-таки и не усмотрѣли ничего хорошаго въ народномъ бытѣ и въ народной психіи? Нѣтъ, но по соображеніямъ минуты, эпохи, они считали *безтактнымъ*, неумѣстнымъ и несвоевременнымъ говорить о свѣтлыхъ сторонахъ народной жизни. Съ другой стороны, вотъ, наприм., Достоевскій, утверждавшій, что народъ нашъ все знаетъ, все умѣетъ, все понимаетъ. Опять-таки, неужели Достоевскій говорилъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, неужели такой проницательный наблюдатель могъ не замѣчать оборотной стороны медали? Нѣтъ, разумѣется, но такъ, во-первыхъ, требовалось по славянофильскимъ традиціямъ; во вторыхъ, такъ было нужно для пущаго посрамленія нашей интеллигенціи, которая «оторвалась отъ почвы» и которой противупоставлялся голодный, но вседовольный, безграмотный, но всезнающій народъ. Такъ и шло дѣло: *народомъ полемизировали*, если такъ можно выразиться, имъ пользовались то какъ щитомъ, то какъ мечомъ, безъ всякаго, конечно, полномочія и даже безъ всякаго вѣдома съ его стороны, но изученіе его подвигалось впередъ медленно.

Самую удобную позицію заняли въ этомъ вопросѣ тѣ, кто, вслѣдъ за тургеневскимъ Базаровымъ, рѣшилъ, что нашъ народъ—тотъ самый «таинственный незнакомецъ», который фигурируетъ въ романахъ Ратклифъ. *Таинственный незнакомецъ*—что можетъ быть лучше и проще этого? Быть можетъ, это «злодѣй», а, быть можетъ, тайный другъ и покровитель; быть можетъ, это пушечное мясо и рабочая сила только, а, быть можетъ, кладезь мудрости и сосудъ спасенія.

Съ отвлеченно-нравственной точки зрѣнія ничего не можетъ быть великодушнѣе свойства, наблюдаемаго преимущественно въ нашей интеллигенціи: благородной и несокрушимой вѣры въ человѣческое достоинство народныхъ массъ. Въ жертву этой вѣрѣ приносится все—и личные интересы, и собственный горькій опытъ, и элементарныя требованія логики, и историческія данныя, и общіе факты живой дѣйствительности. Чтобы спасти эту вѣру, народнику-идеалисту приходится строить цѣлую замысловатую теорію, по которой выходитъ, что наше нравственное сознаніе или

по-просту совѣсть совсѣмъ не то же, что совѣсть народа, что бѣлое въ глазахъ интеллигенціи есть зачастую черное въ глазахъ народа и наоборотъ. Будучи, быть можетъ, неправъ въ нашихъ глазахъ, въ глазахъ людей, «испорченныхъ цивилизаціей, мужикъ, быть можетъ, совершенно правъ въ собственныхъ глазахъ, такъ что въ состояніи съ открытымъ и ласковымъ лицомъ встрѣчать человѣка, котораго онъ дважды обокралъ, трижды поджогъ и у котораго четырежды занималъ денегъ безъ отдачи. Это, видите ли, не лицемѣріе и не неблагодарность,—это особая нравственность, заповѣди которой не не согласуются съ нашими заповѣдями. Такова, въ краткомъ резюме, эта теорія, дѣлающая высокую честь любвеобильному сердцу своихъ творцовъ, но несостоятельная передъ судомъ разума. Нѣтъ, нравственность не можетъ двоиться и не можетъ противорѣчить самой себѣ. Люди могутъ извращать нравственный законъ, христіане могутъ различно истолковывать данный имъ кодексъ нравственнаго ученія, но какъ безчисленныя человѣческія заблужденія не отрицаютъ существованія истины, которая можетъ быть только одна, такъ и уклоненія наши отъ нравственнаго идеала не уменьшаютъ его обязательности для насъ. Можно не признавать даже всеобщность закона тяготѣнія, противупоставляя ему теорію трехъ китовъ, но нельзя говорить, что и Ньютонъ правъ по-своему, и защитникъ китовъ правъ по-своему. Не объ юридической винѣ, а объ умственной и нравственной отвѣтственности говоримъ мы: у кого же достанетъ рѣшимости вмѣнять очевидно невмѣняемому? Если мужикъ не различаетъ своихъ отъ чужихъ, враговъ отъ друзей, то это результатъ не безнравственности его и тѣмъ болѣе не какой-то особенной спеціально-мужицкой нравственности, а результатъ его незнанія, непониманія, умственной темноты. Негодовать тутъ не на кого, но и умиляться и восхищаться, право, нѣтъ причинъ.

Что говоритъ объ этомъ *нашъ* идеалистъ-народникъ, тотъ, чье имя стоитъ въ заголовкѣ статьи? А вотъ что: «Знаете, какая разница между нами и ими? Это то, что мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго, мужики же чувствомъ должнаго и неизбѣжнаго. Мы дѣлаемъ то, что намъ нравится, мужики—то, что должно дѣлать. Не думаю, чтобы эта разница была къ нашей выгодѣ... Когда жизнь намъ не даетъ того, чего мы желаемъ, что кажется намъ пріятнымъ, мы считаемъ ее неудавшеюся; мужики же считаютъ скверною ту жизнь, которая дала имъ одни только грѣхи.

Мы страдаемъ отъ того, что не удовлетворяемъ своихъ желаній, мужикъ же отъ того, что не исполнилъ какой-то высшей воли, нагрѣшилъ....» Такова основная точка зрѣнія Каронина. Дальше мы обсудимъ ее, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о литературной личности рано и не во-время умершаго писателя.

II.

Есть писатели, которыхъ любятъ, но не уважаютъ, и есть писатели, которыхъ уважаютъ, но не любятъ (о прочихъ категоріяхъ—«любятъ и уважаютъ» и «не любятъ и не уважаютъ» намъ нѣтъ надобности говорить здѣсь). Каронинъ принадлежалъ ко второй категоріи, и это обусловливалось свойствами его таланта и всей вообще его духовной личности, насколько она выражалась въ его литературной дѣятельности. Это былъ писатель-аскетъ, писатель-ригористъ, относившійся къ своему дѣлу какъ къ служенію, безъ малѣйшей тѣни ремесленничества. Его талантъ былъ далеко не изъ перворазрядныхъ, и оттого его образы были не ярки и не выпуклы, но за ними всегда чувствовалась тревожная и серьезная мысль. Онъ не тѣшился, но и не мучился этими образами, а съ сосредоточеннымъ вниманіемъ вдумывался въ ихъ внутренній смыслъ,—точнѣе—привлекалъ къ этому своего читателя. Онъ былъ слишкомъ серьезенъ, можно сказать—слишкомъ *хмуръ*, чтобы тѣшить себя и читателя чѣмъ бы то ни было, и слишкомъ убѣжденъ, чтобы мучиться надъ разрѣшеніемъ какихъ-нибудь «проклятыхъ вопросовъ». Отъ того именно читатель и не слишкомъ искалъ собесѣдованія съ нимъ, но, разъ рѣшившись на это, выносилъ цѣльное и здоровое впечатлѣніе чего-то твердаго, устойчиваго и прямодушнаго. Въ немъ не было узкости и исключительности, всегда почти сопровождающихъ фанатизмъ, но была убѣжденность, презирающая компромиссы. Едва ли въ немъ была терпимость въ той степени, чтобы дружелюбно или только мягко вести бесѣду съ человѣкомъ другихъ воззрѣній, и хотя онъ никогда не пускался ни въ полемику *), ни въ сатиру, не позволялъ себѣ даже простой усмѣшки, тѣмъ не менѣе, глубокая и недобродушная иронія слышалась въ

*) Я имѣю въ виду только журнальную дѣятельность Каронина: Съ его дѣятельностью въ провинціальныхъ газетахъ я совершенно незнакомъ и вообще не имѣю понятія о немъ, какъ о публицистѣ.

его рѣчахъ каждый разъ, какъ дѣло касалось несимпатичныхъ ему идей и явленій. Образчикомъ такой манеры можетъ служить хотя бы только что цитированный нами отрывокъ: противупоставленіе между *ними* и *нами* производится въ спокойномъ и даже суховатомъ тонѣ, но смыслъ его для *насъ* отъ того не менѣе убійственъ.

Мы упомянули сейчасъ о *суховатомъ* тонѣ Каронина. Это былъ обычный тонъ его повѣствованія—и это тоже одна изъ причинъ относительнаго равнодушія къ нему читателя. Всѣ знаютъ, что не все то золото, что блеститъ, но не всѣ умѣютъ пользоваться этимъ знаніемъ. Въ жизни встрѣчаются люди, которые терпѣть не могутъ никакихъ изліяній, умѣютъ чувствовать, но не умѣютъ и не хотятъ говорить о своихъ чувствахъ и отъ того зачастую кажутся холодными близорукимъ наблюдателямъ. Въ литературѣ равнымъ образомъ встрѣчаются писатели, питающіе какъ бы органическое отвращеніе не только ко всякой декламаціи, но и ко всякому лиризму. Постоянно держась на одномъ уровнѣ, они какъ будто не испытывали того непроизвольнаго подъема чувства, когда оно бьетъ черезъ край и выливается въ страстныхъ тирадахъ. Каронинъ всегда разсудителенъ, обстоятеленъ, хладнокровенъ, и только привычный и внимательный наблюдатель пойметъ, что передъ нимъ не равнодушный резонеръ, а непоколебимо-убѣжденный человѣкъ, который только «думаетъ свою крѣпкую думу безъ шуму».

«Я зналъ одной лишь думы власть, — одну, но пламенную страсть». Каронинъ въ очень значительной степени имѣлъ право сказать это о себѣ. *Дума*, постоянно занимавшая его, была дума о народѣ, а страсть, волновавшая его, была любовь къ этому народу. Каронинъ любилъ народъ не по чувству состраданія только и не въ силу требованія справедливости, а въ силу коренныхъ психическихъ мотивовъ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ самъ Каронинъ, въ примѣненіи къ одному изъ своихъ героевъ: «Нельзя сказать, чтобы онъ любилъ мужиковъ; онъ по чистой совѣсти говорилъ: нѣтъ не любилъ. Но мужики — единственная среда, гдѣ онъ чувствовалъ себя покойно, почти радостно. Радость эта происходила отъ того, что они были прямою противоположностью ему: онъ любилъ ихъ за то, чего въ немъ самомъ не было. Ихъ жизнь нѣчто совсѣмъ отличное отъ его жизни, ихъ мысли—совсѣмъ другія. Они были для него всегда чѣмъ-то непзвѣстнымъ, новымъ, великимъ. Онъ не могъ жить ихъ жизнью, не думалъ ихъ мыслями, не вѣрилъ ихъ вѣрой, но допускалъ, что въ ихъ жизни есть много

справедливаго, въ ихъ мысли истиннаго, въ ихъ вѣрѣ—чудеснаго и святаго. Среди нихъ онъ забывалъ свою жизнь,—а она ему опостылила,—забывалъ свои мысли, которыя его только мучили; забывалъ свое невѣріе. Даже внѣшняя мужичья обстановка нравилась ему, потому что не напоминала ему собственной его жизненной обстановки. Мужики всегда были его спасеніемъ». Онъ *любилъ ихъ за то, чего въ немъ самомъ не было*, и онъ *нельзя сказать чтобы любилъ ихъ*,—это не болѣе, какъ противорѣчіе словъ; это выраженіе именно той *стыдливости чувства*, о которой мы говорили выше. Чувствовать себя съ человѣкомъ *покойно и радостно*, находить въ немъ всегда нѣчто *новое и великое*, забывать въ его обществѣ свои *мученія* и свое *невѣріе*, видѣть, наконецъ, въ немъ свое *спасеніе*—какой еще любви нужно? Это болѣе чѣмъ любовь, это—благоговѣйное почитаніе, т.-е. глубочайшая любовь въ соединеніи съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Къ сожалѣнію, излишество любви вредитъ свободѣ критики и ведетъ къ идеализаціи любимаго предмета. Когда Каронинъ говоритъ о насъ объ интеллигенціи, о нашихъ путяхъ и стремленіяхъ, его замѣчанія блестятъ тонкою ироніей и проникнуты трезвою правдой, исключающею всякую идеализацію. Вотъ, наприм., превосходная страница, характеризующая Каронина не только въ этомъ смыслѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ.

«Разумѣется, очень хорошо жить трудами рукъ своихъ, благородно добывать хлѣбъ прямо изъ земли. Притомъ, это очень здорово и не лишено поэзіи. Только на первыхъ порахъ немного скучно. Отчего бы это? Можетъ быть, оттого, что въ этомъ раю всѣ мысли сосредоточены на себѣ, на своемъ тѣлѣ, на своей душѣ, на своемъ благородствѣ, на своемъ спасеніи,—все только на своемъ вертится мысль? Это естественно. Отчего же не думать и не заботиться о себѣ, когда это неизбѣжно? Но, въ такомъ случаѣ, это уже не мечта, не идеалъ, не стремленіе къ великому. Идеалъ, вѣдь, это нѣчто огромное и свѣтлое, какъ солнце, нѣчто такое, чего въ мелкой обыденной жизни нѣтъ, по къ чему человѣкъ стремится всѣми лучшими своими помыслами. Что можетъ быть идеальнаго въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто сапоговъ, надѣнетъ коты, вмѣсто городской квартиры, будетъ жить въ избѣ, и, вмѣсто добыванія хлѣба косвеннымъ путемъ, прямо будетъ царапать его изъ земли? Что идеальнаго въ томъ, что человѣкъ головою своей будетъ подпирать возъ съ соломой, а душу свою закопаетъ въ землю, окруживъ себя милліонами пустяковъ? И что идеальнаго будетъ въ жизни человѣка, который забудетъ другихъ и займется только своимъ совершенствомъ? Человѣкъ борется противъ жизненныхъ пустяковъ и стремится раздѣлаться съ ними, а тутъ ему пустяки возводятъ въ подвигъ и въ заслугу. Всѣ лучшія свои минуты ему хочется думать не о себѣ, а о томъ, что внѣ его, что ве-

лико, безкорыстно, а здѣсь его заставляютъ усиленно думать о себѣ, о своемъ здоровьи, о своемъ благородствѣ. Въ порывѣ героизма (а такія минуты бываютъ у многихъ) онъ съ восторгомъ сбрасываетъ съ себя всю низкую, себялюбивую жизненную мелочь, а здѣсь его садятъ на мѣсто и говорятъ: сиди тутъ и копайся въ сору, береги свое тѣло, дыши свѣжимъ воздухомъ, работай здоровую работу—и ты будешь спасенъ и благороденъ. Увлечь человѣка можно всѣмъ, даже безумной мечтой, лишь бы въ ней заключались величіе, самопожертвованіе, новизна, подвигъ ради людей, но увлечь его обыденнымъ соромъ—никогда! И поднять также нельзя. Можно идеализировать соръ, можно сдѣлать его самодовольнымъ, но сдѣлать его выше и чище—нѣтъ, никогда! Личную свою жизнь можно возвести въ идеалъ только подъ однимъ условіемъ: совсѣмъ отречься отъ жизни, уйти въ пустыню или залѣзть на столбъ и сидѣть на немъ до смерти. Но если и возможно устроить интеллигентный монастырь, то только для тѣхъ, у которыхъ жизнь поистинѣ сошлась клиномъ»...

Все это и очень тонко, и очень остроумно, и очень справедливо. Но примѣните эти справедливыя соображенія къ народной жизни, и тогда въ какомъ свѣтѣ она намъ представится? Въ свѣтѣ нисколько не идеальномъ, совсѣмъ не въ томъ, въ какомъ ее видѣлъ Каронинъ. Не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ—это давно сказано, это же самое говоритъ Каронинъ, но развѣ *хлѣбъ* не альфа и омега того существованія, которое ведетъ нашъ мужикъ? И такъ, что же?..

III.

Толстовскій Левинъ, въ спорѣ съ своими пріятелями о славянскихъ симпатіяхъ нашего общества, сказалъ: «Я самъ народъ и я не чувствую этого». *Этого*, т.-е. любви къ какимъ бы то ни было «братушкамъ». Понятіе «народъ»—понятіе сложное, и вотъ почему Левинъ, говоря «я самъ народъ», былъ отчасти правъ и отчасти не правъ. Разсуждая вообще, т.-е. имѣя въ виду не Левина, а всю нашу интеллигенцію, можно сказать, что въ экономическомъ, политическомъ, соціальномъ отношеніи интересы интеллигенціи не всегда и не во всемъ совпадаютъ съ интересами народа, но отдѣлять интеллигенцію отъ народа и тѣмъ болѣе противупоставлять ихъ другъ другу, все таки, нѣтъ никакого резона. Развѣ мы не русскіе люди? Правда, современные «патріоты своего отечества» сочинили какихъ-то «истинно-русскихъ» людей, въ отличіе отъ насъ, не истинно-русскихъ, т. е. не согласно мыслящихъ съ ними, но, вѣдь, это такой вздоръ, о которомъ нельзя серьезно говорить. Въ самомъ дѣлѣ,

что такое? Каковы бы ни были мои мнѣнія, все-таки, я, уроженецъ города Костромы и воспитанникъ города Москвы, побольше русскій и побольше патріотъ, нежели разные *овичи*, *евичи*, *штейны* и *оны*, какихъ не мало насчитывается въ рядахъ современныхъ «истинно-русскихъ» людей. Такъ можетъ разсудить каждый чистокровно-русскій интеллигентъ и будетъ совершенно правъ, потому что понятіе народа есть, прежде всего, понятіе антропологическое, расовое, этнографическое. Мой костромской землякъ крестьянинъ Иванъ Петровъ ни на волосъ не болѣе и не менѣе русскій, нежели я, дворянинъ и кандидатъ университета Сидоръ Макаровъ. Мы смотримъ на міръ различно и видимъ не одинаково, потому что онъ глядитъ невооруженными, а я вооруженными глазами, наши частные интересы могутъ находиться въ противорѣчіи, наши личные характеры могутъ не подходить другъ другу, но коренная психическая основа наша совершенно одинакова, потому что источникъ ея лежитъ именно въ расѣ, въ породѣ, въ національности. Различіе между мужикомъ и интеллигентомъ—различіе культурное, а не психическое. Нашъ Сидоръ Макаровъ есть никто иной, какъ образованный Иванъ Петровъ. Они вѣрятъ не въ одно и то же, но ихъ вѣра, какъ нравственное свойство, одинаково, ихъ главнѣйшіе душевные процессы совершаются тождественно. Кающійся дворянинъ и кающійся мужикъ каются не въ одномъ и томъ же, но потребность къ покаянію, къ очищенію своей совѣсти, и способности къ нему у нихъ однѣ и тѣ же. Кающійся дворянинъ *Борской колоніи* Каронина бѣжитъ изъ города въ деревню, чтобы «опроститься», «уплатить народу долгъ» и проч., и проч. Кающійся мужикъ, какъ некрасовскій Власъ, *точно также* отказывается отъ всякихъ стяжаній и мірскихъ благъ и посвящаетъ себя «дѣлу Божьему». Не тѣ результаты и не тѣ формы, но самое содержаніе процесса одно и то же. Способность къ энтузіазму, доходящему до полнаго самоотверженія, потребность въ какомъ-нибудь авторитетѣ, общительность, добродушіе, отсутствіе предусмотрительности, совѣстливость и проч. и проч.,—всѣ эти положительныя и отрицательныя нравственныя свойства съ одинаковымъ удобствомъ можно наблюдать и въ русскомъ народѣ, и въ русской интеллигенціи. Насъ разъединяютъ съ народомъ не чувства, не симпатіи, а воззрѣнія. Въ торжественныя историческія минуты, когда общая цѣль до того ясна, что для теоретическихъ разногласій не остается мѣста, всѣ мы

сливаемся въ одномъ чувствѣ, безъ различія степени развитія и образованія, въ чувствѣ любви къ своему отечеству.

Русь не шелохнется,
Русь—какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
Искра сокрытая —
Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы накошены!
Рать поднимается
Неисчислимая.
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!

Нашъ ярославецъ это очень недурно сказалъ...

Тема, затронутая нами, обширна и требуетъ обстоятельнаго развитія, но для нашей ближайшей цѣли сдѣланныхъ замѣчаній достаточно. Противопоставленіе народа и интеллигенціи, невѣрное въ большинствѣ случаевъ, производилось Каронинымъ именно на психологической почвѣ, т. е. какъ разъ на той, гдѣ оно является въ особенности невѣрнымъ. «Мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго, мужикъ же чувствомъ должнаго и неизбѣжнаго». Изъ чего это видно? Конечно, наше понятіе о *неизбѣжномъ* совсѣмъ не такъ широко, какъ у нашего мужика-фаталиста, но это дѣло умственнаго развитія и вся правда въ этомъ случаѣ на нашей сторонѣ. *Мы живемъ чувствомъ пріятнаго и прекраснаго*—неужели? Какая счастливица русская интеллигенція! Намъ припоминается здѣсь простодушно-лукавый вопросъ Санчо-Пансы: «на какія деньги благородные рыцари путешествовать изволятъ?» При крѣпостномъ правѣ, питавшемъ помѣщичью интеллигенцію, утвержденіе Каронина имѣло бы свой смыслъ, хотя, всетаки, относительный, но говорить о теперешней разночинной и трудовой интеллигенціи нашей, что она живетъ чувствомъ пріятнаго, значитъ впадать въ анахронизмъ. Далѣе, «мы дѣлаемъ то, что намъ нравится, мужики—то, что должно дѣлать». Относительно интеллигенціи можно сказать: «устами бы Каронина да медъ пить». Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что огромное большинство нашихъ интеллигентовъ работаетъ не для удовольствія, а въ силу необходимости, и такъ какъ, съ другой стороны, мужикъ пашетъ землю отнюдь не вслѣдствіе велѣній долга, а вслѣдствіе такой же необходимости,

то, значитъ, и по этому пункту противопоставленіе Каронина лишено всякаго значенія. «Когда жизнь намъ не даетъ того, чего мы желаемъ, что кажется намъ пріятнымъ, мы считаемъ ее неудавшеюся; мужики же считаютъ скверною ту жизнь, которая дала ему одни только грѣхи». Въ семьѣ не безъ урода, и, конечно, между нами есть такіе, которые хотѣли бы всю жизнь срывать цвѣты удовольствія, но, всетаки, о семьѣ судятъ не по уродамъ, а по ея здоровымъ членамъ. *Неудавшаяся* жизнь есть *безполезная* жизнь—вотъ какъ мы давно привыкли думать, до того долго, что еще Онѣгинъ и Печоринъ выражали свое недовольство жизнью именно въ этомъ смыслѣ. А развѣ боязнь прожить безполезно не есть боязнь грѣха? Вѣдь, паразитство — смертный грѣхъ. Съ другой стороны, не такъ же ужъ святы и мужики. Во-первыхъ, и между ними не мало «уродовъ», въ видѣ разныхъ кабатчиковъ, кулаковъ и ростовщиковъ, которые считаютъ свою скверную жизнь не только правильной, но даже образцовой и требуютъ къ себѣ уваженія; во-вторыхъ, и въ жизни настоящаго мужика-земледѣльца не мало грѣховъ, которые — это особенно важно—онъ даже не считаетъ грѣхами. «Учить» жену вожжами, проучивать «барина» поджогами и т. п. и за всѣмъ тѣмъ, ходить съ открытымъ лицомъ и съ яснымъ взглядомъ—это не святость, а безсознательность. Наконецъ, «мы страдаемъ отъ того, что не удовлетворяемъ своихъ желаній, мужикъ же отъ того, что не исполнилъ какой-то высшей воли». На это мы замѣтимъ, что есть желанія и желанія. Если желаніе хорошо, то вполнѣ почтенно и страданіе отъ невозможности исполнить это желаніе. Каронину слѣдовало бы остановиться на этомъ пунктѣ. Что же касается страданій мужика отъ неисполненія имъ высшей воли, то, признаемся, о такихъ превыспренностяхъ мы до сихъ поръ не слыхивали.

Послѣ сказаннаго, заключеніе Каронина: «не думаю, чтобы эта разница была къ нашей выгодѣ»,—отпадаетъ само собою. Никакой существенной разницы нѣтъ. Наша совѣсть ничѣмъ не хуже совѣсти мужика и жизнь наша нисколько не грѣшнѣе его жизни. Между тѣмъ, эта мнимая «разница», это восторженное превознесеніе мужика надъ нами лежало въ основѣ міросозерцанія Каронина. Именно это убѣжденіе или эта вѣра и наложили печать идеализма на всю его литературную дѣятельность. Было время, когда такая идеализація народа имѣла свои оправданія, но время это прошло, и слава Богу, что прошло. Мы радуемся этому не

только потому, что мы такимъ образомъ стали ближе къ правдѣ, но и потому, что это свидѣтельствуетъ о ростѣ самого мужика: дѣйствительную силу нѣтъ надобности идеализировать, прихорашивать и теперь ужъ никто не сомнѣвается въ томъ, что «мужикъ сѣръ, да умъ-то у него не чортъ съѣлъ». Не только «порвалась цѣпь великая», но уже выросло и возмужало поколѣніе людей, не испытавшихъ тяжести крѣпостнаго состоянія, и къ этимъ людямъ пора и можно относиться не какъ къ малолѣтнимъ, а какъ къ равнымъ, безъ причмокиваній и присюсюкиваній, съ трезвою критикой, нисколько не исключающею самой горячей благожелательности.

Какъ бы то ни было, Каронинъ дѣлалъ хорошее дѣло и дѣлалъ его хорошо. Имѣть талантъ—не заслуга, а счастіе, заслуга состоитъ въ томъ, чтобы честно воспользоваться своимъ преимуществомъ, чтобы послужить имъ «разумному, доброму, вѣчному»; Каронинъ былъ одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ нашихъ писателей, и это—его заслуга. Онъ идеализировалъ, но не фальсифицировалъ народную жизнь, изображалъ ее всегда вѣрно и только, по нашему крайнему разумѣнію, судилъ о ней неправильно. Неправильныя сужденія устранить легко, если налицо факты, послужившіе основаніемъ для этихъ сужденій. Это дѣло критики, но цѣнныя наблюденія, которыя сдѣланы писателемъ, правдивыя картины, оставленныя имъ, долго не потеряютъ своего значенія и доживутъ, быть можетъ, до того страстно желаннаго времени, когда русскій народъ будетъ въ состояніи сознательно сказать «сердечное спасибо» всѣмъ своимъ радѣтелямъ и печальникамъ. Въ спискѣ ихъ именъ не будетъ пропущено и имя Николая Елпидифоровича Петропавловскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 1

I. В. Г. Бѣлинскій.
I. Введеніе.—II. Дѣтство Бѣлинскаго.—III. Бѣлинскій въ гимназіи.—IV. Бѣлинскій въ университетѣ.—V. Начало литературной дѣятельности Бѣлинскаго.—VI. Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Москвѣ.—VII. Жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ Петербургѣ.—VIII. Заключеніе. 2 — 73

II. Левъ Толстой.
I. Критики Толстого.—II. Искусство Толстого.—III. Философія Толстого . . . . . 74 —226

III. Н. В. Шелгуновъ . . . . . 227—252

IV. Всеволодъ Гаршинъ . . . . . 253—282

V. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ . . . . . 283—304

VI. Поэтъ «забытыхъ словъ». (А. М. Жемчужниковъ). 305—323

VII. Глѣбъ Успенскій.
I. Общая характеристика.—II. Интеллигенція въ произведеніяхъ Успенскаго. — III. Народъ въ произведеніяхъ Успенскаго. . . . . 324—418

VIII. Ѳ. М. Рѣшетниковъ . . . . . 419—457

IX. Н. Н. Златовратскій. . . . . 458—507

X. Н. Е. Петропавловскій (Каронинъ) . . . . . 508—522

1 р. 50 к.